ДЭВИД БРИН

БЕРЕГ БЕСКОНЕЧНОСТИ

БЕРЕГ БЕСКОНЕЧНОСТИ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ДЭВИД БРИН

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

DAVID

BRIN

INFINITY'S SHORE

ДЭВИД

БРИН

БЕРЕГ БЕСКОНЕЧНОСТИ

АСТ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕРМАК
Москва
2003

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Б87

Серия основана в 1999 году

David Brin
INFINITY'S SHORE
1996

Перевод с английского А. Грузберга

Серийное оформление А. Кудрявцева

Художник М. Калинкин

Печатается с разрешения автора
и его литературного агента Ralph M.Vicinanza Ltd.
c/o Toymania LLC.

Подписано в печать 29.07.03. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 36,12. Тираж 8000 экз. Заказ № 1547.

Брин Д.

Б87 Берег бесконечности: Фантаст. роман / Пер. с англ. А. Грузберга. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. — 685, [3] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-019869-8 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9577-0455-5 (ЗАО НПП «Ермак»)

Перед вами сага о Возвышении.

Сага о борьбе землян за собственное место в многоликом Сообществе Пяти Галактик.

Сага, которая началась, когда земной звездолет «Стремительный» обнаружил давно забытый и блуждающий в космосе Брошенный флот Прародителей...

Сага, которая продолжается новой историей звездолета «Стремительный», нашедшего приют на запретной планете, на которой нет — и не должно быть — разумных существ.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© David Brin, 1996
© Перевод. А. Грузберг, 2003
© ООО «Издательство АСТ», 2003

Ариане Мэй, нашему великолепному посланцу, которая выскажется за нас на пороге фантастического двадцать второго века

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Аскс — член Совета высоких мудрецов Джиджо, представляющий расу треки.

Баскин Джиллиан — агент Террагентского Совета и врач, исполняющая обязанности капитана космического корабля «Стремительный» с экипажем из дельфинов.

Блейд — синий квуэн, сын Грызущей Бревно; резчик по дереву и друг Сары Кулхан.

Брукида — дельфин, металлург, член экипажа «Стремительного».

Вуббен — высокий мудрец, представитель г'кеков.

Гек — г'кек, прозвище (подражание людям) сироты, выросшей в Вуфо̊не. Подруга Олвина.

Грязнолапый — дикий нур, прозванный так Двером Кулханом.

Двер — сын бумажника Нело Кулхана, главный следопыт Общины Шести Рас.

Дединджер — человек, фанатик, который хочет, чтобы все расы Джиджо регрессировали и когда-нибудь могли снова возвыситься из невинности.

Джесс — молодой охотник из племени Серых Холмов. Прежний мучитель Рети.

Джими — «блаженный», дальше других продвинувшийся по Тропе Избавления.

Джома — молодой сын взрывника Хенрика.

Джоп — древесный фермер из деревни Доло, приверженец древних Священных Свитков.

Джошу — бывший поклонник Сары Кулхан, странствующий переплетчик, который умер во время эпидемии в Библосе.

Древние — общее название «ушедших на пенсию» рас из Фрактального скопления.

Заки — дельфин самец, астронавт третьего класса, член экипажа «Стремительного».

Йии — самец ур, изгнанный из домашней сумки прежней супругой. Позже «женился» на девушке сунере Рети.

Каа — дельфин, пилот «Стремительного». Прежде был известен как Счастливчик Каа.

Каркаеттт — инженер, помощник капитана «Стремительного».

Кембел Лестер — высокий мудрец, представляющий людей на Джиджо.

Кипиру — прежний главный пилот «Стремительного», пропавший на Китрупе.

Клешня — красный квуэн, друг Олвина, вырезавший батискаф «Мечта Вуфона» из древесного ствола.

Крайдайки — дельфин, бывший капитан корабля «Стремительный» с экипажем из дельфинов. Пропал на Китрупе несколько лет назад.

Кунн — человек, пилот корабля ротенов-даников.

Курт — глава гильдии взрывников, дядя Джомы.

Ларк — натуралист, младший мудрец Общины и еретик.

Линг — женщина даник, член экипажа корабля ротенов. Опытный биолог.

Макани — самка дельфин, старший врач корабля «Стремительный».

Мелина — покойная жена Нело Кулхана, мать Ларка, Сары и Двера.

Мопол — самец дельфин, астронавт второго класса со «Стремительного».

Нело — мастер-бумажник из деревни Доло, патриарх семейства Кулханов.

Нисс — разумный компьютер, предоставленный «Стремительному» агентами разведки тимбрими.

Один-В-Своем-Роде — древний мульк-паук, который должен был уничтожить руины на хребте Риммер.

Олвин — человеческое прозвище Хф-уэйуо, хуна-подростка из поселка Вуфон.

Озава Дэйнел — помощник мудреца, знающий тайны человеческой расы.

Орли Томас — агент Террагентского Совета, приписанный к «Стремительному», пропал на Китрупе. Муж Джиллиан Баскин.

Пипое — дельфин, самка; генетик и медицинская сестра со «Стремительного».

Прити — неошимпанзе; служанка Сары, увлекающаяся математикой.

Пурофски — мудрец из Библоса, специалист в области фундаментальных проблем физики.

Ранн — предводитель людей даников на борту корабля ротенов.

Рети — девушка сунер, бежала из варварского племени в Серых Холмах.

Ро-кенн — «повелитель» ротен; его последователями-людьми были Ранн, Линг, Беш и Кунн.

Ро-пул — возможно, подруга Ро-кенна, убитая перед Битвой на Поляне.

Стронг Лена — участница экспедиции Дэйнела Озавы в Серые Холмы.

Суэсси Ханнес — инженер со «Стремительного», превращенный в киборга Древними.

Тейн — ученый из Библоса, ухаживавший за Сарой Кулхан.

Тиуг — алхимик треки из кузницы на горе Гуэнн, активный помощник кузнеца Уриэль.

Тш'т — дельфин, самка, некогда пятая по старшинству в экипаже «Стремительного», сейчас вместе с Джиллиан Баскин выполняет обязанности капитана.

Ульгор — урская лудильщица и сторонница Урунтая.

Ум-Острый-Как-Нож — синий квуэн, высокий мудрец, представляющий квуэнов.

Уорли Дженин — участница экспедиции Дэйнела Озавы в Серые Холмы.

Ур-Джа — ур, высокий мудрец.

Урдоннел — ученица кузнеца, помощница Уриэль.

Уриэль — ур, мастер кузнец с горы Гуэнн.

Ур-ронн — урская подруга Олвина. Участница экспедиции на «Мечте Вуфона», племянница Уриэль.

Утен — натуралист, серый квуэн. Помогал Ларку написать путеводитель по джиджоанским видам.

Фаллон — следопыт в отставке, прежний учитель Двера.

Фвхун-дау — высокий мудрец, представитель хунов.

Фу Ариана — заслуженный высокий мудрец, представитель людей (в отставке).

Харуллен — серый квуэн, интеллектуал. Предводитель секты еретиков, которые считали, что незаконные поселенцы должны добровольно прекратить размножаться и дать Джиджо возможность вернуться к невозделанному состоянию.

Хикахи — была третьей по старшинству на «Стремительном», утеряна на Китрупе.

Хуфу — любимый нур Олвина.

Хф-уэйуо — формальное хунское имя Олвина.

Шен Джени — сержант милиции, человек.

Эваскс — груда колец джофур, трансформировавшаяся из прежнего мудреца Аскса путем добавления мастер-кольца.

Эмерсон Д'Аните — человек, инженер, ранее был членом экипажа корабля Террагентского Совета «Стремительный», пока не разбился на Джиджо.

Те, кто стремится к мудрости, часто ищут ее в высочайших высотах или в глубочайших глубинах.

Однако чудеса встречаются на отмелях, где зарождается, процветает и умирает жизнь.

Какой пик, какая гора способны преподать такие же суровые уроки, как текущая река, риф, о который разбиваются волны, или могила?

Из стенной надписи буйуров, найденной в болотах вблизи Далекого Влажного Убежища

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

(На пять джадуров раньше)

КАА

Какая странная судьба провела меня
Сквозь зимние ураганы
Мимо пяти галактик?

Только чтобы найти убежище
На заброшенной планете (обнаженным!)
В ламинарной роскоши!

Так думал он, ныряя или качаясь на волнах, сильными ударами хвоста бросая вперед свое гладкое серое тело, наслаждаясь ласковыми прикосновениями воды к обнаженной плоти.

Пятнистый солнечный свет отбрасывал сверкающие столбы на хрустально прозрачные отмели, проникал сквозь путаницу плавучих морских растений. Серебристые местные существа, похожие на рыб с плоскими челюстями, соблазнительные на взгляд, двигались в светлых зонах. Каа подавил инстинктивный порыв к преследованию.

Может быть, позже.

Вода вокруг не маслянистая, она не липнет к телу, как в жирных морях Оакки, зеленой-зеленой планеты, где словно мыльные пузыри каждый раз вырываются из дыхала, когда он поднимался на поверхность, чтобы подышать. Впрочем, и дышать-то на Оакке не стоило. На этой ужасной планете не хватит доброго воздуха, чтобы оживить впавшую в кому выдру.

И вкус у этого моря хороший, не такой резкий, как на Китрупе, где каждая вылазка за пределы корабля давала смертельную дозу тяжелых металлов.

По контрасту вода на планете Джиджо кажется чистой, со слабым соленым привкусом, который напоминает Каа о могучем течении, проходящем мимо Флоридской академии в его счастливые дни на далекой Земле.

Он попытался прищуриться и сделать вид, что он дома, гоняется за кефалью в Бискайском заливе, в безопасности от жестокой вселенной. Но попытка не удалась. Отличие первостепенной важности продолжало напоминать, что он в чужом мире.

Звуки.

...гул прибоя в континентальном шельфе — сложный ритм, определяемый притяжением не одной луны, а трех.

...эхо волн, ударяющихся о берег, жесткий песок которого обладает своеобразной острой текстурой.

...редкие далекие стоны, которые исходят словно от самого дна океана.

...возвратные колебания его собственных сонарных щелчков, отразившиеся от стай рыбообразных существ, которые необычным образом шевелят плавниками.

...и прежде всего гул двигателей — звучание механизмов, которое заполняет дни и ночи Каа уже пять долгих лет.

А теперь и другой щелкающий стонущий звук. Сжатая поэзия долга.

Смягчись, Каа, и расскажи нам
Исследовательской прозой,
Безопасно ли нам прийти.

Этот голос преследует Каа подобно трепещущей звуковой совести. Он неохотно поворачивает назад, к подводной лодке «Хикахи», собранной из частей древних кораблей, разбросанных по дну глубоководной впадины, — временному сооружению, вполне соответствующему экипажу из неудачливых беглецов. Двери-раковины громоздко раскроются, подобно челюстям огромного хищника, выпустив остальных вслед за ним, если он даст знать, что все чисто.

Каа послал ответ на тринари, усилив его с помощью специального устройства, вживленного в череп за левым глазом.

Если бы речь шла только о воде,
Мы бы сейчас были на небе.
Но подождите! Я проверю, что наверху!

Его легкие уже предъявляли требования, поэтому он подчинился инстинкту и по спирали понесся к сверкающей поверхности. Готова ты, Джиджо, или нет — я иду!

Ему нравится пронзать напряженную границу между небом и морем, на мгновение лететь в невесомости, а затем снова погружаться с всплеском и пеной. Тем не менее он не сразу решился вдохнуть. Приборы предсказывают земноподобную атмосферу, тем не менее он нервничал при первом вдохе.

Во всяком случае вкус у воздуха лучше, чем у воды. Каа развернулся, радостно молотя хвостом. Он доволен, что лейтенант Тш'т из всех добровольцев выбрала его. Он первый дельфин, первый уроженец Земли, который поплыл в этом сладком чужом море.

И тут он увидел рваную серо-коричневую линию, очень близкую, пересекающую весь горизонт.

Берег.

Горы.

Он остановил вращение, чтобы разглядеть континент — населенный, как они уже знают. Но кем?

Никакой разумной жизни на Джиджо не должно быть.

Может, они просто прячутся здесь, как и мы, от враждебного космоса.

Это одна из теорий.

По крайней мере мы выбрали приятную планету, добавил он, наслаждаясь воздухом, водой и великолепными рядами облаков над гигантскими горами. Интересно, вкусная ли здесь рыба.

Мы ждем тебя,
Нервничая в тесном шлюзе.
Может, нам поиграть в карты?

Каа поморщился, уловив сарказм лейтенанта. Он торопливо ответил пульсирующими волнами.

Судьба снова улыбнулась нам,
Усталой банде мошенников.
Добро пожаловать, друзья, на Берег Бесконечности.

Может показаться самонадеянным, что он снова помянул богиню случая и судьбы, капризную Ифни, которая всегда готова преподнести экипажу «Стремительного» новый сюрприз. Еще одно неожиданное несчастье или чудесное спасение. Но Каа всегда чувствовал близость к этой неформальной богине космонавтов. В Террагентской исследовательской службе могут быть пилоты и получше его, но никто так не уважает случай. Разве не прозвали его Счастливчиком?

До последнего времени он им и был.

Он услышал снизу звук открывающихся дверей-раковин. Вскоре к нему присоединятся Тш'т и остальные — в этом первом осмотре поверхности Джиджо, планеты, которую они до сих пор видели недолго только с орбиты, а потом из глубочайшей и самой холодной морской впадины. Вскоре появятся его товарищи, но у него есть еще несколько мгновений одиночества — шелковистая вода, ритмы прилива, ароматный воздух, небо и облака.

Взмахнув хвостом, он приподнялся в воде и осмотрелся. Это не обычные облака, понял Каа, глядя на огромную гору, возвышающуюся на востоке, чья вершина окутана белыми завитками. Линзы, имплантированные в правый глаз, настрои-

лись на спектральный анализ, посылая сигналы в оптический нерв: пар, двуокись углерода, подземный жар.

Вулкан, понял Каа, и его возбуждение и радость чуть схлынули. В геологическом смысле очень неспокойная часть планеты. Те же силы, которые делают эту часть хорошим убежищем, одновременно могут и принести опасность.

Наверно, этим и объясняются стоны, подумал он. Сейсмическая активность. Взаимодействие мини-землетрясений и прорывов газа из коры с накрывающим их слоем моря.

Но тут его внимание привлекло еще что-то — примерно в том же направлении, но гораздо ближе, бледное пятно, которое тоже могло бы быть облаком, если бы не то, как оно движется: хлопает, подобно птичьему крылу, и раздувается под ветром.

Парус, решил Каа. Он следил, как корабль поворачивает через фордевинд — двухмачтовая шхуна, грациозная, такая знакомая по Карибскому морю дома.

Нос ее разрезает воду, оставляя след, в котором так любят играть дельфины.

Линзы снова приспособились, увеличили изображение, и Каа разглядел смутные двуногие фигуры, которые натягивают снасти и деловито работают на палубе, как обычный морской экипаж.

Только это не люди. Каа видел чешуйчатые спины, посредине которых выделяется острый хребет-позвоночник. Ноги поросли длинной белой шерстью, а под широкими подбородками раздуваются лягушачьи мембраны: экипаж поет, сопровождая ритмичными звуками работу. Пение Каа смутно слышит даже на расстоянии.

Он с холодком понял, что узнает эти существа.

Хуны! Что, ради Пяти Галактик, они здесь делают?

Каа услышал шелест хвостовых плавников — к нему поднимаются Тш'т и остальные. Он должен сообщить, что здесь живут враги Земли.

И мрачно осознал: эта новость еще не скоро позволит ему вернуть себе прежнее прозвище.

Каа снова подумал о ней, капризной богине неопределенной судьбы. И вспомнил собственную фразу на тринари, которую произнес в окружающих водах чужого мира.

Добро пожаловать.
Добро пожаловать.
Добро пожаловать на берег Ифни.

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

НЕЗНАКОМЕЦ

Существование напоминает блуждания по обширному беспорядочному дому. Дому, разрушенному землетрясениями и огнем, а теперь заполненному горьким непонятным туманом. И каждый раз как он пытается приоткрыть какую-нибудь дверь, заглянуть в маленький уголок прошлого, каждое такое открытие сопровождается волнами острой боли.

Со временем он научается не обращать внимание на эту боль. Скорее каждый такой приступ для него верстовой столб, сигнал, знак, подтверждающий, что он на верном пути.

Его прибытие на эту планету — стремительное падение сквозь обжигающее небо — должно было бы закончиться милосердной тьмой. Но какая удача бросила его обожженное тело в зловонное болото?

Странная удача.

С тех пор он познакомился с самыми разными видами страданий — от сильнейшей боли до легких уколов. И, каталогизируя их, узнал, как много видов боли существует.

Эта ранняя боль, сразу после падения, хриплая и громкая, исходила от ран и ожогов, боль такой силы, что он почти не заметил пестрый экипаж местных дикарей, который плыл к нему на самодельной лодке, словно грешники, вытя-

гивающие падшего ангела из топкой трясины. Они не дали ему утонуть, но только предоставили другому, более страшному проклятию.

Эти существа настаивали, чтобы он боролся за жизнь, тогда как ему гораздо легче было бы не сопротивляться.

Позже, когда самые явные раны залечились или заросли, к симфонии боли присоединились новые голоса.

Боли сознания.

В его жизни зияют дыры, обширные слепые зоны, темные и пустые, где когда-то исчезнувшие воспоминания преодолевали мегапарсеки и световые года. Каждый провал вызывает немоту и ледяное оцепенение — это гораздо мучительней зуда, когда нельзя почесаться.

С тех пор как начал странствовать по этому удивительному миру, он постоянно всматривается в темноту внутри. И с оптимизмом цепляется за мелкие трофеи этой непрерывной битвы.

Один из таких трофеев — Джиджо.

Он мысленно ощупывает это слово, перекатывает его в сознании — название планеты, где в диком мире живут шесть рас изгнанников. Смешанная культура, подобной которой нет нигде среди мириадов звезд.

Второе слово после неоднократных повторов приходит легче — Сара. Она вырвала его из лап почти неминуемой смерти в своем древесном доме, выходящем на примитивную водяную мельницу, она успокаивала его, смягчала панику, когда он, очнувшись, видел клешни, когти и груды слизистых колец — хунов, треки, квуэнов и других, совместно ведущих здесь грубую примитивную жизнь.

Он знает и другие слова, такие, как Курт и Прити, — это друзья, которым теперь он доверяет почти так же, как Саре. Приятно вспоминать их имена: слова приходят почти так же легко и без усилий, как и в дни до того, как его искалечило.

Одним недавним достижением он особенно гордится.

Эмерсон.

Это его собственное имя, которое он так долго не мог вспомнить. Сильнейший шок вырвал его, высвободил несколько дней назад — вскоре после того как он спровоцировал отряд повстанцев-людей, заставил предать своих урсских союзников. По сравнению с той схваткой бои в космосе кажутся стерильными. Кровавое безумие кончилось с неожиданным взрывом, который разорвал грязную палатку, проник сквозь закрытые веки Эмерсона, подавил стражников разума.

Вот тогда, сквозь ослепляющие лучи, он мельком увидел своего капитана.

Крайдайки.

Ослепительное сияние превратилось в светящуюся пену, поднятую ударами хвостового плавника. Из пены показалась длинная серая фигура, бутылкообразная голова заканчивается пастью, в которой сверкают зубы. Скользкая голова улыбнулась, несмотря на страшную рану за левым глазом, почти такую же, как та, что лишила Эмерсона дара речи.

Из многообразных пузырей сформировались слова — на языке, неведомом ни туземцам Джиджо, ни великим галактическим кланам.

В поворотах
циклоида
Приходит время
вырваться на поверхность.

Время
возобновить
дыхание.
Присоединиться
к снам
большого моря.

Пришло время
и для тебя, мой старый друг.
Время проснуться
и увидеть, что буйствует.

Поразительное узнавание сопровождалось волнами страшной боли, хуже любого физического страдания или раздражающей немоты.

Тогда его едва не одолел стыд. Ибо никакая рана, ничто, кроме смерти, не должно было заставить его забыть —

Крайдайки.

Землю.

Дельфинов.

Ханнеса.

Джиллиан.

Как могли они выскользнуть из его сознания на те месяцы, что он бродит по этому варварскому миру в лодке, на барже и в караване?

Сознание вины едва не поглотило его при этом узнавании, но новые друзья нуждались в нем, в его действиях, нужно было воспользоваться кратким временем преимущества сразу после взрыва, победить похитителей и сделать их пленниками. И в сумерках, опустившихся на разорванную палатку и разбросанные тела, он помогал Саре и Курту связывать уцелевших врагов: уров и людей — хотя Сара считала эту передышку временной.

Вскоре к фанатикам подойдут подкрепления.

Эмерсон знал, чего хотят эти мятежники. Им нужен он. Не секрет, что он пришел со звезд. Повстанцы хотят продать его небесным охотникам, надеясь променять его побитое тело на гарантированное выживание.

Как будто теперь, когда Пять Галактик их обнаружили, что-то может спасти расы изгнанников на Джиджо.

Теснясь к угасающему костру, лишенные убежища, кроме порванной палатки, Сара и остальные смотрели, как горько-холодные созвездия пересекают грозные предзнаменования.

Сначала могучий космический титан, устремившийся к ближайшим горам, стремящийся к ужасной мести.

А потом, по тому же пути, пролетел второй гигант, такой огромный, что тяготение Джиджо словно слабело, когда он пролетал над головой, наполняя всех страшными предчувствиями.

И вскоре среди горных вершин мелькнула золотая молния — ссора гигантов. Но Эмерсону все равно, кто победил. Он видел, что ни один из кораблей не его, не тот космический дом, к которому он стремится и молится, чтобы никогда больше его не увидеть.

Если ему повезло, «Стремительный» должен быть далеко от этого обреченного мира, и в трюме его сокровище древних загадок — быть может, ключ к новой галактической эре.

Разве все его жертвы и страдания не должны были облегчить бегство корабля?

После того как гиганты пролетели, остались только звезды и холодный ветер; он раскачивал сухую степную траву, когда Эмерсон ходил в поисках разбежавшихся вьючных животных. С ослами его друзья могут успеть уйти до появления новых фанатиков.

Но тут послышался гулкий звук, земля под ногами задрожала, ритмичная последовательность продолжалась —

таранта таранта
таранта таранта

Это могут быть только копыта уров, те самые подкрепления мятежников, которые снова превратят их в пленников.

Но чудесным образом из темноты появились союзники — неожиданные спасители, уры и люди, которые привели с собой поразительных животных.

Лошадей.

Оседланных лошадей, которые для Сары были явно таким же сюрпризом, как и для него. Эмерсон считал, что на планете эти животные исчезли, однако вот они, появляются в ночи, словно сон.

Так начался следующий этап его одиссеи. Поездка на юг, бегство от тени мстительных кораблей, движение к неспокойному вулкану.

И вот теперь его искалеченное сознание не знало покоя — есть ли план? Цель?

Старик Курт, очевидно, верит этим поразительным спасителям, но в этом должно быть что-то еще.

Эмерсон устал от бегства.

Он скорее устремился бы навстречу опасности.

Его лошадь скачет вперед, а к фоновой музыке всей его жизни присоединяются новые боли — натертые бедра, измученная спина, в которой при каждом толчке вспыхивает боль.

таната таната таната-тара
таната таната таната-тара

Он испытывает чувство вины, словно от сознания невыполненного долга, его печалит вероятная участь новых друзей на Джиджо — теперь, когда тайная колония обнаружена.

И однако.

Со временем Эмерсон приспособился к седлу. Когда восходящее солнце высушило росу на веерообразных деревьях на речном берегу, рои ярко окрашенных насекомых замелькали в косых лучах, опыляя поля пурпурных цветов. Сара с улыбкой оглядывалась со своей лошади, и Эмерсону становилось не так больно. Даже страх перед ужасными космическими кораблями, гневным высокомерным ревом двигателей расколовшими небо, не мог унять растущее возбуждение беглецов, приближавшихся к чему-то неведомому.

Эмерсон сам не мог сдержаться. В его характере было хвататься за любую, самую слабую надежду. И топот лошадиных копыт по древней почве Джиджо показался ему знакомым, напомнил ритмичную музыку, совсем не похожую на горестную песнь.

тарантара, тарантара
тарантара, тарантара

И сквозь эти настойчивые звуки неожиданно что-то внутри щелкнуло. Тело невольно среагировало: с мозга словно сорвали какой-то покров, из-под него хлынули неожиданные

слова в сопровождении мелодии, от которой замирает сердце. Потоком рефлекторно полились стихи, устремились сквозь легкие и горло прежде, чем он понял, что поет.

Хотя наше тело и сознание (таранта, таранта)
Скованы робостью (таранта)
И слепы (таранта, таранта)
К поджидающей нас опасности (таранта) —

Друзья улыбались — такое случалось и раньше.

Но когда опасность близка (таранта, таранта),
Мы так же бесстрашны (таранта),
Как любой другой,
Как любой другой!

Сара смеется, подхватывая припев, и даже мрачные уры из эскорта вытягивают длинные шеи и подпевают.

Но когда опасность близка (таранта, таранта),
Мы так же бесстрашны (таранта),
Как любой другой,
Как любой другой!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Каждая из рас сунеров, составляющих Общину Джиджо, по-своему рассказывает историю своего появления здесь. Эта история передавалась из поколения в поколение и объясняла, почему предки расы отказались от богоподобных сил и рисковали страшными наказаниями, чтобы добраться до этого места, теснились на крадущихся кораблях, минуя институтские патрули, роботов-стражников и шары зангов. Семь волн грешников, и каждая засевала своим семенем этот мир, на котором поселяться запрещено. Мир, который должен был прийти в себя, отдохнуть от таких, как мы.

Первыми в эту местность между туманными горами и священным морем, которую мы называем Склоном, прилетели г'кеки — через полмиллиона лет после отлета с Джиджо последних законных обитателей планеты, буйуров.

Почему основатели г'кеки добровольно отказались от своей прежней жизни звездных богов? Почему решили жить примитивной жизнью, лишенной удобств технологии и моральных оправданий, кроме нескольких выгравированных на платине свитков?

Легенды говорят, что г'кеки спасались от грозившего им уничтожения, от страшного наказания за долги в азартных играх. Но мы точно этого не знаем. Письмо, по крайней мере до появления людей, было забыто, поэтому любые рассказы могли исказиться с ходом времени.

Но мы знаем, что не пустая мелкая угроза заставила их отказаться от жизни меж звездами, искать убежища на тяжелой Джиджо, где их колесам трудно приходилось на скалистой почве. Неужели своими четырьмя глазами, расположенными на концах грациозных стебельков и глядящими одновременно во все стороны, предки г'кеков разглядели, как темные ветры галактики несут к ним страшную судьбу? Неужели то первое поколение не видело другого выхода? Возможно, они обрекли своих потомков на эту суровую жизнь только в виде последнего, крайнего выхода.

Вскоре после г'кеков, примерно две тысячи лет назад, с неба торопливо спустилась группа треки, словно спасаясь от преследования ужасного врага. Не тратя времени, треки затопили свои корабли в глубочайшей морской впадине и поселились, превратившись в самое миролюбивое племя.

Какой рок изгнал их со спиральных линий?

Любой житель Джиджо, глядя на знакомые груды жирных колец, испускающие ароматные запахи и рассеивающие мирную мудрость в любой деревне на Склоне, и представить себе не может, что у треки есть враги.

Со временем они рассказали свою историю. Враг, от которого они бежали, не другая раса, не было и смертельной вендетты со стороны звездных богов Пяти Галактик. Нет, они бежали от самих себя, от особой своей сути. Некоторые кольца, компоненты их физического тела, были в последнее время модифицированы и превратились в ужасные существа, в джофуров, могучих и ужасных, которых боялись все благородные галактические кланы.

Такую судьбу треки-основатели считали непереносимой. И поэтому предпочли участь незаконных беглецов — сунеров, на запретном мире, чтобы избежать ужасной судьбы.

Обязательства быть великими.

Говорят, глейверы прилетели на Джиджо не из страха, а в поисках пути Избавления — своего рода забвения невинности, которое все стирает с грифельной доски. В достижении

этой цели они преуспели больше всех остальных, показав всем нам путь, если мы решимся пойти по нему.

Станет ли эта священная дорога нашей или нет, мы должны уважать их достижение: из проклятых беженцев они превратились в расу благословенных простодушных существ. Останься они бессмертными межзвездными богами, их можно было бы привлечь к ответственности за преступления, включая незаконное вторжение на Джиджо. Но теперь они достигли убежища, чистоты невежества и могут начать все сначала.

Мы снисходительно позволяем глейверам рыться в помойках, искать под упавшими стволами деревьев насекомых. Некогда обладавшие могучим интеллектом, теперь они не числятся среди рас сунеров Джиджо. Больше грехи предков их не пятнают.

Квуэны первыми из прибывших испытывали осторожное тщеславие.

Ведомое фанатичными, похожими на крабов матронами, первое поколение колонистов-квуэнов решительным щелчком всех пяти клешней отказалось от самой мысли о союзе с другими обитателями Джиджо. Напротив, квуэны стремились к господству над остальными расами.

Со временем, когда синие и красные квуэны отказались от своей старинной роли слуг и пошли своим путем, план господства рухнул. Разгневанные серые императрицы оказались не в силах восстановить прежнюю феодальную верность вассалов.

Когда наших рослых братьев-хунов спрашивают: «Почему вы здесь?», они глубоко вдыхают. Из их удивительных горловых мешков доносится задумчивое ворчание. Раскатистым голосом хунские старейшины рассказывают, что их предки не бежали от большой опасности, угнетения или нежеланных обязательств.

Но тогда почему они прилетели, рискуя жестоким наказанием, если их потомков когда-нибудь застанут ведущими разумную жизнь на Джиджо?

Старейшие хуны лишь раздраженно пожимают плечами, словно сами не знают причины и не хотят, чтобы их об этом спрашивали.

Впрочем, некоторые вспоминают легенду. Согласно этой туманной истории, некогда галактический оракул предложил звездному клану хунов уникальную возможность, если хуны посмеют ею воспользоваться. Возможность вернуть себе нечто отнятое у них, хотя сами они никогда не знали, что что-то утратили. Драгоценное достояние, которое может быть найдено на запретном мире.

Но чаще, когда один из высоких хунов раздувает свой горловой мешок и начинает петь, поет он о грубых плотах, лодках и морских кораблях, которые хуны самостоятельно изобрели вскоре после высадки на Джиджо. Их не знающие чувства юмора звездные братья никогда не догадывались поискать упоминания обо всем этом к Галактической Библиотеке, а тем более пытаться их построить.

Легенды быстроногих уров намекают, что урские прабабки были преступницами и прилетели на Джиджо для размножения — избегая ограничений, наложенных на разумные расы Пяти Галактик. Короткоживущие, горячие, плодовитые, основательницы колонии уров могли заполнить своими потомками всю Джиджо или вымереть, как мифические кентавры, которых они так напоминают.

Но они избежали и того и другого. Напротив, после множества жестоких схваток — у горна и на поле битвы, они заняли почетное место в Общине Шести Рас. Со своими громоподобными стадами, с их владением сталью, они живут среди нас горячей полнокровной жизнью, компенсируя ее кратковременность.

Наконец двести лет назад прилетели земляне, привезя с собой шимпанзе и другие сокровища. Но величайшим даром людей стала бумага. Создав сокровищницу печатных текстов Библос, они стали владыками знаний в нашем жалком сооб-

ществе изгнанников. Книгопечатание и образование изменили жизнь на Склоне, приведя к появлению новых традиций учености, и последующие поколения изгнанников посмели начать изучение своего мира, своей гибридной цивилизации и самих себя.

А что касается причины того, что люди прилетели, нарушив галактические законы и рискуя всем — только для того чтобы спрятаться от страшного неба среди других преступников, то это одна из самых необычных историй, какие рассказывают в кланах изгнанников на Джиджо.

«Этнография Склона»
Дорти Чанг-Джонса и Хуф-алх-Хуо

СУНЕРЫ

ОЛВИН

Ошеломленный и полупарализованный в своей металлической клетке, я не мог определить, сколько времени прошло. Я лишь вслушивался в гудение двигателей механического дракона, который тащил меня и моих друзей в неведомое.

Вероятно, с катастрофы нашей самодельной подводной лодки, нашей прекрасной «Мечты Вуфона», прошло несколько дней, прежде чем я нашел в себе силы задуматься: а что же дальше?

Смутно я помнил морду морского чудовища, какой мы ее впервые увидели в примитивном смотровом окне «Мечты», освещенную самодельными прожекторами. Лишь мгновение мы могли видеть его, пока огромное металлическое чудовище поднималось из черных ледяных глубин. Мы вчетвером: Гек, Клешня, Ур-ронн и я — уже приготовились к смерти и забвению на морском дне. Наша экспедиция потерпела неудачу, нам больше не хотелось морских приключений, мы, как испу-

ганные дети, в ужасе опустошали желудки, ожидая, пока жестокая пропасть не превратит деревянный корпус нашей лодки в щепки.

Неожиданно эта огромная фигура метнулась к нам и раскрыла огромную пасть, в которую целиком вошла наша «Мечта Вуфона».

Ну, почти вся. Проходя в челюсти, мы получили страшный удар.

И этот удар расколол нашу крошечную капсулу.

То, что последовало за этим, вспоминалось смутно и болезненно.

Вероятно, смерть все преодолевает, но с момента удара бывали мгновения, когда спина у меня так болела, что мне хотелось в последний раз раздуть свой поврежденный горловой мешок и попрощаться с молодым Олвином Хф-уэйуо, начинающим лингвистом, писателем, хьюмикером, смельчаком и невнимательным сыном Му-Фауфка и Йоуг-уэйуо из порта Вуфон, Склон, Джиджо, Четвертая Галактика, Вселенная.

Но я остался в живых.

Вероятно, сдаваться не по-хунски — после всего, через что прошли мы с моими друзьями. А что, если выжил только я? Я в долгу перед Гек и остальными и должен продолжать.

Моя клетка — тюремная камера? больничная палата? — размером всего два метра на два и три. Тесновато для хуна, хотя и не совсем взрослого. А когда внутрь втискиваются шестиногие демоны в металлических костюмах и пытаются лечить мою раненую спину, щупая ее с (надеюсь) неуклюжей осторожностью, становится еще теснее. Несмотря на все их усилия, боль накатывается волнами, и мне отчаянно хочется получить лекарства, которые готовит Старый Вонючка — наш домашний аптекарь-треки.

Мне приходит в голову, что я больше никогда не смогу ходить, не увижу свою семью, полет птиц над кораблями-мусорщиками, причаленными под куполом защитных деревьев Вуфона.

Я пытался разговаривать с гигантскими насекомыми, входящими в мою комнату и выходящими из нее. Хотя у каждого из них туловище длиннее тела моего отца, с вздутием на конце, с трубообразной раковиной крепче буйурской стали, я все равно представлял себе их как гигантских фувнтусов, этих шестилапых паразитов, которые грызут стены деревянных домов, издавая сладковатый запах.

Но пахнут эти твари перенапрягшимися машинами. Вопреки моим попыткам заговорить на дюжине земных и галактических языков, они еще менее разговорчивы, чем настоящие фувнтусы, которых мы с Гек ловили, когда были поменьше, и пытались научить выступать в миниатюрном цирке.

Все это мрачное время мне не хватало Гек. Не хватало ее быстрого г'кекского ума и остроумного сарказма. Не хватало даже ее привычки дергать меня за мех на ногах, чтобы привлечь внимание, когда я в хунском моряцком трансе слишком долго смотрел на горизонт. Я помню, как беспомощно вращались ее колеса в пасти морского чудовища сразу после того, как гигантские челюсти стиснули нашу драгоценную «Мечту» и мы растянулись среди осколков любительской подводной лодки.

Почему я не бросился к подруге сразу после страшных мгновений крушения? Как мне ни хотелось этого, я не мог преодолеть кричащий ветер, который ворвался в помещение, вытесняя горькое море. Вначале мне приходилось бороться за каждый вдох. А потом, когда я попытался двинуться, спина не слушалась.

В эти смутные мгновения я видел также Ур-ронн, которая извивала свою длинную шею, кричала и била всеми четырьмя ногами и двумя тонкими руками в ужасе от подступающей страшной воды. Замшевая кожа Ур-ронн порезана осколками стеклянного иллюминатора, который она гордо изготовила в вулканической мастерской кузнеца Уриэль; из ран течет кровь.

Острая Клешня тоже здесь, он лучше нас приспособлен для выживания под водой. Красный квуэн Клешня привык ползать на своих пяти хитиновых когтях по дну соленых отме-

лей, хотя даже он не выдержал бы погружения в бездонную пропасть. В этом смутном воспоминании, мне кажется, Клешня был жив, или я себя обманываю?

Последнее мое воспоминание перед тем, как погрузиться во тьму, — какие-то страшные образы-чудовища, и я пришел в себя, одинокий и бредящий, в этой камере.

Иногда фувнтусы каким-то образом облегчают боль в спине, и я готов выложить им все свои тайны. Разумеется, если бы они меня расспрашивали. Но они этого никогда не делают.

Поэтому я даже не намекал на поручение, данное нам кузнецом Уриэль — поискать запретное сокровище, которое много столетий назад наши предки оставили на морском дне. Тайник, оставленный первыми урскими поселенцами, прежде чем они отказались от своих кораблей и высоких технологий и стали еще одной падшей расой. Только какая-то крайняя необходимость могла заставить Уриэль нарушить Соглашение и пойти на такую контрабанду.

Думаю, «крайняя необходимость» — это необходимость справиться с чужаками-грабителями, которые сорвали праздник собрания Шести Рас и угрожают всей Общине геноцидом.

Постепенно боль в спине настолько ослабла, что я смог порыться в рюкзаке и продолжить записи в измятом дневнике, чтобы довести рассказ о наших злополучных приключениях до самых последних событий. Это немного улучшило мое настроение. Если даже никто из нас не выживет, дневник может каким-нибудь образом попасть домой.

Я вырос в маленькой хунской деревушке на Склоне, поглощая приключенческие книги Кларка и Ростанда, Конрада и Ксу Ксанга, и мечтал о том, что когда-нибудь жители Склона скажут: «Эй, этот Олвин Хф-уэйуо был настоящим рассказчиком, не хуже старинных земных».

Возможно, это мой последний и единственный шанс.

И вот я целые мидуры проводил, сжимая в своем большом хунском кулаке короткий огрызок карандаша и исписывая стра-

ницы, ведущие к этой — рассказывал о том, как оказался в таком ужасном-ужасном состоянии:

— Как четверо друзей построили самодельную подводную лодку из шкуры скинка и ствола гару, собираясь поискать сокровища на дне Великой Помойки.

— Как кузнец Уриэль в своей горной кузнице поддержала наш проект, превратив его из незрелой мечты в настоящую экспедицию.

— Как мы вчетвером пробрались в обсерваторию Уриэль и услышали слова мудреца-человека о звездных кораблях в небе, которые, возможно, несут Шести Расам предсказанное наказание.

— И как «Мечта Вуфона» повисла на тросе у Окончательной скалы, где священная траншея Помойки проходит вблизи суши. И Уриэль, свистя раздвоенной верхней губой, рассказала, что действительно на севере приземлился корабль. Но этот крейсер принес не галактических чиновников. Напротив, к нам прилетели преступники, худшие даже, чем наши грешные предки.

И вот мы задраили люк, и большая лебедка начала поворачиваться. Но когда мы достигли указанного места, то обнаружили, что тайник Уриэль исчез! Хуже этого — когда мы отправились на поиски этой проклятой сокровищницы, «Мечта Вуфона» заблудилась и свалилась с края подводного утеса.

Перелистав назад несколько страниц, я вижу, что отчет о нашем путешествии написан тем, кто испытывает острую боль. Однако и сейчас я не могу передать всей драматичности происходившего. Особенно в той сцене, где дно под нашими колесами исчезает и мы обрушиваемся в подлинную Помойку.

К верной гибели.

Пока нас не подхватили фувнтусы.

И вот я проглочен металлическим китом, во власти загадочных молчаливых существ, не знаю, живы ли мои друзья или я остался один. Искалечены они или умирают.

Имеют ли отношение наши похитители к тому кораблю, который приземлился на севере?

Или это еще одна загадка из древнего прошлого Джиджо? Может быть, последние уцелевшие буйуры? Или еще более древние призраки?

Ответов нет, и так как я кончил рассказ о падении и гибели «Мечты Вуфона», не решаюсь тратить драгоценную бумагу на бесполезные размышления. Нужно отложить карандаш, хотя это лишает меня последней защиты от одиночества.

Всю жизнь меня вдохновляли человеческие книги, и я представлял себя героем какого-то великого сказания. Но теперь я сохраню рассудок, если научусь терпеть.

Научусь беззаботно позволять проходить времени.

Жить и думать, как подобает хуну.

АСКС

Можете называть меня Асксом.

Вы, мои многоцветные кольца, собранные в высокую коническую груду, испускающие ароматные запахи, сообща кормящиеся питательным соком, который течет по нашей сердцевине, или разделяющие воск памяти, стекающий с нашей сенсорной верхушки.

...вы, кольца, играющие разную роль в нашем общем теле, в толстом конусе ростом почти с хуна, тяжелом, как синий квуэн, и медленно движущемся по поверхности, как престарелый г'кек с треснувшей осью.

...вы, кольца, каждый день голосующие, возобновлять ли нашу коалицию.

От вас, кольца, я/мы требую теперь решения. Продолжать ли это существование? Этого Аскса?

Унитарные существа: люди, уры и остальные наши дорогие партнеры в изгнании — упрямо пользуются этим именем, Аскс, чтобы обозначить эту свободно соединенную груду жирных торов, как будто у меня/нас действительно есть закрепленное имя, а не простой ярлычок ради удобства.

Конечно, все унитарные существа абсолютно безумны. Мы, треки, давно примирились с тем, что приходится жить во вселенной, заполненной эготизмом.

Но с чем мы не можем примириться — и именно в этом причина нашего изгнания на Джиджо, — так это с перспективой стать самыми эготическими из всех.

Некогда наша/моя груда раздутых колец играла роль скромного деревенского аптекаря вблизи морских болот у Далекого Влажного Убежища и нашими секрециями помогала другим. Постепенно наша/моя груда стала пользоваться все большим уважением, нас назвали Аскс, назначили главным мудрецом и членом Руководящего Совета Шести от треки.

И вот мы стоим на выжженной земле, которая раньше была прекрасной праздничной поляной. Наши сенсорные кольца и невральные щупальца отшатываются от видов и звуков, которых не могут перенести. И мы буквально ослепли, наши составляющие торы подавлены жесткими полями двух близких космических кораблей, огромных, как горы.

Но вот ощущение присутствия эти кораблей рассеивается.

Мы остаемся во тьме.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?

Успокойтесь, мои кольца. Такое происходило и раньше. Слишком сильный шок может нарушить связь колец в груде, вызвать провалы в кратковременной оперативной памяти. Но есть другой, более надежный способ понять, что случилось. Невральная память непрочна. Насколько надежней рассчитывать на медленный и основательный воск.

Изучите свежий воск, который соскальзывает с нашего общего сердечника, еще горячий, несущий на себе отпечатки недавних событий на этой самой злополучной поляне, где некогда стояли пестрые павильоны и счастливые ветры Джид-

жо раздували праздничные флажки. Типичный праздник, ежегодное собрание Шести Рас, отмечающих столетний мир. Пока.

Это воспоминание мы ищем?

Смотрите, звездный корабль опускается на Джиджо! Не крадется ночью, как корабли наших предков. Не остается далеким, как загадочные шары зангов. Нет, это высокомерный крейсер из Пяти Галактик, и им руководят загадочные чужаки по имени ротены.

Проследите это воспоминание до самой первой встречи с повелителями ротенами, вышедшими наконец из своего подземного логова, такими прекрасными и благородными в своей снисходительности, излучающими мощную харизму, которая затмила даже их слуг, небесных людей. Как великолепно быть звездным богом! Даже богом, который по галактическим законам является преступником.

Разве они не ослепляют своим сиянием нас, жалких варваров? Как солнце затмевает восковую свечу?

Но мы, мудрецы, осознали ужасающую истину. Наняв нас как местных специалистов, которые помогли бы им ограбить этот мир, ротены не могут позволить себе оставлять свидетелей.

Они не оставят нас живыми.

Нет, это слишком далеко в прошлое. Попробуй еще раз.

Как насчет этих других сине-серых отпечатков, мои кольца? Столба красного пламени, вспыхнувшего в ночи? Взрыва, разнесшего на части наше священное паломничество? Помните ли вы вид станции ротенов-даников, ее искореженные и дымящиеся балки? И еще более страшное зрелище — трупы одного ротена и одного небесного человека?

При дневном свете ротены и наши высокие мудрецы обмениваются грязными обвинениями. И угрозами.

Нет, это происходило день назад. Погладьте воск, который застыл позже.

* * *

По нашему маслянистому сердечнику пролегает широкая полоса ужаса. В ее цветах/текстуре смешиваются горячая кровь с холодным огнем, издавая дымный запах горящих деревьев и обожженных тел. Помните ли вы, как Ро-кенн, уцелевший повелитель ротен, клянется отомстить шести расам и напускает на нас своих убийц-роботов?

«Убить всех на месте! Смерть всем, кто увидел нашу тайну!»

Но тут произошло чудо! Взводы нашей собственной храброй милиции. Они высыпали из окружающего леса. Джиджоанские дикари, вооруженные только стрелами, пулевыми ружьями и храбростью. Помните ли вы, как они напали на парящих демонов смерти и победили их!

Воск не лжет. Все произошло в считанные мгновения, а эти старые кольца треки могли только тупо смотреть на страшную битву, пораженные тем, что мы/ я еще не превратились в пылающую груду колец.

И хотя вокруг нас лежало множество мертвых и раненых, победа была полная. Победа всех Шести Рас! Ро-кенн и его богоподобные слуги были разоружены и широко раскрытыми от удивления глазами смотрели на этот поворот вечно вращающейся кости Ифни.

Да, мои кольца. Я знаю, что это не последнее воспоминание. Все это произошло много мидуров в прошлом. Очевидно, с тех пор что-то случилось. Что-то ужасное.

Возможно, вернулся из разведывательного полета корабль даников с разгневанным воином небесным человеком, который боготворит своих повелителей ротенов. Или мог вернуться главный корабль ротенов, ожидая богатую биодобычу, но обнаружив все образцы уничтоженными, станцию разрушенной, а товарищей взятыми в заложники.

Это может объяснить запах черного опустошения, который заполняет теперь нашу сердцевину.

Но дальнейшие воспоминания пока недоступны. Воск еще не застыл.

Для треки это означает, что ничего такого не происходило.

Пока не происходило.

Возможно, дела не так плохи, как кажутся.

Этот дар мы, треки, получили на Джиджо. Способность, которая позволяет компенсировать многое из того, что мы оставили позади, когда покинули звезды.

Способность думать о желаемом.

РЕТИ

Яростный ветер полета срывал влагу с глаз и избавлял ее от стыда из-за текущих по щекам слез. Но Рети продолжала плакать от ярости, думая о всех своих утраченных надеждах. Лежа вытянувшись на жесткой металлической платформе, цепляясь за ее края руками и ногами, она боролась с ветром, а ветви деревьев хлестали ее по лицу, застревали в волосах и оставляли кровоточащие царапины.

Но в основном она цеплялась изо всех сил, сражаясь за жизнь.

Машина чужаков под ней должна быть ее верным слугой! Но эта проклятая штука не замедляет свое паническое отступление, хотя опасность осталась далеко позади. Если Рети сейчас упадет, в лучшем случае ей понадобится много дней, чтобы вернуться в родную деревню, где всего мидур назад произошла короткая жестокая стычка.

Мысли ее мешались. За несколько сердцебиений все ее планы рухнули, и все по вине Двера!

Она слышала стоны молодого охотника, которого под ней держали в плену металлические руки. Поврежденный робот продолжал лететь вперед, и Рети забыла о страданиях Двера, которые он сам на себя и навлек, пройдя весь путь к Серым Холмам из своего безопасного дома у моря — со Склона, — где живут шесть разумных рас на гораздо более высоком уровне невежественной бедности, чем клан дикарей, в котором она родилась. Зачем слопи пешком бредут за две тысячи лиг, чтобы добраться до проклятой пустыни?

Чего надеялись достичь Двер и его друзья? Завоевать диких родичей Рети?

Да хоть бы весь ее вонючий род забрал! И всех урских сунеров, которых Кунн покорил огнем из своей громогласной летающей лодки. Двер может забирать их всех. Но не мог ли он спокойно подождать в лесу, пока они с Кунном не закончили бы свои дела и не улетели? Зачем ему потребовалось ускорять события и нападать на робота, на котором была она?

Он это сделал из зависти. Не мог вынести, что я единственная на всей Джиджо имела шанс улететь с этой проклятой планеты.

Но в глубине души Рети знала другое. Так поступать не в характере Двера.

Зато в моем характере.

И когда он снова застонал, Рети гневно пробормотала:

— Тебе будет еще хуже, Двер, если из-за тебя я не улечу с этого комка грязи!

Вот и конец ее торжественному возвращению.

Вначале казалось забавным вернуться. Спуститься с затянутого облаками неба в серебряной стреле Кунна, гордо появиться под изумленные оханья оборванных родичей, которые целых четырнадцать лет угнетали ее. Достойная кульминация ее отчаянного замысла, когда всего несколько месяцев назад она наконец набралась мужества и убежала от грязи и обид, отправилась на поиски сказочного Склона, который когда-то покинули ее предки, когда предпочли «свободную» жизнь диких сунеров.

Свободную от вездесущих законов мудрецов о том, каких животных можно убивать. Свободную от раздражающих правил, сколько детей можно иметь. Свободную от жизни с соседями, четвероногими или пятиногими и даже катящимися на колесах.

Рети презрительно фыркнула, подумав об основателях своего племени.

Свободную от книг и медицины. Свободную для жизни диких животных!

Сытая этой жизнью по горло, Рети отправилась на поиски чего-то лучшего.

Путешествие едва не погубило ее — ей пришлось пересекать ледяные потоки и выжженные пустыни. Но хуже всего досталось на высоком горном переходе, когда она вслед за загадочной металлической птицей попала в сеть мульк-паука. Эта сеть превратилась в смертельную ловушку, когда ее нити сомкнулись и из них закапали золотистые нити.

Пришло непрошеное воспоминание: Двер прорубается сквозь ужасную чащу со сверкающим мачете в руке, а потом защищает ее своим телом, когда паутину охватывает огонь.

Рети вспомнила яркую птицу, охваченную пламенем, предательски сбитую точно таким же роботом, как ее «слуга». Тем самым, который сейчас несет ее Ифни знает куда.

Мысли Рети смешались: резкий поворот едва не сбросил ее за борт. Она гневно закричала на робота:

— Идиот! В тебя больше никто не стреляет! Это были всего лишь несколько слопи, и все они были пешими. Ничто на Джиджо не может больше поймать тебя!

Но взбесившаяся машина продолжала нестись вперед, скользить на подушке невероятной божественной силы.

Рети подумала, не чувствует ли робот ее презрение. Дверу и двум-трем его друзьям, вооруженным грубыми огненными плаками, потребовалось всего несколько дуров, чтобы обезоружить и прогнать так называемый боевой корабль, хотя при этом они и сами пострадали.

Ифни, какой удар. Она посмотрела на покрытую черной гарью дыру, оставшуюся на месте антенны после неожиданного нападения Двера. Как я объясню все это Кунну?

Статус Рети как почетного звездного бога и так был хрупок. Рассерженный пилот может просто бросить ее в этих холмах, где она выросла, среди дикарей, которых она презирает.

Я не вернусь в племя, поклялась она. Скорее присоединюсь к диким глейеверам, буду поедать насекомых с туш животных на Отравленной равнине.

Конечно, во всем виноват Двер. Рети с ненавистью прислушалась к стонам молодого глупца.

Мы направляемся на юг, куда улетел Кунн. Робот, должно быть, должен доложить лично, теперь, когда он не может говорить на расстоянии.

Вспомнив, каким мастерством в пытках владеет Кунн, Рети начала надеяться, что рана Двера снова откроется. Умереть от потери крови для него гораздо лучше.

Летящая машина миновала Серые Холмы и теперь неслась над поросшей деревьями равниной. Ручьи сливались, превращаясь в реку, которая, медленно извиваясь, текла на юг.

Полет стал спокойней, и Рети рискнула сесть. Но робот не стал выбирать естественный кратчайший путь над водой; напротив, он следовал каждому изгибу и редко отходил от речных отмелей.

Местность казалась приятной. Пригодной для скота и земледелия, если вы знаете, как это делать, и не боитесь быть пойманными.

Рети вспомнила все чудеса, которые видела на Склоне, после того как едва спаслась из паутины мульк-паука. Там были всевозможные виды мастерства, которых не знает племя Рети. И все же, несмотря на свои хитроумные водяные мельницы и сады, несмотря на металлические инструменты и бумажные книги, слопи казались изумленными и испуганными, когда Рети добралась до знаменитой Поляны Праздников.

Шесть рас вывело из равновесия недавнее прибытие звездного корабля, с которым кончилась двухтысячелетняя изоляция.

Рети пришельцы из космоса казались чудесными. Хозяевами корабля были невидимые ротены, но управляли им люди, такие красивые и всезнающие, что Рети все отдала бы, лишь бы стать похожей на них. Чтобы не быть обреченной дикаркой с обожженным лицом, влачащей жалкую жизнь на запретной планете.

У нее появился смелый замысел и правдами и неправдами она его осуществила! Рети познакомилась с этими высокомер-

ными людьми: Линг, Беш, Кунном и Ранном — сумела заслужить их расположение. И когда ее попросили, с радостью провела Кунна к лагерю своего племени, всего лишь за четверть дня повторив свой маршрут и жуя галактические лакомства, когда смотрела в окно лодки на пролетающие внизу пустыни.

Годы обид были вполне вознаграждены изумленными взглядами испуганных родичей: ведь грязная девчонка неожиданно превратилась в Рети, звездную богиню.

Если бы только этот триумф продолжался.

Она вернулась к действительности, услышав, что Двер зовет ее по имени.

Перегнувшись через край, Рети увидела его обветренное лицо и растрепанные черные волосы, слипшиеся от пота. Самодельная повязка на одной ноге окровавлена, хотя свежей крови Рети не видит. Захваченный безжалостными щупальцами робота, Двер одной рукой прижимает свой драгоценный, ручной работы лук, как будто это последнее, с чем он готов расстаться перед смертью. Рети не могла поверить, что когда-то ей хотелось украсть это примитивное оружие.

— Чего тебе? — спросила она.

Молодой охотник посмотрел ей в глаза. Голос его звучал хрипло.

— Можно мне немного воды?

— Если бы она у меня была, — ответила Рети, — назови хоть одну причину, по которой я должна с тобой поделиться!

Шорох у пояса. Из сумки показалась узкая голова и длинная шея. Сверкнули три темных глаза — два с веками и один без, фасеточный, как драгоценный камень.

...жена, не лги ему! у жены есть бутылка с водой! йии чует ее горечь.

Рети со вздохом приняла это неожиданное вмешательство своего миниатюрного «мужа».

— Осталась всего половина. Никто не предупредил меня, что я отправляюсь в путешествие.

Маленький самец ур неодобрительно засвистел.

...жена, поделись с ним, иначе тебе не повезет! ни одна нора не спасет наших личинок!

Рети едва не возразила, что ее брак с йии ненастоящий. У них никогда не будет «личинок». Но йии, кажется, хочет пробудить ее совесть, хотя ясно ведь, что каждый за себя.

Мне не следовало рассказывать ему, как Двер спас меня от мульк-паука. Говорят, самцы уры тупы. Неужели мне повезло выйти замуж за гения?

— Ну ладно!

Бутылка, чудо работы чужаков, весила меньше, чем жидкость в ней.

— Не урони ее, — предупредила она Двера, опуская красную ленту. Двер с радостью схватил бутылку.

— Нет, дурак! Крышка не вынимается, как пробка. Поворачивай ее, пока она не снимется. Вот так. Ничего не знающий джики слопи!

Она не стала добавлять, что концепция отвинчивающейся крышки и ее поставила в тупик, когда Кунн и остальные впервые предоставили ей временный статус даника. Конечно, потом она освоилась.

Рети нервно смотрела, как он пьет.

— Не пролей! И не смей пить все! Слышишь? Хватит, Двер. Прекрати. Двер!

Но он продолжал жадно пить, не обращая внимания на ее гневные протесты. Когда бутылка опустела, Двер улыбнулся потрескавшимися губами.

Слишком пораженная, чтобы действовать, Рети знала: на его месте она поступила бы так же.

Да, подтвердил внутренний голос. Но от него ты этого не ожидала.

Ее гнев усилился, когда Двер изогнулся, наклонил тело в направлении стремительного полета робота. Прищурившись на ветру, он держал петлю от бутылки в руке и словно чего-то ждал. Летящая машина миновала невысокий холм, перескочив через колючие заросли, потом снова начала спускаться, едва уклоняясь от древесных стволов. Рети крепко держалась,

закрыв йии в сумке. Когда самая опасная часть спуска кончилась, она снова перегнулась через край и отскочила, встретив пару черных глаз-бусинок!

Опять этот проклятый нур. Тот самый, которого Двер называет Грязнолапым. Несколько раз темное гибкое существо пыталось выбраться из промежутка между торсом Двера и вмятиной в борту робота. Но Рети не нравилось, как нур смотрит на йии, пускает слюну, оскаливая острые зубы. Теперь Грязнолапый стоял на груди Двера, цепляясь передними лапами и готовясь к новой попытке.

— Убирайся! — Она замахнулась на узкую улыбающуюся морду. — Хочу посмотреть, что делает Двер.

Со вздохом нур вернулся в свое убежище на боку робота.

Показалась синяя вспышка, и Двер бросил бутылку. Она с всплеском ударилась о мелкую воду, оставляя за собой след. Молодому человеку пришлось сделать несколько попыток, прежде чем бутылка повисла открытым горлышком вперед, наполнилась и Двер потянул ее к себе.

Я тоже об этом думала. Если бы была близко, попробовала бы.

Двер потерял много крови, поэтому справедливо дать ему напиться, прежде чем вернуть ей бутылку.

Да. Это справедливо. И он бы тоже поступил так. Вернул бы бутылку полной.

Рети посмотрела в лицо неприятной мысли.

Ты ему доверяешь.

Он враг. Он причинил тебе и даникам множество неприятностей. Но ты доверяешь Дверу свою жизнь.

Когда придет время встать перед поклоняющимся ротенам звездным воином, подобной веры Кунну у Рети не будет.

Двер в последний раз наполнил бутылку и протянул ее Рети.

— Спасибо, Рети, я у тебя в долгу.

Щеки ее вспыхнули, и ей не понравилось это ощущение.

— Забудь об этом. Просто кинь петлю.

Он попытался. Рети чувствовала, как петля скользнула по ее пальцам, но после нескольких попыток поняла, что не может ее схватить. Что будет, если я не смогу вернуть ее?

Из своей узкой ниши появился нур и взял петлю в зубы. Вскарабкался на грудь Двера, потом использовал в качестве опоры разбитую трубу лазера и подобрался ближе к руке Рети. Что ж, подумала она. Если он хочет быть полезным.

И когда она протянула руку, нур прыгнул, используя эту протянутую руку словно ветку дерева. Рети взвыла, но прежде чем она смогла что-то сделать, Грязнолапый уже сидел наверху и самодовольно улыбался.

Маленький йии завопил. Самец ур убрал голову в сумку и затянул изнутри молнию.

Рети увидела на рукаве пятна крови и попыталась сбросить сумасшедшего нура. Но Грязнолапый легко уклонился, подобрался поближе, виновато улыбнулся, низко заворчал и двумя проворными лапами протянул бутылку с водой.

Тяжело вздохнув, Рети приняла ее и позволила нуру сесть поблизости — но подальше от йии.

— Кажется, мне никак от вас не избавиться, приятели, — вслух сказала она.

Грязнолапый зачирикал. А снизу послышался короткий смешок Двера, иронический и усталый.

ОЛВИН

Мне было одиноко и больно в этой тесной металлической клетке. Отдаленный гул двигателей напоминал колыбельную, которую пел отец, когда я болел ишиасом или чесоткой пальцев ног. Иногда звук повышался, и мои чешуйки начинали зудеть. Похоже на стон обреченного деревянного корабля.

Наконец я уснул.

...и проснулся в ужасе: два одетых в металл шестиногих чудовища пытались упрятать меня в сооружение из стальных трубок и петель. Вначале мне показалось, что это орудие пытки из эпохи до контакта. Я такое однажды видел на иллюстра-

ции Доре к «Дон Кихоту». Сопротивление ни к чему не привело, только стало еще больнее.

Наконец в замешательстве я сообразил. Это не орудие пыток, а корсет, сделанный по форме моего тела: он должен принять на себя тяжесть, чтобы уберечь поврежденную спину. Когда меня поставили на ноги, я пытался подавить панику, ощутив прикосновение холодной стали. Удивленно и облегченно покачиваясь, я обнаружил, что могу немного ходить, хотя на каждом шагу морщился.

— Ну, спасибо, большие отвратительные жуки, — сказал я ближайшему фувнтусу. — Но могли бы меня и предупредить.

Я не ждал ответа, но один из них повернул свой бронированный корпус — с горбом на спине и расширением в конце — и наклонился ко мне. Я решил, что это поклон вежливости, хотя, вероятно, для них значил совсем другое.

На этот раз выходя они оставили дверь открытой. И я впервые вышел из своего стального гроба и двинулся вслед за массивными созданиями по узкому коридору.

Я уже догадался, что нахожусь на какой-то подводной лодке, достаточно просторной, чтобы в ее трюме поместился весь хунский экипаж самого большого корабля с морей Джиджо.

Тем не менее мне она показалась какой-то мешаниной разнообразных частей. Я вспомнил Франкенштейна, сделанного из частей множества трупов. Таким же казался и этот гигантский корабль, который тащит меня неведомо куда. Всякий раз когда мы проходили мимо люка, мне казалось, что он ведет в другой корабль, сделанный совсем другими мастерами совсем иной цивилизации. В одной секции палуба и переборки были из клепаных листов стали. Другая зона сделана из какого-то волокнистого вещества, гибкого, но прочного. Размеры коридоров менялись, они становились то узкими, то широкими. Половину пути мне приходилось сгибаться под низким потолком: не очень приятно, учитывая состояние моей спины.

Наконец со свистом отошла скользящая дверь. Фувнтус изогнутым щупальцем поманил меня вперед, и я вошел в тус-

кло освещенное помещение, гораздо больше моей прежней клетки.

Сердце мое радостно забилось. Передо мной были мои друзья! Все — и все живые!

Они собрались у круглого иллюминатора и смотрели на черные океанские глубины. Я мог бы попытаться незаметно подобраться к ним, но у квуэнов и г'кеков глаза буквально на спине, так что застать врасплох Гек и Клешню очень непросто.

(Несколько раз мне это удавалось.)

Когда они выкрикнули мое имя, Ур-ронн повернула свою длинную шею и на четырех стучащих копытах всех перегнала. Мы обнялись.

Первой вернулась к норме Гек. Она крикнула Клешне:

— Следи за своими когтями, Крабья Морда! Сломаешь мне ось. Все отойдите. Разве не видите, что Олвин ранен? Освободите для него место.

— Смотри, кто говорит, — ответила Ур-ронн. — Твое левое колесо только что едва не лишило его пальцев ног, Осминожья Голова!

Сам я этого не заметил, так был счастлив, услышав их ядовитые подростковые шутки.

— Хр-рм. Дайте-ка я на вас посмотрю. Ур-ронн, ты кажешься гораздо более сухой, чем в последний раз.

Наша урская подруга радостно заржала сквозь свою носовую перегородку. На ее шкуре виднелись большие голые пятна — туда попала вода при катастрофе.

— Нашим хозяевам потребовалось немало усилий, чтобы выработать правильный уровень влажности в моей гостевой комнате, — ответила она. Видно было, что во многих местах следы грубого шитья — это фувнтусы зашивали разрезы от осколков стекла «Мечты Вуфона». К счастью, у ее племени нет таких брачных игр, как у многих рас. Для уров важна не наружность, а статус. Несколько шрамов помогут Ур-ронн выделиться среди других кузнецов.

— Да. И теперь мы знаем, как пахнет ур, принявший ванну, — добавила Гек. — Им стоит это делать почаще.

— Не тебе говорить. Этот зеленый пот из глаз...

— Ладно, ладно! — рассмеялся я. — Помолчите и дайте мне взглянуть на вас.

Ур-ронн была права. Стебельки Гек нуждались в очистке, и у нее были какие-то неприятности со спицами. Многие поломаны, хотя по краям уже отрастают новые волокна. Но какое-то время ей придется двигаться осторожно.

А что касается Клешни, то он выглядел вполне счастливым.

— Думаю, ты был прав: в глубинах действительно есть чудовища, — сказал я нашему краснопанцирному другу. — Хотя они и не похожи на тех, что ты опи...

Я завопил: спину словно пронзили острые иглы, поднимаясь к шейному хребту. Но я быстро узнал ворчание Хуфу, нашего маленького нура, нашего сувенира. Хуфу радовалась и требовала от меня немедленного ответа. Но прежде чем я смог установить, на что способен мой поврежденный горловой мешок, Ур-ронн присвистнула со стороны темного иллюминатора.

— Они снова включили прожекторы, — сообщила она благоговейным тоном. — Олвин, иди быстрей. Ты только посмотри!

Я неловко занял освобожденное для меня место. Гек погладила мне руку.

— Ты всегда хотел это увидеть, приятель, — сказала она. — Так что смотри и удивляйся.

— Добро пожаловать в Большую Помойку.

АСКС

Вот еще одно воспоминание, мои кольца. Событие, последовавшее за краткой Битвой на Поляне, такой быстролетной, что воинственные крики все еще оскверняют наши изуродованные лесистые ущелья.

Достаточно ли затвердел воск? Можете ли вы прикоснуться/ощутить ужасающую тревогу и пугающую красоту того ве-

чера, когда мы смотрели на летящий над головой жесткий, немигающий огонь?

Проследите жирное воспоминание об этой искре, пересекающей небо, становящейся все ярче по мере приближения.

Никто не может усомниться в том, что это такое.

Крейсер ротенов возвращается за добычей, за биосокровищами, награбленными на уязвимой планете.

Возвращается за оставленными товарищами.

Но вместо генетической добычи экипаж увидит свою станцию разрушенной, а друзей убитыми или захваченными.

Хуже того, нам известна теперь их истинная сущность! Мы, изгнанники, можем свидетельствовать против них в Галактическом суде. Если выживем.

Не нужно быть гением, чтобы понять, какая опасность нам грозит. Нам, шести падшим расам на заброшенной Джиджо.

Как мог бы написать земной автор, мы оказались в груде вонючей мульчи. Очень спелой и глубокой.

САРА

Путь из тревожной неясности привел к чему-то возбуждающему, почти прозрачному.

Но не сразу.

Когда ее неожиданно усадили верхом на скачущее существо прямо из мифа, первой реакцией Сары было удивление, смешанное с ужасом. Фыркающая, с огромной головой, с развевающейся гривой, лошадь была гораздо страшнее каменного памятника уничтоженному виду в городе Тарек. С каждым прыжком ее мускулистый торс изгибался, и у Сары стучали зубы, когда отряд при свете бледной луны пересекал холмы центрального Склона.

После двух бессонных ночей и дней эскадрон легендарных животных словно во сне вошел в разрушенный урский лагерь — в сопровождении урского эскорта. Сара и ее друзья спаслись от плена, их прежние похитители лежали мертвыми или связанными полосками кожи, но она ждала в любой мо-

мент нового рабства. И вот вместо свежих вражеских подкреплений появились эти удивительные спасители.

Удивительные для всех, кроме взрывника Курта, который встретил вновь прибывших как долгожданных друзей. Пока Джома и Незнакомец удивлялись виду настоящих лошадей, Сара не успела мигнуть, как оказалась в седле.

Блейд вызвался остаться у гаснущего костра и позаботиться о раненых, хотя каждый изгиб его синего панциря был полон завистью. Сара охотно поменялась бы местами со своим квуэнским другом, но хитиновая броня слишком тяжела для лошади. Не было времени даже подбодрить Блейда — отряд двинулся тем же путем, каким появился, унося ее в ночь.

От грохота копыт у Сары скоро разболелась голова.

Думаю, все же это лучше плена у шовинистов людей Дединджера и фанатичного Урунтая. Союз фанатиков, опасный, как смесь взрывника, был создан, чтобы захватить Незнакомца и продать его ротенским захватчикам. Но они недооценили загадочного путника. Вопреки утрате речи, звездный человек сумел возбудить вражду между людьми и урами, и эта вражда закончилась кровавой схваткой.

И мы стали хозяевами своей судьбы, хотя и ненадолго.

Но вот иной союз людей и кентавроподобных уров! Более сердечная группа, но столь же решительно стремящаяся утащить ее Ифни знает куда.

Когда светлый Торген поднялся над холмами, Сара смогла разглядеть урских воинов, их бока в боевой раскраске, но не такой кричащей, как у Урунтая. Но в их взглядах то же мрачное пламя, которое обжигает души уров, когда пахнет схваткой. Уры двигались строем в постоянном ожидании засады, держали в стройных тонких руках арбалеты, извивали длинные шеи и все время были настороже. Хоть они и значительно меньше лошадей, это грозный противник.

Еще поразительней были спасители-люди. Шесть женщин, приехавших с севера с девятью оседланными лошадьми, словно ожидали на обратном пути прихватить с собой еще двух или трех человек.

Но нас шестеро. Курт и Джома. Прити и я. Незнакомец и Дединджер.

Не важно. Суровые воины как будто не возражали, садясь по двое на одну лошадь.

Может, поэтому все они женщины? Чтобы тяжесть была поменьше.

Ловко сидя верхом, женщины казались встревоженными, пока ехали по холмистой равнине со множеством ущелий и скальных выступов. Сара догадывалась, что им не нравится передвигаться ночью по незнакомой местности, и вполне их понимала.

Ни одного знакомого лица. Месяц назад это могло бы удивить Сару, учитывая небольшое население Джиджо. Склон оказался гораздо больше, чем она думала.

Двер рассказывал о своих путешествиях по заданиям мудрецов. Он клялся, что побывал повсюду в округе тысячи лиг.

Но ее брат никогда не упоминал об амазонках-всадницах.

Сара даже подумала, не прилетели ли они с другой планеты: похоже, сейчас год космических кораблей. Но нет. Несмотря на несколько необычный сленг, их сжатая речь происходит от джиджоанских диалектов, которые Сара знает по своим исследованиям. И хотя всадницы не были знакомы с местностью, они знали, что нужно сторониться дерева мигурв, когда тропа проходила вблизи его липких листьев. Незнакомца жестами предупредили, чтобы он не трогал их семенных стручков, все же тот от любопытства не удержался и на собственном горьком опыте понял, что поступил так зря.

Сара оглянулась на Курта. Его племянник счастливо и изумленно болтал, обмениваясь широкими улыбками с Незнакомцем.

Сара поправилась.

С Эмерсоном.

Она смотрела на смуглого мужчину, который несколько месяцев назад упал с неба и погрузил свои ожоги и раны в болото у деревни Доло. Это больше не полумертвец, которого она выхаживала в своем древесном доме. Звездный путник

оказался изобретательным и предприимчивым авантюристом. По-прежнему лишенный речи, он несколько мидуров назад миновал поворотный пункт, когда принялся стучать себя в грудь, повторяя единственное слово: Эмерсон — снова и снова. Он гордился подвигом, который нормальные люди воспринимают как нечто само собой разумеющееся. Произнес собственное имя.

Эмерсон верхом на лошади казался как у себя дома. Значит ли это, что лошадей все еще используют на божественных планетах Пяти Галактик? Если это так, то какой цели они могут служить там, где чудесные машины по кивку или подмигиванию выполняют любое желание?

Сара взглянула на свою помощницу шимпанзе: не открылись ли от толчков пулевые раны Прити. Ухватившись обеими руками за пояс всадницы, Прити все время держала глаза закрытыми. Несомненно, она была погружена в свою любимую вселенную абстрактных форм и фигур — лучший мир, чем этот, с его печальной и неупорядоченной нелинеарностью.

Остался Дединджер, предводитель мятежников, который ехал со связанными руками, и Сара не стала жалеть ученого, ставшего пророком. За многие годы обучения своих последователей, когда он направлял жителей пустыни по тропе Избавления, бывший мудрец должен был научиться терпению. Ястребиное лицо Дединжера оставалось совершенно бесстрастным, и Сару это тревожило.

Он на что-то рассчитывает.

Там, где скалистая тропа встречается с открытой равниной, она поворачивает. Вскоре отряд урских воинов Улашту отстал, не в силах поспевать за лошадьми.

Неудивительно, что, когда первые поселенцы люди высадились на Джиджо, уры возненавидели лошадей. Эти животные придают нам мобильность — особенность, которую особенно высоко ценят предводительницы уров.

Два столетия назад, нанеся поражение в битве людям, подлинный Урунтай заявил, что все любимые кони людей — его добыча, и всех их перебил.

Они решили, что если мы вынуждены будем сражаться пешком, то не причиним им неприятностей. Ошибка, оказавшаяся фатальной, когда Дрейк Старший создал коалицию, преследовавшую Урунтай и разбившую его в битве у водопада Мокрых Копыт.

Но, кажется, лошади все-таки не исчезли. Как клан всадников мог все это время оставаться незамеченным?

И самое удивительное: почему они появились сейчас, рискуя обнаружением, чтобы встретиться с Куртом?

Должно быть, виноват кризис звездных кораблей, покончивший с благословенной/проклятой изоляцией Джиджо. Какой смысл хранить тайну, если Судный День наступает?

К тому времени как посветлело затянутое облаками небо, Сара страшно устала, у нее онемело тело. Впереди, вплоть до темно-зеленых болот, расстилалась холмистая местность.

Наконец у затененного ручья всадники спешились. Сару на руках отнесли к одеялу, и она с дрожащим вздохом упала на него.

Во сне она видела людей, которых оставила за собой.

Нело, ее отец, работает на своей любимой бумажной мельнице, не подозревая, что кто-то замышляет разрушить ее.

Мелина, ее мать, семь лет уже мертвая, которая всегда казалась чужаком, с тех пор, как давным-давно пришла в Доло с маленьким сыном на руках.

Хрупкий Джошу, возлюбленный Сары в Библосе, прикосновение которого заставило ее забыть даже о нависающем Каменном Кулаке. Привлекательный обманщик, чья смерть обратила ее в бегство.

Двер и Ларк, ее братья, отправляющиеся на праздник в горные поляны Риммера, туда, где сели звездные корабли.

Мысли Сары мешались, она металась и ворочалась.

Последним она увидела Блейда, чей квуэнский улей, занимавшийся разведением раков, расположен за плотиной Доло. Добрый старина Блейд, который спас Сару и Эмерсона от гибели в лагере Урунтая.

«Кажется, я всегда задерживаюсь, — просвистел ее квуэнский друг сквозь свои ножные щели. — Но не волнуйтесь. Со мной все будет в порядке. Слишком многое происходит, чтобы я мог упустить».

Сара могла полагаться на Блейда как на каменную скалу. Во сне она ответила:

«Я остановлю вселенную, не позволю ей делать что-нибудь интересное, пока ты не покажешься».

Хоть и воображаемый, смех квуэна согрел Сару, и ее тревожный сон сменился более спокойным.

Солнце уже взошло, когда кто-то потряс Сару и вернул ее в мир — одна из молчаливых всадниц, используя архаическое слово «трапеза», объявила, что пора завтракать. Сара неохотно встала: у нее болело все тело.

Она выпила похлебку из зерен, приправленную незнакомыми пряностями треки, а всадницы тем временем седлали лошадей или смотрели, как Эмерсон играет на своем любимом дульцимере, заполняя небольшую долину живой мелодией, вполне подходящей для путешествия. Вопреки своему утреннему раздражению, Сара понимала, что звездный человек старается укрепить свое положение. Песни и музыка помогают ему преодолеть препятствие немоты.

Сара увидела, что Курт связывает свой спальный мешок.

— Послушайте, — сказала она пожилому взрывнику. — Я благодарна вашим друзьям, ценю то, что они нас освободили и все такое. Но неужели вы надеетесь проделать весь путь верхом до горы Гуэнн? — Судя по тону ее голоса, это было все равно что до одного из спутников Джиджо.

На каменном лице Курта появилась редкая улыбка.

— Есть предложения получше? Конечно, ты собиралась отвезти Незнакомца к высоким мудрецам, но путь туда перегородили разгневанные воины Урунтая. И вспомни, прошлой ночью мы видели два звездных корабля, один за другим направлявшихся прямо на Поляну Собраний. Должно быть, у мудрецов руки и щупальца полны других забот.

— Как я могла это забыть? — ответила она. Эти титаны, с ворчанием летевшие по небу, навсегда запечатлелись в ее памяти.

— Ты могла бы укрыться в одной из деревень, мимо которых мы скоро будем проезжать, но разве Эмерсону не понадобится помощь первоклассного аптекаря, когда у него кончатся снадобья Пзоры?

— Если повернем на юг, вскоре достигнем Гентта. Оттуда на корабле можно добраться до города Овун.

— Если корабли еще ходят, а Овун существует. И даже в таком случае нужно ли прятать твоего друга-чужака, когда происходят такие великие события? Что, если ему предстоит сыграть свою роль? Если он может как-то помочь мудрецам и Общине? Неужели ты лишишь его единственной возможности вернуться домой?

Сара понимала, на что намекает Курт: она удерживает Эмерсона, как ребенком не пускала излеченных животных в лес.

Рой сладкоголосых мух окружил Незнакомца, жужжа в ритм с его музыкой, с его странной мелодией. Где он ее услышал? На Земле? У какой-то чужой звезды?

— Во всяком случае, — продолжал Курт, — если ты еще немного выдержишь езду на этих огромных животных, мы достигнем горы Гуэнн быстрее, чем Овуна.

— Это безумие! Если двигаться морем, то нужно по пути миновать Овун. А другой путь еще труднее — через каньоны и Долину.

Глаза Курта сверкнули.

— Мне говорили, что существует более короткий путь.

— Прямой? Прямо на юг? Но за Генттом Равнина Режущего Песка, и даже в хороших условиях пройти ее невозможно, а наши условия не лучшие. Вы не забыли, где у Дединджера есть последователи?

— Не забыл.

— Тогда, если даже мы минуем жителей пустыни и огненные дюны, встретимся со Спектральным Потоком, а по сравнению с ним любая пустыня кажется приятным лугом.

Курт только пожал плечами. Он явно хотел, чтобы она вместе с ним отправилась к далекой мерцающей горе, совсем в стороне от того места, куда Сара должна была доставить Эмерсона. Далеко от Ларка и Двера, от этих ужасных звездных кораблей. К тому священному месту, где Джиджо обновляется — с помощью огненного жара лавы.

ОЛВИН

Возможно, виноват сжатый воздух, которым мы дышим, или непрерывная вибрация двигателей. Или полная темнота снаружи, создающая впечатление бездонной глубины, даже большей, чем та, куда упала наша бедная маленькая «Мечта Вуфона», оказавшись в пасти гигантского металлического морского чудовища. Одинокий луч, намного более мощный, чем самодельные прожектора нашей старой мини-лодки, прорезал черные глубины, открыв зрелище, превосходящее мое самое дикое воображение. Даже яркое творческое воображение Верна, Пьюкино или Мелвилла не помогало подготовиться к тому, что появлялось в круге света, когда мы двигались над дном подводного каньона, усеянного древним мусором. В стремительной последовательности мелькали очертания такого количества титанических предметов, перемешанных друг с другом, что...

Должен признаться, что здесь я в тупике. Согласно учебникам литературы на английском языке, писатель может для описания незнакомых предметов воспользоваться одним из двух основных способов. Первый способ — перечислить зрелища и звуки, размеры, пропорции, цвета — говоря, что этот предмет состоит из собраний колоссальных кубов, связанных прозрачными трубами, а тот напоминает огромный шар с выемкой в одном боку, и из его внутренностей исходит сверкающий поток, жидкая полоска, которая каким-то образом не подчиняется законам тяготения и времени.

О, я могу сплетать слова и рисовать картины, но этот метод не подходил, потому что в то время я не мог бы сказать,

как далеко от нас это все! Глаз тщетно искал точки отсчета. Некоторые объекты, наваленные грудами в панораме грязи, казались такими огромными, что наш гигантский корабль рядом с ними выглядел карликом, как пескарь в стае змей бемо. А что касается цветов, то даже в ярком луче прожектора вода поглощала все цвета, окрашивая предметы в глубоководную серую голубизну. Неплохой цвет для савана в этом месте ледяной смерти.

Другой способ описать неизвестное — это сравнить его с тем, что вы узнаете, только этот способ оказался еще хуже! Даже Гек, способная увидеть сходство вещей, которое никому не приходит в голову, просто растерянно смотрела всеми четырьмя глазами на груды древних отбросов.

О, некоторые предметы казались нам неожиданно знакомыми — например, когда прожектор скользнул по рядам пустых черных окон, разбитых этажей и расколотых стен. Сброшенные грудой, многие затонувшие башни лежали вниз головой и даже друг на друге. Вместе они составляли город такого грандиозного размера, о котором я никогда не слышал, даже не читал в рассказах о прошлом. Но кто-то некогда сорвал огромный мегаполис с фундамента, перенес сюда и сбросил в воду, чтобы переделать единственным способом, возможным для таких гигантов, — в огненных недрах матери Джиджо.

Я припомнил некоторые прочитанные книги о времени Решения на Земле, когда земляне еще до контакта договорились, как спасти свою планету после того, как столетиями обращали в выгребную яму. В детективе Элис Хэммет «Дело полусъеденного клона» убийца избегает наказания за убийство, но получает десять лет заключения только за то, что избавился от улик, сбросив их в море. В те дни люди в целом не делали различий между ямами свалок и океанским дном. Загрязнение есть загрязнение.

Странно было смотреть на эту гигантскую свалку с двух точек зрения. Согласно галактическим законам, это священная часть цикла сохранения Джиджо — сцена преданной забо-

ты. Но, выросший на земных книгах, я мог сменить перспективу и увидеть загрязнение, место ужасного греха.

«Город» остался позади, а мы продолжали смотреть на странные фигуры, непонятные величественные предметы, машины звездной цивилизации, недоступные для осознания простыми смертными. Иногда я видел какие-то сверкания за пределами луча, вспышки молний среди руин, как будто там сохранились древние силы и испускают искры гаснущих воспоминаний.

Мы вполголоса переговаривались, каждый вспоминал то, что знал лучше. Ур-ронн рассуждала о природе материалов, из которых сделаны эти предметы, или какие функции они выполняли. Гек клялась, что видела надписи каждый раз, как луч проходил мимо полосы подозрительной тени. Клешня настаивал, что все это звездные корабли.

Помойка принимала наши предположения точно так же, как все остальное, с терпеливым смертоносным молчанием.

Некоторые огромные предметы уже глубоко погрязли, и над трясиной виднелись только их верхушки. Я подумал: здесь океанская плита Джиджо опускается под Склон, таща с собой кору, грязь и все остальное, что лежит поверх нее, утаскивает в глубину, в бассейны магмы, которые питают вулканы. Со временем все эти могучие предметы станут лавой или драгоценными рудами, чтобы их смогли использовать будущие обитатели этой планеты.

Я вспомнил хрупкий корабль своего отца и его рискованные плавания, когда он вез корзины со священными отбросами. Их посылали все племена Шести, частично расплачиваясь за грехи предков. В ежегодном ритуале каждая деревня прочесывает свою территорию, избавляя от собственных отходов и остатков того, что не убрали буйуры.

Пять Галактик могут наказать нас за жизнь здесь. Но мы жили согласно кодексу и были верны Свиткам.

На хунских собраниях поют сказание о Фу-уфьявуо, капитане мусорного корабля, который однажды увидел приближающуюся бурю и выбросил груз, не добравшись до синих глу-

бин Помойки. Корзины и барабаны полетели в воду далеко от священной траншеи обновления, усеяв морское дно и осквернив ранее безупречно чистое место. В наказание Фу-уфьявуо был связан и отвезен на Равнину Режущего песка, чтобы провести остаток дней в тени дюны. У него хватало зеленой росы, чтобы выжить, но ее недостаточно, чтобы прокормить душу. Со временем его сердечный хребет был размолот в порошок и рассеян по пустыне, где вода не может омыть частицы и снова сделать их чистыми.

Но это Помойка, подумал я, пытаясь справиться с изумлением. И мы первыми видим ее.

Первыми, если не считать фувнтусов. И того, что живет здесь внизу.

Я почувствовал, что устал. Несмотря на корсет и костыли, спина сильно болела. Но мне трудно было оторваться от холодного, как лед, иллюминатора.

Следуя в океанской тьме за лучом прожектора, мы словно спускались в шахту, направляясь к груде драгоценностей — сверкающим предметам в форме игл, или приплюснутых шаров, или стеклянистых оладий, или шишковатых цилиндров. Вскоре перед нами показалась обширная сверкающая груда, больше залива Вуфон, грандиозней вулкана Гуэнн.

— Вот это действительно корабли! — провозгласил Клешня, жестикулируя когтем. Снова прижавшись к стеклу, мы смотрели на гороподобные груды труб, сфер и цилиндров, из которых торчали выступы, похожие на рога или перья встревоженного горного столлера.

— Должно быть, это корабли с-как-ее-там-называют вероятностью, которые используются для полетов между галактиками, — установила Гек, которая много читала о времени «Обители».

— Гребни вероятности, — поправила Ур-ронн на галактическом шесть. В вопросах технологии она разбиралась лучше меня и Гек. — Думаю, ты прав.

Наш квуэнский друг счастливо засмеялся, а прожектор сосредоточился на одной гигантской заостренной кверху гру-

де. Вскоре мы все узнавали общие очертания, знакомые по древним текстам — торговые и курьерские корабли, мелкие суда и крейсеры, все брошенные давным-давно.

Гул двигателей изменился, стал чуть тише. Мы устремились к груде брошенных космических кораблей. Самый маленький из них превосходил импровизированный корабль фувнтусов, как рослый треки возвышается над маленькой кучкой навоза.

— Интересно, есть ли в этой груде корабли наших предков, — вслух размышляла Гек. — Знаете, те самые, что принесли наших отцов-основателей? «Ладду'кек» или «Обитель».

— Маловероятно, — ответила Ур-ронн, на этот раз на ломаном англике. — Не завудь, мы в Трещине. Это всего лишь боковое ответвление Помойки. Наши предки, вероятно, сбросили свои корабли в главную траншею, туда же, где самые большие корабли вуйуров.

Я удивленно замигал и задумался.

Это — ответвление? Небольшая часть Помойки?

Конечно, она права! Но какая поразительная картина! И какие гигантские груды отходов в течение веков сбрасывались в главную впадину! Достаточно, чтобы подвергнуть испытанию даже очищающую силу перемалывающих плит Джиджо. Неудивительно, что благородные галакты на десять миллионов лет и больше оставляют планеты в покое. Требуется много времени, чтобы переварить все сделанные разумными существами вещи и вернуть их в природное состояние.

Я подумал о мусорном корабле отца, с его скрипучими мачтами, с трюмами, полными корзин, в которых лежит все то, что мы, изгнанники, не можем переработать. За две тысячи лет все отбросы, которые мы, сунеры, отправили в Помойку, не будут даже заметны на фоне гигантских груд брошенных кораблей.

Какими богатыми должны были быть буйуры и другие боги, чтобы выбросить такие огромные богатства! Некоторые покинутые корабли выглядели такими просторными, что могли поглотить все дома, куты и хижины, построенные Шестью

Расами. Мы видели темные порталы, башни и сотни других деталей и все более остро сознавали — эти сумрачные гиганты были отправлены сюда, вниз, чтобы покоиться в мире. И мы не должны были нарушать их сон.

Наше падение к рифу мертвых кораблей становилось угрожающим. Неужели никто не замечает, что мы сближаемся слишком быстро?

— Может, это их дом, — размышлял Клешня, когда мы устремились к овальной руине размером в половину порта Вуфон.

— Может, фувнтусы собраны из частей старых машин, которые выбросили сюда, — подхватила Гек. — И все остальное тоже. Вроде этой лодки, собранной из хлама.

— А может, они слуги вуйуров, — прервала Ур-ронн. — Или расы, которая жила здесь раньше. Или мутанты, как в рассказе ов...

Я вмешался.

— А никому не пришла в голову простейшая мысль? Что, может, они такие же, как мы?

И когда друзья повернулись ко мне, я по-человечески пожал плечами.

— Может, эти фувнтусы тоже сунеры. Думали об этом?

Выражение их лиц ответило мне. С таким же успехом я мог бы предположить, что наши хозяева — нуры.

Что ж, я никогда не утверждал, что быстро соображаю, особенно когда разрываюсь от боли.

Нам не хватало ощущения перспективы, чтобы определить, насколько мы близко или как быстро движемся. Гек и Клешня нервно забормотали что-то, когда корабль повернул к ближайшей груде и двигатели заработали в обратном направлении.

Думаю, мы все подпрыгнули, когда изъеденная металлическая плита отодвинулась всего за несколько дуров до столкновения. Наш корабль скользнул в гигантское отверстие в груде мусора и двинулся по коридору из корпусов космических кораблей, пронизывая фантастическую гору межзвездного мусора.

АСКС

Читайте только что застывший воск, мои кольца.

Вы увидите, как разбегался народ Шести Рас, унося с собой остатки павильонов и раненых, убегая от ожидаемого прибытия корабля ротенов.

Наш старший мудрец от г'кеков Вуббен процитировал то место в свитке предзнаменований, где говорится о пагубности разъединения. Поистине Шесть Рас должны упорно бороться, чтобы преодолеть разницу в форме и раковине. А также в плоти, шкуре и торге.

— Идите по домам, — сказали племенам мы, мудрецы. — Проверьте свои маскировочные решетки. Ваши затмевающие паутины. Живите ближе к почве Джиджо в укромных местах. Если можете, готовьтесь к борьбе. И умрите, если будет нужно.

Фанатики, которые и вызвали кризис, предположили, что на корабле ротенов есть средства, которые могут отыскать Ро-кенна и его лакеев, может быть, с помощью имплантированных в тело устройств прослушивая волны их мозга.

— Ради безопасности нужно сбросить их кости в лавовые бассейны.

Противоположная фракция, назвавшаяся «Друзья ротенов», требует освобождения Ро-кенна и повиновения его божественной воле. В этой фракции не только люди, но и некоторые квуэны, г'кеки, хуны и даже несколько уров, благодарных за лечение, полученное в клинике чужаков. Некоторые считают, что избавление может быть получено немедленно, при нашей жизни, и не придется вначале пройти долгой дорогой, освященной глейверами.

Наконец, есть и такие, кто увидел в хаосе возможность сведения старых счетов. Ходят слухи об анархии повсюду на Склоне. О том, что многое затоплено или сожжено.

Какие расхождения! Та самая свобода, которая порождает яркие индивидуальности, делает таким трудным сохранение единства. Не лучше ли было бы, если бы мы сохраняли стро-

гую дисциплину и порядок, как в феодальном государстве, которое пытались в старину создать серые королевы?

Слишком поздно сожалеть. Время требует только импровизации — умения, которое, как нам говорили, не одобряется в Пяти Галактиках.

Возможно, это единственная надежда бедных дикарей.

Да, мои кольца. Теперь мы можем вспомнить все.

Погладьте этот воск и смотрите, как караваны уходят на равнины, в леса и к морям. Наших заложников уводят в такие места, где даже приборы космических кораблей не смогут их отыскать. Солнце садится, и звезды усеивают обширное пространство, именуемое Вселенной. Царство, в которое нам нет доступа, в котором обитают наши враги.

Некоторые из нас остаются, ожидая корабль.

Мы проголосовали, не правда ли? Мы, кольца, которые и составляют Аскс? Мы вызвались остаться. Наш единый голос от лица всей Общины обратится к разгневанным чужакам. Установив наш базовый тор на твердом камне, мы проводим время, вслушиваясь в сложное звучание Святого Яйца, наш жирный сердечник вибрирует в такт дрожащим мелодиям.

Увы, мои кольца, ни одно из этих вызванных воспоминаний не объясняет наше теперешнее положение. Неужели произошло нечто ужасное?

А как насчет этих, только что застывших слоев воска?

Видите ли вы в них сверкающие очертания большого космического корабля? Появившегося в той же части неба, которую только что покинуло солнце?

Или это само солнце вернулось и в гневе повисло над дном долины?

Огромный корабль сканирующими лучами разглядывает нашу долину в поисках следов того, что оставил здесь.

Да, мои кольца. Следите за этой восковой памятью.

Неужели нам сейчас предстоит выяснить истинную причину ужаса?

ЛАРК

Лето тяжело давило на хребет Риммер, пожирая незатененные края ледников, гораздо более древних, чем шесть рас изгнанников. Временами трещащий статический разряд нарушал тишину альпийских склонов, и бесчисленные стебли травы устремлялись к небу, словно отчаянные щупальца. Жаркое сияние солнца подчеркивалось короткими завесами дождя, эти завесы разворачивались на склонах, поднимались по ним до самых горных вершин, увенчанных радугами и усеянных вспышками сжатых молний.

С высот доносился гул раскатов, он доходил до самых берегов ядовитого озера, где сорокагектарная роща растрескавшихся нитей поросла грибами. Некогда могучий форпост галактической культуры, теперь это было нагромождение каменных плит, за бесчисленные века лишившихся всяких особенностей. Долина заполнялась едкими запахами, от озера поднимался пар, яд капал из бесчисленных пор.

Самый молодой мудрец Общины Джиджо сорвал желтый мох с разлагающейся нити, одной из мириадов, некогда составлявших тело мульк-паука. Это существо возрастом в полмиллиона лет должно было уничтожить древний буйурский поселок, постепенно вернув его природе. Прошлой зимой Ларк уже видел это место, когда осматривал снег в поисках следов Двера и Рети, бежавших из этого логова слепой ярости. С того лихорадочного бегства многое изменилось. Большие участки мульк-кабелей просто исчезли, уничтоженные недавними усилиями, и причину этого никто не позаботился объяснить Ларку, когда его направили сюда. А то, что осталось, заросло цепким мхом.

— Спиролегита кариола. — Он прошептал название вида, растирая образец двумя пальцами. Очень искаженная, изменившаяся разновидность кариолы. Мутации кажутся специальностью этого дикого сурового места.

Интересно, что это место сделает со мной, со всеми нами, если мы здесь задержимся.

Он не просил для себя этой работы. Быть тюремщиком. Само это слово вызывало ощущение грязи.

Цепочка бессмысленных звуков заставила его повернуться к блеклому полотну, натянутому между двумя камнями.

— Это кленсонирующий сивилейтор, рефандулирующий излишний торг.

Из тени доносился голос — сильный женский альт, хотя сейчас он звучит невесело и покорно. Последовал мягкий звон, словно один объект бросили в груду, а другой подняли, чтобы рассмотреть.

— В качестве предположения скажу, что это гланнис трункатор, вероятно, использовавшийся в ритуалах чиханической секты, если, конечно, это не еще одна буйурская шутка-новинка.

Ларк заслонил глаза, разглядывая Линг, молодого ученого с неба и слугу звездных богов ротенов, с которой он как «туземный проводник» работал много недель, пока в несколько биений сердца Битва на Поляне не поменяла их местами. После этой неожиданной победы высокие мудрецы поручили ему заботу о небесной женщине и охрану ее. Он не напрашивался на эту работу, хотя она и означала для него необычайное повышение.

Теперь я высокопоставленный знахарь в племени дикарей, ядовито думал он. Лорд Высокий Хранитель Пленных Чужаков.

А может, их палач. Мысли отшатывались от такой возможности. Гораздо вероятнее Линг передадут ее даник-ротенским товарищам в какой-нибудь сделке, разработанной мудрецами. Или ее в любой момент могут освободить орды неудержимых роботов, которые, словно стая медведей санти, просто отмахиваются от беспомощных защитников медового дерева зил.

В любом случае она будет свободна. Линг может прожить еще триста лет на своей родной планете, в Пяти Галактиках, рассказывая приукрашенные истории о своих приключениях среди свирепых варваров в этой грязной незаконной колонии. В то же время мы, падшие, можем надеяться только на простое выживание. Продолжать жить на бедной уставшей Джид-

жо, называя счастливчиками те из Шести Рас, кто сумеет присоединиться к глейверам на Тропе Избавления. Тропе благословенного забытья.

Ларк предпочел бы покончить со всем каким-нибудь благородным и героическим способом. Пусть Шесть Рас Джиджо погибнут, защищая этот хрупкий мир, чтобы он мог продолжить свой прерванный отдых.

Конечно, это его личная ересь. Ортодоксы думают, что Шесть Рас — грешники, но могут смягчить свой грех, живя в мире на Джиджо. Но Ларк считал это лицемерием. Поселенцы должны покончить со своим преступлением, мягко и добровольно, и как можно скорее.

Он не делал тайны из своего радикализма, и это сделало положение еще более запутанным, когда высокие мудрецы наделили его большой властью.

На звездной женщине больше нет мерцающего одеяния ее звездного клана даников — таинственной группы людей, которые поклоняются повелителям ротенам. На ней плохо сидящие блуза и юбка из джиджоанской шерсти. Тем не менее Ларку было трудно смотреть на эту неловкую красоту. Говорят, звездные люди, не задумываясь, могут обрести новое лицо. Линг клянется, что не думает о таких вещах, но ни одна женщина на Склоне не может с ней сравниться.

Под настороженными взглядами двух капралов милиции Линг сидела скрестив ноги и рассматривала образцы, оставленные мульк-пауком: странные металлические предметы, заключенные в полупрозрачные золотистые коконы, подобно древним насекомым, застрявшим в янтаре. Вещи буйуров, последних законных обитателей планеты, которые улетели полмиллиона лет назад после объявления Джиджо невозделанной. Множество яйцеобразных сохраняющих коконов разбросано по пепельным берегам. Вместо того чтобы уничтожать реликты ушедшей цивилизации, местный мульк-паук предпочел сохранять их. Коллекционировать их, если поверить невероятной истории, рассказанной Ларку его сводным братом Двером.

Прозрачное покрытие заставляло его нервничать. То же самое вещество, выделившееся из пористых нитей паука, едва не погубило Двера и Рети, дикую девушку сунера, в ту самую ночь, когда схватились два робота чужаков, воспламенив живое болото ядовитых нитей и покончив с долгой безумной жизнью паука. Золотистое вещество кажется необычным на ощупь, словно под твердой оболочкой переливается медлительная странная жидкость.

Топоргический, назвала Линг скользкий материал в один из тех моментов, когда была склонна к разговорам. Встречается очень редко, но я о нем слышала. Говорят, это псевдоматерия, состоящая из органически сложенного времени.

Что бы это ни значило. Похоже на то, что может сказать Сара, когда пытается объяснить свой любимый мир математики. Будучи биологом, Линг находила странной способность живого существа выпускать «сложенное время» из пор далеко раскинувшихся щупалец, как, очевидно, делал мульк-паук.

Закончив осматривать очередной образец, Линг склонялась к стопке листов лучшей бумаги Ларка и делала записи, сосредоточившись так, словно каждая буква — это произведение искусства. Как будто она никогда не держала в руке карандаш, но поклялась овладеть этим новым искусством. Как галактический путешественник, она привыкла справляться с потоками информации, управляясь с многомерными дисплеями, просеивая данные сложных экосистем планет, разыскивая для своих хозяев ротенов биологические сокровища, которые стоило бы похитить. Письмо вручную должно показаться ей переходом от космической скорости к деревянной повозке треки.

Крутое падение: одно мгновение — полубогиня, а в следующее — пленница неотесанных варваров.

Должно быть, эти записи помогают ей отвлечься от недавних событий — от того ужасного дня, когда всего в двух лигах ниже Святого Яйца ее база была взорвана и массы жителей Джиджо восстали. Но Ларк чувствовал нечто большее, чем сознательная попытка отвлечься. Выписывая слова на бумаге,

Линг получает такое же удовлетворение, какое испытывает всегда, совершая разные простые действия. Ларк часто видел в ней это. И, несмотря на свой гнев, находил эту особенность достойной уважения.

Существуют народные легенды о мульк-пауках. Говорят, некоторые из них за долгие века пережевывания металла и каменных памятников прошлого приобретают необычные одержимости. Когда-то Ларк отмахивался от таких рассказов как от суеверия, но насчет этого паука Двер доказал их истинность. Прямо перед Ларком доказательства существования этой коллекции, они в бесчисленных капсулах рассыпаны по обожженной чаще. Это самое большое собрание галактического мусора на Склоне. И именно это сделало берега ядовитого озера идеальным укрытием для пленной женщины-чужака, на случай если прилетевший корабль примется искать исчезнувших членов экипажа. Хотя Линг тщательно обыскали, у нее отобрали все ее вещи, в ее теле может находиться какой-нибудь датчик, который можно обнаружить, — датчик, вживленный в далеком галактическом мире. И если это так, то разбросанные вокруг бесчисленные предметы буйуров замаскируют ее присутствие.

Были и другие идеи.

Корабельные сенсоры могут не проникнуть под землю, предположил один из людей техников.

Или, предложил урский кузнец, соседний поток лавы затуманит глаза чужаков.

В такие места были отведены остальные заложники: Рокенн и Ранн — в надежде сохранить хоть одного пленника. Когда речь идет о жизни всех детей и личинок на склоне, стоит испробовать любые возможности. Ларку поручили очень важное дело. Тем не менее он раздражался, ему хотелось что-то делать, а не просто ожидать конца мира. Ходили слухи, что готовится схватка со звездными преступниками. Ларк не разбирается в оружии, он специалист в живых существах. Тем не менее он завидовал тем, кто готовился к битве.

Бормочущий сопящий звук заставил его броситься в другой конец навеса, где сидел его друг Утен, прижавшись к земле, как хитиновая груда пепельного цвета. Ларк взял самодельный аспиратор, приготовленный из ствола бу, пузыря скальной свиньи и застывшего сока мульк-паука. Просунул конец трубки в одну из щелей на больших ногах квуэна и начал откачивать жидкость, которая мешала Утену дышать. Ларк повторял этот процесс на всех пяти ногах, пока его партнер и коллега по биологическим исследованиям не задышал легче. Купол квуэна приподнялся, и его зрительная полоска слегка посветлела.

— Сп-па-с-с-сибо, Л-ларк я прости, что я я тебя так затруд-ня-ю.

Утратив согласованность, голос доносился из пяти ног разрозненно, словно пять маленьких квуэнов говорили каждый по-своему. Или как треки, у которого все говорящие кольца вдруг решили заговорить самостоятельно. При виде слабости Утена у Ларка заболело в груди. Комок в горле мешал ответить оптимистично звучащей ложью.

— Ты просто отдыхай, брат по когтю. Скоро мы снова выйдем в поля, будем выкапывать ископаемых и придумывать такие теории, от которых ваши матери посинеют в замешательстве.

Это вызвало слабый булькающий смех.

— Г-г-ово-ря о ер-есях, кажется, ты и Хару-Хару-Харуллен получили то, что хотели.

Упоминание о другом друге-квуэне заставило Ларка горестно поморщиться. Утен не знает о судьбе своего родича, и Ларк не собирался ему рассказывать.

— О чем ты?

— Кажет-ся, грабители-грабители нашли способ избавить Джиджо от одного из Ш-е-сти Па-ра-зитов.

— Не говори так, — попросил Ларк. Но Утен высказал распространенную мысль. Его болезнь поставила в тупик врача г'кека, который под соседним навесом в истощении сплел все четыре глазных стебелька. Болезнь напугала солдат милиции.

Все знали, что Утен был с Ларком в развалинах станции даников, разглядывая запретные вещи.

— Мне было жаль, когда фана-тики взорвали базу чужаков. — Панцирь Утена дрожал в борьбе за дыхание. — Даже когда ротены пытались использовать наше Святое Яйцо — забивали, словно клинья, свои ложные сны-видения, пытались разделить Шесть Рас... Даже это не оправдывает негостеприимное и жестокое убийство чужаков.

Ларк вытер глаз.

— Ты милосердней большинства.

— Позволь мне за-кон-чить. Теперь мы знаем, что чужаки задумали нечто гораздо хуже видений. Они создали микробы, чтобы уничтожить нас.

Итак, Утен услышал разговоры — или додумался до этого сам.

Биологическое оружие. Геноцид.

— Как «Война миров». — Это один из любимых романов Утена. — Только роли поменялись на обратные.

Сравнение Ларка заставило серого квуэна рассмеяться — хриплым, неровным свистом.

— Я всег-гда отождествлял себя с этими бедными-бедными мар-си-анами.

Зрительная полоска затуманилась, утратила свет разума, панцирь поник. Ларк проверил дыхание друга: оно не ухудшилось. Утен просто устал.

Мы считаем серых крепчайшими из крепких. Но хитин не остановит луч лазера.

Харуллен узнал это на собственном опыте. Смерть пришла к родичу Утена во время короткой Битвы на Поляне, когда отряды милиции Шести Рас с трудом одолели смертоносных роботов Ро-кенна. Только внезапность позволила им победить. Чужаки не подозревали, что у дикарей есть книги, а в них рассказывается, как делать огнестрельное оружие — примитивное, но смертельно опасное на близком расстоянии.

Но для Харуллена победа пришла слишком поздно. Слишком преданный своему делу или слишком упрямый, чтобы

бежать, предводитель еретиков провел последние лихорадочные мгновения своей жизни, призывая к спокойствию и разуму, крича одновременно в пяти направлениях, умоляя всех сложить оружие и начать переговоры, — пока массивное крабообразное тело Харуллена не было разрезано на неровные части роботом-убийцей за несколько мгновений до того, как взорвалась сама эта машина.

Серые матроны города Тарек будут в трауре, подумал Ларк, положив руки на широкую раковину Утена, опустив голову на ее пятнистую поверхность, прислушиваясь к напряженному дыханию друга и от всего сердца желая как-то ему помочь.

И одна из его мыслей была ироничной.

Я всегда считал, что если наступит конец, квуэны погибнут последними.

ЭМЕРСОН

Теперь виды Джиджо быстро летели мимо, как будто загадочные всадницы опасались задержки, которая развеет их надежды.

Не владея речью, Эмерсон не знал, куда они так торопятся и почему.

Время от времени Сара оборачивалась в седле и ободряюще улыбалась ему. Но лицо ее окружали переданные реуком цвета дурных предчувствий — он теперь читал этот нимб эмоций, как когда-то привык понимать значение надписей на дисплее. Возможно, ее тревога должна была внушать ему опасения, потому что Эмерсон привык рассчитывать на ее руководство в этом странном, опасном мире. Но он не мог заставить себя тревожиться. Слишком о многом нужно было подумать.

Стало сыро, когда караван свернул в извилистую речную долину. Влажные запахи пробудили воспоминания о болоте, в котором он оказался после крушения, калека, корчащийся от боли. Но он не отшатнулся от этого воспоминания. Эмерсон приветствовал любое ощущение, которое могло позволить

вспомнить больше, — звук, случайный запах или вид за следующим поворотом.

Некоторые открытия вторично пробились через пропасть времени — он словно давно утратил их и теперь открывал заново. Заново открытые имена влекли за собой лица и даже краткие воспоминания о событиях прошлого.

Том Орли, такой сильный и умный. Всегда настороженный, готовый к неприятностям. Он однажды привел какой-то корабль. И вызвал тревогу во всех Пяти Галактиках.

Хикахи, милейший из дельфинов. Добрейший друг. Бросилась спасать своего возлюбленного и капитана и не вернулась.

Тошио, мальчишка, всегда готовый рассмеяться. Смелый молодой человек. Где он сейчас?

Крайдайки, капитан. Мудрый предводитель дельфин. Калека, как и он сам.

На мгновение Эмерсон задумался над сходством между раной Крайдайки и своей. Но эта мысль вызвала приступ такой острой боли, что мелькнула и исчезла.

Том, Хикахи, Тошио... Он повторял имена. Каждое из них связано с другом, которого он не видел, да, уже очень давно.

Другие воспоминания, более недавние, до них труднее дотянуться, и они вызывают большую боль.

Суэсси, Тш'т, Джиллиан...

Он повторяет каждый звук, не обращая внимания на тряску и на трудности в координации движений губ и языка. Он делает это для практики — иначе как ему вернуть прежнее беглое владение языком, искусство произносить слова, которым он так хорошо владел, когда считался умным парнем?.. До того, как в его голове и в памяти появилась эта ужасная дыра.

Некоторые имена приходят легко, потому что он узнал их после пробуждения на Джиджо, в бреду в древесном доме.

Прити, маленькая шимпанзе, которая учила его своим примером. Она сама не умеет говорить, но демонстрирует отличное владение математикой и языком жестов.

Джома и Курт, звуки, связанные с разными версиями одного и того же узкого лица. Ученик и мастер уникального искусства, предназначенного для уничтожения дамб, башен и домов, которые незаконные поселенцы воздвигли на этой запретной планете. Эмерсон вспоминает Библос, архив бумажных книг, где Курт показывал племяннику искусно размещенные заряды, которые могут обрушить потолок пещеры и разнести библиотеку в пыль. Если поступит приказ.

Пленный фанатик Дединджер едет за взрывниками, его угловатое лицо покрыто темным загаром. Предводитель повстанцев людей, чьи убеждения Эмерсон не может понять, знает только, что они не любят посетителей с неба. Отряд движется вперед, а Дединджер смотрит по сторонам, рассчитывая следующий шаг.

Некоторые имена и места — они теперь имеют значение. Это прогресс, но Эмерсон не дурак. Он понимает, что до падения на эту планету должен был знать сотни слов. Иногда он почти улавливает смысл «вау-вау», которые произносят его спутники, обращаясь друг к другу. Но эти урывки не удовлетворяют, а лишь усиливают мучения.

Иногда этот поток звуков утомляет, и Эмерсон размышляет: может, люди были бы меньше склонны к дракам, если бы меньше говорили. Если бы больше времени просто смотрели и слушали.

К счастью, слова не единственная его забота. Его преследует призрачное знакомство с музыкой, во время коротких остановок он играет в математические игры с Сарой и Прити, чертит рисунки на песке. Это его друзья, и он радуется их смеху.

У него есть еще одно окно в мир.

Так часто, как может вынести, Эмерсон надевает на глаза реук — похожую на маску пленку, которая преобразует мир, окрашивает его в разноцветные тона. В своих путешествиях он, пилот, никогда не встречал подобное существо — все Шесть Рас пользуются им, чтобы лучше понять настроение друг дру-

га. Но если его оставить надолго, начинает болеть голова. Тем не менее он находит захватывающими ореолы, окружающие Сару, Дединджера и остальных. Иногда кажется, что в этих цветах нечто большее, чем просто эмоции, хотя он не может определить, что именно. Пока не может.

Но одну истину Эмерсон вспомнил. Совет, извлеченный из прошлого, заставляет его насторожиться.

Жизнь может быть полна иллюзий.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Легенды рассказывают о многих драгоценных текстах, которые были утрачены одним печальным вечером, во время беспрецедентной катастрофы, которую некоторые называют Ночью Призраков. Тогда сгорела четверть архива Библоса. Говорят, в одном из бесценных томов, погибших той жестокой зимней ночью, были изображения буйуров — могучей расы, чья лицензия на пользование Джиджо истекла пятьсот тысяч лет назад.

От свидетелей катастрофы уцелело мало дневниковых записей, но согласно показаниям некоторых просматривавших Ксенологический фонд до того, как он сгорел, буйуры были приземистыми существами, слегка напоминавшими лягушек, изображенных на девяносто шестой странице «Руководства по земным формам жизни» Клири, но со слоновьими ногами и пристальными, глядящими вперед глазами. Говорят, они очень искусно умели создавать нужные им организмы и имели репутацию невероятных шутников.

Но другие расы сунеров уже знали это о буйурах — и благодаря устной традиции, и по многочисленным умным служебным организмам, которые все еще встречаются в лесах Джиджо, может быть, по-прежнему ищут исчезнувших хозяев. Помимо этих скудных сведений, мы очень мало знаем о расе, чья могучая цивилизация цвела на этой планете свыше миллиона лет.

* * *

Как могли такие огромные знания быть потерянными за одну ночь? Сегодня это кажется странным. Почему колонисты первой волны не изготовили копии этих бесценных текстов, прежде чем отправить свой крадущийся корабль в океанские глубины? Почему не разместили дубликаты по всему Склону, обеспечив им безопасность от любых бед?

В оправдание наших предков вспомните, какие это были напряженные времена — до заключения Великого Мира и прихода Яйца. Перед тем как звездный корабль «Обитель» проскользнул мимо пыльного сияния Измунути, чтобы незаконно высадить землян, последнюю волну незаконных колонистов, пять разумных рас, к тому времени присутствовавших на Джиджо (не считая глейверов), уже достигли непрочного равновесия. Но в те дни часто происходили схватки между урскими кланами и высокомерными квуэнскими императрицами, а племена квуэнов постоянно вели этические войны за гражданские права треки. Высокие мудрецы не имели большого влияния, они только читали и истолковывали Говорящие Свитки, единственный документ, существовавший в то время.

И вот в эту напряженную ситуацию вмешалась последняя волна поселенцев-сунеров, сумевших найти ожидавшую их неиспользуемую экониш у. Но колонисты люди не удолетворялись простым использованием незанятых плодородных земель, как поступали другие неграмотные кланы. Напротив, прежде чем затопить свой корабль, они в последний раз использовали механизмы «Обители». С помощью этих богоподобных сил они вырубили крепость Библос, затем срубили тысячи деревьев и превратили их в свеженапечатанные книги.

Этот поступок так поразил остальных Пять, что едва не стоил земным колонистам жизни. Разгневанные королевы города Тарек осадили землян, которых намного превосходили по численности. Остальные, тоже разгневанные тем, что казалось ересью против Священных Свитков, сдержались только потому, что священники-мудрецы отказались санкционировать священную войну. Но этот запрет дал предводителям землян время для переговоров, с помощью мудрости своих книг они сумели уго-

ворить различные племена и кланы, подкупить их многочисленными полезными вещами. Шпунты для спиц г'кеков. Лучшие паруса для хунских капитанов. А для урских кузнецов — умение делать стекло, которое они так давно искали.

Как изменилось положение всего за несколько поколений, когда новая порода ученых мудрецов собралась, чтобы утвердить великий мир, поставить свои подписи на только что изготовленной бумаге и разослать экземпляры этого договора во все поселки и деревушки Склона. Чтение стало распространенным увлечением, и даже на умение писать больше не смотрели как на грех.

Ортодоксальное меньшинство по-прежнему возражает против стука печатных станков. Его представители набожно утверждают, что грамотность укрепляет память и привязанность к тем самым заблуждениям, которые принесли неприятности нашим летавшим в космосе предкам. Мы должны культивировать отвлеченность и забвение, чтобы пройти по тропе Избавления, говорят они.

Возможно, они правы. Но в наши дни мало кто торопится последовать примеру глейверов и начать спуск по благословенной тропе. Еще рано. Вначале мы должны подготовить свои души.

А мудрость, заявляют новые мудрецы, может быть почерпнута на страницах книг.

Из книги Гомера Ауф-путтвау
«Сотворение мира. Историческое рассуждение»

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

КАА

Выброшенные безжалостной судьбой на берег Ифни.

Застрявшие, как кит на берегу, и лишенные возможности вернуться домой.

Столкнувшиеся с пятью препятствиями.

Во-первых, отрезанные от Земли враждебными чужаками, которые ненавидят землян вообще, а экипаж «Стремительного» в особенности, хотя Каа никак не мог понять почему.

Во-вторых, изгнанные из родной галактики землян, сбившиеся с курса, потерявшие из-за каприза гиперпространства всякое представление о своем расположении — хотя многие члены экипажа винили в этом Каа, называя происшедшее «ошибкой пилота».

В-третьих, звездный корабль «Стремительный» нашел убежище на запретной планете, которая должна была отдыхать от разумных существ. Идеальное убежище, по мнению одних. Ловушка, как считают другие.

В-четвертых, отрезанные окончательно, когда усталые двигатели корабля наконец стихли, принеся «Стремительный» в царство призраков, в самом глубоком и темном уголке планеты, далеко от воздуха и света.

И наконец это, подумал Каа. Покинутый даже экипажем потерпевших крушение!

Конечно, лейтенант Тш'т так не выразилась, когда попросила его остаться вместе с тремя другими добровольцами.

— Это будет твоим первым важным поручением, Каа. Возможностью показать, на что ты способен.

Да, подумал он. Особенно если хуны проколют меня гарпуном, втащат в свою лодку и выпотрошат.

Так едва не произошло вчера. Он следил за одним из туземных парусных кораблей, пытаясь установить его цель и назначение, когда один из его молодых помощников Мопол метнулся вперед и запрыгал в оставленной деревянным судном волне — любимое занятие дельфинов на Земле, где они часто бесплатно катаются на корабельной волне. Но здесь это настолько глупо, что Каа и не подумал заранее запретить такое занятие.

Позже, когда они вернулись в убежище, Мопол постарался оправдаться.

— К тому же я не причинил никакого вреда.

— Никакого вреда? Ты позволил им увидеть себя! — отругал его Каа. — Разве ты не помнишь: они начали бросать в тебя копья, я едва успел тебя увести?

Гладкий корпус и бутылкообразная голова Мопола сохраняли положение упрямого несогласия.

— Они никогда раньше не видели дельфинов. Вероятно, решили, что это какая-то местная рыба.

— И так и должны думать, слышишь?

Мопол согласился, но это происшествие встревожило Каа.

Немного погодя, размышляя о собственных недостатках, он работал в облаках поднявшегося придонного ила, разрезая оптический кабель, который оставила подводная лодка «Хикахи», возвращаясь к убежищу «Стремительного». Новая камера, установленная Каа, позволит легче наблюдать за хунским поселком, чья пристань и замаскированные дома расположились в ближайшем заливе. Он мог уже доложить, что хунское стремление замаскироваться нацелено вверх; они пытаются скрыться от взгляда с неба, а не со стороны моря. Каа надеялся, что эта информация окажется важной.

Тем не менее его никогда не готовили быть шпионом. Он пилот, черт побери!

Конечно, на первом этапе полета «Стремительного» у него было не очень много практики; тогда он находился в тени главного пилота Кипиру, который самую трудную и приносящую славу работу всегда брал на себя. Когда Кипиру вместе с капитаном и несколькими другими членами экипажа исчез на Китрупе, Каа наконец получил возможность попрактиковаться в пилотском мастерстве — в счастье и в несчастье.

Но теперь «Стремительный» никуда не летит. Выброшенный на берег корабль не нуждается в пилоте, поэтому, полагаю, я отношусь к числу заменимых.

Каа закончил разрезать кабель и втягивал рабочие руки своей упряжи, когда мимо мелькнуло серебристое пятно, бешено извиваясь. На него обрушился сонарный удар, и отразившиеся в воде волны окружили тело. Отмель заполнилась щелкающим дельфиньим смехом.

Признай это, искатель звезд!
Ты меня не видел и не слышал
Когда я поднимался из глубины!

На самом деле Каа уже довольно давно заметил приближение молодого дельфина, но не хотел разочаровывать Заки: пусть учится приближаться незаметно.

— Используй англик, — кратко приказал он.

Мелкие конические зубы сверкнули в наклонном солнечном луче, молодой дельфин-турсиопа повернулся лицом к Каа.

— Но ведь гораздо легче говорить на тринари! У меня от англика иногда голова болит.

Мало кто из людей, услышав этот разговор дельфинов, понял бы его. Подобно тринари, этот подводный диалект состоял преимущественно из щелкающих стонов и скрежета. Но грамматика близка к стандартному англику. А именно грамматика направляет образ мыслей, — так говорил Крайдайки, когда мастер искусства кининка жил среди экипажа «Стремительного», руководя им с помощью своей мудрости.

Крайдайки исчез два года назад вместе с мистером Орли и другими, когда мы бежали от битвы флотов у Китрупа. Но нам его не хватает каждый день — он лучший, кого произвел наш вид.

Когда говорил Крайдайки, забывалось, что неодельфины — сырые, незавершенные существа, самая молодая и самая неустойчивая разумная раса в Пяти Галактиках.

Каа постарался ответить Заки так, как мог бы Крайдайки.

— Трудность, которую ты испытываешь, называется сосредоточенностью. Это нелегко. Но именно это позволило нашим патронам людям достичь звезд исключительно своими силами.

— Да. И посмотри, что это им дало, — ответил Заки.

И прежде чем Каа смог ответить, юноша издал сигнал «нужен свежий воздух» и понесся к поверхности, даже не позаботившись двигаться по спирали, чтобы уменьшить возможную опасность. Это нарушение правил безопасности, но с каждым проходящим джиджоанским днем строгая дисциплина кажется

все менее обязательной. Море слишком мягкое, плодородное и дружелюбное, чтобы поощрять старательность и прилежание.

Каа пропустил это нарушение, вслед за Заки поднимаясь к поверхности. Они выдохнули и вдохнули сладкий воздух, чуть проникнутый слабыми отголосками дождя. Разговор вне воды на англике через генетические модифицированные дыхала требовал иного диалекта, свистящего и булькающего, но больше похожего на человеческую речь.

— Хорошо, — сказал Каа. — Докладывай.

Второй дельфин покачал головой.

— Красные крабы ничего не подозревают. Они заняты своими рачьими загонами. И лишь изредка кто-нибудь из них оглядывается, когда мы подплываем ближе.

— Это не крабы. Это квуэны. И я дал строгий приказ. Вы не должны приближаться настолько, чтобы вас увидели!

Хуны считаются гораздо более опасными, поэтому эту часть шпионской миссии Каа приберег для себя самого. Тем не менее он полагал, что сможет использовать и Заки с Мополом, которые украдкой наблюдали за квуэнским поселком на рифе. Вероятно, я ошибся.

— Мопол хотел попробовать деликатесы красных, поэтому мы решили отвлечь их внимание. Я загнал стаю рыб с зелеными плавниками, тех самых, что по вкусу похожи на угря из Саргассова моря, и погнал их к колонии квуэнов! И знаешь что? Оказалось, что у крабов на случай такой удачи всегда наготове сети! Как только стая оказалась в пределах досягаемости, они подняли сети и захватили всех.

— Вам повезло, что не захватили и вас. А что в это время делал Мопол?

— Пока красные были заняты, Мопол наведался в их рачьи садки. — Заки радостно рассмеялся. — Кстати, я сберег для тебя одну штуку. Они великолепны.

На Заки мини-упряжь с единственным манипулятором, который убирается во время плавания. По невральному сигналу механическая рука порылась в сумке и протянула Каа извивающееся существо.

«Что мне делать?» Каа смотрел на изгибающееся создание. Если примет, это только подбодрит Заки на дальнейшие нарушения дисциплины. А если откажется, не будет ли выглядеть грубым и неразумным?

— Подожду и посмотрю, не заболеете ли вы, — сказал он юноше. Они не должны на себе ставить эксперименты с местной фауной. В отличие от Земли большинство планетных экосистем представляют собой смесь образцов со всех Пяти Галактик, привнесенных обитателями за десятки миллионов лет. До сих пор большинство местных рыбообразных оказывались полезными и вкусными, но следующая добыча может отомстить за себя, отравив вас.

— Где сейчас Мопол?

— Делает то, что нам велели, — ответил Заки. — Наблюдает, как красные крабы взаимодействуют с хунами. Пока мы видели, как они тащили в порт две пары саней, нагруженных скошенными морскими водорослями. А вернулись с грузом дерева. Знаешь, срубленные древесные стволы.

Каа кивнул.

— Итак, как мы и подозревали, они ведут торговлю. Хуны и квуэны, живущие вместе на запретной планете. Интересно, что бы это значило?

— Кто знает? Если бы они не были загадкой, то не были бы и разумными. Могу я вернуться к Мополу?

У Каа не было иллюзий насчет того, что происходит между двумя молодыми космонавтами. Вероятно, это мешает их работе, но если он поднимет эту тему, Заки обвинит его в ханжестве или, что еще хуже, в «ревности».

«Если бы только я был настоящим лидером, — подумал Каа. — Лейтенанту не следовало назначать меня главным».

— Да, возвращайся, — сказал он. — Но только чтобы прихватить Мопола и вместе с ним вернуться в убежище. Уже поздно.

Заки высоко приподнялся в воде, опираясь на хвост.

Да, о возвышенный!
Твой приказ будет выполнен,
Как приливы повинуются луне.

С этими словами молодой дельфин подпрыгнул и погрузился в воду. И вскоре Каа мог видеть только его спинной плавник, сверкающий, когда он разрезает волны прибоя.

Каа задумался над вызывающим высокомерием последнего всплеска тринари Заки.

В человеческих терминах, по логике причинно-следственных связей, которой патроны учили клиентов дельфинов, океан вздымается и опускается под влиянием гравитационных полей солнца и луны. Но есть более древний образ мыслей, использовавшийся предками китообразных задолго до того, как люди вмешались в их гены. В те дни не было никаких сомнений в том, что прилив — самая могучая сила. И в древней примитивной религии приливы управляют луной, а не наоборот.

Иными словами, утверждение Заки на тринари — насмешка, граничащая с неповиновением.

Тш'т допустила ошибку, с горечью думал Каа, направляясь к убежищу. Нас не следовало оставлять здесь в одиночестве.

По пути он экспериментировал с главной угрозой их миссии. Это не копья хунов и не когти квуэнов, это даже не чужие космические корабли, а сама Джиджо.

В эту планету можно влюбиться.

Его манили вкус океана и бархатная текстура воды. Манили тем, как уважительно относились к нему рыбообразные существа: убегали, но не настолько быстро, чтобы он не мог их поймать.

Но самое соблазнительное — ночные эхо, проникающие сквозь стены их убежища, далекие низкие ритмы, почти на пределе слышимости. Странное напоминание о песнях земных китов.

В отличие от зеленого-зеленого мира Оакка, в отличие от ужасного Китрупа на этой планете моря почтительные. Такие, в которых дельфин может плавать с миром.

И возможно, забыться.

Когда Каа прошел сквозь маленький шлюз, по размерам едва пригодный для пропуска дельфина, и оказался в убежище — раздутом пузыре, наполовину заполненном водой и прикрепленном к океанскому дну, — его поджидал Брукида. У одной из стен располагалась лаборатория геолога и металлур-

га, престарелого дельфина, который с удалением «Стремительного» от дома становился все более слабым.

Образцы, которые исследует Брукида, добыты с хунского корабля. «Хикахи» последовала за этим парусником, который вышел за пределы континентального шельфа и выбросил в океанскую впадину свой груз! Ящики, корзины и бочки опускались на дно, но несколько удалось перехватить зияющей пастью подводной лодки и оставить для анализа, когда «Хикахи» вернулась на базу.

Брукида уже обнаружил то, что он назвал «аномалиями», но сейчас что-то другое привело пожилого ученого в возбуждение.

— Пока ты отсутствовал, мы получили сообщение. По пути к «Стремительному» Тш'т подобрала нечто поразительное!

Каа кивнул.

— Я был здесь, когда она это сообщила, помнишь? Они нашли древний тайник, оставленный незаконными поселенцами, когда...

— Да не это. — Давно Каа не видел пожилого дельфина таким возбужденным.

— Позже Тш'т связалась снова и сообщила, что они спасли группу детей, которые могли утонуть.

Каа мигнул.

— Детей? Каких детей?

— Не человеческих и не дельфиньих. Но подожди, пока сам не услышишь, кто они такие и как они оказались здесь, под поверхностью моря.

СУНЕРЫ

ОЛВИН

Всего за несколько дуров до столкновения стена отбросов перед нами пришла в движение. Неровная плита, состоящая из поломанных корпусов кораблей, волшебно отошла в сторону, открыв перед кораблем фувнтусов длинный узкий проход.

Мы вошли в него, мимо стекла понеслись неровные стены, отрезав луч прожектора и оставив нас в тени. Двигатели еще раз прошумели в своем обратном движении и смолкли.

Корпус сотрясался от металлических звонов. Несколько мгновений спустя дверь в помещение отворилась. Когтистая рука поманила нас.

Снаружи ждали несколько фувнтусов, похожих на насекомых с длинными, закованными в сталь телами и огромными стеклянными глазами. Мои загадочные спасители, благодетели, пленители.

Мои друзья пытались помочь мне, но я попросил их не делать этого.

— Идемте, приятели. Мне трудно управляться с этими костылями и когда вы не толпитесь поблизости. Идите. Я иду за вами.

На перекрестке, ведущем к моей прежней клетке, я повернул налево, но наши шестиногие проводники показали, что нужно двигаться направо.

— Мне нужны мои вещи, — сказал я ближайшему фувнтусу. Но он своими механическими когтями показал «нет» и преградил мне путь.

Черт побери, подумал я, вспоминая оставленные блокнот и рюкзак. Собирался прихватить их на обратном пути.

Извилистый, сбивающий с толку маршрут провел нас через множество люков и по длинным коридорам из металлических плит. Ур-ронн заметила, что некоторые сварные швы выглядят «отвратительно». Меня восхитило, как она держится за свой профессионализм перед лицом такой невероятной технологии.

Не могу точно сказать, когда мы покинули морского дракона и оказались в гораздо большем лагере, городе, базе, улье, но наступил момент, когда брякающие движения фувнтусов стали казаться расслабленными. Я уловил несколько необычных щелкающих звуков, которые первоначально принял за речь. Но сейчас не было времени внимательно вслушиваться. Простое продвижение вперед означало борьбу с болью, и каждый шаг давался с трудом.

Наконец мы оказались в коридоре, в котором чувствовалось постоянство, — со светлыми, почти белыми стенами и мягким освещением, которое, казалось, исходит от всего потолка. Необычный коридор мягко поднимался вверх в обоих направлениях, пока по обе стороны не исчезал из виду на расстоянии в четверть полета стрелы. Казалось, мы в огромном кольце, хотя я не мог себе представить, чему может служить такой странный коридор.

Но еще более странным оказался комитет по встрече! Наконец-то мы увидели два существа, которые не похожи на фувнтусов — за тем исключением, что у них тоже шесть конечностей. Они стояли прямо на нижней паре конечностей, одетые в серебристую ткань, и протягивали четыре чешуйчатые лапы с перепонками в жесте, который я с надеждой принял за приветствие. Маленькие, ростом мне по верхнее колено или вровень с красным хитиновым панцирем Клешни. На их головах с выпуклыми глазами корона из влажных вьющихся волокон. Быстро говоря что-то, они знаками попросили нас следовать за ними, а массивные фувнтусы с явным облегчением удалились.

Мы, четверо жителей Вуфона, обменялись взглядами, потом покачивающимся, в стиле квуэнов, пожатием плечами. Повернулись и молча пошли за нашими новыми проводниками. Я слышал, как у меня на плече пыхтит Хуфу, глядя на маленькие существа, и поклялся, что брошу костыли и схвачу нура, если он попытается прыгнуть на одного из хозяев. Сомневаюсь, чтобы они были такими беспомощными, какими выглядят.

Все двери, выходящие в коридор, были закрыты. У каждого входа к стене приклеено нечто похожее на бумажную полоску, всегда на одной и той же высоте. Гек одним стебельком показала на импровизированную защиту, потом знаками азбуки Морзе просигналила мне:

ПОД НИМИ ЧТО-ТО СКРЫВАЕТСЯ!

Я понял, что она имеет в виду. Итак, хозяева не хотят, чтобы мы прочли надписи на дверях. Это означает, что они

пользуются одним из алфавитов, известных Шести. Я испытал то же любопытство, которое прямо излучала Гек. В то же время, однако, готовился остановить ее, если она попытается сорвать одну из полосок. Бывает время импульсивных действий. Но сейчас не то.

Дверной люк с мягким шипением открылся, и наши маленькие проводники знаками попросили нас войти.

Занавесы делили просторное помещение на несколько ячеек. Я мельком увидел множество сверкающих машин, но разглядел немногое из-за того, что появилось перед нами.

Мы застыли, глядя на четверку очень знакомых существ: ура, хуна, красного квуэна и молодого г'кека!

Наши собственные изображения, сообразил я. Это явно не отражения в зеркале. Во-первых, мы могли смотреть сквозь них. И пока мы смотрели, каждая фигура жестом поманила в разные ячейки.

Первоначальный шок миновал, и я заметил, что фигуры не являются точными изображениями. У ура тщательно расчесанная грива, а мой хунский двойник стоит прямо, без корсета. Имеет ли эта разница какой-то смысл? Хунская карикатура старомодно — раздуванием горлового мешка — улыбнулась мне, но при этом не добавила гримасы рта и губ, как стали поступать хуны после появления на Джиджо людей.

— Ты прав, — сказала Гек, глядя на эрзац-г'кека перед собой, чьи колеса и спицы сверкали, новенькие и отполированные. — Я уверена, что они сунеры, Олвин.

Я мигнул. Итак, мои прежние предположения ошибочны. Но нет смысла сейчас об этом думать.

— Хр-рм, заткнись, Гек.

— Это голографическая проекция, — сказала Ур-ронн на англике с акцентом — единственном джиджоанском языке, на котором можно выразить такую мысль. Эти слова пришли из человеческих книг, унаследованных со времени Великой Печати.

— Как скажете, — добавил Клешня, когда каждый призрак стал манить нас в разные помещения. — И что нам делать теперь?

Гек ответила:

— А какой у нас выбор? Каждый последует за своим парнем, и посмотрим, что по ту сторону.

И с грохотом ободьев покатила за светящимся изображением г'кека. За ней задернулся занавес.

Ур-ронн шумно выдохнула:

— Доброй воды вам обоим.

— Огня и пепла, — вежливо ответили мы с Клешней, глядя, как она уходит вслед за рисованной урской фигурой.

Подложный хун радостно махал мне, приглашая войти в помещение справа.

— Только имя, звание и серийный номер, — сказал я Клешне.

Он удивился.

— Что? — послышалось из трех ножных щелей. Когда я оглянулся, его панцирь все еще нерешительно покачивался. Клешня смотрел во всех направлениях, но только не на приглашавшего его квуэна.

Между нами опустился разделяющий занавес.

Мой молчаливый проводник в образе хуна подвел меня к белому обелиску, вертикальной плите, занимающей центр маленькой комнаты. Знаком велел подойти к ней вплотную и встать на металлическую пластину у ее основания. Сделав так, я обнаружил, что белая поверхность мягко прилегает к моему лицу и груди. Как только мои ноги оказались на плите, она начала наклоняться и поворачиваться вниз и вперед, превратившись в стол, на котором я оказался лежащим. Хуфу сползла с моего плеча и завопила, когда снизу поднялась труба и устремилась к моему лицу!

Вероятно, я мог бы сопротивляться или попытаться убежать. Но какой в этом смысл? Когда из трубы появился цветной газ, его запах напомнил мне о том, как в детстве я побывал в больнице Вуфона. Дом Вони, как называли мы, дети, хотя аптекари треки были добры и всегда создавали в своем верхнем кольце какую-нибудь сладость, если мы вели себя хорошо.

Помню, что когда уходило сознание, я надеялся, что меня ждет какое-нибудь вкусное лакомство.

— Спокойной ночи, — прошептал я, а Хуфу продолжала щелкать и плакать. Потом все погрузилось во тьму.

АСКС

Гладьте свежий текучий воск, мои кольца, горячий воск, приносящий новости из реального времени.

Проследите этот изгиб, этот громкий крик отчаяния, эхом отразившийся от лесистых вершин, на которых задрожали могучие бу.

На несколько мгновений раньше могучий корабль ротенов величественно висел над разрушенной станцией, сканируя Поляну в поисках отпочковавшихся отростков, исчезнувших членов экипажа.

Гремящий корабль казался разгневанным, мрачным, угрожающим, готовым к мести.

Однако мы/я оставались на месте, не правда ли, мои кольца? Долг приковал груду треки к земле: Совет мудрецов поручил нам вести переговоры с ротенскими повелителями.

Были и другие задержавшиеся на площадке для праздников. Любопытствующие зрители или те, кто хотел выразить свою преданность пришельцам.

Так что не одни мы/я были свидетелями того, что произошло потом. Присутствовало несколько сотен, в благоговейном ужасе глядя, как корабль просвечивает долину различными лучами, разглядывает почерневшие расплавленные балки уничтоженной станции.

Но тут неожиданно послышался ужасный звук. Этот звук все еще, незастывший, стекает по нашему жирному сердечнику. Сигнал ужаса и тревоги, исходящий от корабля!

Нужно ли вспоминать дальше? Посмеем мы и дальше следить за восковым следом? Даже несмотря на то, что от него исходит нестерпимый жар?

Да?

Вы храбры, мои кольца.

* * *

Смотрите, как корабль ротенов неожиданно окутался светом!

Фотохимическое сияние льется на него сверху, отброшенное новым пришельцем, сверкающим, как солнце.

Но это не солнце, а другой космический корабль! Невероятно огромный, гораздо больше корабля генных грабителей; он нависает над этим кораблем, как треки с полным набором колец над только что вленировавшимся новым кольцом.

Можно ли поверить воску? Может ли существовать нечто такое огромное и могучее, как эта светящаяся гора, громоздко, как грозовая туча, движущаяся над поляной?

Захваченный врасплох, корабль ротенов испускает ужасные скрежещущие звуки, пытаясь спастись от титанического пришельца. Но теперь на него льется каскад света, прижимает, приобретая почти физическую ощутимость. Как твердый ствол, этот свет нажимает на корабль ротенов, пока тот не по своей воле касается обожженной почвы Джиджо.

Поток шафранового цвета льется на меньший крейсер, слоями покрывая корабль ротенов, сгущаясь, как комки застывающего сока. Вскоре беспомощный корабль ротенов заключен в кокон. В золотистой оболочке висят неподвижно листья и ветки, словно остановленные посредине движения.

А вверху навис новый могучий пришелец. Левиафан.

Ослепительный свет потускнел.

Напевая негромкую песню мощи, титан спустился, как будто гигантская гора занимает свое место в Риммере. Камень с неба своим огромным весом расколол скалы и изменил очертания всей долины.

Теперь воск как будто меняет свое направление. Расплавленная сущность устремляется в новом направлении.

Она направляется, мои кольца?

Через пропасть.

В ад.

РЕТИ

Рети думала о своей птице. О яркой птице, такой красивой, так несправедливо искалеченной, так похожей на нее самое в своем упрямом стремлении к преодолению препятствий.

Ее приключения начались в тот день, когда Джесс и Бом вернулись с охоты, хвастаясь, что нашли загадочное летающее существо. Их трофей — замечательное металлическое перо — и стал той последней каплей, которую она ждала. Рети приняла это перо за знамение и укрепилась в своем стремлении уйти. Знак, что наконец настало время покинуть жалкое племя и уйти в поисках лучшей жизни.

Думаю, каждый чего-нибудь ждет, размышляла она, а робот тем временем обогнул еще один поворот ужасной реки, продолжая полет к последнему известному месту пребывания летающего разведчика Кунна. Рети стремилась к той же цели, но одновременно и боялась ее. Пилот даник жестоко обойдется с Двером. Он может также наказать и Рети за многие неудачи.

Она поклялась, что сдержит свой характер и, если понадобится, будет пресмыкаться. Только бы звездные люди сдержали свое обещание и взяли меня с собой, когда улетят с Джиджо.

Они должны! Я отдала им птицу. Ранн сказал, что это ключ, который поможет даникам и ротенам в их поиске.

Ее мысли смешались.

В поиске чего?

Им что-то ужасно нужно, раз они решились нарушить галактический закон и тайком пробраться на далекую Джиджо.

Рети никогда не верила в эти разговоры о «генном грабеже» — что ротены явились за животными, готовыми научиться думать. Когда вырастаешь близко к природе и рядом с другими существами ежедневно борешься за пищу, начинаешь понимать, что думать умеют все. Птицы, рыбы да некоторые из ее родичей молятся деревьям и камням!

Ответ Рети был — ну и что? Станет ли галлейтер не таким вонючим, если научится читать? Или грязный клеб будет не таким отвратительным, если, валяясь в груде навоза, будет

цитировать стихи? В представлении Рети природа зла и опасна. С нее хватит такой жизни, она с радостью поменяет ее на возможность жить в каком-нибудь прекрасном галактическом городе.

Рети не верила, что люди Кунна прилетели издалека, только чтобы научить болтать каких-нибудь животных.

Но тогда какова истинная причина их появления? И чего они так боятся?

Робот избегал глубокой воды, как будто его силовое поле нуждалось в опоре на камень или почву. Когда река расширилась, а впадающие в нее притоки сами превратились в реки, дальнейшее продвижение оказалось невозможным. Даже длинные обходы не позволяли продвинуться вперед. Робот, со всех сторон окруженный водой, раздраженно гудел.

— Рети! — послышался снизу хриплый голос Двера. — Поговори с ним снова!

— Я уже говорила, помнишь? Ты, должно быть, разбил ему уши, когда вырвал антенну!

— Ну попытайся еще раз. Скажи, что я могу, я знаю способ, как перейти через реку.

Вцепившись в края платформы, Рети посмотрела вниз на него.

— Ты недавно хотел его убить, а теперь предлагаешь помощь?

Он поморщился.

— Уж лучше это, чем висеть в его клешнях, дожидаясь, пока солнце не сожжет меня. Думаю, на летающей лодке найдутся еда и лекарства. И я так много слышал об этих чужаках. Почему все интересное должно достаться тебе?

Она не могла понять, когда он серьезен, а когда насмехается. Но это не важно. Если мысль Двера окажется полезной, это может смягчить обращение Кунна с ним.

«И со мной», — добавила она.

— Ну, хорошо.

Рети, как ее учили, обратилась непосредственно к машине.

— Робот четыре! Слушай и выполняй приказ! Приказываю тебе опуститься, чтобы мы могли поговорить о переправе через реку. Пленник говорит, что он может это сделать.

Вначале робот не отреагировал. Он продолжал метаться между двумя высокими точками берега в поисках возможности пересечь реку. Но вскоре тон гудения двигателей изменился, металлические руки отпустили Двера, и охотник покатился по мшистому берегу. Несколько мгновений молодой человек лежал и стонал. Конечности его слабо дергались, как выброшенная на берег рыба.

У Рети тоже затекло тело. Она перебралась через край платформы, морщась от соприкосновения с почвой. Ноги кололо, хотя, вероятно, не так сильно, как у Двера. Она опустилась на колени и тронула его за локоть.

— Эй, как ты? Помочь подняться?

В глазах Двера было выражение боли, но он отрицательно покачал головой. Однако Рети все равно обняла его рукой за плечи, когда он с трудом садился. Проверив перевязку раны на бедре, свежей крови не обнаружили.

Робот чужаков молча ждал, пока молодой человек не встал — не очень устойчиво.

— Может, я смогу помочь тебе перебраться через воду, — сказал он машине. — Если я сделаю это, будешь нести нас по-другому? Останавливаться для еды, помогать нам добыть пищу? Что скажешь?

Еще одна длинная пауза — затем чирикающие звуки. Рети за время пребывания учеником звездных людей немного овладела галактическим два. Она узнала восходящие тона ответа «да».

Двер кивнул.

— Я не гарантирую, что мой план сработает. Но вот что я предлагаю.

В сущности, это очень просто, даже очевидно, но Рети почтительно посмотрела на Двера, когда он вышел из воды, промокший до подмышек. Не успел он полностью выйти из

реки, как робот сменил свое положение над головой Двера. Он словно соскальзывал с тела молодого охотника, пока не достиг места, где его поле касалось поверхности земли.

На всем пути через реку Двер выглядел так, словно над головой у него восьмиугольная шляпа, покачивающаяся, как воздушный шар. Когда Рети снова усадила его, глаза у Двера остекленели, а волосы торчали дыбом.

— Эй! — толкнула она его. — Ты в порядке?

Взгляд Двера был словно устремлен куда-то вдаль. Но через несколько дуров он ответил:

— Хм, кажется, да.

Рети покачала головой. Даже Грязнолапый и йии перестали обмениваться сердитыми взглядами и почтительно уставились на человека со Склона.

— Это было так необычно! — заметила Рети. Она не могла заставить себя сказать «смело», или «потрясающе», или «безумно».

Двер поморщился, как будто только сейчас почувствовал боль в измученном теле.

— Да все вместе взятое и еще больше.

Робот снова зачирикал. Рети догадалась, что тройной подъем тона с резкой нотой на конце означает: «Хватит отдыхать. Пошли».

Сложив руки, она помогла Дверу забраться на импровизированное сиденье на верху робота. На этот раз, когда робот возобновил движение, люди сидели на его площадке, а Грязнолапый и йии жались к ним, прячась от резкого ветра.

Хвастливые Джесс и Бом рассказывали об этой местности, и Рети помнила их слова. Местность низменная, болотистая, и впереди предстоит пересечь еще много рек.

ОЛВИН

Я проснулся, ошалевший и пьяный, как шимпанзе, наевшийся листьев гигри. Но по крайней мере боли больше не было.

Я по-прежнему лежу на мягкой плите, хотя зажимы и металлические трубки исчезли. Повернув голову, я увидел поблизости низкий стол. На нем мелкая белая чаша. А в ней десяток знакомых предметов, необходимых для хунского ритуала жизни и смерти.

Ифни! подумал я. Чудища вырезали мои спинные кости!

Но потом передумал.

Погоди. Ты еще не взрослый. У тебя два набора. Еще только через год ты должен потерять первый.

На самом деле я соображаю гораздо быстрей. Но боль и наркотики способны сделать с вами что угодно. Снова посмотрев в чашу, я увидел свой детский позвоночник. Обычно он выпадает за семь месяцев и заменяется взрослым. Должно быть, в катастрофе оба набора сблизились, зажали нервы и ускорили естественный ход процесса. И фувнтусы решили удалить мой старый позвоночник, даже если новый не вполне готов.

Догадались? Или они уже знакомы с хунами?

Не все сразу, подумал я. Попробуй почувствовать коготь на пальце ноги. Можешь им пошевелить?

Я отправил приказ втянуть когти и почувствовал, как поверхность стола сопротивляется моим усилиям. Пока все хорошо.

Просунул за спину левую руку и потрогал на спине утолщение, прочное и эластичное.

И тут же послышались слова. Необыкновенно ровный голос на галактическом семь с акцентом.

— Новый ортопедический каркас поможет тебе перенести напряжение при движениях, пока позвоночник следующей стадии не окрепнет. Тем не менее советуем не делать резких движений.

Ткань окутывала весь мой торс, в ней было легко и удобно, в отличие от того импровизированного корсета, которым раньше снабдили меня фувнтусы.

— Примите мою благодарность, — ответил я на формальном галсемь, осторожно опираясь на локоть и поворачивая

голову в другую сторону. — И мои извинения за те неудобства, которые я мог причинить.

И смолк. Там, где я ожидал увидеть фувнтуса или маленькую амфибию, с которыми мы познакомились раньше, стояла дрожащая фигура, призрачная, как голографические проекции, виденные прежде, но разукрашенно абстрактная. Вблизи стола плыла сложная сеть вращающихся линий.

— Никаких неудобств. — Голос словно исходил от вращающегося изображения. — Нам было любопытно узнать, что происходит в мире воздуха и света. Ваше своевременное прибытие — падение на морское дно вблизи нашего разведочного судна — кажется нам таким же неожиданным, как вам — наше присутствие.

Даже в опьяненном состоянии я почувствовал иронию в замечании вертящегося свечения. Оставаясь великодушным, оно напоминало мне, что «Мечта Вуфона» в долгу у спасителей: мы обязаны им жизнью.

— Верно, — согласился я. — Хотя мы с друзьями не упали бы в пропасть, если бы кто-то не забрал предмет, который мы должны были отыскать на отмели. Поиски и привели нас к падению.

Свечение приняло новый синеватый оттенок.

— Вы признаете, что вещь, которую вы искали, принадлежит вам? Это ваша собственность?

Настала моя очередь задуматься, опасаясь ловушки. Согласно законам Свитков тайник, который послала нас искать Уриэль, просто не существует. Это нарушение духа и буквы закона, который утверждает, что колонисты на запретной планете должны облегчать последствия преступления, отказываясь от богоподобных инструментов. Я был доволен, что приходится говорить на формальном языке, который позволяет яснее местных диалектов выразить мысль.

— Я признаю право осмотреть этот предмет и высказать свое мнение позже.

В вертящихся нитях появился пурпурный оттенок, и могу поклясться, я почти почувствовал, что существо забавляется.

Может быть, оно уже задавало те же вопросы моим друзьям. Я красноречив — Гек говорит, что никто не сравнится со мной во владении галсемь — но я никогда не утверждал, что я самый умный в нашей группе.

— Этот вопрос можно обсудить в другое время, — сказал голос. — После того как ты расскажешь нам о своей жизни и о событиях в верхнем мире.

Это что-то привело во мне в действие — назовем это торговым инстинктом, который таится в каждом хуне. Владение прекрасным искусством торговли. Способность действовать осторожно и неторопливо, рассчитывать каждый шаг. Я сел, позволяя корсету принять на себя бóльшую часть напряжения.

— Хр-р-рм. Вы просите отдать вам единственное, чем мы можем обменяться, — нашу историю и историю наших предков. А что вы предложите в обмен?

Голос издал очень неплохую имитацию печального хунского ворчания.

— Прошу прощения. Нам не приходило в голову, что вы можете так посмотреть на дело. Увы, бóльшую часть вы нам уже рассказали. Мы возвращаем твой запас информации. Прими наше искреннее раскаяние в том, что мы воспользовались им без твоего согласия.

Открылась дверь, в помещение вошло маленькое существо-амфибия, неся в четырех тонких руках мой рюкзак!

И что еще лучше, на рюкзаке лежал мой драгоценный дневник, порванный и потрепанный, но тем не менее все тот же предмет, который для меня ценнее всего в мире. Я схватил его и принялся листать страницы с загнутыми уголками.

— Успокойся, — сказало вращающееся изображение. — Изучение этого документа хотя и дало нам очень много, лишь разожгло наше любопытство. Ваши экономические интересы не пострадали.

Я обдумал эти слова.

— Вы читали мой дневник?

— Еще раз просим прощения. Это казалось благоразумным, когда мы стремились определить характер ваших ран и то, как вы появились в этом мире тяжелой мокрой тьмы.

И опять мне показалось, что в словах этих множество слоев значений и многие из них я только начинаю понимать. Но тогда мне хотелось как можно быстрей закончить этот разговор и посовещаться с Гек и остальными, что нам делать дальше.

— Сейчас я хотел бы увидеть своих друзей, — сказал я вертящемуся образу, переходя на англик.

Изображение вздрогнуло, словно кивнуло.

— Хорошо. Им сообщили, чтобы они ждали тебя. Пожалуйста, следуй за стоящим у двери.

Я осторожно опустил ноги на пол, пробуя, выдержу ли собственный вес. Маленькая амфибия сопровождала меня. Несколько раз становилось больно, но это только помогло мне лучше приспособиться к корсету. Я схватил дневник и посмотрел на свой рюкзак и чашу с позвонками.

— Здесь эти вещи в безопасности, — пообещал голос.

Надеюсь, подумал я. Они понадобятся маме и папе, конечно, если я когда-нибудь еще увижу Му-фаувк и Йоуг-уэйуо и особенно если не увижу.

— Спасибо.

Пятнистое изображение завертелось.

— Рад служить.

Прижимая к себе дневник, я вслед за маленьким существом прошел в дверь. А когда оглянулся на свое ложе, вертящееся изображение исчезло.

АСКС

Вот он наконец, тот образ, который мы искали. Теперь он достаточно остыл, чтобы его можно было погладить.

Да, мои кольца. Настало время для нового голосования. Остаться ли нам в кататонии или посмотреть в лицо тому, что почти несомненно представляет собой ужасное зрелище?

Наше первое мыслительное кольцо настаивает, что прецедент должен быть отдан долгу, вопреки нашей естественной для треки склонности избегать неприятного субъективизма.

Согласны? Должны ли мы остаться Асксом и встретиться с подступающей реальностью? Как вы решите, мои кольца?

...гладьте воск.

...следуйте его изгибам.

...смотрите, как спускается могучий звездный корабль.

Издавая песнь всепокоряющей силы, чудовищный корабль опускается, давит оставшиеся деревья на южном склоне долины, перегораживает реку, заполняя горизонт, как гора.

Чувствуете ли вы это, мои кольца? Дурное предчувствие, пронизывающее наш сердечник ядовитыми испарениями?

В высоком борту корабля открывается люк, по размерам способный проглотить небольшую деревню.

И на фоне освещенного интерьера видны силуэты.

Заостренные кверху конусы.

Груды колец.

Наши страшные родичи, которых мы надеялись никогда не увидеть.

САРА

Сара с тоской вспоминала последний ночной переход, потому что сейчас лошади шли таким галопом, что ей казалось, будто у нее вместо зада взбитое масло.

И только подумать: ребенком я мечтала поскакать верхом, как герои сказок.

Когда шаг замедлялся, Сара разглядывала загадочных всадниц, которые казались совсем дома рядом с огромными мифологическими животными. Они называли себя иллии и очень долго жили втайне. Но теперь необходимость вынудила их передвигаться открыто.

Неужели только для того, чтобы отвезти Курта и Незнакомца туда, куда хотел отправиться взрывник?

Но даже если его дело жизненно важно, зачем ему моя помощь? Я теоретик математик с ответвлением в область лингвистики. Даже в математике я по земным стандартам отстала на несколько столетий. А для галактов я что-то вроде умного шамана.

Спускаясь с гор, отряд начал встречать поселки — вначале урские лагеря со сгоревшими мастерскими и разбитыми загонами, скрытыми от гневного неба. Но по мере того как местность становилась плодородней, стали попадаться дамбы, за которыми расположены ульи и подводные фермы синих квуэнов. Минуя рощу на берегу реки, они увидели, что на самом деле «деревья» — это искусно сложенные мачты хунских рыбацких шхун и лодок-кут. Сара даже видела в удалении деревню ткачей-г'кеков с ее рампами, мостиками и тротуарами на высоте, по которым передвигается этот умный колесный клан. Все это опиралось на мощные деревянные столбы.

Вначале поселки, мимо которых проходили лошади, казались пустыми. Но кормушки для птиц полны, а блеклые завесы заново починены. Полдень не лучшее время для прогулок, особенно когда в небе висят зловещие призраки. И всякий проснувшийся во время дневного сна мог разглядеть только смутные скачущие фигуры, скрытые облаком пыли.

Но позже избежать внимания не удалось: члены всех шести рас выбирались из убежищ и кричали при виде скачущих мимо всадников. Строгие всадницы иллии никогда не отвечали, но Эмерсон и молодой Джома махали ошеломленным жителям деревень, вызывая иногда неуверенные приветствия. Сара смеялась, присоединяясь к их проделкам, которые превращали скачущую галопом процессию в веселый парад.

Когда лошади уже казались сильно уставшими, проводники свернули в лес, где ждали еще две женщины, одетые в замшу и говорящие с акцентом, который показался Саре мучительно знакомым. Отряд ждала горячая пища — а также дюжина свежих лошадей.

Кто-то здесь очень хороший организатор, подумала Сара. Ела она стоя — ароматную вегетарианскую еду. Ходьба помогла размять затекшие мышцы.

Следующий этап прошел легче. Одна из иллий показала Саре, как привставать на стременах, чтобы компенсировать толчки при езде. Сара была ей благодарна, но все же продолжала удивляться.

Где все эти люди жили все время?

Дединджер, пустынный пророк, поймал взгляд Сары, готовый обсудить с ней загадку, но она отвернулась. Привлекательность интеллекта не стоила того, чтобы страдать от его характера. Свободное время Сара предпочитала проводить с Эмерсоном. Тот хоть и не говорит, но раненый космонавт добрая душа.

Южнее Большого Болота деревни стали встречаться реже. Но здесь процветали треки: от высоких культурных груд, знаменитых своей травяной индустрией, до диких квинтетов, квартетов и маленьких трио колец, усваивающих разлагающуюся материю, как делали их предки на забытой родной планете, прежде чем какая-то раса патронов вывела их на Тропу Возвышения.

Сара представляла себе геометрические дуги, это помогало ей отвлечься от жары и скуки; она погружалась в мир парабол и волнообразных линий, свободных от времени и пространства. К тому времени когда она вновь подняла голову, над широкой рекой слева от них уже сгущались сумерки, а на другом берегу виднелись слабые огоньки.

— Переход Трейболда. — Дединджер всмотрелся в поселок, скрытый под маскирующими растениями. — Кажется, жители поступили разумно, хотя это и неудобно для таких путников, как мы.

Жилистый мятежник казался довольным. Сара задумалась.

Он имеет в виду мост? Неужели местные фанатики разрушили его без приказа мудрецов?

Двер, ее много путешествовавший брат, описывал мост через Гентт как чудо маскировки. Мост кажется беспорядочной путаницей сломанных деревьев. Но даже это сегодня не удовлетворяет фанатичных последователей Свитков.

В сумерках она разглядела обгоревшие остатки моста — от одной отмели до другой.

Точно как в деревне Бинг дома. Что в мостах так привлекает разрушителей?

В эти дни любой предмет, изготовленный с умом, может стать целью фанатиков.

Мастерские, дамбы и библиотеки исчезнут. Мы последуем за глейверами в благословенное забытье. Ересь Дединджера окажется верной, а ересь Ларка — ошибочной.

Сара вздохнула. Моя всегда была наименее вероятной.

Несмотря на то что попал в плен, Дединджер казался абсолютно уверенным в конечной победе своего дела.

— Теперь наши молодые проводницы проведут немало дней, пытаясь нанять лодки. Больше не будет спешки и попыток оттянуть Судный День. Как будто взрывники и их друзья могут изменить предначертанное судьбой.

— Заткнись, — сказал Курт.

— Знаешь, я всегда считал, что ваша гильдия будет на нашей стороне, когда придет время расстаться с тщеславием и пойти по Тропе Избавления. Разве тебя это не раздражает: всю жизнь готовиться взрывать и в самый критический момент воздержаться?

Курт отвернулся.

Сара ожидала, что всадницы направятся к ближайшей рыбацкой деревне. Лодка хунов достаточно велика, чтобы перевезти по одной лошади за раз, хотя медленное продвижение сделает иллий заметными для всех ротозеев в округе на дюжину лиг.

Может, их поселок в этой чаще?

Но и через эту местность проходят охотники и очистители. И никакой клан всадников не может здесь скрываться целых сто лет!

Запутавшись в лабиринте деревьев и холмов, Сара следила за всадницей перед собой. Ей не хотелось заблудиться в темноте и остаться одной.

Тропа постепенно поднималась, и вскоре впереди открылась панорама холмов, расположенных на равных промежутках, окруженных углублениями с густой растительностью. Судя по симметричному расположению, Сара догадалась, что это руины буйуров.

Но тут что-то другое привлекло ее внимание, и она забыла об археологии. Блеск на западе, за много миль отсюда.

Широкие плечи горы закрыли большой участок звездного неба.

У вершины горели красные и оранжевые огни.

Текущая лава.

Кровь Джиджо.

Вулкан.

Сара помигала. Неужели это действительно...

«Нет, — сказала она себе. — Это не Гуэнн. Это гора Блейз».

— Если бы это было нашей целью, Сара, все было бы гораздо проще, — заговорил поблизости Курт. — Но увы, кузнецы горы Блейз консервативны. Они не желают участвовать в тех хобби и в том времяпрепровождении, которыми занимаются там, куда мы направляемся.

Хобби? Времяпрепровождение? Неужели Курт хочет сбить ее своими загадками?

— Неужели ты говоришь, что мы отправимся до самой...

— До другой большой кузницы? Да, Сара. Не волнуйся, мы туда доберемся.

— Но мост разрушен! Потом пустыня, а за ней Спект.

Сара смолкла: отряд начал спуск в колючие заросли между двумя холмами. Трижды всадники спешивались, чтобы преодолеть преграды, которые выглядели как камни или поваленные стволы деревьев. Наконец они добрались до небольшой поляны, где проводников ожидала еще одна группа одетых в кожу всадниц. Горел костер и приятно пахло едой.

Несмотря на тяжелый день, Сара сама расседлала свою лошадь и растерла ее щеткой. Ела она стоя, сомневаясь, сможет ли когда-нибудь сидеть.

Надо проверить, как Эмерсон. Убедиться, что он принял лекарство. Может, ему потребуется рассказ или песня, чтобы успокоиться после всего этого.

Рядом появилась маленькая фигурка, нервно переминаясь.

Не — Ходить — Дыра. — Прити жестикулировала проворными руками. — Страшно — Дыра.

Сара нахмурилась.

— О какой дыре ты говоришь?

Шимпанзе взяла Сару за руку и потащила к нескольким иллиям, которые перекладывали багаж в большой, но приземистый ящик.

Фургон, поняла Сара. Большой, на четырех колесах, вместо обычных двух. В него впряжены свежие лошади, но куда они его потянут? Конечно, не в окружающую чащу!

И тут Сара увидела «дыру», о которой говорила Прити, — зияющее отверстие у основания холма. Отверстие с гладкими стенами и ровным полом. По центру туннеля проходит тонкая блестящая полоска, продолжая спускаться, пока не исчезает из виду.

Джома и Курт уже были в фургоне, за ними был привязан Дединджер, на аристократическом лице которого застыло удивленное выражение.

На этот раз Сара была согласна с мудрецом еретиком.

Эмерсон стоял у входа в шахту и вопил, как мальчишка, с помощью эха исследующий свою первую пещеру. Звездный человек улыбался, он казался вполне счастливым. Протянул руку Саре. Сара глубоко вдохнула и взяла ее.

Что ж, готова поспорить: Двер и Ларк никогда ничего подобного не испытывали. Может, на этот раз у меня окажется самая интересная история.

ОЛВИН

Я застал друзей в тусклом помещении, где все очертания скрывал неподвижный туман. Хоть без костылей я хромал, мои неловкие шаги были совершенно беззвучными, когда я приблизился к силуэтам Гек и Ур-ронн. Маленькая Хуфу сидела на панцире Клешни. Все смотрели в другую сторону, куда-то вниз, на мягкое свечение.

— Эй, что происходит? — спросил я. — Неужели никто не будет приветствовать.

Гек повернула ко мне один из глазных стебельков.

— Да-мы-рады-тебя-видеть-а-сейчас-заткнись-и-иди-сюда.

Мало кто из жителей Склона может так все втиснуть в единое слово на галактическом три. Но такое мастерство не извиняло ее грубость.

— То-же-самое-тебе-существу-слишком-поглощенному-чтобы-проявить-обычную-вежливость, — в том же духе ответил я.

Пробираясь вперед, я заметил, что мои товарищи изменились. Шкура Ур-ронн блестела, колеса Гек выглядели совершенно целыми, а панцирь Клешни был залечен и начищен. Даже Хуфу казалась гладкой и довольной.

— Что это? — начал я. — На что вы все смотрите.

Я смолк, заметив, на чем они стоят, — на балконе без перил, выходящем на источник прохлады и бледного свечения. Куб, длиной по меньшей мере в два хунских роста, светлого желто-коричневого цвета. Окутанный туманом, который сам же испускал, и без единого украшения на поверхности, за исключением символа на одной стороне. Спираль с пятью рукавами и шарообразным центром, пересеченная вертикальной линией.

Как бы низко ни пали жители Склона, как бы далеко ни остались времена, когда их предки жили среди звездных богов, эту эмблему знает каждая личинка и каждый ребенок. Нанесенная на каждый экземпляр священных свитков, она вызывает благоговейный страх, когда пророки и мудрецы говорят об утраченных чудесах. На этом замороженном обелиске она может означать только одно: что мы стоим рядом с источником знаний, настолько обширным, что никто на Джиджо даже представить себе это не может. Если бы экипаж «Обители» сохранил печатные механизмы и книги печатались бы до сегодня, они могли бы вместить лишь ничтожную долю того, что сейчас перед нами, сокровищницы, которая зародилась раньше многих звезд на небе.

Великая Библиотека цивилизаций Пяти Галактик.

Я слышал, что такие моменты у великих умов порождают красноречие.

— Ух ты! — заметил Клешня.

Ур-ронн оказалась не такой лаконичной.

— Вопросы, — протянула она. — Вопросы, которые мы можем задать.

Я толкнул Гек.

— Ну, ты ведь говорила, что хочешь найти что-нибудь почитать.

Впервые за все годы, что я ее знаю, наша маленькая подруга на колесах утратила дар речи. Ее стебельки дрожали. И единственный звук, который она издала, был негромкий вздох.

АСКС

Если бы только у нас/меня были ноги, способные бежать,
Я/мы воспользовался бы ими и побежал.
Если бы у нас/меня были когти, чтобы копать,
Я/мы выкопал бы нору и спрятался.
Если бы у нас/меня были крылья,
Я/мы улетел бы отсюда.

Но поскольку этими полезными искусствами мы не владеем, члены нашей груды едва не постановили навсегда отгородиться от мира, отречься от объективной вселенной и подождать, пока непереносимое не уйдет.

Но оно не уйдет.

Об этом напоминает наше второе кольцо мысли.

Многие из жирных слоев мудрости, покрывающих наш престарелый сердечник, отложились после чтения ученых книг или долгих бесед с другими мудрецами. Эти полосы философского воска согласны с нашим вторым кольцом. Как ни трудно это признать треки, космос не исчезает, когда мы замыкаемся в себе. Об этом свидетельствуют логика и наука.

Вселенная продолжает существовать. Одно за другим происходят важные события.

Тем не менее очень трудно повернуть наши дрожащие сенсорные кольца к горе-дредноуту, который только что опус-

тился с неба и чей корпус словно заполнил всю долину и все небо.

Еще трудней смотреть в люк в борту огромного корабля, в это отверстие, которое шире самого большого здания города Тарек.

Но труднее всего — смотреть на худшее из всех возможных зрелищ, на этих родичей, от которых так давно бежали треки.

На сильных и страшных — на могучих джофуров.

Какими великолепными они кажутся, эти сверкающие кольца, раскачивающиеся на фоне освещенного портала, без жалости глядящие на искалеченную страшным весом их корабля долину. Долину, кишащую полуживотными, смешанными отбросами, дикими потомками беженцев.

Изгнанниками, которые полагали, что смогут избежать неизбежного.

Граждане Общины в страхе перешептываются, все еще не пришедшие в себя от увиденного: меньший корабль ротенов, сила которого много месяцев приводила нас в ужас, беспомощно прижат и заключен в смертоносную светящуюся оболочку.

Да, мои кольца. Я/мы чувствую, как некоторые — самые быстрые и благоразумные — убегают, исчезают еще до того, как стихает гул приземления. Другие неразумно приближаются к гигантскому кораблю, притягиваемые любопытством или благоговением. Возможно, фигуры, которые они видят, не связываются в их сознании с представлением об опасности.

Безвредный, как треки, так у нас говорят. В конце концов, чем могут грозить груды жирных колец?

О, мои/наши бедные невинные соседи. Скоро вы это узнаете.

ЛАРК

В ту ночь ему снился тот момент, когда он в последний раз видел улыбку Линг — до того, как ее и его мир безвозвратно изменился.

Казалось, это было так давно, во время ночного, при свете луны, молчаливого паломничества мимо выходов вулканических испарений и крутых утесов, в единой надежде, в преклонении перед Святым Яйцом. Процессию составляли двенадцать дюжин одетых в белое паломников: квуэнов и г'кеков, треки и уров, людей и хунов; все они по тайной тропе поднимались к священному месту. И впервые с ними были гости из космоса: повелители ротены и два человека-даника, а также их охранные роботы; все они собирались присутствовать при ритуале единства причудливого варварского племени.

Ему снились последние мирные моменты этого паломничества, прежде чем единство было разорвано словами чужаков и делами фанатиков. И особенно улыбка на ее лице, когда она сообщила ему радостную новость.

Летят корабли. Множество кораблей.
Пора всем вам вернуться домой.

Два слова по-прежнему дрожали, как искры в ночи. Ритмично разгорались, когда он во сне тянулся к ним.

корабли.

домой.

корабли.

домой.

Одно слово во сне исчезло — он не мог сказать, какое именно. За второе ухватился, и его огненное свечение усилилось. Странный свет, стремящийся на свободу. Он проходит сквозь плоть, сквозь кости. Свет все проясняет, предлагает показать ему все.

Все, кроме...

Но она исчезла. Ее забрало исчезнувшее слово.

Из ночного кошмара Ларка, закутавшегося в теплое одеяло, вырвала боль. Правда, рука была прижата к груди, и от нее исходили волны боли.

Ларк тяжело вздохнул и левой рукой один за другим разжал пальцы правой. Что-то прокатилось по его раскрытой ладони.

Каменный осколок Святого Яйца, тот самый, что он еще мятежным ребенком отколол и с тех пор носил с собой как наказание. Во сне он видел, как разгорячается этот осколок, пульсирует в ритм с его сердцем.

Ларк смотрел на блеклый навес над головой и на участки звездного неба.

Я остался во тьме на Джиджо, подумал он. Ему очень хотелось снова увидеть сияние, заполнявшее сон. Сияние, которое, казалось, способно осветить самые далекие дали.

Позже в тот же день, когда нервничающий солдат милиции принес к ним в палатку поднос с завтраком, Линг заговорила с ним.

— Послушай, это глупо, — сказала она. — Каждый из нас ведет себя так, словно другой — отродье дьявола. У нас нет времени для перебранок: и мои и твои люди идут по курсу, который грозит трагическим столкновением.

Ларк думал о том же, хотя ее мрачный испуг показался ему чрезмерным. Линг откровенно посмотрела ему в глаза, как будто хотела наверстать упущенное время.

— Я бы сказал, что столкновение уже произошло, — заметил он.

Поджав губы, она кивнула.

— Верно. Но несправедливо обвинять всю вашу Общину за действия меньшинства, которое не получало одобрения или...

Он коротко горько рассмеялся.

— Даже пытаясь быть искренней, ты остаешься снисходительной, Линг.

Она несколько мгновений смотрела на него, потом кивнула.

— Ладно. В сущности, ваши мудрецы фактически — постфактум — санкционировали нападение фанатиков, захватив нас в плен и угрожая шантажом. Справедливо будет сказать, что мы уже...

— В состоянии войны. Верно, дорогая бывшая нанимательница. Но ты обошла наш casus belli. — Ларк понимал, что его грамматика может хромать, но ему хотелось показать, что даже

дикарь может ввернуть латинское выражение. — Мы боремся за свою жизнь. И теперь мы знаем, что ротены с самого начала замыслили геноцид.

Линг посмотрела мимо него туда, где врач г'кек извлекал все большее количество жидкости из дыхательных щелей квуэна, который без сознания лежал в глубине убежища. Она несколько месяцев работала рядом с Утеном, оценивая местные образцы с точки зрения возможного Возвышения. Болезнь серого квуэна не абстракция.

— Поверь мне, Ларк, я ничего не знаю об этой болезни. Не знаю и о том трюке, который предположительно сыграли ротены, пытаясь действовать через ваше Яйцо.

— Предположительно? Ты полагаешь, у нас есть технология, способная на подобное? По-твоему, это обман?

Линг вздохнула.

— Я не отказываюсь полностью от этой идеи. С самого начала вы, джиджоанцы, играли на наших предположениях. На нашей готовности принимать вас за невежественных варваров. Нам потребовались недели, чтобы узнать, что вы все еще владеете грамотностью. И только в последнее время мы поняли, что у вас есть сотни, может, даже тысячи книг!

Прежде чем Ларк понял, как много выдает его выражение, на его лице появилась ироническая улыбка.

— Больше? Гораздо больше? — Линг недоверчиво смотрела на него. — Но где они? Клянусь бородой фон Даника, где они?

Ларк отставил еду, к которой почти не притронулся. Протянул руку к своему рюкзаку и достал толстый, переплетенный в кожу том.

— Не могу сказать, сколько раз я хотел показать тебе это. Теперь, вероятно, это уже не имеет значения.

Жестом, который Ларк оценил, Линг вначале вытерла руки и только потом взяла книгу и принялась осторожно переворачивать страницы. Ларк скоро понял, что то, что казалось ему почтением, на самом деле было неопытностью. У Линг просто не было практики в пользовании бумажными книгами.

Вероятно, она раньше видела их только в музеях.

Мелкий шрифт чередовался с литографированными иллюстрациями. Линг восклицала, разглядывая плоские неподвижные изображения. Многие из нарисованных здесь видов проходили и через исследовательскую лабораторию даников, где много месяцев она и Ларк вместе искали животных, нужных хозяевам ротенам.

— Насколько стар этот текст? Вы нашли его здесь, среди этих развалин? — Линг указала на предметы, сохраненные мульк-пауком, реликты давно улетевших буйуров, запечатанные в янтарные коконы.

Ларк застонал.

— Ты по-прежнему это делаешь, Линг. Во имя Ифни! Книга написана на англике!

Она энергично кивнула.

— Конечно. Ты прав. Но тогда кто...

Ларк наклонился и раскрыл титульную страницу.

НЕЗАВИСИМОЕ ФИЛОГЕНЕТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ СКЛОНА НА ДЖИДЖО

— Это первая часть. Часть вторая состоит преимущественно из набросков. Я сомневался, что мы доживем до окончания третьего тома, поэтому оставил пустыни, моря и тундру кому-то другому.

Линг смотрела на страницу, проводила пальцами по двум строкам, набранным мелким шрифтом под названием. Потом посмотрела на Ларка и перевела взгляд на умирающего квуэна.

— Верно, — сказал он. — Ты живешь в одной палатке с обоими авторами. И поскольку я дарю тебе этот экземпляр, у тебя есть редкая возможность. Хочешь получить автографы обоих авторов? Вероятно, ты последняя, у кого есть такая возможность.

Но его горький сарказм пропал зря. Она явно не поняла слово «автограф». Во всяком случае, снисходительного захват-

чика-чужака тут же сменила Линг-исследователь. Перелистывая книгу, она что-то бормотала, читая каждую главу.

— Это принесло бы огромную пользу во время нашего исследования!

— Поэтому я и не показывал его тебе.

Линг ответила коротким кивком. Учитывая их несогласие по поводу справедливости генного грабежа, его отношение вполне понятно.

Наконец она закрыла том, погладила переплет.

— Этот подарок — для меня большая честь. Это достижение. Не могу даже представить себе, какие усилия потребовались, чтобы создать это — в таких обстоятельствах и только вами двумя.

— С помощью других и стоя на плечах предшественников. Так создается наука. Предполагается, что каждое поколение знает больше, добавляет нечто к тому, что знали предшественники.

Он замолчал, осознав, что говорит.

Прогресс? Но это ересь Сары. А не моя!

Но почему мне так горько? Что с того, что эпидемия может уничтожить все разумные существа на Джиджо? Разве совсем недавно это не казалось тебе благословением? Разве это не идеальный способ быстро покончить с существованием незаконной колонии? С пагубным вторжением, которое никогда не должно было произойти?

За время болезни Утена Ларк кое-что понял — смерть может отвлеченно казаться желательной, но совсем другое дело, когда она подходит к тебе и касается тебя лично.

Если бы выжил еретик Харуллен, возможно, он помог бы Ларку держаться за свою веру в галактический закон, который по важным основаниям запрещает поселения на невозделанных мирах. Нашей целью было искупление эгоистического греха предков. Мы должны были помочь Джиджо избавиться от заражения.

Но Харуллен погиб, разрезанный на куски роботом ротенов, и теперь Ларк охвачен сомнениями.

Я предпочел бы, чтобы была права Сара. Если бы я только увидел в этом благородство. Что-то такое, что стоит выдержать. Ради чего стоит бороться.

На самом деле я не хочу умирать.

Линг снова принялась просматривать руководство. Лучше всякого другого она была способна оценить труд, которому они с Утеном посвятили бóльшую часть своей взрослой жизни. Ее профессиональная оценка помогла преодолеть разделявшую их пропасть.

— Хотела бы я подарить тебе что-нибудь равноценное, — сказала она, снова встретившись с его взглядом.

Ларк задумался.

— Ты серьезно этого хочешь?

— Конечно.

— Хорошо, тогда подожди. Я сейчас вернусь.

В глубине убежища врач г'кек жестом глазных стебельков показал, что положение Утена не изменилось. Хорошая новость, так как до сих пор все перемены были к худшему. Ларк погладил хитиновый панцирь друга; ему хотелось, чтобы и в своем беспамятстве Утен почувствовал его поддержку.

— По моей вине ты подцепил эту заразу, старый друг. Я заставил тебя пойти с собой в развалины станции поискать секреты чужаков. — Он вздохнул. — Не могу загладить свою вину. Но то, что у тебя в мешке, может помочь другим.

Он взял сумку Утена и отнес ее к Линг. Порывшись, отыскал несколько плоских, прохладных на ощупь предметов.

— Мы нашли кое-что, и ты можешь помочь мне прочесть это. Если серьезно хочешь выполнить свое обещание.

Он вложил ей в руку один из плоских ромбов, светло-коричневый и гладкий, как стекло, со спиральной эмблемой на поверхности.

Линг несколько дуров смотрела на ромб. А когда подняла голову, у нее появилось какое-то новое выражение. Неужели уважение к тому способу, с помощью которого он загнал ее в угол? Использовал единственное общее их качество — сильнейшее чувство чести?

Впервые с момента их встречи Линг словно признала, что имеет дело с равным.

АСКС

Успокойтесь, мои кольца. Никто не может заставить вас против воли гладить воск.

Как треки, каждый из нас полностью независим, волен не пробуждать невыносимые воспоминания, пока не готов к этому.

Пусть воск еще немного остынет, — требует большинство колец, — прежде чем мы решимся посмотреть на него.

Пусть самый недавний ужас подождет.

Но наше второе кольцо мысли возражает. Оно настаивает: мы/я не должны больше оттягивать встречу с ужасной новостью о прибытии на Джиджо джофуров, наших страшных родичей.

Наше второе кольцо мысли напоминает нам загадку солипсизма — ту самую головоломку, которая заставила наших основателей бежать из Пяти Галактик.

Солипсизм. Миф о «я», имеющем первостепенное значение.

На том или ином уровне развития все смертные существа рано или поздно проходят через эту концепцию. Индивид может воспринимать других зрением, осязанием или эмпатией и все же считать их собственным вымыслом или автоматами. Карикатурами, не имеющими значения.

При солипсизме мир существует только для индивида.

Если рассмотреть эту концепцию беспристрастно, она кажется безумной. Особенно для треки, потому что ни один из нас не в состоянии преуспевать или мыслить в одиночестве. Но для честолюбивых созданий эготизм может оказаться полезен, заставляя их целеустремленно добиваться успеха.

Безумие кажется необходимым для достижения «величия».

Земные мудрецы знакомы с этим парадоксом по своей длительной изоляции. Невежественные и одинокие, земляне переживали одно странное суеверие за другим, фанатично испы-

тывая концепции, на которые возвышенное существо не затратит и дура. Согласно сказаниям волчат, люди непрерывно боролись со своим всепоглощающим эго.

Некоторые пытались подавить эготизм, найти отвлечение от него. Другие свои личные амбиции вкладывали в нечто большое: в семью, в религию, в лидера.

Позже они прошли через фазу, когда индивидуализм превозносился как высшая добродетель. Люди учили свою молодежь раздувать эго за пределы естественных границ или пределов. В архиве Библоса есть труды, созданные в эту эру эго, и в них на каждой странице пылает праведный, самодовольный гнев.

Наконец, непосредственно перед контактом, сформировалась новая концепция.

В некоторых текстах для ее описания используется слово «зрелость».

Мы, треки, только что возвышенные из печальных болот своей родины, казались в безопасности от достижения величия, какими бы умениями и искусствами ни наделили кольца наши патроны, благословенные поа. О, нам было приятно соединяться в высоких мудрых грудах. Собирать ученый воск и летать меж звездами. Но к раздражению наших патронов, нас никогда не привлекало соперничество кланов и фракций, которое разрывает Пять Галактик. Нам всегда казались нелепыми фанатизм и лихорадочное честолюбие.

Тогда поа пригласили специалистов. Оайлие.

Оайлие в своей мудрости пожалели нас. Они наделили нас орудием достижений. Способом стать великими.

Оайлие дали нам новые кольца.

Кольца власти.

Кольца эгоистической славы.

Кольца, которые превратили простых треки в джофуров.

Слишком поздно и мы, и наши патроны поа усвоили урок — всякое честолюбие имеет свою цену.

* * *

Мы бежали, не правда ли, мои кольца?

Некоторым треки чудом удалось сбросить «дар» оайлие и спастись.

От тех дней уцелело лишь несколько восковых запоминающих кристаллов-ячеек. Воспоминаний, пронизанных ужасом перед тем, во что мы превращались.

В то время наши предки не видели иного выхода, кроме бегства.

И однако угрызения совести пронизывают наш сердечник.

Существовал ли иной путь?

Могли ли мы остаться и каким-то образом приручить эти ужасные новые кольца? Теперь исход предков кажется нам тщетным, не был ли он также и ошибочным?

Став высоким мудрецом, этот треки Аскс много думал над земными книгами, изучал одинокую длительную борьбу землян — непрерывную ожесточенную кампанию, направленную на подавление собственной глубоко солипсической природы. Эта борьба была в самом разгаре, когда люди вышли из земной колыбели и вступили в контакт с галактической цивилизацией.

Асксу в своих исследованиях не удалось прийти к окончательному заключению, однако я/мы отыскал мучительные намеки.

Похоже, что фундаментальным необходимым ингредиентом является совесть.

Да, мои кольца?

Что ж, очень хорошо. Второе кольцо мысли переубедило большинство.

Мы/я снова обратимся к раскаленно-ужасному восковому следу недавних воспоминаний.

Блестящие конусы смотрели на смущенных зрителей, толпившихся на искалеченной поляне. С высокого балкона в огромном борту корабля-горы полированные груды жирных ко-

лец роскошно капали, разглядывая толпившихся внизу дикарей — нас, ошеломленных членов шести изгнанных рас.

Меняющиеся цвета пробегали по их пухлым торам — следы быстрых споров. Даже на таком большом расстоянии я/мы чувствовал противоречия, разделяющие великих джофуров. Они спорили. Решали нашу судьбу.

Наши капающие мысли-потоки застывают, события прерываются.

Уже близко.

Мы очень близки к самым последним событиям. К настоящему.

Вы чувствуете его, мои кольца? Тот момент, когда наши великие родичи перестали спорить, что делать с нами? Среди этого злобного спора неожиданно возникла убедительная решимость. Командующий, могучие кольца, чья власть является верховной, уверенно принял решение.

Какая уверенность! Какая решимость! Она обрушилась на нас даже на расстоянии в шесть полетов стрелы.

И тут из могучего дредноута полилось нечто иное.

Лезвия адского пламени.

ЭМЕРСОН

Ему никогда особенно не нравились дыры. А это одновременно пугала и интриговала Эмерсона.

Странное путешествие, поездка в деревянном фургоне, в который запряжена четверка лошадей; фургон со скрипом движется по проходу с пятнистыми стенами, который кажется бесконечно растянувшимися внутренностями. Единственное освещение исходит от слабо светящейся полоски. Полоска исчезает в обоих направлениях, впереди и сзади.

Эта раздвоенность кажется поучительной. После прохода в отверстие на укромной лесной поляне время потеряло определенность: прошлое неясно, будущее тоже. Как вся его жизнь после того, как он вернулся в сознание в этом варварском

мире, с дырой в голове и с миллионами темных промежутков там, где должны быть воспоминания.

Эмерсон чувствует, как это место вызывает в глубине его искалеченного мозга какие-то ассоциации. Корреляции, которые вопят и воют за преградами его амнезии. Страшные воспоминания держатся на самом пороге восприятия. Тревожные картины жалкого бормочущего ужаса, которые жалят и хлещут, когда он пытается их уловить.

Как бу́дто кто-то охраняет их.

Странно, но это не заставляет его отказаться от попыток проникнуть за преграды. Он слишком много времени провел в обществе боли, чтобы бояться ее. Знакомый с ее причудами и обычаями, Эмерсон считает, что теперь знает боль так же хорошо, как себя самого.

Даже лучше.

Как добыча, которая устала спасаться бегством, поворачивается и выслеживает преследователя, Эмерсон идет по запаху страха, ищет его источник.

Но остальные не разделяют его чувства. Хотя лошади тяжело дышат, а их копыта стучат, все звуки в туннеле кажутся приглушенными, почти подобными смерти. Остальные путники нервно ежатся на узких сиденьях, их дыхание паром вырывается в холодный воздух.

Взрывник Курт кажется немного менее удивленным, чем Сара и Дединджер. Старик как будто подозревал наличие подземного прохода. Но и он продолжает посматривать в разные стороны, словно пытается уловить страшные движения в окружающей тени. Даже проводницы, молчаливые женщины-всадницы, кажутся неспокойными. Должно быть, они уже бывали здесь. Но Эмерсон видит, что туннель им не нравится.

Туннель.

Он произносит это слово, гордо добавляя его к списку возвращенных существительных.

Туннель.

Некогда этот термин означал для него нечто большее, чем дыра в земле. Тогда его делом была настройка могучих ма-

шин, которые позволяют летать в черных глубинах космоса. Тогда это слово означало...

Но другие слова не приходят в голову. Даже образы не даются, хотя, как ни странно, уравнения потоком льются из того участка мозга, который поражен меньше центра речи. Уравнения, объясняющие туннель, объясняющие абстрактным, стерильным образом. Это нечто вроде многомерной трубы, которая проходит через предательские мели гиперпространства. Но, к сожалению, формулы не позволяют вернуть к жизни воспоминания.

В них нет предательского следа страха.

Невредимым остается и его никогда не обманывающее ощущение направления. Эмерсон знает, что туннель с гладкими стенами должен пройти под рекой, но вода не просачивается. Туннель — удивительное создание галактической технологии, построенное так, чтобы выдержать века и эпохи — пока не наступит время демонтажа.

На этой планете такое время давно наступило. И, когда Джиджо была объявлена невозделанной, это место должно было исчезнуть вместе с большими городами. Но кто-то недосмотрел, и машины — огромные разрушители, — и живые ядовитые озера сюда не пришли.

И вот теперь отчаявшиеся изгнанники пользуются этим туннелем, чтобы избежать взглядов с враждебного неба, неожиданно заполнившегося кораблями.

Деталей он по-прежнему не помнил, однако Эмерсон уже знал, что когда-то летел в космическом корабле вместе с Джиллиан, Ханнесом, Тш'т и экипажем «Стремительного».

Боль, которую сопровождало мгновенное мелькание лиц после каждого имени, заставила его хмыкнуть и закрыть глаза. Лица, по которым Эмерсон тоскует и отчаянно надеется никогда не увидеть вновь. Он знает, что каким-то образом принес себя в жертву, чтобы помочь остальным улететь.

Удался ли его план? Улетел ли «Стремительный» от этих страшных дредноутов? Или он страдал зря?

* * *

Его спутники дышат тяжело и потеют. Затхлый воздух действует на них, но для Эмерсона это всего лишь другая атмосфера. За долгие годы он дышал в разных типах атмосферы. По крайней мере здесь легкие получают кислород.

В отличие от ветров на зеленой-зеленой планете, где теплый день убьет вас, если откажет шлем.

Теперь он вспоминает, что его шлем действительно отказал — и в самое неподходящее время, когда он перебирался через путаницу сосущей полурастительности, отчаянно бежал к...

Громко вскрикнули Сара и Прити, разорвав нить его мысли и заставив посмотреть, что случилось.

На большой скорости фургон неожиданно въехал в расширившийся туннель, словно в желудок, где змея переваривает еду. Пятнистые стены исчезли в глубокой тени, и в этой тени стали смутно видны десятки громоздких предметов — трубообразные экипажи, изъеденные временем. Некоторые были погребены под каменными осыпями. Груда камней преграждала противоположный выход из подземного помещения.

Эмерсон поднял руку и погладил пленчатое существо, которое сидело у него на лбу, легкое, как шарф или вуаль. Реук задрожал при его прикосновении, опустился и закрыл прозрачной мембраной глаза. Некоторые цвета потускнели, другие стали ярче. Древние экипажи замерцали, словно призраки, как будто он смотрит на них не через пространство, а сквозь время. Почти возможно представить себе их в движении, полных жизненной энергией, несущихся по паутине ходов, пронизывающих живую всепланетную цивилизацию.

Всадницы, сидевшие на облучке, натянули вожжи и всматривались вперед, окруженные ореолом напряжения, видимым благодаря реуку. Пленка показала Эмерсону их нервный суеверный страх. Для них это не безвредный склеп, полный пыльных древностей, а страшное место, где рыщут фантомы. Привидения из века богов.

Существо на лбу интересовало Эмерсона. Как этот маленький паразит передает эмоции — даже между существами, столь

отличными друг от друга, как люди и треки, — и делает это без слов? Всякий, кто принес бы такое сокровище на Землю, был бы щедро вознагражден.

Эмерсон видел справа Сару: девушка успокаивала шимпанзе, держа ее на руках. Маленькая обезьяна съежилась в этой темной, не создающей эха пещере, но реук показывал, что страх Прити обманчив. Отчасти это игра! Способ отвлечь хозяйку от ее собственных клаустрофических страхов.

Эмерсон понимающе улыбнулся. Ореол, окружавший Сару, выдавал то, что понял и невооруженный глаз: молодая женщина расцветает, когда она кому-нибудь нужна.

— Все в порядке, Прити, — успокаивала она. — Тише. Все в порядке.

Фразы такие простые, такие знакомые, что Эмерсон понял их. Он слышал эти самые слова, когда лежал в бреду, в туманные дни после катастрофы. Нежная забота Сары помогла ему выбраться из ямы, полной темным пламенем.

Обширная пещера все тянулась, и только светящаяся полоска помогала не сбиться с курса. Оглянувшись, Эмерсон увидел молодого Джому, который сидел на последней скамье, сжимая в руках шапку, а дядя Курт в это время что-то неслышно объяснял ему, указывая на далекие потолок и стены, — может, рассуждал, что их удерживает.

Эмерсон раздраженно фыркнул. Что за мрачные спутники! Он бывал в местах бесконечно более опасных, чем этот безвредный склеп, некоторые из этих мест он может даже вспомнить! И если какую-то истину из своей прежней жизни он может припомнить, так это то, что веселое путешествие проходит гораздо быстрей, даже если ты в глубинах пространства или на пороге ада.

Из мешка у ног он вытягивает дульцимер, который Арианна Фу дала ему в Библосе, в том разукрашенном зале с бесконечными коридорами, уставленными бумажными книгами. Не заботясь о молоточках, он кладет инструмент на колени и дергает за несколько струн. Звонкие ноты отрывают остальных от тревожных размышлений и заставляют посмотреть в его сторону.

И хотя поврежденный мозг Эмерсона не позволяет воспользоваться речью, он выработал свои способы подталкивать и уговаривать. Музыка исходит из другого участка мозга, как и песня.

Свободные ассоциации просеивают затуманенные хранилища его памяти. Ранние ящики и шкафы, не поврежденные позднейшей травмой. В одном из хранилищ он отыскивает песню о другом путешествии по узкой дороге. Песню, которая обещает надежду в конце пути.

И песня вырывается без его воли, целиком, голосом сильным, хотя и лишенным практики.

У меня был мул по имени Сал,
Он брел пятнадцать миль по каналу Эри.
Хороший работник и добрый приятель —
Пятнадцать миль по каналу Эри.

Мы тащили груз в те дни,
Груз леса, угля и сена,
И знали каждый дюйм пути
От Олбани до Буффало-о-о.

Среди этих теней нелегко рассеять тревогу спутников. Он и сам чувствует над собой тяжесть нависших скал и годов. Но Эмерсон отказывается поддаваться. Он громко поет, и вскоре припев подхватывает молодой голос Джомы, за ним нерешительно вступает Сара. Лошади настораживают уши. Они ржут и переходят на легкий галоп.

Подземный проход снова сужается, стены быстро сближаются. Впереди светящаяся линия уходит в последний туннель.

Вспыхивает краткое воспоминание, и у Эмерсона на мгновение перехватывает голос. Неожиданно он вспоминает другое внезапное падение: он ныряет в люк, который выходит в черноту вакуума, и падает, а вселенная охватывает его со всех сторон и сжимает.

И еще.

Ряд светло-синих глаз.

Древние.

* * *

Но песня живет собственной жизнью. Ее поток продолжает неудержимо выходить из какого-то жизнерадостного уголка его мозга, подавляя эти краткие ужасные образы, заставляя вызывающе хриплым голосом произнести следующее четверостишие.

Низкий мост, все вниз!
Низкий мост! Мы приближаемся к городу.

Вы всегда знаете своего соседа,
Всегда знаете приятелей,
Если когда-нибудь плыли по каналу Эри.

Спутники отшатываются от сближающихся стен. Прижимаются друг к другу, а отверстие несется им навстречу, стремясь снова проглотить их.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Когда подходит к концу длительный эпизод колонизации, наиболее распространенный метод очистки отходов на планете — контролируемая переработка. Там, где природные тектонические циклы предоставляют естественную втягивающую силу, собственные процессы конвекции могут расплавить и перемешать элементы, превращенные в орудия и другие результаты цивилизации. Материалы, которые в противном случае могли бы оказаться ядовитыми для вновь возвышающихся видов или воспрепятствовать им, таком образом устраняются из невозделанной среды, когда мир погружается в необходимую фазу сна.

Что происходит с этими переработанными материалами после того, как их втянуло в глубину, зависит от процессов, происходящих в мантии каждой планеты. Некоторые конвекционные системы превращают расплавленную субстанцию в руду с высокой степенью чистоты. Некоторые смачивают просочившейся водой, тем самым стимулируются большие разливы жидкой магмы. Еще одним результатом может стать внезапный выброс вулканической пыли; эта пыль на короткое время окутывает всю планету, и впоследствии ее можно найти в осадочных слоях.

Любой из этих результатов может привести к большим изменениям в местной биосфере, а иногда и к полному ее исчезновению. Однако возникающее в результате таких про-

цессов плодородие обычно оказывается благотворным, компенсирует урон и способствует развитию новых предразумных видов.

Из «Руководства по галактографии
для невежественных земных
волчат», специальная публикация
Института Библиотеки Пяти
Галактик, 42 год после контакта
в частичное погашение долга 35 года.

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

ХАННЕС

Суэсси испытывает ностальгию по человеческой жизни. Время от времени он даже хочет снова стать человеком.

Он, конечно, благодарен Древним за то, что они дали ему в том странном месте, которое называется Фрактальной системой, где чуждые существа превратили его постаревшее, отказывающееся функционировать тело в нечто гораздо более прочное. Без этого дара он давно был бы мертв, как камень, и так же холоден, как гигантские трупы, окружающие его в темном склепе кораблей.

Древние суда кажутся мирными, они с достоинством отдыхают. Соблазнительно думать об отдыхе, позволить эпохам проходить мимо, ни о чем не заботясь, не вступая в борьбу.

Но Суэсси слишком занят, у него нет времени, чтобы быть мертвым.

«Ханнес. — Голос раздается непосредственно в его слуховом нерве. — Две минуты, Ханнес. Я думаю, что тогда мы будем готовы возобновить резку».

Столб ослепительного света прорезает водяную черноту, отбрасывая яркий овал на изогнутый корпус земного корабля «Стремительный». Луч прожектора пересекают искаженные силуэты — длинные извивающиеся тени рабочих, одетых в герметические костюмы. Движения их медленны и осторожны.

Это гораздо более опасное царство, чем жесткий вакуум.

У Суэсси больше нет ни гортани, ни легких, чтобы выдувать через эту гортань, если бы она у него была, воздух. Но голос у него сохранился.

— Я готов, Каркаеттт, — передает он и прислушивается к тому, как нормально пульсирует его голос. — Не нарушайте расположение. Не отклоняйтесь.

Одна из теней поворачивается к нему. В жестком герметическом скафандре дельфиний хвост умудряется изогнуться в движении языка жестов.

Доверься мне или у тебя есть другой выбор?

Суэсси рассмеялся — его титановая грудная клетка задрожала, это новый способ смеха, сменивший прежние синкопированные выдохи. Не очень удовлетворительно, но Древние не видели особой пользы в смехе.

Каркаеттт со своей командой делал последние приготовления, а Суэсси руководил ими. В отличие от других групп экипажа «Стремительного» инженерная команда с каждым годом становилась все более закаленной и уверенной. Со временем им может уже не понадобиться присмотр — этот вспомогательный костыль — со стороны расы патронов. И когда этот день наступит, Ханнес удовлетворенно умрет.

Я слишком много видел. Потерял слишком много друзей. Когда-нибудь одна из преследующих фракций ити нас все же схватит. Или мы получим возможность обратиться к одному из великих Институтов и там узнаем, что во время нашего бегства по всей вселенной Земля погибла. В любом случае я не хочу этого видеть.

Древние могут забрать себе Ифни-проклятое бессмертие.

Суэсси восхищается тем, как работает его отлично натренированная команда, осторожно, но настойчиво приводя в

движение специально созданный станок для разрезания. Его слух улавливает низкие звуки — песни кининк, которые помогают мозгу китообразных сосредоточиться на мыслях, для которых он не был предназначен. Инженерные мысли — те самые, которые дельфиньи философы называют самой болезненной расплатой за возвышение.

Окружение не помогает — это гигантское кладбище давно мертвых космических кораблей, призрачная мешанина, погребенная в океанской пропасти, которую дельфины традиционно ассоциируют со своими наиболее загадочными культами и мистериями. Плотная вода словно усиливает каждый звук инструментов. Каждое движение механической руки своеобразно резонирует в плотном жидком окружении.

Возможно, англик и язык инженеров, но дельфины в моменты решений и действий предпочитают тринари. Каркаеттт произносит китовую хайку, в его голосе звучит уверенность:

> В полной тьме,
> Когда вращение циклоида становится ближе.
> Берегись — поспешности!

Режущий инструмент испускает язык пламени и касается корабля, который был их домом и убежищем и пронес их через невообразимые ужасы. Корпус «Стремительного», купленный Террагентским Советом у третьеразрядного дилера и переделанный для разведочного полета, был гордостью землян. Первый корабль с преимущественно дельфиньим экипажем и капитаном-дельфином, который должен был проверить истинность утверждений миллиарднолетней Великой Библиотеки цивилизаций Пяти Галактик.

Теперь капитан погиб вместе с четвертью экипажа. Их миссия превратилась в несчастье и для клана землян, и для Пяти Галактик. А что касается корпуса «Стремительного», некогда такого блестящего, несмотря на возраст, — теперь он покрыт мантией из такого темного материала, что по сравнению с ним воды пропасти кажутся светлыми. Эта материя поглощает протоны и придавливает корабль.

О, каким испытаниям мы тебя подвергли, дорогой.
Это всего лишь последнее испытание их бедного корабля.

Некогда необычные поля гладили этот корпус в галактическом течении, которое называется Мелким Скоплением. Здесь они наткнулись на огромный брошенный флот, таивший в себе загадку, не тронутую тысячами эпох. Иными словами, именно тогда все пошло вкось.

Свирепые лучи качнули корабль в следующем пункте Моргана, где в смертоносной засаде корабль и его экипаж едва не были захвачены.

Починив корабль на ядовитом Китрупе, они едва сумели уйти от множества боевых судов. Ушли, поместив «Стремительный» в корпус теннанинского крейсера и добравшись до следующего пункта перехода ценой гибели многих друзей.

После этого Оакка, зеленая планета, показалась идеальным убежищем. Это сектор, отведенный Институту Навигации. Кто имеет лучшую квалификацию, чтобы оценить и сохранить их данные? Как объясняла тогда Джиллиан Баскин, их долг как граждан галактики передать проблему великим институтам, этим древним почтенным учреждениям, где беспристрастные хозяева снимут груз ответственности с усталого экипажа «Стремительного». Это казалось вполне логичным — и едва не погубило их. Предательство агентов этого «нейтрального» учреждения показало, как низко пала цивилизация в распространившемся смятении. Догадка Джиллиан спасла землян — и еще смелый рейд Эмерсона Д'Аните, захватившего базу заговорщиков с тыла.

И снова «Стремительный» вышел из испытания очищенным, но изношенным.

Они немного передохнули в Фрактальной системе, в том обширном лабиринте, где им предоставили убежище древние

существа. Но со временем это привело лишь к новому предательству, к новым потерям друзей и к бегству, которое увело их еще дальше от дома.

Наконец, когда дальнейшее бегство казалось уже невозможным, Джиллиан нашла в ячейке Библиотеки, которую они заполучили на Китрупе, нечто вроде выхода. Там описывался синдром «Тропы сунеров». Следуя этому намеку, Джиллиан проложила опасный курс, который мог привести к безопасности, хотя при этом приходилось пройти через лижущие языки пламени гигантской звезды, большей, чем орбита Земли, чья сажа покрыла «Стремительный» слоями настолько плотными, что корабль становился слишком тяжелым для подъема.

Но этот курс привел корабль на Джиджо.

С орбиты планета выглядела прекрасной. Плохо, что у нас был только этот беглый взгляд, прежде чем мы погрузились в пропасть и попали на кладбище кораблей.

Техники дельфины ориентировались на сонары, и под их руководством импровизированный резак начал работу над корпусом «Стремительного». Вода так яростно закипала, превращаясь в пар, что пещеру внутри металлической горы заполнило гулкое эхо. Было опасно высвобождать столько энергии в замкнутом пространстве. Некоторые газы могут, соединившись, превратиться во взрывчатую смесь. Или их убежище можно будет обнаружить из космоса. Некоторые считали, что риск слишком велик, что лучше покинуть «Стремительный» и попытаться вернуть к жизни один из окружающих их древних корпусов.

И сейчас одна команда проверяет такую возможность. Но Джиллиан и Тш'т решили все же попробовать и это и попросили руководить группой восстановителей.

Этот выбор обрадовал Ханнеса. Слишком много он вложил в «Стремительный», чтобы сейчас сдаться. «В корабле больше от меня, чем в этом теле киборга».

Отвернув сенсоры от ядовитого пламени резака, он задумчиво посмотрел на груды кораблей, окружающих импровизи-

рованную пещеру. Они словно говорили с ним — пусть даже только в воображении.

У нас тоже есть свои истории, говорили они. Каждый из нас выпускался с гордостью, полный надежды, много раз искусно восстанавливался, почитаемый теми, кого мы защищали от ледяной космической пустоты, — задолго до того, как твоя раса начала мечтать о звездах.

Суэсси улыбнулся. Когда-то все это могло произвести на него впечатление — мысль о кораблях, которым миллионы лет. Но теперь он знал нечто об этих древних корпусах.

«Вы хотите древности? — подумал он. — Я видел древность. Я видел корабли, по сравнению с которыми большинство звезд кажутся молодыми».

Резак производил огромное количество пузырей. Он вопил, направляя ионизированные залпы на черные слои всего в нескольких сантиметрах от себя. Но когда его наконец выключили, результат получился разочаровывающим.

— И это все, что мы удалили? — недоверчиво спросил Каркаеттт, глядя на небольшой участок, с которого был срезан углерод. — Да при таких темпах нам потребуются годы, чтобы снять все!

Помощник инженера Чачки, такая массивная, что скафандр на ней едва не лопался, заметила на тринари:

Загадочное скопление,
Прячущееся в тени Ифни, —
Куда уходит вся энергия?

Суэсси пожалел, что у него нет головы, чтобы покачать, или плеч, чтобы пожать ими. Вместо этого он издал в воде булькающий звук, подобно выброшенному на берег передовому киту:

Не именем Ифни,
А ее созидательными нанимателями —
Хотел бы я это знать.

ДЖИЛЛИАН

Человеку нелегко делать вид, что он чужак.

Особенно если этот чужак — теннанинец.

Полотнища обманчивого света окутывали Джиллиан, окружая эрзац-плотью, придав ей кожистую шкуру и приземистую фигуру. На голове ее поддельный гребень каждый раз, как она кивала, изгибался и подергивался. Всякий стоящий более чем в двух метрах от нее увидел бы сильного самца-воина с бронированной кожей и медальонами сотен звездных кампаний, а не стройную светловолосую женщину с усталыми глазами, врача, силой обстоятельств вынужденного командовать маленьким кораблем на войне.

Сейчас маскировка было очень хороша. Иначе и не могло быть. Она уже целый год совершенствует ее.

— Гр-фмф плитс, — сказала Джиллиан.

Когда она впервые начала разгадывать эти шарады, машина Нисс обычно переводила ее вопросы с англика на теннанинский. Но сейчас Джиллиан полагала, что владеет теннанинским лучше любого из людей. Наверное, даже лучше, чем Том.

Впрочем, он все равно звучит дико. Словно для развлечения пукает ребенок, едва научившийся ходить.

Временами самое трудное было не расхохотаться. Конечно, этого нельзя делать. Теннанинцы не славятся своим чувством юмора.

Она продолжила ритуальное приветствие.

— Фишмишингул парффул, мф!

В тусклом помещении очень холодно, холод исходит от углубления, в котором сидит приземистый куб цвета беж, создавая собственное слабое освещение. Джиллиан не могла не подумать о нем как о волшебной шкатулке — это приемник, сложенный во многих измерениях и содержащий больше, чем способен вместить весь корабль такого размера.

Она стояла на балконе без перил, замаскированная под внешность прежних владельцев ящика, и ждала ответа. Спи-

ральный символ на поверхности ящика казался скользким на взгляд: эмблема словно искоса смотрела на нее, смотрела из глубины души, гораздо более древней, чем ее собственная.

— Тофторф-ф парффул. Фишфингтумпи парфффул.

Голос звучал гулко. Если бы она была настоящим теннанинцем, эти обертоны гладили бы ее гребень, вызывая уважительное внимание. Дома, земная ветвь Библиотеки разговаривала как добрая бабушка, бесконечно терпеливая, опытная и мудрая.

— Я готов слушать, — прозвучал из кнопки в ее ухе перевод с теннанинского на англик. — А потом буду готов дать консультацию.

Это их постоянная торговля. Джиллиан не могла просто потребовать информацию у архива. Нужно было сначала что-то сообщить.

В обычных условиях это не представляло бы трудностей. Любая ячейка Библиотеки, установленная в большом космическом корабле, снабжена расположенными в контрольной рубке и в других помещениях камерами, которые собирают информацию для потомства. В обмен ячейка предоставляет быстрый доступ к мудрости, охватывающей два миллиарда лет цивилизации и сосредоточенной в Институте Библиотеки цивилизации Пяти Галактик, в его огромных, больше планеты размерами, архивах.

Но только не у нас, подумала Джиллиан.

«Стремительный» никак нельзя назвать «большим космическим кораблем». Его собственная ячейка Библиотеки дешевая и маломощная, единственная, какую смогла себе позволить нищая Земля. Тот куб, что перед Джиллиан, гораздо большее сокровище, найденное на Китрупе в могучем военном крейсере, принадлежавшем богатому звездному клану.

Джиллиан хотела, чтобы куб считал, будто он по-прежнему находится на звездном крейсере и служит теннанинскому адмиралу. Отсюда и маскировка.

— Твои прямые наблюдательные устройства по-прежнему отсоединены, — объяснила она на том же языке. — Однако я

принес недавние записи, сделанные портативными записывающими устройствами. Пожалуйста, прими и запиши эти данные.

Она сделала знак машине Нисс, своему умному помощнику-роботу в соседнем помещении. И немедленно рядом с кубом появилась серия ярких изображений. Картин подводной впадины, которую местные жители Джиджо называют «Помойкой». Картины были тщательно отредактированы, чтобы убрать кое-что.

Мы играем в опасную игру, подумала Джиллиан, пока мерцающие голограммы показывали огромные груды древних остатков, разрушенных городов и покинутых кораблей. Идея заключалась в том, чтобы делать вид, будто теннанинский дредноут «Пламя Крондора» по тактическим причинам прячется в этом царстве мертвых машин, причем делать это нужно было так, чтобы не показывать стройный корпус «Стремительного» или дельфинов и даже не раскрывать название и расположение планеты.

Если мы доберемся домой или до нейтральной институтской базы, по закону мы должны будем сдать эту ячейку. В случае анонимной передачи будет даже безопасней, чтобы ячейка знала о нас как можно меньше.

Впрочем, Библиотека может не так уж охотно пойти на сотрудничество с какими-то землянами. Лучше пусть считает, что имеет дело со своими официальными владельцами.

С катастрофы на Оакке Джиллиан сделала это своим главным личным проектом, пускаясь на разные уловки, чтобы вытянуть информацию у своей добычи. Во многих отношениях куб Библиотеки ценнее тех реликтов, которые они вывезли из Мелкого Скопления.

На самом деле маскировка подействовала даже лучше, чем она ожидала. Некоторая добытая информация может оказаться жизненно важной для Террангетского Совета.

Конечно, если мы сможем вернуться домой.

С самого Китрупа, на котором «Стремительный» потерял лучшую часть своего экипажа, самых умных его членов, такое предположение казалось в лучшем случае сомнительным.

* * *

В одной частной области технологии люди двадцать второго столетия почти сравнялись с галактами, даже еще до контакта.

Голографические изображения.

Волшебники, мастера спецэффектов из Голливуда, Луанды и Аристарха первыми уверенно углубились в чуждое искусство. Такая мелочь, как отставание на миллиард лет, их не смущала. Через несколько десятилетий земляне могли утверждать, что овладели одной узкой сферой не хуже могущественных звездных кланов.

Умением виртуозно лгать с помощью картинок.

Тысячи лет, когда не нужно было бороться за еду, мы рассказывали друг другу сказки. Лгали. Пропагандировали. Порождали иллюзии. Снимали кино.

Не владея наукой, наши предки пользовались магией.

Умением убедительно говорить неправду.

Тем не менее Джиллиан казалось чудом, что ее маскировка под теннанинца сработала так хорошо. Ведь «разум» этого куба чудовищно велик, но это совсем другой тип разума, со своими ограничениями.

Или, может быть, ему просто все равно.

По опыту Джиллиан знала, что куб воспримет почти все вводимое, если только картинки представляют собой правдоподобные сцены, которых он никогда не видел раньше. И вот перед кубом развернулась подводная панорама. На этот раз изображение передавалось по кабелю из западного моря. Его посылала исследовательская группа Каа, работавшая вблизи места, которое туземцы называют Склоном. Под яркими лучами прожектора мелькали древние здания, затонувшие, безглазые, лишенные окон. Эта обширная площадь была даже больше той, где скрывается «Стремительный». Собрание артефактов, накопленных культурой планеты за миллион лет.

Наконец каскад изображений прекратился.

Последовала краткая пауза, Джиллиан нервно ждала. Затем ящик заметил:

— Поток событий не связан с предыдущими. Происшествия не соответствуют причинно-темпоральному порядку, соотнесенному с инерциальными движениями этого корабля. Это результат упоминавшихся выше повреждений, полученных в бою?

В ответ она, как всегда, выдала все ту же историю:

— Верно. До завершения полного ремонта наказания за несоответствия могут быть занесены в отчет о полете «Пламени Кронодора». А сейчас подготовься к консультации.

На этот раз задержки не было.

— Задавай вопросы.

С помощью зажатого в левой руке передатчика Джиллиан связалась с машиной Нисс, ждавшей в соседнем помещении. Шпион тимбрими немедленно начал посылать запросы — потоком мерцающих огоньков, за которыми не могло бы уследить ни одно органическое существо. Вскоре обмен пошел в обоих направлениях — поток такой мощности, что Джиллиан пришлось отвернуться. Возможно, в этом потоке есть данные, которые будут полезны экипажу «Стремительного», увеличат его шансы на выживание.

Сердце Джиллиан забилось быстрей. В этом моменте есть собственные опасности. Если поблизости сканирует пространство какой-нибудь корабль — возможно, один из преследователей «Стремительного», — детекторы на его борту зафиксируют повышенный уровень цифровой активности в этом районе.

Но океан Джиджо создает хорошую защиту, как и окружающие горы брошенных космических кораблей. И стоит рискнуть.

Если бы только бóльшая часть информации, передаваемой кубом, не была такой непонятной! Она явно предназначалась для космических путешественников, гораздо более опытных и знающих, чем экипаж «Стремительного».

И что еще хуже, у нас кончается то любопытное, что мы можем показать Библиотеке. Без свежих данных она может отказаться отвечать. Откажется вообще сотрудничать.

Именно по этой причине она вчера решила привести четверых туземных подростков в это туманное помещение и пред-

ставить архиву. Поскольку Олвин и его друзья не знают, что они на борту земного корабля, вряд ли они смогут что-то выдать, а их воздействие на Библиотеку может оказаться полезным.

И верно, куб заинтересовался уникальным зрелищем ура и хуна, дружелюбно стоящих рядом. А одного существования живого г'кека было вполне достаточно, чтобы удовлетворить пассивное любопытство архива. Вслед за этим он охотно выдал поток требуемой информации о различных типах судов, окружающих «Стремительный» на этой подводной свалке, включая параметры, на которые рассчитаны древние буйурские приборы.

Это очень полезно. Но нам нужно больше. Гораздо больше.

Вероятно, очень скоро я буду вынуждена платить настоящими секретами.

У Джиллиан есть несколько очень неплохих тайн, если она осмелится ими воспользоваться. В ее кабинете, всего в нескольких дверях отсюда, лежит мумифицированный труп возрастом свыше миллиарда лет.

Херби.

Чтобы захватить этот реликт — и узнать координаты того места, где его нашли, — «Стремительный» после Китрупа преследует большинство фанатичных псевдорелигиозных кланов Пяти Галактик.

Размышляя о холодном кубе цвета беж, Джиллиан подумала:

«Бьюсь об заклад: если бы я позволила тебе бросить хоть один взгляд на Херби, тебя хватил бы припадок и ты выдал бы все данные, которые запас внутри».

Забавно, ничто во всей вселенной не сделало бы меня счастливей, чем если бы никогда не видели эту проклятую штуку.

Девочкой Джиллиан мечтала о межзвездных полетах, о том, что будет совершать смелые, запоминающиеся поступки. Вместе с Томом они планировали свои карьеры — и брак — с единственной целью. Встать на самый край между Землей и загадками опасного космоса.

Вспомнив эти наивные мечты и то, как экстравагантно они оказались осуществлены, Джиллиан едва не рассмеялась вслух. Но, сжав губы, умудрилась сдержать горькую иронию, не издав ни звука.

Сейчас она должна сохранять внешность достойного теннанинского адмирала.

Теннанинцы не ценят иронию. И никогда не смеются.

СУНЕРЫ

ЭВАСКС

Вам пора уже привыкнуть к этому, Мои кольца.

То пронизывающее ощущение, которое вы испытываете, это Мои волоконца контроля, спускающиеся по нашей общей сердцевине, обходя медленные, старомодные восковые следы, пронизывая ваши многочисленные торы, привязывая их друг к другу, приводя их в новый порядок.

Начнем урок. Я научу вас быть покорными слугами чего-то большего, чем вы сами. Больше вы не груда плохо скрепленных компонентов, вечно спорящих, парализованных нерешительностью. Больше никаких бесконечных голосований в надежде сохранить единство этого хрупкого, эфемерного «я».

Именно так жили наши примитивные груды-предки, медлительно и свободно размышляли в богатых запахами болотах планеты Джофекка. Звездные кланы не обращали на нас внимания, считая неподходящим материалом для возвышения. Но великие, подобные слизнякам поа увидели потенциал наших меланхоличных предков и начали возвышать эти непривлекательные груды.

Увы, спустя миллионы лет наш медлительный, вялый характер начал раздражать поа.

И они наняли изобретательных оайлие, чтобы создать нам новые кольца. Кольца, которые будут подгонять, руководить

и заставлять стремиться вперед. Генетическое мастерство оайлие так велико, что они никогда не терпели поражений.

И КАКИМ ЖЕ БЫЛ ИХ ПРЕОБРАЗУЮЩИЙ ДАР?

Новые амбициозные кольца.

Кольца власти.

ПОДОБНЫЕ МНЕ.

ОЛВИН

Это проба. Я испытываю совершенно новый способ описания.

Если это можно назвать «письмом»: я говорю вслух и наблюдаю, как в воздухе над маленькой коробочкой, которую мне дали, появляются предложения. О, это великолепно. Вчера вечером Гек с помощью своего автоматического писца заполнила комнату словами и глифами на галтри, галвосемь и на всех других известных ей языках, заставляла делать перевод с одного языка на другой и обратно, пока не оказалась со всех сторон окруженной сверкающими символами.

Хозяева дали эти машины, чтобы облегчить нам рассказ о нашей жизни и особенно о жизни Шести Рас на Склоне. В обмен быстрый голос пообещал нам награду. Позже мы сможем задать свои вопросы большому холодному ящику.

Гек с ума сошла из-за этого предложения. Свободный доступ к ячейке Великой Библиотеки Пяти Галактик! Да это все равно что сказать Кортесу, что ему дадут карту утраченных городов золота. Или легендарному хунскому герою Юк-воурфмину сообщить пароль, контролирующий фабрики роботов на Куртуне. Мой тезка, тот, в честь кого я получил прозвище, не мог испытывать большего волнения, даже когда перед ним во всем блеске раскрылись тайны Вэйнамонда и Безумного Мозга.

Однако в отличие от Гек я смотрел на такую перспективу с опаской. Подобно детективу из старинных земных рассказов, я спрашивал себя: а в чем же подвох?

Нарушат ли они обещание, как только мы расскажем все, что знаем?

Может, дадут нам лживые ответы. (Откуда нам знать?)

Или позволят кубу рассказать нам все, что мы захотим, потому что знают: это не принесет нам ничего хорошего, так как мы никогда не вернемся домой.

С другой стороны, допустим, все искренне и честно. Допустим, у нас действительно появится шанс расспросить ячейку Библиотеки, эту сокровищницу знаний, собранных миллиардолетней цивилизацией.

О чем, во имя Джиджо, можем мы спросить?

Я только что провел в экспериментах мидур. Диктовал текст. Просматривал его и переписывал заново. Работать с автописцом гораздо удобней, чем с карандашом и комком смолы гуарру в качестве резинки! Достаточно движения руки, чтобы, словно физический объект, изменить или переместить текст. Мне даже не нужно говорить вслух, просто пожелать, чтобы появилось слово. Словно говоришь про себя, так, чтобы никто не услышал. Я знаю, что это не настоящее чтение мыслей: должно быть, машина фиксирует мышечные изменения в горле или что-то в этом роде. Я читал о таких устройствах в «Эре блекджека» и в «Лунном городе Хобо». Тем не менее это очень волнует.

Например, я попросил у маленькой машины ее словарь синонимов англика. Я всегда считал, что у меня большой словарь. Ведь я наизусть выучил городской экземпляр «Тезауруса» Роже. Но оказалось, в этой книге опущено большинство хинди и арабских родственных слов, употребляющихся в англо-евроазиатском варианте. В маленьком ящике достаточно слов, чтобы заставить меня и Гек почувствовать свое ничтожество, меня-то уж точно.

Мои приятели в соседнем помещении диктуют собственные воспоминания. Думаю, Гек надиктует что-то достаточно быстрое, яркое и беззаботное, чтобы удовлетворить наших хозяев. Ур-ронн будет педантичной и сухой, а Клешня все время будет отвлекаться и рассказывать о подводных чудовищах. Я их опережаю, потому что в моем дневнике уже расска-

зана бóльшая часть нашей личной истории — как мы, четверо любителей приключений, оказались в этом месте со странно изгибающимися коридорами, глубоко под морской поверхностью.

Поэтому у меня есть время, чтобы встревожиться: почему фувнтусы хотят все о нас знать?

Возможно, это простое любопытство. С другой стороны, что, если что-нибудь из того, что мы расскажем, причинит вред нашим родичам на Склоне? Не могу представить себе, каким образом. То есть я хочу сказать, что никаких военных тайн мы не знаем — кроме того, что кузнец Уриэль послала нас на поиски подводного тайника. Но быстрый голос уже знает об этом.

Иногда, в лучшие моменты, я представляю себе, как фувнтусы позволяют нам прихватить с собой сокровища, возвращают в своем металлическом ките домой, в Вуфон, и мы воскресаем из мертвых, подобно легендарному экипажу «Хукуфтау», к удивлению Уриэль, Урдоннел и наших родителей, которые, должно быть, считают нас мертвыми.

Оптимистические фантазии чередуются с другими картинами, которые я никак не могу прогнать. Я все время вспоминаю, что произошло сразу после того, как подводная лодка-кит выхватила «Мечту Вуфона» из пасти смерти. Паукообразные существа с выпуклыми глазами входят в обломки нашей лодки, издавая бессмысленные звуки, и в смертельном ужасе отшатываются при виде Зиза, нашего безвредного треки, данного нам алхимиком Тигом.

Огненные лучи разрезают бедного Зиза на части.

Поневоле задумаешься о том, что бы это значило.

Нужно приниматься за работу.

Как начать рассказ?

Зовите меня Олвин.

Нет. Слишком подражательно. А как такое начало?

«Олвин Хф-уэйуо, проснувшись однажды утром, обнаружил, что находится в гигантской...»

Ух-хм. Слишком близко к правде.

Может, построить рассказ по образцу «Двадцати тысяч лье под водой»? Мы пленники в комфортабельной подводной тюрьме. Хотя Гек и самка, она будет настаивать, что именно она и есть герой Нед Ленд. Ур-ронн, разумеется, профессор Аронакс, так что комическим персонажем Конселем остается быть Клешне или мне.

И когда же мы наконец встретимся с Немо?

Хм-м-м. Вот недостаток такого способа письма — без усилий и с возможностью легкого исправления написанного. Он побуждает много болтать, а вот когда перед тобой добрый старый карандаш и лист бумаги, нужно сначала подумать, что ты собираешься сказать.

Минутку. Что это?

Вот опять. Слабый, но гулкий звук, на этот раз он громче. Ближе.

Мне это не нравится. Совсем не нравится.

Ифни! На этот раз дрожит пол.

Этот гул напоминает мне вулкан Гуэнн, рыгающий и кашляющий, заставляющий всех подумать, а не пришел ли Большой В...

Джики мешочная гниль! На этот раз серьезно.

Это взрывы, и они быстро приближаются!

Новый звук, словно зукир чешет голову, потому что сел на ящерицу квилл.

Что означает этот звук сирены? Я всегда гадал.

Гиштуфвау! Потускнели огни. Пол подпрыгивает.

Что, во имя Ифни, происходит?!

ДВЕР

Вид с вершины дюны не внушал оптимизма.

Разведывательный корабль даников по крайней мере в пяти или шести лигах от берега в море — крошечная точка, едва различимая там, где вода меняет цвет от светлого зеленовато-

синего на почти черный. Летающая машина движется взад и вперед, как будто ищет что-то потерянное. Лишь изредка, когда ветер меняет направление, они улавливают слабый гул его двигателей. Но примерно каждые сорок дуров Двер видит, как из брюха блестящей лодки выпадает какая-то точка и падает в море, сверкая в лучах утреннего солнца. После этого проходит еще десять дуров — и поверхность океана вздымается холмом, увенчанным пеной, как будто внизу бьется в спазмах какое-то чудовище.

— Что делает Кунн? — спросил Двер. Он повернулся к Рети, которая, заслонив глаза, наблюдала за далеким флаером. — Ты понимаешь?

Девушка начала пожимать плечами, но в это время йии, крошечный самец ур, высунул голову и нацелил все три глаза на юг. Робот нетерпеливо покачнулся, подскакивая и опускаясь, как будто пытался своим корпусом посигналить далекому флаеру.

— Не знаю, Двер, — ответила Рети. — Наверно, это имеет какое-то отношение к птице.

— К птице, — повторил он.

— Ты знаешь. К моей металлической птице. Той, что мы спасли от мульк-паука.

— К этой птице? — Двер кивнул. — Мы должны были показать ее мудрецам. Но как она попала в руки чужаков?

Рети прервала его.

— Даники хотели знать, откуда она прилетела. Поэтому Кунн попросил меня провести его в холмы, чтобы найти Джесса, потому что это он видел, как птица прилетела на берег. Я не думала, что он оставит меня в деревне. — Она прикусила губу. — Джесс должен был отвести Кунна сюда. Кунн что-то говорил о «вспугнутой добыче». Наверно, хотел раздобыть больше птиц.

— Или найти тех, кто сделал эту птицу и послал ее на берег.

— Или это. — Она кивнула, явно чувствуя себя неуверенно. Двер решил не уточнять подробности ее договора с звездными людьми.

По мере того как они продвигались на юг, количество болотистых ручьев увеличивалось, и Дверу пришлось еще несколько раз «переносить» на себе робота, прежде чем перед сумерками он сказал, что нужно остановиться. Боевая машина попыталась заставить его продолжить движение. Но божественное оружие пострадало в засаде у лагеря сунеров, и Двер бестрепетно смотрел на щелкающие клешни робота. Ему помогала странная отчужденность: он словно стал старше, побывав в силовом поле машины и выдержав это испытание. Может, это и иллюзия, но она придала ему сил.

Неохотно, почти как живое существо, робот сдался. Двер развел небольшой костер и разделил с Рети остатки вяленого ослиного мяса. После недолгого колебания Рети внесла свою долю — два маленьких ромба, укутанных в скользкий материал. Она показала Дверу, как их разворачивать, и смеялась, глядя на его лицо, когда он ощутил во рту странный вкус. Он тоже рассмеялся, едва не подавившись даникским лакомством. Роскошная сладость пополнила его Список Того, Чему Я Рад, Что Испытал Это До Смерти.

Потом, лежа рядом с Рети на накрытых остывающих углях, Двер видел во сне фантастические картины, гораздо более яркие, чем обычно. Возможно, сказывалось воздействие силового поля, которое он испытал, «перенося» робота. Вместо давящей тяжести он испытывал легкость, словно его тело свободно плывет. Под закрытыми веками мелькали невообразимые панорамы: предметы, выступающие на темном фоне, или газообразные фигуры, испускающие собственное свечение. Однажды он ощутил странное узнавание, безвременное впечатление любящей знакомости.

Яйцо, подсказало спящее подсознание. Но священный камень выглядел странно — не просто как огромный булыжник, сидящий на горном склоне, а как гигантское темное солнце, чья чернота затмевает блеск обычных звезд.

Путешествие возобновилось еще до рассвета, и до моря пришлось пересечь еще две водные преграды. Затем робот подобрал их и полетел вдоль берега на восток, пока не достиг

этого поля дюн — высокой точки, с которой можно осмотреть необычно синие воды Трещины.

Во всяком случае, Двер принял это за Трещину — глубокую расселину, рассекающую континент. Хотел бы я иметь свой телескоп, подумал он. С его помощью можно было бы понять, чего добивается пилот корабля-разведчика.

Вспугнутая добыча, сказала Рети.

Если такова цель звездного воина даника, Кунну стоит овладеть некоторыми приемами охоты. Двер вспомнил урок, преподанный ему много лет назад Фаллоном.

Каким бы мощным ни было твое оружие, какой бы ни была добыча, которую ты преследуешь, никогда нельзя объединять в одном лице загонщика и стрелка. И если ты только один, не гони добычу.

Одинокий охотник должен быть терпелив и молча изучать привычки добычи.

У такого подхода есть один недостаток. Он требует эмпатии. И чем лучше ты умеешь чувствовать добычу, тем больше шанс, что ты вообще перестанешь называть ее добычей.

— Что ж, одно ясно, — заметила Рети, наблюдая за тем, как дико подскакивает робот в самой высокой точке дюны, как маленький мальчик, который машет родителям, ушедшим далеко и не слышащим его. — Ты, должно быть, серьезно повредил его коммуникатор. Он не работает даже на таком коротком расстоянии, на линии прямой видимости.

Двер был поражен. Рети немало узнала с того времени, как ее приняли чужаки.

— Думаешь, пилот сможет нас увидеть, когда полетит назад в деревню, чтобы прихватить тебя? — спросил он.

— Может быть, если он вообще намерен это сделать. Найдя то, что ищет, он может вообще забыть обо мне. И просто полетит с докладом на запад, к станции ротенов.

Двер знал, что Рети уже отчасти утратила расположение звездных людей. В голосе ее звучала горечь, потому что на борту далекой летящей точки Джесс, так мучивший ее, когда она росла в варварском племени. Она собиралась отомстить

этому злодею. А теперь Джесс стоит рядом с пилотом и пользуется его расположением, а она, Рети, застряла здесь.

Ясно было, что ее тревожит. Неужели враг всей ее жизни получит награду, за которую она так боролась? Ее билет к звездам?

— Хмм. Что ж, тогда нужно позаботиться, чтобы он не пропустил нас, когда будет возвращаться.

Самому Дверу не очень хотелось встречаться со звездным пилотом, который так безжалостно сжег сверху бедных сунеров уров. И он не питал иллюзий насчет гостеприимного приема со стороны Кунна. Но для Рети разведочная лодка означает жизнь и надежду. И, может быть, вызвав интерес Кунна, он помешает тому быстро вернуться в Серые Холмы. В короткой схватке с роботом Дэйнел Озава был убит, но Двер может выиграть время для Лены Стронг и предводительницы уров, чтобы они успели договориться с племенем Рети и уйти в какое-нибудь убежище, где звездные боги никогда их не найдут. Отвлекающий маневр может быть последней полезной услугой Двера.

— Давай разожжем костер, — предложила девушка, указывая на берег, усеянный кусками дерева, выброшенными недавней бурей.

— Я собирался это предложить, — ответил Двер.

Она засмеялась.

— Ну конечно!

САРА

Вначале древний туннель казался страшным и мрачным. Сара воображала, как оживает пыльный буйурский экипаж, разгневанный призрак устремляется к фургону с запряженными лошадьми, собираясь наказать глупцов, которые посмели вторгнуться в его угрюмое царство. Какое-то время ей было очень страшно, дышала она быстро и часто, сердце колотилось.

Но у страха есть враг, еще более мощный, чем храбрость или уверенность.

Этот враг — скука.

Саре надоело долгие мидуры сидеть на жесткой скамье. Вздохнув, она выпрыгнула из фургона и пошла рядом — вначале просто чтобы размяться, но потом стала делать быстрым равномерным шагом долгие переходы.

Немного погодя ей даже начало это нравиться.

Думаю, я начинаю приспосабливаться к новым временам. В будущем мире может не найтись места для интеллектуалов.

Эмерсон, улыбаясь, присоединился к ней и пошел длинными шагами. Туннель постепенно терял свою власть и над остальными. Погонщики, Кефа и Нули из загадочного племени иллий, на глазах успокаивались и с каждой лигой приближения к дому становились все менее напряженными.

Но где их дом?

Сара представила себе карту Склона и провела широкую дугу примерно на юг от Гентта. Это никак не помогло ей догадаться, где мог все эти годы скрываться клан всадниц.

Как насчет какой-нибудь гигантской пещеры в магме под вулканом?

Какая прекрасная мысль! Волшебное убежище, травянистые поля, недоступные гневному взгляду с неба. Подземный мир, словно в приключенческом романе эры до контакта, в котором изображались вечные пещеры, мистические источники освещения и нелепые чудовища.

Конечно, по законам природы такое место не может существовать.

Но может, буйуры — или даже предшествующие разумные обитатели Джиджо — с помощью тех же сил, что вырыли этот туннель, создали тайное убежище? Место, где можно сохранить сокровища, когда поверхность очищается от созданных разумными существами предметов?

Сара усмехнулась такой мысли. Но не совсем ее отбросила.

Немного погодя она обратилась к Курту.

— Ну, с меня хватит. Объясни, почему так важно, чтобы Эмерсон и я сопровождали тебя в этом пути.

Но взрывник только покачал головой, отказываясь говорить в присутствии Дединджера.

А что собирается делать еретик? подумала Сара. Разорвать узы и бежать назад, чтобы рассказать миру?

Казалось, пустынный пророк пленен надежно. Но все же тревожно было видеть уверенное выражение на лице Дединджера — как будто нынешние обстоятельства лишь подтверждают его правоту.

В такие времена появляется множество еретиков — они, словно осы тайны, собираются, чтобы посплетничать. Не удивлюсь, если начнется расцвет фанатиков.

Священные Свитки указывают нелегальным колонистам Джиджо две возможности искупить прирожденный грех — сохраняя планету и следуя Тропой Избавления. Со дней Дрейка и Ур-Чоун мудрецы учат, что оба эти пути совместимы с торговлей и удобствами повседневной жизни. Но некоторые пуристы с ними не соглашались, настаивая, что Шесть Рас должны сделать выбор.

Мы не должны здесь находиться, провозглашала фракция Ларка. Мы, сунеры, должны использовать контроль за рождаемостью, чтобы выполнить галактический закон и оставить эту невозделанную планету в мире. Только тогда наш грех будет искуплен.

Другие полагали, что на первом месте стоит Тропа Избавления.

Каждый клан должен последовать примеру глейверов, учил культ Дединджера и Урунтая. Спасение и обновление придут к тем, кто устранит умственные препятствия и заново постигнет свою истинную природу.

И первое препятствие, которое следует устранить, якорь, что тянет вниз наши души, — это знания.

Обе группы называют нынешних высоких мудрецов еретиками, потворствующими массам своими жалкими усовершенствованиями. Когда появились страшные космические корабли, у фанатиков обнаружилось множество новых сторонников. Они проповедовали свои простые истины и сильнодействующие средства в тяжелые времена.

Сара знала, что ее собственная ересь не привлечет последователей. Она казалась неподходящей для Джиджо — планеты фанатиков, которая так или иначе погрузится в забвение. И все же...

Все зависит от точки зрения.

Так учат мудрецы треки.

Мы/я/вы часто обманываемся очевидным.

ЛАРК

Из леса высокого качающегося бу появился курьер ур.

Может, это и есть мой ответ?

Всего несколько мидуров назад Ларк отправил солдата милиции с сообщением к Лестеру Кембелу в тайное убежище высоких мудрецов.

Но нет. Курьер с растрепанной гривой прискакал издалека, с Поляны Праздников. В спешке самка не стала даже ждать, пока ей предложат в знак гостеприимства чашу теплой крови симлы. На глазах у изумленных людей она опустила морду в ведро с неразведенной водой и начала пить, морщась от горечи.

В промежутках между глотками она сообщала ужасные новости.

Как мы уже слышали, второй космический корабль был титаном, он опустился, как гора, перегородив реку, так что вскоре вокруг захваченного корабля ротенов образовалось болото, вдвойне пленив товарищей Линг. Пораженные свидетели утверждают, что видели в освещенном изнутри люке корабля знакомые очертания. Заостренные кверху конусы. Роскошно сверкающие груды колец.

Лишь немногие сведущие в древних легендах наблюдатели знали, что это недобрый знак, но у них не было времени предупредить, прежде чем ночь разрезали ужасные лучи и скосили все в пределах дюжины полетов стрелы.

На рассвете самые смелые зрители выглянули из-за ближайших высот и увидели обожженную землю, усеянную мас-

лянистыми следами и кровавыми останками тел. Пораженные наблюдатели предположили, что включен защитный периметр, хотя для всемогущих звездных богов такая предосторожность казалась чрезмерной.

— Какие потери? — спросила Джени Шен, сержант из приданного Ларку отряда милиции, низкорослая мускулистая женщина и друг его брата Двера. Они все видели на удалении мерцающие огни и слышали похожий на гром звук, но не представляли себе тех ужасов, о которых рассказала посыльная.

Самка ур говорила о сотнях погибших — и среди них высокий мудрец Общины. Возле группы любопытных зрителей и смущенных поклонников чужаков стоял Аскс, собираясь вести переговоры. После того как пыль опала, а огонь погас, треки нигде не было видно.

Врач г'кек, лечивший Утена, выразил общее горе, закатив все четыре глаза на стебельках и колотя по земле толчковыми ногами. Это персонифицировало ужас. Аскс был очень популярным мудрецом, готовым размышлять над любой проблемой, представленной Шестью Расами, начиная от брачных советов и кончая разделом имущества рассеченного улья квуэнов. Аскс мог «размышлять» днями, неделями или годами, прежде чем дать ответ — или несколько ответов, предлагая целый спектр возможностей.

Прежде чем курьер отправился дальше, Ларк, пользуясь своим статусом мудреца, просмотрел содержимое сумки. Там были рисунки. Ларк показал Линг изображение массивного овального космического корабля, намного превосходящего по размерам тот, что принес ее на эту планету. Лицо ее затуманилось. Могучий корабль был незнакомым и пугающим.

Собственный посыльный Ларка — двуногий, человек — на рассвете исчез за рядами бу; он нес просьбу к Лестеру Кембелу прислать личную ячейку Библиотеки, принадлежавшую Линг, чтобы она могла прочесть стержни памяти, которые они с Утеном отыскали в развалинах станции.

Ее предложение, высказанное накануне вечером, сводилось к поиску информации о болезнях, особенно той, что поразила поселки квуэнов.

— Если Ро-кенн на самом деле готовил средство геноцида, по нашим законам он преступник.

— Даже повелитель ротен? — скептически спросил Ларк.

— Да, даже он. С моей стороны не будет неверностью попытаться доказать, что он этого не делал. Однако, — добавила она, — не жди, что я буду помогать вам в войне против моих товарищей по экипажу и наших патронов. Да вы и не можете ничего сделать — теперь, когда они настороже. Вы один раз захватили нас врасплох подкопом и порохом, уничтожили маленькую исследовательскую базу. Но вы поймете, что причинить вред космическому кораблю — задача, непосильная даже для ваших лучше всего снабженных фанатиков.

Этот разговор происходил до того, как они узнали о втором корабле. До того, как пришло сообщение о том, что могучий ротенский корабль превратился в захваченную игрушку рядом с подлинным колоссом из космоса.

В ожидании ответа Кембела Ларк разослал своих солдат прочесывать берега озера, собирая золотые консервирующие бусины. Галактическая технология уже много миллионов лет стандартизована. Так что среди этого сорочьего собрания предметов может найтись и работающее устройство для чтения. Во всяком случае попробовать стоило.

Разбирая груду янтарных коконов, они с Линг возобновили прерванную игру вопросов и уклонений. Обстоятельства изменились: Ларк больше не чувствовал себя в ее присутствии глупым, но все равно это был все тот же старый танец.

Начала Линг. Она расспрашивала о Великой Печати — событии, которое преобразило непрерывно ссорящееся собрание рас сунеров даже больше, чем появление Святого Яйца. Ларк отвечал правдиво, но ни разу не упомянул об архиве Библоса. Вместо этого он описал гильдии печатников, фотокопировальщиков и особенно изготовителей бумаги, с их гулкими молотами, превращающими дерево в пульпу, и сушильны-

ми экранами, переворачивающими тонкие страницы под бдительным взглядом его отца, знаменитого Нело.

— Постоянный, со случайным доступом, аналог ячеек памяти, совершенно неуловимый из космоса. Никакого электрического или цифрового сознания, которое можно было бы зафиксировать с орбиты. — Линг удивилась. — Даже видя книги, мы решили, что это рукописные копии, единичные экземпляры, не способные ускорить культурный процесс. Только подумать: технология волчат оказалась такой эффективной в особых обстоятельствах.

Вопреки этому признанию, Ларк сомневался в истинном отношении женщины даника. Казалось, она слишком легко отвергает достижения своих собственных человеческих предков — если это достижение нельзя объяснить вмешательством ротенов.

Настала очередь Ларка задавать вопрос, и он решил свернуть на другую тропу.

— Ты казалась так же удивлена, как все остальные, когда маскирующее существо сползло с лица Ро-пол.

Он имел в виду события непосредственно перед Битвой на Поляне, когда с ротена спала его харизматическая маска-симбионт. Глаза Ро-пол, раньше казавшиеся теплыми и выразительными, стали выпуклыми и безжизненными, и смотрели они с резко скошенного, почти хищного лица, явно не гуманоидного.

Линг никогда не видела повелителя таким раскрытым. На вопрос Ларка она отвечала осторожно.

— Я не принадлежу к Внутреннему Кругу.

— А что это?

Линг глубоко вдохнула.

— Ранн и Кунн имеют доступ к знаниям о ротенах, которые неизвестны большинству даников. Ранн даже был в одном из тайных городов ротенов. Большинство из нас никогда не были так благословенны. Когда мы не участвуем в полетах, то живем с семьями в одном из укромных каньонов аванпоста Пория, там с нами всего сто или около этого патронов. И даже на Пории две расы в обычной жизни не смешиваются.

— Но все же не знать таких фундаментальных сведений о тех, кто утверждает, что...

— О, до меня доходили слухи. Иногда у ротенов лицо приобретает странное выражение, как будто часть его, ну, надета неверно. Может, мы и сами участвуем в этом обмане, где-то в глубине души решив ничего не замечать. Но дело не в этом.

— А в чем же?

— Ты намекаешь, что меня должно привести в ужас открытие, что ротены носят симбионтов, чтобы выглядеть гуманоидными. Казаться в наших глазах прекраснее. Но почему бы ротенам не воспользоваться искусственным средством, если оно помогает им быть лучшими проводниками, которые ведут нашу расу к совершенству?

Ларк ответил:

— А как насчет такой незначительной штуки, как честность?

— А вы все говорите своим шимпанзе или зукирам? Разве иногда родители не лгут детям ради их же блага? А как же любовники, которые стремятся быть лучше в глазах друг друга? Они тоже нечестны?

Подумай, Ларк. Каковы шансы того, что иная раса будет казаться глазу человека такой же великолепной и прекрасной, какими кажутся наши патроны? О, часть этой привлекательности, несомненно, восходит к ранним этапам возвышения, на Старой Земле, когда они возвысили наших обезьяньих предков почти до полного разума, еще до начала Великого Испытания. Возможно, это закреплено на генетическом уровне, как выбраковывают собак, чтобы они трепетали при прикосновении человека.

Но мы все еще незавершенные существа. Все еще излишне и примитивно эмоциональны. Позволь спросить тебя, Ларк. Если бы твоей задачей было возвышение вздорных, капризных, неуживчивых существ и ты бы обнаружил, что косметический симбионт облегчает твою роль учителя, ты бы им не воспользовался?

И прежде чем Ларк успел энергично сказать «нет», она торопливо продолжала:

— Разве члены ваших Шести Рас не используют с той же целью реуки? Этих симбионтов, которые пленкой покрывают

вам глаза и берут немного крови в обмен на передачу эмоций? Разве реуки не являются жизненно важной частью взаимоотношений в вашей Общине?

— Хр-рм. — Ларк издал звук, который издают горловым мешком хуны. — Реук не помогает лгать. И сам не является ложью.

Линг кивнула:

— Но перед вами никогда не было такой трудной задачи, как перед ротенами — возвысить существа, такие умные и в то же время такие неуживчивые, как люди. Раса, потенциал которой к будущему делает нас капризными и опасными, склонными к ложным поворотам и смертельным ошибкам.

Ларк подавил порыв возразить. Она может только зайти еще дальше, загнать себя в угол и отказаться выйти из него. Сейчас она по крайней мере согласилась, что один из ротенов может быть способен на дурные поступки, что действия Рокенна могут быть преступными.

Кто знает? Возможно, в этом все и дело. Замысел преступного индивида. Может быть, раса в целом так прекрасна и удивительна, как она говорит. Ведь как хорошо было бы, если бы у человечества были такие замечательные патроны и за следующим тысячелетием нас ждало бы величие.

Линг кажется искренней, когда говорит, что капитан корабля ротенов разберется и выяснит истину.

— Очень важно убедить ваших мудрецов освободить заложников и передать тело Ро-пол вместе с «фотографиями», которые снял ваш портретист. С ротенами шантаж не пройдет — вы должны это понять. Не в их характере поддаваться угрозам. Но в перспективе «улики», которые вы собрали, могут причинить им вред.

Это было до того, как пришла поразительная новость — что корабль ротенов пленен, заключен в темницу из света.

Ларк разглядывал одно из золотых яиц мульк-паука, а Линг продолжала говорить о трудной, но славной судьбе, которую патроны уготовили импульсивному и умному человечеству.

— Знаешь, — заметил Ларк, — в логике всей этой ситуации есть что-то искаженное.

— О чем это ты?

Ларк пожевал губу, как ур в нерешительности. Потом решил: пора все открыть.

— Я хочу сказать: давай на время оставим этот дополнительный элемент в виде нового корабля. У ротенов могут быть счеты, о которых вы не знаете. Или это прилетела другая группа генных грабителей, чтобы поживиться в биосфере Джиджо. Насколько нам известно, чиновники Галактического Института Миграции могли принести на Джиджо Судный День, предсказанный в Свитках.

Но сейчас давай займемся Битвой на Поляне — той самой, которая сделала тебя моей пленницей. Она началась, когда Блур сфотографировал мертвого ротена без маски. Ро-кенн вышел из себя и приказал роботам перебить всех, кто это видел.

Но разве ты не заверяла меня, что нет необходимости уничтожать туземных свидетелей посещения вашей команды? Что ваши хозяева справятся, даже если устные или письменные улики сохранятся сотни и тысячи лет и в них будет описано посещение генных грабителей — людей и ротенов?

— Да, заверяла.

— Но ты признаешь, что генный грабеж противоречит галактическому закону! Я знаю, ты считаешь, что ротены выше подобных соображений. Но они все же не хотят, чтобы их поймали на месте преступления.

Предположим, какие-нибудь достоверные свидетельства, даже фотографии, в конце концов дойдут до инспекторов Института Миграции, когда они в следующий раз посетят Джиджо. Свидетельства о тебе, и Ранне, и Кунне. О генных грабителях людях. Даже я знаю, что принцип «наказания всей расы» господствует в Пяти Галактиках. Ро-кенн объяснял, как ротены собираются предотвратить санкции против Земли?

Лицо Линг стало мрачно.

— Ты утверждаешь, что он использовал нас, как глупцов. Позволил мне распространить среди туземцев лживые уверения, а сам планировал похитить гены и уничтожить всех свидетелей.

Очевидно, ей нелегко было говорить это.

Линг казалась удивленной, когда Ларк отрицательно покачал головой.

— Так я думал вначале, когда заболели квуэны. Но теперь я представляю себе нечто еще худшее.

Это привлекло ее внимание.

— Но что может быть хуже массового убийства? Если обвинение будет доказано, Ро-кенна выведут из его дома в цепях! Он будет наказан так, как ни одного ротена не наказывали веками.

Ларк пожал плечами.

— Может быть. Но остановись и подумай.

Прежде всего Ро-кенн рассчитывает не только на эпидемию, которая одна должна выполнить работу.

О, у него, вероятно, целая библиотека микробов — болезнетворных агентов, которые использовались в галактических войнах. Несомненно, звездные квуэны давно разработали противоядие от тех бактерий, которые поразили лимфатические сосуды Утена. Я уверен, зараза Ро-кенна убьет еще очень многих из нас.

Линг начала возражать, но Ларк продолжал:

— Тем не менее я кое-что знаю о том, как действуют эпидемии в естественных экосистемах. Даже набор болезней не в состоянии полностью уничтожить все Шесть Рас. Редкие случаи природного иммунитета поставят в тупик даже самых совершенных возбудителей болезни. Далее, чем реже население, тем труднее добраться до выживших.

Нет, Ро-кенну нужно было нечто большее. Гибель Общины в тотальной войне! Войне, которую можно раздувать, доводить до крайних пределов. Войне такой жестокой, что каждая раса будет преследовать противников в самых далеких уголках Джиджо, с готовностью распространять новых паразитов, лишь бы покончить с врагами.

Он видел, что Линг пытается найти пробел в логике его рассуждений. Но она присутствовала, когда проигрывались псизаписи Ро-кенна — болезненные сны, которые должны были вызвать смертельную вражду между шестью расами. Присут-

ствующие не были обмануты, потому что оказались предупреждены, но что, если бы передачи шли, как было запланировано, усиленные, превратившиеся под воздействием Святого Яйца во всепоглощающую волну?

— Я расскажу об этом дома, — слабым голосом поклялась она. — Он будет наказан.

— Это обнадеживает, — продолжал Ларк. — Но я не кончил. Понимаешь, даже совместное действие эпидемий и войны не гарантировало Ро-кенну полное уничтожение Шести Рас и ликвидацию даже ничтожной вероятности того, что улики могут передаваться из поколения в поколение — возможно, их спрячут в какой-нибудь пещере, — и в конечном счете дойти до следователей Институтов. С другой стороны, он мог решать, какая раса или секта окажется последней, а какая погибнет первой. В особенности есть одна, которой он очень хорошо умеет манипулировать. Это Homo sapiens.

Как я это понимаю, план Ро-кенна состоял из нескольких частей. Во-первых, ему нужно было добиться, чтобы землян ненавидели. Во-вторых, он должен был ослабить остальные пять рас, распространив болезни, в которых можно будет обвинить людей. Но главной задачей было обеспечить полное уничтожение на Джиджо людей. Ему было все равно, если кто-нибудь из уцелевших представителей остальных рас начнет рассказывать.

Линг удивилась.

— А зачем ему это? Ты сам сказал, что свидетельства могут дойти.

— Да, но когда земляне на Джиджо превратятся в историю, рассказывать будут только, что некогда корабль, полный людей, прилетел на Джиджо, крал гены и пытался всех перебить. Никто не подумает подчеркивать, какие именно люди это делали.

В будущем, возможно, всего через несколько столетий, когда последует анонимный донос, прилетят галактические судьи и услышат, что люди с Земли делали эти ужасные вещи. Земля будет жестоко наказана, а ротены окажутся ни при чем.

Линг долго молчала, обдумывая его слова. Наконец с широкой улыбкой подняла голову.

— Ты заставил меня на какое-то время встревожиться, но я нашла ошибку в твоих рассуждениях!

Ларк наклонил голову.

— Расскажи.

— Твой дьявольский сценарий имеет смысл, но в нем есть два промаха.

Во-первых, ротены — патроны всего человечества. Земля и ее колонии, сейчас управляемые глупцами дарвинистами из Террагентского Совета, тем не менее представляют главный генетический бассейн нашего вида. Ротены никогда не допустили бы вреда нашей планете. Даже в современных галактических кризисах они действуют за кулисами, чтобы обеспечить безопасность Земли от осаждающих ее врагов.

Вот оно опять — упоминание об ужасных событиях, происходящих в мегапарсеках отсюда. Ларку хотелось развивать именно эту нить, но Линг продолжала излагать свои аргументы.

— Во-вторых, допустим, Ро-кенн хотел возложить всю вину на людей. Тогда зачем он и Ро-пол вышли из станции и показались всем? Расхаживая повсюду, позволяя художникам зарисовать себя, а писцам — записать каждое их слово, разве они не подвергали всех ротенов той же опасности, которая могла угрожать Земле?

Линг, казалось, готова была признать, что ее непосредственный руководитель оказался преступником или безумцем, но с помощью логики защищала расу патронов. Ларку очень не хотелось развеивать ее веру. У него тоже есть свои ереси.

— Прости, Линг, но мой сценарий сохраняется.

Твои четыре пункта верны только в том случае, если ротены действительно наши патроны. Я знаю: это твоя главная посылка, ты выросла с верой в нее, но вера не доказательство. Ты признаешь, что твой народ, даники, малочислен, живет на изолированном аванпосте и видит очень немногих ротенов. Отбросив мистические сказки о древних пришельцах и еги-

петских пирамидах, все, что есть в твоем распоряжении, это их утверждения относительно предполагаемых взаимоотношений с нашей расой. Но это может быть ложью.

Что касается твоего второго пункта, то вспомни, как разворачивались события. Ро-кенн определенно знал, что его рисуют, когда появился в тот вечер, действуя своей харизмой на толпу и сея семена разногласий. Прожив так долго вместе, все шесть рас подвержены воздействию друг друга в своих стандартах красоты, и ротены были поистине прекрасны!

Возможно, Ро-кенн даже знал, что мы можем создавать долговременные изображения. Позже, увидев фотографии Блура, он даже глазом не моргнул. О, он сделал вид, что торгуется с мудрецами, но мы с тобой видели, что он не боится «доказательств», с помощью которых его пытались шантажировать. Он только выигрывал время до возвращения корабля. И у него могло получиться — если бы Блур не обнаружил и не сфотографировал труп Ро-пол — без маскировки, обнаженный. Именно это привело Ро-кенна в истерику и заставило отдать приказ о массовом убийстве!

— Знаю. — Линг покачала головой. — Это было безумие. Но ты должен понять. Беспокойство, причиняемое мертвым, — это очень серьезно. Должно быть, это вывело его из себя.

— Вывело из себя, клянусь своим левым копытом! Он точно знал, что делает. Подумай, Линг. Допустим, когда-нибудь наблюдатели из Институтов увидят фотографии людей и группу человекоподобных существ, о которых никто никогда не слышал, совершающих преступление на Джиджо. Могут ли эти грубые изображения вызвать подозрения относительно ротенов?

— О чем ты говоришь? Все даники вырастают, видя ротенов такими, какими они кажутся со своими симбионтами. Очевидно, будут люди, которые знают...

Голос ее смолк. Она не мигая смотрела на Ларка.

— Неужели ты серьезно...

— А почему бы и нет? После длительного знакомства с вами, я уверен, они знают нужные средства. Когда люди боль-

ше не будут нужны как прикрытие для их планов, ваши «патроны» просто используют широкий спектр искусственных вирусов, чтобы уничтожить всех даников, точно так же как они планировали погубить людей на Джиджо.

Кстати, испытав его на обоих группах людей, они смогут продать это оружие врагам Земли. И после того как наша раса исчезнет, кто будет доказывать ее невиновность? Кто станет искать других подозреваемых в целой серии преступлений, которые были совершены по всем Пяти Галактикам группой двуногих, похожих на...

— Хватит! — закричала Линг, неожиданно вскакивая и просыпая с колен золотые коконы. Она попятилась, тяжело дыша.

Ларк безжалостно последовал за ней.

— С тех пор как мы покинули Поляну, я немного поразмышлял. И все это имеет смысл. Даже то, что ротены не позволяли вам использовать невральные имплантанты.

— Я тебе уже говорила. Это запрещено, потому что имплантанты могут свести нас с ума!

— Правда? Тогда почему они есть у самих ротенов? Потому что они зашли дальше в своей эволюции? — Ларк фыркнул. — Я слышал, что в наши дни люди успешно ими пользуются.

— Откуда ты знаешь, что делают люди в других местах.

Ларк торопливо прервал ее:

— Правда заключается в том, что ротены не хотят рисковать: однажды кто-то из вас, даников, мог бы установить прямой контакт, минуя синтезированные консоли ваших компьютеров, непосредственно подсоединиться к Великой Библиотеке и понять, что вы использовались как пешки.

Линг попятилась еще дальше.

— Пожалуйста, Ларк. Я не хочу больше это слушать.

Он почувствовал желание остановиться, пожалеть ее, но подавил его. В конце концов это должно выйти наружу.

— Признаю, это хитроумное мошенничество: использовать людей как подложных преступников, виновных в генных грабежах и других преступлениях. Даже двести лет назад, когда

вылетела «Обитель», наша раса пользовалась дурной репутацией как один из низших кланов Пяти Галактик. Так называемые волчата, за которыми не стоит никакой древний могучий клан. Если кто-то будет пойман, мы прекрасно подходим на роль простофиль. План ротенов очень хитер. Но вопрос в том, позволят ли люди, чтобы их так использовали?

История дает ответ на этот вопрос, Линг. Согласно нашим текстам, во времена контакта люди испытали сильный шок в виде комплекса неполноценности, когда наши примитивные космические каноэ столкнулись с величественными цивилизациями звездных богов. Твои и мои предки избрали разные пути обращения с этим комплексом, но каждый цеплялся за соломинку, искал любой предлог для надежды.

Колонисты с «Обители» мечтали убежать от бюрократов и могучих галактических кланов, найти место, где могли бы свободно растить детей и осуществить древнюю романтическую мечту о колонизации на фронтире. Напротив, ваши предки даники поторопились поверить в искусную ложь, которую рассказали им красноречивые ораторы. Льстивый рассказ, который пролил бальзам на их ущемленную гордость, обещая великую судьбу для немногих избранных людей и их потомков, если только они будут точно выполнять то, что им приказывают. Даже если это означало растить детей, которые станут подставными лицами и искусными ворами на службе у галактических гангстеров.

Линг дрожала, она протянула руку ладонью вперед, словно пыталась физически сдержать поток слов.

— Я просила тебя остановиться, — повторила она. Казалось, она с трудом дышит. Лицо ее исказилось от боли.

Теперь Ларк замолчал. Он зашел слишком далеко, даже во имя правды. Пытаясь сохранить остатки достоинства, Линг повернулась и пошла к берегу ядовитого озера, которое лежало за каменными развалинами буйуров.

«Кому понравится, когда его взгляд на мир переворачивают наизнанку? — думал Ларк, глядя, как Линг бросает камни в едкие воды. — Большинство из нас отвергнет все доказатель-

ства в космосе, прежде чем согласится, что неверными могут быть наши собственные представления».

Но ученый в ней не позволит ей так легко отбросить очевидное. Ей придется посмотреть в лицо фактам, даже если они ей не нравятся.

К правде трудно привыкнуть, и это сомнительное благо. Оно не оставляет убежища, когда приходит новая правда и причиняет боль.

Ларк знал, что его собственные чувства не способствуют ясности мысли. В нем смешивался гнев со стыдом за то, что он не смог придерживаться чистоты своих убеждений. Было и детское удовлетворение от того, что ему удалось лишить Линг ее прежнего высокомерного превосходства и раздражение на этот найденный в себе мотив. Ларку нравилось быть правым, хотя на этот раз лучше бы он ошибался.

Именно тогда, когда она начала относиться ко мне как к равному, я, может быть, даже начал ей нравиться, мне пришлось растоптать ее жизнь, разбить идолов, которым она привыкла поклоняться, показать ей окровавленные руки ее богов.

Ты можешь выиграть спор, парень. Можешь даже убедить ее. Но простит ли она тебя за то, что ты сделал?

Он покачал головой: слишком многое он сейчас отбросил ради удовлетворения своей жестокой ереси.

ЭВАСКС

Не бойтесь, Мои меньшие части.

То, что вы ощущаете, может показаться принудительной болью, но со временем вы полюбите эти ощущения. Я теперь часть вас, Я един с вами. И Я никогда не сделаю ничего, что причинит нам вред, пока этот союз выполняет свои функции.

Давайте, гладьте воск, если хотите, потому что старая память еще может использоваться в незначительных делах (пока служит Моим целям). Проигрывайте недавние изображения, чтобы мы вместе могли вспомнить события, приведшие к нашему новому союзу. Воссоздайте сцены, воспринимавшиеся Асксом, который

в благоговении смотрел, как огромный джофурский боевой корабль «Полкджи» спускается с неба, захватывает пиратов и садится в измученной долине. Бедный, слабо соединенный, слабоумный Аскс — разве вы/мы не дрожали от страха?

Да, Я могу погладить и другие восхитительные мотивации. Те самые, что поддерживали ваше удивительное единство, вопреки поднимающемуся ужасу. Это липкое, склеивающее чувство долга. Долга перед не-единством, перед сообществом полусуществ, которое вы называете Общиной.

Как Аскс, ваша груда собиралась говорить от имени Общины. Аскс ожидал встретиться с путешествующими меж звезд людьми и созданиями, известными вам как ротены. Но тут через наш входной портал стали видны джофуры!

Разве после некоторого колебания вы не повернули и не попытались убежать?

Какой медлительной была эта груда до перемены! Когда могучий корабль выпустил языки пламени, как вы реагировали на этот водоворот уничтожения? На смертоносные лучи, которые разрезáли дерево, камень и плоть, но щадили престарелую груду колец? Будь у вас замечательные беговые ноги, которыми мы обладаем сейчас, вы могли бы броситься в эту ревущую катастрофу. Но Аскс был медлителен, слишком медлителен даже для того, чтобы защитить своим корпусом треки соседей.

Все погибли, кроме этой груды.

РАЗВЕ ВЫ НЕ ГОРДЫ?

Следующий луч подхватил многополосный конус, пронес жирные кольца сквозь ночь и через ожидающие их двери.

О, как хорошо, вопреки смятению, заговорил тогда Аскс! С удивительной для не имеющей господина груды, оставляя жирные восковые следы красноречия, Аскс умолял, уговаривал и спорил с загадочными существами, которые смотрели на него из-за ослепительных огней.

Наконец эти существа продвинулись вперед. И трюм звездного корабля заполнился испарениями Аскса, выражающими крайний ужас.

Как едины вы были, Мои кольца! Свидетельства воска очевидны. В тот момент вы были едины, как никогда раньше.

Едины в общем отчаянии от зрелища торов-родичей, от которых много циклов назад бежали ваши предки.

От нас, джофуров, могучих и завершенных.

ДВЕР

Робот помог собрать выброшенную на берег древесину и сложить ее на стороне дюны, выходящей на Трещину. Без отдыха, без перерывов он бросал одну груду и тут же устремлялся снова в том направлении, которое указывала вытянутой рукой Рети. Машина даников, казалось, снова ей повинуется — пока ее приказы направлены на соединение с Кунном.

Такая целеустремленная преданность хозяину напомнила Двери рассказы о земных собаках — рассказы, которые в детстве читала ему мать. Ему показалось странным, что колонисты привезли на «Обители» лошадей, ослов и шимпанзе, но не прихватили собак.

Ларк или Сара могут знать почему.

Такова была привычная мысль Двера, когда он чего-нибудь не понимал. Только теперь она вызвала боль: ведь он знал, что может никогда не увидеть брата и сестру.

Может, Кунн не убьет меня сразу. Он может привезти меня домой в цепях, до того как ротены уничтожат все Шесть Рас, чтобы замести следы.

Именно такую судьбу для разумных обитателей Джиджо предвидели мудрецы, и Двер полагал, что им виднее. Он вспомнил, как Лена Стронг рассуждала о том, какими средствами воспользуются чужаки для осуществления геноцида. С каким-то ужасающим наслаждением она весь долгий путь к востоку от хребта Риммер гадала, зальют ли преступные звездные боги весь Склон пламенем, испепелят все от ледников до моря. Или растопят ледяные шапки и потопят всех? Для Двера, который вел двух крепких женщин и младшего мудреца тысячи лиг по ядовитой траве до самых Серых Холмов в надежде сохранить

фрагмент человеческой цивилизации на Джиджо, ее размышления стали словно пятым спутником.

Последний раз Двер видел Дженин, Лену и Дэйнела во время короткой схватки у хижин родного племени Рети. Этот самый робот смертоносным лучом сразил Дэйнела за мгновение до того, как было уничтожено его оружие.

Конечно, робот-разведчик не пес, которого можно приручить и с которым можно подружиться. И он не проявлял никакой благодарности за то, что Двер много раз помогал ему перебраться через реки, своим телом осуществляя связь силового поля с землей.

Ненамного лучшим товарищем был и Грязнолапый. Маленькому нуру быстро наскучило собирать дерево, и он отправился исследовать береговую линию, яростно раскапывая песок в тех местах, где пузыри выдавали присутствие песчаных моллюсков. Дверу хотелось поджарить их, но он увидел, что Грязнолапый раскалывает все раковины и поедает их содержимое, ничего не оставляя для людей.

Полезен, как нур, подумал Двер, подавляя приступ голода, и, углубляясь мокасинами в мокрый песок, потащил очередную груду дров.

Двер пытался сохранить оптимизм.

«Может, Кунн накормит меня, прежде чем подсоединить к машине для пыток».

...йии гордо стоял на верху растущей груды дров. Маленький урский самец писклявым голосом отдавал указания, как будто люди без присмотра со стороны ура не в состоянии развести приличный костер. Видя незначительный вклад Двера, «муж» Рети разочарованно зашипел — как будто рана, голод и половина Джиджо, преодоленная в клешнях робота, это не оправдание. Двер, не обращая внимания на выговоры йии, сбросил свою вязанку и снова пошел на берег, заслоняя глаза в поисках разведочного корабля Кунна.

Он увидел его вдалеке — серебристую бусинку, движущуюся взад и вперед над темно-синими водами Трещины. Через

равные промежутки из стройного космического корабля выпадало что-то маленькое и блестящее. Взрывчатка, предположил Двер, потому что примерно спустя двадцать дуров после того, как точка касалась воды, море внезапно взбухало и покрывалось белой пеной. Иногда до берега доносился резкий, почти музыкальный звук.

По словам Рети, Кунн старается выгнать что-то или кого-то из убежища.

Надеюсь, ты промахнешься, думал Двер, хотя звездный пилот может лучше отнестись к пленникам, если его охота завершится успехом.

— Интересно, что все это время рассказывает Кунну Джесс, — вслух выразила свою тревогу Рети, присоединяясь к Дверу на вершине дюны. — Что, если они подружатся?

Двер подождал, пока робот не сбросит очередной груз дерева и не уйдет. Потом ответил:

— Ты передумала? Мы можем попробовать сбежать. Захватим робота. Будем избегать Кунна. Пойдем своим путем.

Рети улыбнулась с удивительной теплотой.

— Что это, Двер? Предложение? И что же мы будем делать? Начнем собственный маленький сунерский клан здесь, на голом берегу? Знаешь, у меня уже есть один муж, и нужно его разрешение, чтобы добавить второго.

На самом деле он хотел уговорить ее вернуться в Серые Холмы, где Лене и Дженин определенно нужна помощь. Или, если путь окажется слишком трудным или Рети не захочет возвращаться в свое ненавистное племя, они смогут повернуть на запад и спустя месяц добраться до Долины — если в пути будет добыча.

Рети более резко продолжала:

— К тому же мне по-прежнему хочется пожить в квартире на аванпосте Пориа. Такой, какую показывали мне Беш и Линг, с бал-ко-ном и с постелью из облаков. Думаю, там мне будет немного удобней, чем здесь, среди дикарей.

Двер пожал плечами. Он не ожидал, что она согласится. Но как у «дикаря», у него были свои причины устраивать костер, чтобы привлечь внимание Кунна.

— Ну, все равно, думаю, робота вторично застичь врасплох не удастся.

— Хорошо, что ты уцелел и сейчас можешь это делать.

Дверу понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, что она только что сказала ему комплимент. И оценил его уникальность, зная, что второго может никогда не услышать.

Мгновение непривычной теплоты кончилось: что-то массивное неожиданно пронеслось мимо, сбив людей с ног воздушной волной. Тренированный взгляд охотника позволил Дверу проследить направление полета этого неясного предмета до вершины соседней дюны, которая неожиданно взорвалась фонтаном песка.

Он понял, что это еще один робот, который стремительно закапывается в песок. За несколько ударов сердца он выкопал большую яму и скрылся в ней, направив свои линзы на юг и запад.

— Пошли! — крикнул Двер, хватая лук и стрелы. Рети задержалась только для того, чтобы подхватить завывающего, шипящего йии. Они вместе бегом спустились со склона, и Двер принялся копать обеими руками.

Давным-давно его научил этому Фаллон: «Если не понимаешь, что происходит во время кризиса, подражай тому, кто понимает». Если робот считает необходимым спрятаться, Двер решил, что разумно последовать его примеру.

— Ифни! — прошептала Рети. — Какого дьявола он делает?

Она все еще стояла и смотрела на Трещину. Двер стащил ее в яму рядом с собой. И только когда песок почти закрыл их тела, он позволил себе высунуть голову и посмотреть.

Пилот даник, по-видимому, почувствовал, что что-то неладно. Маленький корабль, снижаясь, устремился к берегу. Ищет укрытия, подумал Двер. Может, умеет закапываться, как робот.

Он начал поворачиваться, чтобы увидеть, что испугало Канна, но тут лодка неожиданно резко повернула. Из ее хвоста вылетели яркие огненные шары, как искры от горящего полена. Они ярко вспыхивали, вода начинала странно колебаться, затуманивая очертания улетающего корабля.

Из-за Двера над его головой к убегающей лодке понеслись огненные полосы. Большинство, проходя через искажающие участки, отклонялись от курса, но одна миновала сверкающие шары и попала в цель.

В последнее мгновение Кунн развернул свой корабль и выстрелил в нападавших. Ответный залп совпал с попаданием не свернувшего с пути снаряда.

Двер пригнул голову Рети и сам закрыл глаза.

Детонация оказалась менее сильной, чем он ожидал. Серия гулких сотрясений, почти разрядка напряжения.

Подняв залепленные песком лица, они увидели и победителя, и побежденного в этой краткой схватке божественных колесниц. Лодка Кунна рухнула вблизи поля дюн и погрузилась в болото. Над местом ее падения поднялся столб дыма.

Кружа вверху, победитель наблюдал за жертвой, блестя тем серебристым оттенком, который кажется скорее не металлическим, а хрустальным. Вновь прибывший был больше и выглядел гораздо мощнее разведчика даников.

У Кунна не было ни одного шанса.

Рети едва слышно сказала:

— Она говорила, что должен быть кто-то сильней.

Двер покачал головой.

— Кто говорил?

— Эта вонючая старая самка ур! Предводитель четвероногих сунеров в загоне у деревни. Говорила, что ротены боятся кого-то сильнее их. Значит, она была права.

— Уры вонючие? — возразил йии. — Как ты можешь так говорить, жена?

Рети погладила маленького самца, тот вытянул шею и довольно вздохнул.

Новый взрыв покачнул упавший корабль, в его борту осветился треугольник. Эта секция отпала, и за ней в болото выпали две двуногие фигуры, преследуемыми клубами дыма из внутренностей корабля. Пробираясь по мутной воде и держась друг за друга, люди добрались до островка и в изнеможении упали.

Второй корабль описал широкий круг, осторожно снижаясь. Когда он поворачивал, Двер увидел, что из разреза в его боку исходит бледный дым. И двигатель работает все напряженней и неровней. Вскоре второй корабль опустился рядом с первым.

Похоже, Кунн тоже попал.

Двер подумал: «Почему меня это радует?»

ОЛВИН

Сотрясающие до костей взрывы становились с каждым дуром все более ужасными, колотили по нашей подводной тюрьме-убежищу, иногда ненадолго стихали, потом возвращались с новой силой, и бедному хуну трудно было удержаться на подскакивающем полу.

Костыли и корсет не очень помогали, не помогал и маленький автописец, заполнивший помещение моими собственными спроецированными словами. Пробираясь сквозь них, я искал какую-нибудь прочную опору, за которую можно было бы ухватиться, а писец продолжал увеличивать словесную толчею, отражая мои лихорадочные проклятия на англике и галсемь. Найдя стенную стойку, я ухватился за нее изо всех сил. Грохот взрывов походил на шаги гиганта, который подходит все ближе и ближе.

И тут, когда я начал опасаться, что сейчас в щель хлынут тяжелые воды Помойки, все неожиданно стихло.

Тишина была почти такой же ошеломляющей, как джики ужасный шум. Мой горловой мешок бесцельно раздувался, а впавшая в истерику Хуфу вцепилась в плечи, разрезая когтями чешуйки.

К счастью, хунам не свойственно впадать в панику. Возможно, у нас слишком медленные реакции, а может, дело в отсутствии воображения.

Пока я собирался с мыслями, дверь раскрылась, вошла одна из маленьких амфибий и быстро произнесла несколько фраз на упрощенном галдва.

Вызов. Нас приглашали на еще одну церемонию жертвоприношения.

— Пожалуй, нам стоит обменяться информацией, — услышали мы, когда собрались все четверо (плюс Хуфу).

Гек и Клешня, способные смотреть одновременно во все стороны, обменялись со мной и Ур-ронн многозначительными взглядами. Недавняя бомбежка нас потрясла. Даже если растешь рядом с вулканом, к такому подготовиться невозможно!

Голос как будто приходил из пространства, где абстрактные линии свивались в плотный клубок, но я знал, что это иллюзия. И линии, и звуки — проекции, посланные существом, чье настоящее тело находится где-то за стеной. Я все время ждал, что Хуфу разорвет какой-нибудь занавес, за которым мы увидим маленького человечка в изумрудном карнавальном костюме.

Они принимают нас за дураков, если думают, что мы купимся на такой трюк?

— Информацией? — фыркнула Гек, отводя назад, словно змей, три глазных стебелька. — Вы хотите, чтобы мы вам что-то рассказали? Тогда сами объясните, что происходит! Я решила, что это место сейчас расколется. Это было землетрясение? Или нас втягивает в Помойку?

— Уверяю вас, этого не происходит, — послышался спокойный ответ на галшесть. — Причина нашей общей тревоги не внизу, а вверху.

— Взрывы, — сказала Ур-ронн, раздувая края гривы и топая задней ногой. — Это не землетрясение, подводные взрывы. Сильные и очень близкие. Я сказала вы, что кто-то очень не любит вас, парни.

Клешня резко зашипел, а я удивленно посмотрел на нашу урскую подругу, но вращающийся голос подтвердил:

— Очень проницательная догадка.

Не могу сказать, что прозвучало в этом голосе: уважение или сарказм.

— И поскольку наша местная гильдия взрывников вряд ли способна на такой подвиг, это означает, что у вас есть могущественные враги, гораздо более грозные, чем мы, ведные Шесть.

— И это разумное предположение. Какая умная молодая леди.

— Хр-рм, — добавил я, чтобы не остаться в стороне от этой сардонической оценки. — Нас учили, что первой следует рассматривать самую простую гипотезу. Позвольте предположить: вас преследуют те самые, что недавно высадились на Поляне Праздников. Те генные грабители, о которых получила сообщение Уриэль перед нашим погружением. Верно?

— Хорошее предположение и, возможно, даже верное, хотя это может быть и кто-нибудь другой.

— Кто-нибудь другой? О чем вы говорите-рите? — спросил Клешня, поднимая три ноги и опасно покачиваясь на оставшихся двух. Его хитиновый панцирь приобрел тревожную алую окраску. — Что эти ити-ти на Поляне могут быть не единственными? Что у вас много врагов?

Наступила тишина, абстрактные линии собрались в плотный клубок. Маленькая Хуфу, которую с самого начала покорил голос, вцепилась когтями мне в плечо, пораженная застывшей спиралью.

Гек спокойней спросила:

— А сколько у вас недругов?

Когда голос прозвучал снова, в нем не было сарказма, но звучал он очень устало.

— Ах, дорогие дети. Похоже, половина звездной вселенной тратит годы на преследование нас.

Клешня застучал когтями, а Гек печально и негромко вздохнула. Мое собственное отчаянное ворчание-размышление вывело Хуфу из транса, и она нервно зачирикала.

Ур-ронн просто хмыкнула, как будто ожидала такого ответа, подтверждая свой врожденный урский цинизм. В конце концов, когда кажется, что хуже быть не может, разве обычно не становится хуже? У Ифни плодовитое, хотя и отвратительное воображение. Богиня судьбы постоянно показывает новые стороны своей вращающейся кости.

* * *

— Что ж, полагаю, это означает, хрр-мм, можно отказаться от мысли, что это фувнтусы — древние обитатели Джиджо или местные глубоководные жители.

— Или оставленные буйурами машины, — продолжала Гек. — Или морские чудовища.

— Да, — согласился Клешня. В его голосе звучало разочарование. — Еще одна свора безумных галактов-лактов.

Вертящееся изображение казалось удивленным.

— Вы предпочли бы морских чудовищ?

— Забудьте об этом, — сказала Гек. — Вы все равно не поймете.

Изображение качалось и изгибалось.

— Боюсь, в этом вы правы. Ваша маленькая группа нас глубоко удивляет. Настолько, что у некоторых даже появилась мысль о шпионаже: будто вас нарочно поместили среди нас, чтобы вызвать смятение.

— Как это?

— Ваши ценности, верования и очевидная взаимная привязанность подрывают предположения, которые мы считали непреложно свойственными природе реальности.

Имейте в виду, что смятение, о котором я говорю, не неприятно. Один из моих основных мотивов, как у разумного существа, может быть назван стремлением к удивлению. И те, с кем я работаю, столь же сильно изумлены непредвиденным чудом вашей дружбы.

— Рада, что мы вас забавляем, — заметила Гек сухим саркастическим тоном, какой раньше был у голоса. — Значит, вы, парни, прилетели сюда, чтобы спрятаться, как наши предки?

— Да, такая параллель существует. Но мы не собирались оставаться. Только сделать ремонт, пополнить припасы и подождать в укрытии благоприятного окна в ближайшем пункте перехода.

— Значит, Уриель и мудрецы, возможно, ошибаются насчет корабля на Поляне? Банда генных грабителей — это только предлог. А реальная причина наших неприятностей — вы?

— Неприятности — это синоним существования метаболизирующего существа. Иначе почему вы, молодые искатели приключений, так энергично искали нас?

Но ваши жалобы справедливы. Нам казалось, что мы ушли от преследователей. Посадка корабля в горах может быть случайной или следствием совпадения многих неблагоприятных факторов. В любом случае, знай мы о вашем существовании, мы бы поискали убежище за пределами этой планеты, может быть, в одном из мертвых городов на ваших лунах, хотя такие места не так удобны для ремонта.

Мне трудно было в это поверить. Я всего лишь невежественный дикарь, но вырос на классических приключенческих романах и мог представить себя в каком-нибудь лунном призрачном городе, подобно своему тезке, пробуждающим могучие машины, спавшие веками. Какие звездные существа находят тесноту и соленую воду более удобными, чем чистый вакуум?

Мы замолчали, не в силах сердиться на существ, которые с такой готовностью принимают ответственность. И разве они тоже не беженцы от галактических преследований?

Или от справедливого наказания, пришла новая тревожная мысль.

— А вы можете сказать, почему все на вас рассердились? — спросил я.

Вертящаяся фигура превратилась в узкий волнующийся язык, один конец которого казался далеким и маленьким.

— Подобно вам, мы углубились в неизведанные места, воображая себя смелыми исследователями, — печально объяснил бестелесный голос. — Но нам не повезло: мы нашли именно то, что искали. Неожиданные чудеса, превосходящие всякое воображение.

Мы не нарушили закон, мы собирались поделиться найденным. Но те, кто нас преследует, отбросили всякие претензии на законность. Словно гиганты, пытающиеся завладеть собственностью карлика, они безжалостно сражаются друг с другом за право захватить нас! Увы, тот, кто захватит наше сокровище, несомненно, использует его против остальных.

И снова мы уставились на вертящийся столб. А Клешня испустил из всех щелей одновременно возбужденный и благоговейный шепот:

— С-с-сокро-ви-ви-щ-щ-ще?..

Гек подъехала ближе к вертящемуся столбу.

— Вы можете доказать то, что только что сказали?

— Не сейчас. Это означало бы поставить вас в еще более опасное положение, чем то, в котором вы оказались.

Помню, я удивился: что может быть опасней геноцида, о котором говорила Уриэль, геноцида, который скорее всего будет результатом нашего контакта с генными грабителями.

— Тем не менее, — продолжал голос, — нам, возможно, удастся повысить уровень взаимопонимания. Или даже оказать друг другу существенную помощь.

САРА

Допустим, два самых внимательных наблюдателя в мире присутствуют при одном и том же событии. Они никогда не придут к совершенно аналогичному выводу о происходившем. И они не могут вернуться в прошлое и проверить свои наблюдения. События можно записать, но прошлое не восстановить.

А будущее еще более туманно — территория, о которой мы рассказываем вымышленные истории, разрабатываем стратегии, которые никогда не осуществляются, как было запланировано.

Любимые уравнения Сары, которые она находила в научных трудах землян, созданных еще до контакта, описывают время как измерение, родственное нескольким космическим осям. Галактические эксперты высмеивали это представление, называя релятивистскую модель Эйнштейна и других исследователей «наивной». Но Сара знала, что в этих уравнениях содержится истина. Так должно было быть. Слишком они прекрасны, чтобы не быть частью плана вселенной.

Это противоречие заставило ее перейти от математики к проблемам лингвистики: как язык ограничивает мозг, почему

одни идеи формулируются легко, а другие невозможно даже выразить. Земные языки: англик, россик и ниханик — казались особенно пригодными для парадоксов, тавтологий и «доказательств», которые звучат убедительно, но противоречат реальному миру.

Но хаос проник также и в галактические диалекты, которыми пользовались расы изгнанников на Джиджо еще до появления землян. Для некоторых лингвистов из Библоса это было доказательством регресса, звездная усложненность уступает место варварству, а постепенно — предразумным выкрикам. Но в прошлом году Саре пришло в голову другое объяснение, основанное на предконтактной теории информации. Эта идея была настолько захватывающей, что она покинула Библос, чтобы поработать над ней.

Или я просто искала предлога, чтобы уйти оттуда подальше?

После того как Джошуа умер во время эпидемии, а ее мать от удара, исследования в такой далекой области казались прекрасным убежищем. Возможно, в древесном доме, в обществе Прити и своих книг, Саре казалось, что она защищена от вторжения мира.

Но вселенная умеет проходить сквозь стены.

Сара посмотрела на блестящую смуглую кожу Эмерсона, на его оживленную улыбку, и ее охватило теплое ощущение привязанности и удовлетворения. Если не считать немоты, звездный человек поразительно отличался от калеки, которого она нашла в мульк-болоте вблизи Доло и вырвала из объятий смерти, вернув к жизни.

Может, мне следует отказаться от интеллектуальных претензий и заняться тем, что у меня хорошо получается. Если Шесть Рас начнут воевать друг с другом, медсестры будут гораздо нужней теоретиков.

Ее мысли хаотично нанизывались на тонкую светящуюся линию в центре туннеля. Они продолжали движение, и линия ни разу не прерывалась. Эта неизменность упрекала Сару в ее

личной ереси, странной, святотатственной вере, которая была, возможно, только у нее одной из всех обитателей Джиджо.

В совершенно необычном представлении о возможности прогресса.

Задыхаясь от очередной пробежки, Сара снова забралась в фургон и увидела, что Прити нервно ерзает. Сара протянула руку, чтобы проверить состояние раны маленького шимпанзе, но Прити высвободилась, забралась на переднее сиденье и зашипела сквозь зубы, вглядываясь вдаль.

Возчики тоже были в смятении. Кефа и Нули тревожно, с шумом, выдыхали. Сара тоже глубоко вдохнула и обнаружила, что ее охватывают противоречивые ощущения. Буколический запах лугов смешивался с острым металлическим привкусом чего-то совершенно чуждого. Она встала, упираясь коленями о сиденье.

Там, где впереди исчезает светящаяся полоса, как будто стало светлей.

Вскоре стало отчетливо видно бледное свечение. Эмерсон надел на глаза свой реук, потом снова снял.

— Дядя, проснись! — Джома потряс Курта за плечо. — Думаю, мы приехали!

Но свечение еще очень долго оставалось неопределенным. Дединджер нетерпеливо бормотал что-то, и на этот раз Сара была с ним согласна. Ожидание близкого конца пути делало дальнейшее движение по туннелю почти непереносимым.

Лошади без понуканий ускорили ход, а Кефа и Нули порылись под сиденьем и раздали всем темные очки. Только Эмерсон их не взял, потому что его реук делал искусственную защиту излишней. Сара вертела в руках изготовленные урами очки.

Вероятно, после того как мы вынырнем из этой дыры, какое-то время дневной свет будет нам казаться невыносимо ярким. Но это неудобство будет кратким, и зрение вскоре адаптируется к верхнему миру. Предосторожность казалась излишней.

По крайней мере мы узнаем, где все это время могли прятаться лошади. Нетерпение смешивалось с печалью: никакая

реальность, даже божественные чудеса галактов, не сравнятся с причудливыми вымыслами предконтактных сказок.

Мистический вход в какую-то параллельную реальность? Царство, плавающее в облаках?

Она вздохнула. Вероятно, просто долина с одним выходом, в которой жители так выродились в результате инбридинга и так невежественны, что не различают ослов и лошадей.

Древний проход начал подниматься. Вдоль стен, подобно жидкости из какого-то резервуара далеко впереди, разливалось сияние, и центральная светящаяся полоска поблекла. Вскоре туннель приобрел более реальные очертания. Сара различала какие-то предметы, рваные линии.

Отчаянно мигая, она поняла, что они устремляются прямо в тройные челюсти, словно у какого-то ура отросли такие гигантские зубы, что могут целиком поглотить фургон.

Сара посмотрела на иллий и слегка успокоилась. Кефа и Нули не боялись зубчатого отверстия. Но даже увидев, что зубы металлические, изъеденные по краям ржавчиной, Сара не могла убедить себя, что это только мертвая машина.

Огромная машина буйуров.

Ничего подобного она никогда не видела. Почти все большие здания и механизмы аккуратных буйуров были сброшены в море в последние годы их жизни на планете, когда уничтожались целые города, а остальное разъедали мульк-пауки.

Но почему не была разрушена и эта машина?

За массивными челюстями располагались диски, усаженные сверкающими камнями. Сара поняла, что это алмазы размером с ее голову.

Фургон затрясло: Кефа проводила лошадей по извилистой дороге через глотку гигантской машины, обходя огромные диски.

И тут Сара поняла.

Это и есть разрушитель! Он должен был разрушить туннель, но сломался.

Интересно, почему никто не позаботился починить его или убрать.

И тут Сара увидела причину.

Лава.

Сквозь трещины просовывались языки окаменевшего базальта, застывшие полмиллиона лет назад. Это место было захвачено землетрясением.

Много лет спустя отряды шахтеров какой-то из Шести Рас, должно быть, поработали здесь, расчищая проход в брюхе гигантской машины, вырубая полоску лавы, отделявшую тунель от выхода. Сара видела следы примитивных киркомотыг. Должно быть, использовалась и взрывчатка. Это могло объяснить, откуда гильдии взрывников известно об этом месте.

Сара хотела понаблюдать за реакцией Курта, но тут свет усилился, лошади сделали последний поворот и поднялись по крутой рампе к водовороту сияния.

Сара схватилась за очки: мир словно взорвался цветами.

Эти мешающиеся цвета причиняли боль.

Цвета напевали такие мощные мелодии, что закладывало уши. От этих цветов дергался нос, по коже ползли мурашки, ощущение было очень сходно с болью. Пассажиры в голос ахнули: вагон перевалил через возвышение, и открылся вид, более чуждый, чем пейзаж сна.

Даже в темных очках холмы и долины были раскрашены такими цветами, для которых Сара не могла бы подобрать название.

Но даже ошеломленная, она сортировала свои впечатления. С одной стороны, гигантский разрушитель, рев искалеченного металла, утонувший в застывшей лаве. А с другой — до далекого горизонта уходят отблески — слой за слоем радужного камня.

И здесь Сара поняла, каков ответ на ее вопрос.

Где на Склоне тайну можно хранить столетие и даже **больше**?

Даже Дединджер, пророк пустыни Режущего **Песка**, застонал: догадка так очевидна.

Они в месте, где в самую последнюю очередь **можно** искать жителей.

В самом центре Спектрального Потока.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ИЗ ЗАПИСЕЙ ДЖИЛЛИАН БАСКИН

Хотела бы я представиться Олвину. Мне кажется, я уже знаю этого парня: ведь я прочла его дневник и подслушивала разговоры с друзьями.

Они так превосходно владеют идиомами англика двадцать третьего века, их горячий энтузиазм так отличается от того, как ведут себя хуны и уры, которых мы встречали до прилета на Джиджо, что половину времени я почти забываю, что слушаю речь чужаков. Конечно, если не обращаю внимания на необычную интонацию и ударения, которые они считают само собой разумеющимися.

Но потом один из них начинает рассуждать с такой необычной логикой, что я сразу вспоминаю: это не человеческие дети, одетые в костюмы для Хеллоуина и похожие на краба, кентавра и головоногое в инвалидном кресле.

Занимая время, они гадают (и я не могу их в этом винить), гости они в подводном убежище или пленники. Рассуждения ведут к дискуссиям на самые разные темы, к сравнению разных форм плена, известных по литературе. У них очень своеобразное представление о литературе. Например, Ур-ронн считает, что история Ричарда II — это рассказ о законном захвате власти, а Болингброк — настоящий помощник короля.

Красный квуэн Острые Клешни считает, что героя хроники Фенг Хо против воли держали в императорском гареме, хотя там к его услугам были восемьсот красавиц и он мог уйти из гарема в любое время. Наконец Гек объявляет, что ее раздражает: Шекспир так мало внимания уделил злой жене Макбета, особенно ее попытке искупить грех и найти избавление в предразумном состоянии. У Гек есть идея продолжения «Макбета», в этом продолжении должно описываться «возвышение жены Макбета из невозделанного состояния». Она полагает, что в состоянии написать такую книгу о предательстве и судьбе, которой не будет равных в Пяти Галактиках.

Меня поражает, как здесь, на Джиджо, общество неграмотных изгнанников неожиданно оказалось затоплено письменной литературой поселенцев с Земли. Эта ироническая картина прямо противоположна земной ситуации, когда нашу собственную туземную культуру едва не подавило знакомство с сокровищами Великой Галактической Библиотеки. Поразительно, но если Гек и Олвин типичные представители, Община Шести Рас восприняла новое уверенно и жизненно.

Я желаю успеха их эксперименту.

Признаю, мне все еще трудно понять их религию. Концепцию Избавления путем регресса они считают как бы само собой разумеющейся, но мне непонятна ее привлекательность.

К моему удивлению, наш корабельный врач говорит, что очень хорошо понимает ее.

— Каждый дельфин вырастает, слыша этот призыв, — сказала мне Макани. — Во сне наше сознание по-прежнему погружается в обширные песенные пространства Мечты Китов. Когда стрессы разумности становятся слишком сильными, они манят вернуться в нашу естественную среду.

Экипаж дельфинов больше трех лет находится в состоянии непрерывного стресса. Штат Макани вынужден присматривать за двумя десятками пациентов, которые уже «избавились», как сказали бы жители Джиджо. Эти дельфины «вернулись в свое естественное состояние». Иными словами, мы потеряли их как товарищей и опытных коллег так же безвозвратно, как если бы они умерли.

Когда Макани обнаруживает симптомы регресса, она пытается с ними бороться и сохраняет философское спокойствие. Она даже выдвинула теорию, объясняющую, почему эта идея вызывает у меня такое отвращение.

Сформулировала она ее примерно так.

— Возможно, вы, люди, боитесь этой жизненной тропы, потому что вашей расе тяжело досталась разумность, вам приходилось завоевывать ее в тяжелой борьбе на протяжении тысяч поколений.

Мы, дельфины — и эти уры, и квуэны, и хуны, и вообще все остальные галактические кланы, — все получили разум в дар от каких-то предшественников. И ты не можешь ожидать, что мы будем держаться за этот дар так же цепко и отчаянно.

Привлекательность так называемой Тропы Избавления сродни стремлению бросить школу. Есть что-то соблазнительное в мысли о том, что можно сдаться, отказаться от строгой дисциплины и труда, который необходим для поддержания разума. Если откажешься, что с того? Твои потомки получат новый шанс. Новый старт на тропе возвышения, с новыми патронами, которые покажут дорогу.

Я спросила Макани, не находит ли она эту мысль особенно привлекательной. Мысль о новых патронах. Будут ли дельфины более счастливы с другими спонсорами, а не с Homo sapiens?

Она рассмеялась и ответила на великолепно двусмысленном тринари:

> Когда зима рождает лед,
> Покрывающий северные моря,
> Рябь покрывает теплое течение!

Этот разговор с Макани заставил меня снова задуматься о происхождении человека.

На Земле большинство не торопится высказывать мнение по вопросу о том, помогла ли людям какая-то разумная раса своим вмешательством в их гены еще до начала века науки, а затем контакта. Упрямые дарвинисты по-прежнему настаива-

ют на своем, но мало кому хватает мужества утверждать, что галактические эксперты ошибаются, когда говорят, что единственный путь к разуму — Возвышение. Многие земляне верят им на слово.

И поэтому продолжается спор — в популярных медиа-шоу и в частных разговорах людей, дельфинов и шимпов, — спор о том, кто же мог быть отсутствующим патроном человечества. Перечисляется не менее шести дюжин кандидатов — от тувальянцев и летани до солнечных призраков и путешественников во времени из какого-нибудь невероятного девятнадцатого измерения.

Мало кто из дельфинов верит в отсутствующих патронов, большинство подобно Макани. Они считают, что мы, люди, проделали это самостоятельно, сражались во тьме без малейшего постороннего вмешательства.

Как это однажды выразил капитан Крайдайки? О да, вот как.

«Существует расовая память, Том и Джилл. Воспоминания, которые доступны путем напряженных размышлений и сосредоточенности. В наших подобных снам легендах постоянно возникает один образ — обезьяноподобное существо плывет по морю на стволе дерева, размахивает каменным топором, кричит, что оно завоевало море, и требует у равнодушного космоса поздравлений со своим подвигом.

И я спрашиваю у вас: какой приличный патрон позволит клиентам вести себя таким образом? Быть таким нелепым?

Нет. Мы с самого начала могли сказать, что вы, люди, выращены любителями, то есть самими собой».

Во всяком случае, так я запомнила слова Крайдайки. Том считал их простой шуткой, но мне кажется, капитан не все нам сказал. Было еще что-то, и он берег это на другой раз.

Только этого другого раза не будет.

Мы ужинали с Крайдайки тем вечером, а «Стремительный» в это время направлялся кружным и тайным путем в Мелкое Скопление.

День или два спустя все изменилось.

* * *

Уже поздно, и мне пора кончать записки. Попытаюсь немного поспать.

Ханнес докладывает о смешанных результатах работы инженерной группы. Ему с Каркаетттом удалось найти способ удалить часть углеродного нароста на корпусе «Стремительного», но более тщательная работа только ослабит наши и без того непрочные борта, так что пока мы работу прекращаем.

С другой стороны, контрольные параметры, которые я сумела выудить у библиотечной ячейки, помогли Суэсси и его команде вернуть к жизни несколько из брошенных «мусорных» кораблей! Конечно, это устаревший хлам, иначе буйуры забрали бы их с собой, когда улетали. Но длительное пребывание в ледяной воде как будто не причинило им вреда. Возможно, один или два из них еще удастся использовать. И во всяком случае это дает инженерам возможность чем-то заняться.

Теперь, когда «Стремительный» кажется попавшим в очередную ловушку, нам нужны отвлечения. Галактические крейсеры снова начали погоню за нами в самые отдаленные уголки вселенной, стремясь завладеть нашими жизнями и нашими тайнами.

Но как?

Снова и снова я возвращаюсь к этому. Как им удалось выйти на наш след?

Курс мимо Измунути казался так хорошо замаскированным. Этим путем раньше успешно уходили другие. Например, предки Шести Рас.

Это должно было сработать.

Я смотрю на освещенную ярким лучом маленькую фигуру в противоположном углу помещения. С ухода Тома это мой самый близкий сосед.

Херби.

Наша добыча из Мелкого Скопления.

То, что принесло нам надежду и жестокие неудачи.

Может, это проклятие обширного флота полупрозрачных кораблей, который мы обнаружили в этой странной дыре в пространстве? Когда Том нашел способ пройти через их защитное поле и прихватил в качестве сувенира Херби, принес ли он с ним несчастье, которое будет нас преследовать, пока мы не вернем этот проклятый труп в его миллиарднолетнюю могилу?

Раньше эта древняя мумия зачаровывала меня. Его почти гуманоидная усмешка казалась такой причудливой, эксцентричной.

Но теперь я ненавижу ее, ненавижу пространство, через которое нам пришлось убегать после находки мумии.

Я все бы отдала, только бы Том вернулся. Чтобы последних трех лет не было. Чтобы вернулись те невинные прежние дни, когда Пять Галактик были просто очень-очень опасными и еще существовала такая вещь, как дом.

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

КАА

— Но ты говорил, что хуны наши враги!

Заки говорил вызывающим тоном, хотя положение тела — опущенная голова и приподнятые плавники — выдавало неуверенность. Каа воспользовался преимуществом, взбивая воду спинным плавником и принимая уверенное вертикальное положение офицера Террагентской исследовательской службы.

— Это были другие хуны, — ответил он. — Катастрофа у НуДауна произошла очень давно.

Заки покачал бутылкообразной мордой, разбрызгивая пену по влажному куполу.

— Итии есть итии. Они преследуют землян, как только предоставляется возможность, все эти соро, и танду, и остальные проклятые галакты!

Каа поморщился от такого чрезмерного обобщения, но после двух годов бегства подобное отношение очень распространено в экипаже. У Каа тоже появилось представление о несчастной Земле, которой противостоит вся вселенная. Но если бы это было правдой, пытка давно закончилась бы уничтожением.

У нас есть союзники, немногие друзья и невольное уважение и сочувствие нейтральных кланов, которые постоянно совещаются, решая, что делать с волной фанатизма, захватившей Пять Галактик. Постепенно большинство может достичь консенсуса и начать действовать, чтобы восстановить цивилизацию.

Они могут даже наказать наших убийц, хотя нам это ничего хорошего уже не даст.

— На самом деле, — сказал Брукида, отворачиваясь от своего рабочего стола в углу тесного убежища, — я не стал бы относить хунов к числу наших преследователей. Они не религиозные радикалы и не завоеватели, рвущиеся к власти. Брюзгливые бюрократы — такое описание им лучше подходит. Чиновники, педантично придерживающиеся правил. Именно поэтому многие из них поступают на службу в Галактические Институты. При НуДауне они только восстанавливали законность. Когда человеческие поселенцы начали сопротивляться.

— Они считали, что на них нападают! — возразил Заки.

— Да. — Брукида кивнул. — Но земные колонии еще не знали о контакте, и у них не было оборудования, чтобы выслушать запросы галактов. Когда чиновники хуны явились, чтобы сделать последнее ритуальное предупреждение, они встретились с тем, чего не было в их руководствах, — с вооруженными нарушителями. С варварами, не владеющими галактическими языками. Последовала цепочка ошибок. С Джофура были вызваны отряды военных.

— Это не имеет никакого отношения к нашим теперешним проблемам, — прервал Каа лекцию Брукиды по истории. — Заки, ты должен перестать резать сети местных хунских рыбаков! Это привлекает к нам внимание.

— Гневное внимание, — добавил Брукида. — С каждым твоим набегом, Заки, они становятся все более настороженными. В последний раз они бросали копья.

Молодой дельфин фыркнул:

Пусть охотники на китов бросают!
Как в осенних бурях древности —
Волны накатываются, и двуногие тонут!

Каа поморщился. Несколько мгновений назад Заки готов был мстить за людей, погибших в последней колонии, когда дельфины едва начинали говорить. Теперь раздраженный юноша объединяет всех двуногих, вспоминая распри, которые происходили до того, как мужчины и женщины стали стражами Земли. С тем, у кого так работает сознание, невозможно спорить.

Тем не менее обязанность Каа — поддерживать дисциплину.

Если еще раз так поступишь,
Никакой гарпун не сможет так ранить твою спину,
Как мои острые зубы!

Не очень хорошая хайку — разумеется, не те классические поэтические всплески тринари, которыми так поражал экипаж капитан Крайдайки, вызывая волнами великолепных звуков восторженную преданность. Но предупреждение подействовало на Заки. Каа продолжал, из его лба вылетел звуковой поток, пронзив тело Заки и выдавая таящийся в нем страх.

Если сомневаешься, подумал Каа, поступай так, как поступали предки.

— Можешь идти, — закончил он. — Отдохни. Завтра будет еще один длинный день.

Заки послушно повернулся и отступил в дальний угол, который делил с Мополом.

Увы, Каа знал, что его успех не будет длительным.

Тш'т говорила нам, что это важное поручение. Но ручаюсь, она отправила нас сюда, потому что мы единственные, без кого «Стремительный» легко обойдется.

* * *

Этой ночью ему снилось, что он пилотирует корабль.

У дельфинов есть к этому склонность — необычно ранняя для самой молодой разумной расы в Пяти Галактиках. Всего через триста лет после того как земные генетики начали модифицировать бутылконосых дельфинов, космический корабль «Стремительный» был отправлен в полет с благородной целью доказать высокие качества дельфиньего экипажа. Террагентский Совет полагал, что непрочное положение Земли укрепит известие, что она производит первоклассных пилотов.

«Счастливчик» Каа, естественно, был доволен тем, что его отобрали для этого полета, пока до него не дошел один очевидный факт.

Я был хорош, но не был лучшим.

В полусне Каа снова увидел страшную засаду на Моргране, и даже спустя столько времени его потрясла близость катастрофы, от которой они едва ушли.

Присоединенный к многочисленным приборам на мостике, не в состоянии ничего делать, кроме как продолжать движение, главный пилот Кипиру осуществил на старом разведывательном корабле класса «Акула» такие маневры, которым позавидовал бы боевой корабль танду; миновал все затаившиеся мины и захватывающие поля и вернулся в течение Морграна без помощи корабельных компьютеров.

Спустя два года это воспоминание потеряло свою яркость.

Вокруг них сплетались линии перехода, ослепительные полосы сингулярностей измерений. Благодаря капризу церебральной эволюции подготовленные пилоты-дельфины способны воспринимать мерцающие щели пространства-времени как сонарные отражения. Но Каа никогда раньше не проходил через такую путаницу! Через торнадо узловатых полос. Если бы корабль под неверным углом задел любую из этих сверкающих нитей, его выбросило бы в обычное пространство в виде мешанины кварков.

Однако каким-то чудом корабль легко переходил от одной нити к другой, Кипиру сумел избежать преследования, мино-

вать обычные торговые маршруты и наконец привести «Стремительный» в убежище, избранное капитаном Крайдайки.

Китруп, где можно было в виде чистых изотопов металлов найти материалы, необходимые для ремонта; эти металлы, подобно кораллам, росли в ядовитом море.

Китруп — родина двух неведомых рас, одна погруженная в древнее болото отчаяния, другая новая и подающая большие надежды.

Китруп, куда никто не мог за ними последовать.

Но их продолжали преследовать. Галакты безумно сражались друг с другом у них над головой.

И вскоре Кипиру погиб, а вместе с ним Тошио, Хикахи и мистер Орли.

И Каа узнал, что некоторые желания лучше не осуществлять. Он узнал, что в конце концов совсем не хочет быть главным пилотом.

В последующие годы он набрался опыта. Он пилотировал корабль в бегстве с Оакки и из Фрактальной системы и показал себя хорошо, хотя и не слишком ярко.

Недостаточно хорошо, чтобы сохранить свое прозвище.

Не слышал, чтобы кто-нибудь сказал, что мог бы справиться с этим лучше.

Сон был не очень целительным и спокойным.

Заки и Мопол еще до рассвета снова начали резвиться, пища и толкаясь за перегородкой, которую едва не разнесли своими молотящими хвостами. Следовало бы отправить их наружу, но Каа не решился.

— Типичное послеподростковое поведение, — сказал ему Брукида у распределителя пищи. — Молодые самцы легко возбуждаются. У дельфинов в природе однополые сексуальные игры прекращаются, когда молодые самцы начинают подумывать о привлечении внимания самок. Молодые часто проверяют свой статус, бросая вызов взрослым самцам.

Конечно, Каа все это знал. Но с тем, что это «типично», не мог согласиться. Я себя так никогда не вел. Конечно, я был

несносным, высокомерным молодым дельфином. Но сознательно никогда не вел себя грубо, подобно животному.

— Может, Тш'т следовало включить в нашу группу самок, — вслух подумал он.

— Это не помогло бы, — ответил пожилой металлург. — Если эти два молодых нахала не заручились расположением ни одной самки на корабле, не получится это у них и здесь. У наших самок высокие стандарты.

Рассмеявшись, Каа едва не подавился куском полупрожеванной кефали. Он был благодарен Брукиде за его грубоватый юмор, хотя касался он щекотливой темы. В последнее время по кораблю ходила петиция с просьбой разрешить размножение, подписанная несколькими дельфинами.

Каа сменил тему.

— Как дела с анализом материалов, которые хуны выбросили в море?

Брукида кивком указал на свой рабочий стол, где стояло несколько раскрытых ящиков, украшенных лентами. В пепельной пыли лежали куски кости и обломки кристаллов.

— До сих пор содержимое ящиков подтверждало то, что написал в своем дневнике молодой хун.

— Поразительно. Я был уверен, что это розыгрыш, подготовленный нашими врагами. — Экипажу раздали копии рукописного дневника, но трудно было поверить тому, что в нем написано.

— Очевидно, он говорит правду. На этой планете живут совместно Шесть Рас. Как часть экологически ориентированного ритуала, они посылают свои не поддающиеся переработке отходы — они называют их мусором — в море, и там их хоронят в специально отведенных зонах. Сюда входят и части их переработанных тел.

— И ты нашел...

— Останки людей. — Брукида кивнул. — А также шимпов, хунов, уров — всех тех, о ком писал молодой Олвин.

Каа все это по-прежнему ошеломляло.

— И среди них джофуры. — Он с трудом заставил себя произнести это слово.

Брукида нахмурился.

— Похоже, это вопрос дефиниции. Я обменялся мнениями с Джиллиан и машиной Нисс. Они предполагают, что эти так называемые треки могли одурачить остальные расы, выполняя свою часть сложного долговременного плана.

— Но как это возможно?

— Не знаю. Для этого не требуется, чтобы все треки знали о плане. Только немногие, с тайными кольцами власти и со скрытым оборудованием, которое позволяет руководить остальными. Не могу себе этого представить. Но Джиллиан расспрашивала захваченную ячейку Библиотеки. И такой сценарий кажется возможным.

У Каа не нашлось ответа. Такие проблемы кажутся ему слишком сложными, и его ответом была лишь дрожь, охватившая массивное тело от носа до кончика хвоста.

Еще один день они провели в наблюдениях за местными сунерами. Хунский порт Вуфон вполне соответствовал описанию в дневнике Олвина, хотя в глазах того, кто видел небесные башни Танита и яркие города земной Луны, он казался грубым и обшарпанным. Хуны, по-видимому, больше внимания уделяли своим кораблям, чем домам. Их парусники представляли собой прекрасные резные произведения, вплоть до гордых статуй на носу в форме кричаще ярких божеств.

Когда такой корабль проходил мимо Каа, он уловил глубокие низкие звуки пения: матросы выражали свою явную радость от того, что вышли в море.

Трудно поверить, что это те самые, кого Брукида описывает как бесстрастных педантов и формалистов. Может, существуют две похожие расы, у которых одинаково звучащие названия. Каа решил сегодня в вечернем отчете отправить соответствующий запрос.

Но хуны были не одни на палубе. Он всмотрелся в маленькие фигурки, проворно карабкавшиеся по снастям, но когда попытался использовать портативный фотоаппарат, изображение промелькнуло слишком быстро, так что получилось только размытое пятно.

«Стремительный» запросил также более подробное изображение вулкана, который, по-видимому, был центром индустриальной деятельности сунерских рас. Джиллиан и Тш'т подумывали о том, чтобы послать на берег новый независимый робот-разведчик, хотя предыдущий был утрачен. Каа сделал спектральный анализ вулканических паров и обнаружил при этом узкий рельсовый путь, замаскированный среди окружающих скал.

Он часто проверял, где Заки и Мопол, которые для разнообразия вели себя хорошо и занимались порученным им делом: подглядывали за колонией красных квуэнов. Но позже, когда они втроем уже возвращались на базу, Мопол отстал.

— Должно быть, что-то съел, — сказал голубой дельфин, из его брюха донеслось неприятное урчание.

Здорово, подумал Каа. Сто раз предупреждал его не пробовать местных животных, пока их не проверил Брукида!

Мопол говорил, что все будет в порядке. Но когда солнце село и вода, окружающая их убежище, потемнела, он начал стонать. Брукида воспользовался маленьким медицинским сканером, но не смог понять, что с Мополом.

ТШ'Т

Номинально она командует самым знаменитым космическим кораблем Земли — красавцем, почти новым по галактическим стандартам. Ведь ему было всего девятьсот лет, когда Террагентский Совет купил его у пунтиктина, дилера, торгующего подержанными кораблями, перестроил, назвал «Стремительным» и выпустил в космос, чтобы доказать мастерство экипажа из неодельфинов.

Увы, поврежденный корабль вряд ли когда-нибудь снова сможет лететь по спиральным путям. Отягощенный толстым слоем непокорной звездной пыли, захваченный глубоко под водой, в то время как преследователи проверяют пропасть глубинными бомбами, по всем признакам он обречен присоединиться к окружающим огромным грудам призрачных кораб-

лей, которые медленно погружаются во всепоглощающую грязь океанской пропасти.

Возбуждение, которое вначале испытывала от своей службы Тш'т, прошло. Захваченность полетом. Опьянение. Да и особого наслаждения «властью» тоже не было: не она определяет политику и принимает важнейшие решения. Этим занимается Джиллиан Баскин.

А остаются десятки тысяч разных дел, например, когда недовольный кок встречает ее в заполненном водой проходе и просит разрешения подняться в мир света.

— Здесь слишком темно и холодно, чтобы рыбачить, — жаловался Булла-джо, чьей обязанностью было добывать продовольствие для сотни привыкших к изысканной пище дельфинов. — Моя команда сборщиков урожая едва может передвигаться в тяжелых скафандрах. И видела ты так называемую рыбу, которая попадает в наши сети? Странные существа, сплошные колючки. И они светятся!

Тш'т ответила:

— Доктор Макани по крайней мере сорок местных разновидностей рыбы определила как вкусные и питательные, если только мы делаем нужные добавки.

Но Булла-джо продолжал ворчать:

— Всем нравится то, что мы добывали раньше, в верхнем мире волн и свежего воздуха. Там, вверху, большие стаи замечательной добычи.

И Булла-джо перешел на тринари:

Там, где замечательный солнечный свет
Заставляет сверкать рыбу,
Убегающую от нас!

Он закончил:

— Если хочешь свежей пищи, отпусти нас на поверхность, как обещала!

Тш'т подавила раздраженный вздох: Булла-джо забывчив. На ранних стадиях Возвышения неодельфины часто добиваются желаемого, не обращая внимания на противоречия.

Я сама так поступаю время от времени.

Она пыталась вырабатывать в себе терпение, как учил Крайдайки.

— Доктор Баскин отменила планы посылки новых групп к солнечной поверхности, — сказала она Булла-джо, чьи пестрые бока и короткий клюв выдавали происхождение от линии дельфинов стенос. — Ты разве не помнишь, что зафиксировано изменение гравитационного поля, которое перемещается над нами? Или что кто-то бросал сверху бомбы, пытаясь отыскать нас?

Булла-джо в выражении упрямого высокомерия опустил нос.

— Мы пойдем голыми, с нами не будет никаких инструментов, и ити не смогут нас обнаружить.

Тш'т удивилась такому одностороннему мышлению.

— Это могло бы помочь, если бы обнаружение велось с орбиты или с большой высоты. Но они приблизительно знают наше местонахождение, могут кружить низко и медленно в поисках радиационно-химических следов молекул в нашей крови. Дельфины на поверхности сразу нас выдадут.

Во рту у Тш'т горьковатый привкус иронии, ибо она знала кое-что, чем не намерена была делиться с Булла-джо. Они все равно отыщут нас, какие бы предосторожности ни принимала Джиллиан.

Но раздраженному члену экипажа она говорила только успокаивающие слова.

— Еще недолго соблюдай предосторожности, Булла-джо. Мне тоже хочется поохотиться на серебристую рыбу в теплых водах. Вскоре все разрешится.

Мрачно, но слегка успокоившись, ее товарищ по экипажу отдал салют хлопаньем спинного плавника и вернулся к своим обязанностям, хотя Тш'т знала, что кризис еще не раз повторится. Дельфины не любят находиться так далеко от солнечного света или от приливного цикла, который трется о берег. Турсиопы не предназначены для жизни на глубине, где сжатые звуковые волны становятся искаженными и тревожащими.

Это царство Файсетера, кашалота, с его огромным лбом, посланника древних богов сна. Он ныряет сюда, чтобы сразиться с многорукими демонами.

В пропасти надежды и кошмары прошлого, настоящего и будущего оседают, образуя темные осадки, и это место лучше оставлять спящим.

Мы, неодельфины, в глубине души суеверны. Но чего можно ожидать, если наши любимые патроны — люди? Люди, которые сами волчата, примитивные по стандартам миллиардолетней культуры.

Так она размышляла, глубоко вдыхая, заполняя легкие-жабры оксиводой, насыщенной кислородом; такая вода заполняет большинство жилых помещений «Стремительного». Генетически усовершенствованная система дыхания насыщает, но никогда не приносит удовлетворения. Это одна из причин, почему экипаж так стремится к чистому яркому миру вверху.

Повернув в сторону мостика «Стремительного», она мощно двинулась в шипящей жидкости, поднимая ударами плавников облака пузырьков. Каждый пузырек издавал слабый щелчок, когда лопался наверху или растворялся в перенасыщенной воде. Иногда шумы сливались и начинали звучать, как аплодисменты эльфов — или как насмешливый хохот, сопровождавший Тш'т по всему кораблю.

По крайней мере я не обманываю себя, думала она. Я выполняю свои обязанности хорошо. Так говорит Джиллиан, она в меня верит. Но я знаю, что не предназначена на роль командира.

Тш'т и не ожидала такого поста, когда «Стремительный» с экипажем из неодельфинов впервые поднялся на орбиту с Земли. Тогда — всего два года назад по времени корабля — Тш'т была только младшим помощником, пятым по старшинству от капитана Крайдайки. И всем было известно, что, если понадобится, место капитана могут занять Том Орли и Джиллиан Баскет, что и сделала Джиллиан во время кризиса на Китрупе.

Тш'т не была недовольна этим вмешательством людей. Осуществляя бегство из западни на Китрупе, Том и Джилли-

ан сотворили чудо, хотя это и привело к расставанию возлюбленных.

Разве не такова участь людей — лидеров и героев? Вмешиваться, когда кризис угрожает клиентам.

Но к кому нам обратиться, если дела начинают идти ужасно даже под руководством людей?

Галактические традиции настаивают на строгой — некоторые даже говорят «угнетающей» — иерархии долгов и обязательств. Долга расы клиентов перед патронами. Патронов — перед их разумными благодетелями и так далее. Эта гигантская цепь возвышения уходит в прошлое, к легендарным Прародителям. Именно эта цепь вызвала лихорадочную реакцию некоторых фанатичных кланов, услышавших об открытии «Стремительного» — о флоте брошенных кораблей с древнейшими почитаемыми символами и обозначениями.

Но такая пирамида преданности имеет и свои положительные аспекты. Каскад возвышения означает, что каждый новый вид получает помощь при пересечении глубочайшей пропасти, отделяющей простых животных от граждан звездной цивилизации. И если ваши благодетели не могут найти ответ, они могут получить его у своих патронов. И так далее.

Джиллиан пыталась придерживаться этой системы, уведя «Стремительный» с Китрупа на Оакку, зеленую планету, в поисках совета со стороны беспристрастных ученых Института Навигации. Потерпев здесь неудачу, она поискала помощи во Фрактальной системе — огромном ледяном пространстве, заполненном снежинками размером с целую Солнечную систему, — надеясь, что почтенные существа, живущие здесь, предложат мудрый выход или по крайней мере дадут убежище.

Не вина доктора Баскин, что из этого ничего не вышло. Общий замысел у нее был верный, рассуждала Тш'т. Но Джиллиан была слепа к очевидному.

Кто вероятнее всего поможет вам, когда вы в беде и за вами гонится линчующая толпа?

Суд?

Ученые какого-нибудь университета?

Или ваша собственная семья?

Тш'т никогда не решалась высказать свою идею вслух. Подобно Тому Орли, Джиллиан Баскин гордилась романтическим образом возвышенного земного клана. Единственного во вселенной. Тш'т знала, что ответ будет отрицательным.

Поэтому, чтобы не нарываться на прямой запрет, Тш'т незаметно начала выполнять свой план — непосредственно перед тем, как «Стремительному» удалось бежать из Фрактальной системы.

А что еще я могла сделать, когда «Стремительный» преследовали разъяренные флоты, лучшие члены экипажа погибли, а Земля оказалась в осаде? Наши друзья тимбрими вряд ли могут помочь себе самим. Галактические Институты оказались продажными, а Древние солгали нам.

У нас не было выбора.

У меня не было выбора.

Трудно было скрыть что-нибудь, особенно от того, кто знает дельфинов так хорошо, как Джиллиан. Неделями с прибытия сюда «Стремительного» Тш'т надеялась, что ее неповиновение ни к чему плохому не привело.

Затем офицер-наблюдатель доложил о том, что зафиксированы гравитационные следы. В пространстве у Джиджо появились космические корабли.

Значит, они все-таки пришли, подумала она, услышав эту новость и старательно скрывая свое удовлетворение, когда другие члены экипажа выражали свою тревогу, жаловались на то, что теперь они загнаны безжалостными врагами в угол на этой заброшенной планете.

Тш'т хотела бы сказать им правду, но не решалась. Добрая новость может подождать.

Ифни пожелала, чтобы я оказалась права.

Тш'т задержалась у входа на мостик, заполняя генетически видоизмененные легкие оксиводой. Обогащенная кислородом кровь позволяла ясней подумать, прежде чем привести в действие следующий этап ее плана.

У расы клиентов есть только один выбор, когда ваши любимые патроны кажутся побежденными, а другие возможности отрезаны.

Пусть боги древних океанов Земли узнают и поймут, что я делаю.

И что мне еще предстоит сделать.

СУНЕРЫ

НЕЛО

Некогда буйурский город раскинулся на всем протяжении между двумя реками — от Рони до далекого Бибура.

Башни города давно исчезли, разобранные и сваленные в море. На их месте над топким болотом и лужами маслянистой воды росли папоротники и облакоподобные деревья вув. Несколько холмов, оставшихся от огромного города, покрыты паутиной нитей мульк-паука, но даже эти щупальца теперь поблекли, их разрушительная роль почти завершена.

Для Нело это была пустыня, богатая жизнью, но бесполезная для Шести Рас. Разве что треки могут использовать ее как место отдыха.

«Что я здесь делаю? — думал он. — Мне следовало вернуться в Доло, заниматься своей мельницей, а не бродить по болоту в обществе сумасшедшей женщины».

За Нело моряки-хуны негромко ворчали: им не нравилось, что приходится с помощью шестов пробираться по несчастному болоту. Самое правильное время для очистки — начало сухого времени года, когда горожане в лодках с малой осадкой прочесывают болота в поисках остатков деятельности буйуров, пропущенных терпеливыми мульк-пауками. А теперь, когда каждый день можно ожидать водяных бурь, условия для исследований не самые подходящие. Грязные протоки мелкие, но опасность наводнения весьма реальная.

Нело посмотрел на пожилую женщину, которая сидела в инвалидном кресле на корме и через реук, надетый на глаза, всматривалась в окружающие деревья.

— Экипаж недоволен, мудрец Фу, — обратился он к ней. — Они предпочли бы, чтобы мы подождали безопасного времени.

Ариана Фу ответила, не отрывая взгляда от зарослей.

— О, какая замечательная мысль! Четыре месяца или еще больше сидеть и ждать, а тем временем болота затопятся, протоки изменятся, и то, что мы ищем, навсегда исчезнет в грязи. Конечно, к тому времени информация вообще никому не будет нужна.

Нело пожал плечами. Эта женщина сейчас в отставке. Официальной власти у нее нет. Но как бывший высокий мудрец, представитель всех людей на Джиджо, Ариана обладает моральным правом просить всего, что ей угодно, включая просьбу, чтобы Нело оставил свою любимую бумажную фабрику-мельницу вблизи большой плотины Доло и сопровождал ее в этом нелепом поиске.

Конечно, сейчас на мельнице особенно делать нечего, понимал он. Паника из-за этих проклятых звездных кораблей совершенно разрушила торговлю, никто больше не заинтересован в крупных заказах.

— Сейчас самое подходящее время, — продолжала Ариана Фу. — Конец сухого сезона, когда вода стоит низко, а листва с деревьев опадает. У нас максимальная видимость.

Нело поверил ей на слово. Большинство молодых мужчин и женщин заняты в милиции, и поэтому в поисковую группу отрядили подростков и стариков. А ведь именно дочь Нело несколько месяцев назад во время обычного похода по очистке нашла в этом районе Незнакомца из космоса. И Нело в долгу перед Арианой за то, что та передала ему новости о Саре и мальчиках — что у них было все в порядке, когда она о них слышала в последний раз. Мудрец Фу провела немало времени с дочерью Нело, сопровождая Сару от города Тарек до архива Библос.

Он почувствовал, как еще одна капля упала на щеку, десятая с тех пор как они покинули реку и углубились в бесконечное болото. Нело подставил руку под мрачное небо и молился, чтобы настоящий дождь задержался еще на несколько дней.

Тогда пусть приходит! Уровень воды в озере низкий. Нам нужно водяное давление для колеса, или мне придется закрыть фабрику из-за отсутствия энергии.

Мысли его обратились к бизнесу — покупке и собиранию использованных тканей у всех Шести Рас. К размельчению и процеживанию. К прессовке, просушке и продаже отличных листов, которыми его семья славится с тех пор, как люди принесли благословенную бумагу на Джиджо.

Благословение, которое некоторые называют проклятием. Радикальные взгляды пользуются все большей поддержкой у простых крестьян, панически боящихся конца дней.

Сверху послышался крик.

— Там! — Жилистый молодой хун, сидевший на мачте, показывал вперед. — Хр-рм. Должно быть, это корабль Незнакомца. Я говорил, что это должно быть здесь!

Выхуф-эйхуго сопровождала Сару в той знаменательной экспедиции по очистке — эту обязанность должны были исполнять все граждане. У нее нет горлового мешка, какой есть у самцов, но ее голос звучал громко и энергично. Она гордилась своим умением ориентироваться.

«Наконец! — подумал Нело. — Теперь Ариана сделает свои наброски, и мы сможем оставить это ужасное место». Пересекающиеся кабели мульк-паука заставляли его нервничать. Их лодка с укрепленным обсидианом носом без труда разрезала распадающиеся нити. Тем не менее Нело чувствовал, что они все больше углубляются в какую-то дьявольскую ловушку.

Ариана что-то пробормотала. Нело, мигая, повернулся к ней.

— Что вы сказали?

Пожилая женщина показывала вперед, ее глаза сверкали любопытством.

— Не вижу никакой сажи!

— Ну и что?

— Незнакомец обгорел. Его одежда была обожжена и разорвана в клочья. Мы считали, что его корабль упал в огне — возможно, после схватки с другим кораблем над Джиджо. Но смотрите. Видите ли вы какие-нибудь следы пожара?

Лодка обогнула последнюю рощу деревьев вув, и по другую ее сторону в путанице поломанных веток показалась блестящая металлическая капсула. Единственное отверстие напоминало не дверь или люк, а скорее скошенный лепесток цветка. Падая, корабль прорезал в растительности полосу в направлении на северо-запад. Несколько поросших травой болотных холмиков были разрезаны надвое, и разрез уже частично зарос новой растительностью.

У Нело был небольшой опыт землемера, и он помогал определять размеры корабля. Он небольшой — не больше хунской лодки — и определенно не могучий крейсер, какой недавно разрезал небо над деревней Доло, приведя ее жителей в истерическое состояние. Закругленные бока напомнили Нело обыкновенную каплю, а не нечто сотворенное разумными существами.

Две капли упали ему на лоб и щеку. Еще одна — на руку. Вдали послышались раскаты грома.

— Подходите ближе! — приказала Ариана, раскрывая свой блокнот.

Недовольно ворча, хуны повиновались и заработали шестами и веслами.

Нело смотрел на чужой корабль, но мог думать о нем только как о мусоре. Когда Шесть отправляются чистить буйурские города, их главная цель — отыскать то, что можно использовать дома или в мастерской. Но, полезное или нет, все со временем погружается в украшенные лентами ящики, чтобы отправиться в Большую Помойку. Колонисты считают, что тем самым помогают очищать Джиджо. Может, тем самым они приносят не вред, а пользу планете, которая их приняла.

— Ифни! — про себя произнес Нело, глядя на корабль, который выбросил из космоса Незнакомца. Для космического

корабля он, может, и маловат, но слишком тяжел, чтобы передвигать его вручную.

— Трудно придется вытаскивать эту штуку отсюда, не говоря уже о том, чтобы дотащить ее до моря.

И снова с юга послышались раскаты грома.

ЭВАСКС

Нас, джофуров, учат, что ужасно быть треки — грудой без центрального руководства. Обреченной жить спокойной и неопределенной жизнью.

Все воспевают хвалу могучим оайлие, которые приняли нас у слишком робких поа и проделали последние стадии нашего Возвышения.

Оайлие создали новые господствующие кольца, чтобы связать воедино и нацелить нашу сущность.

Без таких колец, как Я, как могла наша раса стать великой, могучей и ужасной в Пяти Галактиках?

И однако, объединяя ваши маленькие сущности в новое целое, я поражаюсь яркости старых слоев, которые нахожу в нашем сердечнике! Слоев, которые восходят ко времени до того, как Я объединил эту престарелую груду колец. Какими великолепными и ясными кажутся эти воспоминания, вопреки их противоречивой гармонии. Признаю, существование все же было острым и живым, когда вы/мы были просто Асксом.

Возможно, это удивление связано с тем, что Я/сам так молод, только недавно отделился от бока капитана нашего корабля — Я его собственное порождение.

Да, это благородное наследство. Поэтому можете себе представить Мое удивление в новой ситуации! Созданный для выполнения долга в господствующей касте, Я по прагматическим причинам связан со случайной грудой древних торов, плохо образованных и полных странных, примитивных представлений. Мне поручено использовать эту груду как можно лучше, пока позже не будет проведена хирургическая операция по реконфигурации.

Ага. Это вызывает у некоторых из вас реакцию? Наше второе кольцо мысли в особенности находит это сообщение тревожным.

Не бойтесь, Мои кольца! Проникнитесь любовью и помните свое место. Ваш долг не спрашивать, а только служить. Заверяю вас: процедура, которую Я упомянул, очень распространена среди могучих джофуров. Когда одно кольцо изымается, чтобы соединиться с новой грудой, половина или даже больше оставшихся колец тоже могут быть использованы заново. Конечно, большинство из вас уже стары, и священники могут решить, что вы заражены другими расами. Это может помешать вашему соединению с другими грудами. Но выслушайте мое обещание. Когда наступит время перехода, Я, ваше возлюбленное господствующее кольцо, перенесу переход в добром здравии и буду с добром вспоминать вас в Моей новой великолепной груде.

Я знаю, что это принесет вам огромное удовлетворение, когда вы будете в нашем общем сердечнике думать о своей судьбе.

ЛАРК

Соборная тишина заполняла лес бу — густую заросль серо-зеленых колонн, поднимающихся к самому небу. Каждый могучий ствол обхватом в панцирь квуэна с его пятью клешнями. Некоторые высотой достигают каменного свода Библоса.

Теперь я знаю, что чувствует насекомое, когда пробирается между стеблями травы в пампасах.

Идя по узкой тропе между гигантскими стволами, Ларк часто мог развести руки и одновременно коснуться двух деревьев. Только сержанта милиции, казалось, не затронуло ощущение замкнутости, которое испытывают путники в этом месте вертикальных перспектив. Остальные стражники нервничали, тревожно посматривали по сторонам, вглядывались в тени в узких проходах.

— Далеко ли до горы Дуден? — спросила Линг, поправляя кожаные ремни рюкзака. На ее шее блестел пот, воротник до-

мотканой куртки, которую ей дали, потемнел от влаги. Эффект был не таким вызывающим, как во время их первого совместного путешествия, когда тонкая ткань костюма даников потрясающе облегала роскошную фигуру.

И в любом случае теперь я мудрец и не могу позволить себе этого. Повышение принесло с собой только неприятные обязанности.

— Я раньше никогда не ходил этим коротким путем, — ответил Ларк, хотя они с Утеном облазили эти горы в поисках данных для своей книги. Через горы ведут и другие тропы, и г'кеки, которым номинально принадлежит эта территория, с их колесами, вряд ли стали обращать внимание на такую неровную тропу. — По моей оценке, доберемся в течение двух мидуров. Хочешь отдохнуть?

Линг отбросила влажные пряди с глаз.

— Нет. Лучше пойдем дальше.

Бывшая генная грабительница, казалось, ни на мгновение не забывает о присутствии Джени Шен, низкорослого сержанта милиции, которая, словно любимого ребенка, прижимала к груди свой самострел. Джени взглядом охотника часто посматривала на Линг. Она словно прицеливалась, какой жизненно важный орган лучше всего поразить стрелой. Все чувствовали растущую враждебность между двумя женщинами — и что Линг скорее умрет, чем проявит слабость перед сержантом милиции.

Для Ларка одно в их вражде оказалось удобным. Эта вражда отводила гнев Линг от него, особенно после того как он с помощью логики низверг ее любимых богов ротенов. С тех пор женщина биолог была вежлива, но по большей части мрачно молчала.

Никому не нравится, когда его самые фундаментальные представления выбивают из-под него — особенно если это делает примитивный варвар.

Ларк надул щеки и выдохнул — хунский вариант пожатия плечами.

— Хр-рм. После следующего подъема передохнем. К тому времени самый густой лес бу закончится.

На самом деле самая густая часть уже осталась позади — такая частая, что на ветру гигантские стволы терлись друг о друга, создавая низкую гулкую музыку, от которой у всякого оказавшегося в роще дрожь передавалась костям. Идя цепочкой, обходя места, где стволы тесней прижимались друг к другу, отряд внимательно следил за пометками на стволах — они жизненно необходимы в пути.

Я правильно поступил, не взяв Утена с нами, подумал Ларк, пытаясь убедить себя. Продержись еще немного, старый друг. Может, мы найдем что-нибудь. Молюсь, чтобы это было так.

Перемещающаяся дымка ограничивала видимость: со многих больших бу, из верхних резервуаров, стекала вода, и капли словно пронизывали могучие колоннады. Несколько раз попадались поляны, где огромные стволы в реакции домино повалили друг друга, оставив водоворот ветвей и обломков.

Несмотря на туман, Ларк время от времени замечал на стволах и другие символы — не путевые знаки, а загадочные эмблемы на галдва и галшесть в сопровождении рядов цифр на англике.

Зачем кому-то понадобилось оставлять граффити в роще бу?

Иногда он даже замечал в тумане фигуры: один раз это был человек, другой — несколько уров, наконец пара треки. Они мелькали среди гигантских зеленых стволов. По крайней мере он надеялся, что эти заостренные конусы — треки. Все исчезали, как призраки, прежде чем он мог всмотреться.

Сержант Шен вела отряд слишком быстро, чтобы можно было заниматься исследованиями. Ларка и его пленницу вызывали два высоких мудреца — и этот приказ превосходил все остальные потребности. Несмотря на неровную трудную местность, последние новости с Поляны Собраний придавали силы и энергии шагам путников.

Курьеры сообщали, что дредноут джофуров по-прежнему блокирует священную долину, удобно устроившись посреди опустошения, а поблизости вдвойне плененный корабль ротенов — вначале золотым коконом, а теперь еще и поднявшим-

ся озером. Джофуры ежедневно посылают два небольших корабля, рассматривая сверху Склон и прилегающие моря. Никто не знает, что ищут звездные боги.

Несмотря на то что произошло в ночь посадки большого корабля, несмотря на участь Аскса и других оставшихся на Поляне, высокие мудрецы готовят новое посольство из смелых добровольцев, надеясь начать переговоры. Никто не просил Ларка быть послом. Для него у мудрецов подготовлены другие задания.

Люди были не единственными, кто слегка мошенничал, когда поколение основателей прилетело на запретную Джиджо, чтобы создать колонию.

Больше года после приземления экипаж «Обители» не отправлял свой драгоценный корабль в океанскую пропасть. Этот год использовался для того, чтобы с помощью машин рубить деревья и печатать книги, затем спрятать их в крепости, которую основатели вырубили в утесе под нависающей каменной крышей. Убежище было защищено прочными стенами и рекой. В первые годы, особенно во времена войн с урами и квуэнами, крепость Библос служила жизненно важным убежищем, пока люди не стали настолько сильны, чтобы потребовать к себе уважения.

У серых королев тоже была такая крепость. Ее вырубили могучие машины, прежде чем крадущийся корабль исчез под волнами. Пещеры Шуд, вблизи современного города Овун, должны были казаться неприступными. Но когда синие и красные работники отказались быть рабами, оставили своих хитиновых императриц и отправились на поиски новых домов и судьбы, лабиринт глубоких, вырубленных в скалах пещер затопили поднявшиеся воды.

Гора Дуден — древнейшая из крепостей сунеров. Вслед за городом Тарек это центр жизни г'кеков на Джиджо, место удивительных грациозных рамп, позволяющих колесным существам перемещаться по многочисленным дорогам с крутыми поворотами от своих ткацких станков и мастерских до защи-

щенных деревьями платформ, где целые семьи спят, соединив оси и медленно вращаясь. Извилистые системы под блеклыми маскирующими пологами напоминают картины, которые можно найти в земных книгах периода до контакта — нечто среднее между парком развлечений и шоссейными развязками большого города.

На лице Линг появилось радостно-изумленное выражение, когда она разглядывала поселок и, кивая, слушала объяснения Ларка. Подобно Библосу, крепость Дуден не рассчитана на то, чтобы быть вечной, ибо это нарушало Заповедь Изгнания. Когда-нибудь все это исчезнет, старейшины г'кеков соглашались с этим. Тем не менее спицы колесных дрожали от гордости при одном упоминании своего любимого города. Своего дома.

Линг поражалась, а Ларк с новой болью разглядывал полный деятельности поселок.

Это их единственный дом.

Если ротены не солгали, в Пяти Галактиках больше нет живых г'кеков.

Если они погибнут на Джиджо, то исчезнут окончательно.

Глядя на молодых г'кеков, которые лихо и бесстрашно носились по переходам, делая крутые повороты, распустив все четыре глазных стебелька, блестя ободьями, Ларк не мог поверить, что вселенная допустит подобное. Как можно позволить исчезнуть такой уникальной расе?

Лес бу остался позади, и отряд стоял на вершине хребта, поросшего обычными деревьями. Когда люди остановились, с ветвей ближайшего дерева гару спустился зукир — сплошная путаница рук и ног, покрытых белыми спиралями пушистого торга. Драгоценные помощники и любимцы г'кеков, зукиры делали для колесных существ жизнь более терпимой на планете, где дорог слишком мало, а камней, на которых можно запнуться, слишком много.

Зукир закричал, потом подобрался ближе, принюхиваясь. Он миновал всех людей и безошибочно направился к Ларку.

Верьте зукиру: он всегда увидит мудреца — гласит народная мудрость. Никто понятия не имел, каким образом это де-

лают зукиры: ведь они в остальных отношениях считаются менее умными, чем шимпанзе. Ларка повысили совсем недавно, и он себя неловко чувствовал в своем новом звании «младшего мудреца», однако это существо без всякого труда распознало его. Зукир прижал к его руке влажные ноздри и вдохнул. Затем, удовлетворенно кудахча, сунул в руку Ларка сложенный листок пергамента.

На листке была надпись: «ВСТРЕЧАЙ НАС В УБЕЖИЩЕ».

ЛЕСТЕР КЕМБЕЛ

В узком каньоне, на расстоянии в половину лиги, ждали два высоких мудреца. Это были Лестер Кембел и Ум-Острый-Как-Нож, синий квуэн, чья репутация сострадательного и сочувственного мудреца сделала его популярным среди Шести Рас.

Здесь тропа была выровнена и хорошо приспособлена для г'кеков, поскольку это часть их крепости Дуден. По лугам двигались фигуры на колесах, присматривали за своими подопечными, которые живут в шалашах под деревьями. Это приют священных простаков, чье существование — согласно свиткам — обещает стать будущим всех Шести Рас.

Несколько таких благословенных собрались вокруг Ума-Острого-Как-Нож, хихикая или издавая звуки на упрощенных, примитивных вариантах галактических языков. По большей части это были хуны и уры, но на глазах у Лестера подошел один красный квуэн, поблизости робко стояли несколько груд треки, испуская счастливые ароматы. Все они получили свою порцию ласковых поглаживаний: клешни Ума-Острого-Как-Нож словно превратились в руки.

Лестер следил за коллегой и с сознанием собственной вины чувствовал, что никогда не сравнится с ней в радостной доброте. Благословенные — высшие существа, они превосходят нормальных представителей Шести Рас. Их простота — доказательство того, что остальные расы могут последовать примеру глейверов и пройти по Тропе Избавления.

Мне следовало бы радоваться, видя их, думал он.

Но я терпеть не могу приходить сюда.

Представители всех Шести Рас жили в примитивных убежищах под стенами каньона, местные г'кеки и добровольцы со всего Склона заботились о них. Когда в деревне квуэнов, хунов или уров обнаруживали молодое существо с даром невинности, наивное, как животное, счастливца отправляли сюда для заботы и изучения.

Есть только два способа избавиться от проклятия, переданного нам по наследству предками, думал Лестер, стараясь верить. Мы могли бы поступить так, как хочет еретическая группа Ларка — перестать размножаться и оставить Джиджо в покое. Или можно поискать другого пути к забвению, того, что возвращает детей наших детей к состоянию предразумности. Очистившись, мы были бы готовы к новому циклу Возвышения, могли бы еще найти новых патронов и, возможно, более счастливую судьбу.

Даже после всех компромиссов, выработанных со времени прибытия землян и появления Святого Яйца, так предписывают Священные Свитки. Учитывая ситуацию, в которой оказались изгнанники, живущие во времени, взятом взаймы, постоянно ожидающие сурового наказания, если/когда Галактические Институты найдут их здесь, какая еще цель может у них быть?

Но я не могу этого делать. Не могу смотреть на это место с радостью. Земные ценности не дают мне увидеть в этих созданиях величественные и благословенные существа. Они заслуживают доброты и жалости, но не зависти.

Это его собственная ересь. Лестер старался смотреть в другую сторону. Но, повернувшись, увидел новую группу «благословенных». На этот раз людей. Они кружком, скрестив ноги и положив руки на колени, сидели под деревом илуна и пели негромкими звучными голосами. Мягкие улыбки и несосредоточенные взгляды, казалось, свидетельствуют, что они достигли требуемой здесь простоты, но Лестер знал, что они лгут!

Когда-то давно он сам пошел по той же дороге. Используя технику медитации, заимствованную у древних земных рели-

гий, он сидел под таким деревом, освобождая сознание от мирской одержимости, дисциплинируя его, чтобы постичь Истину. И какое-то время ему казалось, что он достигает цели. Последователи почтительно кланялись ему, называя просветленным. Тогда вселенная казалась ясной и прозрачной, как будто все звезды — это священный огонь. Как будто он един со всеми живыми существами на Джиджо, даже с окружающими его камнями. Он жил в гармонии и почти не нуждался в пище, в словах и даже в именах.

Такая ясность — иногда с болью он ощущал, как ему ее не хватает.

Но спустя немного времени он понял: ясность, которую он нашел, это, в сущности, стерильная чернота. Чернота, которая приятна, но которая не имеет ничего общего с избавлением. Не для него. И не для его расы.

Остальные пять не используют дисциплину или концентрацию, чтобы достичь простоты. Нельзя увидеть глейвера, медитирующего у гнилого ствола над вкусными насекомыми. Простота приходит к ним естественным путем. Это их жизнь.

Когда Джиджо будет заново открыта, какой-нибудь великий клан с радостью примет новый вид глейверов и снова направит по Высокой Тропе, быть может, с большей удачей, чем в первый раз.

Но нас патроны не выберут. Ни один благородный клан не захочет иметь дела с самодовольными дзен-философами, с готовностью объясняющими собственную просветленность. Это не та простота, которая им нужна. Это простота, основанная на гордости.

Конечно, вопрос спорный. Если джофурский корабль представляет великие Институты цивилизации Пяти Галактик, эти леса скоро будут кишеть инспекторами, подсчитывающими, сколько преступлений совершено на планете за две тысячи лет. Только глейверы будут в безопасности, потому что достигли ее вовремя. Остальные шесть рас проиграли и должны будут заплатить долг.

А если они не представляют Институты?

Ротены оказались преступниками, геннными грабителями. Может, джофуры такие же? И опасность смертоносного геноцида еще не миновала. В особый ужас новости с Поляны привели клан г'кеков.

С другой стороны, еще можно договориться. Или они просто улетят, оставив нас в том же положении, в каком мы были раньше.

В таком случае убежища, подобные этому, снова станут главной надеждой на будущее для пяти рас из шести.

Мрачные мысли Лестера прервались: кто-то потянул его за рукав.

— Мудрец Кембел?.. Ммм... посетители, которых вы... ммм... ожидаете, кажется.

Это был молодой человек, широкоплечий, с ясными голубыми глазами и чистой светлой кожей. Мальчик мог бы показаться очень высоким, почти гигантом, но позиция подчиненности — он пригнулся — делала его меньше. И он все время постукивал себя пальцем правой руки по лбу, словно отдавал салют.

Кембел мягко ответил на англике — это был единственный язык, которым сумел овладеть парень.

— Что ты говоришь, Джими?

Юноша глотнул и с видимым усилием сосредоточился.

— Я думаю... ммм... люди, которых вы хотели увидеть, думаю, они здесь, мудрец Кембел.

— Ларк и женщина даник?

Энергичный кивок.

— Да, сэр. Я отправил их в шалаш для гостей ждать вас и других высоких мудрецов. Я правильно поступил?

— Да, правильно, Джими. — Лестер дружески пожал ему руку. — Иди к ним. Скажи Ларку, что я скоро буду.

Широкая улыбка. Парень повернулся и побежал тем же путем, каким пришел; он радовался возможности быть полезным.

Это другой тип людей, которые приходят сюда, подумал Лестер. Это особые люди.

Древний эвфемизм показался ему странным.

На первый взгляд может показаться, что люди, подобные Джими, удовлетворяют требованиям. С простым умом. Невинные. Идеальные проводники для нашего пути по Тропе.

Он взглянул на благословенных, окруживших Ум-Острый-Как-Нож: уров, хунов и г'кеков, посланных сюда своими расами, чтобы стать такими проводниками. Чтобы повести остальных.

Согласно стандартам Свитков, они не ущербны. Но хоть и достигли простоты ума, в то же время не завершены. Они лидеры. Но о Джими этого нельзя сказать. Отбросив симпатию, нужно признать, что он ущербен, неполон. Всякий может это увидеть.

Мы можем и должны любить его, помогать ему, дружить с ним.

Но он никуда не приведет человечество.

Лестер повернулся и пошел вслед за Джими, пытаясь снова думать о нынешнем кризисе. О проблеме джофурского корабля. О срочных планах, которые он должен обсудить с молодым еретиком и женщиной со звезд. У него есть отчаянное предложение, рискованное и очень опасное, и он должен попросить их принять его.

Да, проходя мимо кружка поющих и медитирующих людей: здоровых мужчин и женщин, которые бросили свои дома, семьи и полезные занятия, чтобы жить без забот в этой защищенной долине, — Лестер почувствовал, что его размышления отодвинуты волной горького негодования. Слова в его голове недостойны высокого мудреца, он знал это. Но ничего не мог с собой сделать.

Умственно отсталые и медитирующие — вот два типа, посланные сюда нашей расой. Вовсе не подлинно «благословенные». Совсем не по стандартам Свитков. Люди никогда не делают подлинных шагов в направлении Тропы Избавления. Ур-Джа и все остальные вежливы. Они делают вид, что у нас, людей, тоже есть возможность такого выбора, есть потенциал к спасению.

Но его у нас нет. Мы стерильны.

С звездным судом или без него, единственное будущее людей на Джиджо — проклятие.

ДВЕР

От места катастрофы спиралью поднимался дым. Неблагоразумно подходить ближе. В сущности, сейчас наилучший шанс убежать, пока робот даников укрывается в дыре и не проявляет никакого интереса к пленным.

А если Рети захочет остаться?

Пусть остается! Лена и Джени будут рады видеть Двера, если он сумеет вернуться в Серые Холмы. Это вполне возможно: у него сохранился лук. Конечно, Рети нуждается в нем, но тем, что остались на севере, принадлежит его верность.

Чувства Двера еще не пришли в норму от грохота краткой схватки, когда мощный разведывательный корабль даников был сбит ужасным новым пришельцем. Теперь оба корабля лежат за соседней дюной, небесные колесницы, владеющие непостижимыми силами, а Рети продолжает настаивать, чтобы они подобрались ближе!

— Мы должны узнать, что происходит, — резким шепотом говорила она.

Он угрожающе посмотрел на нее, требуя тишины, и на этот раз она подчинилась, давая ему возможность подумать.

Сейчас на какое-то время Лена и Дженин в безопасности: ведь Кунн не вернется и не сможет преследовать их. Если у даников и ротенов на Джиджо появились враги, все звездные боги будут слишком заняты, сражаясь друг с другом, чтобы охотиться за небольшой группой в Серых Холмах.

Даже без руководства Дэйнела Озавы Лена Стронг достаточно сообразительна, чтобы заключить трехсторонний договор с племенем Рети и урскими сунерами. С помощью «наследства» Дэйнела это объединенное племя может посадить семена, которые прорастут в дикой местности. И если дома на

Склоне произойдет худшее, их объединенная группа может найти свою дорогу к Тропе.

Двер покачал головой. Ему иногда становилось трудно сосредоточиться. С тех пор как робот воспользовался его телом в качестве проводника для своего поля, в голове словно на пределе слышимости шептали какие-то голоса. Как в то время, когда безумный мульк-паук вторгался в его мысли.

И все равно это место для рассуждений о судьбе или для принятия решений, которые надлежит принимать только мудрецам. Но кое-что очевидно. Возможно, он ничего не должен Рети. Может быть, она даже заслуживает, чтобы ее бросили. Но он просто не может этого сделать.

Поэтому, несмотря на опасения и дурные предчувствия, Двер кивнул девушке и добавил энергичный жест: она не должна издавать ни звука. Рети ответила счастливым пожатием плеч, казалось, говоря: «Конечно, пока не передумаю».

Повесив через плечо лук и колчан со стрелами, он первым двинулся вперед, переползая от одного пучка растительности к другому, пока они не добрались до вершины дюны, осторожно раздвинули соленые стебли и увидели два небесных корабля. Меньший представлял собой дымящиеся обломки, полупогрузившиеся в топкое болото. Второй корабль, больший по размерам, находившийся поблизости, тоже не вышел из схватки невредимым. В одном борту у него было большая щель, и, когда моторы принимались работать, из этой щели вырывалась сажа.

На болотном островке поблизости, почти не шевелясь, лежали два человека. Кунн и Джесс.

Двер и Рети выкопали новую яму, устроились в ней и принялись наблюдать. Им хотелось увидеть, что произойдет дальше.

Ждать долго не пришлось. В большем цилиндре открылся люк, в нем виднелись темные внутренности. Через люк выплыла единственная фигура, поразительно знакомая — восьмисторонний столб со свисающими руками, близкий родственник поврежденного робота, с которым так близко познако-

мился Двер. Только этот робот был раскрашен ослепительными полосками голубого и розового, и Дверу трудно было на него смотреть.

У основания робота виднелся нацеленный вниз похожий на рог вырост. Наверно, это помогает ему перебираться через воду, подумал Двер. Если робот похож, означает ли это, что враги Кунна тоже люди?

Но нет, Дэйнел говорил, что у полумиллиона звездных рас механизмы стандартизированы и лишь слегка меняются с проходящими эпохами. Этот новый робот может принадлежать кому угодно.

Автомат приблизился к Кунну и Джессу, осветил прожектором, ярким даже при солнечном свете, их тела. Зашевелилась их одежда под действием невидимых пальцев. Затем робот опустился, вытянув вниз руки. Кунн и Джесс лежали неподвижно, а робот искал в их одежде и поднял несколько предметов.

Должно быть, был передан какой-то сигнал, потому что из открытого люка выдвинулась рампа и опустилась в болото. «Кто собирается бродить по болоту? — удивился Двер. — Может, они хотят спустить лодку?»

Он подготовился к тому, что увидит странную чуждую расу, может, на тринадцати ногах или слизистых подушках. Еще со времен «Обители» известно, что несколько великих кланов, например, легендарные соро или насекомоподобные танду, — враги человечества. Двер даже лелеял слабую надежду, что вновь прибывшие могут быть с Земли, прилетели навестить далеких потомков своих преступных родичей. В космосе существуют также родственники хунов, уров и квуэнов, и в распоряжении каждой такой расы корабли и обширные ресурсы.

На рампе появились фигуры. Они медленно выходили на открытый воздух.

Рети ахнула:

— Да это треки!

Двер смотрел на трио грозных кольчатых груд, с навешанными на манипулирующие торы многочисленными инстру-

ментами. Заостренные конусы достигли поверхности мутной воды и осели. Неожиданно ноги-плавники, которые казались на рампе такими неловкими, ожили и с огромной скоростью понесли своих обладателей к двум выжившим.

— Но разве треки не должны быть миролюбивыми?

Так оно и есть, подумал Ларк и пожалел, что мало внимания уделял урокам, которые мать давала Саре и Дверу. Он кое-что встречал в книгах, которые выходят за пределы школьного курса. Попытался вспомнить название, но не смог. Но знал, что название существует. И некогда это название внушало ужас.

— Я не... — шепотом начал он, потом решительно покачал головой. — Не думаю, что это треки. Таких здесь давно никто не видел.

ОЛВИН

Вначале сцену было трудно интерпретировать. Дергались неясные сине-зеленые изображения, и от этих движений по моей незажившей спине пробегала дрожь. Гек и Клешня как будто освоились быстрее, они указывали на разные предметы на экране и обменивались понимающими возгласами. Это напомнило мне спуск в «Мечте Вуфона», когда бедный хун Олвин последним понимал, что происходит.

Я смутно догадывался, что мы видим отдаленное место действия — где-то в мире солнечного света и дождя!

(Сколько раз мы с Гек читали о том, как герой какой-нибудь книги смотрит в далекое место через приборы? Забавно. Концепция может быть знакома по романам, но вызывает страх и благоговение, когда сталкиваешься с ней в реальной жизни.)

Сквозь мелкую воду проходил дневной свет, в воде мягко покачивались зеленые стебли. Мимо мелькали стаи серебристых стремительных рыб. Такие часто попадают в сети наших рыбаков, а потом отправляются в сушильни или котлы в хунских кутах.

Вертящийся голос пояснил, что в камере есть «передатчик звука», и это объясняет свистящие, булькающие звуки. Клешня переместил панцирь, из всех его щелей послышалась полная тоски по дому жалоба. Он тосковал по квуэнским раковым загонам в приливной зоне. Но Ур-ронн зрелище быстро надоело, и она с тошнотворным ржанием отвернула гладкую голову. Ей стало плохо от зрелища всей этой воды.

Камера устремилась вперед, прибой на короткое мгновение стал яростным. Затем вода пенными полосками стекла с глаза камеры, и перед нами открылся низкий песчаный берег. Управляемый на расстоянии прибор двинулся в глубь суши, держась у самой поверхности.

— Обычно мы посылаем разведчиков на сушу по ночам. Но дело срочное. Надеемся, что горячий блеск поверхности скроет появление прибора.

Ур-ронн облегченно вздохнула: по крайней мере больше не видно воды.

— Удивительно, — сказала она, — почему вы раньше не посылали тайных агентов.

— На самом деле мы отправили несколько приборов на поиски цивилизации. Два из них давно не выходили на связь, но остальные показывают поразительные картины.

— Какие? — спросила Гек.

— Такие как хунских моряков, плывущих в открытом море на деревянных парусных судах.

— Хр-рр. И что в этом странного?

— И красных квуэнов, живущих без руководства со стороны серых или синих, мирно торгующих с соседями-хунами.

Клешня запыхтел, но голос продолжал.

— Заинтересовавшись, мы отправили подводную экспедицию за Трещину. Наши исследователи проследили за одним из ваших мусорных кораблей и собрали образцы из священных выбросов. Затем, возвращаясь на базу, наш разведывательный корабль наткнулся на урский тайник, за которым вас посылали. Естественно, мы решили, что владельцы этого тайника больше не существуют.

— Правда? — насмешливо спросила Ур-ронн. — И почему?

— Потому что мы видели живых хунов! Кто может поверить, что уры и хуны мирно живут по соседству в пространстве меньше кубического парсека? Если хуны живут, мы заключили, что все уры на Джиджо погибли.

— Ага, — сказала Ур-ронн, поворачивая длинную шею и глядя на меня.

— Представьте себе наше удивление, когда ваш примитивный корабль устремился к нашей подводной лодке. Выдолбленный древесный ствол, а в нем...

Голос прервался. Управляемый на расстоянии прибор снова пришел в движение. Мы двигались вперед: это камера неслась над песком, поросшим скудной растительностью.

— Эй! — возразила Ур-ронн. — Я думала, вы не можете использовать радио или еще что-нивудь такое, что можно засечь из космоса!

— Верно.

— Тогда как вы получаете эту картинку в реальном времени?

— Отличный вопрос от того, кто не имеет непосредственного опыта в таких делах. В данном случае роботу необходимо отойти от берега всего на километр. Он тянет за собой кабель, по которому изображения передаются, а засечь их невозможно.

Я дернулся. Каким-то образом эти слова показались мне странно знакомыми.

— Это имеет отношение к взрывам? — спросила Ур-ронн. — К недавнему нападению врагов, которые хотят вас уничтожить?

Вращающаяся фигура сжалась, потом снова расширилась.

— Вы быстро соображаете, и у вас отличное воображение. Разговаривать с вами четырьмя необычайно интересно. А я создан, чтобы собирать и оценивать необычные опыты.

— Иными словами, да, — мрачно заключила Гек.

— Некоторое время назад летающая машина принялась просвечивать море звуковыми импульсами. Несколько часов спустя она начала бросать глубинные заряды, чтобы изгнать нас из нашего маскирующего убежища среди обломков.

Когда поблизости появились гравитационные следы и второго корабля, положение стало серьезным. Мы уловили ритмы воздушной схватки. В отчаянной стычке корабли обменивались снарядами и смертоносными лучами.

Клешня переступал с ноги на ногу.

— Вот это да! — выдохнул он, разрушая нашу видимость беззаботности.

— Затем оба корабля неожиданно прервали полет. Их следы прервались вблизи нынешнего расположения нашего разведчика.

— Насколько близко? — спросила Ур-ронн.

— Очень близко, — ответил голос.

Мы как зачарованные следили за быстро меняющейся сценой. Мимо с головокружительной скоростью проносилась панорама растений — на уровне лодыжки. Глаз камеры обходил пучки листьев-сабель, потом разведчик слегка набрал высоту, минуя болото.

И тут мы увидели серебристый блеск. Два отблеска. Изогнутые борта.

И тогда это случилось.

Без всякого предупреждения, как раз тогда, когда мы впервые увидели изображение кораблей, экран заполнило улыбающееся лицо.

Мы отскочили, удивленно вскрикнув. Я отскочил так быстро, что даже высокотехнологичный корсет не уберег спину от острой боли. Хуфу испустила пораженный крик и впилась когтями мне в плечо.

Лицо оскалилось, обнажив ряды белых острых зубов. Черные глаза-бусинки, увеличенные, смотрели на нас с таким диким интересом и весельем, что мы застонали: кажется, мы знаем, кто это.

Наш разведчик дернулся, пытаясь увильнуть, но улыбающийся демон прочно держал его обеими передними лапами. Существо подняло острые когти, готовясь ударить.

И тут послышался вращающийся голос — звук уходил, а потом возвращался к нам через передатчик камеры. Было произнесено всего три слова на галсемь со странным акцентом, причем произнесено очень высоким, почти за пределами восприятия хуна, голосом.

— Брат, — быстро обратился голос к странному нуру. — Пожалуйста, перестань.

ЭВАСКС

Пришло сообщение, что мы утратили связь с корветом!

С нашим легким крейсером, посланным на поиски ротенских бандитов.

В таком обычном деле никто не ожидал неожиданностей. И это вызывает тревожные вопросы. Может, мы недооценили силу разбойников?

Ты, наше второе кольцо мысли, ты даешь доступ ко многим воспоминаниям и мыслям, некогда накопленным нашей грудой, прежде чем Я не присоединился к вам и не стал вашим мастер-кольцом. Воспоминаниям о том времени, когда вы/мы были всего лишь Асксом.

Вы слышали, как люди генные воры делали нелепые утверждения. Например, что их патроны — эти загадочные ротены — почти неизвестны галактическому сообществу. Что ротены пользуются огромным влиянием, но используют его тайно. Что они не боятся могучих флотов великих кланов Пяти Галактик.

Мы, на боевом корабле «Полкджи», слышали подобные байки и до прилета на Джиджо. Но считали все это простым блефом. Жалкой выдумкой, призванной скрыть истинное лицо преступников.

НО ЧТО, ЕСЛИ ЭТИ РАССКАЗЫ ПРАВДИВЫ?

Никто не может сомневаться в том, что загадочные силы существуют — древние, отчужденные, влиятельные. Может, мы

перешли дорогу какой-то загадочной силе, здесь, в покинутой галактике, далеко от дома?

ИЛИ РАССМОТРИМ ПРОБЛЕМУ ШИРЕ. Может ли стоять за землянами некая тайная могущественная раса, незаметно определяя их судьбу? Защищающая их от судьбы, уготованной всем волчатам? Это объяснило бы много странностей в недавних событиях. Это также предвещало бы неприятности нашему союзу Обейер в эти тревожные времена.

НО НЕТ! Факты не подкрепляют такие опасения.

Вы, примитивные, древние кольца, не можете этого знать, но позвольте Мне объяснить.

Не так давно с «Полкджи» связались некие мелкие торговцы сведениями, бессовестные паразиты предложили нам купить новости. К нам, великим и священным джофурам, через своих агентов людей обратились эти самые ротены, потому что наш корабль патрулировал поблизости. Они также рассчитывали, что джофуры заплатят вдвое за сведения, которые они хотели продать.

Во-первых, за указания на то, как поймать добычу, которую мы ищем, — пропавший земной корабль, который несколько лет преследуют десятки тысяч судов, ибо он — величайшая награда в Пяти Галактиках.

И во-вторых, за информацию о про́клятых нашими предками г'кеках, уцелевшие остатки которых нашли здесь убежище много планетных циклов назад и избежали нашего праведного уничтожающего гнева.

Ротены и их приспешники надеялись собрать богатый урожай, продавая нам эти сведения, вдобавок к тем генетическим урывкам, которые они могли украсть на этой незрелой планете. Ситуация должна была казаться им идеальной, потому что обе стороны будут заинтересованы в том, чтобы сохранять сделку в тайне.

Так ли должна вести себя великая, возвышенная сила? Та, что поднимается над мелкими заботами обычных смертных?

Неужели богоподобные существа так легко попадутся на удочку местных дикарей, которые простой химической взрывчаткой сумели уничтожить их погребенную станцию?

Оказались ли они такими могущественными, когда полцикла спустя мы повернули свои кольца в акте благочестивого предательства и напали на их корабль? И погрузили их в стасис не очень хитрыми средствами?

Нет, Мои кольца, такая линия рассуждений неразумна. Меня тревожит, что вы тратите наши объединенные умственные ресурсы на такой тупиковый путь.

Это отклонение — МОЖЕТ БЫТЬ, ЭТО ЕЩЕ ОДНА ТЩЕТНАЯ ПОПЫТКА ОТВЛЕЧЬ МЕНЯ ОТ ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТИ, КОТОРАЯ И ЯВЛЯЕТСЯ МОИМ ГЛАВНЫМ ВКЛАДОМ В НАШУ ГРУДУ?

Поэтому некоторые из вас все еще пытаются цепляться за руководство вашего глупого камня, который вы называете Святым Яйцом?

Неужели эти разнородные слабые усилия направлены на еще одно восстание?

ВЫ ЕЩЕ НЕ УСВОИЛИ УРОК?

Продемонстрировать еще раз, зачем оайлие сделали таких, как Я, и назвали нас мастер-кольцами?

Оставим эти глупые рассуждения и попробуем найти альтернативное объяснение исчезновению корвета. Возможно, наш экипаж в погоне за разведывательным кораблем ротенов наткнулся на что-то другое?

Что-то гораздо более могущественное и важное?

Верно ли это? Вы и вправду не понимаете, на что я намекаю?

Нет даже догадки? Да ведь большинство обитателей Пяти Галактик, даже загадочные занги, знают корабль, который мы ищем. Корабль, который по всему известному космосу преследуют бесчисленные армады.

Вы действительно жили в изоляции, Мои древние кольца! Мои примитивные подличности. Мои временные красавицы, которые даже не слышали о корабле с экипажем из дельфинов.

Поистине это очень странно.

САРА

Сара опасалась, что без темных очков, предоставленных всадницами иллиями, она ослепла бы или сошла с ума. Нескольких случайных проблесков хватило, чтобы поразить нервы неестественными тонами, приковывавшими внимание, опасно кричащими, умоляющими сорвать защиту, посмотреть и затеряться в мире меняющегося света.

Даже в тонах сепии окружающие утесы казались таящими загадочное значение. Сара вспомнила, как легендарный Одиссей, проплывая мимо знаменитых сирен, приказал своим людям залепить уши воском, чтобы он один мог услышать призыв искусительниц, а экипаж в это время лихорадочно греб, ведя корабль мимо ярких, призывных отмелей.

Будет ли больно, если она снимет очки и посмотрит на подернутый рябью, меняющийся ландшафт? И если она застынет, не в силах двигаться, спасут ли ее друзья? Или ее мозг будет навсегда поглощен этой панорамой?

Спектральный Поток, это слепое пятно на картах Склона, упоминали редко. Даже опытные охотники, которые копьями добывают в дюнах песчаных роулов, держатся на почтительном удалении от этой ядовитой местности. Предполагается, что здесь никакой жизни нет.

Только сейчас Сара вспомнила тот день, почти два года назад, когда умирала мама в доме вблизи бумажной мельницы, а постоянное низкое гудение водяного колеса Доло казалось печальной жалобой. Сара была снаружи, но услышала, как Двер говорил об этом месте.

Конечно, ее младший брат получил специальное разрешение на то, чтобы ходить по всему Склону и за его пределами, отыскивая нарушителей Заповедей и Свитков. И Сару не очень удивило, что он побывал и в этом ядовитом месте сумасшедших красок. Но по отрывкам разговора, которые доносились в открытую дверь, выходило, что Мелина тоже видела Спектральный Поток — прежде чем вышла замуж за Нело и стала растить семью у спокойной зеленой Рони. Разговор велся не-

громко, скрытным тоном, и Двер впоследствии никогда о нем не говорил.

Сару тронул печальный голос ее умирающей матери: «Двер, расскажи еще об этих цветах».

Лошади, казалось, не нуждались в защите глаз, а возчики надели свою защиту привычно, с терпеливым видом, словно хорошо знакомую помеху, а не средство предотвратить ужасную опасность. Кефа, явно испытывавшая облегчение от того, что буйурский туннель кончился, что-то сказала Нули, и обе они рассмеялись — это был первый смех, который Сара услышала от иллий.

Удивление уступило место любопытству, и Сара обнаружила, что мыслит более связно и последовательно. А как же люди и народы, которые от природы не различают цвета? Эффект, по-видимому, связан не просто с изменением частоты электромагнитного спектра, и урские очки, вероятно, не просто затемняют цвета. Должен быть и какой-то другой эффект. Поляризация света? Или пси?

Реук Эмерсона заменял ему очки. Но когда он стащил симбионта и бросил незащищенный взгляд, Сара встревожилась. Эмерсон поморщился, сенсорная перенасыщенность явно подействовала на него, словно ему в глаз вонзили хунскую вилку для расчесывания. Сара направилась к нему — но этот первоначальный порыв оказался кратким. Мгновение спустя звездный человек улыбнулся ей, и во взгляде его было выражение болезненной радости.

«Ну, если ты на это способен...» — подумала она, осторожно сдвигая очки.

Прежде всего ее удивило, что боли не было. Ее зрачки приспособились, и яркое освещение оказалось переносимым.

Но зато Сара ощутила волны тошноты: мир вокруг словно перемещался и растворялся, как будто она смотрит сквозь слои накладывающихся друг на друга изображений.

Топографически эта земля представляет собой пространство слоистых лавовых потоков, выветренных каньонов и торчащих скал. Но только сейчас все это казалось холстом, на

который какой-то безумный художник г'кек наложил множество слоев светящейся краски. Каждый раз как Сара мигала, изображение менялось.

Громоздящиеся утесы превращались в сказочные замки, их бьющиеся вымпелы сделаны из сверкающих обрывков раздуваемой ветром дымки.

Пыльные пространства становились мерцающими бассейнами. Реки ртути и потоки крови словно текли вверх по холмам, как несмешивающиеся жидкости.

Неустойчивый, как воспоминание, соседний утес напоминал сооружение буйурской архитектуры — шпили города Тарек, только пустые окна сменились миллионами великолепных горящих огней.

Ее взгляд переместился на пыльную дорогу, на которой пемза летела из-под колес фургона. Но в другом плане она же казалась брызгами, сделанными из бесчисленных блестящих звезд.

Затем дорога поднялась на невысокий холм, и впереди открылся самый невероятный мираж — несколько узких, похожих на пальцы долин, окруженных крутыми, словно океанские волны, стенами, застывшими в своем пенном движении. А под этими сверкающими высотами дно долин было зеленым, покрытым невозможными лугами и нелепыми деревьями.

— Кси, — счастливо объявила Кефа с акцентом, который казался Саре так странно знакомым.

И неожиданно она поняла почему!

От удивления Сара схватилась за очки и снова надвинула их на глаза.

Замки и звезды исчезли.

Но луга оставались на месте. Стали видны четвероногие фигуры, пасущиеся на настоящей траве, пьющие из очень реальных ручьев.

Курт и Джома вздохнули. Эмерсон засмеялся, а Прити захлопала в ладоши. Но Сара была слишком потрясена, чтобы издавать звуки. Ибо теперь она знала правду о южанке

Мелине, женщине, которая давным-давно пришла на Рони, предположительно, из далекой Долины, и стала невестой Нело. О счастливой и эксцентричной Мелине, которая вырастила троих необычных детей под непрерывный шум дамбы Доло.

«Мама, — подумала Сара в немом изумлении. — Должно быть, это твой дом».

Несколько мидуров спустя прибыли остальные женщины-всадницы со своими урскими компаньонами, все грязные и уставшие. Прежде чем раздеться и броситься в теплый вулканический ручей под скалами, где отдыхали Сара и остальные гости, иллии распрягли верных лошадей.

Наблюдая за Эмерсоном, Сара решила, что еще один участок его искалеченного мозга остался нетронутым: звездный человек смотрел на женскую наготу нормальным оценивающим мужским взглядом.

Она подавила порыв ревности, зная, что ее фигура никогда не сравнится с этими загорелыми атлетическими телами.

Звездный человек посмотрел на Сару и покраснел — так застенчиво и глуповато, что она вслух рассмеялась.

— Смотри, но не притрагивайся, — сказала она, подчеркнуто грозя пальцем. Он мог не понять слов, но общий смысл понял.

И с улыбкой пожал плечами, словно говоря: «Кто, я? Даже и не подумаю!»

Пассажиры фургона уже выкупались, хотя и более скромно. Нагота не была повсеместным табу на Склоне. Но женщины иллии вели себя так, словно их никогда не учили или им все равно... тому, чему учат девушек о противоположном поле. У самцов Homo sapiens существуют врожденные рефлексы возбуждения, сложным образом связанные с оптическими нервами.

Возможно, это потому, что у них нет мужчин, подумала Сара. И действительно, она видела только женщин, молодых и постарше. Они работали в конюшнях и в убежищах. Были также уры из дружественного племени Улушту, они заботи-

лись о своих драгоценных стадах симл и ослов на краях оазиса. Две разумные расы не избегали друг друга: Сара видела дружеские встречи. Но в этих узких долинах у каждой была своя территория.

Улушту знали Курта и должны были проводить время во внешнем мире. В сущности, и некоторые женщины иллии, вероятно, время от времени уходили отсюда и жили среди ничего не подозревающих жителей поселков Шести Рас.

Когда Мелина пришла в Доло, у нее была хорошо разработанная легенда, рекомендательные письма и ребенок Ларк на руках. И все решили, что она пришла из Долины. Типичная организация вторичного брака.

Нело, казалось, никогда не обращал внимания на то, что у его старшего сына отец неизвестен. Мелина искусно избегала расспросов о своем прошлом.

Но сохранить такую тайну.

Улушту привели с собой пленницу. Ульгор, урскую лудильщицу, подружившуюся с Сарой в Доло, но только для того чтобы подготовить ловушку. Теперь они поменялись ролями. Сара заметила, что Ульгор своими тремя глазами в отчаянии смотрит на поразительный оазис.

Как Урунтай должны ненавидеть это место! Их предки отобрали у нас лошадей и всех их уничтожили. Урские мудрецы позже, после того как Дрейк Старший разбил Урунтай, принесли извинения. Но как можно отменить смерть?

Это невозможно. Но можно обманом избежать уничтожения. Глядя на жеребят, играющих рядом с кобылами под нависающими скалами, Сара чувствовала себя почти счастливой. Этот оазис может даже оставаться невидимым для всепроникающих взглядов звездных повелителей, скрываясь в окружающей земле иллюзий. Возможно, Кси уцелеет, когда на остальном Склоне исчезнет разумная жизнь.

Она видела, как Ульгор отвели в загон рядом с пророком пустыни Дединджером. Они не разговаривали друг с другом.

Саре нужно было только поднять глаза, чтобы за плещущимися в воде женщинами и пасущимися стадами увидеть

сверкающий ландшафт, где каждая перемена освещения и каждый холм казались тысячами невероятных вещей. Земля лжи — так еще называют Спектральный Поток. Несомненно, к этому можно привыкнуть, не замечать раздражающих химер, которые никогда не бывают полезными или информативными. А может, иллии не нуждаются в снах, потому что и так каждый день погружаются в фантазии Джиджо.

Ученый в Саре задавался вопросами: одинаково ли воздействует это на все расы; как такое чудо могло возникнуть естественным путем? В Библосе ни о чем подобном не упоминается. Но когда «Обитель» покинула Землю, люди владели лишь ничтожными долями галактической информации. Возможно, это распространенный феномен, который можно встретить на многих планетах.

Но как было бы замечательно, если бы Джиджо создала нечто уникальное!

Сара смотрела на горизонт, позволяя своему сознанию создавать свободные ассоциации из сверкающих цветов, пока ее не окликнул мелодичный женский голос.

— У тебя глаза твоей матери, Сара.

Сара мигнула, оглянулась и увидела двух человек, одетых в кожаные одеяния иллий. Та, что к ней обратилась, оказалась первой увиденной здесь Сарой пожилой женщиной.

А вторым был мужчина.

Сара, мигая, встала. Она узнала этого мужчину.

— Ф-фаллон?

Он постарел с того времени, как был учителем Двера в искусстве жизни в дикой местности. Тем не менее бывший старший охотник казался бодрым и полным жизни. Он широко улыбнулся.

Она не очень тактично выпалила:

— Я думала, вы умерли!

Фаллон пожал плечами.

— Люди думают то, что им нравится. Но я никогда не говорил, что умер. — Дзенская шутка, если Сара еще что-то в этом понимает. Но тут она вспомнила, что сказала женщина.

А та, хоть и заслоняла глаза рукой, казалось, привычно воспринимает яркие цвета Спектрального Потока.

— Меня зовут Форуни, — сказала она Саре. — Я старшая всадница.

— Вы знали мою мать?

Пожилая женщина взяла Сару за руку. Ее манеры напомнили Саре Ариану Фу.

— Мелина была моей двоюродной сестрой. Все эти годы я скучала по ней, хотя редкие письма рассказывали нам о ее выдающихся детях. Вы трое оправдали ее выбор, хотя изгнание далось ей нелегко. Трудно оставить наших лошадей и наши меняющиеся тени.

— Мама ушла из-за Ларка?

— У нас есть способы добиваться, чтобы рождались в большинстве девочки. Когда рождается мальчик, мы воспитываем его у наших тайных друзей на Склоне, беря вместо него девочку.

Сара кивнула. Обмен детьми для воспитания был распространенной практикой, помогая укрепить союзы поселков и кланов.

— Но мама не захотела отдавать Ларка.

— Именно. И нам все равно нужны были там агенты, а на Мелину можно было положиться. Так мы и сделали, и решение оказалось верным, но мы горевали, услышав о ее смерти.

Сара ответила на это кивком.

— Но я не понимаю, почему только женщины?

В углах у пожилой женщины глубокие морщины от постоянного прищуривания.

— Таково было требование в древности, когда тетки племени Урчачкин предложили некоторым людям и лошадям укрыться в самом тайном месте, чтобы уберечь их от Урунтая. В те ранние дни уры считали мужчин опасными — такими сильными и буйными, в отличие от их собственных мужей. Казалось, проще организовать все на основе договоренности женщин с женщинами.

К тому же подростки мальчики, как бы тщательно их ни воспитывали, в определенном возрасте склонны отвергать об-

щественные ограничения. Со временем отдельные молодые мужчины все равно вырвались бы из царства иллий без необходимых приготовлений, и все было бы раскрыто. В своей потребности прославиться и покрасоваться они могли бы выдать нашу тайну всей Общине.

— Девочки тоже иногда ведут себя так, — заметила Сара.

— Да, но вероятность этого гораздо меньше. Подумай о твоих знакомых молодых людях, Сара. Как бы они повели себя?

Сара представила себе братьев, растущих в этом ограниченном оазисе. Ларк был бы серьезным и надежным. Но Двер в пятнадцать лет был совсем не таким, каким стал в двадцать.

— Но я вижу, здесь не только женщины.

Старшая всадница улыбнулась.

— И мы не даем обет безбрачия. Время от времени мы приводим сюда зрелых мужчин, тех, кто уже знает нашу тайну и достигает возраста, когда способен стать рассудительным, хладнокровным и надежным компаньоном, но еще сохраняет бодрую и энергичную походку.

Фаллон рассмеялся, чтобы скрыть смущение.

— Моя походка — больше не лучшая моя черта.

Форуни сжала ему руку.

— Но ты нам еще подходишь.

Сара кивнула.

— Решение, похожее на урское. — Иногда группа молодых самок, не имеющая возможности завести индивидуальных мужей, сообща пользуется одним, передавая его из сумки в сумку.

Старшая всадница иронично кивнула.

— После многих поколений мы сами стали немного урами.

Сара искоса взглянула на взрывника Курта. Тот сидел на гладком камне и внимательно изучал тщательно охраняемый текст. Джома и Прити сидели поблизости от него.

— Значит, вы отправили экспедицию за Куртом, потому что вам нужен еще один...

— Ифни, нет, конечно! Курт слишком стар для таких обязанностей, и когда мы приводим новых партнеров, то с соблюдением всех предосторожностей. Разве Курт не объяснил вам, в чем дело? Не рассказал о своей роли в настоящем кризисе? Причину, по которой мы так стремились забрать вас всех?

Когда Сара покачала головой, Форуни по-урски раздула ноздри и зашипела, как урская тетка, выведенная из себя глупым поведением подростков.

— Ну, это его дело. Я знаю только, что мы должны как можно быстрее провести вас дальше. Сегодня, племянница, ты отдыхаешь с нами. Но увы, семейным воспоминаниям придется подождать, пока чрезвычайное положение не кончится или не погубит нас всех.

Сара кивнула, мысленно смиряясь с новой поездкой верхом.

— Отсюда можно увидеть?..

Фаллон кивнул, на его морщинистом лице появилась мягкая улыбка.

— Я тебе покажу, Сара. Это недалеко.

Сара взяла его за руку, а Форуни попросила вернуться быстрей, к пиру. Сара уже чувствовала ароматы пищи, поднимающиеся от кухонного костра. Но пришлось думать о дороге. Они пересекли узкие чудесные луга, потом низкорослые кустарники, где паслись симлы, и подошли к крутому подъему между двумя утесами. Солнечный свет быстро гас, и вскоре на далеком западном горизонте стала видна меньшая луна Пассен.

Не доходя до верха подъема, Сара услышала музыку. Впереди негромко играл на дульцимере Эмерсон. Девушке не хотелось мешать ему, но ее тянуло к себе сияние, мерцающее свечение, исходящее от Джиджо и заполняющее все пространство за защищенным оазисом.

В жемчужном лунном свете местность преобразилась. Исчезли резкие кричащие тона, но оставались экстравагантные картины, возбуждающие воображение. Требовалось усилие воли, чтобы не скользнуть по склонам, не поверить в фальшивые океаны и крепости, в призрачные города и космические

кораблi, в мириады фантомных миров, которые создавал из опаловых лучей и теней стремящийся к образному восприятию мозг.

Фаллон взял Сару за локоть и повернул к Эмерсону.

Звездный человек стоял на скальном выступе, держал перед собой дульцимер и играл на всех его сорока шести струнах. Мелодия казалась причудливой и странной. Ритм упорядоченный, но его невозможно сдержать, он похож на серию математических уравнений, не поддающихся решению.

Силуэт Эмерсона был окружен мерцающим огнем. Звездный человек воспевал природный водоворот.

Этот огонь не был воображаемым. Не обманом глаза. Он дергался и мерцал на удалении, окаймляя очертания могучей вершины, вздымавшейся почти до самого неба.

Свежая лава.

Горячая кровь Джиджо.

Нектар обновления планеты, расплавленный и преобразованный.

Дергая за тугие струны, Незнакомец играл горе Гуэнн, пел серенаду вулкану, а тот в ответ окружал его ореолом мерцающего пламени.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ПРЕДЛОЖЕНИЕ О ПОЛЕЗНОМ ИНСТРУМЕНТЕ/СТРАТЕГИИ, ОСНОВАННОЕ НА НАШЕМ ОПЫТЕ НА ДЖИДЖО

Прошла почти тысяча лет с последнего крупного обнаружения трекиности.

Те находки обычно вызывали неловкость: груды несчастных колец прозябали без единого мастер-кольца, способного руководить ими. Но на памяти живого воска нет больше ни одной такой находки.

Реакцией нашего корабля «Полкджи» на подобную находку было отвращение.

Однако остановимся и подумаем, как великий джофурский союз может узнать/получить выгоду от этого эксперимента. Никогда раньше наши кольца-родичи не жили в такой интимной близости с другими расами. Эти треки, хоть они осквернены и заражены, тем не менее накопили для всех нас восковой опыт и знания относительно разумных форм жизни уров, хунов и квуэнов, а также волчат людей и паразитов г'кеков.

Больше того, те самые черты, которые мы, джофуры, находим отвратительными в природных кольцах треки: неспо-

собность сосредоточиться на достижении великой цели, отсутствие честолюбия — позволили им достичь эмпатии с унитарными существами! Им доверяют тайны, с ними советуются, наделяют некоторых треки обязанностями медиков и даже правом продолжать или прекращать жизнь.

ТОЛЬКО ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ, КАКИЕ ЭТО ОТКРОЕТ ВОЗМОЖНОСТИ, ЕСЛИ МЫ ПОЙДЕМ НА УЛОВКУ.

Мы можем намеренно создать новых треки и организовать для них «побег» из любящих объятий нашего благородного клана. Искренне веря, что они бегут от «угнетающих» мастер-колец, эти треки будут вынуждены искать убежище среди рас, которых мы называем своими врагами.

Далее предположим, что, используя этот свой дар бессодержательной эмпатии, они обретут друзей среди наших врагов. Пройдет несколько поколений, и они станут доверенными товарищами.

И в этот момент мы дадим сигнал нашим агентам схватить — собрать урожай — этих самых треки, превратить их в джофуров точно так же, как произошло, когда Аскс преобразился и стал Эвасксом. Для этого нужно только применить мастер-кольцо.

Разве это не даст нам ценнейшие сведения о наших врагах?

Конечно, эксперимент с Эвасксом не достиг полного успеха. Старый треки, Аскс, сумел растопить многие восковые воспоминания, прежде чем метаморфоза завершилась. Возникшая в результате частичная амнезия оказалась очень неудобной.

Однако это не уменьшает ценности всего плана — поместить шпионов-эмпатов в самую середину наших врагов. Шпионов, которым будут верить, потому что они сами считают себя искренними друзьями! А потом с помощью мастер-колец мы вернем потерянных братьев, когда и где их обнаружим.

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

МАКАНИ

В обширном влажном классном помещении были два типа учеников.

Одна группа излучала надежду, другая — отчаяние.

Одна была незаконной — другая несчастной.

Первый тип — невинные и жаждущие знаний.

Второй тип — те, кто и так уже видел и слышал слишком много.

хорошая рыба.
хорошаярыба, хорошаярыба.
хорошая-хорошая РЫБА!

Доктор Макани на борту «Стремительного» никогда не использовала первичный дельфиний язык. Тем более тогда, когда мастер кининка Крайдайки своим постоянным примером поддерживал равновесие в экипаже.

Увы, сегодня постоянно слышатся обрывки старой речи — простые, эмоциональные писки, какими пользовались неизмененные турсиопы в древних земных морях. Как корабельный врач, Макани сама иногда обнаруживала, что когда со всех сторон окружают огорчения и испытания, она бросает фразу на этом языке, когда ее никто не слышит.

Макани посмотрела вдоль просторного помещения, наполовину заполненного водой, а ученики в это время толпились у большого бака с вращающимся концом, торопясь получить пищу. Здесь почти тридцать неодельфинов плюс дюжина шестируких, обезьяноподобных фигур, карабкающихся по полкам на стенах или ныряющих и быстро гребущих руками с перепонками между пальцами. Из той группы кикви, которую торопливо забрали на Китрупе, уцелела только половина, но оставшиеся в живых кажутся здоровыми и любят поиграть со своими друзьями-дельфинами.

Я по-прежнему не уверена, что мы поступили правильно, когда взяли их с собой. Неодельфины слишком молоды, чтобы принимать на себя ответственность патронов.

Два учителя старались привести толпу в порядок. Макани видела, как более молодой инструктор — ее бывшая старшая сестра Пипое — с помощью механической руки выхватывает из вращающегося бака живую пищу и бросает ждущей толпе учеников. Тот, что произнес слова на первичном языке — средних лет дельфин с лишенными блеска глазами, — поймал в зубы извивающееся существо со щупальцами, совсем не похожее на рыбу. Тем не менее, жуя, дельфин счастливо напевал:

хорошая рыба хорошая-хорошая-хорошая!

Макани была знакома с бедным Джекаджекой до того, как «Стремительный» улетел с Земли. Бывший астрофотограф любил свои камеры и сверкающую черноту пространства. Теперь Джекаджека — еще одна жертва долгого бегства «Стремительного», все дальше уходящего от теплых океанов, которые они называют домом.

Полет должен был продолжаться шесть месяцев, а не два с половиной года, причем конца ему не видно. Молодая раса клиентов не должна почти в одиночку встречаться с такими препятствиями.

Если посмотреть в таком аспекте, казалось чудом, что только четверть экипажа поддалась психозу регресса.

Подожди, Макани. Ты можешь еще сама пойти по этой дороге.

— Да, они вкусные, Джекаджека, — пропела Пипое, превращая всплеск регрессировавшего дельфина в урок. — Ты можешь сказать мне на англике, откуда пришла эта новая разновидность рыбы?

Послышались радостные писки и хмыканья — это более умная половина учеников, та, у которой есть будущее. Но Пипое поглаживала старшего дельфина сонарным подбадриванием,

и вскоре остекленевший взгляд Джекаджеки слегка прояснился. Чтобы доставить ей удовольствие, он сосредоточился.

— С с-сс-наружи. Хорошее с-с-солнце, хорошая в-в-вода.

Остальные ученики радостными возгласами приветствовали краткое возвращение к тому, кем он был когда-то. Но подъем очень скользкий. И здесь врач ничего не может сделать. Причина не в органическом заболевании.

Регресс — последнее убежище от тревоги.

Макани одобряла решение лейтенанта Тш'т и Джиллиан Баскин не сообщать всему экипажу содержание дневника хуна Олвина.

Если и есть что-то, что сейчас не нужно экипажу, так это известие о религии, которая провозглашает святость регресса.

Пипое закончила кормить регрессировавших взрослых, а ее партнер занимался детьми и кикви. Заметив Макани, Пипое двумя мощными ударами плавников проплыла все помещение и вынырнула в пене и брызгах.

— Да, доктор? Вы хотели меня видеть?

Кто не хотел бы увидеть Пипое? Ее кожа сверкает юношеским блеском, хорошее настроение не покинуло ее, даже когда корабль бежал с Китрупа, оставив так много друзей.

— Нам для экспедиции нужна квалифицированная медицинская сестра. Боюсь, что экспедиция предстоит длительная.

Пипое задумалась, издавая резкие щелчки.

— Аванпост Каа. Кто-нибудь ранен?

— Не знаю. Возможно, это пищевое отравление или лихорадка кингри.

Озабоченное выражение Пипое слегка смягчилось.

— В таком случае не сможет ли Каа сам о себе позаботиться? У меня здесь есть обязанности.

— Пока ты отсутствуешь, тебя заменит Олачан.

Пипое покачала головой. Этот человеческий жест стал так привычен, что его использовали даже регрессировавшие дельфины.

— Должно быть два учителя. Нельзя смешивать детей и кикви с несчастными взрослыми.

До сих пор на корабле родилось только пять дельфиньих младенцев, несмотря на все большее количество подписей под «Петицией о размножении». Но эти пятеро заслуживали тщательного руководства. И то же самое вдвойне относится к кикви. Ведь они готовы к возвышению тем галактическим кланом, который получит право их принять. И это накладывало на экипаж «Стремительного» серьезные моральные обязательства.

— Я сама присмотрю за кикви и мы по очереди будем освобождать родителей малышей от обязанностей, чтобы они помогали учителю. Это все, что я могу сделать, Пипое.

Пипое согласилась, но недовольно сказала:

— Предстоит дикая охота за тунцом. Я знаю Каа: он, вероятно, забыл прочистить водяные фильтры.

Все знали, что пилот давно стремится к Пипое. Дельфины могут сонаром просвечивать внутренности друг друга, и от них невозможно скрыть постоянную устойчивую страсть.

Бедный Каа. Неудивительно, что он потерял свое прозвище.

— Есть и вторая причина, почему тебе следует пойти, — негромко сказала Макани.

— Я так и думала. Имеет ли это отношение к гравитационным следам и глубинным бомбам?

— Это убежище стало опасно, — подтвердила Макани. — Джиллиан и Тш'т собираются вскоре переместить «Стремительный».

— Вы хотите, чтобы я помогла найти другое убежище? Просканировать по пути эти гигантские груды мусора? — Пипое с силой выдохнула. — А что еще? Может, мне сочинить симфонию, изобрести звездный двигатель и заключить договор с туземцами?

Макани фыркнула.

— По всем отчетам, освещенное солнцем море наверху очень приятное, мы такого не встречали с отлета с Галафии. Все будут тебе завидовать.

И когда Пипое с сомнением фыркнула, Макани добавила на тринари:

Легенды, рассказанные китами,
Одну черту называют восхитительной —
Приспособляемость!

На этот раз Пипое восхищенно рассмеялась. Именно так мог бы сказать капитан Крайдайки, будь он по-прежнему с ними.

Вернувшись в лазарет, Макани закончила работу с последним пациентом и закрыла кабинет. Было несколько неизбежных психосоматических заболеваний, неизбежные несчастные случаи во время работы в тяжелых бронированных скафандрах: ведь приходилось резать и сгибать металл грандиозной горы брошенных кораблей. По крайней мере с тех пор как специальная команда с сетями принялась ловить местную рыбу, жалоб на пищеварение стало меньше. Верхние слои моря Джиджо кишели жизнью, и большинство организмов пригодны в пищу, если сделать правильные добавки. Тш'т готова была уже разрешить выход наверх для отдыха, когда сенсоры зафиксировали сигналы кораблей на орбите.

Преследование ли это? Новые разгневанные флоты, пытающиеся захватить «Стремительный» из-за его тайн? Никто не мог бы проследить за кораблем на проложенном Джиллиан тайном маршруте мимо соседнего сверхгиганта, чьи космические ветры вывели из строя сторожевых роботов Института Миграции.

Но мысль оказалась не такой оригинальной, как мы надеялись. Ранее тем же путем проходили другие, включая группу землян. Думаю, не стоит удивляться, что и нашим преследователям это пришло в голову.

Хронометр Макани запищал — это напоминание. Предстоит корабельный совет: два дельфина, два человека и безумный компьютер снова собираются, чтобы подумать, как обмануть неумолимую вселенную.

На совете молча присутствовал и шестой член, на каждом повороте предлагая новую неожиданную комбинацию возможностей и катастроф. Без вмешательства этого члена «Стремительный» давно погиб бы или был захвачен.

Или без нее мы были бы в безопасности дома.

В любом случае избежать ее участия невозможно.

Участия Ифни, капризной богини случая.

ХАННЕС

Трудно что-нибудь делать. Доктор Баскин продолжает сокращать инженерную команду, поручая ее членам другие задания.

Он недовольно проворчал:

— Еще рано отказываться от «Стремительного», говорю вам!

— Я пока не собираюсь отказываться, — ответила Джиллиан. — Но с этим толстым слоем углерода, который тянет его вниз...

— Мы наконец сумели проанализировать это вещество. Похоже, звездный ветер от Измунути состоит не только из атомного или молекулярного углерода, но и из трубок, завитков, шаров и тому подобного.

Джиллиан кивнула, как будто ожидала этого.

— Как яйца самца. Или на галдва... — Поджав губы, она издала резкий звук, означающий «контейнер для индивидуальных атомов». — Я провела небольшое исследование в захваченной ячейке памяти Библиотеки. Похоже, сложное переплетение таких микроформ может приобрести свойства сверхпроводника и поглощать огромное количество тепла. С теми инструментами, которые у нас есть, от него избавиться не так легко.

— Но такой материал должен иметь и свои преимущества.

— Библиотека говорит, что лишь несколько кланов сумели синтезировать подобный материал. Но что он нам даст, если делает корпус слишком тяжелым и закрывает орудийные порты, так что мы не можем сражаться.

Суэсси возразил, что предлагаемая ею альтернатива ничем не лучше. Конечно, их окружает огромное количество древних кораблей, и они сумели активировать в некоторых из них двигатели. Но это очень далеко от подходящей замены разведывательного корабля класса «Акула», который так хорошо до сих пор служил экипажу.

Это корабли, которые буйуры считали ненужными и не взяли с собой, когда покидали планету.

И прежде всего — как дельфины собираются управлять кораблем, который был построен еще до того, как люди научились делать кремневые орудия? «Стремительный» был чудом остроумных компромиссов, перестроенный таким образом, чтобы существа без ног и рук могли в нем передвигаться и выполнять свою работу. Они либо шагали в шестиногих ходячих скафандрах, либо плавали в широких затопленных помещениях.

Дельфины — первоклассные пилоты и специалисты. Когда-нибудь их будут нанимать галактические кланы и предлагать хорошие условия как отличным профессионалам. Но мало кто пожелает иметь дело со «Стремительным», со всеми связанными с ним неприятностями.

Джиллиан настаивала на своем.

— Мы приспособились и раньше. И конечно, у некоторых из этих кораблей конструкция, которую мы могли бы использовать.

Прежде чем совет кончился, Суэсси высказал последнее возражение.

— Ты знаешь, что возня с этими машинами, да и нашими тоже, может быть уловлена даже сквозь толщу воды.

— Знаю, Ханнес. — У нее был мрачный взгляд. — Но сейчас важна быстрота. Преследователи и так приблизительно знают, где мы. Возможно, они сейчас заняты, но скоро все равно придут. Мы должны подготовиться к перемещению «Стремительного» в другое место или даже вообще к оставлению корабля.

И поэтому Суэсси подчинился, пересмотрел обязанности членов своей команды, прекратил работы на корпусе и отправил свою уменьшившуюся группу на разведку чуждых кораблей — задание одновременно опасное и захватывающее. Многие из этих брошенных кораблей казались более ценными, чем те, что могла купить обедневшая Земля у продавцов использованных судов. В других обстоятельствах эта Помойка могла бы быть грандиозным открытием.

— В других обстоятельствах, — пробормотал он, — мы бы здесь никогда не оказались.

СУНЕРЫ

ЭМЕРСОН

Какое удивительное место!

С самого великолепного заката он поет серенады звездам и светящемуся вулкану, а потом и полумесяцу сверкающих отражений на большем спутнике. Мертвые города, покинутые много веков назад.

Теперь Эмерсон поворачивается на восток, к новому дню. Погруженный в теплую усталость, стоя на высоком утесе над узкими долинами Кси, он смотрит на кричащее вторжение рассвета.

В одиночестве.

Даже женщины всадницы днем стараются не выходить из убежищ. На рассвете лучи разбухшего солнца смешивают все краски ночи, гоня их перед собой, как могучий прилив. Волна пятнистого света. Резкая и горькая, как осколки разбитого стекла.

Прежний Эмерсон, тот логичный и рассудительный инженер, который всегда знал, что такое реальность и как ее классифицировать, счел бы эти впечатления слишком болезненными. Умный Эмерсон, который умел починить любой сло-

манный механизм. Тот Эмерсон дрогнул бы перед этим приступом. Перед ошеломляющим ураганом болезненных лучей.

Но сейчас это кажется ерундой по сравнению с болью, которую он испытал после падения на эту планету. По сравнению с тем, что у него вырвали часть мозга, бурю света вряд ли можно даже считать мелкой досадой. Скорее похоже на то, как пятьдесят мяукающих котят царапают его мозолистую кожу, и она зудит от бесчисленных крошечных царапин.

Эмерсон широко разводит руки, раскрываясь перед зачарованной землей, чьи цвета пробивают блокировку его сознания, сжигают преграды, высвобождают из немого заключения спазмы накопившихся образов.

Узкие каньоны слой за слоем заполняются странными образами. Взрывы в космосе. Полузатонувшие планеты, на которых пузыри-острова блестят, как металлические грибы. Дом из льда, который тянется во всех направлениях от тусклой красной звезды, превращая блеск этой звезды в прирученное пламя очага.

Перед ним проходят эти и бесчисленные другие картины. И каждая требует внимания, делает вид, что именно она реальна. Но он знает, что все эти картины иллюзорны.

Ряды бронированных женщин размахивают хлыстами из раздвоенных молний, сидя верхом на огнедышащих драконах. Кровь из ран драконов радугой опускается на поверхность пустыни. Эмерсон заинтересован, но с помощью реука преобразует картины, отбрасывая все фантастическое и не имеющее реальной основы.

Что же остается?

Похоже, остается многое.

На ближайшем лавовом поле хрустальные частицы отражают резкие солнечные всплески, которые глаз воспринимает как далекие мощные взрывы. Всякое представление о масштабах исчезает, когда перед ним в битве гибнут могучие корабли. Эскадры судов уничтожают друг друга. Измученное пространство поглощает целые флоты.

Это правда!

Он знает, что это подлинное воспоминание. Незабываемое. Слишком ужасное, чтобы отпустить его по эту сторону смерти.

Так почему оно утратилось?

Эмерсон пытается подобрать слова, пользуясь этой редкой возможностью вернуть воспоминания туда, где им место.

Я видел, как это происходило.

Я был там.

Он пытается добиться большего. В том направлении, посреди поля, усеянного обычными камнями, лежит галактическая спираль, вид сверху на галактическое колесо. Вид из мелкого пространства, куда редко дотягиваются пространственные потоки. В этом месте множество тайн, которые не тревожат волны времени.

Пока не прилетели те, у кого больше любопытства, чем благоразумия, и не потревожили могильное спокойствие.

Кто это?..

Он подбирает подходящее слово.

Мы.

Нет, еще более подходящее.

«Стремительный»!

Легкий поворот, и он видит корабль на каменных слоях соседней плоской вершины. Стройный цилиндр, усаженный острыми выступами, которые призваны удержать корабль в этой вселенной, враждебной всему, что олицетворяет «Стремительный». Он с тоской смотрит на корабль. Обожженный и заплатанный — многие заплаты сделаны его руками, он прекрасен в глазах тех, кто его любит.

...его любит.

Слова обладают силой, способной пробудить мозг. Эмерсон осматривает горизонт — на этот раз в поисках человеческого лица. Лица, которым он восхищался, но мог в ответ надеяться лишь на дружбу. Однако ее лицо он не может найти в этом ошеломляющем ландшафте.

Эмерсон вздыхает. Пока достаточно открытий того, что он когда-то знал. Одно соотношение оказывается особенно полезным. Если болит, это истинное воспоминание.

Что бы означал этот факт?

Вопрос сам по себе заставляет его череп словно раскалываться от боли! Может, в этом цель боли? Помешать ему вспоминать?

Его одолевают болезненные ощущения. Дело горздо хуже! Вопросы даже нельзя задавать!

Эмерсон сжимает голову: понимание приходит к нему с сокрушительными ударами.

Никогда, никогда, никогда.

Раскачиваясь, он испускает вопль. Воет, как раненое животное, его вопли проносятся над скальными выступами. Звук летит, как вспугнутая птица, и сдерживается перед самым столкновением.

Резко, круто поворачивает и возвращается как смех!

Эмерсон ревет.

В реве он выражает свое презрение.

Он ржет воинственной радостью.

По щекам его льются слезы, но он задает вопрос и наслаждается ответом, поняв наконец, что он не трус. Его амнезия — это не истерический уход от действительности. Не бегство от травм прошлого.

То, что произошло с его мозгом, не случайность. Горячий свинец словно течет по его спине — это запрограммированные запреты пытаются его сдержать. Сердце Эмерсона разбухает, грозит разорвать грудную клетку. Но он почти не замечает этого, с жестоким оживлением разглядывая скрытую истину.

Кто-то это сделал.

И прямо перед ним, с плоской вершины холма, на него смотрят холодные глаза. Светлые и молочные. Загадочные, древние, обманчивые. Они могут внушать ужас — тому, кому есть что терять.

Кто-то это сделал со мной!

Сжимая кулаки, с мокрыми щеками, Эмерсон видит, как сливаются цвета. Его глаза заполняются жидкой болью. Но это больше не имеет значения.

Теперь он видит.

Видит только то, что знает.

Незнакомец кричит, и крик его летит над вечными холмами.

Крик вызова.

ЭВАСКС

Они проявляют мужество.

В этом отношении вы оказались правы, Мои кольца.

Мы, джофуры, не ожидали, что они придут так скоро после того, как «Полкджи» выжег все на двадцать коречей вокруг места нашей посадки. Но вот эта делегация, размахивающая белым знаменем.

Вначале значение этого символа было непонятно груде коммуникации нашего «Полкджи». Но ассоциативное кольцо этой груды выдало сведения о соответствующей человеческой традиции — белый флаг означает мир.

Мы сообщили об этом капитану-лидеру. Эта возвышенная груда кажется довольной нашей службой. Мои кольца, вы поистине хорошо информированы относительно этих паразитов! Эти кажущиеся бесполезными торы, оставшиеся от прежнего Аскса, содержат в своем воске сведения о людях, которые могут оказаться полезными союзу Обейер, если в Пять Галактик действительно пришло предсказанное время перемен.

В Великой Библиотеке раздражающе мало информации о маленьком земном клане. Какая ирония, что обильные сведения мы находим на такой примитивной, отсталой планете, как Джиджо. Сведения, которые могут помочь нам в нашей цели — полном уничтожении всех волчат.

Что? Вы содрогаетесь от такой перспективы?

В радостном предчувствии службы? В предвидении, что еще один враг нашего клана будет уничтожен?

Нет. Вы содрогаетесь, наполняя наш сердечник мятежными испарениями!

Мои бедные отравленные кольца. Неужели вы так заражены чуждыми представлениями, что вам жалко этих несносных двуногих? И паразитов г'кеков, которых мы поклялись уничтожить?

Возможно, яд настолько силен, что делает вас непригодными к службе, вопреки всем вашим знаниям.

Оайлие были правы. Без мастер-кольца все груды могут превратиться в сентиментальных треки.

ЛАРК

Высокий звездный повелитель в куртке и брюках из домотканого материала производил не менее сильное впечатление, чем в своем прежнем черно-серебристом мундире. Массивные руки Ранна и его клинообразный торс заставляли воображать невозможные картины, например, спортивную схватку между ним и взрослым хуном.

«Это может немного сбить с него спесь, — думал Ларк. — Ничего высшего в этом парне нет. За физической силой и самодовольством Ранна та же технология, которая придала Линг внешность богини. Я мог бы стать таким же сильным — и жить триста лет, — если бы не родился в этой далекой глуши».

Ранн говорил на англике с заметным даникским акцентом, с горячими обертонами, как и его ротенские повелители.

— Услуга, о которой ты просишь, одновременно рискованна и нагла. Можешь ли назвать хоть одну причину, по которой я должен с вами сотрудничать?

Охраняемый милицейскими стражниками, звездный лорд скрестив ноги сидел в одной из пещер горы Дуден, где замаскированные рампы сливались с окружающим лесом под навесами из блеклых тканей. Далекие хребты за поселком г'кеков словно рябили, когда деревья бу сгибали под ветром свои гигантские стволы. Из соседних гротов поднимались геотермаль-

ные пары, скрывая пленника от галактических инструментов — так по крайней мере надеялись мудрецы.

Перед Ранном лежала груда ромбов с символом Галактической Библиотеки, те самые коричневые плитки, которые Ларк и Утен нашли в разрушенной станции даников.

— Я могу назвать несколько причин, — ответил Ларк. — Половина знакомых мне квуэнов больны или умирают от грязного вируса, которого выпустили вы, ублюдки.

Ранн пренебрежительно отмахнулся.

— Это ваше предположение. Я его отвергаю.

У Ларка дыхание перехватило от гнева. Вопреки всем неопровержимым доказательствам Ранн упрямо отвергал возможность распространения ротенами смертельных микроорганизмов. То, что вы предполагаете, совершенно нелепо, сказал он раньше. Это противоречит природной доброте наших повелителей.

Первой реакцией Ларка было изумление. Природная доброта? Разве Ранн не был участником той сцены, когда Блур, несчастный портретист, сфотографировал лицо ротена без маски, а Ро-кенн реагировал на это приказом перебить всех свидетелей?

Ларку не принесло никакой пользы перечисление, пункт за пунктом, всех доказательств, которые он излагал Линг. Рослый звездный человек слишком презирал все джиджоанское, чтобы прислушаться к доводам логики.

Или он с самого начала в этом участвовал и теперь считает отказ своей лучшей защитой.

Линг с несчастным видом сидела на обломке сталагмита, не способная посмотреть в глаза своему бывшему руководителю. Они обратились к Ранну за помощью после того, как она с помощью своего информационного диска не смогла проникнуть в найденный архив.

— Хорошо, — сказал Ларк. — Если на тебя не действуют милосердие и справедливость, то, может, подействуют угрозы.

Рослый мужчина хрипло рассмеялся.

— А сколькими заложниками вы можете пожертвовать, молодой варвар? Чтобы предотвратить огонь с неба, у вас только трое нас. Твоим угрозам не хватает убедительности.

Ларк чувствовал себя, как пустынный лемминг при встрече с лиггером. Тем не менее он придвинулся.

— Положение изменилось, Ранн. Раньше мы надеялись добиться уступок, передав вас на корабль ротенов. Теперь и корабль, и все члены его экипажа заключены в пузыре. А мы будем вести переговоры с джофурами. Подозреваю, что им все равно, как ты будешь выглядеть и в чем будешь одет, когда мы передадим тебя им.

Лицо Ранна стало бесстрастным. Ларк находил это ободряющим.

Но тут вмешалась Линг.

— Пожалуйста. Такой подход бесцелен. — Она встала и подошла к своему коллеге данику. — Ранн, возможно, нам придется всю оставшуюся жизнь провести с этими людьми или разделить судьбу, какую уготовили им джофуры. Излечение может улучшить отношения с Шестью Расами. Их мудрецы пообещали простить нас, если мы найдем средство быстро.

Молчаливая гримаса Ранна не требовала истолкования с помощью реука. Ему не нравилось оправдание со стороны дикарей.

— И еще эти фотографии, — продолжала Линг. — Ты принадлежишь к Внутреннему Кругу и, должно быть, видел лица ротенов и раньше. Но меня это шокировало. Конечно, эти фотографические изображения — оружие в руках туземцев Джиджо. Сохраняя верность нашим повелителям ротенам, ты должен подумать и об этом.

— И кому они покажут эти картинки? — усмехнулся Ранн. Потом посмотрел на Ларка, и выражение его лица изменилось. — Вы ведь на самом деле не можете...

— Передать их джофурам? А зачем нам беспокоиться? Джофуры в любое время, когда только захотят, могут раздавить ваш звездный корабль и разделить ваших хозяев на составляющие нуклеиновые кислоты. Посмотри в лицо фак-

там, Ранн: маскировка больше ничего не дает. Джофуры уже могли плотно обернуть свои кольца мульчи вокруг ваших повелителей.

— Вокруг возлюбленных патронов человечества?

Ларк пожал плечами.

— Правда это или нет, но это ничего не меняет. Если джофуры захотят, ротенов предадут анафеме во всех Пяти Галактиках. Наказание может быть очень суровым.

— А как же ваши Шесть Рас? — горячо возразил Ранн. — Вы все тоже преступники. Всем вам грозит наказание — и не только людям и остальным живущим здесь, но целиком всем расам повсюду в космосе!

— Ага. — Ларк кивнул. — Но мы это всегда знали. Мы вырастали, рассуждая о вероятности такого мрачного исхода. Сознание вины всегда окрашивало наше представление о жизни. — Он сардонически улыбнулся. — Но сомневаюсь, чтобы такое оптимистическое существо, как ты, считающее себя частью грандиозного замысла, могло бы смириться с утратой всего, что любит и ценит.

Лицо даника наконец помрачнело.

— Ранн, — настойчиво заговорила Линг. — Надо действовать совместно.

Он сердито посмотрел на нее.

— Без одобрения Ро-кенна?

— Его увезли далеко отсюда. Даже Ларк не знает, где он. И теперь я убеждена, что мы должны думать о благе человечества, о благе Земли независимо от ротенов.

— Одно без другого невозможно.

Она пожала плечами.

— Тогда будем прагматиками. Если мы поможем этим людям, может быть, они то же самое сделают для нас.

Рослый мужчина скептически фыркнул. Но спустя несколько дуров коснулся ногой груды информационных ромбов.

— Ну, мне любопытно. Они не из Библиотеки станции. Я узнаю цветные глифы. Ты уже пыталась получить доступ?

Линг кивнула.

— Тогда, может, у меня получится лучше.

Он снова посмотрел на Ларка.

— Ты знаешь, каков риск, если я включу свой ридер?

Ларк кивнул. Лестер Кембел уже объяснил ему. Вероятно, цифровое сознание, осуществляемое крошечными информационными устройствами, будет скрыто гейзерами и микроземлетрясениями, которые постоянно происходят под Риммером.

Однако для большей уверенности все основатели колонии, от г'кеков и глейверов до уров и людей, отправили свои крадущиеся корабли в Помойку. Не осталось ни одного компьютера. Наши предки, должно быть, считали опасность весьма реальной.

— Не нужно читать сунерам лекции о риске, — ответил Ларк рослому человеку со звезд. — Вся наша жизнь поставлена на кость Ифни. Мы знаем, что это не вопрос выигрыша. Наша цель — как можно дольше оттягивать проигрыш.

Джими, один из благословенных, живших поблизости, в святилище избавившихся, добродушный молодой человек, почти такой же рослый, как Ранн, но гораздо более мягкий, принес еду. А также записку от Лестера Кембела. Посольство к джофурам прибыло на Поляну Праздника, надеясь вступить в контакт с последними пришельцами.

На листочке вручную было написано: «Каков прогресс?»

Ларк поморщился. Он не знал, что в данном случае означает «прогресс», хотя сомневался, что достиг хоть какого-то.

Линг помогала вкладывать бежевые пластинки в информационный диск Ранна. Даники вместе удивленно разглядывали непонятные сверкающие символы.

Книги периода до «Обители» описывали, что такое цифровой мир — царство бесконечных измерений, возможностей и корреляций, где любая имитация приобретает свойства ощутимой реальности. Конечно, описания не заменяют непосредственный опыт. Но я не таков, как легендарные островитяне, которых ставили в тупик ружье и компас капитана Кука. Я

имею некоторое представление о возможном, немного знаю математику.

Во всяком случае он на это надеялся.

Но потом встревожился. Может, даники притворяются? Делают вид, что столкнулись с трудностями, тогда как просто тянут время?

Времени осталось немного. Скоро умрет Утен, а за ним и другие хитиновые друзья. Но что еще хуже, дошли слухи о целых хунских селениях, все жители которых чихают и кашляют. Их горловые мешки поражены неведомой болезнью.

«Давайте! — молча торопил он. — Что сложного в простом компьютерном индексе?»

Ранн отбросил ромб, издав гортанное проклятие на чуждом арго.

— Зашифровано!

— Я так и думала, — сказала Линг. — Но мне казалось, что ты как член Внутреннего...

— Даже нам, из круга, говорят не все. Но я знаю основы кодов ротенов. Этот совсем другой. — Он нахмурился. — Однако он кажется мне знакомым.

— Ты можешь его сломать? — спросила Линг, вглядываясь в лабиринт плывущих символов.

— Не с таким примитивным ридером. Нужно что-то побольше. Настоящий компьютер.

Линг распрямилась, понимающе глядя на Ларка. Но решение предоставила ему.

Ларк выдул воздух из щек.

— Хр-рм. Я думаю, это можно организовать.

Смешанный отряд милиции тренировался под соседними деревьями, выглядя мужественно в пятнистой боевой раскраске. Ларк видел только несколько мощных квуэнов, хотя именно пятиногие бронированные существа составляют основу милиции на Джиджо.

Как один из немногих живых джиджоанцев, побывавших на борту чуждого корабля и своими глазами видевших их ору-

жие, Ларк представлял себе, каким неожиданным и случайным оказался исход Битвы на Поляне: копья, арбалеты и ружья против звездных богов. Такая случайность больше не повторится. Но нет причин прекращать тренировки. Они держат добровольцев занятыми и помогают предотвратить воскрешение древних распрей. Что бы ни случилось: подчинимся ли мы со склоненными головами окончательному решению или умрем сражаясь, — мы не можем позволить себе разногласий.

В палатке у ручья их ждал Лестер Кембел.

— Мы рискуем, делая это, — сказал пожилой мудрец.

— А есть ли у нас другой выбор?

Во взгляде Лестера Ларк прочел ответ.

Мы можем позволить Утену и бесчисленным квуэнам умереть, если такова цена жизни остальных.

Ларк ненавидел свое положение мудреца. Его приводил в отвращение способ мысли, который от него ожидают — сопоставление плюсов и минусов, заключение сделок, которые, как бы ни обернулись, делают тебя проклятым.

Кембел вздохнул.

— Можно сделать попытку. Сомневаюсь, чтобы артефакт вообще включился.

За грубым деревянным столом несколько людей и уров — помощники Кембела — сопоставляли блестящие предметы с древними иллюстрациями. Ранн с изумлением смотрел на предметы, которые доставили сюда с берегов далекого кислотного озера.

— Но мне казалось, вы уничтожили свои цифровые...

— Да, уничтожили. Это сделали наши предки. А это — остатки. Реликты буйуров.

— Это невозможно. Ведь буйуры улетели полмиллиона лет назад!

Ларк рассказал сокращенный вариант истории сумасшедшего мульк-паука с коллекционерским фетишем. Существа, созданного для уничтожения, но проведшего тысячелетия в запечатывании своих сокровищ в коконы остановленного времени.

Работая днем и ночью, алхимики-треки сумели создать формулу состава, растворяющего золотую пленку, и предметы вернулись в реальный мир. К счастью для нас, эти специалисты оказались поблизости, подумал Ларк. Усталые треки стояли снаружи, испуская желтоватые пары из своих химосинтезирующих колец.

Ранн погладил черный трапециевидный предмет, очевидно, больший родич его портативного информационного диска.

— Силовой кристалл негентропический и выглядит неповрежденным. Вы не знаете, работает ли он?

Ларк пожал плечами.

— Вы знакомы с этим типом?

— Галактическая технология очень стандартизована, хотя, когда сделали это, люди как таковые еще не существовали. Это более высокий уровень технологии, чем тот, которым я пользуюсь, но... — Человек с неба сел перед древним артефактом и нажал один из выступов.

Приспособление неожиданно испустило поток ярких лучей, которые достигли навеса. Высокий мудрец и его помощники отпрянули. Урские кузнецы фыркали, извивая длинные шеи, а техники-люди украдкой делали жесты, отвращающие зло.

Даже среди личных помощников Кембела, воспитанных на книгах, наша умудренность так поверхностна, что ее можно соскрести ногтем.

— Буйуры преимущественно пользовались галактическим три, — сказал Ранн. — Но галдва близок к универсальному, поэтому сначала попробуем его.

Он перешел на код, издавая щелчки, свисты и стоны так быстро, что Ларк не в состоянии был следить за языком компьютерных команд. Руки звездного повелителя тоже двигались, мелькали среди плывущих изображений. Линг присоединилась к нему, протягивала руки к эрзац-объектам, которые не имели для Ларка никакого смысла, отбрасывала то, что считала не относящимся к делу, создавая Ранну рабочее пространство.

Вскоре пространство расчистилось, осталось только несколько плывущих додекаэдров, на каждой из двенадцати сторон которых пробегали символы.

— Буйуры были хорошими программистами, — заметил Ранн, переходя на галшесть. — Хотя самая большая их страсть — биологические изобретения, они не утратили и цифрового искусства.

Ларк оглянулся на Лестера, который отошел к дальнему концу стола. Там, подобно горке сияющих опалов, лежала груда сенсорных камней. Нервно притопывая ногой, мудрец внимательно следил, не вспыхнет ли предупреждающий огонь.

Повернувшись еще дальше, Ларк заметил, что горный склон опустел. Отряд милиции ушел.

Никто, обладающий здравым смыслом, не будет здесь задерживаться, пока происходит такое.

Ранн пробормотал проклятие.

— Я надеялся, машина распознает шрифт, если это тип, широко употребляемый в Пяти Галактиках. А может, здесь особенности, характерные для отдельных рас или союзов.

Но увы — компьютер говорит, что не узнает криптографический подход, использованный в пластинах памяти. Он называет технику кодирования новаторской.

Ларк знал, что среди старших звездных кланов это слово считается оскорбительным.

— Может, это способ, разработанный после отлета буйуров с Джиджо?

Ранн кивнул.

— Полмиллиона лет — немало даже по галактическим стандартам.

Линг энергично подхватила:

— Так, может, он земной.

Рослый мужчина посмотрел на нее, потом кивнул и перешел на англик.

— Это может объяснить впечатление смутной знакомости. Но зачем ротенам использовать земной код? Ты знаешь, что

они думают о технологии волчат. Особенно о том, что создано этими неверующими землянами.

— Ранн, — прервала его Линг негромко. — Эти плиты могли не принадлежать Ро-кенну или Ро-пол.

— Тогда кому? Ты говоришь, что раньше их не видела. Я тоже. Остается...

Он замигал, потом тяжело ударил кулаком по деревянному столу.

— Нужно расколоть эту штуку. Линг, мы потратим всю оставшуюся энергию на то, чтобы найти ключ.

Ларк сделал шаг вперед.

— Разумно ли это?

— Тебе нужно лекарство для твоих друзей дикарей? Что ж, корабль джофуров сидит на развалинах нашей станции, а наш корабль в плену. Возможно, это единственный шанс.

Очевидно, у Ранна была и другая причина для неожиданного пыла. Но как будто бы все они хотят одного и того же — пока.

Лестер выглядел встревоженным, но кивком дал разрешение и снова вернулся к разглядыванию сенсорных камней.

«Мы делаем это для тебя, Утен», — подумал Ларк.

Несколько мгновений спустя ему пришлось отступить на несколько шагов: пространство над доисторическим компьютером заполнилось. Бесчисленные глифы и знаки извивались, как снежные змеи в арктической буре. Машина буйуров прилагала все усилия своего цифрового интеллекта, чтобы разгадать сложную головоломку.

Ранн работал, руки его мелькали, а лицо становилось все более сердитым. Такое негодование можно испытать только по одной причине.

Из-за предательства.

Прошел мидур, прежде чем древний компьютер объявил о получении предварительных результатов. К этому времени Лестер Кембел уже совершенно измучился. Рубашка его потемнела от пота, а дыхание вырывалось с трудом. Но Лестер никому не доверял наблюдение за сенсорными камнями.

— Нужна длительная подготовка, чтобы заметить предупреждающее свечение, — объяснил он. — Сейчас, если я расслаблюсь и направлю взор в нужном направлении, то едва вижу мягкое свечение в промежутке между двумя нижними камнями.

Длительная подготовка? Ларк удивился. Он всматривался в хрупкую пирамиду и разглядел слабое свечение, напоминающее приглушенный огонь, который лижет края сосуда с мульчей, когда жирные кольца треки возвращают мертвеца в цикл Джиджо.

Кембел продолжал описывать, как будто Ларк ничего не видит.

— Когда-нибудь, если будет время, мы научим тебя воспринимать пассивный резонанс, Ларк. В данном случае его пробудил боевой корабль джофуров. Его гигантские двигатели, в сорока лигах от нас, сейчас не работают. К сожалению, даже сейчас они создают такой фоновый шум, который способен замаскировать появление нового возмущения.

— Какого, например?

— Такого, как другой набор гравитационных репульсоров, приближающийся к нам.

Ларк мрачно кивнул. Подобно богатой самке ура с двумя мужьями в сумках, большие боевые корабли несут в себе меньшие суда, быстрые и незаметные, которые способны выполнять смертоносные поручения. Это прежде всего и тревожило Лестера.

Ларк подумал, стоит ли вернуться и понаблюдать за работой двух даников, которые в поиске математических ключей вызывали все новых программных демонов. Но какой смысл смотреть на необъяснимое? Вместо этого он внимательней всмотрелся в камни. Каждая их вспышка — эхо титанических сил, подобных тем, что таятся в солнце.

Первое время он ощущал только мягкое синеватое пламя. Но потом Ларк начал замечать другой ритм, совпадающий с биением приглушенного пламени. Источник этого ритма вблизи его грудной клетки, над бьющимся сердцем.

Он сунул руку под одежду и сжал амулет — осколок Святого Яйца, висящий на кожаном ремешке. С каждым дуром биение все усиливалось, начало передаваться рукам.

Что общего у Яйца с двигателями галактического крейсера? Только одно: они оба намерены тревожить меня до самой смерти.

Он слышал, как гневно вскрикнул Ранн. Рослый даник ударил кулаком по столу, едва не опрокинув хрупкие камни.

Кембел пошел узнавать, что установил Ранн. Но Ларк не мог последовать за ним. Его остановило оцепенение, распространившееся от сжатого кулака. Прокатилось по груди и спустилось к ногам.

— Ух хухнн...

Он пытался заговорить, но слова не шли. Какой-то паралич лишил его возможности двигаться.

Год за годом пытался он достичь того, что к другим пилигримам приходило легко, когда члены Шести Рас стремились достичь единства с даром Джиджо — Яйцом, этим загадочным чудом. Некоторым оно давало благословение — образы руководства, глубокие и трогательные. Утешения в трудностях изгнания.

Но Ларку — никогда. Грешнику — никогда.

До этого момента.

Но вместо того чтобы ощутить мир и безмятежность, Ларк испытывал горечь, словно расплавленный металл во рту. В ушах скрежетало, как будто массивный камень протаскивают через слишком узкий проход. В смятении промежутки между сенсорными камнями казались пропастями между планетами. Камни — это луны, касающиеся друг друга с громоздким изяществом.

Перед ошеломленным взором серебристое пламя вздувалось, как новый росток куста роз. Новая выпуклость двигалась, отделилась от родителя, поползла по поверхности одного камня, пересекла пропасть и стала постепенно подниматься.

Почти неощутимое пламя. Не будь повышенной в приступе чувствительности, Ларк не заметил бы его.

Что-то приближается.

Но он мог реагировать только каталептическим бульканьем.

За Ларком послышались звуки ярости — это Ранн что-то швырял в гневе от своего открытия. Вокруг разгневанного чужака двигались фигуры Лестер и милицейские стражники. Никто не обращал на Ларка внимания.

В отчаянии он попытался отыскать место, откуда исходят волевые акты. Центр воли. Тот участок, который приказывает ноге сделать шаг, глазу передвинуться, голосу — издавать слова. Но душа его казалась пленницей бесцветного комка огня, продолжавшего неторопливо перемещаться.

Но зачем привлекать его внимание, если огонь не разрешает ему двигаться?

«Таково твое намерение? — спросил он у Яйца в полумольбе-полуосуждении. — Ты делаешь меня чувствительным к опасности и не позволяешь предупреждать других?»

Прошел ли один дур — или десять — пока огонь двигался по следующему камню? С мягким шипением он пересек очередной промежуток. Сколько еще ему предстоит преодолеть, прежде чем он достигнет вершины? И какая небесная тень пронесется над головой, когда это произойдет?

Неожиданно в поле зрения Ларка действительно возник огромный силуэт. Гигантская шарообразная фигура, обширная и размытая, на его неподвижный, но несфокусированный взгляд.

Вторгшийся объект заговорил с ним.

— Ухм... Мудрец Кулхан? С вами все в порядке, сэр?

Ларк жестом — он по-прежнему не владел речью — пригласил подойти ближе. Сюда, Джими. Еще немного левее.

С благодатной внезапностью пламя исчезло, закрытое круглым лицом Джими Блаженного, Джими Простака. С обеспокоенным выражением Джими коснулся влажного лба Ларка.

— Принести вам чего-нибудь, мудрец? Может, немного воды?

Освободившись из гипнотической ловушки, Ларк наконец обрел волю: она была на том же месте, где всегда.

— Уххххх.

Задыхаясь, выдыхая отработанный воздух, он перевел дыхание. В теле взорвалась боль, но он подавил ее, вложил всю волю в два простых слова:

— Все наружу!

ЭВАСКС

Они быстро выполняют обещания, не правда ли, Мои кольца?

Видите, как быстро туземцы соглашаются на наши требования?

Вы удивлены тем, что они так быстро решили умиротворить нас, но Я ожидал этого. Какое другое решение возможно теперь, когда так называемые мудрецы поняли, каково истинное положение?

Подобно вам, меньшие кольца, самое главное назначение других рас — повиноваться.

Как это произошло? — спрашиваете вы.

Да, у вас есть Мое разрешение гладить старомодные восковые натеки, прослеживая недавние воспоминания. Но Я перескажу их также более эффективным способом оайлие, чтобы мы смогли сообща насладиться совместно исполненным удачным завершением.

Начнем с прибытия послов — по одному от каждого дикарского племени. Они вступили в раздавленную долину на ногах и колесах, спотыкаясь, как животные, на обломках, окружающих наш гордый «Полкджи».

Храбро остановившись под нависающим блестящим корпусом, они по очереди кричали в ближайший открытый люк, произносили высокие речи от имени своей примитивной Общины. С поразительным красноречием они цитировали от-

носящиеся к делу разделы галактических законов, от имени предков принимая на себя всю ответственность за пребывание на этой планете и вежливо требуя, чтобы мы объяснили причину своего появления здесь.

Являемся ли мы официальными инспекторами и судьями Института Миграции, спрашивали они. А если нет, то по какой причине нарушаем мир на этой планете?

Какая наглость! Из членов нашего экипажа наиболее взволнованная груда — младший священник. Ведь кажется, что теперь мы должны оправдываться перед варварами!

<<Почему Бы Нам Просто Не Поджарить Это Посольство, Как мы Поступили Раньше?>>

На это наш великолепный капитан-лидер ответил:

<<Нам Ничего Не Стоит Направить Информативный Пар В Общем Направлении Этих Полуразвившихся Существ. И Не Забывайте, Что Есть Информация, Которая Нам Необходима! Помните, что Эти Мошенники, Которых Называют Ротенами, Предложили Продать Нам Ценные Знания До Того, Как Мы Справедливо Обманули Их. Может, Те Же Самые Знания Можно Получить От Местных Жителей За Гораздо Меньшую Цену. Это Сбережет Нам Время И Усилия В Поиске.>>

Разве груда-младший священник не приводит новые аргументы?

<<Посмотрите На Эти Ужасы! Какое Отвратительное Зрелище! Они Пришли В Тень Нашего Великого Корабля — Уры Рядом С Хунами! Бедные Обманутые Родичи Треки Стоят Рядом С Волчатами Людьми! И Среди Них Хуже Всего Г'Кеки! Что Можно Получить От Такого Смешения Рас? Сжечь Их На Месте!>>

Да, Мои кольца, разве не проще бы все обстояло для нас/Меня, если бы капитан-лидер уступил и прислушался к совету младшего священника? Но вместо этого наш возвышенный командир склонился к старшему священнику для дальнейших консультаций.

Это величественное существо, башня из пятидесяти великолепных торов, вытянулось вверх и провозгласило:

<<Я/Мы Согласен, Что Это Унизительная Задача. Но Нам Не Причинит Вреда Наблюдение За Соответствующими Формами И Ритуалами.

Поэтому Предоставим Работу Эвасксу. Пусть Груда Эваксс Разговаривает С Этими Регрессировавшими Дикарями. Пусть Эваксс Разузнает, Что Им Известно О Двух Видах Добычи, Которую Мы Преследуем.>>

Так и было решено. Работу поручили этой временной гибридной груде. Поручение, достойное самого младшего агента. Вести переговоры с животными. Таким образом Я/мы узнал, как низко ценят нас другие джофуры.

Но сейчас это не важно. Помните ли вы, с какой решимостью и уверенностью взялись мы за порученное дело? На антигравитационной платформе мы опустились в поваленный лес, где ждали шесть послов. Наше кольцо ассоциаций узнало двух из них: Фвхун-дау, поглаживающего белую хунскую бороду, и Вуббена, мудрейшего из г'кеков. Вначале эта пара радостно удивилась, считая, что видит утраченного друга — Аскса.

Затем, поняв свою ошибку, все шестеро дрогнули, издавая различные звуки отчаяния. Особенно находившийся среди них треки — сменивший нас/вас среди высоких мудрецов? — которого трансформация как будто особенно расстроила. О, как дрожала эта туземная груда торов, постигнув суть нашей джофурикации! Распадется ли это сегментированное единство на месте? Станут ли кольца-компоненты, без мастер-кольца, способного связать их и руководить ими, станут ли эти кольца рвать соединяющие мембраны и расползаться в разные стороны, возвратившись к звериным привычкам наших предков?

Постепенно все шесть представителей настолько пришли в себя, что были в состоянии слушать. В простых словах Я объяснил причину появления «Полкджи» в этой далекой системе.

Мы не представители Института Миграции, сказал Я/мы им, хотя мы применили параграф галактического закона, беря на себя полномочия, чтобы арестовать генных грабителей ротенов. И если мы справедливо накажем их или преступных колонистов, со стороны равнодушного космоса не будет никаких вопросов.

К кому будут апеллировать мудрецы?

Но наша цель не такова.

Это Я добавил, успокаивая. Есть гораздо бóльшие преступники, достойные преследования, чем несчастная горстка изгнанников, застрявших на запретном рифе и ищущих избавления собственными средствами.

Наша главная цель — поиски исчезнувшего корабля с экипажем из земных дельфинов. Корабля, который разыскивают десять тысяч флотов по всем Пяти Галактикам. Корабля, несущего в себе тайну и, может быть, ключ к новой эре.

Я сказал послам, что мы заплатим за сведения, если туземцы помогут нам сократить поиск.

(Да, Мои кольца, капитан-лидер тоже пообещал заплатить этим негодяям ротенам, когда их корабль связался с нашим в пространстве прыжка и предложил важные сведения. Но эти нетерпеливые глупцы в своей жадности выдали слишком многое. Мы дали неопределенные обещания, выуживая у них дополнительные доказательства, затем тайно последовали за ними еще до окончательного заключения сделки! А когда они привели нас к этой планете, то стали нам не нужны. И вместо того, чтобы платить, мы захватили их корабль.

Конечно, они могли бы продать еще некоторые клочки информации. Но если корабль дельфинов действительно в этой системе, рано или поздно мы его найдем.)

(Да, Мои кольца, в нашем сердечнике памяти нет никаких восковых отпечатков дельфиньего корабля. Но другие на Джиджо могут что-то знать. Возможно, эти данные утаили от муд-

реца треки. Да и разве можно доверять воспоминаниям, унаследованным от Аскса? Ведь он коварно расплавил множество натеков сердечника.

Поэтому мы должны расспросить послов джиджоанцев, используя угрозы и обещания.)

Пока послы размышляли над проблемой дельфиньего корабля, Я перешел к нашему второму требованию. Наша цель — надолго отложенное справедливое возмездие!

ВАМ ЭТО ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ТРЕБОВАНИЕ МОЖЕТ ПОКАЗАТЬСЯ НЕПРИЯТНЫМ ИЛИ ПРЕДАТЕЛЬСКИМ. НО У ВАС НЕТ ВЫБОРА. ВЫ ДОЛЖНЫ ПОДЧИНИТЬСЯ НАШЕЙ НЕПРЕКЛОННОЙ ВОЛЕ. ЖЕРТВА, КОТОРУЮ МЫ ТРЕБУЕМ, СОВЕРШЕННО НЕОБХОДИМА. И НЕ ДУМАЙТЕ УВИЛИВАТЬ!

Мудрец хун испустил глубокое ворчание, раздувая свой горловой мешок.

— Мы не совсем поняли смысл сказанного. Чем мы должны пожертвовать?

На эту явную попытку увильнуть Я насмешливо ответил, добавив подчеркнутую рябь на наших верхних кольцах:

ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ДОЛЖНЫ ОТДАТЬ НАМ. МЫ ОЖИДАЕМ СИМВОЛИЧЕСКОГО ПОДНОШЕНИЯ. ЗАДАТКА, КОТОРЫЙ ПОКАЗАЛ БЫ, ЧТО ВЫ НАС ПОНИМАЕТЕ.

И с этими словами Я приказал нашему кольцу-манипулятору нацелить все щупальца на престарелого г'кека.

На Вуббена.

На этот раз их реакция свидетельствовала о понимании. Некоторые прежние кольца Аскса разделили их отвращение, но Я железной рукой навел дисциплину.

Устрашенные варвары удалились, унося с собой слово с небес.

Мы не думали получить от пришедших в ужас сунеров ответ в течение одного-двух дней. Тем временем капитан-лидер решил послать наш второй корвет, чтобы помочь первому, чье

самовосстановление шло слишком медленно. Этот корабль застрял вблизи глубоководной впадины. (Возможное место укрытия исчезнувшего корабля землян!)

Вначале мы опасались, что наш корабль сбили дельфины и что туда следует лететь самому «Полкджи». Но наша груда-тактик рассчитала, что скорее всего в наш корабль случайно попал разведчик ротенов. И поэтому безопасно отправить меньшее судно.

И вот в тот момент, когда наша ремонтная группа уже готовилась к высадке, мы уловили сигнал с этих самых гор. Что это могло быть, как не ответ джиджоанских послов на Мои/наши требования?

Корвет был перенаправлен на север, к месту новой передачи.

И вот! Только что пришел его доклад. Поселок г'кеков — маленький город на демонских колесах, спрятанный в лесу!

О, мы бы все равно его нашли. Наши картографы только еще начали работу.

Тем не менее этот жест внушает оптимизм. Он показывает, что Шесть (которых скоро будет пять) обладают достаточным разумом, чтобы рассчитывать шансы, предвидеть неизбежное и минимизировать потери.

Что, Мои кольца? Вы удивлены? Вы ожидали большей солидарности в вашей хваленой Общине? Большей верности?

Тогда живите и учитесь, мои восковые красавицы. Это только начало.

ЛАРК

Престарелый мудрец-человек бежал по лесу, и щеки его были мокры от слез.

— Это моя вина, — задыхаясь, причитал он. — Я виноват во всем. Мне не следовало разрешать это так близко от бедных г'кеков.

Ларк слышал жалобы Кембела, когда они присоединились к толпе беглецов, бегущих по узким проходам между колоссальными стволами бу. Ларк увидел рослого хунского милиционера с большим мечом на спине. Могучий воин подхватил Лестера на руки и осторожно понес потрясенного мудреца к безопасности.

Для бегущих под бу это слово — «безопасность» — больше никогда не будет иметь прежний смысл. В течение двух тысяч лет укрепления горы Дуден предоставляли убежище старейшей и самой слабой разумной расе на Джиджо. Но никакая защита не устоит против небесного крейсера, который пролетел над укромной долиной сразу вслед за тем, как Ларк выкрикнул свое предупреждение. Те беглецы, у кого хватило мужества оглянуться, навсегда запомнят этот страшный корабль, нависший, как хищник, над изящными рампами, домами и мастерскими.

Должно быть, его привлек буйурский компьютер — своим «цифровым резонансом».

Пролетая над горой, чужаки не могли не увидеть внизу поселок г'кеков.

...мы были слишком близки к бедным г'кекам.

В стремлении получить ответы — и подгоняемый нестерпимым любопытством ко всему галактическому, — Кембел разрешил Линг и Ранну включить машину на полную мощность, чтобы расшифровать загадочные записи. Это все равно что поместить в этой части Риммера приманку, призывая злой ветер.

Некоторые бегущие по лесу казались не такими испуганными. Джени Шен, с яростным взглядом, поддерживала дисциплину в отряде милиции, и у Линг не было ни одной возможности отбежать вправо или влево, раствориться в лесу бу. Как будто даникам было куда идти. На их лицах было такое же отчаяние, как и у всех остальных.

Глаза Ларка все еще жгло от нестерпимо ярких лучей, которыми корабль разрывал маскировочную сеть, выставив крепость Дуден под безжалостные лучи палящего солнца. Много-

численные фигуры на колесах тщетно метались, словно личинки в рухнувшем улье.

Лучи погасли, из плывущего над головами неумолимого рока полилось нечто еще более страшное.

Золотистая дымка. Поток жидкого света.

В этот момент нервы у Ларка сдали, и он тоже побежал по лесу бу. Убегал от катастрофы, которую сам помог вызвать.

Ты не один, Лестер. В аду у тебя есть компаньон.

ДВЕР

Грязнолапый казался еще безумней, чем обычно.

Вглядываясь сквозь тучу жужжащих мошек, Двер следил за тем, как спятивший нур склонялся к какому-то беспомощному животному, которое поймал на берегу и теперь держал передними лапами. В то же время он угрожающе скалился, отгоняя других животных, которые могли оказаться поблизости. Грязнолапый не проявлял никакого интереса к двум поврежденным космическим кораблям, которые лежали сразу за дюной.

«Да и зачем ему интересоваться? — думал Двер. — Всякий галакт при его виде просто отмахнется от еще одного обитателя Джиджо. Наслаждайся едой, Грязнолапый. Ты можешь не корчиться в укрытии под горячим песком!»

Убежище самого Двера оказалось страшно неудобным. Ноги затекли, песок легко набивался в каждую складку тела. Рубашка, удерживаемая двумя стрелами и присыпанная песком, частично защищала его. Но это узкое убежище пришлось разделить с Рети — очень нелегкий подвиг, мягко выражаясь. Но что еще хуже, комары, размером с точку, находили человеческую плоть неудержимо привлекательной. Один за другим инсектоиды спускались в импровизированное убежище: ведь Дверу и Рети все равно приходилось открывать лица, чтобы вдохнуть. Мошки окружали их рот и неизбежно попадали внутрь. Рети закашлялась, плюнула и выругалась на диалекте Серых Холмов, не обращая внимания на призывы Двера к тишине.

Она не привыкла к такому, думал он, призывая себя к терпению. Когда он был учеником, мастер Фаллон оставлял его на несколько дней в охотничьей западне, а потом незаметно возвращался и наблюдал. И за каждый звук, который издавал Двер, Фаллон добавлял еще один мидур, пока Двер не научился ценить тишину.

— Лучше бы он перестал играть со своей едой, — прошептала Рети, глядя вниз по склону на Грязнолапого. — Или принес бы нам немного.

В животе у Двера согласно заурчало. Но он ответил:

— Не думай об этом. Попытайся уснуть. Ночью попробуем отсюда выбраться.

На этот раз она готова была прислушаться к его совету. Иногда, в самом тяжелом положении, Рети становилась гораздо лучше.

При таких темпах она станет святой еще до того, как все это кончится.

Он посмотрел влево, в сторону болота. Оба корабля застряли в трясине на морском берегу всего в двух полетах стрелы. Если они с Рети пошевелятся, то станут легкой добычей. И у него не было никакой гарантии, что ночью положение изменится.

Я слышал, что у звездных богов есть линзы, которые видят движения теплого тела в темноте. Есть у них и средства обнаружения металла и инструментов.

Уйти отсюда совсем нелегко. Или даже невозможно.

И никаких альтернатив нет. Одно дело — сдаться Кунну. Рети, которую даники приняли, могла уговорить пилота со звезд сохранить Дверу жизнь. Возможно.

Но эти вновь прибывшие, которые сбили маленького разведчика Кунна... Видя конические груды сверкающих пончиков, в сопровождении роботов осматривающие поврежденный корабль, Двер чувствовал, как у него волосы встают дыбом.

Откуда такой страх? Они очень похожи на треки, а треки совершенно безвредны, верно?

Нет, если они прилетают из космоса и мечут молнии.

Двер пожалел, что в детстве ерзал и невнимательно слушал святые службы, когда читались отрывки из Священных Свитков. Некоторые тексты были введены существами-кольцами, когда прилетел их крадущийся корабль. И это были тексты-предупреждения. Кажется, не все груды жирных колец дружелюбны и настроены миролюбиво. Каким названием они пользовались? Двер попытался вспомнить слово, обозначавшее тех треки, которые не являются треки, но не смог.

Иногда ему хотелось больше походить на брата и сестру — быть способным порождать глубокие мысли, читать множество ученых книг. Сара и Ларк лучше использовали бы время вынужденного бездействия. Они взвешивали бы альтернативы, перечисляли возможности, формулировали планы.

А я могу лишь дремать и мечтать о еде. Еще хотелось бы почесаться.

Он еще не в таком отчаянии, чтобы с поднятыми руками отправиться к серебристому кораблю. К тому же чужаки и их помощники по-прежнему толпятся у корпуса, занятые ремонтом.

Кивая в сонном оцепенении, он в особенности пытался подавить одно щекотливое ощущение в голове. Это ощущение впервые возникло, когда он «перевез» на себе робота даников через реку, используя свое тело как якорь, с помощью которого поле соединялось с землей. И каждый раз он падал в изнеможении на берег, а приходил в себя с таким чувством, словно выбрался из глубокой ямы. И с каждым пересечением реки этот эффект становился все сильней.

Ну, по крайней мере больше мне этого делать не придется. Робот укрывается за соседней дюной. С тех пор как корабль Кунна упал, а его хозяин был захвачен, робот стал бесполезен и бессилен.

Спал Двер тревожно. Вначале его беспокоило жалующееся тело, а потом кошмары.

Ему всегда снились сны. Ребенком Двер просыпался по ночам и кричал так, что будил всех обитателей дома: от Нело и Мелины до последних слуг и шимпов. И все они собирались,

пытаясь успокоить его. Он не помнил отчетливо, что его так пугало во сне, но у него по-прежнему бывают поразительно яркие и отчетливые сны.

Однако эти сны не заставляют кричать.

Если не считать Одного-В-Своем-Роде.

Он вспомнил старого мульк-паука у кислотного горного озера, который однажды, во время его первого самостоятельного путешествия по Риммеру, заговорил с ним, вкладывая слова непосредственно ему в сознание;

— безумного паука, непохожего на всех остальных, который использовал любые соблазны и обманы, чтобы заманить Двера в свою паутину и присоединить к «коллекции»;

— того паука, который едва не поймал Двера в ту ужасную ночь, когда в его ядовитых щупальцах оказались Рети и ее «птица», прежде чем вся паутина вспыхнула и превратилась в огненный ад.

Он видел живые нити, видел тело самого паука, пробирающееся сквозь запутанный лабиринт, подползающее все ближе, закрывая ловушку, из которой невозможно вырваться. Из каждой извивающейся нити капали тяжелые ядовитые испарения или жидкости, при прикосновении которых кожа немела.

Песчаная дюна вокруг казалась Дверу спиралью из множества петель. Эти петли все теснее сжимают его в своем любящем, по-своему сладком и липком объятии.

— Никто не оценит тебя так, как я, слышался терпеливый призыв Одного-В-Своем-Роде. У нас общая судьба, моя драгоценность, мое сокровище.

Двер чувствовал себя в ловушке — скорее не из-за окутывающего его песка, а из-за прилипчивого сна. Он пробормотал:

— Ты только мое воображение.

Проникновенный, подобный сну, смех и медоточивый голос радостно:

— Так ты всегда говорил, хотя тем не менее старательно избегал моих объятий. До той ночи, когда я едва не завладел тобой.

— Той ночи, когда ты умер! — ответил Двер. Слова потонули в его возбужденном дыхании.

— Верно. Но неужели ты на самом деле думаешь, что это конец?

Мой род очень древен. Я сам прожил полмиллиона лет, медленно разъедая и выщелачивая жесткие останки буйуров. За эти долгие века, думая свои длинные мысли, разве не мог я все узнать о смертности?

Двер понимал — все это время, когда он переносил робота через реки, контактируя с его полем, что-то в нем самом изменилось. Сделало более чувствительным. Или свело с ума. В любом случае это объясняло ужасный сон.

Стараясь проснуться, он приоткрыл глаза, но усталость навалилась на него тяжелым саваном, и он сумел только через сплетенные ресницы взглянуть на болото внизу.

До сих пор он смотрел только на корабли чужаков: больший, в форме серебристой сигары, и меньший, похожий на бронзовый наконечник стрелы. Но теперь Двер разглядел и окружение. Он увидел само болото, а не сверкающих захватчиков.

— Они всего лишь мусор, моя драгоценность. Не обращай внимания на эти мимолетные куски «сделанного», краткие фантазии эфемерных существ. Планета поглотит их — с терпеливой помощью моих сородичей.

Занятый кораблями, он не заметил красноречивых следов. Поблизости квадратное возвышение, симметричность которого почти скрыта под растительностью. Ряд углублений, почти канав, заполненных пеной и водорослями, на одинаковом расстоянии друг от друга. Эти углубления, одно за другим, уходят вдаль.

Конечно, это древний город буйуров. Возможно, порт или морской курорт, давно покинутый, а ветер и дождь должны были уничтожить остатки.

— И помощь друзей раненой планеты, — послышался внутренний голос, полный новой гордости.

— Мы, которые помогаем зарастать шрамам.

Мы, которые ускоряем трение времени.

Вон там. Всматриваясь между собственными ресницами, Двер разглядел среди болотной растительности тонкие нити, словно натянутые между стволами и листьями, пробирающиеся через грязные отмели. Длинные трубообразные линии, движения которых медлительны, как движения ледника. Но если набраться терпения, можно уловить перемены.

— О, какому терпению ты мог бы научиться, если бы только присоединился ко мне! Сейчас мы были бы едины со Временем, мой любимец, моя редкость.

Не только растущее раздражение назойливым голосом из сна — ведь Двер знал, что голос все же воображаемый. Растущее осознание в конце концов заставило Двера стряхнуть сон. Он так сильно сжал веки, что вызвал слезы и преодолел оцепенение. Чувствуя себя бодрее, он снова открыл глаза и снова посмотрел на слабые извилистые очертания в воде. Они реальны.

— Мульк-болото, — прошептал Двер. — И паук все еще жив.

Рети пошевелилась и ядовито заметила:

— Ну и что? Только еще один повод побыстрее убраться отсюда.

Но Двер улыбнулся. Вынырнув из раздражительного сна, он понял, что мысли его устремились в другом направлении. Больше он не испытывал предчувствий жертвы.

На удалении по-прежнему слышались лай и ворчание нура, который продолжал играть с добычей. Это привилегия хищника по закону природы. Раньше поведение Грязнолапого раздражало Двера. Но теперь он принял его за предзнаменование.

Все его неудачи, все раны, не говоря уже о здравом смысле, требовали, чтобы он бежал из этого смертоносного места, уполз на животе. Увел за собой Рети в убежище, какое только можно найти в этом опасном мире.

Но сейчас у него кристаллизовалась новая идея, ясная, как соседние воды Трещины.

«Я не убегу отсюда, — решил он. — Я не знаю, как это сделать».

Охотник — вот кем он рожден, вот чему он учился.

ОЛВИН

Ну хорошо, вот мы четверо здесь, смотрим далекие картины через волшебный прибор фувнтусов. Но вот камера неожиданно дернулась, и мы увидели перед собой улыбающуюся пасть гигантского нура! Во много раз увеличенного. Таким его могла бы увидеть болотная мышь, и это был ее последний взгляд, перед тем как стать обедом.

Хуфу среагировала резким шипением. Ее когти впились мне в плечи.

Вращающийся голос, наш хозяин, казался удивленным не меньше нас. Эта вращающаяся голограмма изогнулась, как шея смущенного ура, и закивала, словно советовалась с кем-то, нам не видным. Я услышал отрывки разговора, возможно, на англике или на галсемь.

Когда голос снова заговорил громко, мы слышали слова дважды, второй раз они приходили через приемник далекого робота. Голос говорил на галшесть с акцентом, и обращался он к необычному нуру. Три слова, произнесенные таким высоким тоном, что я едва их понял.

— Брат, — быстро произнес голос. — Пожалуйста, прекрати.

Но странный нур не остановился; повернув голову, он разглядывал прибор с одной стороны, потом с другой.

Конечно, мы, хуны, используем нуров на кораблях как помощников, и они знают многие слова и простые команды. Но это на Склоне, где они получают плату в виде сладостей и мелодичного ворчания. Но как нур, живущий к востоку от Риммера, может научиться галактическому шесть?

Голос попробовал снова, изменив высоту тона и тембр, так что звуки почти вышли за пределы моего восприятия.

— Брат, во имя Шутника, поговори с нами.

Мы с Гек обменялись изумленными взглядами. Чего пытается добиться голос?

В голову пришло полувоспоминание о том времени, когда наша злополучная «Мечта Вуфона» была раздавлена в пасти гигантского корабля фувнтусов. Нас с друзьями, задыхающихся, выбросило на металлическую палубу, и вскоре сквозь туман в глазах я увидел шестиногих чудовищ, которые расхаживали вокруг, топтали наши самодельные инструменты, размахивали фонарями и восклицали на трескучем языке, который я не понимал. Бронированные существа казались жестокими, когда они сожгли маленького Зиза, треки из пяти колец. Потом они едва не сошли с ума, увидев Хуфу. Я помню, как они, сгибая металлические ноги, приседали над моей любимицей, гудели и щелкали, как будто пытались заставить ее заговорить.

И вот теперь опять то же самое! Неужели голос надеется поговорить с диким нуром и убедить оставить управляемый на расстоянии прибор? Гек помахала мне двумя глазными стебельками, выражая заинтересованность и насмешку. Наши хозяева, может быть, и звездные боги, но они глупы, если ожидают сотрудничества от нура.

Поэтому мы были удивлены больше всех — больше даже Клешни и Ур-ронн, — когда фигура на экране щелкнула челюстями и сосредоточенно нахмурилась. И сквозь стиснутые зубы послышался писк — ответ на том же неформальном языке.

— Во имя Шутника, а вы кто такие?

Выздоравливающая спина ответила резкой болью: я от неожиданности распрямился и испустил изумленное ворчание. Гек вздохнула, и зрительное кольцо Клешни завертелось быстрей голограммы. Только Хуфу ничего не замечала. Она довольно облизывалась, как будто ничего не слышала.

— Что вы, джики, проклятые Ифни груды навоза, делаете! — вопила Гек. Все ее четыре глазных стебелька метались, свидетельствуя, что она скорее сердита, чем испугана. Два

громоздких шестиногих фувнтуса сопровождали ее — по одному с каждой стороны, — несли, схватив за колеса.

Остальные проявляли больше сотрудничества, хотя и неохотно. Клешне приходилось наклонять свой красный хитиновый панцирь, чтобы пройти через некоторые двери. Две маленькие амфибии вели нас назад в корабль, который принес нас в подводное убежище. Ур-ронн шла за Клешней, склонив длинную шею к полу — в позе гневного протеста.

Я ковылял на костылях за Гек, держась подальше от ее толчковых ног, которые колотили стены коридора с обеих сторон.

— Вы обещали нам все объяснить! — кричала Гек. — Сказали, что мы сможем задать вопросы Библиотеке!

Ни фувнтусы, ни амфибии не отвечали, но я вспомнил, что сказал вращающийся голос перед тем, как отослать нас.

— Мы больше не можем оправдывать содержание четверых детей в условиях, которые подвергают вас всех опасности. Это место может быть снова подвергнуто бомбардировке, и с еще большей силой. К тому же вы сейчас знаете слишком много для своего блага.

— Что мы знаем? — в замешательстве спросил Клешня. — Что нуры умеют говорить-рить?

Голограмма ответила дергающимся кивком.

— И другие вещи. Мы не можем держать вас здесь или отправить домой, как собирались вначале, поскольку это может оказаться губительным для нас и для ваших семей. Поэтому мы решили перевести вас в другое место. В цель, упоминаемую в твоем дневнике. Там вам будет удобнее дожидаться необходимого времени.

— Подождите! — настаивала Гек. — Я уверена, что вы здесь не главный. Вы, вероятно, просто компьютер, предмет. Я хочу поговорить с кем-нибудь еще! Дайте мне увидеться с вашим боссом!

Клянусь, вертящееся изображение казалось одновременно удивленным и забавляющимся.

— Какая проницательная молодежь. Нам придется после встречи с вами пересмотреть множество предположений. Поскольку я так запрограммирован, что несоответствия доставляют мне удовольствие, позвольте поблагодарить вас за этот опыт и искренне пожелать вам добра.

Я заметил, что голос так и не ответил на вопрос Гек.

Типичный взрослый, подумал я. Хунские родители или компьютеры чужаков — в основе они одинаковы.

Когда мы из изогнутого коридора перешли в переходы, ведущие к кораблю-киту, Гек успокоилась. Фувнтусы опустили ее, и она покатилась рядом с нами. Моя подруга продолжала отпускать ворчливые реплики относительно физиологии, привычек и предков фувнтусов, но я кое-что заметил. Гек выглядела очень довольной.

Очевидно, она считала, что достигла чего-то хитрого и умного.

На борту корабля-кита нас отвели в другое помещение с иллюминатором. Очевидно, фувнтусы не боялись, что мы заметим ориентиры по пути. Вначале это меня встревожило.

Может быть, они собираются запереть нас в другом древнем корабле, под другой грудой мусора в каком-нибудь далеком каньоне Помойки? В таком случае кто нас освободит, если их уничтожат?

Голос сказал, что нас отправят в «безопасное» место. Назовите меня странным, но с тех пор как сошел с прочной суши на Окончательной скале, я не чувствовал себя в безопасности. А что имел в виду голос, когда говорил, что это место, куда мы сами хотели отправиться?

Корабль-кит вначале медленно двигался в туннеле — очевидно, это проход, специально проделанный в горе древних космических кораблей, укрепленный шестами и импровизированными балками. Ур-ронн сказала, что это соответствует тому, что мы уже знаем: фувнтусы прибыли на Джиджо недав-

но, вероятно, они сами беженцы, подобно нашим предкам, но с одним большим отличием.

Они надеются улететь.

Я завидовал им. Не опасности, которой они подвергаются, преследуемые смертельными врагами, но той возможности, которая у них есть, а у нас нет. Уйти. Улететь к звездам, даже если этот путь ведет к роковому концу. Наивен ли я, считая, что свобода оправдывает все? Но я знал, что, будь у меня возможность, поменялся бы с ними местами.

Возможно, именно эта мысль привела меня к неожиданному осознанию. К тому моменту, когда все вдруг встало на свои места. Но давайте немного подождем.

Прежде чем корабль-кит вышел из туннеля, мы заметили какие-то фигуры, движущиеся в темноте, где от перемещающихся ярких огненных точек падали длинные тени. Чередование ослепительно ярких и совершенно черных полос вначале не давало возможности что-нибудь рассмотреть. Но потом Клешня узнал эти смутные формы.

Это фувнтусы, шестиногие существа, которые казались такими неуклюжими в помещениях. Впервые мы увидели их в их стихии, они плавали, а механические конечности были убраны или использовались как гибкие рабочие руки. Теперь обрело смысл и расширение в конце туловища — большой плавник помогал им грациозно передвигаться в темной воде.

Мы уже рассуждали о том, что, вероятно, это не вполне механические существа. Ур-ронн считала, что тяжелый металлический панцирь они носят как одежду, а сами существа находятся внутри горизонтальных раковин.

Они носят панцирь в помещении, потому что у них нет ног, подумал я, зная также, что стальные корпуса скрывают их внешность. Но почему, если они прирожденные пловцы, то и за бортом продолжают носить металлический покров?

Мы видели очень яркие вспышки — это подводная резка и сварка. Ремонт, подумал я. Они были в бою, прежде чем прилететь на Джиджо? Сознание мое было полно яркими карти-

нами из тех книг космических опер, которые так не одобрял господин Хайнц. Он считал, что дети должны улучшать свой вкус, читая Китса и Басё. Мне ужасно хотелось подойти поближе и разглядеть боевые шрамы, но тут подводная лодка вошла в узкий туннель, и корабль фувнтусов стал не виден.

Вскоре мы оказались в черноте Помойки. Сквозь стеклянный диск словно пробирался глубокий холод, и мы попятились, особенно после того как наружные прожекторы погасли и мы оказались в темном мире. Только изредка что-то посверкивало: какое-то морское создание привлекало пару.

Я лег на металлический пол, чтобы облегчить напряжение в спине, и почувствовал, как вибрируют подо мной двигатели. Как будто поет какой-то богоподобный хун, которому не нужно замолкать или переводить дыхание. Я заполнил свой горловой мешок и начал ворчать в контрапункте. Хуны лучше соображают под постоянные равномерные звуки, эти звуки служат точкой опоры для размышлений.

У меня было о чем подумать.

Очевидно, моим друзьям наскучило смотреть в пустоту снаружи. Вскоре все они собрались вокруг маленькой Хуфу, нашего живого амулета, и пытались заставить ее заговорить. Клешня сказал, чтобы я тоже принял в этом участие, и своим ворчанием уговорил Хуфу, но я отказался. Я знал Хуфу еще детенышем, и она не могла все это время притворяться. К тому же я видел отличие у того странного нура, который заговорил с вращающимся голосом на беглом галшесть. У Хуфу никогда так не блестят глаза.

Хотя, припоминая, я убеждался, что видел такой блеск и раньше. Он был у немногих нуров, слонявшихся по пирсам Вуфона или работавших на снастях приходивших в порт кораблей. Эти нуры казались необычными, чуть более отчужденными, чем остальные. Молчаливые, как и их братья, они тем не менее создавали впечатление наблюдателей. Они словно что-то оценивали. И напряженная деятельность Шести Рас их забавляла.

Я никогда раньше о них не думал: ведь озорство и проказливость в характере нура. Но теперь, кажется, я знал, что делало этих нуров особыми.

Хотя нуров часто связывают с хунами, они не прилетели с нами на Джиджо, как шимпы, лорники и зукиры с сунерами людьми, квуэнами и г'кеками. Когда мы прилетели и начали строить свои первые гордые плоты, нуры уже были здесь. Мы всегда считали их местными животными, либо туземными, либо оставленными в виде розыгрыша буйурами и приспособившимися к такой жизни. И хотя мы привыкли с ними работать, мы, хуны, никогда не считали, что они наши.

Со временем Гек отказалась от стараний, предоставив Клешне и Ур-ронн продолжать уговаривать наш скучающий амулет. Моя приятельница г'кек подкатилась ко мне и какое-то время стояла молча. Но и на кидур не обманула меня.

— Ну, говори, — сказал я. — Что ты стянула?

— А почему ты думаешь, что я что-то взяла? — Она изобразила невинность.

— Хрр-ррм. Там, в зале, у тебя был гневный припадок. Такие бывали и раньше, когда ты была поменьше и хотела чего-нибудь добиться от взрослых. А как только мы оказались в коридоре, ты успокоилась, и у тебя был такой вид, словно ты стянула драгоценные подвески из-под самого носа Ришелье.

Гек поморщилась, то есть рефлекторно свила глазные стебельки. Потом усмехнулась.

— Ну, ты меня поймал, д'Артаньян. Давай, посмотришь, что я раздобыла.

С некоторым усилием я приподнялся на руках, а Гек подкатилась еще ближе. В голосе ее звучало возбуждение.

— Я использовала толчковые ноги. Ударяла ими по стенам, пока не удалось стащить вот это.

Развернулась ее похожая на щупальце рука. И тут, старательно спрятанная между кончиками, показалась узкая прямоугольная полоска, похожая на плотную бумагу. Я коснулся ее.

— Осторожней, она липкая с одной стороны. Мне кажется, в книгах это называется липкой лентой. Немного смяла, когда срывала со стены. И еще пришлось налипшие кусочки убирать. Кажется, углубления не очень заметны, но если приглядеться внимательней.

Я всмотрелся в полоску — одну из тех, которые мы видели на стенах, всегда на одной и той же высоте, слева от дверей в изогнутом коридоре. Очевидно, полоски закрывали надписи на каком-то неведомом языке.

— Ты не смотрел, когда я срывала полоску? — спросила Гек. — Видел, что под ней?

— Хр-р. Хотел бы увидеть. Но я был слишком занят, избегая твоих пинков.

— Ну, не важно. Посмотри внимательней на этот конец. Что ты видишь?

У меня нет такого острого зрения, как у Гек, но у хунов хорошие глаза. Я увидел нечто похожее на круг с разрывом и острым выступом на одном конце.

— Это символ?

— Совершенно верно. А теперь скажи, из какого алфавита?

Я сосредоточился. В большинстве стандартных галактических кодов встречаются окружности. Но эта своеобразная форма казалась уникальной.

— Могу сообщить первое впечатление, хотя, конечно, могу и оказаться неправым.

— Давай.

— Хр-рм, мне кажется, это похоже на букву из англика. Точнее, на букву G.

Гек довольно выдохнула. Все ее четыре глазных стебелька раскачивались, словно на веселом ветерке.

— У меня такое же впечатление.

Когда корпус заскрипел и затрещал, свидетельствуя о резком изменении давления, мы собрались у иллюминатора. Вскоре мир снаружи посветлел, и мы поняли, что подводная лодка приближается к цели. За стеклом сквозь мелкую воду проби-

вались солнечные лучи. У нас немного кружилась голова — вероятно, от изменения атмосферного давления. Клешня, радуясь возвращению в привычный мир, где он дома (хотя, конечно, здесь нет удобств садка его родного клана), испускал радостное шипение. Скоро иллюминатор вышел из-под воды, и мы увидели свою цель.

На берегу рядами стояли наклонные обелиски и бетонные скелеты огромных зданий.

Гек мелодично выдохнула.

Развалины буйуров, понял я. Должно быть, поросшие кустарниками незаселенные места к югу от Трещины, где несколько городов оставили на волю ветра и волн.

Голос прочел мой дневник и знал, что мы хотели сюда направиться. Если нас собираются держать в карантине, то, должно быть, здесь.

Гек стремилась к древним развалинам еще до того, как мы ступили на палубу «Мечты Вуфона». И теперь подпрыгивала на ободьях, торопясь оказаться на берегу и прочесть стенные надписи, которых, как говорят, здесь очень много. Забыты жалобы на нарушенные обещания фувнтусов. Это гораздо более давняя мечта.

Появилась одна из амфибий с шестью конечностями и жестом попросила нас идти побыстрей. Несомненно, фувнтусам хотелось переправить нас на берег до того, как их заметят враги. Гек покатилась вслед за Клешней. Ур-ронн оглянулась на меня, покачивая головой и длинной шеей — урское пожатие плечами. Ей, конечно, нравится перспектива оказаться подальше от воды и влажности. Местность казалась приятно сухой.

Но ничего не выйдет.

На этот раз мятеж поднял я.

— Нет. — Я пошире расставил ноги и раздул горловой мешок. — Я не двинусь с места.

Друзья повернулись и посмотрели на меня. Должно быть, увидели знаменитое хунское упрямство в том, как я сжимал костыли. Амфибия испустила тревожные писки.

— Забудьте об этом, — настаивал я. — Мы не выйдем.

— Олвин, все в порядке-рядке, — сказал Клешня. — Они пообещали нам много хорошей еды, и я могу охотиться на берегу.

Я покачал головой.

— Нас не выбросят на берег, как беспомощных детей, ради нашей Ифни-проклятой безопасности. Отошлют оттуда, где происходят события. Важные события!

— О чем ты говоришь? — спросила Гек, вкатываясь назад в каюту. Тем временем амфибия тщетно размахивала своими четырьмя руками. Вошла пара больших фувнтусов. Их длинное горизонтальное одетое в металл тело держалось на шести мощных стальных ногах. Но я не собирался сдаваться. Показал на ближайшего фувнтуса, с его парой огромных черных блестящих глаз, расположенных по одному с обеих сторон заостренной головы.

— Вызови вращающийся голос и скажи ему. Скажи, что мы можем помочь. Но если вы нас выкинете, высадите на берег, это вам ничего не даст. Мы не будем молчать. Мы найдем путь домой, и найдем быстро. Доберемся до Трещины и передадим сигнал друзьям по ту сторону. Расскажем им всю правду о вас!

Ур-ронн спросила:

— Какую правду, Олвин?

Я сопроводил свои слова глубоким низким ворчанием.

— Что мы знаем, кто эти парни.

САРА

В доме, где живут всадницы из клана, владеющего лошадьми, можно ожидать увидеть развешанные по стенам арканы, уздечки и седельные одеяла. Ну, может, еще одну-две гитары. Казалось странным увидеть здесь, в Кси, пианино.

Инструмент, очень похожий на тот, на котором дома, в деревне Доло, Мелина часами играла детям. Она брала книги, которые как будто никто другой не открывал, книги с хрупки-

ми страницами, от которых исходил двухсотлетней давности запах Великой Печати. Мелина ставила на драгоценное пианино, которое подарил ей Нило как часть брачной платы, книги с записанной музыкой.

Теперь, в большом зале иллий, Сара пробежала пальцами по белым и черным клавишам, наслаждалась прикосновением к гладкой поверхности, созданной лучшими квуэнскими резчиками по дереву, представляя себе мать маленькой девочкой, выросшей в этом узком царстве лошадей и сводящих с ума иллюзий. Должно быть, для нее оставить Кси было все равно что улететь на другую планету. Чувствовала ли она облегчение, освобождаясь от клаустрофической замкнутости, направляясь буйурским туннелем к новой жизни на заснеженном севере? Или в глубине души Мелина тосковала по скрытым долинам? По возбуждающим скачкам верхом на спине лошади? По пасторальной чистоте жизни, не осквернённой присутствием мужчин?

Скучала ли она по цветам, которые проникают в каждый сон или кошмар и при дневном свете расстилаются перед тобой тайной панорамой?

Кто научил тебя играть на пианино, мама? Сидя рядом с тобой на этой самой скамье, как ты сидела со мной, стараясь скрыть разочарование от моих неловких пальцев?

На полированной крышке пианино лежала стопка листков с записями музыки. Сара пролистала их, вспоминая композиции, которые на многие часы отрывали от нее мать и заставляли ревновать к этим точкам на странице. Точкам, которые Мелина преобразовывала в великолепную гармонию.

Позже Сара поняла, какой волшебной властью могут обладать эти мелодии. Потому что они могут быть повторены. В определенном смысле записанная музыка бессмертна. Она никогда не умрет.

Типичный джиджоанский ансамбль — секстет, включающий представителей всех рас, — играет спонтанно. Композиция от одного представления к другому никогда не повторяется. Особенно это относится к синим квуэнам и хунам, кото-

рые, согласно легендам, в упорядоченном галактическом обществе не обладали свободой новаций. И были особенно изумлены, когда партнеры люди иногда предлагали записать особенно удавшиеся композиции в воске треки или на бумаге.

Зачем? — спрашивали они. Каждое мгновение заслуживает своей собственной песни.

Джиджоанский способ взгляда на мир. Сара признавала его.

Она опустила руки на клавиши и сыграла несколько гамм. И хоть не играла давно, почувствовала себя так, словно встретилась со старым другом. Неудивительно, что Эмерсон утешается мелодиями, вспоминая прежние счастливые дни.

Тем не менее она волновалась, вспоминая некоторые простые произведения. И начала с «К Элизе».

Согласно антропологическим текстам в Библосе, древнейшие культуры на Земле знали музыку импульсивную, такую, как джиджоанские секстеты. Но незадолго до того как выйти в космос, люди научились записывать музыку.

Мы искали порядка и возможности запомнить. Должно быть, это казалось убежищем от хаоса, заполнявшего нашу темную жизнь.

Конечно, это было очень давно, когда и математика на Земле вступила в эпоху великих открытий. Может, это общая особенность? Выбрала ли я математику по той же причине, по какой Мелина любила этот инструмент? Потому что она вносит предсказуемость в жизненный хаос?

На стену упала тень. Сара привстала и встретилась с взглядом карих глаз Форуни, пожилой предводительницы клана всадниц.

— Прости, что потревожила тебя, дорогая. — Седовласый матриарх жестом предложила Саре садиться. — Но, глядя на тебя, я едва не поверила, что к нам вернулась Мелина и снова играет, как раньше, с прежней увлеченностью.

— Боюсь, я не очень похожа на мать. И играю и вполовину не так хорошо.

Пожилая женщина улыбнулась.

— Хорошая мать хочет, чтобы дети превзошли ее, могли делать то, чего не может она. Но мудрая мать позволяет ребенку самому выбирать, в чем превзойти ее. Ты избрала царство глубокой мысли. Я знаю, она гордилась тобой.

Сара кивком поблагодарила за доброту, но афоризм не утешил ее. Если бы выбор действительно принадлежал мне, неужели я не выбрала бы красоту, как у Мелины? Не хотела бы стать смуглой загадочной женщиной, которая поражала окружающих множеством талантов?

Математика выбрала меня, захватила своей холодной бесконечностью и обещаниями универсальных истин. Но кого трогают мои уравнения? Кто с радостью смотрит на мое лицо и фигуру?

Мелина умерла молодой, но в окружении тех, кто любил ее. А кто заплачет надо мной, когда я умру?

Предводительница иллий, должно быть, неверно истолковала выражение лица Сары.

— Мои слова обеспокоили тебя? — спросила Форуни. — Я говорю как еретик, если надеюсь на то, что поколения можно усовершенствовать? Кажется ли тебе это странной верой племени, которое скрывается даже от цивилизации беженцев и изгнанников?

Саре трудно было ответить.

Почему дети Мелины оказались такими необычными по джиджоанским стандартам? Хотя ересь Ларка кажется противоположной моей, у нас с ним общая черта — мы отвергаем Тропу Избавления.

Книги, которые читала нам мама, часто говорили о надежде, которую вызывал какой-нибудь мятежный поступок.

Предводительнице иллий она ответила:

— Вы и ваши урские друзья спасли лошадей, когда они казались обреченными. Ваш союз превосходит союз Дрейка и Ур-Чоун. Вы сообщество преданных женщин, вы тщательно отбираете своих партнеров мужчин из того лучшего, что может предложить Джиджо. Живя в великолепной изоляции, вы

видите лучшую сторону человечества и редко сталкиваетесь с его худшими сторонами.

Нет, меня не удивляет, что в глубине души иллии оптимисты.

Форуни кивнула.

— Мне говорили, что ты в своих лингвистических исследованиях пришла к аналогичным заключениям.

Сара пожала плечами.

— Я не оптимист. Не в отношении лично себя. Но какое-то время мне казалось, что я вижу определенный смысл в развитии джиджоанских диалектов и в той новой литературе, которая развивается на Склоне. Конечно, теперь, когда прилетели чужаки, это больше не имеет значения.

Пожилая женщина прервала ее.

— Ты ведь не считаешь, что нам предназначено пройти путем глейверов, обрести второй шанс через забвение?

— Вы хотите сказать, что это могло бы случиться, если бы не прилетели корабли чужаков? Я спорила об этом с Дединджером. Если бы Джиджо оставили в покое, мне кажется, была бы возможность.

Сара покачала головой и сменила тему.

— Кстати о Дединджере. Вам удалось его найти?

Форуни недовольно поморщилась.

— Прошло совсем немного времени, как он выбрался из загона, где его держали. Мы и не думали, что он окажется таким изобретательным, сумеет украсть и оседлать лошадь.

— У него было время наблюдать и учиться.

— Вижу, что мы были слишком наивны. У нас в Кси давно уже не было пленных.

К несчастью, след не ведет к туннелю, где в узком пространстве и в темноте мы могли бы схватить его. Напротив, это грязное отродье лиггера пошло прямо через Спектральный Поток.

Сара попыталась представить себе человека, одного, верхом на лошади, пересекающего пустыню из отравленного камня и безжалостного света.

— Вы думаете, он сумеет пройти?

— То есть сможем ли мы найти его раньше, чем он там умрет? — Настала очередь Форуни пожать плечами. — Фаллон сейчас не так проворен, как раньше, но с полмидура назад он уже выступил в сопровождении нескольких самых выносливых молодых всадниц. Фанатика скоро вернут, и мы будем стеречь его внимательней.

Форуни замолчала на полуслове и посмотрела на свою руку. Туда село насекомое и присосалось к вене. Сара узнала скиттера — кровососущее насекомое, распространенное по всему Склону. Скиттеры медлительны. Их легко раздавить, но Форуни почему-то воздержалась. Напротив, позволила осе-вампиру поесть. Закончив, насекомое исполнило танец из дергающихся, манящих движений.

Сара завороженно смотрела. Скиттеры, сев на руку человеку, редко доживают до этого.

Иди за мной, словно говорило насекомое каждым взмахом своего брюшка и хвоста. Идем со мной немедленно.

Сара поняла, что это, должно быть, еще одно служебное животное, оставленное буйурами. Полезный вестник, если знаешь, как его использовать.

Форуни вздохнула.

— Увы, дорогая родственница, тебе пора идти. Ты, Курт и остальные должны быстрей двигаться туда, где вы нужнее.

«Нужнее? — удивилась Сара. — В такие времена зачем может понадобиться такой человек, как я?»

Путешествие на юг возобновилось, на этот раз верхом. Вначале воспользовались древним соединительным туннелем буйуров, там, где разрушитель недоделал свое дело. Но вскоре в стенах и потолке туннеля появились большие щели и провалы, он стал напоминать сброшенную шкуру личинки молодого квуэна. И от туннеля оставалась пыльная траншея или яма, полная водой. С этого момента пришлось ехать под открытым небом, купаясь в разноцветном прибое Спектрального Потока. Иллии раздали плащи с капюшонами. И все равно каза-

лось, лучи прощупывают непрозрачную одежду в поисках щели, чтобы ворваться внутрь.

Курт и Джома ехали впереди с Кефой, проводником. Престарелый взрывник наклонился вперед в седле, словно это помогало быстрей добраться до цели. Далее на осле, более подходящем для ее маленькой фигуры, ехала Прити.

Эмерсон казался необычно подавленным, хотя время от времени улыбался Саре. Он постоянно носил реук и все время поворачивал голову. Сара поняла, что пленочный симбионт не просто приглушает цвета. Должно быть, он их приспосабливает, переводит. Иногда звездный человек напрягался в седле, хотя Сара не могла решить, происходит это из-за боли, удивления или возбуждения.

В конце двигалась Ульгор, урская предательница. Она благоразумно не попыталась сбежать через ядовитую пустыню со своим бывшим союзником Дединджером. Охраняемая двумя урами из колонии Кси, Ульгор все более нетерпеливо поворачивала голову по мере приближения к горе Гуэнн. Ноздри ее раздувались при запахах дыма и расплавленного камня: вулкан постепенно занимал впереди все большую часть неба.

Сара чувствовала себя удивительно хорошо. Ее тело привыкло к седлу. Когда подъем становился слишком крут и всадникам приходилось спешиваться и вести лошадей, ноги Сары погружались в волны приятного тепла, и в них сохранялось достаточно сил.

Итак, отшельница — картофельное пюре все-таки может держаться. Или это эйфория, признак приближающейся горной болезни?

Они поднимались по крутому холму на склоне вулкана, когда неожиданно все три ура устремились вперед, возбужденно шипя и поднимая тучи пемзы, забыв свои роли: пленницы и стражниц. На фоне неба их длинные шеи сгибались в унисон — слева направо и назад.

Наконец, запыхавшись от подъема, Сара и Эмерсон поднялись на вершину, и перед ними была огромная кальдера —

одна из многих усеивающих склоны большого вулкана, которые еще на много миль уходят вверх и на юг.

Уры как прикованные стояли у фумаролы. По неровному кругу поднимались пары. Сара осторожно сняла защитные очки. Базальт здесь более грубый, не похожий на драгоценный камень. Они вступили в другую местность.

— Здесь был первый горн, — провозгласила Ульгор благоговейным голосом. Она наклонила голову вправо, и Сара разглядела там кладку из каменных блоков, слишком неровных, чтобы быть вырубленными лазерами буйуров, и давно заброшенных. Такие поспешно сооруженные каменные убежища строили первые урские кузнецы, которые в поисках вулканического тепла посмели покинуть равнины, надеясь приручить огненную глубь Джиджо и с ее помощью обрабатывать бронзу и сталь. В те дни этому ожесточенно противились серые королевы, которые считали это святотатством — как и позже, когда люди начали Великую Печать.

Со временем, однако, святотатство стало традицией.

— Должно быть, условия на высоте оказались для них более подходящими, — заметил Джома, потому что тропа постоянно шла вверх. Урская стражница кивнула.

— С этого места ранние урские исследователи овнаружили тайный путь через Спектральный Поток. Тайну Кси.

Сара кивнула. Это объясняло, почему одна группа уров помешала другой — могучему Урунтаю — довести до конца план истребления лошадей, когда человечество еще только появилось на Джиджо. Кузнецы тех дней не интересовались властными играми высоких королев на равнинах. Им было не важно, как пахнут земляне или на каких животных они ездят. Важно только то, что они обладали сокровищем.

Книги, напечатанные землянами. В них были тайны металлургии. Мы должны их узнать или отстанем.

Так что ход не был чисто идеалистическим — тайное содержание табуна в Кси. Была назначена и цена. Люди могут быть лучшими инженерами на Джиджо, но мы не вмешиваемся в кузнечное дело, и теперь я знаю почему.

Сара выросла среди них, но до сих поражалась, какими разными могут быть уры. Варьирование личностей и мотивов поступков — от фанатиков до прагматичных кузнецов — такое же широкое, как у людей. Еще одна причина, почему стереотипы бывают не только вредными, но и глупыми.

Вскоре после того как они спешились, тропа пошла по вершине хребта, откуда открывались великолепные виды. Слева находился Спектральный Поток, сверхъестественное царство, слегка приглушенное расстоянием и защитными очками. Лабиринт пестрых каньонов уходил вдаль, сливаясь в ослепительную белизну, — это Равнина Режущего Песка. Дом Дединджера, где будущий пророк превращал грубых обитателей пустыни в своих преданных и фанатичных поклонников. И теперь пустынные жители видели себя авангардом человечества на Пути к Избавлению.

В противоположном направлении, на юго-запад, сквозь разрывы в горной цепи Сара видела другое чудо. Обширный океан, где осуществляется обещанное очищение и возрождение Джиджо. Куда после мульчирования отправился прах Мелины. И Джошу. Где планета искупает грех, поглощая и переплавляя все, что посылает ей вселенная.

Склон так мал, а Джиджо так велика. Неужели звездные боги сурово накажут нас за то, что мы спокойно и осторожно жили в уголке этого запретного мира?

Всегда оставалась надежда, что чужаки просто закончат здесь свои дела и улетят, предоставив Шести Расам продолжать путь, уготованный им судьбой.

Да, заключила Сара. Есть два варианта будущего — обширный и узкий.

Они продолжали двигаться, чаще спешивались и шли, чем ехали верхом, и по мере продвижения на восток они огибали хребет Риммер с юга и перед ними открывались все более захватывающие виды. И снова Сара заметила необычную резвость уров. Местами из земли выходил горячий пар, и лошади танцевали и фыркали. Затем Сара заметила впереди красноватое

свечение, немного ниже тропы, — извивающийся язык лавы, текущий в нескольких полетах стрелы по склону внизу.

Возможно, сказалась усталость или слишком трудная и неровная местность, но когда Сара оторвала незащищенный взгляд от огненного языка и посмотрела за горы, ей показалось, что она уловила неожиданную вспышку. Пребывание в Кси сделало ее чувствительной к свету, и она поморщилась.

Что это?

Вспышка повторялась через неравные промежутки, словно далекая горная вершина обращалась к ней.

И тут Сара подметила еще одно, совершенно отличающееся от первого движение.

Должно быть, это иллюзия, подумала она. Конечно, иллюзия, но так далеко от Спектрального Потока!

Казалось, она почти готова была в этом поклясться, она видела крылья гигантской птицы или дракона... плывущие по воздуху между...

Она давно не смотрела под ноги. Неожиданно споткнулась о камень и пошатнулась. В отчаянной попытке устоять бросила весь свой вес в противоположную сторону и перестаралась, полностью утратив равновесие.

С криком Сара упала.

Усыпанная булыжниками тропа приняла на себя удар, но Сара перевалилась через край и покатилась по крутой осыпи с базальтовыми краями. И хоть была в плотной кожаной одежде, каждый толчок вызывал резкую боль. Она отчаянно пыталась уберечь лицо и голову. Ее падение сопровождал отчаянный вопль. В дымке ужаса Сара поняла, что отчаянно кричит не она, а Прити.

— Сара! — крикнул кто-то. Послышались скрежещущие звуки: кто-то пытался догнать ее.

В промежутке между толчками она что-то увидела сквозь окровавленные пальцы — быстро приближающуюся извилистую широкую реку на пересеченной местности. Поток двигался медленно и вязко и испускал жар. Он был того же цвета, что ее кровь, и быстро приближался.

НЕЛО

Обратную дорогу в лодке Ариана Фу все время рассматривала рисунки небольшого космического корабля, который принес на Джиджо Незнакомца. А Нело раздражался из-за этого непредвиденного отвлечения. Его рабочие, конечно, не смогут придерживаться расписания. Какая-нибудь мелкая задержка даст этим лентяям предлог полежать, как хуны в сиесту.

За время кризиса торговля сократилась, и древесный склад полон товара, но Нело решил продолжать производство бумаги. Чем будет деревня Доло без скрипа водяного колеса, ударов размельчающего молота или сладкого запаха, исходящего от свежих полос бумаги, которые сушатся на солнце?

Рулевой жизнерадостно ворчал, поддерживая ритм, в котором экипаж лодки толкал ее шестами. Нело поднял руку, проверяя, не идет ли дождь. Недавно немного капало, а на юге гремел гром.

Болото кончилось, и лодка вышла в объединенную реку. Вскоре молодые члены экипажа перейдут на весла и поплывут по спокойной поверхности озера Доло.

Но вот ритм ворчания рулевого изменился, замедлился и перешел во встревоженный стон. Несколько гребцов наклонились, всматриваясь в воду. Закричал мальчишка, когда шест вырвался у него из рук. Течение необычно быстрое, подумал Нело. Последние болотные растения остались позади, мимо быстро проплывали деревья.

— Все на весла! — крикнула молодая самка хуна — капитан. Ее спинные выступы, еще совсем свежие — она недавно стала взрослой — тревожно качались.

— Закрепить весла в уключинах!

Ариана вопросительно посмотрела на Нело, тот ответил пожатием плеч.

Лодка закачалась, напомнив Нело о порогах, которые находятся на много лиг ниже по течению, за городом Тареком. Ему только раз приходилось их миновать, когда он сопровождал гроб с прахом жены в море.

Но здесь нет никаких порогов! Они исчезли столетия назад, когда было создано озеро!

Лодка повернула, отбросив его на корму. Цепляясь руками, Нело с трудом сел рядом с Арианой. Бывший высокий мудрец держалась за скамью, сунув под куртку драгоценный портфель.

— Держись! — кричал молодой капитан. Нело ошеломленно вцепился в борт, и они оказались в сумасшедшем мире. В мире, которого не может быть.

Так снова и снова думал Нело, пока они стремительно неслись по узкому протоку. По обе стороны видна была нормальная береговая линия, где прекращались заросли деревьев и их место занимала водная растительность. Но лодка намного ниже этого уровня и продолжает быстро спускаться!

Планшир захлестывала пена, пассажиры и экипаж вымокли. Моряки лихорадочно гребли по приказу капитана. У капитана нет мужского резонирующего горлового мешка, но тем не менее она умеет дать понять, что ей нужно.

— Слева противотечение, налево, вы, побитые нурами оборванцы!.. Ровней!.. Теперь все вперед! Работайте, бесспинные скрипуны! Ради своей жизни — гребите!

С обеих сторон надвинулись каменные стены, угрожая раздавить лодку. Блестя маслянистыми водорослями, они возвышались, как молот и наковальня, а экипаж отчаянно удерживал лодку в узкой полоске между ними, обозначенной водяными брызгами и пеной. Что дальше, оставалось загадкой, и Нело молился, хотел дожить до того, чтобы увидеть.

Лодка коснулась утеса — скользящий удар, хуны, квуэны и люди закричали, и крики их звучали, словно дверной колокольчик у входа в ад. Но корпус выдержал и углубился в затянутый пеной туннель.

Мы сейчас уже должны быть в озере, жаловался Нело, дыша со свистом сквозь стиснутые зубы. Куда делось озеро?

Они, словно стрела из самострела, вылетели в поток, струившийся в абсолютном смятении по камням, резко сворачивая перед неожиданными препятствиями. Такой курс бросил

бы вызов лучшему лоцману, но Нело некогда было наблюдать за борьбой экипажа: ведь это решало только, будет он жив или умрет. Он ошеломленно смотрел вперед, мимо окружающих покрытых грязью равнин, когда-то бывших дном озера, через которое протекала Рони. Теперь реку ничего не сдерживало, и она вернулась в русло, которое у нее было до прилета землян.

Плотина... Плотина.

Пара синих квуэнов застонала: они были из местного улья. Улья, чьи рыбные садки и загоны омаров привольно располагались за плотиной, которая стала для них процветающим домом. Остатки этих загонов и посадок водорослей пролетали мимо, когда лодка стремилась к центру водоворота.

Нело мигал, не в силах даже стоном выразить свое отчаяние.

Плотина все еще стояла почти на всю длину. Но почти — неподходящее слово для плотины. Сердце Нело едва не остановилось, когда он увидел рваную дыру в одном конце, который ближе к его любимой мельнице.

— Держись! — без необходимости кричала самка капитан, когда они устремились в это отверстие. И водопад, который все слышали, ревел впереди совсем близко.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ИЗ ЗАПИСЕЙ ДЖИЛЛИАН БАСКИН

Возможно, мое решение не вполне рационально.

Может быть, Олвин блефует, чтобы избежать изгнания, и на самом деле у него нет никакого представления, кто мы такие.

А может, он действительно догадался. Ведь дельфины упоминаются во многих прочитанных им земных книгах. Даже в бронированном скафандре и шестиногом приспособлении для ходьбы можно узнать очертания дельфина, если правильно посмотреть. И как только эта мысль пришла ему в голову, буйное воображение Олвина добавило все остальное.

В качестве предосторожности мы могли высадить детей гораздо дальше к югу или отправить в подводное убежище. Это обеспечило бы их безопасность и одновременно молчание. Тш'т так и предлагала, когда я приказала Хикахи вернуть детей назад.

Признаюсь, я скучаю по Олвину и его друзьям. Если бы враждующие расы Пяти Галактик могли устанавливать такие дружеские отношения, как у них!

Они достаточно взрослые, чтобы самостоятельно выбрать свою участь.

Мы получили доклад от медсестры, помощницы Макани. Плывя в санях, чтобы проверить состояние заболевших членов

команды Каа, она заметила еще две груды выброшенных космических кораблей, меньше этой, но пригодные для перемещения, если нам понадобится переместить «Стремительный». Уменьшенная группа Ханнеса уже начала подготовительные работы.

Мы можем рассчитывать только на все ту же группу из пятидесяти опытных членов экипажа. Тех надежных специалистов, чья способность к сосредоточению не ослабла за три полных стрессов года. Тех, кого не пугают суеверные слухи о морских чудовищах, которые прячутся среди мертвых буйурских машин.

Что касается наших преследователей, то мы больше не видели гравитационных следов, свидетельствующих о полете корабля к востоку от гор. Возможно, это хорошая новость, но отсутствие следов заставляет меня нервничать. Двумя маленькими кораблями дело не может ограничиться. Сенсоры регистрируют наличие очень большого корабля примерно в пятиста километрах на северо-запад. Имеет ли этот мощный крейсер отношение к тем судам, что упали возле нас?

Они, должно быть, поняли, что этот район представляет особенный интерес.

И мне непонятно и тревожно, почему они нас не ищут.

Как будто уверены, что времени у них предостаточно.

Машина Хисс сумела обменяться еще несколькими словами с так называемым животным нуром, которого наш маленький робот-разведчик встретил на берегу. Но эта тварь держит нас в состоянии напряжения и неизвестности и обращается с маленьким роботом так, словно это ее добыча и ее можно дразнить укусами и царапаньем. Однако тащит робот к себе в болото, старательно оберегая кабель, и поэтому мы изредка можем видеть оба потерпевших крушение небесных судна.

Мы предположили, что нур — просто регрессировавшая разновидность титлала, представляющая интерес разве как редкость. Но если некоторые из них сохранили способность речи, на что еще они способны?

Вначале я думала, что машина Нисс лучше всего пригодна для того, чтобы справиться с этой непонятной ситуацией. В конце концов, нур ее родич, так сказать.

Но родственные связи могут породить ревность и даже презрение. И возможно, машина тимбрими неподходящий представитель.

Еще одна причина для того, чтобы вернуть Олвина.

Наряду со всем этим я сумела немного поэкспериментировать с Херби.

Хотелось бы иметь способ установления изотопных срезов, сделанных до того, как он умер; химический анализ образцов, взятых у древней мумии, показывает значительно меньший промежуток времени, чем анализ воздействия космических лучей на корпус того корабля, на котором побывал Том в Мелком Скоплении.

Иными словами, Херби кажется моложе корабля, на котором его нашел Том.

Из этого можно сделать несколько выводов.

Возможно, Херби — просто труп одного из предыдущих грабителей гробниц, проникшего на корабль всего пару миллионов лет назад, а не два миллиарда.

Или несоответствие является результатом воздействия тех странных полей, которые мы обнаружили в Мелком скоплении. Эти поля окружают огромный флот призрачных кораблей, делая их почти невидимыми. Возможно, в наружных корпусах этих огромных молчаливых кораблей время идет по-другому, чем в их середине.

Я думаю о бедном лейтенанте Ячапа-джин, которого эти самые поля убили и тело которого мы были вынуждены оставить. Может быть, какая-то будущая экспедиция найдет хорошо сохранившийся труп дельфина и придет к неизбежному выводу, что наткнулась на реликт прародителей?

Примет самую молодую разумную расу за самую древнюю. Какая бы это была шутка!

Шутка над ними и над нами.

Херби никогда не меняется. Но готова поклясться, что иногда ловлю его на улыбке.

Украденная нами ячейка Галактической Библиотеки иногда становится странной и неразговорчивой. Если бы не моя маскировка, этот большой куб, вероятно, вообще ничего бы мне не сказал. Я выгляжу как теннанинский адмирал, и все равно ячейка отвечает уклончиво, когда я показываю ей символы, которые Том срисовал на борту покинутого корабля.

Один глиф выглядит как эмблема, которую можно найти на любой ячейке Библиотеки в известном пространстве, — большое спиральное колесо. Но вместо пяти спиральных рукавов, отходящих от центра, на этом рисунке их девять! И стилизованную галактическую спираль окружают восемь концентрических овалов, так что все напоминает яблочко мишени.

Ничего подобного я раньше никогда не видела.

Когда я пытаюсь добиться ответов, наш украденный архив отвечает, что этот символ «очень древний и больше ничего о нем сказать нельзя, это математически уничтожено».

Что бы это ни значило.

Я рискую очеловечить машину, но мне кажется, что ячейка становится сердитой и раздражительной, как будто вопросы ей не нравятся. Такое я видела и раньше. Исследователи Террагентского Совета обнаружили, что некоторые темы вызывают недовольство ячеек Библиотеки, как будто им не нравится рыться в древних файлах или это просто предлог, чтобы не признаваться: есть и такое, чего они не знают.

Это напомнило мне один спор с Томом, когда мы разговаривали с Джейком Демва и пытались обнаружить смысл в существовании вселенной.

У Джейка есть теория, что история галактики, которая уходит, как полагают, на миллиард лет в прошлое, точна только на протяжении последних ста или ста пятидесяти миллионов лет.

— Чем дальше мы уходим в прошлое, — говорил он, — в том, что нам рассказывают, появляется все более ощутимый привкус тщательно придуманной сказки.

О, разумеется, имеются свидетельства, что кислорододышащие летали в космосе в десять раз дольше. И некоторые из древних событий, о которых сохранились сведения, происходили на самом деле. Но очень многое было и придумано.

От этого предположения в дрожь бросает. Ведь считается, что великие Институты исключительно правдивы и созданы для сохранения непрерывности развития. Но как в таком случае жизненно важная информация может быть математически уничтожена?

Разумеется, это может показаться абстрактной одержимостью, особенно сейчас, когда перед «Стремительным» и всей Джиджо встали страшные и непосредственные угрозы. Но я не могу не думать об этом здесь, на дне планетарного кладбища, где тектонические плиты расплавляют историю, превращая ее в руду.

Мы захвачены медленно движущимися частями машины, которая оказалась гораздо больше, чем мы предполагали.

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

ХАННЕС

Временами Ханнесу Суэсси очень не хватает его молодого друга Эмерсона, чье необыкновенное мастерство заставляло «Стремительный» довольно мурлыкать, как леопарда, блуждающего по космическим тропам.

Конечно, Ханнес восхищается способными дельфинами из своей инженерной команды, дружелюбными, работоспособными, энергичными членами экипажа без малейших следов регресса. Но дельфины склонны представлять себе предметы как комплекс звуковых отражений, они часто делают расчеты

интуитивно, основываясь за звучании двигателей. Полезная техника. Но не всегда надежная.

С другой стороны, Эмерсон Д'Аните.

Ханнес не встречал никого, кто обладал бы таким врожденным пониманием переходов квантовой вероятности. Не сложной теории гиперизменений, а практическим владением моментов искаженного пространства-времени. К тому же Эмерсон бегло владел тринари турсиоп, он гораздо лучше самого Ханнеса мог выразить сложные идеи на гибридном языке дельфинов. Полезное умение в этой лохани.

Увы, сейчас на нижних палубах есть только один человек, помогающий дельфинам в ремонте двигателей, давно нуждающихся в замене.

Конечно, если Ханнеса Суэсси еще можно назвать человеком.

«Больше ли я, чем человек? Или меньше?»

Теперь у него «глаза» по всему машинному отделению — зрительные датчики, непосредственно соединенные с его заключенным в керамический панцирь мозгом. С помощью управляемых на расстоянии приборов Ханнес может присматривать за Каркаеттом и Чачки, которые работают в дальнем углу отделения или даже за небольшими группами, работающими где-то в других местах этой обширной груды металлолома. И когда они устают или начинают нервничать, когда их охватывает китовая клаустрофобия, он может дать им совет, успокоить.

К несчастью, кибернетические свойства и способности не предотвращают чувства одиночества.

Тебе не следовало оставлять меня одного, говорит Ханнес отсутствующему духу Эмерсона. Ты был инженером, а не тайным агентом и не звездным пилотом! И не тебе нужно было гулять по космосу и совершать героические поступки.

Для таких дел существуют специалисты. Когда «Стремительный» впервые поднялся в космос, на его борту было несколько таких «героев», с нужной подготовкой, с подходящими качествами личности, способных справляться с опасными вызовами и находить выход в любых ситуациях.

К несчастью, все эти специально подготовленные исчезли: капитан Крайдайки, Том Орли, лейтенант Хикахи и даже молодой гардемарин Тошио, все погибли при бегстве с Китрупа, которое обошлось так дорого.

Вероятно, кто-то должен был заполнить эту брешь, признавал Ханнес.

В сущности, Эмерсон позволил им вырваться из западни на Оакке, зеленой планете, где союз Обейяр расставил ловушку, когда Джиллиан пыталась обговорить условия мирной сдачи чиновникам Института Навигации.

Даже подозрительная машина Нисс не могла заподозрить, что нейтральные галактические бюрократы способны нарушить свои клятвы и предать «Стремительный». Считалось, что такое вообще невозможно. И если бы не героический бросок Эмерсона по джунглям Оакки, когда он захватил создающую поля станцию джофуров, «Стремительный» попал бы в лапы одного фанатичного клана, а именно этого Террагентский Совет приказал не допускать ни в коем случае.

Но ты позволил успеху вскружить тебе голову, да? О чем ты думал? Что ты второй Том Орли?

Несколько месяцев спустя ты выкинул этот безумный трюк, повел наспех переоборудованный истребитель тенаннинцев через Фрактальную систему, надеясь «прикрыть» наше бегство. И чего ты этим добился, кроме собственной гибели?

Он вспомнил вид с мостика «Стремительного» на внутреннее пространство обширной замороженной структуры размером с солнечную систему, сооруженной из конденсированной материи. Изорванное, застывшее сооружение с бледной звездой в центре. Истребитель Эмерсона вертелся посреди выступов этого гигантского артефакта, испуская яркие, но бесполезные лучи, а тем временем вокруг него смыкались клешни водородного льда.

Глупый героизм. Древние могли остановить «Стремительный» так же легко, как остановили тебя, если бы только захотели.

Они хотели, чтобы мы ушли.

Он поморщился, вспоминая, как смелая, но напрасная «диверсия» Эмерсона кончилась вспышкой болезненного света, всего лишь небольшой вспышкой в этом невероятном, светящемся фрактальном куполе. А затем «Стремительный» понесся по туннелю между измерениями, прокладывая путь к запретной Галактике Четыре. А там извилистая тропа миновала торговые ветры водороднодышащей цивилизации и прошла рядом с сверхгигантом, чьи излучения могли наконец скрыть след землян.

Другие тайно прилетали на Джиджо до нас, и Измунути скрывала их след.

У нас тоже должно было получиться.

Но Ханнес знал, что на этот раз вышло по-другому.

За голову этих других не назначали огромную цену. За награду, обещанную несколькими богатыми пришедшими в ужас кланами за поимку «Стремительного», можно купить половину спирального рукава.

Ханнес вздохнул. Недавнее глубоководное нападение было неточным, значит, охотники не знают, где на обширном морском дне находится добыча. Но нападение повторится. И Ханнесу нужно делать свою работу.

По крайней мере есть предлог не приходить на эти проклятые корабельные советы. Все равно это фарс: мы делаем то, что приказывает Джиллиан. И были бы сумасшедшими, если бы не делали.

Каркаеттт сообщил, что мотивационная область готова. С помощью руки киборга Ханнес начал приспосабливать калибровку приборов на главном пульте управления, стараясь подражать искусным движениям Эмерсона. Биомеханические продолжения, заменившие ему руки, были поразительным даром, обладавшим всеми способностями живой руки, хотя ему не хватало осязательного удовольствия от прикосновения кончиков пальцев.

Древние были щедры, а потом ограбили нас и выгнали. Дали жизнь и отобрали ее. Они могли бы выдать нас за награ-

ду или скрыть в своем бескрайнем мире. Но они не сделали ни того, ни другого.

Их намерения непостижимы для человека. Возможно, все, что произошло впоследствии, есть часть их загадочного плана.

Иногда мне кажется, что человечеству было бы лучше, если бы оно оставалось в колыбели.

ТШ'Т

Она сказала Джиллиан Баскин, что думает о ее решении.

— Я по-прежнему не согласна с решением вернуть этих молодых сунеров.

Светловолосая женщина усталым взглядом посмотрела на Тш'т. Мягких морщинок в углах глаз не было, когда «Стремительный» начинал полет. В таких полетах легко состариться.

— Изгнание лучше для их же блага. Но здесь они могут оказаться полезными.

— Да, если предположить, что они говорят правду о хунах и джофурах, которые мирно живут рядом с людьми и урами, читают бумажные книги и цитируют Марка Твена!

Джиллиан кивнула.

— Я знаю, это кажется невероятным. Но...

— Подумайте о совпадениях! Как только наша разведывательная лодка находит старый урский тайник, как появляются эти так называемые дети и их игрушечная субмарина.

— Они умерли бы, если бы «Хикахи» их не подхватила, — заметила корабельный врач Макани.

— Может быть. Но подумайте: вскоре после их появления и мы уловили шум гравитационных моторов, приближавшихся к нам. Потом кто-то начал бомбить пропасть! Это что, случайность? Или их привели к нам шпионы?

— Чтобы им на голову сбросили бомбы? — Врач-дельфин с силой выдохнула. — Есть более простое объяснение: один из наших исследовательских роботов был захвачен и его путь прослежен сюда.

На самом деле Тш'т знала, что не четверо детей сунеров привели галактов к Трещине. Дети не имеют к этому отношения. Виновата в этом она сама.

Когда «Стремительный» готовился к бегству из Фрактальной системы, руководствуясь еще одним блестящим и отчаянным замыслом Джиллиан, Тш'т импульсивно отправила тайное послание. Просьбу о помощи из источника, которому она доверяла. Она описала маршрут корабля и назначила свидание на Джиджо.

Потом Джиллиан меня поблагодарит, думала тогда Тш'т. Когда повелители ротены придут и позаботятся о нас.

И только теперь изображения, присланные с берега, показали ей, как на самом деле обстоят дела.

Два маленьких корабля, потерпевших крушение в болоте, и в большем по размерам свирепые неумолимые джофуры.

Тш'т поражалась тому, что ее план мог привести к таким результатам. Ведь она хотела только хорошего. Может, самих ротенов выследили? Или перехватили мое сообщение?

Ее грызли тревога и чувство вины.

В дискуссию вмешался еще один голос. Сладкозвучный. Он исходил от вращающихся спиральных линий, которые светились в одном конце зала для совещаний.

— Итак, блеф Олвина не играл никакой роли в вашем решении, доктор Баскин?

— Блефует ли он? Эти дети выросли на книгах Мелвилла и Бикертона. Может, он узнал очертания дельфинов в этих неуклюжих скафандрах. Или мы проговорились в наших беседах с ними.

— Непосредственно с ними разговаривала только машина Нисс, — заметила Тш'т, выпячивая челюсти в направлении вращающейся голограммы.

Та ответила необычным раскаянием.

— Просматривая записи, я признаю, что использовал такие термины, как километр и час, просто по корабельной привычке. Олвин и его друзья могли сопоставить это с прекрас-

ным владением англиком, поскольку галакты не пользуются мерами волчат.

— Ты хочешь сказать, что компьютер тимбрими способен совершать ошибки? — ядовито спросила Тш'т.

Вращающаяся голограмма испустила негромкое гудение, похожее на философское ворчание задумавшегося хуна.

— Гибкие существа обладают возможностью приспосабливаться и постигать новое, — объяснил Нисс. — Мои создатели именно по этой причине подготовили меня для службы на корабле. Именно поэтому прежде всего тимбрими и подружились с вами, мошенниками и хитрецами.

По сравнению с обычными мудрыми, но механическими ответами это замечание прозвучало насмешкой.

— Ну, все равно, — сказала Джиллиан, — не блеф Олвина заставил меня передумать.

— Тогда что же? — спросила Макани.

Голограмма Нисса рассыпалась сверкающими пятнами и ответила за Джиллиан.

— Дело в этом титлале нуре, который говорит. Он оказался не склонным к сотрудничеству и обмену информацией, вопреки нашей настоятельной необходимости выяснить, почему он оказался здесь.

Мы с доктором Баскин пришли к одному выводу.

Именно поэтому нам и нужны дети. И прежде всего Олвин.

Чтобы убедить нура поговорить с нами.

СУНЕРЫ

ЭМЕРСОН

Он винил себя. Мысленно унесся в далекие места и времена. Отвлекся и среагировал слишком медленно, когда Сара упала.

До этого момента Эмерсон добивался успеха в своей борьбе за овладение прошлым, понемногу за раз. Нелегкая задача

при отсутствии части мозга — именно той части, которая поставляла слова для облегчения выражения мысли и потребностей.

Жестко закрепленные запреты сдерживали его усилия вспомнить, наказывали за каждую попытку с такой жестокостью, что он только стонал и покрывался потом. Но какое-то время помогала необычная панорама. Отражающиеся цвета и полужидкие ландшафы вскрывали ниши, в которых были заключены воспоминания.

Одно воспоминание возникло целиком. Старое воспоминание, из детства. У соседа была большая немецкая овчарка, которая любила охотиться на пчел.

Собака подстерегала добычу самым непостижимым способом, присев и дергаясь, как огромная нелепая кошка, и преследовала ничего не подозревающих насекомых среди лепестков цветов и высоких стеблей травы. А потом прыгала и прихлопывала лапами побежденную добычу.

Мальчишкой Эмерсон радостно и восхищенно наблюдал за этой охотой, а пчела тем временем разгневанно жужжала за оскаленными зубами, затем следовало краткое мгновение, когда она переставала протестовать и пускала в ход жало. Пес фыркал, морщился, чихал. Но боль смешивалась у него с явным наслаждением. Охота на пчел придавала смысл его выхолощенной городской жизни.

Эмерсон удивился тому, что эта метафора так на него подействовала. Пес ли он, преодолевающий боль в своей охоте за воспоминаниями?

Или он пчела?

У Эмерсона почти не сохранились воспоминания о тех высокомерных существах, которые высверлили ему мозг, а потом в пылающем корабле швырнули тело на Джиджо. Но он знал, что для них люди — все равно что насекомые.

Он представлял себя владеющим острым жалом. Ему хотелось бы иметь возможность заставить Древних чихнуть. Он мечтал отучить их охотиться на пчел.

Эмерсон последовательно выстраивал с таким трудом отвоеванные воспоминания. Ожерелье, в котором гораздо больше пустых промежутков, чем жемчужин. Легче всего вспоминались события детства, подросткового возраста и лет, проведенных в подготовке к исследовательской службе в Террагентском Совете.

Даже когда цепочка всадников покинула земли режущих цветов и начала подниматься по крутой горной тропе, у него были и другие инструменты для работы: музыка, математика и жесты, которыми он общался с Прити, обмениваясь с ней грубоватыми шутками. А на привалах блокнот с рисунками помогал разбудить подсознание. Нетерпеливыми линиями и дугами он вырывал у темного времени свободные образы.

«Стремительный».

Корабль принимал видимую форму, он почти сам рисовал себя — великолепный цилиндр с роговыми выступами вдоль всего борта. Эмерсон рисовал его под водой — окруженным волнующимися водорослями, это необычно для корабля, предназначенного для глубокого космоса, но совпадает с другими воспоминаниями.

Китруп.

Ужасный мир, где «Стремительный» пытался найти убежище после того, как едва избежал западни и узнал, что сотни флотов сражаются за право захватить его.

Китруп. Планета с ядовитыми океанами, но подходящее место для ремонта, так как всего у полудюжины членов экипажа есть ноги, чтобы можно было стоять. Остальные — умные, темпераментные дельфины — нуждаются для работы в водной среде. К тому же это казалось подходящим местом для укрытия после катастрофы на...

Моргране.

Пункт перехода. Самый безопасный из пятнадцати путей, позволяющих перелетать от звезды к звезде. Нужно только нырнуть к звезде, находящейся под нужным углом и на нужном расстоянии, и вынырнешь в другой месте, очень далеко на звездном колесе. Даже медлительный земной корабль «Ве-

зарий» смог проделать это, правда, лишь по случайности, прежде чем человечество овладело достижениями галактической науки.

Мысль о Моргране вызвала воспоминание о Кипиру, лучшем пилоте, какого когда-либо знал Эмерсон, этом позере, который увел «Стремительный» от опасности так красиво, что поразил поджидавших в засаде, и снова нырнул в водоворот, уходя от космической битвы.

Как и от другой битвы, которая развернулась несколько недель спустя на Китрупе. Великолепные сверкающие флоты, достояние благородных кланов, рвали друг друга, в мгновения уничтожая то, чем гордились многие планеты. Руки Эмерсона мелькали: на листе туземной бумаги он рисовал взрывающиеся дуги, рвал бумагу, раздраженный своей неспособностью передать великолепную дикость и жестокость того, что видел когда-то собственными глазами.

Когда всадники снова садились на лошадей, Эмерсон разорвал рисунок, радуясь, что реук скрывает его слезы.

Позже, когда они увидели парящую вулканическую кальдеру, он неожиданно вспомнил другой бассейн, созданный из сжатого пространства, — Мелкое Скопление, последнее место, которое изучал «Стремительный» перед тем, как направиться к Морграну, место, лишенное всего достойного внимания, согласно Галактической Библиотеке.

Ум или предчувствие побудили капитана Крайдайки направить корабль в такое бесперспективное место?

Конечно, на протяжении эпох кто-то натыкался на армаду брошенных кораблей, обнаруженную «Стремительным», — причину всех его бед. Эмерсон и сейчас видит эти корабли, огромные, как луны, но почти прозрачные, словно они не вполне могут решиться существовать.

Это воспоминание причиняет другую боль. Все оно покрыто следами когтей, как будто какая-то внешняя сила пыталась разорвать его в клочья, разложить на отдельные детали, возможно, в поисках подлинного рисунка окружающих звезд,

чтобы проследить путь «Стремительного» к этой точке пространства.

Эмерсон полагает, что они, видимо, потерпели неудачу. Созвездия никогда не были его специальностью.

Эмерсон, ты не обязан идти.

Голова его дергается при этом воспоминании: слова эти были произнесены за много месяцев до Моргана или Китрупа.

Эмерсон разглядывает землю лихорадочных расцветок, теперь видную с большой высоты. И находит в этих всплесках ее лицо. Встревоженное лицо, отягощенное ответственностью за сотни жизней и необходимостью сохранить необыкновенно важные тайны. Она снова говорит, и он вспоминает ее слова целиком, потому что они содержатся не в той части памяти, которая предназначена для словесных разговоров.

Потому что все, что она говорит, всегда казалось ему музыкой.

Ты нужен нам здесь. Поищем другой выход.

Но другого выхода нет. Даже саркастический тимбримийский компьютер Джиллиан не в состоянии его предложить, прежде чем Эмерсон поднимается на борт найденного теннанинского истребителя, чтобы начать отчаянную игру.

Оглядываясь назад, Эмерсон надеется, что в глазах Джиллиан было то же выражение, с каким она прощалась с Томом перед какой-нибудь опасной вылазкой.

Он видит озабоченность, даже привязанность. Но это не то же самое.

Эмерсон отрывает взгляд от измученной цветами пустыни и поворачивается на восток, к менее тревожным видам. Естественные разворачивающиеся склоны далеких гор, смягченные буйными зелеными лесами, дают возможность глазам отдохнуть.

Но тут на одной вершине что-то вспыхивает! Следует серия вспышек. Вспышки ритмичны, кажется, что они говорят.

Его заинтересованное наблюдение прерывает короткий вскрик. Эмерсон какое-то мгновение остается отчужденным, медлительным и не успевает повернуться. Он не видит, как падает Сара. Но крик Прити пронзает его, как факел, сунутый в паутину.

С невольной ясностью из его уст вырывается имя Сары. Тело его наконец начинает действовать, устремляется в преследование.

Бросаясь вниз по неровной осыпи, Эмерсон красноречиво проклинает вселенную за то, что та пытается отнять у него еще одного друга.

ЛАРК

Лицо сержанта в маскировочной раскраске. В ее черных волосах еще видны кусочки почвы и травы: ей пришлось пробираться по расщелинам и всматриваться между кустарников. Но Ларк никогда не видел, чтобы Джени Шен выглядела лучше.

Люди расцветают, когда занимаются тем, для чего рождены. В случае Джени — это жизнь воина. Ей лучше было бы жить в те времена, когда старший и младший Дрейки из крови и огня создавали Великий Мир.

— Пока все в порядке, — сказала молодая разведчица из милиции. Пятнистый комбинезон не позволял разглядеть ее фигуру среди темных теней от ламп.

— Я подобралась близко и видела, как послы вошли в долину, неся ответ мудрецов джофурам. К ним устремилось несколько сторожевых роботов, особенно к бедному Вуббену. Они обнюхали его от колес до глазных стебельков. Затем все шесть послов направились вниз по поляне, а роботы их сопровождали. — Джени сделала скользящее движение рукой. — Теперь периметр охраняют только один-два робота! Лучшей возможности для нашего хода и ждать нельзя.

— Никаких сомнений, — добавил Ранн. Высокий человек со звезд прислонился к известковой стене, сложив руки на

груди. Даник не был вооружен, но вел себя так, словно это его экспедиция. — Конечно, мы будем действовать. Другого выхода нет.

И хоть говорил он уверенно, план на самом деле принадлежал Ларку. И ему же нужно принимать решение — действовать или нет. Ему отвечать за последствия, если погибнут шестьдесят смельчаков или их поступок спровоцирует джофуров на мстительное уничтожение.

Мы можем свести на нет усилия высоких мудрецов как раз тогда, когда они убедили галактических нетреки успокоиться.

Но с другой стороны, как могут Шесть Рас заплатить цену, которую потребовали джофуры? И пока мудрецы пытаются сбить цену, кто-то должен поискать другой выход. Возможность совсем не платить.

Из всех уголоков грота — одной из бесчисленных пещер, пронизывающих эти холмы, — за ним следило множество встревоженных глаз. Взгляд Линг, стоявшей далеко от Ранна, из самых неумолимых. С того времени как они работали над расшифровкой таинственных информационных пластинок, звездные повелители враждовали друг с другом. С того самого ужасного дня, когда Ранн крикнул «предательство!», а затем на гору Дуден опустилась золотистая дымка. У каждого из звездных людей были собственные причины помогать этой отчаянной вылазке.

Ларк не разделял радость Джени. Остались только один или два робота. Согласно сообщениям помощников Лестера Кембела, эти оставшиеся роботы все равно могут видеть на некоторое расстояние под землей и отразить приближающуюся угрозу. Но, с другой стороны, вся местность покрыта щелями, из которых выходит пар; постоянно происходят мелкие землетрясения. И еще тонкий рисунок песен Святого Яйца — под этими излучениями дрожит амулет на груди у Ларка.

Все смотрели на него, ждали его решения: добровольцы люди, уры и хуны плюс несколько еще не заболевших квуэнов.

— Хорошо, — кивнул Ларк. — Пошли.

Напряженный, решительный приказ. Джени с улыбкой повернулась, направляясь в глубину пещеры, за ней последовали факелоносцы.

На самом деле Ларк хотел сказать совсем другое. Дьявольщина, нет! Пошли отсюда! Куплю выпивку всем, кто согласен поднять стакан за бедного Утена.

Но если произнесет имя друга, может заплакать, выдать внутреннее горе. И поэтому Ларк занял свое место в извилистой цепочке фигур, которые, наклоняясь, двигались по темному проходу, освещенному только прикрепленными к стенам полосками.

Он шел, а мысли его метались. Например, он думал, где на склоне представители всех шести рас могут одновременно выпить после такого тоста. В очень немногих тавернах подают одновременно алкоголь и свежую кровь симлы, поскольку люди и уры испытывают взаимное отвращение к выпивке друг друга. А большинство треки вежливо отказываются есть в присутствии членов других рас.

Я знаю один бар в городе Тарек, конечно, если Тарек еще не сожжен огненным дождем с неба. После Дудена джофуры могли заняться большими городами, где живет много г'кеков.

Приходится удивляться, почему вообще г'кеки прилетели на Джиджо. Они могут двигаться только по мощеной Тропе Избавления.

Ларк покачал головой.

Банальности. Мелочи. Мозг продолжает работать, даже когда твоя единственная забота — идти за идущим перед тобой и не удариться головой о сталактит.

Посмотрев на него, все видели спокойствие и уверенность. Но про себя Ларк непрерывно болтал, пытаясь успокоиться.

Сейчас мне следовало бы оплакивать друга.

Нанять могильщика-треки, организовать роскошную церемонию мульчирования, чтобы отполированный панцирь Утена должным образом мог присоединиться к костям его предшественников на дне Великой Помойки.

Мой долг — нанести формальный визит серым королевам в том пыльном зале, в котором они когда-то правили большей частью Склона. В зале Девяноста-Вырезанных-Зубами-Колонн, где королевы по-прежнему делают вид, что правят. Но как мне объяснить этим величественным матронам, почему умерли два их лучших сына: Харуллен, разрезанный на куски лазерами чужаков, и Утен, погибший от болезни?

Могу ли я сказать этим пепельным императрицам, что следующими могут стать их остальные дети?

Утен был его лучшим другом, его коллегой, который разделял его восхищение тонкой организацией хрупкой экосистемы Джиджо. Никогда не разделяя ересь Ларка, Утен был тем единственным, кто понимал, почему расам сунеров не следовало являться на планету. Он был способен понять справедливость галактических законов.

Я покинул тебя, старина. Но если я смогу выполнить другие свои обязанности, может, мне удастся кое-чем компенсировать это.

Справедливостью.

Пол просторной пещеры усеивали обломки. Они остались здесь от заговора фанатиков, когда группа молодых мятежников по этим самым коридорам проносила взрывчатку под исследовательскую станцию даников, уничтожив подругу Линг Беш и одного из звездных повелителей ротенов. Последствия этого события все еще расходятся, как круги от большого камня, брошенного в пруд.

Теперь на развалинах станции лежит огромный боевой корабль джофуров, но никто не предлагал вторично использовать тот же способ нападения. Даже если допустить, что такой мощный корабль можно взорвать, потребовалось бы такое количество взрывчатки, что отряд Ларка таскал бы ее до следующего Дня Основателей. Да и не находилось добровольцев для того, чтобы подойти к гиганту. План Ларка включал приближение на несколько полетов стрелы. Но даже и в этом случае идти трудно и опасно.

— Отсюда проход слишком узок для серых, — сказала Джени.

Партизаны-уры в унисон повернули шеи, принюхиваясь к неприятному для них запаху, который доносился из сужающегося коридора.

Серые квуэны присели, и остальные стали снимать с их спин грузы. Если бы было достаточно времени, серые могли бы расширить коридор своими когтями для копания и крепкими, как алмазы, зубами, но Ларк считал, что лучше отослать их назад. Кто знает, сколько еще у них времени, ведь ветры распространяют по Джиджо эпидемию. Это бактериологическое оружие? Линг нашла доказательства этого на декодированных пластинках, хотя Ранн по-прежнему отрицал их ротенское происхождение.

Рассерженный человек со звезд был одержим другим фактом.

На станции, в команде генных грабителей, был шпион. Кто-то вел записи, тщательно фиксируя все преступления, совершенные ротенами и их слугами-людьми.

Агент Террагентского Совета!

Очевидно, у правительства Земли есть свой информатор в клане людей-фанатиков, обожествляющих повелителей ротенов.

Ларку очень хотелось расспросить Линг, но сейчас не время для их обычной игры в вопросы и уклонения. И не было с того момента, как они бежали от катастрофы у Дудена, бежали вместе с испуганными помощниками Лестера Кембела по лабиринту гигантских бу. Бежали новыми тропами, мимо свежесрубленных стволов, пока задыхающиеся беглецы не оказались на не отмеченной на картах поляне, где испугали группу треки. Те стояли длинным рядом и испускали ядовитые испарения, шипя, как закипающий котел.

Взводы урской милиции бросились на защиту занятых треки, щипая за ноги, словно люди — это встревоженные симлы. Отряд Кембела был отогнан от поляны и направлен в убежища на западе и востоке.

Но даже когда наконец добрались до убежища, не было времени обсуждать галактические дела. Линг работала с врачами, делясь тем немногим, что узнала о болезни квуэнов из шпионских записей.

А Ларк погрузился в лихорадочную деятельность, распоряжаясь непрерывно растущим числом последователей.

Это доказывает, что те, кто в отчаянии, пойдут за любым, кто располагает планом.

Даже таким безумным планом, как мой.

Носильщики хуны взяли груз квуэнов, и караван двинулся дальше. Несколько синих квуэнов, таких молодых, что их панцири еще не просохли, замыкали строй. И хотя для своего вида они невелики, все равно людям с молотами и ломами приходилось помогать им, убирая известняковые препятствия. В плане Ларка учитывалось присутствие этих добровольцев-подростков.

Он надеялся, что подействует не только его рискованный план.

Всегда остается молитва.

Ларк коснулся амулета. На ощупь холодный. Сейчас Яйцо успокоилось.

На перекрестке заговорщики-фанатики уходили влево, неся бочонки и ящики со взрывчаткой под станцию ротенов. Но группа Ларка повернула направо. Им предстояло покрыть меньшее расстояние, но путь их более опасен.

Среди сильных мужчин, помогавших расширить проход, был и Джими Блаженный. Он с такой яростью обрушивался на преграды, что Ларку пришлось вмешаться.

— Спокойней, Джими! Ты разбудишь переработанных мертвых!

Вспотевшие работники рассмеялись, а хунские носильщики гулко заворчали. Смелые хуны. Ларк вспомнил, как не любят хуны замкнутое пространство. А уры, которые под землей чувствуют себя хорошо, все более нервничали с приближением к воде.

И никому не хотелось приближаться к огромному звездному крейсеру.

Шесть Рас столетиями укрывались от Дня, когда прилетят корабли Институтов и будут судить их за преступления. Однако когда прилетели корабли, на них не оказалось благородных возвышенных чиновников, а были воры, а потом жестокие убийцы. И если ротены и их человеческие марионетки казались хитрыми, но доступными для маневров и переговоров, то джофуры внушали ужас.

Они требуют того, что мы не можем дать.

Мы ничего не знаем о «корабле дельфинов», который они ищут. И мы скорее предпочтем быть про́клятыми, чем выдадим наших братьев г'кеков.

И вот Ларк, который всю жизнь надеялся на то, что галакты положат конец незаконной колонии, теперь ведет отряд в отчаянную схватку со звездными богами.

Человеческая литература после Великой Печати оказала огромное влияние. Она полна описаний отчаянных, безнадежных попыток. Усилий, не оправданных никакими рациональными причинами.

Они с Линг помогали друг другу спуститься по известняковому откосу, блестевшему от воды и скользких лишайников, когда идущие впереди разведчики прислали сообщение.

Прямо впереди вода.

Сообщение передала Джени Шен.

Так Ларк и думал. Я оказался прав.

И потом добавил:

Пока.

Жидкость была маслянистой и холодной. От нее тянуло затхлостью.

Но это не помешало двум молодым и энергичным квуэнам забраться в пруд, разматывая с барабана мульк-трос. Хуны ручными насосами надували воздушные пузыри, а Ларк собирался с духом, чтобы погрузиться в эту влажную тьму.

Передумал?

Джени проверила защитный костюм из перепонок скинка. Он может предохранить от холода, но это меньше всего беспокоило Ларка.

Холод я могу перенести. Лишь бы хватило воздуха.

Пузыри — еще не испробованное изобретение. Каждый из них представляет собой кольцо треки, утолщенное, чтобы удерживать газ под давлением. Джени прикрепила такое кольцо ему на спину и показала, как дышать через мясистый выступ — гибкое щупальце, через которое будет поступать свежий воздух и уходить отработанный.

Ты всю жизнь рассчитывал на выработанные треки составы, которые делают местную пищу съедобной, и на очищенный треки алкоголь на празднествах. Аптекарь треки своим синтезирующим кольцом делал твои лекарства. Однако прикосновение этого щупальца ко рту вызывает у тебя отвращение.

По вкусу похоже на липкую сальную свечу.

В другом конце узкого помещения Линг и Ранн легко справлялись с джиджоанской новинкой. Конечно, им не приходится преодолевать исторических впечатлений, которые ассоциируют треки с мульчей и гниющими отходами.

— Давай, — негромко и насмешливо сказала Джени. От ее голоса жгло уши. — Не вырви на меня, парень. Ты теперь мудрец. Остальные смотрят на тебя.

Он кивнул — коротко и дважды — и попробовал снова. Взял в рот конец щупальца и прикусил, как учила Джени. Воздух не такой тяжелый, как он ожидал. И возможно, в нем содержится легкое успокоительное. Фармакологи искусны в таких вещах.

Будем надеяться, их звездные родственники до такого не додумаются.

На этом предположении основан план Ларка. Командиры джофуров могут ожидать нападения непосредственно из-под земли. Но там, где подземный подход комбинируется с подводным, захватчики могут не ожидать неприятностей.

Ротены недооценили нас. Клянусь Ифни и Яйцом, джофуры могут сделать то же самое.

У каждого ныряльщика на глазах реук, чтобы защитить глаза и помочь им видеть в тусклом свете фосфора, который у всех в руках. Оборудование включает также перчатки с перепонками и сапоги.

Услышав звонкий смех Линг, Ларк повернул голову и увидел, что она хохочет, показывая на него.

— Ты можешь говорить, — сказал он уродливому существу, в которое она превратилась. Страшнее ротена без маски. Хуны задержались, укладывая груз у воды, и присоединились к веселью, добродушно ворча, в то время как их любимцы нуры улыбались, оскаливая острые, как иголки, зубы.

Ларк представил себе всю эту сцену сверху, сквозь нависающие слои камня, из мира света. Верхом на изуродованной горной поляне сидит джофурский дредноут, перегородив ручью его обычный путь к морю. Образовавшееся в результате озеро теперь тянется на лигу вверх.

Вода стремится к своему уровню. Мы теперь, должно быть, в нескольких полетах стрелы от берега. Долго придется плыть, прежде чем доберемся до самого озера.

Но тут уж ничего не поделаешь. До цели добраться трудно — причем сразу во многих отношениях.

Пузыри в воде. На поверхности появился один панцирь квуэна, за ним другой. Молодые синие выбрались на берег, тяжело дыша через множество ножных щелей, и возбужденно доложили на галшесть:

— Дорога свободна — все чисто. Мы добрались быстро. Сейчас будем сопровождать вас.

Хуны и уры торжествующе закричали, но Ларк не испытывал радости.

Они не единственные, кому предстоит пройти путь до конца.

Вода преобразила пещеры и гроты. Ласты поднимали облака ила, и лучи фосфора заполнялись мириадами отвлекающих искорок. Верный реук Ларка играл с поляризацией, преобразуя дымку таким образом, чтобы создать частичную видимость. Тем не менее нужно было сосредоточиваться, чтобы

избежать столкновений с выступами известняка. Все держались за веревку, и это не позволяло заблудиться.

Пещерное ныряние очень похоже на положение Ларка как младшего мудреца Общины: он никогда этого не добивался и не предвидел в своей предыдущей жизни еретика от науки.

Какими неуклюжими казались пловцы люди рядом с грациозными молодыми квуэнами, которые когтями цеплялись за неровные стены и с ловкостью и быстротой отталкивались от них. Под водой они чувствовали себя почти так же привычно, как на суше.

Там, где пленка скинка отходила, кожа немела. Зато другим частям тела стало жарко от усилий. Но гораздо больше неудобства доставляло извивающееся во рту щупальце треки, которое пыталось предупредить потребности Ларка, но заставляло его еще больше нервничать. Оно не позволило бы ему задержать дыхание, как делает человек, если нужно сосредоточиться на ближайшей проблеме, но начинало щекотать горло, чтобы спровоцировать вдох. Когда это произошло в первый раз, Ларка едва не вырвало. (А что, если бы он задохнулся в собственном завтраке? Задохнулось бы и кольцо вместе с ним? Или приняло бы дар как вкусную, заслуженную награду?)

Ларк так внимательно следил за веревкой, что пропустил переход из каменных катакомб на туманную равнину из мокрых лугов, затонувших деревьев и плавающих обломков. Но скоро илистые границы остались позади, и дневной свет преобразил Поляну Собраний — теперь ставшую дном озера, придавая знакомым местам странную чуждость.

Веревка проходила мимо рощицы меньших бу. Их стволы достаточно высоки, чтобы выйти из воды, высоко над головой. Квуэны собрались вокруг одного ствола и сосали через него воздух. Надышавшись, они закружились вокруг Ларка и остальных людей, подталкивая их к следующему отрезку веревки.

Задолго до того как в илистой дымке стали видны подробности, Ларк по свечению различил их цель. Ранн и Линг то-

ропливо забили ластами, обходя Джени. К тому времени как Ларк догнал их, они прижимались руками к гигантскому гладкому саркофагу цвета желтого лунного восхода. Внутри находился сигарообразный корабль, судно ротенов, их дом вдали от дома, замкнутый в смертоносной ловушке.

Звездные люди разошлись, он поплыл направо, она налево. Джени сопровождала рослого мужчину — вопреки разнице в размерах, она наиболее подготовлена для того, чтобы присматривать за Ранном. Ларк держался возле Линг, наблюдая, как она движется вдоль золотистой стены.

Хотя у него больше опыта обращения с машинами звездных людей, Ларк впервые оказался рядом с пришельцем, который несколько недель назад так грубо прервал Праздник Собрания. Каким огромным и величественным он тогда казался! Однако сейчас он беспомощен. Мертв или навсегда пленен.

Ларк узнавал некоторые устройства. Например, выступающие якоря, которые удерживают корабль от вероятности квантовых флуктуаций, что бы это ни означало. Самоучки техники, работавшие с Лестером Кембелом, сомневались даже в основах устройства кораблей. А что касается самого высокого мага, то он не участвовал в подготовке Ларка, а предпочел горевать в своей палатке. Он считал себя виновным в судьбе горы Дуден.

Несмотря на усиливающееся ощущение опасности, Ларк чувствовал какую-то пугающую красоту, плывя в этом мире, пронизанном наклонными солнечными лучами, наполненными сверкающими точками, — тихом и странно задумчивом мире.

К тому же на атлетическую фигуру Линг стоило посмотреть — даже в оболочке из мембран скинка.

Они обогнули край звездного крейсера, где острая тень неожиданно закрыла солнце. Должно быть, облако или край горы. Но тут Ларк понял.

Это корабль джофуров.

Неясно видимый в мутной воде, этот гигантский купол вызывал у Ларка мурашки на коже. Возвышаясь на берегу озера, он мог бы целиком заглотить корабль ротенов.

Странная мысль пришла Ларку в голову.

Сначала нас пугали ротены. Но потом мы увидели, как их «величие» поблекло рядом с подлинной силой. А что, если это произойдет снова? Какие новые существа могут превзойти даже джофуров? Корабль размером с горный хребет? Такой, что за одну ночь способен уничтожить весь Склон?

Он мысленно рисовал ряды кораблей, каждый последующий больше предыдущего, вначале размером с луну, потом с Джиджо, а потом — почему бы и нет? — с солнце или даже с Измунути!

Воображение — поразительное свойство! Оно заполняет сознание пресмыкающегося варвара немыслимыми картинами.

Кипящие пузыри едва не сорвали реук с лица: Линг устремилась вперед, энергично отталкиваясь ластами от воды. Ларк заторопился за ней и несколько мгновений спустя пораженно застыл.

Прямо впереди Линг проводила рукой по золотистому барьеру в нескольких метрах от зияющего отверстия. Люк, освещенный изнутри. В нем стоит несколько фигур — три человека и повелитель ротен, на лице которого маска-симбионт. Все четверо стоят с встревоженными лицами, сжимая в руках инструменты.

И все они кажутся застывшими, заключенными в хрустальное время.

Вблизи желтый кокон напоминал бусины сохранности, оставленные мульк-пауком, тем самым, чья безумная страсть коллекционера едва не стоила несколько месяцев назад жизни Дверу и Рети. Но эта западня — не четко очерченный овоид. Отчасти она напоминает оплывшую свечу с натекшими золотыми лужицами вокруг основания. Джофуры оказались щедрыми в своем даре остановленного времени, они налили столько таинственного вещества, что его хватило на весь корабль.

Как на горе Дуден, подумал Ларк.

Казалось, это идеальный способ уничтожить врага, не прибегая к разрушительным силам. Может быть, джофуры не хотят рисковать, причиняя ущерб экосистеме Джиджо. Это было бы серьезным преступлением перед большими Институтами, подобно генному грабежу или незаконному поселению.

С другой стороны, захватчики-нетреки были не столь щепетильны, уничтожая окружающий корабль лес. Так что, возможно, у золотой ловушки иная цель. Не убить, а захватить? Может быть, г'кеков, обитателей крепости Дуден, еще можно освободить из их мерцающей могилы.

Такова была первоначальная мысль Ларка три дня назад. Начались торопливые эксперименты с реликтами мульк-паука, с применением новых растворителей, созданных треки. Некоторые из сохраненных объектов некогда были живыми. Это были птицы и насекомые, давным-давно попавшие в ловушки паука.

Все они, освободившись от коконов, оказывались мертвыми.

Возможно, у джофуров лучшие методы оживления, думал тогда Ларк. Или они совсем не собирались сохранить жизнь своим жертвам, и для них это только неподвластные времени трофеи.

Но накануне ночью Ларку пришла во сне идея.

Хивверны откладывают яйца под глубоким снегом, который весной тает, яйца погружаются в растаявшую грязь, которая потом затвердевает. Но когда начинается сезон дождей, земля снова размягчается. И тут из яиц вылупляются личинки хиввернов, они могут свободно выползти.

И когда он проснулся, идея окончательно сформировалась.

У космического корабля прочный металлический корпус, как яйцо хивверна. Корабль ротенов может быть захвачен, но его экипаж остается нетронутым.

Те, что находятся внутри, могут быть еще живыми.

И вот перед ними доказательство. Четверо в люке явно знают о существовании золотого барьера, окружающего их

корабль, и пытаются с помощью инструментов в руках экспериментировать с ним.

Но есть одна проблема — они не двигаются. И нет никаких признаков того, что они знают, что за ними с расстояния в рост хуна наблюдают извне.

Отталкиваясь от воды, Линг что-то нацарапала на своей восковой дощечке и показала Ларку.

ВНУТРИ ДРУГОЕ ВРЕМЯ.

Он достал собственную доску, прикрепленную к поясу.

ВРЕМЯ ЗАМЕДЛИЛОСЬ?

Ее ответ был неясным.

МОЖЕТ БЫТЬ.

ИЛИ КВАНТОВАНО ПО-ДРУГОМУ.

СМЕЩЕНЫ ФАЗЫ.

Озадаченный взгляд Ларка оказался красноречивей слов. Линг стерла надписи со своей доски и снова написала:

ДЕЛАЙ ТО ЖЕ, ЧТО Я.

Он кивнул, внимательно наблюдая за ней. Линг забила руками и ногами, отворачиваясь от корабля. Подражая ей, Ларк обнаружил, что смотрит на несчастную изуродованную Поляну. Все деревья срезаны огненными лучами и погрузились в воду поднимающегося озера. Мутная вода делала неясными все очертания, но Ларку показалось, что он видит среди обломков кости. Ребра уров и костные острия хунов смешаны с человеческими черепами. Не так следует обращаться с останками умерших. Никакого уважения ни к мертвым, ни к Джиджо.

Может, джофуры позволят нам поселить в этом озере нового мульк-паука, думал он. Что-то придется делать, чтобы расчистить эту мешанину.

Линг толкнула его, оторвав от размышлений. ПОВЕРНИСЬ НАЗАД, было написано на ее дощечке. Ларк снова повторил ее маневр и вторично удивился.

Они переместились!

Как и раньше, в люке стояли неподвижные статуи. Только теперь их позы изменились! Один человек с удивленным ви-

дом указывал наружу. Другой словно смотрел прямо на Ларка, застыв в узнавании.

Они это проделали, пока мы на них не смотрели?

Ход времени в корабле не доступен его пониманию.

НАМ ПОТРЕБУЕТСЯ КОЕ-ЧТО СДЕЛАТЬ, написала Линг.

Ларк встретился с ней взглядом и увидел в ее глазах напряженную, но полную надежды иронию.

Он кивнул.

Ты можешь повторить это еще не раз.

ОЛВИН

Бóльшую часть возвращения я провел, уткнувшись носом в дневник: восстанавливал все увиденное с тех пор, как «Мечта Вуфона» спустилась с Окончательной скалы. Клешня зубами любезно подточил мой карандаш. Я лег и записал предыдущий раздел.

То, что было догадкой, постепенно становилось уверенностью.

Сосредоточенность позволяла также отвлечься от страшных предчувствий и от боли в заживающей спине. Друзья старались подольститься ко мне, но я погрузился в хунское упрямство и отказывался делиться своими выводами. Ведь фувнтусы очень старались скрыть от нас свою истинную сущность.

Вращающийся голос сказал, что это для нашей защиты. Возможно, это просто покровительственный глейверский навоз. Типичный для взрослых. Но что, если он сказал правду? Могу ли я рисковать друзьями?

Когда придет время, я поделюсь только с голосом.

САРА

Она плыла в математических облаках.

Вокруг плавали дуги и отрезки конусов, сверкая, словно сделанные из вечного огня. Мимо пролетали метеоры, двигаясь по орбитам, предписанным тяготением.

Но тут к прыгающим формам присоединились более величественные фигуры, и Сара догадалась, что это движутся по своим орбитам — эллиптическим, а не параболическим — планеты. У каждой планеты была собственная зона, в которой передвигались другие формы.

Поднимаются, опускаются.

Поднимаются, опускаются.

Этот танец напомнил ей о забытой науке, которую она когда-то изучала по непонятным текстам из архива Библоса. В бреду возникло и название этой науки — орбитальная механика, — и эта наука утверждает, что громоздкое вращение солнц и планет подчиняется не более сложным уравнениям, чем движение мельничного или водяного колеса.

Сара смутно ощущала физическую боль. Но боль проходила словно сквозь пелену старой одежды, как будто что-то неприятное затолкали на дно ящика в платяном шкафу. Сильный запах мазей треки заполнял ноздри, прогоняя боль и тревогу, оставалась только одна тревожная мысль: я ранена.

Иногда она настолько приходила в себя, что слышала речь нескольких протяжных урских голосов, ворчливый и напряженный голос взрывника Курта и еще один голос, чью жесткую педантичную четкость она помнит по прежним дням.

Пурофски. Мудрец загадок.

Но что он здесь делает?

И где это здесь?

Один раз ей даже удалось приоткрыть глаза в надежде разрешить загадку. Но Сара тут же поняла, что, должно быть, еще видит сон. Не может существовать такого места, которое она увидела сквозь неясную дымку, — мира вращающегося стекла. Вселенной прозрачных сосудов, дисков и колес, вращающихся и наклоняющихся вокруг друг друга под странными углами, ритмичными взрывами отбрасывая отражения.

Все это слишком ошеломляюще. Сара, защищаясь от водоворота, снова закрыла глаза, но водоворот сохранился в сознании и продолжал существовать в абстрактном виде.

На переднем крае сознания возникла синусоидальная волна, но не неподвижная, какие она помнила по чертежам в кни-

гах. Эта разворачивалась, как круги на воде, причем переменным измерением служило время.

Вскоре к первой волне присоединилась вторая, с вдвое большей частотой, потом третья — с еще более спрессованными пиками и углублениями. Один за другим возникали новые циклы, смешивались с предыдущими, сочетались в бесконечных сериях — трансформировались, — и их сумма указывала на новую сложную фигуру, с неровными вершинами и ущельями, словно горный хребет.

Из порядка хаос.

Горы напомнили последнее, что видела Сара, прежде чем свалиться с узкой тропы и полететь к огненной реке.

Вспышки на далекой вершине: длинная-короткая, короткая-длинная — средней длины-короткая-короткая.

Закодированное сообщение, переданное вспышками света, подобное галдва.

Срочное сообщение, переданное тайно сообщение о битве.

Мечущиеся в беспорядке мысли иногда прерывало мягкое прикосновение ко лбу — теплая ткань или нежная рука. Сара узнает длинные ловкие пальцы Прити, но есть и другая текстура, мужское прикосновение к руке или щеке. Он иногда держит ее за руку.

А когда он запел, она поняла, что это Незнакомец Эмерсон, узнала его по необычному акценту и по тому, как вырываются слова песни, вытекают из памяти гладко, как поток жидкости, без мыслей о какой-то фразе или отдельном слове. Но песня не странно синкопированная старинная земная баллада, а народная джиджоанская песня, знакомая с детства. Мать пела ее Саре, когда та болела, а сама Сара напевала ее человеку из космоса, упавшему на планету и едва живому.

Один — это горловой мешок, которым можно тебе петь,

Два — это пара рук, которые укачают тебя и погрузят в сладкий сон,

Три — это кольца, которые раздуваются и выдувают облачка счастливого пара,

Четыре — это глазные стебельки, которые раскачиваются и пляшут, заглядывая в твой сон,

Пять — это когти, которые принесут тебе новый ящик надежды,

Шесть — это быстрые копыта, чтобы нестись по прерии,

Семь — это тайные мысли, ждущие в глубине,

Но восемь приходит от гигантского камня, чья песня медленно проникает в тебя.

Даже в полубессознательном состоянии она знала нечто очень важное. Он не мог бы петь, если бы слова не были у него глубоко внутри, под изуродованными частями мозга. Это значило, что она тронула его, когда их роли переменились.

И никакие мази во всем мире, никакая математика не могли сделать для Сары большего. Ее вернуло к жизни сознание того, что кто-то нуждается в ней.

ЭВАКС

Мы радостно сознаем важность нашей миссии, не правда ли, Мои кольца? Вот стоим мы, груда престарелых, потрепанных колец, но нам поручено благородное дело — мы должны объяснить послам шести рас новый порядок, установленный в этом мире.

Первое — они не должны надеяться на приход великих судей из тех Институтов, где обдумывается участь десяти тысяч звездных рас. В Пяти Галактиках слишком разыгрались страсти. Силы Институтов отозваны, отступили и робкие, так называемые умеренные кланы, драчливое неэффективное большинство. Мужество в наши дни проявляют только большие религиозные союзы, они сражаются из-за того, как именно повернутся галактические колеса во время перемен.

Мы ваши судьи, сказал Я послам. По свойственной нам доброте мы, экипаж «Полкджи», добровольно вызвались быть одновременно и полицией, и судом присяжных, судить и на-

казать Семь Рас, которые нарушили спокойствие этой невозделанной планеты.

Чтобы продемонстрировать свое милосердие, мы на много дней отложили необходимое дело, которое в первую очередь привело нас сюда, хотя это означало, что нашим товарищам пришлось самостоятельно заниматься ремонтом в восточных болотах, в то время как второй наш корвет облетал Склон, фотографируя и собирая улики. Это также дало нам возможность продемонстрировать нашу несокрушимую силу. Мы сделали это, уничтожив преступные сооружения, которыми не должны пользоваться сунеры, если их целью действительно является Тропа Избавления.

Замечено, что вы не очень помогали в этой работе, Мои кольца. (Примите эти укоризненные удары как знаки нашего любящего руководства.) Аскс расплавил много воспоминаний, прежде чем сдаться и конвертироваться, но мы/Я вспоминаем некоторые отвратительные подробности. Например, мы приобрели авторитет, помогая проводить пароходы по реке Бибур, перестраивать башню в городе Тарек, сооружение, известное как Дворец Вони.

Не волнуйтесь. Со временем мы, на «Полкджи», отыщем все жалкие греховные сооружения, которые так ценят упрямые сунеры. Мы поможем тем, кто избрал Тропу, Ведущую Вниз, избавиться от лицемерного использования инструментов и орудий.

Второе — наше непреклонное требование справедливости. Высокие мудрецы проявили удивительный здравый смысл, когда вскоре после нашей последней встречи дали сигнал. Поток цифрового сознания направил наш корвет к крепости Дуден. Но этот символический жест недостаточен. Нам нужно рассчитаться со всеми живыми г'кеками. Сделать это не очень трудно. Застрявшие на планете без дорог, они лишены подвижности.

«Просим не уничтожать наших колесных братьев, — просили послы. — Пусть и г'кеки ищут священное убежище на

Тропе Избавления. Разве не сказано, что все долги прощаются, а вендетты прекращаются, когда восстанавливается невинность?»

Вначале нам показалось, что это просто адвокатские увертки. Но тут, к нашему удивлению, наш старший священник согласился! Больше того, эта величественная груда сделала необычное, совершенно новое предложение.

Вот вопрос, поставленный грудой-священником:

Какая месть г'кекам превосходит даже уничтожение?

Ответ: если г'кеки снова станут пригодными для принятия и их патронами будут джофуры! И во втором возвышении мы преобразуем их так, как нам надо, создадим существа, от которых отшатнулись бы прежние г'кеки!

Месть слаще, когда совершается с воображением. Это оправдывает присутствие на борту священника. Поистине эта разновидность груд полезна.

Конечно, у этого смелого плана есть свои сложности. Это означает, что мы должны будем утаить от Пяти Галактик сведения об этой сунерской инфекции. Напротив, клан джофуров должен хранить все в тайне и обращаться с Джиджо, как со своим личным садом.

Таким образом, согласно галактическим законам мы становимся преступниками. Но это вряд ли имеет значение. Ибо когда наш союз на следующем этапе истории станет господствующим, законы изменятся.

Особенно если действительно вернулись Прародители.

Третье — возможность получения прибыли. Возможно, генные грабители ротены что-то обнаружили. Для невозделанного мира Джиджо кажется необыкновенно богатой. (Буйуры были хорошими опекунами, они оставили планету, полную биовозможностей.) Могли ли ротены открыть перспективную предразумную расу? Готовую к возвышению? Может, следовало подкупить генных грабителей и получить доступ к их базам данных, вместо того чтобы запечатывать их во времени?

Неправильное предположение. Они известны как обманщики и шантажисты. Для обследования Джиджо мы пришлем собственных биологов.

И кто знает? Может, нам удастся ускорить движение рас сунеров по пути, на который они ступили! Глейверы уже далеко зашли по этому пути к невинности. У хунов, уров и квуэнов есть родичи среди звезд, и они будут возражать, если мы слишком поспешно примем этих. Но после битв, бушующих по всей галактике, все это может измениться. А что касается людей волчат, то по последним сведениям их планета осаждена и находится в смертельной опасности.

Может, те, что живут на Джиджо, последние уцелевшие представители их вида.

Остается подумать о судьбе наших родственников треки. Мятежные груды прилетели сюда, отказываясь от дара оайлие — от специализированных колец, которые придают нам целеустремленность и определяют наше назначение. Печально видеть треки, подобных нашим жалким предкам. Такие нелепые существа, такие миролюбивые и неамбициозные! Нужно немедленно разработать программу создания в больших количествах мастер-колец. Будучи преобразованными, наши родичи станут идеальным инструментом для господства и контроля, способным сознательно управлять этой планетой ради нас и без дальнейших расходов со стороны нашего клана.

Все эти проблемы кажутся первостепенно важными. Однако с самого начала некоторых членов экипажа раздражали разговоры о мести, выгоде или избавлении. Даже судьба местных треки казалась несущественной по сравнению с делом, которое прежде всего и привело нас сюда.

Ротены намекнули, что знают местонахождение исчезнувшего корабля-добычи.

Корабль-добыча несет сведения о возвращении Прародителей.

Нужно немедленно отказаться от всех остальных дел, настаивали эти груды. Послать оставшийся корвет на восток! Не

дожидаться, пока экипаж первого корвета самостоятельно произведет ремонт. Схватить и допросить людей — рабов ротенов. Обыскать глубоководные убежища, где может скрываться корабль-добыча. Не откладывать дольше!

Но наши капитан-лидер и груда-жрец согласились, что еще несколько дней не имеют значения. Мы прочно овладели этой планетой. Добыча не сможет уйти.

ЛАРК

Бледный дневной свет пронизывал озеро до того места, где несколько затонувших деревьев покачивали ветвями, словно на легком ветерке. Реук на глазах помогал видеть, усиливая тусклое освещение, но на Ларка угнетающе действовали ползучие тени, создавая ощущение нереальности.

Работая под водой рядом с Ранном и Линг, он принимал участие в странном ритуале, контактируя с захваченными обитателями консервирующего пузыря. С начала этого процесса люк корабля заполнился людьми и ротенами, которые пытались преодолеть золотой барьер. Но снаружи не было видно никакого движения. Те, кто внутри, по-прежнему кажутся восковыми статуями, изображающими существа с встревоженными лицами.

И только когда Ларк и все остальные пловцы отворачиваются, отвращают взгляды, «статуи» с поразительной быстротой меняют позы.

Согласно краткому объяснению Линг, нацарапанному на восковой дощечке, пленники живут в КВАНТОВО ОТДЕЛЕННОМ МИРЕ. Она добавила что-то о ВМЕШАТЕЛЬСТВЕ СОЗНАНИЯ ОРГАНИЧЕСКИХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ и, казалось, решила, что все объяснила. Но Ларк не понимал, почему так важно не смотреть. Какая разница? Несомненно, Сара поняла бы это лучше брата, отсталого биолога. Я дразнил ее, говорил, что ее любимые книги заполнены бесполезными абстракциями. Концепциями, которые никогда не понадобятся джиджоанцам. Вероятно, это показывает, как мало я знал.

Для Ларка все это отдавало особенно неприятной магией, как будто капризная богиня Ифни специально изобрела этот золотой барьер, чтобы испытать терпение смертных.

К счастью, кольца микротреки давали пловцам весь необходимый воздух. Когда накопленные запасы кончались, маленькие торы разворачивали обширные перистые веера и помахивали ими в воде, как крыльями, высасывая для Ларка и остальных необходимый для дыхания кислород. Еще одна поразительная способность этих необыкновенно адаптирующихся кольчатых существ. Эти кольца вместе с костюмами из мембран скинков и реуками на глазах придавали пловцам сходство с загадочными морскими чудовищами — для тех, кто смотрел на них из пузыря. Наконец пленники установили электронный экран, на котором вспыхивали слова из блестящих букв англика. Слова эти были видны сквозь прозрачный барьер.

МЫ ДОЛЖНЫ ДЕЙСТВОВАТЬ ВМЕСТЕ, сообщали они.

Идея Ларка оказалась плодотворной. В отличие от трагической крепости Дуден эти пленники находятся в герметически закрытом корпусе, который не дает золотистой жидкости окутать их тела и жизненно необходимые механизмы. Больше того, холодное озеро уносит достаточно тепла, и поэтому работающие двигатели не повышают температуру внутри корабля. Пленники окружены, погружены в измененное время. Но они живы.

Когда Ларк смотрел на одного из ротенов, он ясно видел маску. Созданные реуком цвета делили харизматические черты, такие благородные с человеческой точки зрения, на две части, причем каждая часть обладала собственным ореолом. На верхней части лица лежит мясистый симбионт, предназначенный создавать высокий лоб, широкие скулы и величественный нос — неотъемлемый признак всех ротенов. Серая мертвенность свидетельствовала, что на глазах у ротенов линзы, а на красивых белых зубах коронки.

Впечатляющая маскировка, думал Ларк. Но даже и без масок ротены потрясающе гуманоидны. Несомненно, именно это сходство и породило первоначальный план воздействия на впе-

чатлительных землян в те давние наивные дни непосредственно после контакта, способствуя созданию замкнутого племени преданных последователей — даников. И если действовать осторожно и безошибочно, ротены могли использовать людей-посредников для всякой грязной работы. А если при этом даников поймают с поличным, виновата будет Земля.

Вообще те, кто в корабле, заслужили такую участь. Ларк проголосовал бы за то, чтобы там их и оставить, пока Джиджо не переработает отходы от них. Но теперь над всеми нависла еще большая опасность, а больше нигде не найти союзников для борьбы с джофурами.

Пленники казались взволнованными. Последняя строка их сообщения гласила:

ВЫТАЩИТЕ НАС ОТСЮДА!

Плывя в медленном течении, Ларк видел, как Ранн, рослый предводитель даников, написал на своей дощечке:

ВОЗМОЖНО, У НАС ЕСТЬ СПОСОБ.
ВЫ ДОЛЖНЫ ПРИГОТОВИТЬ ФОРМУЛУ.
ОНА ТАКОВА.

Ларк попытался схватить дощечку. Но Линг его опередила, она выхватила перо из сильной руки Ранна. На той части его лица, которую было видно между реуком и кольцом для дыхания, отразилось вначале удивление, затем гнев. Но рослый мужчина был в меньшинстве и знал, что подводный самострел Джени Шен заряжен смертоносными стрелами. Сержант милиции наблюдала с такого места, где ее взгляд не мог помешать искаженному временем общению.

Линг заменила сообщение Ранна другим.

КАК ВЫ ПРЕДЛАГАЕТЕ ЭТО СДЕЛАТЬ?

Она повесила доску на шнурке на шею, так что она оказалась на спине посланием наружу. По ее кивку Ранн и Линг одновременно повернулись. Ларк испытывал странное чувство, представляя лихорадочную деятельность за собой. Без наблюдателей снаружи экипаж ротенов-даников освобождался от застывшего времени, мог прочесть послание Линг, обсудить и подготовить ответ.

Я не читал книг по физике, думал Ларк. Но мне кажется ужасно странным, как это все действует.

Пловцы позволили инерции продолжить их движение и снова повернулись. Прошло всего несколько дуров с тех пор как они видели люк, но за это короткое время большинство ротенов и людей переместились. На электрическом экране было новое сообщение.

ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫЙ СПОСОБ: УНИЧТОЖЕНИЕ ДЖОФУРОВ.

Ларк подавился смехом, и из его дыхательной трубки вырвались пузыри. Линг посмотрела на него и кивком головы выразила согласие. Но вторая часть сообщения была более серьезной.

ДРУГАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ: ПРЕДЛОЖИТЬ ДЖОФУРАМ ТО, ЧТО ОНИ ХОТЯТ.

ВЫКУПИТЕ НАШУ СВОБОДУ!

Ларк разглядывал неподвижные статуи. На лицах многих людей выражение отчаяния. Его не могло не тронуть, как они просят спасти им жизнь. В сущности, это не их вина. Их предки от их лица заключили глупую сделку, точно так же как мои. В те дни люди должны были быть безумными или слишком легковерными, сразу после столкновения землян с галактической культурой.

Требовались усилия, чтобы сердце ожесточилось, но Ларк знал, что обязан это сделать.

И снова Ранн попытался ответить, но его опередила Линг. Она написала:

ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ ПРЕДЛОЖИТЬ НАМ ВЗАМЕН?

Прочитав послание, Ранн и Ларк посмотрели на нее. Но Линг, казалось, не замечала, что в сообщении не только общий, но и личный смысл. Они снова отвернулись, давая пленникам возможность прочесть и ответить. Медленно поворачиваясь по кругу, Ларк смотрел на нее, но живые очки делали невозможным прямой взгляд в глаза. Аура, создаваемая ее реуком, выражала мрачную решимость.

Ларк ожидал увидеть пленников в смятении, пораженными ее явно подразумеваемым переходом на другую сторону. Но потом понял. Они ведь видят только наши спины. И могут даже не знать, что среди нас Ранн и Линг!

ВСЕ, ЧТО ИМЕЕМ.

Откровенный ответ, выраженный сверкающими буквами.

Ответная реплика Линг тоже была откровенной и прямой.

РО-КЕНН РАСПРОСТРАНИЛ ЭПИДЕМИЮ, ПОРАЗИВШУЮ КВУЭНОВ И ХУНОВ.

А МОЖЕТ, И ДРУГИХ.

ИЗЛЕЧИТЕ ИХ ИЛИ СГНИЕТЕ ЗДЕСЬ.

При этом повторном обвинении Ранн едва не взорвался. Сдавленные проклятия донеслись из его гортани, вырываясь пузырями, и Ларк испугался, что эти проклятия могут услышать на поверхности. Звездный человек попытался вырвать доску у Линг, схватившись с ней на короткое время. Но когда Ларк сделал движение поперек горла, Ранн оглянулся на Джени Шен, которая в сопровождении двух сильных молодых квуэнов приближалась из-за изогнутого борта корабля, размахивая своим смертоносным луком.

Плечи Ранна опустились. Он механически совершил очередной поворот. Ларк услышал низкий скрежещущий звук и понял, что рослый даник скрипит зубами.

Ларк думал, что пленники начнут с уверений в своей невиновности, и, конечно, когда они посмотрели в следующий раз, на экране было написано:

ЭПИДЕМИЯ? МЫ О НЕЙ НИЧЕГО НЕ ЗНАЕМ.

Но Линг была непреклонна, и ее ожесточенность поразила Ранна. В сильных выражениях она предложила пленникам, своим бывшим друзьям и спутникам, в следующий раз говорить правду, иначе они будут предоставлены своей судьбе.

Это наконец вызвало неохотное признание.

У РО-КЕННА БЫЛО НЕСКОЛЬКО ВАРИАНТОВ.

ОН ИЗБРАЛ ТАКОЙ МЕТОД.

ВЫТАЩИТЕ НАС ОТСЮДА.

МЫ МОЖЕМ ПРЕДОСТАВИТЬ ЛЕКАРСТВО.

Ларк удивленно смотрел на женщину рядом с собой: его поражала сверкающая напряженность ее созданной реуком ауры. До сих пор она, должно быть, еще надеялась, что это ошибка, что в обвинениях Ларка против богов ротенов есть какая-то ошибка. Что существует какое-то альтернативное объяснение.

Теперь все эти «если» исчезли. И пламя ее гнева делало ауру Ранна бледной.

Пока оба даника кипели гневом — каждый по своей собственной причине, — Ларк взял доску, вытер ее и написал ответ.

НЕМЕДЛЕННО ГОТОВЬТЕ ЛЕКАРСТВО.
НО ЕСТЬ ЕЩЕ ОДНО.
НАМ НУЖНА ЕЩЕ ОДНА ВЕЩЬ.

Использование джофурами необычного оружия — они залили своих врагов химически синтезированным временем-пространством — имело смысл. Это соответствовало их природным способностям обращения с органическими материалами. Но в своем высокомерии их мастер-кольцо кое-что забыло.

У них есть родичи на Джиджо, которые верны Шести.

Конечно, местные треки лишены честолюбия, они несведущи в передовой галактической науке. Тем не менее группа талантливых местных фармакологов проанализировала вещество — вязкую квазиживую ткань — исключительно при помощи вкуса. Не понимая таинственных временных эффектов этого вещества, они умудрились в своих железах создать ему контрагента.

К несчастью, дело не сводилось к созданию вещества по формуле, а потом к стиранию золотого кокона, окружавшего корабль ротенов. С одной стороны, противоядие смешивалось с водой. И применить его под поверхностью озера было непросто.

Но возможность все же была. У горы Дуден было установлено, что бусины сохранности старого мульк-паука можно протиснуть сквозь золотую стену, они проходили через барьер, как камень сквозь мягкую глину.

Ларк распорядился принести еще несколько предметов из сокровищницы существа, которое Двер называл Один-В-Своем-Роде. Проворные синие прижали несколько таких предметов к указанной части стены, напротив люка. Эти бусины были выпотрошены и превращены в сосуды, заткнутые с одной стороны пробкой из воска треки. Внутри каждого сосуда видны были машины и другие реликты эпохи буйуров, словно насекомые, заключенные в янтаре. Только теперь эти предметы словно плавали в мыльной пене.

Вначале не было заметно никаких результатов усилий квуэнов. Вода резонировала от ударов и толчков, но никакого смешения не происходило. Ларк написал приказ.

НИКОМУ НЕ СМОТРЕТЬ!

Линг энергично кивнула. Когда раньше проводились эксперименты в опустошенном селении г'кеков, не было наблюдателей внутри. Точнее, не было живых существ. Здесь же за сценой наблюдали — странным перемежающимся образом — с обеих сторон кокона. Возможно, это наблюдение и объясняет, почему ничего не происходит.

Потребовалось какое-то время, чтобы дать понять тем, кто находится внутри, что им тоже нужно повернуться. Но вскоре ротены и люди с обеих сторон отвернулись. Молодые квуэны втянули зрительные полоски под панцири и толкали вслепую. Самый необычный способ что-нибудь сделать, подумал Ларк, глядя на затопленный ландшафт, некогда Поляну Праздников Общины Шести Рас. Всю жизнь учителя и предводители говорили ему: если хочешь хорошо выполнить работу, будь внимателен к тому, что делаешь. Но этот противоположный способ — когда достоинством становится невнимательность — напомнил ему, как некоторые найханские мистики в Долине практикуют «искусство джен», например, стрельбу из лука с завязанными глазами, вырабатывая отчужденность и готовность к Тропе Избавления.

Он снова посмотрел на Линг, биолога со звезд. Ее аура по-прежнему гневно кипела, хотя и более прохладными тонами. Она порвала прежние связи. Но появились ли у нее новые?

Что движет ею помимо мести? Ему хотелось бы уйти с нею в какое-нибудь укромное — и сухое — место и поговорить без осторожной игры их прежних разговоров. Но Ларк не был уверен, что она хочет того же. То, что его предположения оказались верными, вовсе не означает, что она поблагодарит его за то, что он разрушил идолов ее детства.

Подождав достаточно, Ларк кивнул, и все снова повернулись.

Ранн довольно хмыкнул, а у Ларка быстрей забилось сердце.

Бусины прошли почти все расстояние до сверкающей клетки! Уставшие синие довольно пускали пузыри, потом заторопились к роще бу, чтобы набрать воздуха из импровизированных трубок.

Тем, кто стоял в люке ротенского корабля, Ларк написал:

ВСЕ УХОДИТЕ.

КРОМЕ ДВУХ МЕНЬШИХ ЛЮДЕЙ.

ПУСТЬ ОНИ НАДЕНУТ НЕ ПРОПУСКАЮЩИЕ ВОЗДУХ КОСТЮМЫ.

ПРИНЕСИТЕ ЛЕКАРСТВО!

Когда они в следующий раз повернулись к люку, он почти опустел. По ту сторону стояли только две женщины. Небольшого роста, хотя даже под герметическими костюмами Ларк различал хорошо развитые фигуры, с высокой грудью и осиной талией. Очевидно, они пользовались теми же услугами косметической биоскульптуры, которая сделала такими поразительно красивыми Линг и покойную Беш. Там, где вы можете создавать себя, подобно богу, совсем другая вселенная.

Ларк подплыл к месту, где из джофурского барьера торчала мульк-капсула. Большинство бусин находились глубоко внутри. Отверстие в импровизированной бутылке было заткнуто воском треки.

Из сумки Ларк достал инструмент, который ему дал один из техников, помощников Лестера Кембела. Нож для вскрытия консервных банок, сказал этот парень.

Наша задача — привести растворяющую жидкость в соприкосновение с барьером, но не с водой озера, объяснил техник.

Наше решение — с помощью нового состава треки сделать полыми бусинки мульк-паука. Затем мы покрываем эти сосуды нейтральным воском и снова заполняем жидкостью-противоядием. Отверстие заткнуто, так что у нас есть запечатанный сосуд.

Я вижу, вы оставили внутри старый буйурский механизм, заметил Ларк.

Жидкость на него не подействует, а нам нужен механизм внутри. Не важно, что он делал в дни буйуров, важно то, что мы можем вновь привести его в действие, потянув за прикрепленную нить. И пробка выскочит, содержание сосуда вступит в контакт со стеной джофуров! Устройство надежное.

Ларк не был в этом уверен. Невозможно было сказать, будут ли хитрые самодельные электрические приборы работать под водой в окружении поля искаженного времени. Может быть что угодно, подумал он, нажимая на активатор.

К его облегчению, механизм буйуров сразу ожил, развернул придаток, свернутый и пружинистый, как хвост шемблера.

Интересно, для чего ты предназначался, размышлял Ларк, глядя, как дергается и поворачивается машина. Обладаешь ли ты достаточным сознанием, чтобы задуматься, где находишься? Куда исчезли твои хозяева? Есть ли у тебя внутренние часы, показывающие, что прошло полмиллиона лет? Или внутри твоей бусины время остановилось?

Развернувшаяся рука забилась: машина пыталась освободиться — и дернула за веревку, привязанную к дальнему концу пробки. Пробка зашевелилась, остановилась, потом снова подалась.

Трудно было следить за событиями в «квантово отделенном времени». Эти события происходили словно рывками. Иногда следствие словно предшествовало причине. Ларк видел, как дальний конец предмета вращается, а ближний остается каким-то затуманенным. Такая странная манера напомнила Ларку картины «кубистов» на рисунках в древней книге, которую мать как-то взяла в архиве Библоса.

Наконец пробка полностью высвободилась. И сразу из носика самодельной бутылки в месте соприкосновения с золотой стеной начала выливаться розоватая пена. Сердце Ларка забилось сильней, он почувствовал, как растущим жаром реагирует его амулет, осколок Святого Яйца. Левой рукой попытался пробраться сквозь защитные мембраны из кожи скинка, но не смог притронуться к вибрирующему камню. Пришлось выносить это ощущение, как терпишь зуд, когда невозможно почесаться.

Ранн удовлетворенно хмыкнул, когда пенное пятно расплылось, разъедая изнутри джофурский барьер. Расширяющееся отверстие вскоре соединилось с соседней «бутылкой», втиснутой в стену рядом с первой. И через несколько мгновений поступили свежие запасы разъедающей жидкости. Барьер содрогался, как живой, словно ему больно. Вокруг растущего углубления пробегали разноцветные волны: реук пытался передать странные эмоции.

Все были так захвачены этим процессом, что никто подолгу не смотрел внутрь, в люк с его двумя обитателями, пока случайное течение не утянуло Ларка в сторону. Без посторонних наблюдателей женщины даники, должно быть, переживали внутри время как некий линейный процесс. Они выглядели напряженными, отодвинулись подальше от розовой пены и по мере приближения пузыря все больше жались к закрытому внутреннему люку. Сквозь прозрачные маски видно было выражение ужаса на лицах. Никто не знал, что произойдет, когда прорвутся шипящие пузыри.

Пузырь приближался также и к противоположной стороне барьера. Ларк пятился к остальным и обнаружил, что они отступили еще дальше.

Очевидно, если им удастся устроить туннель, он будет широким в середине и очень узким в обоих концах. К тому же материал стен не твердый. Это очень вязкая жидкость. И видно было, как к ране в барьере придвигаются свежие запасы. Даже если удастся открыть проход, он будет временным.

Если мы рассчитали неверно, если концы туннеля откроются в неверной последовательности, нам придется все начинать сначала. В пещере есть еще бутылки с разъедающим раствором. Но сколько у нас есть попыток?

Но он не мог избавиться от ощущения гордости.

Мы не беспомощны. Перед лицом превосходящей силы мы становимся изобретательными. Мы проявляем настойчивость.

Это осознание служило ироническим подтверждением истинности ереси, которую он разделял всю взрослую жизнь.

Мы не предназначены для Тропы Избавления. Как бы мы ни старались, нам никогда не достичь невинности.

Именно поэтому нам не следовало прилетать на Джиджо.

Наша судьба — звезды. Нам здесь просто не место.

НЕЛО

Старик не знал, что из увиденного самое печальное.

Иногда он жалел, что лодка не перевернулась во время дикого пробега через пороги. Тогда бы он не дожил до того, чтобы все это увидеть.

Потребовалось полдня напряженной гребли, чтобы вверх по течению добраться до деревни Доло. К тому времени как они добрались до груды бревен, которая когда-то было пристанью, молодые гребцы выбились из сил. На грязный берег выбежали жители, помогли вытащить лодку на сушу и перенести на берег Ариану Фу. Сильный хун, не обращая внимания на протесты Нело, подхватил его, как ребенка, и вскоре Нело в безопасности стоял у корней могучего дерева гару.

Многие уцелевшие жители апатично стояли поблизости, но другие организовали рабочие отряды, первой задачей которых стал сбор мусора. Особенно тел. Их нужно было быстро собрать и подвергнуть мульчированию, как требует священный закон.

Нело видел ряды трупов, в основном, конечно, людей. С тупым оцепенением узнал главного плотника и водопровод-

чика Джоби. Многие из рабочих лежали, грязные и изуродованные, на мокрой земле, многие пропали, их унесло вниз по течению, когда озеро обрушилось на мельницу и мастерские. Напротив, древесные фермеры почти не понесли потерь. Когда дамбу прорвало, они, как обычно, находились на ветвях деревьев.

Все молчали, хотя взглядами провожали бумажника. Нело шел вдоль рядов и морщился или стонал, узнавая лица своих рабочих, учеников или друзей. Добравшись до конца, он не повернул назад, но продолжал идти в прежнем направлении, к тому, что было центром его жизни.

В озере вода стояла низко. Может, наводнение уничтожило не все.

Вначале он испытал ощущение потери ориентации: Нело показалось, что его унесло далеко от деревни, где он родился. Там, где раньше стояла спокойная вода, теперь почти на лигу раскинулся мутный поток. Через отверстие в его любимой дамбе текла река.

Для местных квуэнов дамба и дом — одно и то же. Теперь их улей был обнажен и разрушен. Катастрофа расколола надвое помещение для личинок. Отряды ошеломленных взрослых синих пытались перенести уцелевшие личинки в безопасное место, подальше от жестокого солнечного света.

Нело неохотно, с ужасом опустил взгляд туда, где рядом с изящным водяным колесом стояла его бумажная фабрика.

От его дома, мастерской, чанов для приготовления бумаги остался только фундамент.

Этот вид разрывал ему сердце, но когда Нело отвел взгляд, это не помогло. Чуть ниже по течению еще одна группа синих квуэнов вяло работала на берегу, пытаясь высвободить из какой-то сети одного из своих соплеменников. По тому, как неторопливо они действовали, можно было догадаться, что жертва мертва, может, запуталась в сети на мелком месте и утонула.

С несчастным видом Нело по знакам на панцире узнал мертвую пожилую самку — это была сама Грызущая Бревно.

Еще один потерянный друг, удар для всех в верховьях Рони, кто ценил ее мудрость и доброту.

И тут он узнал ловушку, которая сумела погубить даже синего квуэна. Это была путаница дерева и металлических проводов. Что-то из дома самого Нело.

Драгоценное пианино Мелины, которое я заказал и очень дорого заплатил.

Наконец он смог застонать. Во всем мире у него в жизни оставалось только одно — хрупкая надежда, что дети где-то в безопасности и не увидят ничего подобного.

Но где такое место? Какое место может быть безопасным, если с неба может спуститься звездный корабль и уничтожить в несколько мгновений работу пяти поколений?

Из мрачных мыслей о самоубийстве его вырвали слова.

— Я этого не делал.

Нело повернулся и увидел поблизости еще одного человека. Тоже ремесленника, примерно его возраста. Это взрывник Хенрик, чей молодой сын сопровождал Сару и Незнакомца в путешествии в далекие земли. Вначале Нело не понял его слов. Проглотил комок в горле, прежде чем набрался сил для ответа.

— Конечно, не ты. Говорят, прилетел корабль.

Взрывник покачал головой.

— Глупцы и лжецы. Либо не представляют ход времени, либо участники.

— Что это значит?

— Да, корабль пролетел над нами, все осмотрел. И полетел дальше. А спустя почти мидур пришла банда, в основном фермеры. Выбили пробки из моих зарядов в одном из пирсов и приложили фитиль.

Нело замигал.

— Что ты сказал? — Он посмотрел на Хенрика и снова замигал. — Но кто?..

Хенрик ответил одним словом:

— Джоп.

ЛАРК

Исследователи с торжеством вынырнули из холодного озера, добившись почти всего, чего хотели. Но их ждали плохие новости.

Усталость придавила Ларка. Помощники помогли ему раздеться и растерли полотенцами. Возвращение казалось странным, как будто жизнь на сухой земле проходила века назад.

Печальным голосом капрал-человек доложил о том, что случилось в его отсутствие.

— Поражены все наши серые, кашляют, выплевывая пузырчатую флегму. Потом заболели и молодые синие. Мы послали их к аптекарю наверх, но оттуда сообщают, что болезнь прогрессирует. Времени осталось немного.

Все внимание обратилось к женщинам-даникам, которые только что освободились из захваченного в ловушку корабля. Они все еще не пришли в себя — начиная в ворвавшейся под высоким давлением в люк воды, — когда наконец в стене образовалась щель. Затем кошмарное протискивание через отверстие, расширившееся лишь на краткий промежуток, отчаянное поспешное проталкивание, прежде чем туннель вновь закроется и навечно замурует их тела в золотистой жидкости, как бедных г'кеков в крепости Дуден.

Наблюдение за этими квантово искаженными фигурами заставляло Ларка нервничать. Он видел не две человеческие фигуры, а отдельные части человеческих тел, которые дергались в трубе, продолжавшей меняться вокруг них. Одну женщину он на мгновение увидел с внутренностями наружу. Это зрелище дало ему непрошеные сведения о том, что она ела в последний раз.

Но вот они — живые — перед ним. Их еще тошнило от перехода, но две спасшиеся женщины выполняли свою часть договора. Они немедленно принялись работать с маленьким механизмом, который принесли с собой. В обмен на лекарство джиджоанцы помогут их товарищам выбраться из захваченного корабля, а потом будут совместно действовать против

джофуров. Несомненно, это будет что-то отчаянное, требующее объединения знаний и ресурсов обеих групп плюс щедрую порцию удачи Ифни.

Все это предприятие было идеей Ларка, и он отводил ей такие же шансы на успех, как у кролика, который пробирается через логово лиггера.

— Каковы симптомы? — спросила первая женщина с рыжими волосам такого оттенка, какого Ларк никогда не видел на Джиджо.

— А разве вы не знаете, какой возбудитель? — спросила Джени Шен.

— На исследовательской станции находилось множество патогенных микробов, — ответила вторая женщина, красивая величественная брюнетка, которая показалась Ларку старше других даников. Выглядела она на сорок лет, и ей вполне могло быть двести.

— Если Ро-кенн действительно высвободил микроорганизм из этого запаса, — продолжала она, — мы должны установить, какой именно.

Даже без реука Ларк без труда видел ее фаталистическое нежелание это делать. Помогая ликвидировать эпидемию, она фактически признает, что Ро-кенн совершал геноцид и что на их корабле всегда есть запас средств для этого. Возможно, как и Линг, она до сих пор не подозревала об этом. Только полная беспомощность заставила ротенов раскрыть свои тайны перед слугами-людьми и сунерами на Джиджо.

Судя по выражению лица Ранна, рослый воин не соглашался с этим решением, и Ларк понимал почему.

Дело не только в нарушении правил морали и галактических законов. У наших местных хунов и квуэнов есть родичи там, средь звезд. Если до них дойдут сведения, они могут объявить вендетту ротенам. Или Земля подаст иск и потребует возвращения группы даников, которых ротены удерживают в течение двух столетий.

Конечно, если Земля еще жива. И в Пяти Галактиках еще существует закон.

Ранн явно считал, что риск слишком велик. Следовало принести в жертву корабль вместе с экипажем, чтобы сохранить тайну.

Не повезло тебе, Ранн, подумал Ларк. Твои товарищи предпочли жить.

Пока Линг описывала болезнь, которая на глазах у всех пожирала Утена, Ларк услышал, как Ранн настойчиво шепчет Джени Шан:

— Если мы хотим вытащить остальных, то нужно проделать работу полностью. Понадобится переносить оружие и припасы. Нужно повторить формулу треки на самом корабле, чтобы создать долговременный проход.

Джени резко прервала его:

— После того как подтвердится действие лекарства, звездный человек. Или твоим товарищам и их хозяевам придется сидеть в собственном навозе, пока Джиджо не остынет.

Весьма красочно, подумал Ларк, мрачно улыбаясь.

Вскоре в машину ввели все относящиеся к проблеме данные.

— Многие хуны проявляют симптомы новой болезни, — напомнила Линг.

— Доберемся и до этого, — ответила рыжеволосая. — Потребуется мин или две.

Ларк смотрел, как мелькают на маленьком экране символы. Опять компьютеры, тревожно думал он. Конечно, этот прибор гораздо меньше того, что они использовали у крепости Дуден. Это «цифровое сознание» может быть скрыто геологической активностью местности плюс пятьдесят метров сплошного камня.

Но можем ли мы быть уверены?

Прибор издал высокий писк.

— Синтез завершен, — сказала старшая женщина-даник, доставая из прибора маленький сосуд с зеленоватой жидкостью. — Здесь всего две или три дозы, но для проверки достаточно. На борту корабля мы можем начать массовое производство. Конечно, это означает, что нам понадобится постоянный проход.

Она явно считала, что на ее стороне теперь большое преимущество. Держа сосуд тремя пальцами, она продолжала:

— Теперь самое подходящее время для обсуждения, чем каждая группа поможет другой. У вас людская сила и численность, а мы можем...

Она замолчала: Линг выхватила у нее из руки сосуд и передала Джени Шен.

— Беги! — только и сказала она.

И Джени побежала, а вокруг нее с лаем прыгали два возбужденных нура.

Возвращения на плененный корабль придется ждать до рассвета. Даже самый хороший реук не может усилить освещение, которого вообще нет.

Линг хотела, чтобы женщины-даники создавали противоядия от всех патогенных микроорганизмов, перечисленных в маленькой Библиотеке, — на случай если выпущены и другие болезни, о которых пока неизвестно, — но Ларк не разрешил. Со времени дуденской катастрофы компьютеры заставляли его нервничать. Он хотел, чтобы и этот небольшой работал как можно меньше. Пусть ротены производят новые вакцины на борту корабля и приносят вместе с другими припасами, сказал он, — если и когда будет создан новый туннель. Линг как будто собиралась спорить, но потом сжала губы и пожала плечами. Прихватив один из фонарей, она отошла в угол пещеры, подальше от Ранна и своих прежних товарищей.

Бóльшую часть времени Ларк писал отчет для высоких мудрецов. Он запросил еще бутылок с жидкостью треки и описал общие очертания союза между Шестью Расами и их прежними недругами. Но особой веры в эту коалицию у него не было.

Они обещали и другую помощь, писал он. Но я советую проявлять осторожность. Учитывая характеристику, данную Фвхун-дау ротенам как «мелким галактическим мошенникам», а также то, с какой легкостью они были захвачены, я предпочел бы почти любой договор, который удастся заключить с

джофурами, за исключением такого, который позволил бы им совершать массовые убийства.

Восстание должно рассматриваться как самая крайняя мера.

Мудрецы могут счесть его рекомендации странными, поскольку именно его план и сделал возможным союз с ротенами. Но Ларк не видел никаких противоречий. Открытая дверь совсем не означает, что в нее нужно входить. Он просто считал, что нужно рассматривать все альтернативы.

Больше ничего не оставалось делать, как ждать, надеясь, что новости от врачей будут скорыми и хорошими. Нельзя было даже разводить костер в темной пещере.

— Холодно, — пожаловалась Линг, когда Ларк проходил мимо ее ниши. Он подыскивал место, где мог бы разложить свой спальный мешок, — не так близко к ней, чтобы она сочла его действия навязчивыми, но все же настолько близко, чтобы она могла позвать. Он остановился, думая, что бы это могло означать.

— Приглашение? Или обвинение?

Более вероятным казалось второе. Линг было бы гораздо лучше, если бы она оставалась в высокотехнологичном жилище, купаясь в лучах мессианской веры.

— Верно, — ответил Ларк. — Холодно.

Трудно приближаться к ней. Трудно ожидать чего-нибудь, кроме отталкивания. Много месяцев их отношения были основаны на игре со взаимными договоренностями, напряженной борьбе умов — с мгновениями острого полуэротического флирта. Со временем он начал выигрывать, но в этом не его заслуга. Грехи ее богов ротенов дали ему могучее оружие и только одну возможность — уничтожить ее верования. С тех пор они вместе работают, двигаясь к общей цели, но больше личных разговоров у них не бывает.

В сущности, он заставил ее стать союзницей джиджоан и при этом потерял то, что у них было раньше.

Ларк не чувствовал себя победителем.

— Могу понять, почему тебя называют еретиком, — сказала Линг, нарушая неловкое молчание.

Ларк — от застенчивости или вызывающе — не смотрел прямо на нее. Но теперь заметил, что у нее на коленях книга, и одна ее страница освещена тусклым огнем лампы. Это та самая книга по биологии Джиджо, которую написали они с Утеном. Работа всей его жизни.

— Я... я пытался не допустить, чтобы ересь вмешивалась в мои исследования, — солгал он.

— Как она могла не вмешаться? Твоя кладистическая таксономия противоречит классификации, выработанной галактической наукой за миллиард лет.

Ларк понял, что она делает, и обрадовался. Общая любовь к биологии — это нейтральная почва, куда не должны проникать чувства вины или стыда. Он подошел поближе и сел на каменный выступ.

— Я решил, что ты говоришь о моей джиджоанской ереси. Я участвовал в движении, — он поморщился, вспомнив своего друга Херуллена, — чьей целью было убедить Шесть Рас покончить с незаконной колонией добровольно.

Она кивнула.

— Добродетельная позиция, по галактическим стандартам. Хотя и нелегкая для органического существа, запрограммированного на секс и размножение.

Ларк почувствовал, что краснеет, и обрадовался темноте в пещере.

— Ну, теперь решение не в наших руках, — сказал он. — Даже если эпидемия Ро-кенна будет прекращена, джофуры, если захотят, могут нас уничтожить. Или передадут нас Институтам, и тогда у нас будет Судный День, предсказанный Священными Свитками. После последних нескольких месяцев это может восприниматься как облегчение. Во всяком случае мы всегда считали, что этим и кончится.

— Хотя ваши люди надеялись, что этого не случится до того, как вы избавитесь. Да, я знаю ваш джиджоанский ортодоксальный взгляд. Но я говорю о ереси в науке — о том, как вы с Утеном классифицировали живые существа в своей книге — по видам, родам, филюмам и так далее. Вы использовали

старую кладистическую систему земной доконтактной таксономии.

Ларк кивнул.

— У нас было несколько текстов, объясняющих галактическую номенклатуру. Большинство наших книг — из земных архивов. Мало кто из земных биологов перешел на галактическую системологию ко времени отлета «Обители».

— Никогда не видела, чтобы кладистику применяли к реальной экосистеме, — заметила Линг. — Ваша работа — очень сильный довод в ее пользу.

— Ну, мы так действовали по необходимости. Пытались понять прошлое и настоящее Джиджо, изучая один временной срез — тот, в котором живем сами. В нашем распоряжении были только особенности живых организмов и ископаемые, которые нам попадались. Это все равно что создавать историю континента путем изучения слоев породы. У землян ведь была своя наука и до контакта. Они словно подбирали улики преступления, когда тело уже окончательно остыло. А галактам никогда не требовалось пользоваться техникой интерполяции. На протяжении эпох они просто наблюдали и фиксировали подъемы и разрушения гор и расхождения видов. Или сами создавали новые виды с помощью генетической техники и возвышения.

Линг кивнула, обдумывая его слова.

— Нас учили презирать науку волчат. Вероятно, это отражалось на моем обращении с тобой, когда, ну, ты знаешь.

Если это извинение, Ларк с радостью принял его.

— Насколько припоминаю, я тоже не был с тобой вполне честен.

Она сухо рассмеялась.

— Конечно, не был.

Снова наступило молчание. Ларк собирался еще поговорить о биологии, но понял, что делать этого не следует. То, что раньше помогало преодолеть неловкое молчание, теперь будет только помогать поддерживать отчужденность и нейт-

ральность, которых он больше не хотел. И он неловко попытался сменить тему.

— А какая... — Он глотнул и попробовал снова. — У меня есть брат и сестра. Наверно, я их упоминал. А у тебя есть сестра там?..

Он не закончил вопрос и какое-то время опасался, что затронул слишком болезненную и личную тему. Но ее облегченный вид подсказал Ларку, что она тоже ищет путей к сближению.

— У меня есть младший брат, — сказала она. — И общая дочь, чьи старшие родители очень милы. Я по ним очень соскучилась.

В течение следующего мидура Ларк в смятении слушал рассказ о непонятном и сложном образе жизни даников на далеком аванпосту Пория. В основном он позволял Линг излить душу. Ведь теперь даже ее прежние товарищи по экипажу стали ей чужими, и вообще ничего прежнего не осталось.

Позже казалось совсем естественным разложить спальный мешок рядом с ее. Разделенные слоями ткани и пушистого торга, их тела, не соприкасаясь, делились теплом. В глубине души Ларк чувствовал удовлетворенность, которой так долго ему не хватало.

Она меня не ненавидит.

Хорошее начало.

Второе погружение, казалось, прошло быстрей первого. Все немного привыкли к передвижению под водой, хотя пришлось заменить заболевших синих квуэнов добровольцами людьми.

Последние сообщения о ходе болезни звучали обнадеживающе. Образцы вакцины помогли первым испытуемым. Что еще лучше, их молекулы могли синтезировать треки. Но все равно еще рано было радоваться. Даже в случае полного излечения оставались проблемы распределения. Может ли средство добраться до всех далеких уголков, прежде чем там погибнут все квуэны и хуны?

В люке корабля ротенов они увидели несколько членов экипажа в костюмах для подводного плавания: трех людей и

одного ротена, — а также несколько ящиков с припасами. Подобно фигурам из воска, они стояли неподвижно, пока Ларк и Линг учили новых помощников тому странному искусству, которым сами овладели накануне. Потом наступило время проделать новый туннель через золотое вещество времени.

Снова начались повороты, чтобы те, кто находится в люке, могли подготовиться. Снова добровольцы подплывали с бусинами сохранности, превращенными в бутылки с растворяющей жидкостью. Снова пришлось преодолевать сопротивление преграды, не глядя на нее. После первых нескольких попыток ничего не произошло, пока Джени не заметила, что один из новых работников с любопытством подглядывает. И вопреки сопротивлению воды так сильно ударила его, что все услышали резкий звук.

Наконец все было готово. Шесть бутылок с растворяющей жидкостью на разной глубине находились внутри барьера. Как и накануне, Ларк использовал «консервный нож» — древний буйурский механизм, который, в свою очередь, вытащил восковую пробку, начав цепную реакцию, которая проела отверстие в вязком материале. Ларк попятился, зачарованный необычным зрелищем: поползла розовая пена, начала образовываться впадина, а в ней причудливые видения.

Неожиданно кто-то тронул его за плечо.

Это была Джени. Сержант милиции держала в руках восковую дощечку.

ГДЕ РАНН?

Ларк помигал и вслед за Линг пожал плечами. Рослый предводитель даников только что был рядом. Лицо Джени исказилось. Ларк на своей доске написал:

МЫ СЕЙЧАС НЕ НУЖНЫ.
МЫ С ЛИНГ ПРОВЕРИМ СЕВЕР.
ПОШЛИ ОСТАЛЬНЫХ РАЗВЕДЧИКОВ НА ЮГ.
САМА ОСТАВАЙСЯ.

Джени неохотно с ним согласилась. Работа Ларка была почти завершена. Если туннель, как планировалось, откроется, через него сможет протиснуться очередная группа осво-

божденных, и Джени нужно будет проводить их вместе с багажом к пещере.

Линг кивком выразила согласие. Они с силой оттолкнулись и поплыли. Вдвоем они могут справиться с Ранном, если тот вздумает сопротивляться. Да и куда идти рослому мужчине? Как будто особого выбора у него нет.

Тем не менее Ларк встревожился. Если он их намного опередил, Ранн может доплыть до берега озера и убежать. Может причинить неприятности, или, что еще хуже, его поймают джофуры и заставят все раскрыть. Ранн крепок, но сколько он продержится против галактической техники допросов?

Линг схватила его за руку. Ларк посмотрел вверх, куда она показывала, и увидел два ласта, медленно движущихся на сильных ногах.

Что он делает там наверху? — удивлялся Ларк, когда они поднимались вслед за даником. Поднявшись выше, они увидели, что Ранн уже вынырнул на поверхность! Голова и плечи его вышли из воды. Он хочет посмотреть на корабль джофуров? Мы все этого хотели, но никто не посмел.

Поднимаясь выше, Ларк почувствовал, как на него упала тень гигантского корабля. Впервые он осознал невероятные размеры этого шара, который полностью перегородил Поляну Праздников, превратив ее в озеро. Ларк вырос рядом с дамбой и представлял себе, каково давление такой огромной массы воды. Когда корабль поднимется, возвращаясь в свой дом меж звезд, будет сильнейшее наводнение.

Трубка во рту Ларка недовольно зашевелилась. Поставляющее воздух кольцо треки со свистом и шипением приноравливалось к изменившемуся давлению. Но Ларка больше тревожило то, что Ранна могут заметить с корабля джофуров.

Если повезет, в костюме из мембран скинка его могут принять за кусок плавающего мусора, во что он и превратится, когда я до него доберусь! Дотянувшись до лодыжки даника, Ларк почувствовал, как его охватывает справедливый гнев.

Нога от неожиданности дернулась, потом с силой пнула, отбросив руку.

Линг снова потянула Ларка за руку, вторично на что-то показывая.

Ранн держал перед собой какой-то предмет — ротенский мини-компьютер! Гребя, он одновременно нажимал клавиши на его панели.

Ублюдок! Ларк устремился к поверхности, схватил прибор, больше не думая о том, что его могут увидеть издалека. Ранн с таким же успехом мог размахивать фонарем и одновременно бить в барабан!

Как только Ларк вынырнул, звездный человек попытался сильно ударить его — несомненно, искусный, хорошо натренированный удар, если бы дело происходило на суше. Но сопротивление воды лишило Ранна равновесия, и удар скользнул по уху Ларка.

Ощутив острую боль, Ларк увидел, как Линг вынырнула на поверхность и сзади схватила своего бывшего коллегу за горло. Ларк воспользовался тем, что внимание Ранна было отвлечено, уперся ногами ему в грудь и вырвал компьютер из рук рослого мужчины.

Увы, этого недостаточно, чтобы покончить с опасностью. Экран по-прежнему освещен. Он крикнул Линг:

— Я не знаю, как выключить эту проклятую штуку!

У нее были и свои неприятности: сильные руки Ранна ухватили ее и рванули. Ларк понял, что прежде всего нужно вывести из строя даника и сделать это быстро. Поэтому он обеими руками высоко поднял компьютер — и изо всех сил ударил Ранна по голове.

Без прочной опоры удар оказался слабее, чем рассчитывал Ларк, но внимание Ранна было отвлечено от Линг.

Второй удар был нанесен удачнее, послышался громкий шлепок. Ранн застонал и обвис в воде.

К несчастью, прочный компьютер продолжал работать. Даже после второго удара экран его светился.

Ранн плавал, широко разбросав руки; дыхание его через кольцо треки было поверхностным. Линг подплыла к Ларку,

ухватилась за его плечо. И наконец дотянулась до одного места на панели и нажала.

Так-то лучше, хотя, говорят, галакты могут проследить цифровое сознание, даже когда машина отключена.

Ларк закрыл крышку и выпустил компьютер из рук. Ему нужны обе руки, чтобы поддерживать Линг.

Особенно когда на них упала новая незваная тень. Тело Линг в его руках застыло.

Оба неожиданно ощутили холод.

Дрожа повернулись и посмотрели вверх, на то, что пришло к ним.

ДВЕР

Эта ночь была из числа самых необычных в жизни Двера, хотя началась она совершенно естественно — с ссоры с Рети.

— Я туда не пойду! — сказала Рети.

— Тебя никто и не просит. Когда я пойду вниз, ты направишься в другую сторону. Пройди с пол-лиги на запад, к тому лесистому хребту, который мы миновали на пути сюда. Я видел там следы хорошей дичи. Можешь поставить ловушки или поискать на берегу моллюсков. Их лучше жарить, но костер разводить нельзя.

— И я должна буду тебя ждать, верно? Чтобы наготове был горячий ужин для великого охотника, когда он вернется, победив в одиночку всю проклятую вселенную?

Сарказм должен был скрыть дрожь настоящего страха. Двер не льстил себе: Рети вовсе не за него боялась. Просто ей страшно было оставаться одной.

Сумерки опустились на дюны и болото. Горы так далеко, что стоят на горизонте неровной линией, затмевающей солнце. Убывающий свет давал наконец им возможность выбраться из дыры в песке и уйти из поля зрения разбитых кораблей. Перебравшись за вершину дюны, они стряхнули пыль с одежды и углублений тела, продолжая спорить хриплым шепотом.

— Говорю тебе, нам ничего не нужно делать! Я уверена, Кунн успел вызвать помощь, прежде чем упал. Скоро появится корабль ротенов и отыщет его. В любой дур он может спуститься сверху, освободить Кунна и забрать его добычу. А нам только нужно будет встать и покричать.

Во время долгого утомительного ожидания Рети размышляла. Она решила, что корабль, полный колец треки, и есть та цель, которую искал Кунн, бросая глубинные бомбы, чтобы выгнать добычу из укрытия. Согласно этой логике, краткая небесная схватка была отчаянной попыткой сопротивления со стороны загнанного в угол врага. Кунн сумел ответить, и теперь добыча беспомощно лежит в болоте. Все лихорадочные усилия отремонтировать корабль пока ничего не дали.

Рети казалось, что скоро повелители ротены придут, чтобы завершить работу, и захватят треки. Ротены, конечно, будут довольны таким успехом. Настолько, что не обратят внимания на предыдущие ошибки Двера. И ее тоже.

Очень правдоподобная теория. Но в таком случае почему корабль треки нападал с запада, а не вылетел из воды, куда Кунн бросал бомбы? Двер не специалист в делах и ссорах звездных богов, но инстинкт говорил ему, что Кунна застали врасплох.

— В таком случае то, что я собираюсь сделать, должно понравиться твоим друзьям, — сказал он Рети.

— Если ты доживешь до их появления, в чем я сомневаюсь! Эти паразиты там внизу заметят тебя, как только ты перевалишь через дюну.

— Может быть. Но я наблюдал за ними. Помнишь, когда мимо брело стадо болотных стомперов, жевало растения, поваленные при падении кораблей? Большие животные прошли мимо, и на них никто не обратил внимания. Думаю, их охранные роботы примут меня за местное животное.

— В этом ты прав, — сказала Рети.

— И оставят в покое, по крайней мере пока я не подойду очень близко.

— И что тогда? Нападешь на космический корабль со своим луком и стрелами?

Двер не стал напоминать Рети, что его лук когда-то казался ей сокровищем — добычей, ради которой стоило рискнуть жизнью, пытаясь ее украсть.

— Стрелы оставлю тебе, — сказал он. — У них стальные наконечники. Если я их возьму с собой, они поймут, что я не животное.

— Им следовало бы спросить меня. Я бы им сразу сказала, что ты...

...жена, довольно!

Это прозвучал высокий голос «мужа» Рети, который проворным языком счищал с нее песчинки.

...одумайся, жена! Храбрый юноша отвлечет глаза корабля, и мы с тобой сможем уйти! Все остальное — это просто разговоры... он хочет, чтобы мы могли безопасно скрыться, отнесись хорошо к мужчине-мальчику! Это ты по крайней мере должна сделать!

Рети мигала в ответ на выговор йии, а Двер удивлялся. Всегда ли урские мужья так обращаются со своими женами, ругают их из тяжелых сумок? Или этот йии особенный? Может, именно за это его и выгнала настоящая подруга?

— Это правда, Двер? — спросила Рети. — Ты приносишь себя в жертву ради меня?

Он попытался по ее взгляду определить, какой ответ заставит ее поступить так, как он хочет. Тускнеющий свет заставил его ограничиться догадками.

— Нет, неправда. У меня есть план. Рискованный, но я все равно хочу попробовать.

Рети смотрела на него так же внимательно, как он на нее. Наконец она коротко рассмеялась.

— Какой ты лжец! Йии прав насчет тебя. Ты слишком благороден, чтобы выжить, когда за тобой наблюдают.

«Ну вот, — подумал Двер. — Я сказал ей правду, надеясь убедить уйти».

Но Рети отреагировала неожиданно.

— Решено, — сказала она с упрямым видом, который он слишком хорошо знал. — Я иду с тобой, Двер, куда бы ты ни направился. Так что если хочешь меня спасти, давай вдвоем направимся на запад.

— Это не запад! — сердито прошептала она полмидура спустя.

Двер не обратил внимания на ее слова, по пояс в воде пробираясь по болоту. Жаль, что пришлось оставить йии с вещами, думал он. Маленький урский самец придавал «жене» хорошую дозу благоразумия и здравого смысла. Но он не выносит влагу.

Двер надеялся, что вскоре инстинкт выживания возьмет верх и Рети замолчит.

Они, почти обнаженные, брели по заросшему тростниками болоту к двум округлым силуэтам. Один побольше, его гладкие борта блестят, только в одном месте видна черная полоса. Второй лежит дальше, поврежденный и полузатонувший. Победитель и побежденный лежали тихо под бледным желтоватым сиянием Пассена, самой маленькой луны Джиджо.

Колонии длинноших болотных лебедей гнездились в зарослях. Они дремали после трудного дня, проведенного в охоте на отмелях и в кормлении потомства. Ближайшие поднимали свои копьеобразные головы, смотрели на двоих людей, потом, когда Рети и Двер проходили, снова опускали.

Грязь с ног до головы покрывала Двера и девушку-сунера, постоянным испарением частично скрывая их тепловое излучение. Согласно древним рассказам, из-за этого они должны казаться патрулирующим охраняющим машинам меньше, чем на самом деле. Двер также двигался извилистым медленным маршрутом, чтобы усилить впечатление, будто это охотящиеся животные.

Тонкие стрелки с прозрачными плавниками мелькали под поверхностью воды, задевая хвостами ноги. Далекий всплеск свидетельствовал, что где-то там, среди острых, как лезвие, стеблей трав охотится ночной хищник. Повсюду во влажных

джунглях передвигались голодные существа. Рети как будто поняла это и на какое-то время замолчала.

Если бы только она знала, какой неопределенный план у Двера, могла бы завыть так громко, что вся спящая дичь поднялась бы в небо. В сущности, он руководствовался предположениями. Ему хотелось поближе взглянуть на корабль нетреки и проверить свое впечатление от болота. Но чтобы сделать это, нужно соответствующим образом настроить сознание.

О чем я думал в тот день, когда впервые вступил в контакт — или это была первая галлюцинация — с голосом Одного-В-Своем-Роде?

Это произошло несколько лет назад. Он был в своем первом самостоятельном одиночном походе за Риммер. Повышение, перевод из учеников в группу мастеров-охотников, наполняло его возбуждением и духом свободы и приключений, ибо теперь он один из немногих в Шести Расах, кому разрешено идти куда угодно, даже за пределы заселенного Склона. Мир казался безграничным.

И однако.

И однако он по-прежнему отчетливо помнит момент, когда подошел к концу тропы через лес высоких бу — к окончанию соборного прохода шириной с человека и высокого, словно до луны. Неожиданно лес кончился, и Двер оказался под просторным голубым небом на краю скалистого чашеобразного пространства. Перед ним раскинулось мульк-озеро, расположенное на горном склоне и окруженное полями ломаных камней.

В этот момент перехода и временной потери ориентации он ощутил не только приятное освобождение из замкнутого пространства. Все его сознание заполнило ощущение открытия, его зрительные способности на мгновение чрезвычайно усилились, он смог в деталях разглядеть буйурские руины. И неожиданно увидел древние башни такими, какими они были давным-давно, сверкающими и гордыми. И на то же мгновение Двер почувствовал себя дома.

Именно тогда он впервые услышал голос паука, шепчущий, уговаривающий, советующий заключить сделку. Справедливый договор. С помощью паука Двер перестанет жить, но никогда не умрет. Он соединится с великолепным прошлым, вместе с пауком будет путешествовать во времени.

Теперь, бредя в полутьме по болоту, Двер снова попытался испытать то же самое ощущение открытия. Судя по текстуре этого места, по его запаху и прикосновениям, здесь тоже некогда возносились в небо могучие башни, только здесь они были гораздо грандиозней, чем там, в горах. Разрушительная работа продвинулась далеко, мало что оставалось уничтожить или стереть. Но каким-то образом Двер знал, что здесь когда-то было и когда было.

Вот здесь некогда солнце приветствовал ряд белоснежных обелисков, одновременно мистических и прагматичных в своем математически точном расположении.

У этого прозрачного фонтана буйуры размышляли и занимались многочисленными делами, недоступными его пониманию. А в небе летали торговые суда с десятков тысяч планет.

На улицах слышались голоса не только буйуров, но и мириада других мыслящих существ.

Это было великолепное время, но и утомительное для планеты, которая должна своей плотью питать такую энергичную, занятую цивилизацию. После миллиона лет интенсивного использования Джиджо отчаянно нуждалась в отдыхе. И силы разума предоставили ей такой отдых. Все деловитые голоса смолкли. Башни обрушились, и на их место пришла новая жизнь, которая призвана была залечить шрамы, появились более терпеливые, менее лихорадочно живущие существа.

Да?
Кто это?..

Слова возникли в сознании Двера, вначале еле слышные, неуверенные.

Кто зовет, кто отвлек нас от сонных размышлений?

Первым порывом Двера было отмести это как результат воображения. Разве не пострадала его нервная система, разве не испытала она страшное напряжение, когда пришлось переносить робота через реки? Бред — вполне ожидаемое явление после многих дней голодания. И привычка сопротивляться Одному-В-Своем-Роде требовала отмахнуться от голоса мульк-паука как от болезненной фантазии.

Кто болезненная фантазия?

Я, существо, которое спокойно переживает империи?

Или ты, поденка, живущая и умирающая за то время, которое требуется мне, чтобы увидеть сон?

Двер не торопился признавать существование этого голоса. Вначале он хотел убедиться. Осторожно идя вброд, он искал нити, которые заметил раньше, с вершины дюны. Многообещающим казался ближайший холмик. Несмотря на маскирующую растительность, у него были правильные очертания какого-то разрушенного сооружения. И действительно, вскоре путь Дверу преградили тросы, некоторые толщиной в его запястье, все они отходили от места, где когда-то стояло древнее здание. Двер поморщился от запаха разъедающей жидкости, которую переносили эти переплетенные нити.

— Эй, да это болото-мульк! Мы натолкнемся прямо на паука!

Двер кивнул, без слов принимая замечание Рети. Если хочет уйти, она знает дорогу назад.

Пауки часто встречаются на Склоне. Молодежь любит блуждать в их логовах, хотя можно получить кислотный ожог, если не будешь внимателен. Время от времени какой-нибудь деревенский подросток умирает от глупой ошибки, когда слишком углубляется в паутину, однако такие места не утрачивают своей притягательности. Там, где твари с нитями медленно разъедают остатки прошлых дней, часто находят бесценные реликты буйуров.

Существует множество народных легенд об этих существах, чьи тела состоят из самих нитей. В некоторых легендах упоминается, что пауки могут говорить с членами Шести, хотя Двер никогда не встречал того, кто признался бы, что вступал в такой разговор. И тем более никогда не слыхал о другом таком пауке, как Один-В-Своем-Роде. Этот действительно заманивал добычу в свою сеть и заключал свои «уникальные» сокровища в гроб из твердеющего желе.

Ты его встречал? Того сумасшедшего паука с высот?
Ты действительно обменивался с ним мыслями? И спасся?
Как необыкновенно интересно.

Твой мозговой рисунок исключительно ясен для такого недолговечного существа.
Это большая редкость у поденок.
Ты единственный в своем роде.

Да, именно так разговаривал с ним Один-В-Своем-Роде. Это существо настойчиво. Или настойчиво воображение Двера.

Послышался чуть раздраженный ответ.

Ты льстишь себе, считая, что можешь вообразить такое возвышенное создание, как я. Хотя признаюсь, для преходящего создания ты интересен.
Итак, тебе нужно подтверждение объективности моего существования? Как я могу доказать, что существую?

Вместо того чтобы отвечать прямо, Двер продолжал рассуждать отвлеченно. Лениво подумал, что было бы интересно увидеть, как прямо перед ним зашевелятся нити.

Словно по твоему приказу? Забавная концепция.
Но почему бы и нет?
Приходи через пять дней. Ты увидишь, что за этот короткий промежуток все они переместятся и займут новое положение!

Двер презрительно усмехнулся про себя.

Недостаточно быстро, мой безответный друг? Ты видел, как существо-мульк передвигалось быстрей?

Да, но то был безумец, его свели с ума одиночество, большая высота и то, что камень был пропитан пси. Им овладела болезненная одержимость природой смерти и времени. Неужели ты ожидаешь от меня подобной же недостойной спешки?

Подобно Одному-В-Своем-Роде, этот мульк-паук каким-то образом может пользоваться памятью Двера, чтобы лучше строить фразы, более членораздельно говорить. Но Двер знал, что вслух разговаривать с ним не стоит. И заставил себя повернуться.

Подожди! Ты меня заинтересовал. Разговоры, которые мы ведем друг с другом, так медлительны. Ты мог бы назвать их вялыми. Мы без конца сравниваем мусор, который поедаем. И по мере того как мы стареем, эти медлительные разговоры становятся все более скучными.

Скажи, ты ведь из одной из тех фантастических рас, которые недавно поселились за горами? Тех, которые ходят и разговаривают, но почти ничего не строят?

Рети из-за спины Двера спросила:

— Что происходит?

Но он только знаком показал, чтобы она не приближалась к нитям мульк-паука.

Хорошо. Я подчинюсь капризу и сделаю это. Передвинусь для тебя! Передвинусь, как не делал уже многие века.

Следи за мной, маленькая мерцающая форма жизни. Смотри сюда!

Двер оглянулся и увидел, как несколько нитей задрожали. Дрожь дур за дуром усиливалась, пока несколько самых крупных узлов не затянулись или не расплелись. Прошло еще несколько дуров, затем одна петля высунулась из воды, подня-

лась высоко, с нее капало, словно какая-то амфибия вынырнула из своего подводного дома.

Это было подтверждением не только реальности мульк-паука, но и здравого восприятия мира самим Двером. Но он подавил гордость и облегчение. Напротив, его охватило какое-то разочарование.

Молодой побег малого бу передвинется на столько за несколько дней, думал он, не заботясь о том, чтобы спроецировать эти мысли на мульк-паука.

Ты сравниваешь меня с бу?

С бу?

Высокомерное насекомое! Это ты — фрагмент моего воображения! Ты всего лишь непереваренный кусок цемента или плохой стали, обеспокоивший мои сны.

Нет, подожди! Не уходи еще. Я чувствую, что могу убедить тебя.

Скажи, что тебе нужно. Скажи, что заставит тебя признать меня и немного поговорить со мной.

Двер почувствовал стремление обратиться непосредственно к пауку. Сообщить ему в форме просьбы свои желания. Но нет. Его многому научил опыт общения с Одним-В-Своем-Роде. Тот паук мог быть безумным, но сохранил многие свойства своего вида.

Двер знал, что паук не должен получать все легко. Поэтому изложил свою идею в форме фантазии мечты. Когда Рети снова попыталась прервать его, он жестом приказал ей молчать и продолжал рисовать как реальность то, что может убедить его в существовании паука. Что именно способно произвести на Двера впечатление.

Мульк-существо казалось заинтересованным.

Правда?

А почему бы и нет?

Новый мусор, который ты имеешь в виду, уже привлек мое внимание. Эти большие груды чистого металла и летучих органических ядов — с такими мне давно не приходилось иметь дело.

Ты тревожишься, что этот мусор может снова улететь, заразить те части Джиджо, которые за пределами моей досягаемости? Боишься, что от них никогда не удастся правильно избавиться?

Не волнуйся больше, моя ответственная маленькая эфемерида! Я об этом позабочусь.

Предоставь это мне.

ОЛВИН

Я был прав! Фувнтусы — земляне!

С маленькими амфибиями я еще не разобрался, но большие шестиногие существа? Это дельфины. Такие, как в «Морском короле» или «Сияющем береге», только эти говорят и летают в космических кораблях! Как здорово!

И еще здесь есть люди.

Небесные люди!

Ну, по крайней мере несколько.

Я встретился с главной женщиной — ее зовут Джиллиан. Между прочим, она похвалила мой дневник. На самом деле она даже пообещала, если им удастся убраться отсюда и вернуться на Землю, найти мне агента и напечатать дневник.

Вы только представьте себе. Не могу дождаться, чтобы рассказать об этом Гек.

Но в обмен Джиллиан просит об одной услуге.

ЭВАСКС

О, как они увиливают!

Неужели это означает идти по Тропе, Ведущей Вниз?

Иногда разумная раса решает сменить курс, отвергает судьбу, избранную для нее патронами и кланом. Цивилизация Пяти

Галактик предоставляет несколько возможностей для осуществления такого намерения. Но когда все они изменяют, всегда остается последнее убежище — дорога, ведущая назад, от межзвездного разума к животному. Дорога к второму шансу. К возможности начать все сначала, получить нового патрона.

Это Я/мы могу понять. Но должна ли эта дорога обязательно иметь промежуточную фазу — между разумным гражданином и бессловесным животным? Фазу, в которой эти полуразвившиеся виды становятся законниками?

Их послы стоят сейчас перед нами, цитируя параграфы галактических законов, которые сохранились в их священных преданиях. Особенно красноречив посланник г'кеков. Да, Мои кольца, вы узнаете в нем г'кека Вуббена, вашего «коллегу и друга» в те дни, когда вы были треки Асксом. О, как этот мудрец-среди-сунеров искусно пользуется логикой, доказывает, что его народ не несет ответственности за долги его рода перед нашим кланом, что он не подлежит правилам вендетты. Долгу уничтожения.

Груда, старший корабельный жрец, настаивает на том, что мы должны — ради формы — выслушать этот вздор, прежде чем продолжить справедливую месть. Но бóльшая часть экипажа «Полкджи» на стороне капитана-лидера, гневные испарения мульчирующего сердечника которого становятся все сильней. Наконец капитан-лидер передает Мне/нам сигнал прекратить переговоры. Сигнал верному Эваксу.

ДОВОЛЬНО! — прерываю Я Вуббена громким тоном решительности оайлие. Все его четыре глазных стебелька удивленно сплетаются при нашем резком ответе.

ВАШИ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ ОСНОВАНЫ НА НЕВЕРНЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ.

Они стоят перед нами/Мной, ошеломленные нашей отповедью, и молчат. Такое молчание больше подходит полуживотным, чем вся эта бесполезная болтовня. Наконец мудрец квуэн, Ум-Острый-Как-Нож, наклоняет свой сине-зеленый панцирь и спрашивает:

— Могу я спросить, о каких предпосылках идет речь?

Наше второе кольцо мысли начинает отчаянно дергаться, и нам приходится подавить этот бунт сильными болезненными ударами, не давая мятежному кольцу продемонстрировать цветные клетки. Держите себя в руках, приказываю Я своим составляющим. Не пытайтесь подавать знаки своим бывшим товарищам. Этим вы ничего не достигнете.

Мини-восстание лишает меня возможности говорить властным голосом. Поэтому когда Я в следующий раз произношу слова вслух, звучат они более обычно. Но их смысл от этого не становится менее суровым.

— Ваши ложные предпосылки состоят из трех частей, — отвечаю Я на вопрос синего квуэна. — Вы предполагаете, что в Пяти Галактиках по-прежнему властвует закон.

Вы предполагаете, что нас должны сдерживать процедуры и прецеденты последних десяти миллионов лет.

Но прежде всего самое неверное ваше предположение в том, что нам это не все равно.

ДВЕР

Недостаточно было просто подольститься к мульк-пауку. Нужно было подобраться ближе и все время присматривать, потому что у паука не было концепции спешки.

Двер чувствовал, как паук сосредоточивается, перегоняет жидкости и собирает силы с периферии, которая тянется лига за лигой к берегу Трещины. Само представление о размерах этого существа ошеломляло. Этот паук несравненно больше того горного безумца, который едва не поглотил Двера и Рети. Этот титан находится на последней стадии уничтожения большого города, на пороге достижения своей цели, а следовательно, и конца жизни. Тысячелетия назад он, возможно, не обратил бы на Двера внимания, как занятый рабочий не обращает внимания на скребущуюся в углу мышь. Теперь скука сделала его внимательным к каждому новому голосу, предлагая на мгновение выход из вечной тоски.

Но Двер продолжал колебаться.

Почему я мог вступать в коммуникацию с Одним-В-Своем-Роде? А теперь и с этим пауком? Мы ведь такие разные — существа, предназначенные для противоположных стадий планетного цикла.

Его чувствительность только усилилась, возможно, потому, что он соприкасался с силовым полем робота. Но она присутствовала с самого начала и, может быть, именно ей он обязан своими превосходными достоинствами охотника.

Эмпатия. Интуитивная способность понимать потребности и желания живых существ.

Священные Свитки проклинают такие способности. Пси-способности. Они не рекомендуются представителям Шести Рас, которые хотят навсегда уйти из великого театра космоса. Поэтому Двер никогда не упоминал о своей, не говорил о ней ни Саре, ни Ларку, ни даже Фаллону, хотя думал, что старый охотник что-то заподозрил.

Делал ли это я раньше? Он задумался над тем, как уговорил паука действовать. Мне всегда казалось, что у меня пассивная эмпатия. Что я только прислушиваюсь к животным и действую соответственно.

Может быть, я все это время незаметно влиял на них? Когда я выпускаю стрелу, моя ли легендарная меткость всегда заставляет ее попасть в цель? Или я направляю полет дичи так, чтобы она оказалась на пути стрелы? Заставляю ли я танигера повернуть влево, именно туда, куда попадет мой камень?

Почему он почувствовал себя виноватым. Как будто поступал неспортивно.

Итак. А что сейчас? Ты умираешь с голоду. Почему бы не созвать к себе рыбу и дичь, чтобы ее можно было взять голыми руками?

Но Двер откуда-то знал, что из этого ничего не выйдет.

Он покачал головой, готовясь заняться только самыми насущными проблемами. Прямо впереди округлые силуэты отгрызали неровные куски от звездного неба. Два звездных корабля, неподвижные, однако по-прежнему загадочные и смер-

тоносные. Двер окунул палец в воду, попробовал и поморщился: какая-то отвратительная жидкость вытекала из обоих упавших кораблей в болото.

Но вот чувствительный слух Двера уловил звуки, доносившиеся от большего корабля. Звон и тяжелые удары. Несомненно, экипаж круглосуточно занят ремонтом. Несмотря на уверения Рети, Двер совсем не был уверен, что при свете дня появится корабль ротенов и повиснет над головой, чтобы забрать и потерянных товарищей, и долгожданную добычу. Более вероятным казалось как раз противоположное.

Но в любом случае ему предстоит работа.

Пока не получу новых указаний от мудрецов, я должен действовать по плану Дэйнела Озавы.

Он сказал, что мы должны защищать Джиджо.

Звездным богам здесь не место, как не место и сунерам. И даже в большей степени.

Крик болотного вьюрка заставил Двера еще больше погрузиться в воду.

Это кричала, подражая птице, Рети. Она на наблюдательном пункте в буйурских руинах возле дюн. Двер осмотрелся поверх тростников и увидел светящиеся очертания — патрульный робот, посланный застрявшими в болоте нетреки, возвращался из своего спирального маршрута.

На этот раз паук почувствовал его тревогу и заинтересовался.

Еще мусор?

Стараясь оставаться отчужденным, Двер посоветовал ему заняться делом, а летающие предметы пусть его не беспокоят.

Твоя память утверждает, что один из таких парящих механизмов убил моего брата на высотах. Может, он и был безумцем, но его работа осталась незавершенной. Кто теперь ее закончит?

Справедливый вопрос. На этот раз Двер сформулировал ответ в словах.

Если мы переживем этот кризис, мудрецы посадят зародыш мульк-паука у озера. По нашему мнению, помогая уничтожать остатки буйуров, каждое поколение Шести оставляет Джиджо немного более чистой и компенсирует тот небольшой ущерб, который причиняем мы. Свитки говорят, что это может облегчить наше наказание, когда начнется суд.

Но не тревожься из-за этого робота. У тебя есть цель, на которой нужно сосредоточиться. Там, в корпусе большего корабля, есть трещина, отверстие.

Двер почувствовал, как шевелятся волосы на затылке. Прижался, безошибочно ощутив приближение гравитационного поля. Очевидно, это более мощный робот, чем тот, который он едва не победил в схватке у поселка сунеров. Тот робот все еще скрывается в норе в дюне, а они с Рети взялись за его врагов.

Двер прижался, как животное, и даже попытался думать, как зверь, когда вода вокруг него задрожала, как барабан квуэнов. Закрыл глаза, но его преследовали видения. Искры летят от урского горна. Жгучая пена покрывает затонувшую деревню. Звездный свет блестит на коже странной рыбы, пасть которой, похожая на пасть нура, раскрывается в сухой усмешке.

Поле ослабло, неприятное ощущение прошло. Приоткрыв глаза, Двер увидел, что робот летит на восток вдоль фосфоресцирующей линии прибоя, а затем исчезает среди дюн.

Теперь у основания большего звездного корабля собралось много нитей; извиваясь, они поднимались все выше. Вся безумная идея основывалась на одном допущении — что система защиты корабля, и так уже поврежденная, будет настроена на обнаружение «неестественного», например, металлических предметов или источников энергии. В нормальных условиях простые растения и животные не представляют угрозы для корабля с его мощными стенами.

Сюда?

Вопрос паука сопровождался мысленным изображением рваной трещины в борту корабля нетреки — результата ответного выстрела Канна, когда его корабль уже был охвачен пламенем и падал. Зрительный образ, который воспринимал Двер, был нечетким, как во сне, видны были только самые главные детали. В то же время Двер ощущал сильный запах субстанции. Паук не знает, как работают машины галактов или из чего они сделаны — и какие именно разъедающие жидкости скорее всего уничтожат это осквернение невозделанного мира Джиджо.

«Да, сюда, — ответил мысленно Двер. — А также везде вокруг».

Кроме прозрачного окна для наблюдений, добавил он. Нет смысла настораживать эти существа, покрывая их окна извивающимися нитями. Пусть обнаружат сами утром. К тому времени, с помощью удачи Ифни, будет уже поздно.

«Помни», — начал он. Но паук прервал:

Знаю. Я использую самые прочные нити.

Мульк-моноволокно — самый прочный известный Шести материал. Двер собственными глазами видел, как на такой нити поднимали гондолы до самого верха горы Гуэнн. Но у звездного экипажа могут быть инструменты, способные разрезать и такой прочный материал. Если только внимание не будет отвлечено.

Шло время. В лунном свете болото казалось живым и полным движений — везде рябь и рваные подергивания. Это вокруг корабля собиралось все больше нитей. Мимо Двера проползали змееобразные тросы, но он не чувствовал ужаса, к которому привык при контактах с Одним-В-Своем-Роде. Намерение — это все. Каким-то образом Двер понимал, что огромное существо не питает к нему зла.

Через неравные интервалы Рети предупреждала о возвращении робота. Двер опасался, что робот может обнаружить

трусливую машину даников, которая прячется под песком. Если это произойдет, встревоженные джофуры могут выйти и залить болото ослепительным искусственным освещением.

Со всеми предосторожностями Двер обогнул корабль. Считая шаги, он мысленно перенесся в Серые Холмы, где сейчас Лена Стронг и Дженин Уорли объединяют род Рети с выжившими урскими сунерами, создавая единое новое племя.

Нелегкая задача, но если кому-то она под силу, то именно этим двум.

Тем не менее он жалел их. Должно быть, со смертью Дэйнела Озавы им совсем одиноко. А меня унесла в своих клешнях машина ротенов. Меня они тоже, наверно, считают мертвым.

Но у Дженин и Лены есть «наследство» Дэйнела Озавы: книги и инструменты, и им помогает урский младший мудрец — предводительница отряда уров. Даже оставшись одни, они могут справиться. И задача Двера — сделать так, чтобы никто не мог прилететь и помешать им.

Он знал, что его план рискован. Ларк, окажись он здесь, конечно, придумал бы что-нибудь получше.

Но здесь только я. Двер, дикарь с Джиджо. Не повезло планете.

Голос паука послышался, когда Двер оказался по другую сторону корабля, там, где к закрытому люку вела рампа.

Сюда тоже?

Сознание заполнилось изображением еще одной трещины в борту поврежденного корабля. Сквозь рваное отверстие лунный свет пробивался внутрь. Там виднелось множество механизмов. Становилось все теснее, по мере того как все новые нити проникали внутрь, с них капала разъедающая жидкость. Но Двер почувствовал, что его внимание привлекают к чему-то глубже. К противоположной стене.

В этой стене тоже щель, и сквозь нее пробивается свет. Не слабое освещение, а резкое, синее и синтетическое, оно приходит из какого-то помещения внутри.

Корабль, вероятно, больше не герметичен.

Жаль, что это произошло не на высокогорье. Треки ненавидят холод. Проникающий внутрь ветер с ледников — как раз то, что здесь пригодилось бы!

Нет, ответил он пауку. Не проникай в освещенное пространство. Еще не время.

Голос серьезно и задумчиво ответил:

Это свет... он может помешать моей работе?

Двер подтвердил. Да. Свет может помешать.

И забыл об этом, потому что краем глаза уловил движение на юго-востоке. Огибая груды нитей мульк-паука, к нему приближалась темная фигура. Двигалась она украдкой.

Рети! Но она должна наблюдать.

Сейчас не время для ее импульсивных поступков. Менее чем через мидур взойдет большая луна, а им надо уйти раньше, чем нетреки очнутся и поймут, что происходит.

Он устремился к девушке, стараясь не шуметь. Нити мульк-паука с какой-то сверхъестественной вежливостью освобождали ему путь. Девушка, очевидно, направляется к другому кораблю, тому некогда могучему небесному судну, с которого Кунн, преследуя загадочную добычу, бросал в Трещину бомбы. Двер и Рети с вершины дюны видели, как серебристая стрела упала в болото, а два человека были взяты в плен.

Это может произойти и с нами. Больше, чем когда-либо Двер пожалел, что пришлось оставить «урского мужа» Рети — ее совесть и голос здравого смысла.

Относительно этого света, который может помешать.
Думаю, ты хотел бы знать.
Я о нем позаботился.

Двер постарался отмахнуться от этого мысленного прикосновения: он пересекал открытое пространство, и все его чувства были насторожены. Когда ему удалось свернуть к двум

поросшим тростником холмикам, положение слегка улучшилось: теперь с корабля нетреки его невозможно увидеть. Но где-то по-прежнему патрулирует охранный робот. Лишившись наблюдателя, Двер мог полагаться только на собственные чувства, которые должны предупредить его о приближении робота.

Он до подмышек погрузился в воду, преодолевая глубокое место, и почувствовал предупреждающую дрожь.

За мной наблюдают.

Двер медленно повернулся, ожидая увидеть блестящее оружие безлицего убийцы. Но не машина с гладкими бортами висела над холмиком. Двер увидел наблюдающие за ним глаза — в самой высокой точке, на возвышении, которое могло быть стеной буйурского дома. Увидел оскаленные в улыбке острые зубы.

Грязнолапый.

Опять нур это сделал.

Когда-нибудь я посчитаюсь с тобой за те случаи, когда ты пугал меня до полусмерти.

На этот раз у Грязнолапого был спутник — маленькое существо, которое он держал в лапах. Какая-то недавняя добыча? Она не сопротивлялась, но крошечные зеленые глазки как будто смотрели с холодным интересом. Улыбка Грязнолапого приглашала Двера догадаться, кто его новый друг.

Но у Двера не было времени для игр.

— Наслаждайся, — пробормотал он и двинулся дальше, начал взбираться на грязный берег. И как раз огибал в поисках Рети дальний угол, когда сзади послышался звук. Раскатились гулкие удары и звон. Двер присел и оглянулся на больший корабль.

Борт казался невредимым — гладкая колесница звездных полубогов, готовая в любое мгновение унестись в небо.

Но тут над рампой в борту появилась прямоугольная трещина, и из нее потянулись, как призраки в ночи, клубы едкого дыма.

Помеха устранена.

Мысленное прикосновение паука было полно чувства удовлетворенности.

Сквозь тучи сажи по рампе скатывались темные фигуры, визжа от боли. Двер насчитал трех нетреки, затем две спотыкающиеся двуногие фигуры, опиравшиеся друг на друга, когда убегали от ядовитых клубов.

То, что последовало, вызвало у Двера тошноту: груды разделились на отдельные извивающиеся кольца, соскальзывающие с воскового сердечника, который делал их единым существом. Один большой тор вырвался из мрака, он бежал на пульсирующих ногах без направления или руководства, за ним тянулся слизистый след и какие-то волокна. Тор упал в глубокую воду. Другое беспомощное кольцо упало, глядя сразу во всех направлениях полными страха глазами, но тут его поглотили черные испарения.

Я не действовал так — с такой энергией и решительностью — с тех ранних дней, когда еще уцелевшие одушевленные машины буйуров пытались после отлета хозяев скрыться и размножаться среди развалин. Тогда мы были полны сил и свирепости, мы, мульк-агенты разрушения. Нам еще предстояли долгие века терпеливой эрозии.

Ты видишь теперь, как эффективно мы могли действовать в случае необходимости? Признаешь меня теперь, о уникальная молодая эфемерида?

Двер повернулся и побежал, разбрасывая пену.

Разведчик ротенов был расколот посредине, крылья его обломились. Двер отыскал люк и забрался внутрь. Металлическая палуба казалась холодной и чужой под его босыми ногами.

Внутри не было даже слабого лунного света, поэтому ему потребовалось время, чтобы отыскать в темном углу Рети.

Девушка доставала из шкафа ротенские сокровища и прятала в свой мешок. Что она ищет? Пищу? После всех тех ядов звездных богов, которые выплеснулись во время крушения?

— У нас нет на это времени, — крикнул он. — Надо убираться отсюда!

— Дай мне один дур, — ответила девушка. — Я знаю, это здесь. Кунн держал ее на одной из полок.

Двер высунул голову в люк и осмотрелся. Снова появился охранный робот, он висел над кораблем нетреки, ярко освещая болото внизу. Расходился густой дым, и Двер ощутил что-то сладкое во рту, от чего одновременно затошнило.

Неожиданно его чувства получили новый удар — звук. Воздух сотрясли несколько резких нот. Над водой натянулись линии, это сотни нитей, окружавших корабль, напряглись, как тросы праздничного павильона. Некоторые лопнули от напряжения и, извиваясь, отскочили. Одна из таких нитей ударилась о выжившую груду колец, отбросив верхние торы в болото. Нижние беспомощно и слепо дергались. Другие выжившие торопливо отступали глубже в болото.

Робот спустился, свет его прожектора сузился, превратился в режущий луч. Под этим нападением одна за другой лопались нити. Но было уже поздно, слишком поздно. Кто-то или что-то подрыло грязь под кораблем, и он начал погружаться в мутный склеп, грязная вода с бульканьем устремилась в люк.

— Нашла! — закричала Рети; голос у нее был на редкость счастливый. Она присоединилась к Дверу у входного люка, прижимая к груди найденное сокровище. С тех пор как он впервые ее увидел, эта штука пережила много любопытных прикосновений и проверок, так что теперь ее даже в тусклом свете невозможно было принять за живое существо. Еще один проклятый робот, подумал Двер. Ифни-проклятая штука принесла ему больше неприятностей, чем он способен сосчитать. Но для девушки сунера это символ надежды. Первый предвестник свободы в ее жизни.

— Пошли, — сказал Двер. — Этот корабль — единственное убежище поблизости. Выжившие уже идут сюда. Нам нужно уходить.

Спускаясь в болото, Рети довольно улыбалась. Она послушно следовала за ним, как будто у нее больше не было необходимости восставать.

Двер знал, что должен быть доволен. Его план сработал на удивление удачно. Но он испытывал только ощущение пустоты.

Может, это потому, что я был ранен, избит, истощен и изголодался, и теперь мне все равно.

Или мне никогда не нравилась эта часть охоты.

Та часть, когда приходится убивать.

Они отступили от обоих разрушенных кораблей в ближайшие заросли. Двер пытался выбрать лучший маршрут для отхода к дюнам, когда услышал голос.

— Привет. Мне кажется, нам нужно поговорить.

Двер был благодарен мульк-пауку. И если тот хочет, он должен с ним поговорить и признать его заслуги. Но он был слишком истощен для умственных усилий. Не сейчас, мысленно ответил он. Позже, обещаю, если мы переживем эту ночь.

Но голос настаивал. И Двер скоро понял: слова не заключены внутри его головы, они висят в воздухе, и у них низкий, знакомый тон. Они доносятся из пространства прямо над головой.

— Эй, люди в болоте. Вы меня слышите?

Голос затих, как будто говорящий отвернулся и обратился к кому-то еще.

— Вы уверены, что эта штука работает? — спросил он.

Удивленный, Двер обнаружил, что, вопреки здравому смыслу, отвечает на этот вопрос.

— Откуда мне знать, что работает, а что нет? Кто, во имя Джиджо, вы такие?

Теперь голос снова слышался отчетливо. С явным удовлетворением он ответил:

— Ага, хорошо. Значит, связь установлена. Это здорово.

Теперь наконец Двер увидел, что слова исходят от Грязнолапого, который сидит сразу над ним, решив приставать с это-

го нового насеста. И у нура теперь новый спутник — тот самый, с зелеными глазами.

Рети удивленно ахнула, а Двер неожиданно понял, что этот новый спутник удивительно напоминает ее птицу!

— Ну хорошо! — проворчал Двер. Бесконечные игры Грязнолапого истощили его терпение. — Уноси лапы или рассказывай, что происходит.

Тварь с зелеными глазами испустила низкий рокочущий звук, удивительно громкий для такого маленького объема. Двер замигал, удивленный поразительным сходством с ворчанием хуна.

— Хрр-р-м. Для начала позвольте мне представиться. Формальное имя, которое дали мне родители, Хф-уэйуо. Но вы можете называть меня Олвин.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

ПРИТЧА

— Мастер, — сказал ученик, — вселенная так сложна, что Создатель не мог сотворить ее одной своей волей. В составлении ее плана, в приказах ангелам исполнить его волю Он должен был пользоваться компьютерами.

Великий ученый долго обдумывал этот вопрос и наконец ответил отрицательно.

— Ты ошибаешься. Никакая реальность не может быть создана вычислительной машиной, которая находится в этой самой реальности. Бог не пользовался компьютерами при сотворении вселенной. Он пользовался математикой.

Ученик долго думал над этими мудрыми словами, но затем стал настаивать на своем.

— Возможно, это справедливо по отношению к планированию и сотворению мира — и к предвидению последствий его сотворения, но как же обслуживание и поддержание порядка? Космос обширен и очень сложен. Каждую фемосекунду нужно делать выбор, и соответственно живые существа сохранят жизнь или погибнут.

Как могут помощники Создателя следить за этими мириадами разветвлений без компьютеров?

И снова великий мудрец укоризненно покачал головой.

— Это решает Ифни, великая помощница Творца. Но ей не нужны сложные инструменты для решения местных проблем.

Именем Творца она правит миром при помощи игральной кости.

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

КАА

Когда все пятеро дельфинов собрались перед маленьким голографическим экраном, наблюдая в реальном времени, как проходит экспедиция, в маленьком подводном убежище стало тесно. Картины далекого нападения были нечеткими, но от них замирало сердце.

Брукида, Заки и Мопол теснились слева от Каа, но он острее ощущал присутствие справа Пипое: она работала грудным плавником, чтобы удержать глаза на одной линии. Ее присутствие нарушало умственное и гормональное равновесие Каа, особенно когда ее течением прижимало к нему. Для Каа это было ироническим подтверждением многосложной природы его разумного сознания: он одновременно больше всего хочет быть с ней и боится оказаться рядом.

К счастью, зрелище на экране позволяло отвлечься. Оно передавалось по тонкому волокну из скрытой камеры, расположенной в сотнях километров, на песчаном берегу над Трещиной. Низко нависали густые облака, превращая день в сумерки. Но при усилении наблюдатель мог различить в синей воде приближающиеся к берегу тени.

Неожиданно линия прибоя словно взорвалась, выбросила бронированные фигуры — шестиногие чудовища с горизонтальными цилиндрическими телами, заметно расширяющимися сзади. Фигуры устремились на берег, через береговое болото, стреляя по пути из лазеров. Нападающих сопровождали три

летающих робота; они устремились к захваченному врасплох противнику, и с них еще капала вода.

Укрепление противника представляло собой всего лишь грубый матерчатый навес у подветренного борта космического корабля. Единственный сторожевой робот при виде нападающих взвыл и поднялся в воздух и тут же превратился в дымящиеся обломки, которые погрузились в болото. Выжившие джофуры могли только беспомощно смотреть на приближение нападающих. Глазные ячейки ошеломленно уставились, неспособные осмыслить подобное унижение. Возвышенные существа, захваченные в плен простыми дельфинами.

Самой младшей расой земного клана волчат.

Каа прекрасно себя чувствовал, наблюдая, как товарищи по экипажу справляются с этими ненавистными жирными грудами колец. Джофурский союз безжалостно преследовал «Стремительный» на звездных линиях. Эта скромная победа приносит почти такое же удовлетворение, как другой рейд на планете Оакка, где решительные действия позволили захватить вражескую базу с тыла и освободили «Стремительный» из еще одной ловушки.

Только тогда мне не пришлось следить издали. Я пилотировал корабль, чтобы забрать инженера Д'Аните, и всю дорогу приходилось уворачиваться от огня.

В те дни он еще был Каа «Счастливчиком».

Вместе с Пипое и остальными он наблюдал, как лейтенант Тш'т металлическими руками своей установки для ходьбы показывает вправо и влево, приказывая подчиненным отогнать пленных к берегу, где из воды вынырнул китоподобный гигант, раскрывая огромную пасть.

Несмотря на густые облака, нападающим нужно было как можно больше сократить эту фазу, чтобы избежать обнаружения.

Один пленный джофур споткнулся в прибое. Составляющие его кольца дрожали, угрожая соскользнуть с соединяющего сердечника. Мопол при виде неприятностей врага радостно защелкал и забил плавниками так, что забрызгал потолок невысокого убежища.

Пипое послала Каа короткий сонарный щелчок, привлекая внимание к поведению Мопола.

— Понимаешь, что я имею в виду? Заметила она на сжатом тринари.

Каа кивнул в знак согласия. Все признаки болезни исчезли, сменившись первобытным возбуждением. Несомненно, Мополу хотелось участвовать в рейде, помучить мучителей.

Пипое, естественно, была недовольна. Ей пришлось в одноместных санях добираться сюда по незнакомым водам, полным пугающих звуковых теней, лишь для того чтобы диагностировать случай лихорадки кингри. Слово это в переводе на англик означало «симуляция». Космонавты дельфины знают много хитроумных способов, как изобразить симптомы пищевого отравления, чтобы выдать себя за больного и не выполнять свои обязанности.

— Я так и думал с самого начала, — сказал ей еще раньше Каа. — Это решение Макани — на всякий случай прислать сестру.

Но это не смягчило Пипое.

— Долг лидера — создавать мотивации, — насмешливо ответила она. — Если работа трудная, мотивация должны быть сильней.

Каа все еще морщился от ее насмешек. Но ее слова вызвали у него и изумление: у Мопола нет причин симулировать болезнь. Несмотря на другие свои недостатки, этот член экипажа никогда не был замечен в лени. И условия на аванпосте приятнее, чем на «Стремительном», где бóльшую часть времени приходится дышать раздражающей оксиводой и стараться уснуть в окружении причудливых сонарных эффектов, созданных водой под большим давлением. Здесь волны шелковистые, рыба вкусная, а работа — слежка за неприятелем — разнообразная и занимательная. Зачем Мополу изображать больного, если это означало оставаться в тесном подводном жилище рядом только с престарелым Брукидой?

На экране полдюжины ошеломленных джофуров заводили в подводную лодку, а на берегу лейтенант Тш'т разговаривала

с двумя местными людьми в грязном тряпье: молодым парнем и еще более молодой девушкой, которые казались очень истощенными и уставшими. Юноша хромал, в руках он держал лук и колчан со стрелами, а его спутница сжимала маленький сломанный робот.

Брукида воскликнул, узнав разведчика собственного изготовления, сделанного несколько месяцев назад и отправленного на берег в облике джиджоанской птицы.

Молодой человек указал на ближайшую дюну и что-то сказал: камера не уловила его слов. Почти сразу же три боевых робота землян окружили дюну и осторожно повисли над ней. Несколько мгновений спустя в туче песка появился другой робот, больше по размеру и явно пострадавший в предыдущей стычке. Он нерешительно остановился, как будто не в силах решить, сдаваться или самоуничтожиться. Наконец поврежденная машина поплыла к берегу, где дельфины в экзоскафандрах переносили на подводную лодку еще двух человек на носилках. Эти люди тоже были с ног до головы в грязи. Но под грязью видно было, что на более рослом мужчине одежда галактического изготовления. Пленный робот повис над этим мужчиной и сопровождал его на борт лодки.

Последними поднялись на борт Тш'т и два человека. Юноша на мгновение задержался перед пустым люком, разинутым, словно пасть гигантского хищника. Но девушка излучала радость. Ноги не успевали нести ее через прибой, когда она бросилась внутрь.

Осталась только лейтенант Тш'т. Она смотрела вниз, на маленькое существо, лениво развалившееся на берегу, вычесывая свою гладкую шерсть и делая вид, словно перед ним все время в мире. Через громкоговоритель в своем скафандре Тш'т обратилась к странному существу:

— Ну, если хочешь идти, это последняя возможность.

Каа все еще трудно было примириться с увиденным. В течение двух недель наблюдал он за хунскими кораблями в порту Вуфон и видел бегающие по снастям маленькие фигурки. Не сразу он опознал в этих фигурках титлалов — расу га-

лактических клиентов, чьи патроны, тимбрими, были самыми большими друзьями землян.

Кто бы мог винить меня? С хунами они ведут себя как умные животные, а не разумные существа. Согласно дневнику молодого любителя приключений хуна Олвина, джиджоанцы называют их нурами. И нуры никогда не разговаривают.

Но этот на берегу заговорил! И к тому же с тимбримийским акцентом.

Могли ли Шесть Рас жить все это время, не подозревая, что прямо среди них есть еще одно племя сунеров? Неужели титлалы все это время разыгрывали отсутствие разума и ни разу себя не выдали?

Маленькое существо, казалось, испытывает терпение Тш'т и не торопится отвечать, но тут послышался новый голос, он доносился из открытого люка лодки. Камера повернулась туда, и в ее поле появилась высокая фигура, долговязая и белая, с чешуйчатыми руками и органом в виде дрожащего мешка под горлом, из этого мешка доносился низкий гулкий звук.

Олвин, понял Каа. Молодой автор воспоминаний, которые Каа читал несколько ночей подряд, знакомясь со странной цивилизацией беженцев.

Он, должно быть, «ворчит» на этого титлала.

Через мгновение маленькое существо оказалось на шагающем костюме лейтенанта, и Тш'т направилась на борт. А улыбающаяся морда создания словно говорила: ну уж раз вы настаиваете.

Люк закрылся, лодка начала быстро пятиться, погружаясь в воду. Но картинка не исчезла.

Оставшись наконец наедине, маленький робот-разведчик со «Стремительного» повернул камеру к дюнам. Мимо мелькали песчаные пространства: робот искал удобный наблюдательный пункт, место, откуда мог бы следить за двумя развалинами, которые когда-то были космическими кораблями, а теперь лежали в грязи, опутанные разъедающими нитями.

Несомненно, Джиллиан Баскин и корабельный совет глубоко интересуются теми, кто нанесет следующий визит в это место опустошения.

ДЖИЛЛИАН

Вступительные упражнения закончены. Тепловое покалывание охватывает плывущее тело от макушки до кончиков пальцев.

Теперь Джиллиан готова для первого глубокого нырка. Это нарушкана — «морская звезда» — вытянутые шея, руки и ноги, направленные во все пять точек компаса.

Дисциплина тела лежит в основе йоги невесомости. Джиллиан научилась этому на Земле, когда они вместе с Томом изучали под руководством Джейкоба Демвы искусство выживания в галактике. «Плоть участвует во всем, что мы делаем, — однажды объяснил престарелый мастер-разведчик. — Нам, людям, нравится думать о себе как о разумных существах. Но чувства у нас всегда предшествуют разуму».

Это деликатная фаза. Нужно расслабить тело, чтобы вся кожа превратилась в чувствительную антенну. Но Джиллиан не может полностью расслабиться. Это означало бы выпустить на свободу накопившиеся печаль и одиночество.

Плывя в зоне невесомости, Джиллиан позволяет своему горизонтально расположенному торсу отвечать на притяжение объектов, находящихся за пределами бассейна, где-то на корабле и вне его. Их влияние проникает сквозь стены, и от него ее чувствительные нервы дергаются и зудят.

«Моменты судьбы» — так загадочные Древние называли подобные явления во время краткого посещения «Стремительным» Фрактальной системы.

Она так никогда и не видела того, кто произносит эти слова. Голос приходил откуда-то издалека, из-за пределов гигантского сооружения из игольчатого водородного льда. Фрактальная система — это одно огромное сооружение, размером с солнечную систему, с крошечной красной звездой в центре. Никакой преследователь не нашел бы в этом обширном пространстве «Стремительный», если бы кораблю было предоставлено убежище.

У вас на корабле тяжелый груз, сказал этот голос. Мы никогда не фиксировали такой судьбоносный груз.

Поэтому вы понимаете, почему мы прилетели, ответила Джиллиан, когда стройный корпус «Стремительного» огибал фантастические кристаллы, чередующиеся с тенями протяженностью с планету. Корабль казался частичкой пыльцы в гигантском лесу.

Поистине, мы понимаем, какова ваша цель. Ваша просьба обдумывается. А тем временем можете ли вы осудить нас за отказ от приглашения побывать у вас на борту? Или даже просто прикоснуться к корпусу? К корпусу, который так недавно был освещен страшным светом?

Мы, живущие здесь, ушли из Пяти Галактик. Ушли от флотов, битв и политических интриг. Вы можете получить помощь, о которой просите, а можете и не получить — решение еще не принято. Но не ждите радостного приема. Ибо ваш груз пробуждает голод, страсти и одержимости молодости.

Она попыталась разыграть невинность и непонимание.

Значение нашего груза преувеличивается. Мы с радостью передадим его тем, кто докажет свою беспристрастность и мудрость.

Не говори так! — потребовал голос. Не добавляй искушение к тому яду, который вы уже занесли к нам!

К яду?

В вашем трюме благословение и проклятие, заключил голос. Мы боимся, что ваше присутствие нарушит наш древний мир.

Как оказалось, «Стремительный» получил убежище всего на несколько недель, после чего конвульсии начали сотрясать всю Фрактальную систему; между гигантскими сооружениями, созданными для проживания квадрильонов, проскакивали искры. Хрустальные теплицы, размером с земную Луну, раскалывались, выплескивая в вакуум биомассу, которую они защищали. Откалывались куски размером с Юпитер, сверкающие освещенными окнами. Подобно сосулькам, сорванным

сильным ветром, отлетали, сталкивались и взрывались ураганом бесшумной пыли. А тем временем взорвалась какофония голосов:

Бедные дети волчата, мы должны помочь землянам.

Нет! Уничтожить их, чтобы мы могли вернуться к спокойному сну.

Возражение! Сначала нужно вытянуть у них то, что они знают.

Да. А потом поделиться знаниями с нашими младшими братьями из союза Авейтер.

Нет! С Наследниками.

С Отрекшимися!..

Джиллиан вспоминает, как ее поразила эта разразившаяся буря мелочности.

Вот тебе и хваленая беспристрастность и отчужденность старости.

Но потом, когда все казалось потерянным, на короткое время вмешались сочувствующие силы.

Ледяное царство не то место, которое вы ищете.

Вам нужен совет, беспристрастный и мудрый. Ищите его у тех, кто еще более древен и мудр.

Там, где бушует прибой, ограждая ночь.

Торопитесь, молодежь. Воспользуйтесь этой возможностью. Бегите, пока еще возможно.

И неожиданно перед кораблем с Земли открылся проход — щель в обширной массе водородного льда, и за ней — усеянная звездами тьма. У «Стремительного» были лишь мгновения на то, чтобы пролететь, и этот выход оказался слишком краток и неожидан для Эмерсона Д'Аните, который уже начал свою отчаянную жертвенную вылазку.

Бедный Эмерсон. Из-за него сражались враждующие фракции, пока его корабль не был поглощен светом.

* * *

Все это вернулось к Джиллиан не последовательно, а одновременно, целиком, безвременное, когда она вспомнила слова...

Моменты судьбы.

Погрузившись в транс, она чувствует притяжение этих объектов. Тех самых, что причинили так много неприятностей во Фрактальной системе.

Они гладят ее члены — члены «нарушкана» — не физической силой, но ужасающей важностью своего существования.

Неожиданно «нарушкан» меняется на «аббушу» — «стрелку», левая рука Джиллиан указывает на массивный куб — переносную ячейку Галактической Библиотеки, окруженную холодным туманом за два коридора от нее. Пальцами мысли Джиллиан касается одной из жемчужных фасет, украшенных гравировкой — символом со спиральными лучами. В отличие от ячеек с минимальными запасом программ, какие могли себе позволить волчата, эта предназначалась для могучего звездного клана. Вернись «Стремительный» домой только с этой добычей, его дорогостоящее путешествие вполне оправдалось бы.

Но этот куб казался наименее ценным среди грузов «Стремительного».

«Аббуша» перемещается на правую руку, ладонью вверх, как цветок, ищущий тепла, чтобы справиться с древним холодом Библиотеки.

Рука устремляется к теплу — противоположности старости.

Джиллиан слышит, что к ее личному святилищу приближается маленький слуга Киппи, и распрямляется. Амфибии кикви, жители водного мира Китрупа, ловко пользуются всеми шестью конечностями. И сопровождают работу жизнерадостными щелчками и чириканьем. Поверхностные мысли Киппи легко проследить, даже с ограниченными пси-способ-

ностями, как у Джиллиан. Киппи блаженно не подозревает, что его молодая раса оказалась втянутой в серьезный кризис, охвативший все Пять Галактик.

Что дальше? — Интересно, что?
Что дальше?
Что будет дальше? — Надеюсь, что-нибудь хорошее.

Джиллиан искренне надеется на то же самое. Ради кикви «Стремительный» должен отыскать уголок во вселенной, где еще сохраняются галактические традиции. Идеально было бы найти сильную благожелательную звездную расу, способную обнять и защитить юное племя амфибий, пока на звездных трассах дуют горячие ветры фанатизма.

Есть расы, достойные стать их патронами, помочь им, как никогда не помогали людям, пока кикви не смогут стать самостоятельными.

Джиллиан уже отказалась от надежды принять кикви в маленькую земную семью, состоящую из людей, неодельфинов и неошимпов, как надеялись вначале, когда «Стремительный» прихватил на борт небольшую группу способных к размножению жителей Китрупа. Зрелые предразумные виды — большая редкость, а это исключительная находка. Но сейчас земляне вряд ли способны защитить себя, тем более принимать на себя новую ответственность.

«Аббуша» снова меняется, переходит в «попош»: ногу Джиллиан начинает покалывать; это значит, что в помещении появился еще кто-то. Появившегося сопровождает самодовольная ирония, похожая на слишком сильный запах духов. Это вращающаяся голограмма машины Несс с типичной для нее бестактностью вторгается в личное убежище Джиллиан.

Когда злополучная экспедиция отправлялась с Земли, Том решил, что неплохо было бы захватить с собой эту тимбримийскую машину. Ради Тома — ей его очень не хватало — Джиллиан подавила естественное раздражение, вызванное

искусственным существом со спокойным и равнодушным голосом.

— Подводная лодка с отрядом и пленными на борту возвращается через нескольких часов, — сообщила машина Нисс. — Следует ли подготовить планы допроса, доктор Баскин? Или вы предоставите эту работу выводку детей-чужаков?

С того времени как Джиллиан поручила Олвину и Гек задачу интерпретирования, высокомерная машина как будто все время старается уколоть. Но пока дела идут неплохо. И Джиллиан знает, какие вопросы нужно задавать пленным людям и джофурам.

Больше того, у нее собственный способ подготовки. Как говаривал старый Джейк: «Как можно предвидеть, если вначале не запомнишь?»

Ей нужно побыть в одиночестве, без машины Нисс, без Ханнеса Суэсси, без сотни нервничающих дельфинов, которые пристают к ней, словно она их мать. Иногда это давление кажется ей тяжелее горы мертвых космических кораблей, окружающей «Стремительный» в этой темной пропасти.

Ответить словами — значит выйти из транса, поэтому Джиллиан вызывает эмпатический глиф копу. Ничего особенного — у нее нет врожденных способностей тимбрими, всего лишь предложение Ниссу найти себе уголок в кибернетическом пространстве и провести следующий час в симулированном самоповторении, пока она снова не вызовет.

Машина жужжит и возражает. Следует еще немало слов. Но Джиллиан позволяет им унестись, как уносятся прибоем плавающие обломки. Тем временем сама Джиллиан продолжает упражнение, перемещаясь к другому пункту компаса. Тому, который кажется тихим, как смерть.

Возвращается «аббуша», но теперь она устремлена к трупу, стоящему в дальнем углу ее кабинета, как мумия фараона. Мумия окружена сохраняющими полями, которые — после трех лет и миллионов парсеков — по-прежнему обеспечивают ее неизменность. Мумия такая же, какой была, когда Том извлек

древнего покойника из огромного брошенного корабля, плывшего в Мелком Скоплении.

У Тома всегда была склонность к собиранию дорогих сувениров. Но этот превзошел все.

Херби.

Ироническое имя для Прародителя, если это действительно Прародитель. Возможно, возрастом в два миллиарда лет и причина всех неприятностей «Стремительного».

Главная причина войны и смятения в дюжине спиральных рукавов.

Мы могли бы избавиться от него на планете Оакка, знала Джиллиан. Правильно было бы передать Херби Институту Библиотеки. И не только правильно, но и безопасно.

Но чиновники сектора оказались продажными. Многие библиотекари нарушили свою присягу и сами начали сражаться друг с другом — раса с расой, клан с кланом, и каждый стремился получить для себя сокровище «Стремительного».

И бегство стало долгом.

Ни одной галактической фракции нельзя позволить овладеть вашей тайной.

Так приказал Террагентский Совет в единственном полученном «Стремительным» сообщении на дальнем расстоянии. Джиллиан знала текст этого приказа наизусть.

Проявление любой пристрастности приведет к катастрофе.

И может означать уничтожение земного клана.

«Моменты судьбы» тянут ее за конечности, переориентируя тело. Джиллиан плавает лицом вверх, глаза ее открыты, но она не видит металлические плиты потолка. Ее взор устремлен в прошлое.

В Мелкое Скопление. Она видит фалангу мерцающих шаров, обманчиво прекрасных, как прозрачные луны или плавающие пузыри жевательной резинки.

Затем засада у Морграна, огненные залпы могучих боевых кораблей, бесчисленных, как звезды. Все они пытаются поймать мошку.

Мошка улетела на Китруп, где так много было потеряно, включая лучшую часть ее души.

Где ты, Том? Жив ли ты еще где-то в пространстве и времени?

Затем Оакка, зеленая предательская планета, где Институты потерпели поражение. И Фрактальная система, где Древние доказали, что возраст не ставит пределов вероломству.

Эта мысль как будто забавляет Херби.

«Древние? С моей перспективы эти обитатели огромной снежинки такие же дети, как и вы!»

Конечно, голос создан ее воображением, это оно вкладывает слова в уста, которые говорили, когда земной океан был лишен всякой жизни, кроме бактерий, когда Солнечная система была вполовину моложе.

Джиллиан улыбается, и «аббуша» преобразуется в «кунтатту» — смех среди бури мокрых вакуумных лучей.

Вскоре ей придется снова заняться решением такой задачи — как еще раз увести «Стремительный», уйти от преследования лающих псов. На этот раз потребуется что-нибудь особенное: ведь дредноут джофуров уже приземлился на Джиджо, а корпус «Стремительного» по-прежнему отягощен отражательной сажей.

Потребуется чудо.

Как они нас выследили? — гадала Джиллиан. Убежище казалось превосходным, все подходы к Джиджо закрыты, кроме одного, да и тот ведет через атмосферу гигантской углеродной звезды. Расы сунеров проделали это успешно и прибыли сюда, не оставив следов. Где мы ошиблись?

Но упрекам нет места в йоге невесомости.

Они уничтожают невозмутимость и спокойствие.

Прости, Джейк, думает Джиллиан. Она вздыхает, понимая, что транса больше не будет. Можно выныривать и возвращаться к делам. Может быть, «Хикахи» принесет из своего рейда на поверхность полезные сведения.

Прости, Том. Может быть, когда-нибудь я смогу так очистить свое сознание, чтобы услышать тебя, переслать часть себя туда, куда ты ушел.

Джиллиан не желает считаться с самым вероятным — что Том мертв вместе с Крайдайки и остальными, теми, кого она вынуждена была оставить на Китрупе всего лишь в космическом скифе, который должен был унести их домой.

Процесс выныривания продолжается, мысли уходят в мир абстракций, облегчая Джиллиан возвращение к неприятной действительности.

И все же.

В процессе возвращения Джиллиан неожиданно ощущает новое прикосновение, щекотание в области затылочных позвонков и фолликул черепа. Это прикосновение ей знакомо. Она ощущала его и раньше, хотя никогда оно не было таким сильным. Кто-то обращается к ней не поблизости, не в корабле, а откуда-то за его корпусом. Откуда-то из другой точки на планете.

В этом ощущении есть какая-то ритмичность и основательность, как в вибрациях, распространяющихся в плотной породе.

Если бы с нами был Крайдайки, он, вероятно, смог бы связаться, как связался с теми бедными созданиями, живущими в подземельях на Китрупе. А Том сумел бы расшифровать это послание.

Но она подозревает, что на этот раз столкнулась с чем-то новым. Корректируя свои первые впечатления, Джиллиан осознает: источник не в этом мире и не под ним, это часть планеты. Это аспект самой Джиджо.

«Нарушкан» ориентирует ее, как стрелку компаса, и неожиданно она ощущает странное, неспровоцированное смятение внутри. Ей требуется какое-то время, чтобы разобраться во впечатлениях. Но постепенно приходит узнавание.

Осторожно, как давно потерянный друг, не знающий, как его встретят, в ее сердце входит надежда.

ЭВАКС

Неожиданно приходит новость. Слишком поспешно для того, чтобы наши кольца смогли интерпретировать еще горячий воск. Поэтому позвольте рассказать прямо.

Сообщение о катастрофе! Известие о несчастье!

Новость о потерях к востоку от этого горного хребта. Наш приземлившийся корвет — уничтожен!

Разногласия разрывают экипаж «Полкджи». Синтезирующие кольца испускают пары обвинений, а говорящие кольца обмениваются взаимными упреками.

Может ли эта трагедия быть виной корабля дельфинов, отомстивших своим преследователям? После хитроумных уходов из наших ловушек слава этого корабля распространилась на многие годы.

Но этого не может быть. Сканирование на больших расстояниях не обнаруживает никаких следов колебаний тяготения или энергетического оружия. Предыдущие сигналы свидетельствовали о каких-то неполадках на борту.

И однако коварных волчат не следует сбрасывать со счетов. Я/мы могу прочесть восковые следы, оставленные прошлым Асксом, — легенды о начальных годах джиджоанской Общины, особенно предания о войнах людей с урами. Эти рассказы свидетельствуют, что обе расы обладают исключительными способностями к импровизации.

До сих пор мы считали это совпадением — что здесь оказались люди, а у ротенов тоже слуги люди, и именно сюда явился корабль с планеты волчат. Казалось, три эти группы не имеют ничего общего, никаких общих мотивов, целей или возможностей.

Но что, если это намеренно?

Я/мы должен поговорить об этом с капитаном-лидером, как только груды с высшим статусом перестанут испускать испарения и позволят нам вставить свой дымок.

Готовьтесь, Мои кольца. Первая наша задача — допросить пленников.

ТШ'Т

Что мне делать?

Пока подводная лодка приближалась к пропасти и горе мертвых космических кораблей, Тш'т непрерывно обдумывала положение, в котором оказалась. Пока остальные члены экипажа «Хикахи» радовались удачному исходу рейда и с нетерпением ожидали встречи со «Стремительным», Тш'т думала о причаливании с усиливающимся ощущением ужаса.

Внешне все было хорошо. Пленники охраняются. Молодые любители приключений Олвин и Гек опрашивают Двера и Рети — людей-сунеров, которые умудрились каким-то образом победить джофурский корвет. Как только «Хикахи» благополучно миновала слой температурного скачка, Тш'т поняла, что ей и ее команде удалось нанести удар от лица Земли и уйти невредимыми.

Такой рейд — немалая заслуга командира. Кое-кто назовет Тш'т героем. Но внутри у нее нарастала тревога.

Ифни, должно быть, ненавидит меня. Худшее из всех возможных сочетание событий захватило меня в свои клешни.

— Минутку, — обрезала самка г'кек, которая присвоила себе имя героя древней земной литературы. Ее спицы дрожали от возбуждения, одним глазным стебельком она указывала на молодого человека, у которого на коленях лежали лук и стрелы. — Ты говоришь, что прошел весь путь от Склона, чтобы найти ее скрывающееся племя, а она вернулась домой на борту небесной лодки даккинов.

Человеческая девушка, Рети, прервала:

— Даников, колесная дура! И что в этом удивительного? Я одурачила Кунна и всех остальных. Они поверили, что я готова стать одной из них. Конечно, я только ждала возможности...

Тш'т один раз уже слышала эту историю, поэтому на этот раз почти не слушала. Она отметила только, что эта «Гек» говорит на гораздо более правильном англике, чем девушка-че-

ловек. Но у нее на уме другие проблемы. Особенно интересует ее один из пленников, который находится в камере ближе к корме, — пленный космонавт может раскрыть немало тайн.

Тш'т через вживленное за левым ухом гнездо послала по нервам приказ. Ее механическое устройство для ходьбы ответило и понесло бутылкообразный клюв с мостика. Не отягощенное броней и оборудованием жизнеобеспечения, оно изящно пронесло Тш'т мимо дельфинов-зрителей. Фины были потрясены видом таких взъерошенных и грязных людей. А у девушки на лице шрам, который в любой земной больнице можно устранить за день. Для членов расы патронов казались немыслимыми столь древний акцент и откровенное удивление при виде дельфинов.

Зато эти двое не находили ничего необычного в болтовне с Олвином и Гек, как будто существо на колесах и говорящий на англике хун столь же обычны, как пена на волне. Настолько обычны, что Рети и Гек пререкаются, как сверстники.

— Конечно, я привела сюда Кунна. Но только для того, чтобы узнать, откуда взялась эта машина-птица! — Рети погладила миниатюрного ура, который довольно изогнул шею под ее поглаживанием. — И мой план сработал, верно? Я нашла вас!

Гек ответила вращанием всех четырех глазных стебельков — знаком сомнения и отвращения.

— Да, хотя это означало открыть расположение земного корабля и позволить твоему пилоту данику бомбить его с воздуха.

— Ну и что?

Тш'т со своей позиции у двери заметила, как самец человек обменялся понимающим взглядом с подростком хуном. Двер и Олвин только что познакомились, но уже сочувственно улыбались друг другу. Возможно, позже они обменяются впечатлениями, расскажут, как умудряются жить с такими динамичными спутницами.

Тш'т находила разговор этих разнообразных голосов слишком сложным. Словно на борту настоящий зверинец.

Спор продолжался и после ухода Тш'т на мостик. Возможно, когда Джиллиан и Нисс будут анализировать каждое слово, запись этого разговора окажется полезной. Уже велась подготовка к допросу уцелевших джофуров с помощью техники, найденной в теннанинском кубе-библиотеке. Теннанинцы начали воевать с джофурами еще до того, как Соломон построил храм, и сумели разработать нужную технику.

Тш'т одобрила это намерение вначале.

Но Джиллиан собирается допросить и Кунна. А она слишком хорошо знает людей, чтобы ее можно было обмануть.

«Хикахи» — импровизированный корабль, собранный из частей, взятых от древних кораблей, которые усеивают дно Трещины. Тш'т проходила коридорами из разнообразных материалов, соединенных грубо сваренными плитами, и наконец добралась до камеры, где содержались два пленных человека. К несчастью, караульным оказался Каркаеттт, который некогда проходил под руководством капитана Крайдайки программу тренировки мышления кининк. Тш'т не могла надеяться, что отошлет Каркаеттта по какому-нибудь поручению и заставит просто забыть обо всем. Он запомнит любое нарушение правил и распоряжений.

— Пончики спокойны, — доложил караульный. — Мы поместили поврежденный ротенский робот в холодильник. Позже мы с Ханнесом просмотрим его ячейки памяти.

— Отлично, — ответила Тш'т. — А как титлал?

Каркаеттт качнул гладкой серой головой.

— Ты имеешь в виду того, что говорит? Изолирован в каюте, как ты и приказала. А любимица Олвина, конечно, просто нур. Надеюсь, ты не велишь и ее запирать.

На самом деле Тш'т не была уверена, что понимает разницу между нуром и титлалом. Просто способность говорить? Но что, если они все это умеют, только держат в полной тайне? Титлал славится одной своей легендарной особенностью — он готов на все ради розыгрыша.

— Я хочу повидаться с пленниками людьми, — сказала Тш'т охраннику.

Каркаеттт передал сигнал открыть дверь. Согласно правилам, он сопровождал ее внутрь камеры, нацелив оружие на пленных.

Оба человека лежали на койках с прикрепленными к рукам медицинскими пакетами. Они казались уже в гораздо лучшем состоянии, чем были в болоте, когда, кашляя и отплевываясь, цеплялись за грязный берег и старались не погрузиться в воду с головой. Младший выглядел еще более грязным и изголодавшимся, чем Рети. Это был худой молодой человек с черными волосами и шрамом под одним глазом. Джесс, называла его Рети, ее родич-сунер, и далеко не самая любимая ею личность.

Второй мужчина гораздо больше. Под грязью можно было разглядеть мундир. Как только Тш'т вошла, стальные серые глаза не отрывались от нее.

Как вы выследили нас на Джиджо?

Именно это Джиллиан, несомненно, спросит у путешественника даника. И именно этого вопроса Тш'т больше всего боится.

Успокойся, сказала она себе. Ротены знают только, что кто-то прислал сообщение из Фрактальной системы. Они не знают, кто его послал.

Да и стали бы они доверять эту тайну своим слугам даникам? Этот бедняга, должно быть, удивлен не меньше нас.

Но во взгляде Кунна была та же непоколебимая вера, какую она однажды видела у Миссионера — посланника, который когда-то принес сияющее послание истины в маленькую общину дельфинов у Бимини. Тш'т тогда была еще ребенком и плавала в волне, поднятой матерью.

Люди действительно любимые патроны расы неодельфинов, объяснял вовлекающий в новую веру в пещере, куда никогда не заглядывали туристы с аквалангами. Но всего лишь несколько столетий назад примитивные люди в кораблях охотились за китообразными и привели их на грань исчезновения. Возможно, впоследствии они вели себя лучше, но кто может отрицать, что их зрелость хрупка и неиспытана? Не желая проявлять неверность, многие неодельфины испытывают дис-

комфорт и думают, не существует ли кто-то или что-то, более мудрое и великое, чем человечество. Нечто такое, к чему может обратиться целый клан в опасные времена.

Ты говоришь о Боге? — спросил один из присутствующих дельфинов. И Миссионер ответил кивком.

В сущности, да. Все древние легенды о божественных существах, которые вмешиваются в земные дела, все великие учителя и пророки могли бы подтвердить эту простую истину.

Земля не изолированная одинокая планета — дом странных волчат и их примитивных клиентов. Скорее это часть удивительного эксперимента. Я пришел к вам издалека, чтобы рассказать о нем.

За нами наблюдают очень давно. С любовью охраняют во время нашего долгого сна. Но скоро, очень скоро наступит время пробуждения.

КАА

Не было никаких признаков возвращения лихорадки у Мопола. Он казался в отличном расположении духа, когда на следующее утро вместе с Заки поплыл на восток, чтобы возобновить наблюдение за портом Вуфон.

— Видишь? С ним нужно было только поговорить построже, — с явной гордостью объясняла Пипое. — Мополу просто следовало напомнить о его долге.

Каа почувствовал скрытый упрек в ее словах, но предпочел его не замечать.

— Ты умеешь убеждать, — ответил он. — Этому, несомненно, учат в медицинских школах.

На самом деле он был убежден, что выздоровление Мопола не имеет никакого отношения к лекции Пипое. Самец стенос слишком охотно соглашался со всем, что говорила молодая сестра, кивая пятнистой серой головой и постоянно повторяя: «Слушаюсь!»

Они с Заки что-то задумали, подумал Каа, глядя вслед этим двоим, уплывавшим к поселку хунов.

— Скоро мне нужно будет вернуться на корабль, — сказала Пипое, заставив Каа опустить узкую челюсть.

— Я думал, ты останешься на несколько дней. Ты согласилась взглянуть на вулкан.

Казалось, она насторожилась.

— Не знаю. Когда я уплывала, шли разговоры о перемещении «Стремительного» в другое укрытие. Преследователи подошли слишком близко.

Конечно, если галактические флоты уже зафиксировали присутствие корабля, перемещение «Стремительного» на несколько километров ничего не даст. Не поможет даже огромная груда брошенных космических кораблей, как только область поиска настолько сузится, что преследователи смогут применить химические искатели. Их приманит земная ДНК, как самца моли притягивают феромоны самки.

Каа повел плавниками — жест, соответствующий пожатию плеч.

— Брукида будет разочарован. Он с нетерпением ждал возможности продемонстрировать свое собрание отбросов всех Шести Рас.

Пипое смотрела на Каа, сканировала его проникающим звуком, пока не обнаружила его внутреннюю искаженность.

Из ее дыхала вырвался смех.

— Ладно. Давай посмотрим эту твою гору. Все равно мне хочется поплавать.

Как обычно, вода оказалась прекрасной. Чуть солонее земной, но с приятным минеральным привкусом и легкой ионной маслянистостью, которая облегчает скольжение. Богатый кислородом уровень воздуха создавал впечатление, что можно плыть далеко за горизонт.

Гораздо более дружелюбный океан, чем на Китрупе или Оакке, где у океанов отвратительный ядовитый вкус. Дружелюбный, если, конечно, не обращать внимания на стоны, которые изредка доносятся из Помойки, как будто там внизу

поселилось племя китов-безумцев и поет свои баллады без ритма и смысла.

Согласно дневнику Олвина, их главному источнику сведений о Джиджо, некоторые туземцы верят, что за континентальным шельфом живут какие-то древние существа, свирепые и опасные. Эти намеки заставили Джиллиан Баскин приказать продолжить наблюдение.

Пока «Стремительный» не нуждается в пилоте, я могу продолжать играть роль тайного агента. И Пипое может уважать это занятие.

Помимо всех этих размышлений, Каа заново узнавал, как приятно плыть вдвоем с другим сильным пловцом, бить мощными плавниками, набирая с каждым толчком инерцию движения, а затем взмываться в дуге, словно взлетая. Истинное возбуждение и наслаждение плаванием никогда не достигается в одиночку. Два или больше дельфина должны двигаться в унисон, плывя в волне, поднятой другими. Когда это проделывается верно, поверхностное натяжение почти исчезает и все на планете сливается в целое без единого шва — от коры до скал и от моря до неба.

А дальше горький чистый вакуум?

Современный поэт мог бы провести такую экстраполяцию, но природным китообразным это никогда не приходило в голову — даже тем видам, которые способны разглядеть звезды, — пока люди не перестали на них охотиться и не начали учить.

Они изменили нас. Показали вселенную за солнцем, луной и приливами. Они даже превратили некоторых из нас в пилотов, ныряльщиков в бездонные дыры. Наверно, это искупляет грехи их предков.

Но кое-что никогда не меняется. Вроде полуэротических прикосновений белых шапок волн к плоти или пены горячего дыхания, соприкасающегося с воздухом. Эта прогулка дает то природное, живое наслаждение, которого ему так не хватает на борту «Стремительного».

К тому же это отличная возможность для возобновления ухаживания.

Если, конечно, она чувствует то же, что и я.

Если, конечно, я начинаю приобретать ее уважение.

Они приближались к берегу. Но могли судить об этом по эху, отражавшемуся от скал впереди. При каждом прыжке вверх можно было разглядеть окутанные туманом горные вершины. Скоро они достигнут тайной пещеры, где находится оборудование для наблюдения. И тогда Каа снова придется общаться с Пипое неуклюжими неадекватными словами.

Я хотел бы, чтобы это продолжалось бесконечно, подумал он.

Короткое сонарное прикосновение, и он понял, что Пипое чувствует то же самое. Она тоже тосковала по такому моменту освобождения примитивного.

Сонар Каа уловил присутствие на ближайших отмелях стаи псевдотунца, искушающего после невкусного затрака из синтерыбы. Тунец не вполне у них по пути, охота означала бы отклонение от курса. Тем не менее Каа произнес на тринари:

В летнем солнечном свете
Рыба привлекает, как съедобная
Сингулярность.

Каа гордился своей хайку, импульсивной, но построенной на игре слов, на смеси образов планетных и космических. Конечно, свободная охота официально не разрешена. Он ждал ответной реакции Пипое.

Когда мы минуем пропасть, или яркий риф,
Или черную дыру — что нас спасает?
Наш пилот!

От ее согласия сердце Каа расширилось: теперь он может надеяться.

Он повернул в сторону энергичного раннего ленча. И Пипое мощными ударами плавников легко удерживалась рядом с ним.

СУНЕРЫ

ЛАРК

Я бывал на борту летающей машины и раньше, говорил он себе. Я не простодушное дитя природы, пораженное металлическими дверями и искусственным светом.

Это место не должно пугать меня.

Стены меня не раздавят.

Но тело его не слушалось убеждений. Сердце отчаянно билось, и он не мог отдыхать. Ларк непрерывно испытывал ощущение, будто маленькая комната становится все меньше.

Он знал, что это иллюзия. Ни Линг, ни Ранн не проявляли никакого беспокойства из-за того, что оказались в замкнутом пространстве. Они привыкли к жестким серым поверхностям, но металлическое помещение кажется непереносимым тому, кто вырос под небом, закрытым только ветвями леса бу. Пластины пола передавали отдаленную вибрацию, ритмичную и непрекращающуюся.

Неожиданно Ларк понял, что это ему напоминает — механизмы на отцовской фабрике, мелющие и расплющивающие молоты, которые должны превратить обрывки ткани в белую равномерную массу. Именно эти удары гнали его в дикую местность, в долгие путешествия, в которых он изучал живые существа.

— Добро пожаловать на борт звездного корабля, сунер, — произнес Ранн, раздраженный головной болью и неудачей во время их схватки в озере. — Как тебе это нравится?

Все три пленника человека по-прежнему были во влажном белье: инструменты и оружие у них отобрали, мокрые костюмы заставили снять. По какой-то причине джофуры разрешили им оставить у себя симбионты-реуки, хотя свой Ранн снял, оставив красные пятна на висках: у стиснутого существа не было времени отцепить присоски для кормления.

По крайней мере никто не был ранен во время стремительного пленения, когда из гигантского корабля высыпала толпа конусообразных груд колец; каждый джофур передвигался на отдельной блестящей металлической платформе. Силовые поля прижимали воду озера, окружая плывущих людей углублениями. Парящие роботы потрескивали запасами сдерживаемой энергии, один из них даже нырнул под поверхность, преграждая попытку бегства; они подгоняли пленников вначале к одной из антигравитационных платформ, а затем в тюрьму.

К удивлению Ларка, их всех поместили в одну камеру. Согласно пересказам из мрачного прошлого Земли, обычной практикой было разделение пленников, чтобы сломить их дух. Но потом он понял.

Если джофуры подобны треки, они просто не могут представить себе концепцию одиночества. Одинокий треки был бы счастлив, и его кольца разговаривали бы друг с другом до возвращения Прародителей.

— Вероятно, они тщетно искали в своей базе данных информацию о землянах, — объяснила Линг. — До последнего времени такой информации почти не было.

Она подняла глаза.

— Суеверие волчат. Даже мы, даники, привыкли так думать. — Она посмотрела на Ранна. — Потребовался твой труд, тот, что вы написали с Утеном, чтобы убедить меня, что может быть и по-другому.

Ларк покраснел при этом комплименте, но сдержал свое воображение. Он старался не смотреть на ее почти обнаженное тело. Белье не может скрыть его физическое возбуждение. К тому же вряд ли это подходящее время.

— Мне все равно трудно понять их отношение. Галакты должны ждать столетия, чтобы получить формальный отчет о нас?

— О, я уверена, что сильные кланы, такие, как соро или джофуры, имели доступ и к ранним отчетам. И с начала кризиса «Стремительного» отчаянно искали новые данные. На-

пример, их стратегические организации почти несомненно похитили и подвергли вивисекции несколько человек. Но вряд ли они могут незаконным путем получить самые последние сведения о каждом звездном крейсере. Это означало бы риск заражения бортовой Библиотеки. Полагаю, что экипаж этого корабля импровизировал, а это искусство не очень поощряется в галактическом сообществе.

— Но люди этому сообществу известны. Поэтому ваш корабль явился на Джиджо. Импровизируя и воспользовавшись возможностью?

Линг кивнула, потирая обнаженные плечи.

— Наши повелители роте... — Она замолчала, потом перефразировала мысль. — Внутренний Круг получил сообщение. Временная капсула, настроенная на то, что ее уловит всякий корабль с рисунком сознания ротенов.

— Кто ее послал?

— Очевидно, на корабле дельфинов есть тайный верующий. Или находящийся в таком отчаянном положении, что нарушил приказ Террагентского Совета и решил поискать помощи у кого-то более сильного.

— Верующий... — Ларк задумался. — Верующий в даников, ты хочешь сказать. Но даники учат, что людей тайно воспитывают патроны ротены.

— И согласно традиции, это означает, что в случае необходимости экипаж дельфинов может также обратиться за помощью к ротенам, что этот бедняга, очевидно, и сделал.

— Как будто обратился к дедушке и бабушке, когда родители не справились с проблемой. Хрм.

Ларк уже знал отдельные моменты этой истории. Как первый корабль с экипажем из дельфинов отправился в разведывательный полет, чтобы проверить точность данных маленькой планетарной ветви, которую Земля получила от Института Библиотеки. Более цивилизованные кланы просто принимали информацию, накопленную предшествующими поколениями, особенно если она касалась далеких уголков вселенной, где исследования могли принести лишь небольшую выгоду.

Предполагалось, что полет будет самым обычным. Первый вылет, гарантированно удачный. Но затем где-то на исхоженных тропах «Стремительный» столкнулся с неизведанным, сделал открытие, которое свело с ума большие союзы. Возможно, это был ключ к переходам во времени, и он мог привести к неожиданному изменению древних истин, признанных всеми галактиками.

Говорили, что, когда это произойдет, только одна раса из десяти сможет совершить переход в новый век, как объяснял у лагерного костра вскоре после падения крепости Дуден хунский мудрец Фвхун-дау, глубоко изучивший архивы Библоса. Те, кто собирался выжить и перейти в следующую длительную стабильную фазу, естественно, захотели узнать как можно больше. Хр-р-рм. Да, даже сунер может понять, почему корабль землян столкнулся с такими неприятностями.

— Дельфин-даник, — удивлялся Ларк. — И вот этот верующий отправил тайное сообщение ротенам.

— Это не совсем точно. Англик не в состоянии передать искаженную логику коммуникации с помощью капсул времени. — Линг продолжала разглаживать волосы. Они отросли после Битвы на Поляне и были все еще мокрыми от длительного пребывания в озере.

— Но ты прав: в послании от верующего дельфина объяснялось, где находился «Стремительный» — в одной из водородных зон, где поближе к звездным приливам скрываются многие старшие расы, после того как перестают принимать активное участие в делах галактик.

И что еще важнее — в послании говорилось, куда капитан корабля собирается его направить. — Линг покачала головой. — Это оказалось очень хитроумной версией Тропы сунеров. Трудный проход, слишком близко от свирепой Измунути. Неудивительно, что ваши Шесть Рас так долго оставались необнаруженными.

— Хр-р-рм, — по-хунски проворчал задумчиво Ларк. — В отличие от наших предков вы допустили, чтобы вас выследили.

Это вызвало реакцию Ранна, который мрачно сидел в противоположном углу камеры, поддерживая больную голову.

— Глупец! Мы ничего подобного не делали! — раздраженно сказал рослый даник. — Ты хочешь сказать, что мы не смогли повторить то, что совершила толпа трусливых сунеров?

— Оставив в стороне оскорбления, я согласна, — поддержала его Линг. — Кажется маловероятным, чтобы нас выследили. Ведь наш корабль не впервые прилетел на Джиджо.

— Как это? — спросил Ларк.

— Когда товарищи оставили нас — четверых людей и двух ротенов, чтобы выполнить биологическое изучение Джиджо, — я думала, что остальные будут поблизости в пространстве на случай, если корабль дельфинов прячется на каком-нибудь соседнем планетоиде. Но на самом деле у них была совсем другая цель.

На самом деле они отправились на поиски покупателя.

Ларк удивленно нахмурился.

— Буйура?* Но разве они еще существуют? Ты хочешь сказать, что ротенам понадобился буйур в качестве проводника, чтобы вернуться на Джиджо и.

— Нет, совсем не буйура! — рассмеялась Линг, хотя смех ее звучал не очень весело. — Ты был прав насчет ротенов, Ларк. Они живут за счет обмена или продажи незаконно полученной информации, часто используя даников как агентов или посредников. Это была восхитительная и возбуждающая жизнь, пока ты не показал мне, как нас используют. А тут эти Шесть Рас. Несомненно, кто-нибудь заплатит за сведения о такой большой колонии преступников сунеров ничего личного.

— Я не обижаюсь. И конечно, многого стоили сведения о местонахождении корабля дельфинов. И вот... — Он с силой выдул воздух через ноздри: так поступает хун, выражая отвращение. — Твои хозяева решили продать нас всех.

Линг кивнула, пристально глядя на Ранна.

— Наши хозяева продали нас всех.

---

* Ошибка Ларка основана на сходстве звучания английского слова buyer — покупатель с выдуманным Брином словом «буйур». — *Примеч. пер.*

Рослый даник не смотрел ей в глаза. Он прижал ладони к вискам и негромко застонал. В этом стоне была боль и отвращение к предательству Линг. Потом Ранн отвернулся к стене, но не стал прикасаться к ее маслянистой скользкой поверхности.

— После всего, что мы видели, ты по-прежнему считаешь ротенов патронами человечества? — спросил Ларк.

Линг пожала плечами.

— Не могу так просто отмахнуться от доказательств, которые мне показывали в молодости. Эти доказательства охватывают тысячи лет. Ну, во всяком случае, это может объяснить нашу историю, полную крови и предательства. Повелители ротены обратили на нас внимание, потому что наши темные души все время сворачивали с Тропы. Но может быть, мы именно таковы, какими они нас и возвысили. Мы выращены, чтобы быть прикрытием для шайки воров.

— Хрм. Это может освободить нас от некоторых других ответственностей. Тем не менее я предпочел бы быть волчонком, с невежеством в качестве единственного оправдания.

Линг кивнула и погрузилась в молчание. Может, думала о той грандиозной лжи, в которой провела всю жизнь. А Ларк тем временем обдумывал новые перспективы истории человечества. Это нечто большее, чем сухое перечисление событий, заимствованное из пыльных томов в архиве Библоса.

Даники утверждают, что все время вели нас, что Моисей, Иисус, Будда, Фуллер и другие были замаскированными учителями. Но если нам помогали — ротены или кто-то другой, то помощь нам оказывали очень неудачно.

Подобно трудному ребенку, который больше всего нуждается в открытом, честном, личном внимании, нам нужно было нечто большее, чем несколько моральных панацей, туманных намеков и указаний вроде «Веруй» или «Будьте добры друг к другу». Морализаторских банальностей недостаточно для того, чтобы руководить буйными хулиганами, эти истины не предотвратили темных веков, рабства, холокоста двадцатого века или деспотии двадцать первого.

Все эти ужасы неважно рекомендуют не только учеников, но и учителей. Если только...

Если только мы действительно не проделали все это в одиночку.

Ларк испытывал те же чувства, что и во время разговора с Линг у озера мульк-паука. Его сознание было полно образом ядовитой, ужасной красоты. Он видел гобелен, сотканный за тысячи лет, — человеческую историю, видную с расстояния. Историю испуганных сирот, блуждающих в невежестве. Историю существ, достаточно умных, чтобы удивленно смотреть на звезды и задавать по вечерам вопросы, на которые ответом всегда было ужасающее молчание.

Иногда воображение в отчаянии производило страшные галлюцинации, фантастические объяснения или оправдания для любого зла, которое сильные причиняют слабым. Люди в невежестве вырубали леса, и их место занимали пустыни. Фермеры выжигали растительность и распахивали землю — и исчезали целые виды. Во имя благородных причин велись войны, оставлявшие страшные развалины.

И однако посреди всего этого человечество каким-то образом начало объединяться, учиться искусству хладнокровия и спокойствия, смотреть вперед, в будущее, как брошенный ребенок самостоятельно учится ползать и говорить.

Стоять и думать.

Ходить и читать.

Заботиться, а потом становиться любящим родителем других.

Рожденный в мире изгнанников, чья хрупкая безопасность уже рассеялась, заключенный в недрах космического корабля чужаков, Ларк тем не менее заботился не о собственной безопасности и даже не о судьбе шести кланов изгнанников на Джиджо. В конце концов, в широком масштабе вселенной его жизнь вряд ли имеет особую ценность. Пять Галактик будут продолжать вращаться и после того, как исчезнет последний землянин.

Но Ларк чувствовал, как разрывается его сердце при мыслях об истории Homo sapiens, самоучек волчат с Земли. Эта история, полная радостей и горестей, вызвала у него соленые слезы, вкусом напомнившие море.

Голос был знаком, ужасающе знаком.

— Рассказывайте нам немедленно.

Все три человека молчали, и допрашивающий джофур приблизился и навис над ними. Раскачивающаяся груда жирных колец издавала свистящие слова на англике, сопровождая их жидким бульканьем и слизистыми шлепаньями.

— Объясните нам: почему вы передали сигнал, который привел к вашему пленению? Вы пожертвовали собой, чтобы выиграть время для невидимых друзей? Тех, кого мы так настойчиво преследуем?

Эта груда представилась как «Эваскс», и частично ужас Ларка объяснялся тем, что он узнал знаки на кольцах — это были кольца бывшего высокого мудреца треки Аскса. Но в основании груды теперь было проворное кольцо на ногах, которое позволяло груде двигаться гораздо быстрее. И тестообразные трубки покрывали серебристые нити, которые вели наверх, к блестящему молодому кольцу, у которого не было ни каких-либо знаков, ни отростков. Но Ларк чувствовал, что именно это кольцо привело к превращению старого мудрого треки в джофура.

— Мы зафиксировали изменения в топоргическом временном поле, которое окружает корабль ротенов, — продолжал джофур. — Но эти изменения были в пределах вероятностных колебаний, и наши лидеры были слишком заняты другими делами, чтобы заниматься расследованием. Однако теперь мы/ Я ясно понимаю, чего вы хотели добиться этим трюком.

Это заявление не удивило Ларка. Насторожившись, могучие чужаки, конечно, раскроют примитивную уловку, которая позволяла захваченным даникам выйти из корабля. Он только надеялся, что Джени Шен, и Джими, и все остальные сумели уйти и добраться до сети пещер раньше, чем над ко-

коном времени, окружающим корабль ротенов, повис сторожевой робот.

Поскольку все три человека молчали, Эваскс продолжил:

— Логическая цепочка безупречна и раскрывает настойчивость, с которой вы, сунеры, пытались отвлечь нас от нашей главной цели на этой планете.

Короче, вы уводили нас в сторону.

Теперь Ларк удивленно поднял голову. Он обменялся взглядом с Линг: «О чем говорит этот джофур?»

— Все это началось несколько оборотов Джиджо назад, — продолжал Эваскс. — Хотя никому из других членов экипажа это не показалось странным, я удивился, когда высокие мудрецы так быстро и легко согласились на требования нашего капитана-лидера. Я не думал, что Вуббен и Лестер Кембел повинуются так быстро, открыв нам координаты главной крепости г'кеков.

Наконец Ларк заговорил:

— Ты имеешь в виду крепость Дуден?

Он все еще считал себя виноватым в том, что случайный компьютерный резонанс выдал расположение тайной колонии. Но Эваскс, очевидно, считал, что эта передача была послана целенаправленно.

— Правильно, крепость Дуден. Время прихода сигнала кажется сейчас слишком удобным и необычным. Натеки памяти, унаследованные от Аскса, указывают на отвратительный уровень взаимной преданности среди ничтожных выродившихся рас Джиджо. Эта преданность должна была помешать согласию с нашими требованиями. Мудрецы должны были бы тянуть время в надежде эвакуировать г'кеков, прежде чем выдать их местоположение.

— А зачем вам вообще нужно было ждать сигнала? — спросил Ларк. — Если у вас была память Аскса, вы уже знали, где Дуден! Зачем еще спрашивать высоких мудрецов?

Впервые Ларк увидел то, что можно было бы назвать эмоциональной реакцией. Рваная дрожь пробежала по нескольким кольцам Эваскса, как будто они боролись с внутренними

неприятными ощущениями. И когда Эваскс снова заговорил, голос его звучал напряженно.

— Причины неполноты нашего банка данных вас не касаются. Достаточно сказать, что заточение крепости Дуден было приятно командиру корабля «Полкджи», однако у Меня/нас, в этой груде колец, появились некоторые опасения. Слишком удобным кажется совпадение во времени.

— Что это значит?

— Я хочу сказать, что сигнал пришел как раз тогда, когда мы собирались отправить наш второй корвет на помощь первому, совершившему вынужденную посадку где-то за горами. Этот полет был отложен, поскольку мы узнали расположение крепости г'кеков. Корвет был снабжен топоргиком, чтобы иметь возможность напасть на наших кровных врагов прежде, чем хоть один из этих колесных паразитов смог уйти.

Ларк заметил, как Ранн и Линг многозначительно переглянулись. За горами. Даники отправили разведывательный корабль Кунна как раз в том направлении перед самой Битвой на Поляне. А теперь джофур сообщает, что они в том же направлении потеряли корвет?

Не потеряли. Вынужденное приземление. Тем не менее у них необычные приоритеты. Месть опережает спасение.

— После того как мы покончили с крепостью Дуден, были и другие неотложные дела. И тут, как раз когда мы возобновили подготовку к посылке помощи нашим приземлившимся родичам, возникло новое отвлечение. Я имею в виду вашу деятельность в озере. Вы нашли примитивный, но хитроумный способ подвергнуть вибрации топоргический кокон вокруг ротенского корабля. Вначале мы не обращали на это внимания, поскольку простые сунеры никогда не могли бы прорвать кокон.

Снова дрожь пробежала по кольцам существа, хотя на этот раз голос не смолк.

— Однако вскоре произошло нечто такое, что мы не смогли игнорировать. На поверхности озера, внутри нашего пери-

метра, появились три человека! Это событие вызвало объявление тревоги и надолго привлекло к себе наше внимание.

И теперь Я/мы совершенно уверен в ваших истинных намерениях.

Ларк удивленно смотрел на Эваксса.

Сразу после пленения они с Линг шепотом говорили о предательстве Ранна, который вынырнул на поверхность и с помощью компьютера привлек внимание джофуров. Линг попыталась прояснить возможные мотивы этого поступка:

— Верность Ранна нашим хозяевам более глубока, чем я себе представляла. Он знает, что у Шести Рас есть доказательства, которые способны разоблачить ротенов. И когда мы помогаем нашим товарищам сбежать, мы только ухудшаем положение, давая возможность новым даникам познакомиться с твоими аргументами, Ларк. С твоими доказательствами геноцида и других преступлений. И подобно мне, они могут быть переубеждены и выступить против наших повелителей.

Ранн готов пойти на уничтожение всех товарищей, на то, чтобы корабль вечно оставался в заключении, лишь бы этого не произошло. И по крайней мере клан ротенов будет в безопасности.

Объяснение Линг потрясло Ларка. Но это, услышанное от Эваксса, звучит еще более странно.

— Ты говоришь, что мы... хм... подвергли вибрации золотую оболочку вокруг затонувшего корабля, чтобы привлечь ваше внимание? И когда это не получилось, мы вынырнули на поверхность, чтобы поднять еще больший шум и чтобы вы наконец посмотрели в нашу сторону?

И только произнеся эти слова, Ларк неожиданно понял, что подобный сценарий имеет больше смысла, чем то, что произошло на самом деле. По сравнению с ним еще более невероятным казалось то, что примитивные сунеры найдут способ проникнуть в топоргическую ловушку или что даник

предаст своих товарищей, чтобы оставить их в заключении. Но была одна логическая проблема.

— Но... — начал Ларк. — Но зачем нам идти на такой отчаянный поступок? Чему может служить такое самопожертвование?

Джофур раздраженно выдохнул.

— Это вам отлично известно. Однако, чтобы у нас была точно определенная база для переговоров, Я объясню.

Я/мы знаю вашу тайну, — сказал он Ларку. — Вы, несомненно, связываетесь с земным кораблем.

ОЛВИН

Дельфины никак не назвали эту гору брошенных космических кораблей. Груду обломков утраченной цивилизации, гниющую на дне Помойки.

Гек хочет назвать ее Атлантидой. Но на этот раз мне показалось, что ее предложению не хватает воображения.

Я предпочитаю название того загадочного места, которое так памятно описал великий Кларк. Семь Солнц. Место, где мой тезка нашел древние реликты давно забытых титанов, которые давно исчезли, бросив своих устаревших слуг.

Остатки великого прошлого, теперь утраченные между городом и звездами.

Мы теперь мало времени проводим вместе. Мы четверо из порта Вуфон. Четыре товарища, любителя приключений. Мы идем в разных направлениях под влиянием собственных одержимостей.

Ур-ронн проводит все время там, где вы и ожидаете, — в машинном отделении. Она с огромным желанием изучает механизмы корабля и очень подружилась с Ханнесом Суэсси. У меня впечатление, что дельфины не так хороши в тонкой ручной работе, как уры, и Суэсси, кажется, рад, что она оказалась на корабле.

К тому же это самое сухое место на борту корабля. Но думаю, Ур-ронн все равно бы все время проводила там, даже если бы пришлось по колени погружаться в жидкую грязь. Здесь кузнец на своем месте.

Суэсси надеялся, что у нас могут найтись сведения, как избавить корпус «Стремительного» от толстого углеродного покрытия. Устная традиция говорит о звездной саже, которая отягощает каждый космический корабль, прилетевший на Джиджо курсом мимо Измунути. Но я никогда не слышал, чтобы какой-нибудь клан пытался убрать эту сажу. Зачем это было делать нашим предкам, если они сразу после прибытия топили свои ковчеги?

Почему бы просто не переоборудовать один из древних кораблей, лежащих на дне Помойки, и улететь на нем?

Ур-ронн говорит, что Суэсси и доктор Баскин обсуждали такую возможность. Но если бы эти корабли были способны хорошо летать, разве буйуры не взяли бы их с собой?

Ур-ронн надеется за свою помощь инженерам получить в обмен их сотрудничество в выполнении поручения, которые мы получили, когда наша самодельная «Мечта Вуфона» впервые опустилась в море у Окончательной скалы. Уриэль просила нас найти тайник — оборудование, которое помогло бы высоким мудрецам справиться с чужаками из космоса.

Теперь мы больше знаем об этих чужаках — о крейсере ротенов, за которым последовал боевой корабль джофуров, и нам кажется невероятным, чтобы какой-то тайник смог помочь в борьбе с такими богоподобными и высокомерными захватчиками. И все равно теперь Уриэль и наши родители считают нас мертвыми — с того момента, как порвался шланг, подававший воздух на «Мечту Вуфона».

И все же Ур-ронн права. Клятва есть клятва.

Я понимаю, почему доктор Баскин не хочет, чтобы мы связывались с родителями. Но я должен уговорить ее попробовать.

* * *

Клешня бóльшую часть времени проводит с кикви — теми самыми амфибиями с шестью конечностями, которых мы вначале приняли за хозяев корабля. Но на самом деле они нечто еще более почитаемое и ценимое в Пяти Галактиках — добросовестные предразумные существа. У Клешни к ним склонность, потому что раса красных квуэнов тоже живет там, где волны встречаются со скалистым берегом. Но это лишь внешняя причина его увлечения ими.

Он говорит о строительстве новой подводной лодки для исследования Помойки. Не только этой груды мертвых космических кораблей, но и обширных, полных чудес затопленных городов, брошенных улетевшими буйурами.

И ему нравится тот короткий промежуток, когда он был капитаном «Мечты Вуфона». Но на этот раз он надеется получить новый экипаж. Проворные, послушные, любящие воду кикви подходят для этого идеально, особенно по сравнению с долговязым хуном, многословным г'кеком и боящимся воды уром.

Может быть, Клешня все еще надеется отыскать настоящих чудовищ.

Гек отказывается верить, что что-нибудь важное может происходить без ее присутствия. Как только мы вернулись с лейтенантом Тш't, она занялась серьезным делом — допросом пленных джофуров, взятых на разбитом корабле-разведчике.

Согласно шпионским и приключенческим романам, искусство допроса тесно связано с умением играть словами. Нужно одурачить парня, которого допрашиваешь, и заставить его выболтать то, что он не собирался выдавать. И Гек считает, что именно в этом она особенно искусна. Что с того, что джофуры отличаются от треки? Она была уверена, что прорвет их упрямое молчание и заставит говорить.

Представьте же себе ее изумление, когда одно ее появление вызвало у них приступ ярости. Когда Гек вкатилась в их камеру, они начали бросаться на ограждающее поле, пытаясь

добраться до нее! И помещение заполнилось запахом страшной ненависти.

Как ни странно, но это оказалось полезным! Ибо джофуры неожиданно утратили свою мрачную сдержанность и начали говорить. По преимуществу их выкрики на галдва и галпять казались проникнуты кипящим гневом. Однако тут же вмешалась эта подлая машина Нисс и начала отпускать намеки и оскорбительные предположения.

Гек повернула все четыре глазных стебелька в сторону вращающейся голограммы, когда та предположила, что джофурам могут отдать этого вкусного г'кека, если только они согласятся сотрудничать! И вскоре наряду с клятвами отомстить и восклицаниями возмездия стала поступать полезная информация, вроде названия корабля и ранга их капитана-лидера. И еще один очень важный факт. Хотя их корабль кажется гигантом по сравнению со «Стремительным», корабль джофуров прилетел на Джиджо один.

Гек говорит: она знала, что Нисс блефует. Никто не собирался отдавать ее джофурам. Она победила, таков был ее план с самого начала.

Я молчу и делаю вид, что не замечаю зеленый пот, покрывающий ее глазные капюшоны. После этого разговора ей понадобится ванна.

В отличие от остальных я не могу устранить все сомнения.

Правильную ли сторону мы выбрали?

О, есть немало причин, почему нам следует стать на сторону этих беглецов. Люди — члены Шести Рас, и это делает дельфинов чем-то вроде наших двоюродных братьев. И правда, что «Стремительный» больше похож на наши сунерские крадущиеся корабли, чем на высокомерные дредноуты на хребте Риммер. И я вырос, читая земные романы. Мое сочувствие всегда на стороне слабых.

Тем не менее в уголке сознания есть нечто неизменное и не подлежащее сдаче. В конечном счете моя верность принадлежит семье, расе и клану и высоким мудрецам Общины Джиджо.

И кто-то из нас четверых должен помнить наши истинные приоритеты. Может прийти время, когда они вступят в противоречие с намерениями наших хозяев.

Чем я занимался все это время?

Во-первых, учился погружаться в корабельную базу данных в поисках исторических сведений о том, что произошло после Великой Печати. Даже эти дистиллированные рассказы кажутся пиром такой прирожденной ищейке информации, как я.

И однако я никак не могу изгнать из памяти этот большой, окутанный туманом куб. Иногда мне хочется проскользнуть в то холодное помещение и задать вопросы отраслевой Библиотеке — запасу знаний такому обширному, что по сравнению с ним весь архив Библоса кажется букварем для двухлетнего ребенка.

По пути с поверхности я ближе познакомился с Рети, этой вспыльчивой гордой девушкой-человеком, чье преступное варварское племя могло бы потрясти всю Общину сенсационным скандалом. Я также разговаривал с охотником Двером, который вспомнил, как несколько лет назад посещал порт Вуфон. Пока врач Макани обрабатывала его раны, Двер рассказывал о своих путешествиях, но вскоре устал и заснул. Потом заснула и Рети, ее маленький «муж» свернулся рядом, положив ей на грудь стройную урскую голову.

По большей части мне нужно было ворчать.

Да, верно. Ворчать ради нура.

Моя собственная любимица Хуфу не знает, как реагировать на этого новичка, того самого, которого называют Грязнолапым. Увидев его в первый раз, она зашипела и он ответил ей шипением, точно как обычный нур. Это была такая нормальная реакция, что я даже усомнился в своей памяти. Неужели я действительно слышал, как Грязнолапый говорит?

Мне поручили развлекать его, пока он не решит заговорить снова.

* * *

Думаю, я в долгу перед ними — перед Джиллиан Баскин, и Тш'т, и всеми дельфинами. Они спасли нас от гибели в пропасти, хотя мы бы вообще не упали в нее, если бы не их вмешательство.

Они вылечили мою больную спину, хотя рану я получил, когда они разбили «Мечту Вуфона».

Они превратили наше приключение в настоящий эпос, но не позволяют возвращаться домой, опасаясь, что мы о нем расскажем.

Ну хорошо, черт побери! Я буду ворчать ради этого глупого нура. Он прихорашивается и делает вид, что истосковался по этому звуку — после нескольких месяцев, проведенных только в обществе людей.

Но вблизи я чувствую разницу. Я и раньше видел нечто подобное во взглядах незнакомых нуров, бродивших по порту Вуфон.

Вкрадчивое высокомерие.

Нечто вроде ленивого самодовольства.

Такое впечатление, будто он участвует в грандиозном розыгрыше. Таком розыгрыше, когда вы ничего не понимаете, пока у вас все лицо не оказывается в яйце.

ЭВАСКС

Пленники люди кажутся упрямыми, Мои кольца, они отказываются отвечать на вопросы. Или озадачивают нас откровенной ложью.

Вопрос:

Есть ли сходство между их поведением и тем, как вы пытались обмануть Меня?

То, как вы расплавили многие восковые воспоминания, унаследованные нами от Аскса?

То, как ваш союз колеблется между неохотным сотрудничеством и попытками пассивного сопротивления?

Этого достаточно, чтобы вызвать неприятные вопросы.

ВАМ НРАВИТСЯ БЫТЬ ЧАСТЬЮ НАШЕГО НАМНОГО УЛУЧШЕННОГО ОБЩЕГО ЦЕЛОГО? НАШЕГО ЧЕСТОЛЮБИВОГО И ИЗЫСКАННОГО ЕДИНСТВА?

Да, большинство из вас выражает радость быть частью великого джофурского существа, а не просто скучной смесью треки. Но могу ли Я/мы быть действительно уверен, что вы/мы любите Меня/нас?

Сам по себе этот вопрос, возможно, является симптомом безумия. Какой естественно созданный джофур позволит себе такие сомнения? Груда-священник «Полкджи» предсказывал, что этот эксперимент по гибридизации закончится неудачей. Священник пророчествовал, что бесполезно пытаться навязывать мастер-кольцо кольцам треки, закореневшим в своих ложных убеждениях.

Вдоль потревоженных наплывов полурасплавленного воска поднимается метафора.

Ты пытаешься сделать сравнение, о второе кольцо сознания?

А, да, Я/мы вижу его.

Попытка выплавить благородного джофура из колец треки — все равно что попытка приручить стаю диких зверей. Подходящая аналогия.

Жаль только, что эта метафора не помогает решить Мои/наши проблемы.

Какие тайны скрываются за расплавленными участками? Какие воспоминания сознательно уничтожил высокий мудрец треки за те несколько полных напряжения моментов, когда Аскс преобразовывался? Я/мы могу сказать, что здесь, на этих участках нашего общего сердечника, находились важные сведения. Что-то такое, чего джофур не должен был узнать.

Но Я/мы это узнаю.

Я обязан это сделать.

* * *

ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ:

Возможно, удастся извлечь эту информацию из недавно захваченных людей.

Тех, которые носят имена-ярлычки Ларк, Линг и Ранн.

ВОЗРАЖЕНИЕ:

Груда-священник испускает раздраженные испарения. Он расстроен тем, как мало сведений о землянах содержится в нашей корабельной Библиотеке. У нас есть множество подробных описаний и рецептов сыворотки правды и иных средств, эффективных в обращении со множеством рас и видов, которые враждуют с великими джофурами, но в архивах нет никаких упоминаний такого средства для людей. Наша Библиотека явно нуждается в осовременивании, вопреки тому, что это относительно новая ячейка, ей не больше тысячи лет.

Груда-тактик, приписанная к планирующему штабу корабля, предлагает использовать технику допросов, разработанную для тимбрими. Эти дьявольские шутники — близкие союзники землян и передвигаются так же, как они, на двух ногах. Проверяя это предложение, мы испробовали на пленниках волны пси-принуждения, настроенные на волну тимбрими.

Но люди как будто ничего не воспринимают и не проявляют никакой реакции.

Тем временем капитан-лидер выпускает рассерженные испарения — едкие пары, которые заставляют всех, кто свободен от дежурства, бежать подальше от него.

В чем причина такой злобы, Мои кольца?

Недавние новости из-за соседних холмов.

Дурные новости, подтверждающие наши страхи.

Катастрофа на востоке.

Наконец наш оставшийся корвет добрался до того места, где два дня назад упал его двойник. Я/мы все на борту «Полкджи» в отчаянии смотрели на передаваемые картины разрушений.

Разбитый корпус корабля погрузился в болото — в таком болоте может понравиться бродить треки, обдумывая восковые

подтеки. Шел непрерывный дождь с ветром, пока приборы отыскивали уцелевших, но нашли мы только останки — в основном одиночные кольца, вернувшиеся в первобытное звериное состояние и вяло сидящие на грудах гниющей растительности, как будто они действительно примитивные предтреки.

Несколько этих выживших колец были собраны. Исследуя их сердечники, мы обнаружили лишь немного смутных следов памяти. Но этого достаточно, чтобы предположить, что нападение совершили дельфины. Они вышли из моря и устроили хаос среди наших братьев.

Как они смогли это совершить?

Потерпевший аварию корвет доложил, что его защитная система функционирует на уровне сорока процентов. Более чем достаточно, если ее сосредоточить против отчаянной вылазки землян. Даже под прикрытием заряженных молниями туч загнанная в угол добыча не могла совершить внезапное нападение. Но приземлившийся корабль не послал ни одного сигнала тревоги до того, как был самым загадочным образом захвачен.

И снова нас тревожат сомнения. Волчат считают примитивными, не более опасными, чем варвары сунеры, чьи предки заселили эту планету. Но эти самые земляне привели в смятение все Пять Галактик и неоднократно уходили от преследующих их могучих флотов.

Возможно, мы совершили ошибку, занявшись этим делом в одиночку. Ведь только один наш боевой корабль «Полкджи» теперь должен решить судьбу всего человечества.

Слухи-запахи пронизывают теперь «Полкджи», слухи о том, что наш капитан-лидер допустил серьезную ошибку. Тайные феромоны содержат предположение, что именно ошибки его торов, рассчитанных на принятие решений, привели нас в неудовлетворительное положение. Нашего командира ослепила одержимость местью г'кекам, и он игнорировал высшие приоритеты.

В ярости от того, что наши вентиляционные системы заполнены мятежными молекулами, капитан-лидер стремится заполнить их собственными испарениями — горячей смесью гневных реакций. И запахи разгневанного господства затопляют все палубы.

Что теперь, Мои кольца?

Ага. Наше второе кольцо сознания выдвигает новую метафору, на этот раз сравнивающую нашего капитана-лидера с капитаном хунского корабля, который пытается подчинить встревоженный экипаж, заменяя громким голосом подлинное лидерство.

Очень интересно, Мои кольца, — такая параллель между поведением чужаков и корабельной политикой джофуров. Такие вспышки вдохновения делают этот раздражающий союз почти достойным.

Если только...

Вы ведь не применяете эту метафору ТАКЖЕ к вашему мастер-кольцу?

Не провоцируйте Меня. Вы предупреждены. Это будет ошибкой.

Наша проблема остается.

В отличие от груды-тактика Я/мы не приписываем удачу волчат необычной технологии или везению. Слишком много совпадений. Я убежден, что дельфины точно знали, в какой момент нападать, когда наше внимание было отвлечено другими событиями.

Заключение: расы варваров ДОЛЖНЫ БЫТЬ связаны с кораблем землян.

Пленные люди утверждают, что не знают ни о каких контактах с кораблем дельфинов. Они говорят, что их появление на поверхности озера — результат исключительно борьбы за власть между людьми и не имеет никакого отношения к кораблю, за которым мы охотимся.

Они лгут. Следует найти способы повышения уровня их сотрудничества.

(Если бы только я мог пронизать их обезьяньи сердечники серебристыми нитями, как мастер-кольцо пронизывает остальные компоненты груды, действующие сейчас в радостном единстве!)

Похоже, нам придется обратиться к классическим, варварским методам допроса.

Следует ли пригрозить людям телесным ущербом?

Применить ли к ним метафизические пытки?

Но капитан-лидер, вопреки моему опыту, решил, что будет применена техника, которая, как нам известно, оказывалась эффективной в отношении многих теплокровных рас.

Мы используем жестокость.

САРА

Снадобья треки заполнили ее приятной немотой, как будто она выпила несколько стаканов вина. Сара чувствовала, как действуют химикалии, прогоняя боль, давая ей возможность прийти в себя.

Через день после возвращения в мир она позволила Эмерсону выкатить ее инвалидное кресло на каменную веранду святилища кузнеца Уриэль, откуда открывался великолепный вид на уходящие на север и восток величественные вершины. К западу от гор дымка скрывала многоцветное чудо Спектрального Потока и Равнину Режущих Песков за ним.

Этот вид помог Саре отвлечься от ручного зеркала, которое лежало у нее на коленях — его дала ей Уриэль — и в которое она поглядывала все утро. Просторы Джиджо делали более ясным увещевание Эмерсона: «Мир гораздо больше всех наших проблем».

Сара протянула зеркало человеку со звезд, который ловко спрятал его в рукаве своей просторной одежды. И когда Сара вслух рассмеялась, Эмерсон улыбнулся.

Какой смысл думать о царапинах и шрамах, решила она. В будущих днях шрамы не имеют значения. Все, кто выжи-

вет, должны будут трудиться и обрабатывать землю. У красивых женщин не будет преимуществ. Но преимущества будут у крепких.

Или эта удовлетворенность — результат действия в ее венах химических веществ? Снадобий, изготовленных Тиугом, мастером алхимиком из кузницы на горе Гуэнн. Когда перед заключением Великого Мира квуэны, уры, хуны и люди непрерывно воевали друг с другом, треки научились лечить другие расы. В последние годы тексты из Библоса помогли таким мастерам молекул, как Тиуг, пополнить практику новыми достижениями, с использованием таких слов на англике, как пептиды и энзимы, и вернуть часть тех достижений, от которых отказались их предки.

Но только они не могли заглянуть в какую-нибудь Библиотеку. Земные тексты послужили отправной точкой. Базой для новых достижений.

Что иллюстрирует ее тезис, противоречащий общепринятому мнению. Шесть Рас не движутся назад по Тропе Избавления, по тому пути, по которому собирались пройти их предки, — они идут по собственному пути.

По соседству, в просторных помещениях за этим каменным парапетом, где в мастерских и лабораториях работники Уриэль трудятся у бассейнов с жидкой лавой, вырывая у природы ее тайны, масса других доказательств ее теории. Несмотря на свои страдания, Сара радовалась увиденному на горе Гуэнн: все это доказывает, что джиджоанская цивилизация начала развиваться в новом направлении.

Пока не появились звездные корабли.

Сара поморщилась, вспомнив то, чему они были свидетелями прошлым вечером, с этой самой веранды. Друзья устроили пир под звездами, радуясь ее выздоровлению. Хунские моряки из соседнего порта пели праздничные баллады, помощницы Уриэль изгибались в сложном танце, а миниатюрные мужья сидели у них на спинах и подражали каждому повороту и вращению. Серые квуэны, украсившие прочные хитиновые спины сверкающей перегородчатой эмалью, делали

импровизированные злые карикатуры на гостей, вырезая их своими крепкими зубами из камня.

Даже Ульгор разрешили принять участие, и она играла на виоле, извлекая из нее богатые вибрирующие звуки, к которым присоединился на своем дульцимере Эмерсон. Раненый звездный человек снова непредсказуемо запел, извлекая строки из какого-то неповрежденного участка памяти.

> В доме на острове Файф
> жил мужчина со своей женой,
> и, поверьте мне, они были ужасно смешной парой.
> Потому что, к удивлению окружающих,
> они смотрели обоими глазами,
> а когда они говорили, у них шевелились языки.

И вот, когда пир был в самом разгаре, его грубо прервали. Горизонт на северо-западе осветился множеством вспышек, очертивших отдаленную массу горы Блейз. Все бросились к перилам балкона.

Прошло несколько дуров, прежде чем послышался звук, приглушенный расстоянием. Сара представляла себе гром и молнию — как буря, которая недавно обрушилась на пустыню, барабаня по ее болезненному безумию. Но тут по спине Сары пробежал холодок, и она обрадовалась, что Эмерсон стоит рядом. Кто-то из учеников подсчитывал промежутки между вспышками и звуком.

Молодой Джома выразил мысли Сары.

— Дядя, гора Блейз взрывается?

Лицо Курта было мрачным и осунувшимся. Но ответила, покачав своей длинной головой, Уриэль.

— Нет, парень. Это не извержение. Я думаю... — Она всмотрелась в ядовитую пустыню. — Я думаю, это город Овун.

Обрел способность речи и Курт. И слова его звучали мрачно.

— Детонация. Направленная. Хорошо рассчитанная. Такую моя гильдия произвести не может.

Понимание происходящего подавило всякие мысли о сопротивлении. Уничтожают самый большой город на Склоне, а

они могут только беспомощно наблюдать. Некоторые молились Святому Яйцу. Другие клялись отомстить. Сара слышала, как кто-то объяснял, почему эта жестокость совершается в ясную ночь — чтобы происходящее увидели повсюду на Склоне. Это демонстрация несокрушимой силы.

Потрясенная ужасным зрелищем, Сара утратила дар связной мысли. Ее сознание заполнилось образами матерей — хунских матерей, матерей г'кеков, человеческих матерей и даже высокомерных квуэнских королев. Убегая от огня, рушащихся домов, они прижимают к себе детей. Это зрелище вращалось в сознании, как столб пепла, пока Эмерсон не дал ей двойную дозу эликсира треки.

И погружаясь в глубокий сон без сновидений, она подумала:

Слава Богу, что я не приняла предложение мудреца Тейна, сейчас у меня могли бы быть собственные дети.

Но сейчас не время позволять себе глубоко любить.

Сейчас, при дневном свете, Сара обнаружила, что ее мозг работает как раньше, до несчастного случая, быстро и логично. Она даже смогла выработать общую картину ночного несчастья.

Джоп и Дединджер будут говорить, что нам прежде всего не нужно было строить города. Они скажут, что галакты оказали нам услугу, уничтожив город Овун.

Сара вспомнила легенды, которые читала ей вслух мать. Это была книга народных преданий, восходящих к годам до контакта. В большинстве земных культур есть саги о предполагаемом золотом веке в прошлом, когда люди знали больше. Когда у них было больше мудрости и силы.

Во многих мифах описывались гневные боги, мстительно уничтожавшие результаты труда возгордившихся смертных, чтобы мужчины и женщины не считали себя достойными неба. Никакие доказательства не подкрепляли такие рассказы, но они настолько распространены, что должны быть связаны с чем-то глубоким и мрачным в человеческой психике.

Может быть, моя личная ересь всегда была лишь глупой мечтой, а мои представления о «прогрессе» основаны на вымышленных доказательствах. Даже если Уриэль и другие начали двигаться по другому пути, сейчас это кажется неважным.

В конце концов Дединджер оказался прав.

Как и в этих легендах, боги проснулись и готовы сбросить нас на землю.

Позже семафор принес подтверждение случившейся катастрофе. Это была та самая система зеркал, которая поразила Сару, когда она случайно уловила вспышку во время крутого подъема от Кси. Используя код, основанный на упрощенном галдва, сигнал передавался извилистым маршрутом от одной вершины Риммера к другой и содержал в себе сжатый рассказ об опустошении на реке Гентт.

Несколько мидуров спустя появился и очевидец, он спустился с неба на крыльях сказочной фантастической птицы и приземлился на каменном парапете Уриэль. Из-под дрожащих крыльев появился юноша, отстегнул ремни после отчаянного полета над страшной пустыней, когда он перелетал от одного восходящего потока к другому, — в нормальное время такой подвиг вызвал бы настоящую сенсацию.

Но во время войны героизм и невероятные подвиги — это обычное состояние, подумала Сара, когда вокруг юноши собралась толпа. Дрожащей рукой юноша снял реук, который защищал его глаза во время полета над Спектральным Потоком. И когда на балкон вышла Уриэль, отдал ей принятую в милиции честь.

— Прежде чем напасть на город Овун, джофуры выдвинули ультиматум с двумя требованиями, — хриплым голосом рассказал он. — Первое требование — все г'кеки и треки должны собраться в специально отведенных зонах.

Уриэль с силой выдула воздух через ноздрю. Она как будто ожидала чего-то подобного.

— И каково второе тревование ультиматума?

Ответа ей пришлось подождать. Подошла со стаканом воды Кефа, всадница из Кси, и пилот стал жадно пить, вода лилась по его подбородку. Большинство уров отвернулись от этого неприятного зрелища. Но Уриэль терпеливо ждала, пока он не закончил.

— Продолжай, — поторопила она, когда юноша с улыбкой вернул Кефе стакан.

— Хм, — начал он. — Джофуры требуют, чтобы высокие мудрецы сообщили, где находится корабль дельфинов.

— Корабль дельфинов? — Копыта Уриэль застучали по плитам. — Мы слышали смутные толки об этом. Слухи и противоречивые намеки ротенов. Джофуры пояснили, что они имеют в виду?

Курьер попытался кивнуть, и на этот раз к нему приблизился Тиуг и охватил голову юноши несколькими щупальцами. Тот поморщился, когда алхимик треки начал смазывать его обожженную и обветренную кожу своими выделениями.

— Кажется... Эй, осторожней! — Он попытался вырваться из стальных щупалец, потом решил не обращать на треки внимания.

— Кажется, именно эти дельфины — добыча, которая в первую очередь привела сюда, в Четвертую Галактику, и ротенов, и джофуров. Больше того, джофуры утверждают, что мудрецы должны были поддерживать связь с кораблем землян. Либо мы выдадим его местоположение, либо нас ждут новые разрушения, начиная с города Тарек, потом меньшие поселки, пока не останется ни одного здания.

Курт покачал головой.

— Они блефуют. Даже галакты не могут отыскать все наши постройки в лесах, спрятанные под маскировочной тканью.

Курьер был настроен не так оптимистично.

— Повсюду есть фанатики, которые считают, что наступил конец. Некоторые верят, что джофуры — это посланцы судьбы, которые пришли, чтобы вернуть нас на Тропу. Все, что нужно таким придуркам, это разжечь костер где-нибудь возле

здания и бросить в него фосфор. Джофуры уловят этот сигнал с помощью своего искателя радуги.

«Искатель радуги? — Сара удивилась. — О, он, наверно, имеет в виду спектроскоп».

Джома был в ужасе.

— Это возможно?

— Так уже было в нескольких местах. Кое-где местных взрывников взяли в заложники и заставили привести в действие свои заряды. Повсюду джофуры развернули базовые лагери, в каждом дюжина груд и три десятка роботов, и они сгоняют всех оказавшихся поблизости жителей на допрос. — Тон его был мрачен. — Вы даже не знаете, как вам повезло, что вы оказались здесь.

Но Сара сомневалась. Как могут высокие мудрецы согласиться на такие требования? Г'кеков собирают вовсе не для того, чтобы вернуть им звездный статус. А что касается треки, то смерть должна казаться им более приемлемой, чем уготованная для них судьба.

Потом этот «корабль дельфинов». Даже ученая Уриэль может только гадать, были ли действительно высокие мудрецы в контакте с группой беглых земных клиентов.

Возможно, это было следствием эмоциональной усталости или долговременным результатом снадобий Тиуга, но внимание Сары отвлеклось от печального рассказа пилота. Он продолжал описывать разрушения и смерть в Овуне, а Сара повернула свое кресло на колесиках и присоединилась к Эмерсону, стоявшему возле глайдера курьера.

Звездный человек гладил прозрачные крылья и тонкие распорки, улыбаясь восторженно при виде такой изобретательности. Вначале Сара подумала, что это тот самый маленький флаер, который она видела в витрине музея в Библосе, — последний сохранившийся с тех легендарных времен, когда вскоре после приземления «Обители» смелые воздушные разведчики помогали колонистам-людям выжить в первых войнах. Со временем это искусство было утрачено из-за отсутствия необходимых материалов.

Но эта машина новая!

Сара узнавала г'кекские узоры на тонкой ткани, шелковистой на ощупь.

— Это выделения треки, — объяснил Тиуг, который тоже оставил толпу, окружившую молодого вестника. Алхимик разделял предпочтение, которое оказывает Эмерсон делам, а не словам.

— Я/мы попробовал на вкус эту нить. Полимер обладает хитроумной волокончатой структурой, основанной на мульк-ткани. Несомненно, в предстоящих пидурах он найдет и другие применения, когда начнут осуществляться наши различные планы.

Вот оно опять. Намек на какие-то тайные замыслы. Планы, которые никто не торопится объяснить, хотя у Сары уже возникают подозрения.

— Простите нас/меня за то, что прерываю ваши размышления, достопочтенные Сары и Эмерсоны, — продолжал Тиуг. — Но послание-запах только что активировало рецепторы моего пятого сенсорного тора. Упрощенный смысл таков: мудрец Пурофски хочет, чтобы вы находились рядом с ним.

Сара перевела неловкое высказывание Тиуга.

Иными словами, хватит валять дурака. Пора браться за работу.

Вернуться в логово тайн и загадок Уриэль.

Сара видела, что кузнец уже ушла вместе с Куртом, предоставив своей первой помощнице Урдоннел заканчивать расспросы курьера. Очевидно, даже такие ужасные новости отступают на второй план перед ее работой.

Расчетные проблемы орбитальной механики? — удивилась Сара. — По-прежнему не понимаю, чем это поможет нам в трудном положении.

Она поймала взгляд Эмерсона, и тот с явной неохотой оторвался от глайдера. Но потом, наклонившись к Саре, чтобы подоткнуть края ее одеяла, звездный путешественник посмотрел ей в глаза и открыто улыбнулся. Затем его сильные руки покатили кресло по раме в глубь горы, к фантастическому Залу Вращающихся Дисков Уриэль.

Я чувствую себя как г'кек, когда так разъезжаю. Наверно, всем людям стоит провести неделю в таком положении, чтобы понять, какова жизнь других.

Сара удивлялась, как г'кеки могли передвигаться в своей естественной среде. Согласно легенде, это были плавающие в космосе искусственные колонии. Странные места, где многие привычные для поверхности планет представления не действуют.

Эмерсон старался не попадать в колеи, протоптанные в каменном полу бесчисленными поколениями уров. А когда миновали главный горн, с его вечными испарениями, ускорил шаг и постарался защитить Сару от волн вулканического жара своим телом.

На самом деле Сара была почти готова ходить самостоятельно. Но ей было необычно приятно на время наслаждаться переменой ролей.

Приходилось признать, что он в этой роли хорош. Может, у него просто была хорошая учительница.

В обычное время кресло Сары толкала бы Прити. Но маленькая шимпанзе была занята. Она сидела на высоком стуле в святилище Уриэль, держа в руках блокнот и карандаш, и чертила на листе разлинованной бумаги для рисования дуги. За рабочим местом Прити расстилалось обширное подземное помещение, заполненное трубами, шкивами и дисками, связанными кожаными ремнями и передачами, — целый лабиринт на деревянных лесах, поднимающихся к сводчатому потолку. В ярком свете карбоацетиленовых фонарей видны были крошечные фигуры, карабкающиеся по лесам, затягивающие, подкручивающие и смазывающие. Это были миниатюрные урские самцы, для которых впервые нашлась работа за пределами сумок их жен. И вот, присматривая за сложным «хобби» Уриэль, они получают еще и немалую плату.

Когда Сара в лихорадке впервые увидела это место, она решила, что это бред и она в бреду видит ад. Вращающиеся стеклянные диски начали петь ей.

Петь не звуками, а светом. Поворачиваясь, соприкасаясь краями, узкие лучи отражались от зеркальных поверхностей, блестя, как луна зимой в бесчисленных ледяных фасетах замерзшего водопада. Но здесь была не просто великолепная произвольность. Тут была упорядоченность. Какой-то ритм. Некоторые вспышки появлялись и гасли с точностью часов, другие исполняли сложные, волнообразные циклы, как накатывающийся прибой. С обостренной чувствительностью освобожденного подсознания Сара узнавала всепроникающую гармонию форм. Эллипсов, парабол, цепных линий — нелинеарная серенада геометрии.

Это компьютер, неожиданно поняла она, еще не вполне овладев всеми способностями своего ищущего мозга. И впервые с ухода из древесного дома в деревне Доло она почувствовала себя в своей стихии.

Это другой мир.

Мой мир.

Математика.

БЛЕЙД

Он мог бы оставаться дольше, но после трех или четырех мидуров воздух в ножных пузырях становился затхлым. Даже взрослый квуэн должен дышать по крайней мере десять раз в день. Поэтому к тому времени как рассеянный солнечный свет проник в его мутное убежище, Блейд знал, что должен покинуть дно холодной реки, которая защитила его во время долгой ночной огненной бури. Он сражался с течением Гентта, вцепившись всеми пятью когтями в илистый берег, и поднимался до тех пор, пока не смог высунуть купол из-под грязной поверхности воды.

Такое впечатление, будто наступил судный день.

Легендарные башни города Овун пережили эпоху разрушения, а потом и полмиллиона лет дождя и ветра. Исчезли сложные машины, которые превращали город в полный жизни галактический аванпост. Их вместе почти со всеми окон-

ными панелями увезли давно покинувшие планету буйуры. Но даже несмотря на десятки тысяч зияющих отверстий, уцелевшие корпуса оказались роскошными дворцами для шести рас изгнанников, они предоставили место для сотен квартир и мастерских, соединенных сложной системой деревянных мостов, рамп и маскировочной решеткой.

Теперь из грязи и пыли торчало только несколько обрубков. С неба горячо били солнечные лучи, показывая, насколько тщетными были все попытки замаскироваться.

Пробираясь по речному берегу, забитому обломками каменных блоков, Блейд постоянно встречал самые страшные отбросы — тела, плавающие у берега в воде, многочисленные куски тел, конечности двуногих, колеса г'кеков и торы треки. В манере квуэнов он не морщился и не испытывал отвращения, ступая на плавающие трупы, но только надеялся, что кто-нибудь организует сбор останков, чтобы подвергнуть их приличному мульчированию. А оплакивание мертвых ничего не даст.

Блейда больше встревожил хаос в доках, где на пирсы и прибрежные склады обрушилось несколько шпилей. Ни один корабль или лодка не казались неповрежденными.

Блейд ненадолго задержался, наблюдая за тем, как безутешные хуны осматривают свой некогда прекрасный корабль. Он на короткое время испытал прилив надежды, когда узнал корабль и увидел, что его деревянный корпус невредим! Но потом понял: все мачты и снасти исчезли. Из всех его пяти ножных щелей показались пузыри разочарования.

Только вчера Блейд купил билет на этот корабль. Теперь можно достать билет из промокшей сумки и выбросить в реку, где он присоединится к другому мусору.

Очень многое из этого мусора еще вчера было живым, когда на звездном небе появился корабль галактических богов. Он прилетел, опередив собственную звуковую волну, и провозгласил о своем появлении громким гулом тормозящих двигателей. Потом сделал удовлетворенный круг над городом Овуном, невозмутимый, как жирная рыба-хищник.

Это зрелище показалось Блейду одновременно прекрасным и ужасным.

Наконец послышался многократно усиленный голос, провозглашающий требования ультиматума на напряженном, свойственном треки диалекте галдва.

Блейд побывал в слишком многих переделках, чтобы просто стоять и смотреть. Урок, усвоенный благодаря жизненному опыту, прост: когда кто-нибудь гораздо больше и сильней тебя начинает угрожать, поскорее убирайся. И он, не дослушав слова чужаков, присоединился к бегству благоразумных. И успел добраться до реки с запасом в несколько кидуров.

Но даже десять метров бурной коричневой воды над головой не могли скрыть от него последующее. Обжигающие лучи, резкие вспышки и крики.

Особенно крики.

Теперь, под солнцем нового дня, Блейд обнаружил, что его сознание перегружено сценами разрушений. Самый большой город на Склоне, некогда полный жизни, центр искусства и торговли, теперь был совершенно разрушен. В центре города здания не просто обрушились, они превратились в пыль, которую ветер уносил на восток.

Неужели такая же участь постигла город Тарек, где приятная зеленая Рони встречается с ледяным Бибуром? Или деревню Доло, где расположена дамба и под ее защитой процветающий улей его теток и матерей? Хоть Блейд вырос среди людей, он обнаружил, что стресс подавил его способности к англику. И сейчас ему легче выражать мысли на галактическом шесть.

Моя ситуация — она кажется безнадежной.

К горе Гуэнн — туда не добраться на океанском корабле.

С Сарой и остальными — я не могу увидеться.

Такова судьба моего обещания, моей клятвы.

Поблизости из воды выходили другие квуэны, их куполы поднимались на поверхность, как разбросанные пробки. Самые смелые уже опередили Блейда и добрались до разрушенных улиц, предлагая свои крепкие спины и сильные когти в помощь отрядам спасателей, которые обыскивали развалины

башен в поисках уцелевших. Блейд видел также несколько красных и гигантских серых, которые, должно быть, пережили эту ужасную ночь не под прикрытием воды. Некоторые казались ранеными, все были покрыты пылью, но работали рядом с хунами, людьми и остальными.

Квуэн не чувствует себя спокойно, если у него нет дела, которое он обязан выполнить. Некоторые обязательства можно удовлетворить, подобно зуду, только когда служишь. На родине квуэнов этот инстинкт безжалостно эксплуатировался серыми матронами. Но на Джиджо положение изменилось, выработался иной тип верности. Верности не просто отдельному улью или королеве.

Не видя возможности выполнить свое обещание и увидеться с Сарой, Блейд сознательно переориентировал свои приоритеты и выработал новую краткосрочную повестку дня.

Трупы для него ничего не значат. То, что большинство населения города Овун погибло, его не трогало. Однако он ускорил движение и принялся помогать тем, кто отыскивает искорки жизни.

Выжившие и спасатели пробирались через обломки с исключительной осторожностью, так как каждый перевернутый камень мог представлять опасность.

Подобно большинству поселений, это тоже было в свое время заминировано гильдией взрывников, которые готовили город к уничтожению, если когда-либо придет предсказанный Судный день. Но когда он действительно пришел, то способ его проявления не был описан в Свитках. Не было строгих беспристрастных чиновников из великих Институтов, организующих эвакуацию и тщательное устранение следов, а потом определяющих вину каждой расы по тому, насколько далеко зашла она по Тропе Избавления. Напротив, с неба устремился неожиданный и жестоко бесстрастный каскад пламени, способный только убивать. Он воспламенил некоторые тщательно размещенные заряды, за которыми много поколений почтительно присматривали взрывники, а другие остались тлеть в развалинах и превратились в смертоносные ловушки.

Когда взорвался местный центр гильдии взрывников, огненный столб поднялся так высоко, что едва не задел джофурский корвет, заставив его торопливо отступить. И даже теперь, несколько мидуров спустя после нападения, в разных частях города по-прежнему раздавались взрывы, уничтожая усилия спасателей и нагромождая новые груды развалин.

Положение улучшилось, когда в город прискакали добровольцы-уры из ближайшего каравана. Своим чувствительным обонянием уры определяли наличие и невзорвавшихся зарядов, и живой плоти. Особенно успешно находили они лежавших без сознания или заваленных людей, чей запах им казался чрезвычайно острым.

Проходили один за другим мидуры напряженной работы. К концу дня Блейд все еще принимал в ней участие, он тащил за веревку, помогая убрать неподдающиеся преграды с заваленного подвала. Временный руководитель отряда спасателей, хунский капитан корабля, гулко подавал ритмичные команды:

— Хр-рм, теперь тяните, друзья!.. Опять! Подается! И еще раз!

Блейд пошатнулся, когда каменный блок наконец подался. В открывшееся отверстие нырнули пара проворных лорников и маленький шимпанзе, и вскоре они вытащили ошеломленного г'кека с двумя сломанными колесами. Однако черепная коробка у него оказалась невредимой и все четыре глазных стебелька извивались в танце удивленной благодарности. Спасенный казался молодым и сильным. А колеса можно починить, спицы отрастут сами.

Но где он будет до этого жить? — тревожился Блейд, зная, что г'кеки предпочитают городскую жизнь, а не соседние джунгли, куда бежало множество жителей Овуна. Будет ли его ждать мир, в который стоит возвращаться, или он будет переполнен созданными джофурами вирусами и охотничьими роботами, запрограммированными следовать старинной вендетте?

Группа собиралась возобновить свой бесконечный труд, когда треки, которому была отведена роль часового-наблюдателя, издал резкий крик. Он сидел на высокой груде обломков и смотрел одновременно во всех направлениях.

— Смотрите! Все устремите внимание в указанном направлении!

Пара щупалец указывала приблизительно на юг и запад. Блейд приподнял свой тяжелый панцирь и попытался что-нибудь разглядеть, но его купол был покрыт пылью, а поблизости не было воды, чтобы его промыть. Если бы у квуэнов было зрение получше.

«Но, Ифни, сейчас я согласился бы на слезные железы».

В поле зрения появился объект, почти шарообразный, он неторопливо двигался на горизонте над лесом, покачиваясь, как облачко. Не обладая чувством перспективы, Блейд вначале не мог определить его размеры. Может быть, явился титанический джофурский боевой корабль, чтобы закончить работу? Блейд вспомнил рассказы о галактическом оружии, гораздо более мощном, чем то, что применил прошлой ночью корвет. Оружии, способном растопить кору континентов. И если чужаки намерены использовать такое оружие, никакая река не спасет.

Но нет, он увидел, что поверхность шара трепещет на ветру. Похоже, шар сделан из ткани и вообще он гораздо меньше, чем казался вначале.

За первым появились еще два шара. Блейд инстинктивно сменил органические фильтры купола, рассматривая шары в инфракрасных лучах. И сразу увидел, что под каждым шаром какое-то очень нагретое место, свисающее на тросах с шара.

Другие стоявшие поблизости и обладающие более острым зрением прошли через несколько реакций. Вначале это были страх и тревога, потом замешательство и, наконец, радостное удивление, которое выразилось в резком смехе или низком ворчании.

— Что это? — спросил стоявший рядом красный квуэн, еще более ослепленный пылью.

— Мне кажется... — начал Блейд. Но тут вмешался человек, заслонивший глаза руками.

— Это воздушные шары! Клянусь Дрейком и Ур-Чоун, это воздушные шары с горячим воздухом!

Немного погодя даже квуэны смогли разглядеть, что висит под наполненными воздухом шарами. В плетеных деревянных корзинах стояли уры и управляли огнем, который периодически ярко вспыхивал. И тут Блейд понял, кто пришел, словно вышел из оранжевого садящегося солнца.

Кузнецы с горы Блейз, должно быть, видели ночную катастрофу из своего горного святилища. И пришли на помощь соседям.

Это казалось почти святотатством. Ведь Священные Свитки всегда говорили о роке, который придет со страшного открытого неба.

Но кажется, безоблачное небо способно приносить и спасение.

ЛЕСТЕР КЕМБЕЛ

Теперь он был слишком занят, чтобы испытывать муки угрызений совести. И по мере того как деятельность на тайной базе становилась все более лихорадочной, у Лестера не было времени даже на чувство вины. Нужно было постоянно проверять трубы, переносящие растворы. Трубопровод извилисто пролегал через лес бу и переносил ядовитые жидкости, созданные группой синтезирующих треки, в высокие емкости, где они принудительно сгущались в адскую смесь.

Лестеру приходилось также проверять новую машину, которая разворачивала лигу за лигой прочный трос, обвивала вокруг массивных стволов бу, тем самым тысячекратно увеличивая его прочность.

Еще нужно было заниматься загорающимися жуками. Один из помощников Лестера нашел новое применение этим старым паразитам, опасным преобразованным буйурами насекомым, которых все Шесть Рас ненавидели, но которые теперь помогли решить сложную техническую проблему. Идея казалась перспективной, но требовалось ее проверить, прежде чем включать в общий план действий.

Шаг за шагом план прогрессировал — от дикой фантазии к отчаянному риску. Говорили, что местные хунские букмеке-

ры принимают ставки только один к шестидесяти на то, что план удастся, и больше пока никто не предлагает.

Конечно, каждый раз как они решали проблему, ее сменяли три другие. Но это ожидалось, и Лестер смотрел на растущую сложность как на благо. Быть постоянно занятым — единственный способ избавиться от навязчивых картин, которые снова и снова возникают в памяти.

Золотой туман, опускающийся на крепость Дуден. Только погружение в работу позволяет на время забыть отчаянные крики г'кеков, захваченных ядовитым дождем, который лился с джофурского крейсера.

Крейсера, который он так беззаботно призвал, поддавшись своему величайшему пороку — любопытству.

Не вини себя, Лестер, на галсемь говорила Ур-Джа. Враг все равно вскоре обнаружил бы Дуден. А твои исследования принесли очень ценную информацию. Она помогла покончить с эпидемией квуэнов и хунов. Жизнь состоит из сделок и обменов, мой друг.

Может быть. Лестер допускал, что события могли развиваться и так. Особенно если вы предполагаете, как делают многие, что бедные г'кеки все равно обречены.

Такого рода философия легче дается урам, которые знают, что лишь немногие их отпрыски смогут выжить. Мы, люди, горюем всю жизнь, если теряем сына или дочь. И если уры кажутся нам черствыми и бессердечными, неплохо бы помнить, что они нас считают нелепо сентиментальными.

Лестер пытался рассуждать как уры.

Но у него ничего не вышло.

Пришли новости от командос, которые смело проникли в глубину озера, образовавшегося на Поляне Собраний. Сержант Джени Шен доложила о частичном успехе. Удалось освободить нескольких даников из захваченного корабля, но остальных, включая молодого мудреца-еретика Ларка Кулхана, захватили джофуры. С точки зрения Лестера, полная неудача.

Что сейчас делают чужаки с бедным Ларком?

Мне не следовало соглашаться с его опасным планом.

Лестер понял, что у него нет темперамента военного вождя. Он не может посылать разумных, как огонь в топку, даже если это цена победы.

Когда все это кончится — если, конечно, кто-нибудь уцелеет, — Лестер собирался уйти в отставку со своего поста в Совете Мудрецов и стать самым замкнутым ученым в Библосе, ползая, как привидение, мимо полок с древними томами. Или возобновить свою прежнюю практику медитаций в узком Каньоне Благословенных, где, как известно, земные заботы рассеиваются под сладким океаном отчужденного забвения.

Это звучит соблазнительно — возможность уйти от жизни.

Но пока у него слишком много дел.

Теперь Совет собирался редко.

Фвхун-дау, который всю жизнь изучал языки и обычаи знаменитых галактов, теперь отвечал за переговоры с джофурами. К несчастью, похоже, договариваться почти не о чем. Возможны только тщетные просьбы к захватчикам изменить их многокольчатые намерения. Фвхун-дау посылал неоднократные просьбы к тороидным чужакам, указывая, что высокие мудрецы ничего не знают о «корабле дельфинов», который все ищут.

Поверьте нам, о великие повелители джофуры, умолял хунский мудрец. У нас нет тайной связи с вашей добычей. События, о которых вы говорите, никак не связаны друг с другом, это всего лишь ряд совпадений.

Но джофуры были слишком разгневаны, чтобы поверить в это.

В попытках переговоров Фвхун-дау помогал Горш, новый представитель треки в Совете. Но у треки, заменившего Аскса, не было никаких новых мыслей или предложений. Он был членом гильдии взрывников города Тарек, очень способным и ценным техническим специалистом, но ничего не знал о своих дальних родственниках джофурах.

Но Горш обладал особой способностью, которая оказалась необыкновенно полезной. У него было призывающее кольцо.

Переменчивые летние ветры разносили призывный запах треки по всему Склону, обращение Горша ко всем подготовленным грудам колец.

Приходите, приходите туда, где вы/мы необходимы.

Сотни треки уже стояли цепочкой жирных груд, которая растянулась почти на лигу, извиваясь меж стволов бу. Каждый доброволец сидел на отдельной роскошной груде разлагающейся материи, которую постоянно подбрасывали рабочие команды, как подбрасывают поленья в топку парового двигателя. Пыхтя и дымясь от напряжения, химико-синтезирующая группа каплю за каплей отправляла блестящую жидкость в импровизированные желоба, сделанные из расколотых и выдолбленных стволов; получались ручейки, которые сливались в дурно пахнущий поток.

Неподвижные, бессловесные, они ничем не походили на разумные существа. Скорее высокие жирные пчелиные ульи, выстроенные в ряд вдоль дороги. Но наружность обманчива. Лестер видел, как по телу ближайшего треки пробегает разноцветная рябь — тонкая игра теней, которая вначале возникала между двумя соседними кольцами, как будто они непрерывно разговаривают друг с другом. Но затем создавался единый рисунок из света и теней в точках, которые ближе всего располагались к соседям с обеих сторон. Те груды, в свою очередь, отвечали изменениями на своей поверхности.

Лестер узнавал волнообразный мотив — это смех треки. Работники обменивались шутками и от кольца к кольцу, и от груды к груде.

«Они самые странные из всех Шести, — подумал Лестер. — И все же мы понимаем их, а они нас.

Сомневаюсь, чтобы даже самые мудрые и высокоразвитые галакты могли то же самое сказать о джофурах. Там вся их передовая наука не может достичь того, чего мы достигли, просто день за днем живя рядом с треки».

Лестер мог заметить, что шутки грубоватые. Многие из этих работников — аптекари из поселков со всего Склона. Тот, что

ближе всего к Лестеру, рассуждает, как еще можно использовать вещество, которое они готовят, возможно, как надежное средство от постоянной проблемы хунов — запора, особенно если применение средства сопровождается обильным теплом.

Так по крайней мере Лестер интерпретировал игру света. Но он не эксперт в нюансах и оттенках. И конечно, работники могут обмениваться грубоватыми шутками. Они напряженно работают день за днем и все еще отстают от графика.

Но с каждым мидуром по призыву запаха, посланного их мудрецом, прибывают все новые треки.

«Теперь нам остается надеяться, что джофуры слишком привыкли к высокой технологии и городскому образу жизни, чтобы пользоваться такими методами и определить наше местонахождение по запахам, приносимым ветром».

Мудрец квуэн — Ум-Острый-Как-Нож — несет на своей широкой синей спине все административные обязанности.

Надо размещать беженцев, организовать доставку припасов, распределять отряды милиции, подавлять вспышки гражданской войны между Шестью. Недавно удалось добиться большого успеха — подавить эпидемию, размножив образцы вакцины, которые Джени Шен принесла с озера Поляны, и с помощью курьеров на глайдерах разослав их по всему склону.

Но несмотря на такие отдельные успехи, социальная ткань Общины продолжала распадаться. Приходили новости об урских отрядах, которые пересекают официальные границы Склона, пытаясь уйти от судьбы, которая угрожает всем Шести Расам. Равнина Уоррил охвачена пламенем войны между темпераментными и вспыльчивыми урскими кланами. И плохие новости все продолжают поступать.

В последнем сообщении говорилось, что несколько ульев серых квуэнов открыто объявили о полном разрыве с Общиной, восстанавливая суверенитет над своими древними территориями. Подстегнутые разрушением города Овун, некоторые серые принцессы даже заявили об отказе подчиняться собственному высокому мудрецу.

«Мы не собираемся слушаться какого-то простого синего, — сообщил один из серый ульев, унижая Ум-Острый-Как-Нож и восстанавливая древний фанатизм. Будешь давать нам советы, когда обретешь подобающее имя».

Разумеется, красные и синие квуэны никогда не пользуются именами как таковыми. Жестоко и высокомерно упоминать об этом недостатке, унаследованном от древних времен и других миров.

И что еще хуже, приходили сообщения, что ульи серых начали собственные переговоры с джофурами.

«Кризис может развести нас или свести».

Лестер проверял работу смешанного отряда квуэнов и хунов, который возводил хрупкие леса вокруг нескольких отобранных стволов бу. Только небольшая часть из отмеченных стволов было лишена ветвей и подготовлена, но отряд все лучше осваивался с незнакомой работой. Некоторые квуэны обладали опытом, унаследованным от бабушек, которые в древние времена строили страшные катапульты в городе Тарек, господствующем над двумя реками. Это продолжалось до тех пор, пока длительная осада не покончила с древним правлением.

Такая бурная деятельность может быть обнаружена внимательным взглядом с неба. Но каждый отобранный ствол окружали другие, более высокие, поглощая суматоху морем великанской травы.

«Мы, во всяком случае, на это надеемся».

Работой руководили несколько уров и людей, они все время сверялись с древними чертежами, найденными в единственной редкой книге в Библосе, восходящей к дням до контакта. В книге излагалась технология волчат, в которой в течение уже многих миллионов лет не нуждались галактические государства. Бок о бок мужчины и женщины рядом с коллегами урами излагали причудливые концепции из книги, переводили необычные рецепты, адаптируя их к местным материалам и умениям.

Условия были спартанские. Многие добровольцы страдали от лишений. Чтобы достичь этого леса из высоких зеленых

колонн, им пришлось преодолеть многие лиги по крутым горным тропам, как и прерии, уходящим в бесконечность.

Всех добровольцев объединяла одна цель — найти способ, с помощью которого Община Шести Рас могла бы нанести ответный удар.

Ур-Джа металась между шумящими толпами, приводила хаос в порядок, убеждалась, что у синтезаторов-треки достаточно пищи и сырья и что каждый трос туго натянут. Из всех мудрецов Ур-джа наиболее подготовлена, чтобы вместе с Лестером руководить работами. Ее шкура стала пятнистой от старости, сумки высохли, но ум в узком черепе оставался острым — и более прагматичным, чем когда-либо у самого Лестера.

Из всех высоких мудрецов оставался только Вуббен.

Рассудительный и многознающий. Обладающий глубокой проницательностью. Предводитель расы, которую враг, ничего не забывающий и никогда не сдающийся, давно обрек на уничтожение. Из всех рас изгнанников племя Вуббена больше двух тысяч лет назад первым преодолело жестокие ветры Измунути и нашло на Джиджо убежище.

Колесные г'кеки — одновременно дружелюбные и загадочные.

Соседи, хоть и странные.

Хрупкие, но надежные.

Безлицые, однако открытые, как книга.

Как много потеряла бы без них вселенная!

Несмотря на то что им трудно передвигаться по неровным тропам, некоторые г'кеки добрались до далекой горной базы и теперь ткали прочные ткани или использовали свое острое зрение, чтобы делать мелкие части. Однако их мудреца нигде не было видно.

Вуббен отправился на юг, в святое место, в опасной близости от корабля джофуров. Там он тайно попытается вступить в контакт с самой высокой и святой силой на Джиджо.

Лестер тревожился о своем мудром друге со скрипучими осями, который отправился в опасный путь в одиночестве.

Но кто-то должен это сделать.

«Вскоре мы узнаем, были ли все это время глупцами или верили в то, что достойно нашей любви».

ФАЛЛОН

Полоска ослепительной белизны обозначала границу Спектрального Потока; здесь наклонная плита сверкающего камня исчезала под океаном ослепительных песчинок. К северу от этого пункта начиналась совсем другая пустыня, которая казалась менее враждебной сознанию и глазу, но была столь же опасной. Пустыня, где жили только выносливые существа.

И очень опасные.

Когда следы сбежавшего еретика пересекли эту границу, они изменились. Больше не светились уникальными оттенками масляных красок, одновременно говоря правду и обманывая. Без всякого перерыва уходя вперед, следы становились простыми углублениями на равнине Режущего Песка, углублениями, которые постепенно разглаживались под ветром, ласкавшим дюны. Видно было только, что недавно здесь прошел двуногий гуманоид, прихрамывая на левую ногу.

Фаллон мог сказать еще одно: путник очень спешил.

— Мы больше не можем идти по следу, — сказал он своим молодым спутницам. — Наши лошади устали. И это царство Дединджера. Он знает его лучше нас.

Реза и Пана смотрели на песчаную пустыню в не меньшем отчаянии, чем он. Старшая всадница, крепкая рыжеволосая женщина, с ружьем через плечо, не согласилась.

— Мы должны идти вперед. Еретик знает все. Если он доберется до своей банды, они вскоре вместе с ним вернутся в Кси и нападут на нас. Или выдадут наше местоположение чужакам. Этого человека нужно остановить.

Фаллон видел, что, вопреки этой решимости и ярости, на сердце у Резы было неспокойно. Несколько дней они преследовали Дединджера по знакомой им пустыне — обширной каменной плите, такой ядовитой, что осколок, застрявший в коже,

может погрузить вас в дрожащую лихорадку. Место, совершенно лишенное жизни, где дневной свет вызывает перед незащищенными глазами удивительные зрелища: водопады и огненные пропасти, золотые города и сказочную пыль. Даже ночью не было отдыха, потому что и лунный свет мог заставить задрожать того, кто без предупреждения увидит эти призрачные тени краем зрения. Таковы были ужасные чудеса Спектрального Потока, в большинстве случаев более негостеприимной местности, чем лежащая впереди космическая пустыня. Такой негостеприимной, что мало кто из джиджоанцев осмеливался исследовать ее окраины. И поэтому тайна Кси оставалась нераскрытой.

Реза справедливо опасалась последствий, если Дединджеру удастся благополучно уйти и особенно если он заключит союз с ненавидящими лошадей урами, которые называют себя Урунтай. К этому времени трудности и препятствия Спектрального Потока уже должны были остановить беглеца. Три преследователя ожидали, что схватят его еще вчера, если не позавчера.

«Это моя вина, — думал Фаллон. — Я был слишком самоуверен. Слишком нетороплив. Мои старые кости не выдерживают галоп, а я не разрешал женщинам скакать без себя».

Кто бы мог подумать, что Дединджер без всякой практики так хорошо научится ехать верхом, со смесью заботы и жестокости подгоняя украденную лошадь, так что бедное животное пало только за две лиги до границы?

И даже после этого он шел так быстро, что расстояние между ними почти не сокращалось. Иллии берегли своих драгоценных животных, а этот безумец умудрился пересечь местность, которая должна была бы убить его.

«Мы преследуем сильного, изобретательного противника. Я предпочел бы встречу с ледовым отшельником хуном или даже с серым чемпионом, чем с этим парнем, прижатым к дюне».

Конечно, постепенно Дединджер выдохнется, дойдет до предела сил и выносливости. Может, он в беспамятстве лежит сейчас за следующей дюной.

Что ж, надеяться не вредно.

— Хорошо, — кивнул Фаллон. — Пойдем дальше. Но будьте осторожны. И готовы действовать быстро, когда я скажу. Пойдем по следу до темноты, потом, даже если не догоним его, вернемся.

Реза и Пана согласились с ним и послали лошадей вперед. Животные, прижав уши, без всякого энтузиазма ступили на песок. Они тревожно заржали. Лишенные цветового зрения и воображения, они обладали иммунитетом к ослепляющим картинам Спектрального Потока, но это царство ослепительной белизны им явно не нравилось. Вскоре все три человека сняли симбионтов реуков и надели темные очки урской работы с поляризованным покрытием из рыбьих мембран.

Ифни, какое ужасное место, думал Фаллон, наклоняясь в седле и всматриваясь в следы предателя. Но Дединджер здесь дома.

Теоретически это не должно было иметь значения. Перед тем как передать свой пост ученику, Дверу, Фаллон был главным разведчиком и следопытом Совета мудрецов, экспертом, который предположительно знает каждый гектар Склона. Но это всегда было преувеличением. О, он провел некоторое время в этой пустыне, познакомился с грубыми необразованными людьми, которые живут под некоторыми полыми дюнами и зарабатывают на жизнь охотой.

«Но в те дни я был намного моложе. Это было задолго до того, как Дединджер начал проповедовать жителям песков, льстя им и убеждая в том, что только их образ жизни праведен. Они лидеры, им предстоит возглавить движение человечества по Тропе Избавления.

Я был глуп, считая, что все еще могу быть «разведчиком» в этой местности».

И конечно, Фаллон был захвачен врасплох, когда им пришлось пересечь рокочущие пески.

След беглеца поднимался по склону дюны по дуге, по которой лошадям было бы трудно следовать. Фаллон решил срезать путь, сберегая время и энергию, но вскоре песок перестал смяг-

чать удары лошадиных копыт. Напротив, каждый шаг сопровождался низким звуком, гулким, словно удары барабана. С проклятием Фаллон повернул назад. Учеником он однажды неразумно прыгнул в самую середину рокочущей дюны, и ему повезло, что она не обрушилась под ним. Тем не менее следующий пидур он провел, сжимая голову, в которой продолжало звенеть.

Пришлось осторожно отходить назад, а потом все-таки огибать препятствие.

«Теперь Дединджер знает, что мы его преследуем, — бранил себя Фаллон. Сосредоточься, черт возьми! У тебя есть опыт, пользуйся им!»

Он оглянулся на молодых женщин, чей тайный клан избрал его, чтобы он приятно провел среди них свою отставку, один из четырех мужчин на всех полянах Кси. Пана все еще очень молода, а вот Реза уже трижды делила с Фаллоном постель. В последний раз она была очень добра и сделала вид, что не замечает, когда он слишком быстро уснул.

«Они считают, что опыт и способность мыслить — предпочтительные черты их компаньонов мужчин, эти качества компенсируют убывающие силы. Но я сомневаюсь в разумности такой политики. Разве не лучше ли им было держать при себе молодого жеребца, вроде Двера?

Двер гораздо лучше подходит для такой миссии. Парень схватил бы Дединджера уже несколько дней назад, надежно связал бы и вернул.

Что ж, не всегда найдешь идеального человека, пригодного для любой работы. Надеюсь только, что Лестер и остальные мудрецы хорошо используют Двера. Он на редкость одарен».

Фаллон никогда не был так «естествен», как его ученик. В прошлом он компенсировал это дисциплиной и вниманием к мелким деталям и подробностям. И никогда не позволял себе отвлечься во время охоты.

Но времена меняются, и человек утрачивает свои способности. Сегодня он не может не отвлекаться и не переноситься в прошлое. Что-нибудь всегда напоминает ему об ушедших днях, о прошлом, которое было так насыщенно и богато.

О, каким он был в те времена, когда бежал по степи рядом с Ул-тичо, товарищем по охоте на равнинах, чья великолепная жизнь оказалась такой краткой. Эта дружба значила для Фаллона больше, чем отношения с любым человеком и до и после. Никто лучше не понимал тишину в его беспокойном сердце.

«Ул-тичо, радуйся, что не увидела этот год, когда все распадается. Наши времена были лучше, старая подруга. Джиджо принадлежала нам, и даже небо не представляло угрозы, с которой мы не могли бы справиться».

Следы Дединджера по-прежнему отчетливо видны, они огибают большую дюну. Отметки все более свежие, а хромота усиливается с каждым шагом. Беглец вот-вот упадет. Если он продолжит идти, то самое большее спустя мидур всадники его нагонят.

«И мы все еще на небольшом расстоянии от убежища с пресной водой. Неплохо. Мы еще выйдем из положения».

Предположения — это роскошь, которую могут себе позволить цивилизованные люди, но не воины или жители этой местности. В неуверенных следах Фаллон читал обнадеживающую историю и потому пренебрег основным правилом, которому сам учил Двера.

Они двигались по ветру, и поэтому запах не предупредил животных, когда они повернули и оказались на северной, затененной стороне дюны. И неожиданно услышали голоса — крики, полные гнева и опасности. И прежде чем зрение Фаллона успело адаптироваться, он и женщины оказались окруженными десятком нацеленных арбалетов, которые держали серые люди в плащах, тюрбанах и мембранных очках.

И тут Фаллон рассмотрел прямо впереди сооружение, убежище от непогоды, сложенное из неровных камней. И с опозданием уловил запах пресной воды.

«Новый колодец? Построенный после того, как я побывал здесь в молодости? Или я забыл об этом?»

Более вероятно, что жители пустыни рассказали главному разведчику не обо всех своих тайных убежищах. С их точки

зрения, гораздо лучше, чтобы высокие мудрецы считали свои карты полными, а у них в то же время будет кое-что в запасе.

Медленно и осторожно поднимая руки от пистолета на поясе, Фаллон увидел Дединджера, обгоревшего на солнце и державшегося за последователей. Пустынный пророк дрожал, а окружающие осторожно лили в его потрескавшиеся губы воду.

«Мы были так близко!»

Это Фаллон должен был сейчас держать Дединджера. Так и было бы, если бы все повернулось немного по-иному.

«Простите», — молча извинился Фаллон перед Резой и Паной. На лицах женщин было удивленное, но мрачное выражение.

«Я старик и я вас подвел».

НЕЛО

Битва за Доло была связана с важными проблемами, но решающим поводом для нее послужил спор, кто будет спать этой ночью в помещении.

Большинство бойцов были очень молоды или очень стары.

В случае победы победители станут обладателями пепелища.

В случае поражения побежденные с песнями двинутся на север.

Вначале силы были равны. Работников мастерских и их союзников квуэнов было примерно столько же, сколько фанатичных последователей Джопа. Обе стороны были рассержены, решительны и плохо вооружены — только палками и дубинками. Все мужчины, женщины и квуэны призывного возраста отсутствовали, выполняя свои обязанности в милиции. Они унесли с собой мечи и остальное оружие.

Но даже и при этом условии чудо, что в схватке никто не погиб.

Бойцы потной неорганизованной толпой окружали деревенское дерево встреч, толкали и били тех, кто всю жизнь был их соседями и друзьями, и поднимали такой шум, что не были

слышны приказы предводителей с обеих сторон. Так могло продолжаться до тех пор, пока все не упали бы от истощения, но судьба схватки была решена, когда к одной из сторон неожиданно подошло подкрепление.

С ветвей леса гару, с тех площадок, где рос роскошный, богатый протеином мох, уникальное место работы древесных фермеров, посыпались люди в коричневом. Джоп и его последователи поняли, что они в меньшинстве, на них нападают с флангов, они повернулись и убежали с усеянной обломками долины.

— Фанатики зашли слишком далеко, — сказал один пожилой древесный фермер, объясняя, почему его люди нарушили нейтралитет и вмешались. — Даже если у них был повод взорвать дамбу без указаний со стороны мудрецов, они вначале должны были предупредить бедных квуэнов! Убийство, совершенное во имя набожности, все равно преступление. Это слишком дорогая плата за проход по Тропе Избавления.

Нело все еще тяжело дышал, поэтому от имени ремесленников благодарность выразила Ариана Фу.

— Достаточно крови уже пролилось в воды Бибура. Теперь соседи должны держаться друг друга и залечивать раны.

Несмотря на то что она была прикована к инвалидному креслу, во время краткой схватки Ариана стоила десятерых воинов, при этом не нанеся ни одного удара. Ее почитаемый статус бывшего высокого мудреца означал, что никто не решался ей противиться. Словно круг здравого смысла двигался в толпе, прерывая схватку, которая возобновлялась, как только Ариана проходила. Именно увидев ее, большинство фермеров решило спуститься с деревьев гару на помощь.

Никто не преследовал силы Джопа, которые на каноэ и импровизированных плотах переправились на другой берег Бибура и построились на высоком холме, отделявшем реку от болота. Здесь они продолжали вызывающе распевать строки из Священных Свитков.

Нело дышал с трудом. Ему словно наполовину вырвали ребра с одного бока, и он какое-то время не мог сказать, ка-

кие боли временные, а какие вызваны ударами палок и дубинок фанатиков. Но казалось, ничего не сломано, и теперь, когда сердце уже не грозило вырваться из груди, он почувствовал себя уверенней.

Итак, Доло отвоевана, подумал он, не находя причины радоваться победе. Грызущая Бревно умерла, умерли Джоби и половина помощников Нело. Теперь, когда мастерская исчезла вместе с дамбой и садками квуэнов, битва должна была решить, кто получит убежище в уцелевших строениях.

Рядом с аптекарем треки, на ровной полоске земли, был разбит импровизированный госпиталь. Некоторое время Нело провел, зашивая порезы прокипяченными нитками и накладывая компрессы и пластыри равно друзьям и недругам.

Лечение и зашивание едва началось, как с одного из воздушных мостиков, пронизывающих весь лес, спустился посыльный. Нело узнал местную девушку, долговязого подростка, которую никто не мог перегнать на воздушных путях. Все еще запыхавшись, она приветствовала Ариану Фу и передала сообщение от командира базы милиции, расположенной неподалеку.

— Два взвода будут здесь до наступления темноты, — гордо доложила она. — К утру пришлют палатки и другое оборудование, если джофуры не взорвут корабли.

Быстрый ответ, но собравшиеся встретили новость только глухим шумом. Любая помощь сейчас недостаточна и слишком запоздала, чтобы спасти богатую дружную общину деревни Доло. Неудивительно, что люди Джопа не оказывали сильного сопротивления и предпочли отступить: по их мнению, они все равно победили.

«Перед нами Тропа Избавления».

Нело сел на пень рядом с городским взрывником, чьи разрушительные заряды использовала толпа последователей Джопа. У Хенрика плечи обвисли, он молча смотрел поверх Бибура и развалин мастерских на марширующих на противоположном берегу фанатиков.

Нело подумал, такое же мрачное и осунувшееся у него лицо, как у Хенрика.

Вероятно, нет. К собственному удивлению, Нело обнаружил, что ему хочется пофилософствовать.

— За всю жизнь никогда не видел такой сумятицы, — со вздохом сказал он. — Теперь нам все придется строить заново.

Хенрик только покачал головой, словно говоря: это невозможно.

Это, в свою очередь, вызвало у Нело волну негодования. Какое право имеет Хенрик жалеть себя? Потребности его профессии невелики. С помощью своей гильдии он в течение года может вернуться к делу. Но даже если семья Грызущей Бревно получит помощь от соседних квуэнских ульев и сумеет починить дамбы, пройдут еще годы, прежде чем удастся с помощью водяного колеса, турбины и зубчатой передачи использовать давление воды. И это будет только начало восстановления. Нело рассчитал, что весь остаток жизни должен будет посвятить строительству мастерской, такой же, какой была его прежняя мельница.

Неужели Хенрик стыдится того, что его заряды были так неправильно использованы? Но как можно было сохранить их в такие времена, когда все пророчества оказываются неверными? Галакты действительно прилетели на Джиджо, но не так, как предвиделось. Месяц за месяцем двусмысленность смешивалась со злобой чужаков, сея розни среди Шести Рас. Джоп представляет одну реакцию. Другие ищут способы сопротивляться чужакам. Но в конечном счете никакая политика не имеет значения.

Следовало бы избрать третий курс — подождать и посмотреть. Продолжать жить нормальной жизнью, пока вселенная решает, что с нами делать.

Нело удивился собственному отношению. Прежнее отчаяние уступило место странному чувству. Не онемению. И определенно не возбуждению среди всех этих разрушений.

«Я ненавижу то, что здесь сделали.

И все же...»

И все же Нело чувствовал, как в нем пробуждаются ожидания. Он уже чувствовал аромат свежеспиленных деревьев и

острый запах кипящей смолы. Слышал ритмичный гул, с каким молоты забивают клинья, видел опилки, разбросанные по земле. И мысленно уже начал создавать план лучшей мастерской. Лучшей мельницы.

«Всю жизнь я работал на фабрике, унаследованной от предков, изготовлял бумагу освященным временем способом.

Этим местом можно было гордиться. У меня было благородное призвание.

Но оно не было моим».

И хотя первоначальный план был создан первыми поселенцами с «Обители», еще одетыми в мантии звездных богов, в глубине души Нело всегда знал: «Я мог бы выполнить эту работу лучше».

Теперь, уже в пожилом возрасте, он получил шанс доказать это. Перспектива печальная, устрашающая и возбуждающая. И возможно, самое необычное, что он снова почувствовал себя молодым.

— Не вини себя, Хенрик, — участливо сказал он взрывнику. — Подожди, и увидишь. Все будет лучше, чем раньше.

Но взрывник только снова покачал головой. Указал за реку, где сторонники Джопа теперь двигались к северо-западным болотам, неся на спине каноэ и другие грузы. И по-прежнему пели.

— Они унесли мои запасы пороха. Вытащили со склада. Я не мог их остановить.

Нело нахмурился.

— Но зачем он им? По земле и воде подходит милиция. Джоп здесь больше ничего не сможет взорвать.

— Они идут не вдоль реки, — ответил Хенрик. И Нело увидел, что он говорит правду.

— Но куда тогда? — вслух удивился он.

И еще до того, как Хенрик ответил, Нело неожиданно понял, каков ответ на его вопрос. И одновременно понял, что есть гораздо более важные проблемы, чем восстановление бумажной фабрики.

— Библос, — сказал взрывник, словно эхо, повторяя мысль Нело.

Бумажник молча замигал, неспособный оценить масштабы грядущей катастрофы.

— Милиция может их остановить?

— Сомнительно. Но даже если они это сделают, меня тревожит не только Джоп.

Он повернулся и впервые за все время посмотрел в глаза Нело. Взгляд его был мрачен.

— Ручаюсь, толпа Джопа не единственная, которая движется в том направлении. Прямо сейчас, когда мы об этом говорим.

РЕТИ

Чем ближе она знакомилась со звездными богами, тем менее привлекательными они казались.

Ни один из них и вполовину не так умен, как поедающий навоз глейвер, думала она, идя длинным коридором к корабельной гауптвахте. Должно быть, это из-за всех этих компьютеров и умных машин, которые варят вам еду, делают воздух, рассказывают сказки, убивают ваших врагов, подтыкают по ночам одеяло и предсказывают для вас будущее. Если будете на них слишком рассчитывать, ваш мозг перестанет работать.

С тех далеких дней, когда Двер и Ларк впервые привели ее с гор Риммер, полуголодную дикарку с широко раскрытыми глазами, восторгающуюся самыми простыми предметами на так называемом цивилизованном Склоне — от глиняной посуды до тканей и бумажных книг, Рети стала гораздо более циничной.

Конечно, это благоговение немедленно рассеялось, как только она попробовала настоящую роскошь на борту станции ротенов, где Кунн и остальные даники льстили ей, много обещали и заставляли кружиться голову.

Долгая жизнь, сила и красота, избавление от всех болячек и шрамов, чистое безопасное место для жизни под защитой повелителей ротенов и все те чудеса, которые связаны с положением младшей богини, гуляющей меж звездами.

Потом она встретилась с ротенами, патронами человечества. Ее патронами, говорили они. Глядя на благосклонные лица Ро-кенна и Ро-пул, Рети позволила себе увидеть лица мудрых, любящих родителей — совсем не такие, какие она знала, когда росла в диком сунерском племени. Ротены казались такими совершенными, благородными и сильными, что Рети почти сдалась. Она едва не отдала им свое сердце.

Но это оказалось ложью. И не имеет никакого значения, действительно ли они патроны человечества или нет. Имеет значение лишь то, что ротены оказались не такими могущественными, как они утверждали. И этого она им никогда не простит.

Какая польза в защитнике, который не может защитить?

Все эти полгода Рети переходила от одной группы некомпетентных, не всемогущих существ к другой — от племени, где родилась, к грязным идиотам из Общины Шести Рас. Затем от Общины к ротенам. А когда корвет джофуров победил маленькую разведочную лодку Кунна, она серьезно подумывала о том, чтобы пойти по болоту с поднятыми руками и предложить свои услуги отвратительным существам из колец. Вот что вывело бы из себя старину Двера!

В один момент, когда он бродил по грязи и разговаривал со своим другом сумасшедшим мульк-пауком, она уже направилась к рампе космического корабля, собираясь постучать в дверь. Конечно, джофуры, как и все остальные, захотят получить у нее важную для себя информацию.

В этот решающий момент ее удержало только зловоние — вонь, которая напомнила ей о загноившихся ранах и гангрене, — к счастью, как выяснилось позже, потому что джофуры тоже оказались не способны защититься от неожиданностей.

«Так что придется поискать другой способ убраться с этой кучи грязи. И кому какое дело, что подумает обо мне Двер? Я по крайней мере не ищу оправданий тому, что делаю».

Учителем Рети была дикая местность, и она научила девушку одному жестокому уроку — необходимости выжить любой ценой. Рети росла, наблюдая, как одни твари пожирают

других, а потом, в свою очередь, бывают пожраны более сильными. Ларк что-то говорил о «пищевой цепочке», но Рети называла это «горой убивающих». И каждый выбор, который она делала, был направлен на то, чтобы подняться выше на эту гору, надеясь, что следующий шаг приведет на вершину.

Так что, когда джофуры были побеждены и захвачены таинственными дельфинами, казалось вполне естественным поскорее сесть в подводную лодку и попросить убежища у своих «земных родичей». «И только посмотрите, где я оказалась. Под горой отбросов на дне моря, прячусь со стаей земных рыб, за которыми гонятся все чудовища и звездные боги космоса.

Иными словами, назад, к основанию горы. Обреченная всегда быть добычей, а не охотником.

Черт побери! Ну уж и выбрала я!»

Конечно, была и кое-какая компенсация.

Во-первых, дельфины как будто преклоняются перед людьми — как даники перед патронами ротенами. Больше того, экипаж «Стремительного» считает Рети и Двера «героями» за их действия в болоте против джофурской небесной лодки. В результате она может свободно ходить по кораблю, включая возможность приближаться к закрытому входу в корабельную гауптвахту.

Короткое время обе двери оставались закрытыми, и Рети поняла, что охранники разглядывают ее с помощью своих инструментов. «Вероятно, заглядывают во внутренности, не проглотила ли я лазер или что-нибудь». Рети набрала полную грудь воздуха и выдохнула, чтобы подавить инстинктивный страх перед закрытым металлическим помещением. «Это пройдет, пройдет».

Этот трюк помог ей вынести годы жизни в своем диком племени, когда казалось, что со всех сторон ее окружают поражения и жестокость.

«Не веди себя как дикарь. Если другие могут выдержать жизнь в ящиках, ты тоже сможешь, хоть ненамного».

Наконец второй люк открылся, и перед Рети оказалась рампа, ведущая вниз, в помещение, заполненное по грудь водой.

Уф!

Она терпеть не могла смешанные помещения, которые составляют бóльшую часть этого корабля, комнаты, наполовину заполненные водой, над которой протянуты мостики для ходьбы. Такие помещения предназначены одновременно и для плавающих, и для ходящих существ. Рети спустилась. Жидкость показалась ей теплой и напомнила о вулканических источниках дома, в Серых Холмах, но в ней было какое-то щекочущее ощущение, и когда двигаешься, поднимаются облака пузырьков. Изображая спокойную уверенность, Рети приблизилась к посту охраны. Там двум караульным помогал круглый робот, сразу нацеливший на нее антенны. Один из дельфинов был в шестиногой установке для ходьбы, но без брони с выпуклыми глазами. Эта установка дает возможность проходить и в сухие помещения корабля. У второго «фина» только упряжь с инструментами. Этот дельфин легкими движениями плавников удерживался перед многочисленными дисплеями.

— Чем могу помочь, мисс? — спросил первый дельфин, добавив сильный шлепок по воде хвостом.

— Я пришла еще раз допросить Кунна и Джесса. Думаю, что добьюсь от них больше, если буду одна.

Охранник с сомнением посмотрел на нее одним глазом. Когда Рети на первом допросе сопровождала лейтенанта Тш'т, попытка вышла неудачная. Пленники были ошеломлены и неразговорчивы, в многочисленных повязках от ран и ушибов. Офицер дельфин пыталась вытянуть из Кунна сведения о том, что происходит в Пяти Галактиках, а Рети выдерживала полный горячей ненависти взгляд своего родственника Джесса, который произнес слово «предательница» и плюнул на пол.

«Кого я, по-твоему, предала, Джесс? — удивилась она, холодно глядя на него, пока он не отвел взгляд. — Даников? Даже Кунн не удивился, когда я перешла на другую сторону после того, как он со мной обращался.

Или ты считаешь, что я предала свой родной клан? Шайку грязных дикарей, в которой родилась и которая с этого самого дня ни разу не проявляла ко мне доброты?»

По его взгляду она поняла, что это личное. Это она сделала так, что Джесса схватили, подвергли пыткам и заставили служить проводником Кунна. И то, что он закрыт в этой металлической коробке, тоже ее рук дело.

Это немного подбодрило ее. «Ты должен признать, Джесс, что я все-таки сумела произвести на тебя впечатление.

Но скоро дела пойдут еще хуже.

Я заставлю тебя быть благодарным».

Тем временем Кунн рассказывал Тш'т, что осада Земли продолжается, хотя ее несколько облегчает странный союз с теннанинцами.

— Но отвечая на твой главный вопрос, никакой амнистии со стороны Институтов не было. Несколько больших кланов заблокировали разрешение вашему кораблю благополучно вернуться домой.

Рети не знала, что это значит, но новость для дельфинов была явно плохой.

И тут в воздухе раздался новый голос. Он исходил от внезапно возникшей вращающейся абстрактной фигуры.

— Лейтенант, пожалуйста, вспомните инструкции. Пусть пленник объяснит, как его корабль выследил наш на этой планете.

Рети помнит, как по гладким серым бокам дельфина пробежала дрожь, возможно, признак раздражения язвительным тоном машины. Но Тш'т в знак покорности щелкнула челюстями и подошла ближе, нависнув над Кунном. Человеку со звезд некуда было отступать от приблизившейся угрожающей машины. Рети помнит, как на лбу даника выступил пот, свидетельствуя, что его внешнее спокойствие — это только видимость. Она видела, как он устрашает других, и была довольна тем, что роли изменились.

И тогда это произошло. Отказала какая-то деталь в оборудовании, или установка для ходьбы сделала неверный шаг. Правая нога подогнулась, и тяжелый дельфин рухнул вперед.

Только мгновенная реакция спасла Кунна, иначе он был бы раздавлен. Когда подбежали стражники и помогли офице-

ру высвободиться, Тш'т была вся в ушибах, рассержена и не в настроении продолжать допрос.

«Но теперь я готова, — подумала Рети, когда один из охранников готовился следовать за ней по узкому коридору с номерами на каждом люке. — У меня есть план, и на этот раз Кунну и Джессу лучше меня послушаться».

— Вы уверены, что хотите сейчас это сделать, мисс? — спросил охранник. — Ночной цикл, и пленники спят.

— Именно этого я и хочу. Они со сна будут разговорчивей.

На самом деле Рети все равно, назовет ли Кунн имена всех адмиралов флотов Пяти Галактик. Ее вопросы будут скрывать коммуникацию на другом уровне.

Она была занята в отведенном ей на «Стремительном» помещении — уютной каюте, которую раньше занимала женщина по имени Денни Стадмен. Одежда этой женщины подошла Рети. На стене были снимки молодой женщины с темными волосами. Рети сказали, что хозяйка каюты пропала несколько лет назад на одной из чужих планет вместе с другими членами экипажа — людьми и дельфинами. На столе Денни оставила умную машину, которая разговаривала с Рети гораздо более дружелюбно, чем саркастический Нисс. Машина, казалось, с готовностью помогает Рети, рассказывает ей все о земном корабле и о том, что ее окружает.

«Я изучила проходы, ведущие от тюрьмы к наружному люку. Я могу назвать все лодки, которые у них здесь есть. И что самое главное, эти земные рыбы мне доверяют. Мой пароль сможет нас вывести.

И мне нужен пилот и кто-нибудь достаточно сильный и злобный, чтобы драться, если мы встретимся с неприятностями».

А еще нужна удача. Рети тщательно все рассчитала таким образом, чтобы вероятность встретиться с Двером была мала.

«Двер знает, что мне нельзя доверять, но я уверена, что вдвоем Кунн и Джесс сумеют его одолеть».

Но при прочих равных условиях она предпочла бы, чтобы Двер не пострадал.

«Может, я время от времени даже буду думать о нем, живя высоко в какой-нибудь галактике».

Она мало что собиралась вспоминать на Джиджо.

ДВЕР

— Мне здесь не место, — пытался он объяснить, — и Рети тоже. Вы должны помочь нам вернуться.

— Куда вернуться? — Женщина казалась искренне удивленной. — В приморское болото, в общество ядовитых отходов и мертвых колец джофуров? И конечно, там появятся новые джофуры.

Дверу опять стало трудно говорить. Трудно сосредоточиться в замкнутом пространстве, которое они называют «корабельной каютой», где воздух кажется таким мертвым. Особенно в этом тускло освещенном помещении, заполненном странными предметами, назначение которых Двер и не надеется понять.

«Ларк или Сара здесь бы справились, но я чувствую себя потерянным. Мне не хватает новостей, которые приносит ветер».

Не помогало успокоиться и то, что сидящая напротив женщина — самая прекрасная из всех виденных Двером в жизни, с темно-рыжими волосами и постоянным печальным выражением светлых глаз.

— Нет, конечно, нет, — ответил он. — Есть другое место, где я необходим. И Рети тоже.

У ее глаз появились мелкие морщинки.

— Молодой хун Олвин хочет, чтобы мы дали знать его родителям, что он жив. И чтобы мы связались с урским мудрецом, отправившим их сюда. Они все хотят вернуться домой.

— Вы их отпустите?

— Как мы можем это сделать? Помимо того, что это подвергает опасности наш экипаж и выдает наше расположение врагам, мы угрожаем всей вашей культуре опасными знаниями, которые могут оказаться проклятием.

И все же...

Она замолчала. Ее взгляд заставлял Двера чувствовать себя ребенком.

— Да, в твоем голосе сдержанность. Осторожность, с которой ты говоришь о своей цели, заставляет подозревать, что ты не имеешь в виду возвращение домой. Не в то мирное место, где тебя знают, где у тебя друзья и близкие, не в землю, которую вы называете Склоном.

Похоже, нет смысла что-то скрывать от Джиллиан Баскин, поэтому Двер только молча пожал плечами.

— Значит, племя девушки, — догадалась женщина. — Родичи Рети в Серых Холмах, где тебя ранило, когда ты голыми руками схватился с роботом.

Двер опустил взгляд и негромко ответил:

— Там мне кое-что нужно сделать.

— Ммм. Могу себе представить. Обязательства, по-видимому? Неисполненный долг? — Голос ее звучал мягко и отдаленно. — Видишь ли, я понимаю таких людей, как ты. В чем твои приоритеты?

Это заставило его удивленно взглянуть на нее. Что она хочет этим сказать? На ее лице была покорность и печаль плюс нечто похожее на узнавание, как будто она увидела в нем что-то знакомое, разбудившее ее печаль.

— Расскажи мне об этом, Двер. Расскажи, что ты должен сделать.

Расскажи о тех, кто от тебя зависит.

Может быть, подействовала формулировка вопросов или сила ее личности, но Двер понял, что больше не может утаивать свою историю. Те ее части, о которых он до сих пор молчал:

— о своей работе главного разведчика Общины, который должен следить, чтобы ни один колонист не уходил на восток, за Риммер, уберегая от заражения остальные районы Джиджо. Поддерживая священный закон;

— о том, как ему приказали нарушить закон и провести группу, которая должна будет приручить диких родичей Рети, — задание, которое должно обеспечить выживание людей на

Джиджо на тот случай, если Склон будет очищен от разумной жизни;

— как они вчетвером: Дэйнел Озава, Двер, Лена и Дженин — узнали, что Серые Холмы больше не убежище, потому что Рети привела к своему родному племени воздушную колесницу даников;

— как Двер и остальные поклялись рискнуть жизнью, чтобы дать шанс племени сунеров... четыре человека против машины-убийцы и как их замысел удался, хотя это им дорого обошлось.

— Да, и несмотря на неравенство сил, — заметила Джиллиан Баскин. Повернула голову и обратилась к третьему присутствующему в комнате.

— Полагаю, ты тоже там был. Расскажи, постарался ли ты помочь Дверу и остальным? Или, как всегда, оставался бесполезной помехой?

Рассказав свою печальную историю, Двер сам удивился собственному хохоту. Очень подходящие слова. Джиллиан Баскин хорошо знает нуров.

Грязнолапый прихорашивался на крышке застекленной витрины. В витрине странные предметы, освещенные изнутри и снабженные ярлычками, как в музее Библоса. Немного света попадало и другому экспонату, стоявшему вертикально поблизости, — мумии, предположил Двер. Когда они были мальчишками, Ларк однажды попытался напугать Двера картинками из книги. Там было показано, как в старину на Земле так готовили тела, вместо того чтобы правильно мульчировать их. Это тело отдаленно напоминает человеческое, хотя Двер знал, что это не человек.

Грязнолапый перестал облизываться и ответил на насмешку Джиллиан зубастой улыбкой. И Двер снова представил себе, что означает эта улыбка.

«Кто, я, леди? Разве вы не знаете, что я сражался в битве и спас всем шкуры, включая свою собственную?»

После своего общения с телепатами мульк-пауками Двер не отвергал возможности, что это не просто его воображение.

Нур не проявлял никакой реакции, когда он пытался мысленно разговаривать с ним, но это ничего не доказывает.

Джиллиан также использовала различные способы, пытаясь заставить нура заговорить, — вначале попросила Олвина смягчить Грязнолапого песнями-ворчанием, потом не подпускала его к молодому хуну, закрыв на несколько мидуров в своем темном кабинете в обществе древней мумии. Машина Нисс донимала нура на высоком диалекте галсемь, часто пользуясь обращением «дорогой родственник».

— Дэйнел Озава тоже пытался с ним разговаривать, — сказал Двер Джиллиан.

— Да? И тебе это показалось странным?

Двер кивнул.

— Есть народные предания о говорящих нурах и других существах тоже. Но я никогда не думал, что мудрец.

Она хлопнула по крышке стола.

— Кажется, я поняла.

Потом встала и принялась ходить по кабинету — это простое действие она совершала с охотничьей грацией, напомнившей Дверу повадки самки лиггера.

— Мы называем этот вид титлалом, и там, откуда я прилетела, они говорят непрерывно. Они действительно родственники машины Нисс — в некотором роде, потому что Нисс сделан нашими союзниками тимбрими.

— Тимб... Кажется, я о них слышал. Это не та первая раса, с которой Земля вступила в контакт после вылета первых кораблей?..

Джиллиан кивнула.

— И это оказалось очень счастливой случайностью. О, в Пяти Галактиках множество достойных рас и кланов. Пусть нынешний кризис не заставит тебя думать, будто все они злые или религиозные фанатики. Просто большинство умеренных кланов очень консервативно. Они сначала осторожно думают и лишь после длительных раздумий начинают действовать. Боюсь, слишком длительных, чтобы помочь нам.

Но не тимбрими. Они смелые и верные друзья. И еще, по мнению многих больших кланов и Институтов, тимбрими совершенно безумны.

Двер распрямился, заинтересованный и смущенный.

— Безумны?

Джиллиан рассмеялась.

— Думаю, многие люди с этим согласятся. Эту особенность иллюстрирует легенда. Говорят, однажды Великая Созидательная Сила Вселенной, раздраженная проделками тимбрими, воскликнула: «Невозможно вообразить себе более нелепые существа!»

Однако тимбрими больше всего любят вызовы. И заявление Великой Силы они тоже восприняли как вызов. И когда получили официальный статус патронов, с лицензией принимать новые виды, они обменяли две совершенно нормальные расы клиентов на предразумный вид, с которым до тех пор никто ничего не мог сделать.

— Это нуры, — догадался Двер. Потом поправился: — Титлалы.

— Они самые. Существа, которые получают удовольствие от того, что расстраивают планы, мешают, удивляют и дурачат других, по сравнению с которыми сами тимбрими кажутся образцом уравновешенности. И это возвращает нас к нашему недоумению. Как они попали на Джиджо и почему они не говорят?

— Наши шимпанзе на Джиджо тоже не говорят, хотя ваша машина Нисс показала мне движущиеся картины: на Земле они говорят.

— Г-м-м-м. Ну, это объяснить легко. Когда улетала «Обитель», шимпы, которых привезли с собой ваши предки, были еще не очень хороши в этом. В такой момент легко подавить их способности, чтобы люди могли делать вид...

Джиллиан щелкнула пальцами.

— Конечно.

На мгновение ее улыбка напомнила Дверу о Саре, когда сестра работает над какой-нибудь сложной проблемой и неожиданно находит решение.

— Через несколько лет после контакта с галактической цивилизацией лидеры Земли поняли, что вступили в чрезвычайно опасную фазу. В лучшем случае мы с трудом удержимся, пока изучаем сложные правила древней и опасной культуры. — Она пожала плечами. — Казалось разумным обеспечить страховку. Посадить семя в таком месте, где человечество будет в безопасности, на случай если произойдет самое худшее.

Лицо ее на мгновение затуманилось, и Двер не понадобилась обостренная чувствительность, чтобы понять: где-то там, за Измунути, худшее произошло, и сейчас кажется, что убегающий «Стремительный» тоже высаживает «семя».

Вот о чем говорил Дэйнел, когда сказал: «Люди прилетели на Джиджо не для того, чтобы пройти Тропой Избавления». Он хотел сказать, что у нас убежище тех, кто должен выжить, как бедные г'кеки.

— Когда люди привезли с собой шимпов, они, естественно, постарались приглушить их разумность. Если колония будет обнаружена, шимпы могут избежать наказания. Возможно, они даже смогут разбрестись по лесам и выжить в дикой местности на Джиджо, не замеченные судьями великих Институтов.

Джиллиан повернулась и посмотрела на Грязнолапого.

— Должно быть, то же самое проделали тимбрими! Тоже прокрались на Джиджо. Только в отличие от глейверов и остальных Шести Рас они не создали колонию. Они разместили тайный запас титлалов.

— И как мы с шимпанзе, отняли у них речь. — Двер покачал головой. — Но тогда... — Он показал на Грязнолапого.

Джиллиан на мгновение свела брови.

— Тайная раса внутри расы? Титлалы, обладающие полным разумом и прячущиеся среди остальных? Почему бы и нет? В конце концов, ваши собственные мудрецы сохраняли секреты от других. Если Дэйнел Озава пытался разговаривать с Грязнолапым, это значит, что он что-то знал о титлалах, знал с самого начала и сохранил тайну.

Она с отсутствующим видом погладила гладкую шерсть нура. Грязнолапый перевернулся, подставляя брюхо.

— А каков ключ? — спросила она у него. — Какое-нибудь кодовое слово? Что-то вроде эмпатического глифа тимбрими? Почему ты один раз заговорил с Ниссом, а потом замолчал?

«И почему ты следовал за мной по горам и пустыням?» — молча добавил Двер, очарованный загадочным рассказом, хотя его сложность в сочетании с растущей клаустрофобией вызывала у него усиливающуюся головную боль.

— Прошу прощения, — сказал он, прерывая размышления Джиллиан. — Но не можем ли мы вернуться к тому, зачем я здесь? Я знаю, что проблемы, которые стоят перед вами, значительней и важней моих, и я помогу вам, если смогу. Но не вижу, как могу своим луком и стрелами помочь звездным богам.

Я не прошу вас рисковать кораблем, и мне не хочется надоедать. Но если бы вы могли отпустить меня, ну, допустим, уплыть на берег, у меня там действительно есть дела.

И в этот момент титлал вскочил с выражением удивления на узкой морде. Шипы, которые обычно не видны в шерсти за ушами, ощетинились. Больше того, Двер готов был поклясться, что на мгновение увидел что-то в воздухе над Грязнолапым. Призрачный завиток, более разреженный, чем пар, который словно говорил по собственной воле.

«У меня тоже, — говорил он, очевидно, продолжая утверждение Двера. — И у меня есть дела».

Двер потер глаза. Он с радостью решил бы, что этот призрак — работа его воображения, еще одно последствие того тяжелого испытания, которое пережила его нервная система.

Но, должно быть, Джиллиан тоже это заметила. Она несколько раз мигнула, показала на встревоженную морду Грязнолапого и расхохоталась.

Двер смотрел на нее, потом почувствовал, что тоже не выдерживает. До этого момента он не составил окончательного мнения об этой земной красавице. Но всякий, кто способен довести Грязнолапого до такого, в полном порядке.

РЕТИ

По пути к камере пленников, куда ее сопровождал охранник, Рети разглядела в стенах несколько вентиляционных отверстий. Схемы показывали, что вся эта система оборудована множеством предохранителей, да и отверстия слишком малы, чтобы пленники могли протиснуться.

Но они вполне достаточны для маленького урского самца, вооруженного лазерным резаком.

План Рети рискован, и ей ужасно не хотелось посылать своего «мужа» в паутину труб. Но Йии был совершенно уверен, что не заблудится.

Этот лабиринт не хуже вонючих проходов под травяными равнинами, фыркнул он, рассматривая голографический план. В нем даже легче пробираться, чем по туннелям корней, где приходится прятаться урским личинкам и самцам, когда они не могут спрятаться в сумке жены. Йии свернул свою длинную шею — жест пожатия плечами.

...не волнуйся, жена! Йии отнесет инструменты запертым людям, сделает все аккуратно!

Это будет самый решающий этап. Когда Кунн и Джесс окажутся за пределами гауптвахты, остальные препятствия можно будет быстро устранить. Рети была в этом уверена.

Над усиленными дверями двух камер горели красные огоньки. Рети знала, что в дальней содержатся кольца джофуров, захваченные в болоте. Маленький г'кек по имени Гек помогал машине Нисс их допрашивать. Рети ломала голову, стараясь включить их в свой план, но в конце концов решила оставить их там, где они сейчас.

«Этот корабль «Стремительный» не посмеет нас преследовать, когда мы выведем наружу звездную лодку, но джофурский корабль может. Особенно если у этих колец есть способ связываться с товарищами по экипажу».

Когда охранник подошел к камере Кунна, Рети нащупала сложенный листок с инструкциями. Она писала их буква за

буквой, напрягая до предела свое недавно обретенное умение писать. Она знала, что, должно быть, написала с ошибками, но в такие дни не стоит быть слишком разборчивым.

КУН Я МАГУ ВЫВИСЬТИ АТСЮДА ХОЧИШ УЙТИ

Такова была первая строчка записки, которую она собиралась ему передать, делая вид, что задает вопросы. Если пилот даник поймет ее замысел и согласится с ним, она уйдет, и тогда йии протиснется своим маленьким гибким телом через вентиляционную систему. Тем временем Рети подобрала несколько подходящих мест, чтобы устроить пожар: в комнате отдыха и в грузовом трюме, — и отвлечь экипаж «Стремительного» от того района, где Кунн с помощью переданных ему инструментов будет выбираться из камеры. И если все пройдет хорошо, они направятся к входному люку, украдут звездную лодку и убегут.

«Но есть одно условие, Кунн. Ты должен согласиться с тем, что мы уберемся отсюда. Подальше от этих землян, от даников и ротенов, от джофурских чудищ и всего прочего. Уберемся с Джиджо».

Рети думала, что он согласится. «И если он или Джесс будут причинять мне неприятности, то поймут, что имеют дело совсем с другой Рети».

Охранник осторожно маневрировал своей установкой для ходьбы в узком коридоре. Долговязой машине пришлось сгибаться, чтобы он мог вставить ключ в замок. Наконец дверь скользнула в сторону, и Рети увидела две койки, на которых лежали укрытые одеялами люди.

— Эй, Кунн, — сказала она, пересекая узкое помещение и трогая его за плечо. — Проснись! Больше никаких откладываний и дурачеств. Они хотят знать, как вы выследили их.

Одеяло соскользнуло, открыв гриву блестящих волос, но Кунн не двигался.

«Должно быть, его опоили, — подумала Рети. — Надеюсь, он спит не слишком крепко. Я не могу ждать!»

Она потрясла сильней, перевернула Кунна.

И с удивленным возгласом отскочила.

Лица даника было пурпурным. Глаза выпучились, а разбухший язык заполнял рот.

Охранник дельфин отчаянно запищал, инстинктивно перейдя на свой звериный язык.

Рети боролась с шоком. Она выросла со смертью, но теперь ей потребовалась вся сила воли, чтобы сдержать рвущийся из горла крик.

Каким-то образом она заставила себя повернуться ко второй койке.

САРА

О, доктор Фауст был хороший человек.
Он время от времени порол своих учеников;
И когда порол, заставлял танцевать,
Прыгать из Шотландии во Францию,
Из Франции в Испанию.
А потом снова начинал пороть!

Песня Эмерсона гулко звучала в Зале Вращающихся Дисков, где в узких столбах света летали пылинки.

Сара поморщилась, но звездный человек явно наслаждался этими взрывами, выбивавшимися из неведомых глубин его поврежденного мозга. Он смеялся, и смеялась толпа сопровождающих его урских самцов, карабкавшихся по лесам фантастической машины Уриэль, помогая ему настраивать каждую часть. Маленькие уры хихикали, восхищенные грубоватым юмором Эмерсона, и демонстрировали свою преданность, ныряя под вращающиеся диски, чтобы там затянуть петлю, тут поправить шкив, — всюду, куда он показывал быстрыми уверенными жестами.

Кто был инженером, навсегда им останется, подумала Сара. Иногда Эмерсон напоминал ей отца, который мог молчать целыми днями, работая на своей любимой бумажной фабрике и получая большее удовольствие от поэзии гудящих молотов и

катков, чем от тонких белых листов, которые делают грамотность возможной в этом варварском мире.

Ей пришла в голову параллель.

Бумага подходит Шести Расам, которым нужно средство сохранения информации, которое невозможно обнаружить из космоса. Но у машины Уриэль такие же особенности — это аналоговый компьютер, который не может засечь спутник или космический корабль, потому что здесь не используется электричество и нет цифрового сознания. И прежде всего галактам и в голову не придет, что возможна такая причудливая конструкция.

И все же в своей необычности она так прекрасна. Неудивительно, что Саре приснились математические фигуры и уравнения, когда она впервые в перерывах своего бреда увидела это чудо. Каждый раз как диск поворачивался относительно соседних, его ось вращалась с различной скоростью в зависимости от радиального расстояния до точки контакта. И когда радиус менялся как независимая переменная, соответственно менялось и вращение, описывая нелинейную функцию. Удивительно простая концепция и дьявольски трудная для практического использования без долгих лет терпеливых испытаний и ошибок.

Уриэль впервые обнаружила эту идею в старинной земной книге — концепцию, исключительно характерную для волчат и короткое время использовавшуюся в древних американо-евроазиатских войнах. Вскоре после этого люди изобрели цифровые компьютеры и отказались от прежней техники. Но здесь, на горе Гуэнн, урский кузнец развила ее до невиданной ранее степени. Большая часть ее огромного богатства и вся страсть ушли на то, чтобы заставить компьютер работать.

И еще урская торопливость. Они живут так мало, что Уриэль, должно быть, с самого начала считала, что не успеет закончить до смерти. Но что в таком случае будет делать со всем этим ее наследница?

Масса столбов, арок и лесов из бу поддерживала поворачивающиеся диски на должной высоте, образуя лабиринт, ко-

торый уходил от Сары, почти заполняя обширное помещение. Давным-давно из этой пещеры вырвался поток магмы и потек по могучим склонам горы. Сегодня пещера была полна другим типом созидательной силы.

Световые лучи искусно использовались в этом математическом танце. Отражаясь от нужных дисков, пульсирующие отражения падали на полоску черного песка, который был разглажен на полу. Каждая вспышка приводила к изменениям в песчинках, вызывая легкое передвижение. И там, куда лучи падали особенно часто, вырастали песчаные холмики.

Уриэль нашла способ использовать даже крабов-молний.

На Джиджо некоторые берега покрываются пеной, когда во время бурь эти пришедшие в возбуждение крошечные существа отбрасывают песок. «Мы думали, это действуют статические разряды в воздухе, заставляя их так вести себя. Но очевидно, это свет. Нужно будет когда-нибудь рассказать об этом Ларку».

Сара поняла кое-что еще.

Должно быть, эти крабы — еще один вид, созданный буйурами. Биоэнергетические слуги, вернувшиеся в природу, но сохранившие свои свойства даже после того, как генные инженеры улетели.

Какой бы ни была их первоначальная функция, сейчас крабы служили Уриэль, которая нервно стучала копытами, наблюдая, как движется песок под каскадом сверкающих лучей. Отдельные вспышки мало что значат. Именно сумма действий на определенном пространстве и в определенное время позволяла решать сложные математические проблемы. Рядом с Уриэль на высоком стуле сидела Прити, маленькая шимпанзе, с блокнотом в руках. Высунув язык, она чертила, копируя изображение на песке. Сара никогда не видела свою помощницу такой счастливой.

Несмотря на впечатляющую изобретательность, сами решаемые уравнения не очень сложны. Используя простые приближения Деланси, Сара уже нашла примерные решения с погрешностью в десять процентов. Но Лестеру Кембелу нуж-

ны одновременно точность и аккуратность в широком ранге пограничных условий, включая меняющееся с высотой атмосферное давление. В таких расчетах таблицы, предлагаемые машиной, дают преимущество.

«Теперь я по крайней мере понимаю, зачем все это». Мысленно Сара представляла себе бурную деятельность в лесу под уходящими в небо стволами бу, толпы работников, потоки разъедающей жидкости и обсуждения на приглушенном архаичном научном диалекте.

«Они могут быть безумны — особенно Лестер. Вероятно, эти усилия ударят по нам и еще больше разозлят чужаков. Дединджер назовет это, наряду с семафорами, глайдерами, воздушными шарами и прочими новшествами, напрасными усилиями обреченных.

Но попытка великолепна. И если они с нею справятся, я буду знать, что была права в своей оценке Шести. Наша судьба не предсказана ни Свитками, ни ересью Дединджера или Ларка, кстати.

Она уникальна.

И если мы все равно прокляты, я за то, чтобы попробовать».

Только одно все еще удивляло ее. Сара покачала головой и вслух спросила:

— Но при чем тут я?

Курт, взрывник из города Тарек, вел себя так, словно этот проект отчаянно нуждается в Саре, в ее профессиональной оценке. Но к тому времени как отряд прибыл из Кси, машина Уриэль была почти готова. Прити и Эмерсон очень помогли, заставив работать аналоговый компьютер. Полезными оказались и книги, которые Курт привез из Библоса. И Саре почти нечего было привнести в общие усилия.

— Хотела бы я знать, зачем Уриэль послала за мной.

Ответ послышался от входа в компьютерный зал.

— Это и правда единственное, чего ты не понимаешь? Но это очень легко, Сара. Уриэль совсем не посылала за тобой!

Говоривший, мужчина среднего роста, с белоснежной гривой и бородой в белых полосках, стоял снаружи, словно гул

его ошеломлял. В его трубке тлели листья кауши — эта привычка распространена у самцов хунов, поскольку для большинства людей запах слишком силен. На ветерке у входа стоял мудрец Пурофски. Выдыхая, он вежливо отвернулся от Сары.

Она поклонилась старшему ученому, который среди коллег считался самым глубоким умом Общины.

— Мастер, если Уриэль не нужна моя помощь, зачем меня просили приехать? Курт говорил, что это очень важно.

— Правда? Важно? Что ж, Сара, вероятно, так оно и есть. Но несколько по-иному.

Пурофски посмотрел на лучи, отражающиеся от вращающихся дисков. Во взгляде его было восхищение достижением Уриэль.

— Математика должна приносить пользу, сказал некогда мудрец. Хотя простые расчеты подобны взламыванию двери, когда вы не можете найти ключ.

Пурофски всю жизнь посвятил поиску ключей.

— Это я послал за тобой, моя дорогая, — после паузы объяснил престарелый ученый. — И теперь, когда ты оправилась от несвоевременного падения с горного склона, я думаю, пора тебе объяснить почему.

Снаружи был еще день, но перед Сарой расстилалось звездное небо. Хитроумные линзы проецировали изображение звездного неба на вогнутые стены и потолок, создавая картину ночного неба в удивительном планетарии. Создательница этого планетария, предшественница Уриэль, позаботилась о том, чтобы даже слабое зрение позволило урам видеть созвездия во всех подробностях. На лице и одежде мудреца Пурофски звезды были словно украшения, а его тень образовала на картине неба туманность в форме человека.

— Начну с объяснения того, чем был занят после твоего отъезда из Библоса. Прошло уже больше года, верно, Сара?

— Да, мастер.

— Гм-м. Очень насыщенный год. И все же.

Он немного поработал челюстью, потом покачал головой.

— Подобно тебе, я разочаровался в прежней области исследований. И решил попробовать расширить классические доконтактные геометродинамические формулы за пределы того состояния, в котором они находились, когда «Обитель» покинула Солнечную систему.

Сара удивленно посмотрела на него.

— Но мне казалось, вы хотите привести в соответствие доконтактную земную физику с галактическими познаниями. Доказать, что Эйнштейн и Ли сделали грубые, но правильные приближения, как теория Ньютона входит составной частью в теорию Эйнштейна.

Само по себе это было бы устрашающей задачей, и некоторые назвали бы ее безнадежной. Согласно материалам, которые имелись на «Обители», эксперты-чужаки, которых Терра-гентский Совет нанял, чтобы они обучили землян современной науке, отрицательно отнеслись к теории относительности пространства-времени. Галактические инструкторы считали суеверием доморощенную космологию, на которую опирались земляне, основу их первых примитивных космических кораблей, ползущих на досветовой скорости, пока земной космический корабль «Везарий» не наткнулся на неопределяемую гипераномалию, тем самым покончив с долгой изоляцией человечества. Последователи Эйнштейна так и не нашли возможности полета быстрее, хотя в Библиотеке описано несколько способов, разработанных за миллиард лет.

После контакта земляне наскребли денег на покупку нескольких третьесортных кораблей, и старые математические модели Хокинса, Перселла и Ли были забыты. Стараясь доказать ценность доконтактной физики, Пурофски возложил на себя странную, возможно, безнадежную обязанность.

— Вначале у меня было несколько многообещающих результатов, когда я переформулировал теорию переходов Серрессими в терминах, совместимых с древним тензорным исчислением.

— Правда? — Сара наклонилась вперед в своем кресле. — Но как вы ренормализовали все квазиодновременные бесконечности? Вам пришлось бы предположить...

Но пожилой мудрец, подняв руку, остановил ее, не желая вдаваться в подробности.

— Если тебе действительно интересно, для этого будет много времени потом. А пока достаточно сказать, что вскоре я осознал бесперспективность такого подхода. Сейчас у Земли должны быть специалисты, которые гораздо лучше понимают общепринятые галактические модели, чем я могу надеяться когда-либо понять. У них для работы есть ячейки Великой Библиотеки и подлинно современные компьютерные стимуляторы. Предположим, мне действительно удастся продемонстрировать, что наша старая физика была правильным, хотя и ограниченным приближением? Это даст основания для гордости, покажет, что волчата с самого начала шли по правильному пути. Но ничего нового это не даст.

Пурофски покачал головой.

— Нет, я решил, что нужен прорыв. Двинусь вперед со старым подходом к пространству-времени и посмотрю, смогу ли решить проблему, имеющую отношение к Джиджо, — Загадку Восьми Космических Кораблей.

Сара мигнула.

— Вы хотите сказать — семи? Почему за короткое время так много сунерских рас собрались на Джиджо, и при этом ни одна не была поймана? Но разве эта задача не решена? — Она указала на самую яркую точку на стене. — Примерно двадцать столетий назад Измунути начала заливать окружающее пространство углеродными частицами. Они как град, и их достаточно, чтобы с расстояния больше светового года изменить погоду на планете. Именно эта буря уничтожила патрульные роботы, оставленные на орбите Институтом Миграции, и поэтому крадущиеся корабли смогли проникнуть сюда незамеченными.

— Хр-рм, да, но этого недостаточно, Сара. Из настенных надписей, найденных в буйурских развалинах, мы знаем, что доступ в эту систему возможен с двух пунктов перехода. Второй пункт, должно быть, коллапсировал после отлета буйуров.

— Ну и что? Именно поэтому подействовало вступление Измунути! Единственный доступный для прохода маршрут, и

великие Институты по плану будут вторично исследовать это пространство спустя эпохи. Совершенно уникальная ситуация.

— Уникальная. Хрм, и очень удобная. Такая удобная, что я решил собрать свежие данные.

Пурофски повернулся к картине, созданной планетарием, и на его покрытом тенью лице появилось задумчивое выражение. Прошло несколько дуров, и Сара поняла, что он забыл о ней. Такая отчужденность может быть прерогативой гения в замкнутых залах Библоса, но после всего, что он сказал, способна вызвать ярость! Сара резко сказала:

— Мастер! Вы говорите, что нужны свежие данные. Неужели вы смогли увидеть что-то действительно важное в простом телескопе Уриэль?

Ученый мигнул, потом наклонил голову и улыбнулся.

— Знаешь, Сара, я нахожу поразительным, что мы оба провели последний год, исследуя непризнанные теории. Ты — своим отступлением в языки и социологию — да, я с интересом следил за твоей работой. И я — считая, что могу проникнуть в тайны прошлого с помощью грубых приспособлений, сделанных из переплавленного буйурского металлолома и расплавленного песка.

А знаешь ли ты, что, наблюдая за Измунути, я случайно обнаружил эти космические корабли? Те самые, что вызвали такую сумятицу на севере? Я увидел их, когда они переходили на орбиту, хотя мое предостережение не дошло вовремя до высоких мудрецов. — Пурофски пожал плечами. — Но вернемся к твоему вопросу. Да, я сумел кое-что узнать, используя аппаратуру горы Гуэнн.

Подумай снова об уникальных условиях Джиджо, Сара. Коллапс второго пункта перехода... углеродный ветер от Измунути... неизбежная притягательность изолированной, скрытой планеты для беженцев сунеров.

Подумай вот о чем: как могли существа с таким проницательным разумом, как буйуры, не заметить начальных симптомов этих изменений, которые происходили в близком пространстве?

— Но буйуры улетели полмиллиона лет назад! Тогда никаких симптомов могло не быть. Или они были слишком слабыми.

— Может быть. И тут вступают мои исследования. Плюс, я надеюсь, твой опыт. Ибо я почти уверен, что аномалии в пространстве-времени должны были быть заметны даже тогда.

— В пространстве-времени. — Сара поняла, что он намеренно пользуется термином старой земной физики. Настала ее очередь провести в молчании несколько дуров, глядя на пятна звезд и думая о том, что означают эти слова.

— Вы говорите об эффектах линзы?

— Умница, — одобрительно ответил мудрец. — И если я смогу их заметить...

— Тогда буйуры тоже могли и предсказали.

— Они словно прочли открытую книгу! Но это еще не все. Я пригласил тебя сюда, чтобы подтвердить другое, гораздо более зловещее предположение.

Сара почувствовала, что по ее спине, словно насекомое с миллионом ледяных лапок, пробежала дрожь.

— Что вы хотите сказать?

Мудрец Пурофски на мгновение закрыл глаза. А когда открыл, в них словно вспыхнуло пламя.

— Сара, я считаю, что они с самого начала все это спланировали.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

Незаконное заселение невозделанных планет существовало, сколько существуют хроники Пяти Галактик. У этой постоянно возникающей проблемы есть много причин, но наиболее распространенная из них — парадокс логики размножения.

У органических существ с бесчисленного количества разных планет есть одна общая черта — стремление к воспроизводству. У некоторых рас это проявляется как осознанное стремление к появлению потомства. У других это инстинктивное влечение к сексу или ксиму, причем без внимания к последствиям.

Какими бы различными ни были конкретные механизмы, общие последствия остаются одинаковыми. Предоставленные своим наклонностям, органические формы жизни начинают размножаться со скоростью, превышающей простое воспроизводство. И за очень короткий (по звездным стандартам) период времени рост населения приводит к тому, что самоорганизующаяся и самоподдерживающаяся экосистема планеты не выдерживает (СМ. ПРИЛОЖЕНИЕ — ОТДЕЛЬНЫЕ ОТОБРАННЫЕ ПРИМЕРЫ).

Виды делают это, потому что каждый способный к размножению индивид является потомком длинной цепи успешно воспроизводившихся предков. Попросту говоря, те, кто

лишен стремления к размножению, не становятся предками. Особенности, которые способствуют размножению, передаются потомкам.

Насколько нам известно, такой эволюционный императив заложен даже в экоматрицы основанных на водороде формах жизни, которые существуют параллельно с нашей кислорододышащей цивилизацией. А что касается Третьего Порядка — автономных машин, только строжайшее соблюдение жестких самоограничений помешало этим неорганическим видам угрожать расширяющимся воспроизводством, которое могло бы уничтожить жизнь в Пяти Галактиках.

У огромного большинства неразумных жизненных форм эта тенденция к перевоспроизводству ограничивается голодом, хищниками и другими сдерживающими факторами, в результате возникает квазиустойчивое состояние псевдоравновесия. Однако предразумные формы часто используют свои недавно обретенные умственные способности, чтобы устранить соперничество и погрузиться в неограниченную оргию размножения, за которой следует истощение всех ресурсов. И если оставить их слишком долго без должного руководства, такие виды сами приводят себя к гибели в экологической катастрофе.

Это одна из СЕМИ ПРИЧИН, почему формы жизни сами по себе не могут эволюционировать до полного разума. Парадокс логики размножения означает, что кратковременные эгоистические интересы всегда побеждают долговременное планирование, если только извне патроны не привнесут разум.

Одна из первейших обязанностей патронов — добиться того, чтобы раса клиентов сознательно контролировала свое стремление к размножению, и только при таком условии ей может быть предоставлен взрослый статус. И однако, вопреки всем предосторожностям, известны случаи, когда развитые разумные расы, обладающие высшим статусом, погружались в спазмы размножения, особенно в те периоды, когда временно ослабевает закон и порядок (СМ: ВРЕМЕНА ПЕРЕМЕН). Поспешные попытки колонизации/распространения приводили к опустошению целых галактических зон.

Согласно закону, наказанием для рас, которые создают такие эко-холокосты, может быть полное уничтожение, вплоть до самого основного генетического запаса.

По сравнению с этим незаконное заселение невозделанных планет — преступление средней тяжести. Наказание зависит от степени причиненного ущерба и от того, насколько благополучно предразумные формы выходят из этого процесса.

Тем не менее легко заметить, что парадокс логики размножения вполне применим и здесь. Иначе зачем бы индивидам и видам многим жертвовать и рисковать возможностью подвергнуться строгому наказанию, чтобы тайно жить на планете, где им не место?

На протяжении десятков миллионов лет было найдено только одно решение этого вечного парадокса. Это решение заключается в постоянном применении прагматического предвидения в интересах всего общества.

Иными словами — в цивилизации.

Из «Галактического руководства для невежественных волчат землян», специального издания Института Библиотеки Пяти Галактик, 42 год ПК (после контакта) в частичное погашение долга от 35 года ПК

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

КАА

Они любили друг друга в скрытой пещере под береговыми утесами, под непрерывный рокот прилива, который выбрасывал пенные фонтаны, способные долететь до вершин утесов.

Наконец-то! Каждый раз накатывающаяся на берег волна создавала гулкое эхо, как будто все ведущее к этому моменту было

только прелюдией, простым переносом инерции через обширный океан, от одной полоски соленой воды к другой. Как будто волна может стать реальной, только когда ударится о камень.

Раскатистое эхо гулко отдавалось в укромной пещере. «Это я», — думал Каа, слушая, как пенные волны криком приветствуют свое краткое овеществление. Как берег завершает прилив, так и он чувствовал себя завершенным контактом с другим существом.

Вода проходила через открытый рот, все еще дрожа от их страсти. У тайного бассейна был ее вкус.

Пипое покачивалась рядом с Каа, гладя его грудным плавником, от чего у него покалывало кожу. Он отвечал прикосновением хвостового плавника и с радостью чувствовал, как она блаженно вздрагивает. Страсть после совокупления гораздо важнее и значительнее краткого танца спаривания. Это как разница между необходимостью и свободным выбором.

Могут ли горящие звезды
Кричать о радости громче,
Чем этот простой фин?

Хайку на тринари, как и полагается, вырвалась почти непроизвольно, не оформленная фронтальными долями мозга, которые тщательно формировали генные инженеры люди во время возвышения дельфинов. Щелчки и писки трехстишия отражались в гротах пещеры в то же мгновение, в которое рождались в сознании.

Ответ Пипое появился таким же путем, он был откровенно медлительным, с природной открытостью, которая не признает лжи.

Простота
Не лучшее твое качество, дорогой Каа.
Ты чувствуешь себя Счастливчиком?

Ее слова одновременно возбуждали и радовали. Она знала, как высоко он ценил свое прозвище. «Вот оно и вернулось ко мне», — радостно думал Каа.

И все было бы превосходно, момент беспорочного счастья, если бы что-то не мешало наслаждению. Дрожь, слабая и мерцающая, словно звуковая тень, создаваемая муреной или угрем, которые быстро уходят в ночь, оставляя за собой еле заметный след.

«Да, ты вернул себе свое прозвище, — шептал слабый голос, как далекое моретрясение. Или как айсберг, стонущий в тысяче миль отсюда. Но чтобы сохранить, тебе придется его снова заслужить».

Когда Каа в следующий раз проверил перемещение разведчика-робота, тот почти добрался до верхней точки фуникулера горы Гуэнн.

Вначале решение Пипое остаться с ним было скорее профессиональным, чем личным. Она хотела помочь Каа провести специально сконструированный разведчик вверх по узкому деревянному монорельсу, который поднимался по неровному склону погасшего вулкана. И хотя бамбуковый рельс был чудом местного инженерного мастерства, Каа нелегко было проводить маленький робот мимо секций, заполненных грязью и отбросами. Ему и Пипое пришлось остаться лагерем в пещере и постоянно, сменяя друг друга, следить за продвижением робота, вместо того чтобы вернуться к Брукиде и остальным. Полностью автоматизированный прибор мог бы совершить восхождение и самостоятельно, на Джиллиан Баскин запретила его применение, потому что достаточно умную машину на берегу могут засечь детекторы джофуров.

Момент торжества наступил, когда глаз камеры наконец добрался до конца рельса, миновал замаскированную станцию и пополз вниз по обработанным каменным плитам, таща за собой, как торопливый паук, тонкую линию связи. Каа заставил его ползти по потолку — это самый безопасный маршрут, к тому же позволяющий хорошо разглядеть внутренности мастерской.

В этот момент присоединились и другие наблюдатели. На «Стремительном» Ханнес Суэсси и его инженерная группа от-

пускали замечания по поводу просторных помещений, где кузнецы уры и квуэны использовали температуру лавовых бассейнов, опуская с них материалы для расплавления, сплавления и формования. На вопросы отвечала Ур-ронн, одна из четверых молодых гостей корабля, чье присутствие позволяло задавать эти вопросы. Ур-ронн давала объяснения на англике с сильным акцентом, причем о многом умалчивала. Ее услуги в качестве гида были частью соглашения, остальные условия которого будут выработаны позже.

— Не вижу Уриэль у горнов. — Голос Ур-ронн негромко звучал в приемнике Каа. — Наверно, она наверху, в помещении своего ховви.

Помещение хобби Уриэль. Судя по дневнику Олвина Хфуэйуо, Каа представлял себе сложную и бесполезную игрушку из палок и вращающегося стекла, что-то такое, что способно смягчить скуку существования в варварском мире. И ему казалось удивительным, что предводитель общества, которому грозит опасность, тратит время на претендующее на художественность творение Руби Голдберга*, если верить описаниям Олвина.

Ур-ронн сказала Каа, чтобы он продвинул робота в глубину мастерской, мимо нескольких похожих на лабиринт поворотов, потом через открытую дверь в полутемное помещение, где наконец стали видны легендарные аппараты.

Пипое удивленно присвистнула.

Подробное описание
Поражает неподготовленного
Интуитивной подозрительностью.

Да, согласился Каа, глядя на сводчатое помещение; полное пересекающихся балок и вспышек света, оно производило бы сильное впечатление даже на Земле. Описание Олвина не передает всей сложности и единства этих вращающихся частей — достаточно одного взгляда, чтобы понять, что у всех

* Рубен Голдберг — известный американский карикатурист. — *Примеч. пер.*

этих движений есть единый ритм, контролирующий все. Каждый поворот, каждая рябь связаны с элегантным, постоянно меняющимся целым.

Сцена великолепная и абсолютно непонятная. Видно было, как по темным лесам движутся неясные фигуры, внося какие-то изменения. Несколько маленьких стремительных существ и по крайней мере одна двуногая форма, отдаленно напоминающая человека. Кроме того, голографическая передача создана для удобства существ с двумя смотрящими вперед глазами. Для дельфинов больше подошла бы панель со звуковыми передатчиками, способными улавливать параллакс.

Даже обычно сдержанный Ханнес Суэсси был поражен этим дворцом непрерывного мерцающего движения. Наконец вмешалась Ур-ронн.

«Я вижу Уриэль. Она вторая справа, в группе, которая стоит возле шимпанзе».

Рядом с шимпанзе с блокнотом в руках стояло несколько уров, которые следили за работой машины, нервно притопывая копытами. Случайные вспышки прыгали по их бокам, делая их похожими на фавнов в лесу, но Каа видел, что Уриэль с седой мордой — самая старшая среди них. На их глазах шимпанзе показал кузнецу множество абстрактных дуг, вместо слов сопровождая демонстрацию жестами ручного языка.

— Как нам это сделать, «Стремительный»? — спросил Каа. — Просто начать говорить?

До последнего времени всем казалось, что «Стремительный» должен заниматься только своими проблемами. Но события сделали встречу с туземцами почти неизбежной — даже необходимой.

— Давайте послушаем, прежде чем сообщить о своем присутствии, — решила Джиллиан Баскин. — Я предпочла бы, чтобы на встрече присутствовало меньше свидетелей.

Иными словами, она хочет контактировать с Уриэль, а не с целой толпой. Каа послал робота вперед. Но прежде чем стали слышны слова уров, со «Стремительного» донесся новый голос.

— Прошу простить вмешательство, — послышался культурный голос машины Нисс. — Каа, пожалуйста, снова направьте камеру на сооружение Уриэль. Я хочу высказать предположение.

Джиллиан не возразила, и Каа заставил робота вторично посмотреть на обширные леса.

— Обратите внимание на полоску песка внизу, — продолжал Нисс. — Там, куда чаще всего падает свет, возникают аккуратные груды. Эти груды соответствуют фигурам, которые шимпанзе показал Уриэль.

Каа отвлекся: Пипое неожиданно хлестнула его хвостом.

— Кто-то приближается. Периферийные сканеры утверждают, что приближающийся организм обладает признаками джофура.

Вопреки возражениям Нисса, Каа заставил разведчика развернуться. И в дверях они увидели освещенный силуэт, который экипаж «Стремительного» научился ненавидеть, — заостренную коническую груду жирных пончиков.

Вмешалась Джиллиан Баскин.

— Всем успокоиться. Я уверена, что это всего лишь треки.

— Конечно, — подтвердила Ур-ронн. — Эта груда — Тиуг.

Каа вспомнил. Это «главный алхимик» кузницы на горе Гуэнн. Мастер химического синтеза Уриэль. Каа успокоительно коснулся Пипое и почувствовал, как она немного расслабилась. Согласно дневнику Олвина, треки — мирные существа, совсем не похожие на своих звездных родичей.

И поэтому он был совершенно не готов, когда Тиуг повернул ряд своих похожих на драгоценные камни сенсоров наверх, по направлению к маленькому роботу-шпиону. Из его центрального вентиляционного отверстия поднялись клубы задумчивого желтого пара. Затем самое верхнее кольцо выпятилось.

...и неожиданно выпустило стаю летящих предметов, которые гневно устремились к глазу камеры! У Каа и остальных хватило времени, чтобы на мгновение увидеть насекомых — какую-то местную разновидность. Своими сложными глазами

и быстро бьющимися крыльями насекомые рождали волны звука и света. Стая жужжащих созданий собралась, окружила линзы и приборы робота.

И через несколько мгновений на экране можно было увидеть только мерцающие статические разряды.

ДЖИЛЛИАН

Над столом для совещаний висело увеличенное изображение — маленькое существо, застывшее в полете, крылья бьются так часто, что видна только радужная дымка, на которую больно смотреть. По сравнению с этим изображением сложная путаница спиральных линий машины Нисс казалась тусклой и абстрактной. В голосе машины слышалось раздражение.

— Может ли кто-нибудь из вас, местные дети, идентифицировать для нас это надоедливое существо?

Слова звучали достаточно вежливо, но Джиллиан поморщилась от высокомерного тона.

К счастью, Олвин Хф-уэйуо, по-видимому, не понял, что к нему относятся свысока. Молодой хун сидел рядом с подругой, его горловой мешок вибрировал: он ворчал на ультразвуковом уровне для обоих нуров, которые сидели на его широких плечах. В ответ на сардонический вопрос машины Олвин дружелюбно кивнул — этот человеческий жест казался у него совершенно естественным.

— Хрм. Это легко. Оса тайны.

— Генетически преовразованная игрушка вуйуров, — пояснила Ур-ронн. — Хорошо известное неудовство.

Гек, покачивая всеми четырьмя стебельками, разглядывала изображение.

— Теперь я понимаю, откуда у них такое название. Обычно они передвигаются так быстро, что нет возможности рассмотреть. Похоже на маленький реук с мембранами, превратившимися в крылья.

Ханнес Суэсси хмыкнул и постучал по столу левой рукой-протезом.

— Каково бы ни было происхождение этого существа, похоже, Уриэль хорошо защитила себя от шпионов. Наш робот теперь бесполезен. Решит ли она, что он послан джофурами?

Ур-ронн неуверенно пожала плечами, вернее, свила длинную шею.

— А кем еще? Откуда Уриэль знать о вас, если ов этом не сказали джофуры?

Джиллиан согласилась.

— Тогда она может уничтожить разведчика, если мы немедленно не заставим его говорить на англике. Нисс, можете вы с Каа передать сообщение?

— Мы работаем над этим. Контрольная панель посылает приказы, но эти так называемые осы как будто забили все частоты, мешая связи. Робот неуправляем.

— Черт побери. На то, чтобы послать другой, потребуются дни. — Джиллиан повернулась к Ур-ронн. — Кажется, нам трудно будет сдержать обещание.

Ей очень не хотелось говорить это. Она с нетерпением ждала встречи с легендарным кузнецом с горы Гуэнн. Судя по всему, Уриэль исключительно умна и проницательна, и у нее очень большое влияние на джиджоанское общество.

— Есть другой выход, — предложила Ур-ронн. — Летите туда лично.

— Пока об этом нельзя и думать, — ответила лейтенант Тш'т. — Военный корабль врага немедленно обнаружит всякий летательный аппарат за пределами защитного водного покрова.

Тш'т, офицер дельфин, лежала на подушке в своем шестиногом устройстве для ходьбы. Ее длинное гладкое тело занимало конец зала для совещаний дальше всего от молодых сунеров; левым глазом она разглядывала членов совета корабля.

— Можете мне не поверить, но у нас есть и другие важные дела, кроме потери посланного Каа робота.

Джиллиан понимала причину раздражительности Тш'т. Ее доклад о предполагаемом самоубийстве двух пленников людей оставлял без ответов множество вопросов. Больше того, все

острее становились проблемы дисциплины, все больше дельфинов подписывались под так называемым «прошением о размножении».

Джиллиан старалась подкрепить моральное состояние экипажа, она разговаривала с дельфинами, слушала их жалобы, подбадривала прикосновением патрона. У Тома были к этому способности, как и у капитана Крайдайки. Шутка здесь, забавная притча там. И большинство финов, чем сложней обстановка, становились лишь преданней и решительней.

«Но видно, у меня таких способностей нет. Или бедный экипаж слишком устал после всего этого бегства».

Лучшие работники теперь за пределами корабля и трудятся почти круглосуточно, а она проводит часы с машиной Нисс, отбрасывая один отчаянный план за другим.

Одна из схем кажется менее ужасной.

«Вкусная, как назвал ее Нисс. Хотя и рискованная. Наше бегство с Китрупа по сравнению с этим было спокойным».

Следующий вопрос подняла корабельный врач Макани. В отличие от Тш'т она, пожилой дельфин-медик, не любила быть привязанной к машине. Обнаженная, только в небольшой упряжи для инструментов, она принимала участие в совете, лежа в углублении с проточной водой у одной из стен зала для совещаний. Тело Макани блестело от множества пузырьков: все водные пространства «Стремительного» заполняла вода, насыщенная кислородом.

— Существует еще проблема кикви, — сказала она. — Ее необходимо решить, особенно если мы собираемся передвинуть корабль.

Джиллиан кивнула.

— Я хотела обсудить этот вопрос с... — Она посмотрела на мерцающий экран утраченного разведчика Каа и вздохнула. — С окончательным решением придется подождать, доктор. Продолжайте подготовку, и я дам вам знать.

Далее Ханнес Суэсси доложил о состоянии корпуса.

— Даже если мы отмоем его, как делаем сейчас, корабль будет двигаться даже медленнее, чем внутри пустого тенна-

нинского крейсера. Медленнее, и все области вероятности будут забиты этим углеродным хламом.

— Значит, мы должны подумать о том, чтобы перебраться в один из брошенных кораблей?

— Это будет нелегко. Ведь «Стремительный» был специально подготовлен для существ, живущих в воде.

Зеркальный купол, в котором находились мозг и череп Суэсси, кивнул.

— Моя команда готовит лучшие из брошенных космических кораблей. — Из щели в шлеме послышался смешок. — Подбодритесь! Если поможет Ифни, кое-кто из нас еще сможет выбраться отсюда.

«Может быть, — подумала Джиллиан. — Но даже если мы выберемся из системы Джиджо, куда нам деться? Куда мы сможем бежать?»

Совещание закончилось. У всех, включая детей сунеров, была работа.

«А Двер Кулхан ждет меня в моем кабинете и снова будет просить разрешения отправиться на берег. Уплыть туда, если понадобится».

Чтобы вернуться в дикую местность, где он нужен.

Ее охватили противоречивые чувства. Двер почти мальчик. Тем не менее впервые за те годы, что «Стремительный» вынужден был оставить Тома на Китрупе, она испытывала нечто вроде физического влечения.

«Естественно. Меня всегда влекло к героям».

Она вспомнила, как в последний раз Том прикоснулся к ней, в ту последнюю ночь на металлическом острове в ядовитом море. Ночь накануне его отлета на глайдере на солнечной энергии. Том собирался отвлечь внимание огромных боевых флотов, обмануть могучих врагов и создать проход, чтобы «Стремительный» мог уйти. Левое бедро Джиллиан время от времени все еще ощущало это прикосновение — именно здесь он в последний раз ласково коснулся ее, лежа в своем маленьком воздушном корабле и улыбаясь перед стартом.

— Я вернусь раньше, чем ты это узнаешь, — сказал Том. Если подумать, очень странное метафизическое выражение. А она часто об этом думала.

А потом он исчез, улетел на север, едва не задевая волны, над противоположными приливами Китрупа.

«Я не должна была его отпускать. Иногда нужно сказать герою: достаточно.

Пусть кто-нибудь другой спасает мир».

Собираясь выйти из зала для совещаний, Джиллиан увидела, как Олвин, молодой хун, пытается прихватить обоих нуров. Самка его любимица, по всей видимости умное, но не обладающее разумом животное, вероятно, отпрыск местных природных титлалов, потомок тех, кто никогда не подвергался возвышению. Должно быть, тимбрими запасли здесь, на Джиджо, генный бассейн своих любимых клиентов. Просто на случай, если с кланом произойдет что-то непредвиденное. Мудрая предосторожность, учитывая, сколько у них врагов.

А что касается второго нура, проклятия Двера и его спутника через половину континента, то сканирование мозга показало следы возвышения.

Раса, скрытая внутри расы, сохранившая все особенности, которые тимбрими выработали у своих клиентов.

Иными словами, титлалы — тоже подлинные сунеры, еще одна волна незаконных поселенцев, но под особой маскировкой. Так они могут даже избежать судьбы, которая ожидает родичей Олвина, Гек, Ур-ронн и Клешни.

Но этим все не может исчерпываться. Осторожность не очень характерна для тимбрими и их клиентов. Они не стали бы идти на такие хлопоты, только чтобы спрятаться. Должно быть, это часть чего-то гораздо большего.

Олвину не удавалось забрать Грязнолапого. Не обращая внимания на призывы, нур бродил по столу для совещаний и совал усатую морду во все, что осталось. Наконец титлал встал на задние лапы и принялся разглядывать застывшее изображение, последнее переданное разведчиком Каа, — осу тайны.

— Нисс, — негромко позвала Джиллиан.

Рядом со щелчком возникло вертящееся абстрактное изображение.

— Да, доктор Баскин? Вы решили выслушать мое предположение относительно сложной машины Уриэль с вращающимися дисками?

— Позже, — ответила она и показала на Грязнолапого. Теперь Джиллиан видела, что титлал всматривается мимо расплывчатого изображения осы тайны во что-то за ней.

— Попробуй увеличить изображение. Узнай, на что смотрит этот маленький дьявол.

Она не стала добавлять, что и сама кое-что заметила. Нечто такое, что способен заметить только чувствительный к пси. Вторично ей показалось, что она видит слабое присутствие, смутное и эфемерное, плывущее над возбужденными черепными шипами Грязнолапого. Она не была уверена, но что бы это ни было, у него был знакомый привкус.

Можно назвать это сущностью тимбрими.

КАА

Больше в пещере делать было нечего. Робот казался мертвым.

И даже если он оживет, разговор с туземцами будет вестись со «Стремительного». А им пора возвращаться в убежище. Каа уже несколько дней не видел свою команду.

Человеческая пара могла бы задержаться перед тем, как покинуть грот, еще раз оглядеться, чтобы лучше запомнить место, где впервые занималась любовью. Но не дельфины. Как и их патроны люди, неодельфины способны испытывать ностальгию, но они умеют запасать звуковые изображения, как люди записывают изображения с помощью своих приборов. Присоединившись к Пипое под ярким солнечным светом за пределами грота, Каа знал, что они всегда могут снова посетить эту пещеру, просто сблизив крутые изогнутые лбы, воссоздавая уникальные звуковые образы в древней пропасти памяти, которую некоторые называют Сном Китов.

Приятно снова оказаться в просторном море, и Пипое рядом повторяет каждый прыжок и изгиб тела. Движение после долгого заточения в тесных, забитых машинами помещениях равносильно радости.

Путь вперед тоже был великолепен, но насыщен сильным сексуальным напряжением. Теперь не было ни тайн, ни противоречивых желаний. Бóльшая часть обратного пути прошла в блаженном молчании — словно у простой пары из доразумных дней, свободной от даров и тяжестей возвышения.

Наконец, когда убежище было уже близко, Каа неохотно вернулся к мыслительным ритмам на англике. Чтобы поговорить, он использовал неформальный диалект писков и щелканий, на котором дельфины общаются во время плавания.

— Ну вот и все, — послал он подводный звуковой сигнал во время следующей фазы погружения. — Снова дома, в кругу семьи, какой бы она ни была.

— Семья? — скептически повторила Пипое. — Может, только Брукида. А что касается Мопола и Заки, то разве ты не предпочел бы родственников пингвинов?

«Неужели мое мнение о них так очевидно?» Вынырнув, чтобы набрать воздух, Каа постарался отделаться шуткой.

— О, нужно отдать должное этим двоим. Они могут поджечь океан, пока мы отсутствуем.

Пипое рассмеялась, потом добавила:

— Думаешь, они будут ревновать?

Хороший вопрос. Дельфины в отличие от людей с их сложной игрой эмоциональных обманов не могут скрывать личные отношения. Сканируя звуком внутренности друг друга, они могут не гадать, кто с кем спит.

«Зависть не была бы проблемой, если бы я с самого начала проявил свою власть как офицер и самец более высокого ранга».

К несчастью, привычка к подчинению и к уважению старших по рангу — недавняя концепция, навязанная людьми. В глубине души каждый самец дельфин испытывает древние порывы нарушить статус и бороться за свои права размножения.

«Выбор Пипое может укрепить положение Каа в местной иерархии. Хотя мне не следовало бы нуждаться в помощи, если я настоящий лидер».

— Ревность. — Он задумался, по-прежнему с силой ударяя по воде плавниками, увлекая Пипое в свою волну. — Эти двое очень сексуальны, так что, вероятно, будут испытывать ревность. Но по крайней мере Мопол и Заки перестанут приставать к тебе с безнадежными предложениями.

С первого же дня появления Пипое молодые самцы неоднократно делали ей грубые предложения, даже сладострастно терлись о нее, пока их не прогонял Каа. Конечно, дельфины гораздо терпимее к подобному поведению, чем люди, — и Пипое способна постоять за себя, — но эта пара была так настойчива, что Каа приходилось колотить их хвостом, чтобы отогнать.

— Безнадежными? — насмешливо переспросила Пипое. — Теперь ты высказываешь предположения. Откуда ты знаешь, что я моногамна? Может, мне больше подходит небольшой гарем?

Каа раскрыл пасть и собрался укусить ее за ближайший грудной плавник, но проделал это медленно, чтобы она со смехом могла увернуться.

— Хорошо, — заметила она. — Турсиопы Тихого океана известны своими странностями. Но я предпочитаю спокойных и консервативных финов из Атлантики. Ты ведь из Подводного Майами? Вероятно, родился в старомодной семье с традиционным браком?

Каа хмыкнул в ответ. Даже англик с основой на сонаре дается с трудом во время быстрого плавания.

— Один из вариантов семьи Хайнлайна, — подтвердил он. — Этот стиль больше подходит дельфинам, чем людям. А что? Подыскиваешь семью, чтобы войти в нее?

— М-м-м. Я бы предпочла начать новую. Всегда мечтала стать матриархом-основателем — если позволят хозяева Возвышения.

Это вечное большое Если. Ни один неодельфин не может иметь законное потомство без разрешения Террагентского Совета Возвышения. И хотя люди предоставили дельфинам необычную свободу, право голосовать и все права граждан, они все равно подчиняются древним галактическим законам.

А главный закон Возвышения гласит: совершенствуй своих клиентов или потеряешь их.

— Ты, наверно, шутишь, — ответил Каа. — Если кому-нибудь со «Стремительного» удастся вернуться домой из этого безумного путешествия, никому из нас, финов, больше не придется сдавать экзамен. Нас могут стерилизовать на месте за все те неприятности, что мы причинили. Или мы будем объявлены героями и всю остальную жизнь будем поставлять сперму, став отцами почти всего будущего поколения неофинов.

В любом случае никакой уютной семейной жизни. Ни для кого из нас.

Он сам не ожидал, что выйдет так иронично и горько. Но Пипое, должно быть, поняла, что он говорит правду. Она по-прежнему плыла рядом, но ее молчание говорило Каа, насколько она поражена.

Здорово. Все было так хорошо: эта удивительная вода, рыба, которую мы поймали на завтрак, наша любовь. Ну что стоило не мешать ей помечтать немного, представить себе счастливый конец? Сохранить фантазию, что мы еще можем вернуться домой и вести нормальную жизнь?

— Каа! — От возгласа Брукиды задрожало все маленькое убежище. — Я рад, что вы вернулись. Хорошо ли все прошло? Погоди, сначала я расскажу, что обнаружил, сопоставляя пассивные сейсмические эхо с места, где находится «Стремительный». Необработанные данные я передал в одну из старых программ Чарлза Дарта, чтобы получить томографическое изображение структурной зоны.

Все это стремительно, без пауз. Люди сказали бы «не переводя дыхания».

— Здорово, Брукида. Но отвечая на твой вопрос, наша вылазка прошла не так успешно, как мы надеялись. У нас есть приказ собраться и свернуть лагерь. Джиллиан и Тш'т планируют переместить корабль.

Брукида покачал пятнистой серой головой.

— Разве это не рискованно? Можно выдать положение «Стремительного».

— Оно уже известно. Доктор Баскин полагает, что джофуры просто чем-то заняты, но долго это не будет продолжаться.

Каа должен был выяснить, что сунеры знают о подобных вещах. Может быть, кузнец Уриэль знает что-нибудь о планах джофуров. Никто не винит Каа в неудаче — во всяком случае, не вслух. Но он знал, что совет корабля разочарован.

«Я предлагал послать кого-то более подготовленного к шпионажу».

Он осмотрелся.

— А где остальные?

Брукида вздохнул с дрожью.

— Отправились покататься на санях Пипое. Или рвут сети местных хунов и квуэнов.

«Черт побери!» — выругался Каа. Он приказал Заки и Мополу не удаляться от купола больше чем на километр и следить за мониторами, уже установленными в порту Вуфон. И прежде всего они не должны были привлекать внимание сунеров.

— Им стало скучно, — объяснил Брукида. — Теперь, когда на борту «Стремительного» Олвин и другие местные эксперты, наша команда не очень и нужна. Именно поэтому я принялся наблюдать за потоками лавы в зоне расположения корабля. С Китрупа это у меня первая возможность проверить идею, основанную на старых исследованиях Чарлза Дарта. Помнишь те странные существа, которые жили глубоко под коро́й Китрупа? Те самые, у которых непроизносимое название вида?

Пипое сказала:

— Ты имеешь в виду карранк-к?

Она прекрасно изобразила тон с двумя повышениями в конце, напоминающий шипение готового взорваться парового котла.

— Да, именно. И вот я все думал, какая экосистема может содержать их там внизу. Это заставило меня предположить...

Брукида замолчал. Все три дельфина повернулись и посмотрели на участок стены за ними, откуда послышался низкий скрежещущий звук. От дрожи у Каа заломило челюсти.

Вскоре все убежище стонало на звуковой частоте, которую Каа узнал.

— Сейсер! Кто-то нападает на купол!

— Упряжи!

По его приказу все бросились к стойке, где висели готовые к использованию упряжи с тяжелыми инструментами. Каа проскользнул в отверстие своего тщательно подогнанного аппарата и почувствовал, как гладко встают на место многие контрольные поверхности. К невральному гнезду за левым ухом подсоединился контрольный кабель. Он высвободил упряжь из стойки, и ожили руки-роботы. Упряжь Пипое высвободилась на мгновение позже.

В противоположной стене, выше и ниже уровня ватерлинии, появился грубый раскаленный прямоугольник.

— Они прорезают стену! — крикнула Пипое.

— Маски для дыхания! — приказал Каа. Из упряжи поднялся шланг и плотно закрыл ему дыхало. Запасенный воздух кажется еще более затхлым, чем та рециклированная атмосфера, которой они дышали под куполом. Каа послал невральный приказ активизировать резак и сейсер, которые в схватке могут послужить оружием.

Но инструменты не слушались!

— Пипое! — закричал Каа. — Проверь свои.

— Я помогаю Брукиде! — прервала она. — Его упряжь застряла!

Каа забил по воде плавниками, раздраженно запищав. И поскольку другого выхода не было, загородил ее своим телом от дальней стены.

Которая уже рухнула в облаке пены.

ДЖИЛЛИАН

— Я обнаружил несколько интересных вещей, — сказал Нисс, машина, когда Джиллиан проснулась после короткого искусственного сна. — Первая имеет отношение к этой удивительной туземной машине, построенной и управляемой урским лудильщиком Уриэль.

В своем затемненном кабинете Джиллиан смотрела на появившееся изображение колес, шкивов и дисков, вращающихся в радуге цветов. Поблизости древний труп — Херби, — казалось, разглядывает ту же сцену. Игра теней делала его загадочное мимуфицированное лицо улыбающимся.

— Попробую догадаться. Уриэль создала компьютер.

Нисс изобразил удивление. Его спиральные линии собрались в узел.

— Вы знали?

— Подозревала. Судя по рассказам детей, Уриэль не стала бы тратить время на что-нибудь бесполезное или абстрактное. Она хотела дать своему народу нечто особенное. То, от чего ее предкам пришлось отказаться.

— От обладания компьютерами. Хороший вывод, доктор Баскин. Уриэль нацелилась высоко — стать Прометеем. Принести своему народу огонь расчетов.

— Но без цифрового сознания, — заметила Джиллиан. — Компьютер, который невозможно обнаружить.

— Верно. В нашей захваченной ячейке Библиотеки я не нашел никаких указаний на подобное устройство. Поэтому я заглянул в доконтактное издание 2198 года «Британской энциклопедии». И прочел об аналоговых расчетах с помощью механических компонентов, которые на короткое время расцвели на Земле и которые имеют несомненное сходство с техникой, какую мы видим в зале вертящихся дисков Уриэль.

— Помню, я слышала об этом. Может, Том упоминал.

— А говорил ли он о том, что то же самое можно достичь с использованием простых электронных цепей? Сеть сопротивлений, конденсаторов и диодов может копировать множество уравнений. И связывая такие устройства друг с другом, можно получить решение ограниченных проблем.

Стоит задуматься о военном потенциале подобных систем. Например, возможно управление оружием без цифровых приборов, такое оружие невозможно будет обнаружить.

Голограмма Нисса дернулась, и Джиллиан истолковала это как пожатие плечами.

— Но если бы эта идея была осуществима, она нашла бы отражение в Библиотеке.

Вот оно опять. Даже тимбрими разделяют это всеобщее убеждение: все сто́ящее за два миллиарда лет уже сделано. Это предположение почти всегда оказывается справедливым. Тем не менее волчата люди отвергают его.

— Ну и что? — поторопила Джиллиан. — Ты узнал, что рассчитывает Уриэль?

— А, да. — Линии задумчиво завертелись. — То есть, вероятно. Или скорее нет, не узнал.

— А в чем затруднение?

Нисс проявил раздражение.

— Трудность в том, что все алгоритмы, используемые Уриэль, земного происхождения.

Джиллиан кивнула.

— Естественно. Ее книги по математике происходят из так называемой Великой Печати, когда знания человечества затопили эту планету — преимущественно в виде печатных текстов. Зеркальное отражение того, что Галактическое общество сделало с Землей. На Джиджо мы высвободили огромные знания, поглотившие все предшествующие убеждения.

Отсюда и недавнее причудливое происшествие — Джиллиан обсуждала достоинства литературных произведений Жюль Верна с не похожими на людей молодыми существами по имени Олвин и Гек, у которых нет ничего общего со скучными и тяжеловесными галактическими нормами.

Нисс согласился, наклонив вихрь из вращающихся линий.

— Вы уловили мои затруднения, доктор Джиллиан. Хотя мои создатели симпатизируют землянам, сами они были возвышены и стали полноправными галактическими гражданами в рамках общей традиции. Особенности моей программы уникальны, но я был создан в соответствии с установленными принципами, выработанными за долгие эпохи использования цифровых компьютеров. И эти традиции противоречат земным суевериям.

Джиллиан украдкой кашлянула. Нисс поклонился.

— Прошу простить. Я хотел сказать, «земным обычаям».

— Можешь привести пример?

Могу. Подумайте над противоречием между словами/концептами «дискретный» и «непрерывный».

Согласно галактической науке, всего можно достичь с использованием математики, складывая и вычитая, используя целые числа и рациональные дроби. Сложные арифметические алгоритмы позволяют нам, например, понять поведение звезды, разделив ее на мелкие частицы, моделируя эти частицы упрощенным способом, затем соединяя части. Таков цифровой способ.

— Для этого требуется огромная память и компьютерная энергия.

— Верно, но все это легко достижимо и достаточно для решения любой задачи, какую вы сможете поставить.

Теперь посмотрим на доконтактных волчат людей. Ваша раса провела много столетий в полуцивилизованном состоянии, вы готовы были задавать сложные вопросы, но у вас не было доступа к транзисторам, квантовым переключателям или бинарной обработке данных. До тех пор пока ваши гении Тюринг и фон Нейман не открыли способности цифровых компьютеров, поколения ваших математиков должны были обходиться карандашом и бумагой.

А каков результат? Смесь гениального и глупого. Абстрактный дифференциальный анализ и кабалистическая нумерология. Алгебра, астрология и геометрическая топология. Бóльшая часть этой смеси основана на нелепых концепциях, таких, как непрерывность, или на подходяще названных иррациональных числах, или на поразительном убеждении, что в каждом малом скрываются бесконечности.

Джиллиан раздраженно вздохнула.

— Вскоре после контакта лучшие умы Земли пытались объяснить нашу математику. Снова и снова доказывали мы, что она последовательна и логична. Что она работает.

— Но она не дает ничего, что не могли бы мгновенно решить подобные мне вычислительные машины. Галактические

ученые отбросили все эти хитроумные уравнения как трюкачество и попытки найти кратчайший путь, а может, просто как бред дикарей.

Джиллиан кивком выразила согласие.

— Так уже было один раз, ты знаешь. В двадцатом веке после Второй мировой войны победители сразу разошлись по противоположным лагерям. Те специалисты, которых ты упомянул: Тюринг и фон Как-его-там, — они работали на Западе, помогая совершить нашу собственную цифровую революцию.

А тем временем Востоком правил диктатор, мне кажется, его звали Сталь.

— Согласно «Британнике», вы имеете в виду Сталина? Да, я вижу связь. До самой своей смерти Сталин по идеологическим причинам препятствовал развитию русско-советской науки. Он запретил работы генетиков, потому что они противоречили взглядам коммунистов на возможности достижения совершенства. Больше того, он подавил развитие компьютеров, называя это направление «декадентским». И даже после его смерти на Востоке многие по-прежнему считали, что расчеты грубы, неэлегантны и годятся только для приблизительных оценок. Для истины же нужна чистая математика.

— Так вот почему такое количество выдающихся математиков происходит из России, — усмехнулась Джиллиан. — Похоже на перевернутое изображение того, что произошло с Землей после контакта.

Нисс на мгновение задумался.

— На что вы намекаете, доктор? Что Сталин был отчасти прав? Что вы, земляне, правы? Что вы обнаружили то, что пропустила вся остальная вселенная?

— Кажется невероятным, верно? И все же разве не ничтожная вероятность того, что это правда, заставила твоих создателей направить тебя на корабль?

И снова линии завертелись.

— Хороший довод, доктор Баскин.

Джиллиан встала и начала проделывать серию физических упражнений. Короткий сон помог ей. Тем не менее ей предстоит решить сотни проблем.

— Послушай, — сказала она машине Нисс. — Есть ли цель, ради которой ты все это говоришь? Есть ли у тебя ключ к проблеме, которую пытается решить Уриэль?

Она показала на изображение колес, шкивов, кожаных ремней и вращающихся дисков.

— В одном слове, доктор? НЕТ.

О, я могу заключить, что Уриэль моделирует набор одновременных дифференциальных уравнений — если воспользоваться старинной терминологией волчат. Ранг рассматриваемых числовых величин кажется простым, даже тривиальным. Я мог бы превзойти этот так называемый компьютер, используя всего одну квадрильонную долю своей мощности.

— Почему ты этого не делаешь?

— Потому что для решения вначале нужно расшифровать забытый язык. Мне нужен ключ, Розеттский камень, после чего все станет предельно ясно.

Короче; мне нужна помощь землян, чтобы выяснить значение выражений.

Джиллиан пожала плечами.

— Еще один прорыв. Но на этом корыте недостаток математиков. Со старой математикой забавлялись Крайдайки и Том. Я знаю, что то же делали Чарлз Дарт и Такката-Джим.

Она вздохнула.

— И Эмерсон Д'Аните. Он был последним, кто мог бы помочь тебе.

Джиллиан направилась к своей справочной панели.

— Наверно, можно просмотреть личные файлы, чтобы выяснить, нет ли еще кого.

— Возможно, это не необходимо, — прервал ее Нисс. — Возможно, удастся связаться с одним из упомянутых вами специалистов.

Джиллиан мигнула, не веря собственным ушам.

— Вы поручили мне еще одно дело — на что смотрел этот хищный разумный титлал, которого называют Грязнолапым, в конце заседания совета. Чтобы выяснить это, я увеличил последнюю сцену, переданную камерой разведчика, прежде чем ее вывели из строя осы тайны.

Смотрите внимательно, доктор.

На большом экране появилось последнее изображение, присланное переставшей работать камерой. Джиллиан было физически болезненно смотреть на бьющиеся крылья насекомых, и она испытала облегчение, когда Нисс переместил фокус в угол поля, убрав с экрана ос тайны. Крупным планом стала видна часть машины кузнеца Уриэль — чудо изобретательности и находчивости.

«Я проходила курс старой математики до того, как поступила в медицинскую школу. Нисс может предоставить доконтактные тексты. Нужно только вдохновение. Какая-то интуиция волчат».

Но тут мысли ее прервались, ее увлекло яркое увеличенное изображение. Перед ней лабиринт импровизированных лесов, полный теней, в которых видны яркие вспышки.

Вся эта невероятная деятельность должна привести к чему-то очень важному.

Теперь Джиллиан видела цель Нисса — тени с мягкими очертаниями формы жизни, рискованно снующие по пересечениям тросов. Некоторые маленькие, со змееобразными торсами и множеством ног, в миниатюрных руках со множеством суставов у них инструменты.

«Миниатюрные уры, — поняла она. — Обслуживающая команда?»

Над этими возвышался больший силуэт. Джиллиан ахнула, поняв, что это человек. Но потом вспомнила.

Конечно. Люди — союзники Уриэль и искусные техники. Они также хорошо карабкаются на леса и в состоянии обеспечить работу машины.

Сейчас Нисс, должно быть, до предела использует свои возможности увеличения. Скорость увеличения замедлилась, и под разрешающей силой компьютера медленно начали исчезать тени. Вскоре Джиллиан поняла, что человек — мужчина, судя по форме шеи и плеч. Он на что-то показывает, может быть, дает задание маленьким урам.

Джиллиан увидела, что у него длинные волосы, зачесанные так, чтобы прикрыть страшный шрам. На мгновение она увидела неровную рану на виске...

Еще мгновение спустя изображение настолько прояснилось, что стала видна улыбка.

Узнавание подействовало словно поток ледяной воды.

— Боже мой, не может быть!

Нисс был одновременно доволен и заинтересован.

— Вы подтверждаете сходство?

— Похоже на инженера Эмерсона Д'Аните.

Члена нашего экипажа, которого мы считали убитым Древними во Фрактальной системе.

Его разведочный корабль был окутан всепожирающим светом, когда «Стремительный» кружным маршрутом уходил на Джиджо.

У машины Нисс есть одна общая черта с ее создателями — глубочайшая любовь к сюрпризам. Теперь Нисс выразил свое удовольствие довольным гулом.

— Вы часто спрашиваете, как кто-нибудь мог последовать за вами в этот заброшенный угол вселенной, доктор Баскин.

Кажется, этот вопрос приобретает новые уровни значения.

КАА

Ему так и не удалось сразиться.

Да и как это было возможно, если все оружие отказало с самого начала? К тому же Каа не был уверен, что сможет причинить вред кому-нибудь из своего вида.

Очевидно, у нападающих таких ограничений не было.

Разрушенное убежище лежало далеко внизу, его обломки рассыпаны по континентальному шельфу. Вместе с Пипое и Брукидой Каа едва удалось увернуться от рушащихся стен, избежать водоворота металла и пены, только чтобы увидеть пистолеты хорошо вооруженных нападающих. Их погнали на поверхность, и теперь они тяжело дышали под лучами вечернего солнца.

Напротив, гладкое тело Мопола почти лениво лежало на скоростных санях, которые Пипое привела в убежище со «Стремительного». Мопол управлял двигателем и оружием импульсами, которые посылал через невральное гнездо. Поблизости в упряжи и полном вооружении плавал Заки. Он объяснял ситуацию.

— Вот какое дело, пилот. — Он произносил слова не очень отчетливо. — Вы трое будете делать, что говорят, иначе...

Каа покачал головой и нижней челюстью плеснул в глаза Заки воду.

Глупые угрозы от того,
Кто слишком часто смотрел кино!
Просто говори, придурок. Немедленно!

Мопол сердито зашипел, но Пипое рассмеялась над затруднением Заки. Теперь продолжать угрозы означало выполнить приказ Каа. Конечно, это не очень серьезная проблема, не полное поражение. Но Каа чувствовал, что сейчас нужно хоть немного вернуть инициативу.

— Мы... — Заки с силой выдул воздух и попытался продолжить. — Мы с Мополом больше не члены экипажа «Стремительного». Мы не вернемся назад, и вы не сможете нас заставить.

«Так вот в чем дело», — подумал Каа.

— Дезертирство! — возмущенно выпалил Брукида. — Бросить товарищей, когда они больше всего в вас нуждаются!

Мопол издал резкий звук отрицания.

— Наш законный срок службы кончился почти два года назад.

— Верно, — согласился Заки. — И мы никогда не соглашались на это безумие — убегать, словно раненая кефаль, через всю галактику.

— Вы собираетесь стать сунерами, — заинтересованно сказала Пипое. — Жить дикой жизнью в этом море.

Мопол кивнул.

— Когда мы покидали корабль, кое-кто уже говорил об этом. Эта планета для нас рай. Весь экипаж должен сделать то же самое.

— Но если они не хотят, — добавил Заки, — то мы сделаем одни.

И добавил для выразительности хайку:

Шесть или семь кланов
Уже сделали это на берегу.
У нас есть прецедент!

Каа понял, что не сможет изменить их намерения. На его лучшие уговоры море ответит своей прекрасной минеральной гладкостью и соблазнительным эхом вкусной рыбы. Со временем дезертиры почувствуют, что им не хватает удобств цивилизованной жизни, или они соскучатся, или поймут, что даже в мире без крупных хищников есть свои опасности. В воде чувствовался слабый вкус изменчивости, и Каа подумал, видел ли кто-нибудь из мятежников настоящую бурю.

Но разве другие поселенцы не сталкивались с такими же проблемами? Г'кеки, квуэны и даже люди?

— Джофуры могут вам сильно помешать, — сказал он.

— Мы рискнем.

— А если вас поймают Институты? — спросил Брукида. — Ваше присутствие — это преступление, которое может очень тяжело отразиться на...

Мопол и Заки рассмеялись. Даже Каа легко мог бы отвести этот довод. Ведь люди и шимпы уже на Джиджо. И если клан землян понесет коллективное наказание за это преступление, несколько дельфинов, живущих в море, вряд ли ухудшат положение.

— Так что вы собираетесь с нами делать? — спросил Каа.

— Ничего особенного. Вы с Брукидой можете свободно плыть к вашей драгоценной Джиллиан Баскин, если захотите.

— Но на это потребуется неделя! — возразил Брукида. А Каа пришлось удерживать невольную дрожь своих механических рук, когда он понял, на что намекает Заки. И прежде чем

он справился со своим речевым центром, Пипое выразила его ужас.

— Только Каа и Брукида? Вы требуете, чтобы я осталась?

Мопол с такой радостью выразил согласие, что это было скорее похоже на гортанный дельфиний праязык, чем на тринари.

— Таков наш план, — подтвердил Заки. — Плохая у нас получится колония без единой самки.

Неожиданно Каа понял, что этот план разрабатывался давно. Приступ у Мопола должен был привлечь сюда с корабля одну из медсестер Макани. Почти все они молодые самки, и Пипое лучшая добыча.

— Вы хотите к своему дезертирству добавить и похищение? — спросила она не столько в страхе, сколько с интересом.

У Каа закипела кровь: Заки проплыл рядом с Пипое, перевернувшись и касаясь ее живота.

— Немного погодя ты не станешь это так называть, — пообещал Заки, переворачиваясь и оставляя за собой цепочку пузырей. — Со временем ты скажешь, что это твой самый счастливый день.

И тут терпение Каа кончилось. Он ударил плавниками и бросился.

Сначала темнота, потом все в тумане, в боли и оцепенении.

Инстинктивно тело Каа совершало все необходимые движения. Становилось вертикально. Высовывало дыхало над водой. Дышало. Снова погружалось. Позволяло разорванной личности снова медленно соединиться.

— Давай, мой мальчик, — говорил ему помогающий. — Еще немного.

Каа послушно плыл дальше, делал то, что велели. Этому учишься рано: если тебя ранили, всегда повинуйся помогающему. Это может быть твоя мать, тетка или какой-нибудь взрослый самец. Всегда рядом оказывается помогающий, иначе море поглотит тебя.

Со временем он вспомнил имя помогающего — Брукида. Начал вспоминать и своеобразный плеск воды недалеко от

берега. Каа даже отчасти вспомнил, что привело его в такое состояние, что всякое представление о речи исчезло из сознания.

Была схватка. Он боролся против превосходящего противника, надеясь захватить его врасплох простой стремительностью и смелостью своего нападения.

Потребовался всего один удар концентрированного звука, чтобы отправить его в двойное сальто, причем дрожь сотрясала каждую мышцу. Парализованный, он смутно чувствовал, как уплывают два самца и уводят с собой его любовь.

— Тебе лучше? — спросил Брукида. Пожилой дельфин сонаром просветил внутренности Каа, проверяя его состояние. Затмевающие сознание тучи начали расходиться. Достаточно, чтобы вспомнить кое-что еще. Разбитое убежище — к нему не стоит плыть. Безнадежность преследования скоростных саней, даже если на них три пассажира, поскольку скоро ночь.

Травмированный мозг посылал приказы по невральной линии, и механические руки дергались. Каа сумел немного поднять голову, когда дышал в следующий раз, и узнал очертания береговых холмов. Брукида вел его ближе к туземному рыбацкому поселку.

— Мопол и Заки порвали все кабели и трансмиттеры в куполе. Но я считаю, что мы можем найти линии, ведущие к роботам-разведчикам в порту Вуфон, подсоединиться к ним и связаться с кораблем.

Хаотические мысли Каа постепенно приходили в порядок. Достаточно, чтобы понять, что говорит старый фин. Возвращение к разумности вызывало противоречивые чувства. Он испытывал облегчение от того, что потеря временная, но тосковал по простоте, которая сейчас должна уйти, смениться срочными безнадежными делами.

Тринари вернулся легче англика.

Мы должны преследовать
Отродье сифилитических червей,
Пока их звуковой след еще свеж!

— Да, конечно, я согласен. Ужасное положение у Пипое, бедной девочки. Но сначала свяжемся со «Стремительным». Может, нам смогут помочь.

Каа понимал разумность этого предложения. Одним из принципов человеческой законности, который находил аналогии у естественных китообразных, была организация отрядов взаимопомощи и соблюдения закона. Когда совершается преступление против всей стаи, можно звать на помощь. Нельзя встречаться с трудностями в одиночку.

Он позволил Брукиде отвести его в место, где внизу, подальше от глаз наблюдателей с берега, проложены кабели. Гулкий прибой напомнил Каа счастливые утренние занятия любовью. Этот звук заставил его издать протестующий писк на праймале. Он протестовал против несправедливости случившегося. Найти подругу и потерять ее в тот же день.

В воде вкус хунов и квуэнов, а также дерева и смолы. Каа отдыхал на поверхности, восстанавливая сознание, а Брукида нырнул, чтобы установить связь.

— Сейсер. Заки выстрелил в меня лучом из сейсера.

Смутно он сознавал, что Заки, возможно, спас ему жизнь. Если бы этот залп не остановил его, следующим, несомненно, выстрелил бы Мопол. И выстрелил бы из мощного оружия саней.

— Спас меня ради чего?

Ифни, скажи мне, в чем смысл?

Каа не считал, что у него снова есть прозвище.

Несколько часов — и оно снова исчезло. Она унесла его с собой.

Рядом вынырнул Брукида, оживленный, достигший быстрого успеха.

— Готово! Пошли, Каа. На линии Джиллиан. Она хочет поговорить с тобой.

В жизни иногда приходится делать выбор. Нужно выбрать, по какому течению плыть, какой прилив приведет к судьбе.

Иногда тебя разрывает на части, словно с двух сторон ухватили два гигантских кальмара, один укусил за плавники, другой играет в перетягивание каната с твоим рылом.

Каа слышал приказ. Он понял его.

Но не был уверен, что сможет его выполнить.

— Мне очень жаль, что так случилось с Пипое, — сказала Джиллиан Баскин. Голос ее прорывался сквозь треск импровизированной линии связи, подключенной непосредственно к слуховому нерву Каа. Мы освободим ее и воздадим должное дезертирам, когда обстоятельства позволят. Поверь мне, это первостепенное дело.

Но сейчас важнее другое. От этого зависит наша жизнь, Каа.

Женщина помолчала.

— Я хочу, чтобы ты направился в гавань Вуфона.

Пора одному из нас появиться в городе.

СУНЕРЫ

ЭВАСКС

Мои кольца, наконец-то это произошло.

Радуйтесь! Вашему мастер-кольцу удалось наконец восстановить некоторые жирные воспоминания, которые вы/мы/Я считал навсегда утраченными. Эти ценные следы памяти, которые исчезли, когда храбрый и глупый Аскс растопил воск!

Этот акт неверно понятой преданности слишком на долгое время уменьшил полезность этой гибридной груды колец. Некоторые из экипажа «Полкджи» называли Меня/нас неудавшимся экспериментом. Даже капитан-лидер усомнился в этой попытке превратить дикого треки в нашего верного эксперта по джиджоанским проблемам.

Следует признать, что наши/Мои сведения о Шести Расах оказались неполными. Допускались ошибки вопреки/благодаря нашим советам.

Но теперь Я/мы вернул утраченные секреты! Вернул убеждения, некогда заполнявшие центр мульчи рассеянного существа, которое называлось Асксом.

Глубоко под расплавленным воском сохранилось несколько воспоминаний.

Не дергайтесь так! Вы должны радоваться такому важному открытию.

Яйцо.

До сих пор мы встречались только с высокомерием и самонадеянностью со стороны рас сунеров, задержками и неохотным сотрудничеством с высланными нами разведывательными группами.

Паразитов г'кеков не собирают в назначенных пунктах.

Нет миграции груд треки для оценки и преображения.

Рои роботов начали прочесывать местность в поисках групп г'кеков и треки и гнать их в огражденные места, где их можно сосредоточить в большем количестве. Но эта задача оказалась трудной и малоэффективной. Было бы гораздо удобней, если бы местные жители выполнили эту задачу.

И что еще хуже, эти падшие существа по-прежнему утверждают, что ничего не знают о нашей добыче — земном корабле.

Добиться большего сотрудничества оказалось трудно.

Нападения на населенные пункты встречены покорно. Население разбегается.

Их мрачная религия противопоставляет нам стоическую пассивность. Трудно внушить надежду тем, у кого ее никогда не было.

Но теперь у нас есть новая цель!

Имеющая для Шести Рас гораздо большее значение, чем любая из их деревень. Цель, которая способна убедить их в нашей безжалостной решимости.

Мы уже кое-что знали о Святом Яйце. Его излучения раздражали, искажая данные наших приборов, но мы считали это геологической аномалией. Пси-резонирующие формации известны на некоторых планетах. Вопреки местной мифологии, в нашей корабельной Библиотеке можно отыскать несколько

аналогичных случаев. Редкий феномен, но доступный объяснениям.

И только теперь мы поняли, какова роль этого камня в местной религии. Для туземцев это центральный объект поклонения. Их «душа».

Как забавно.
Как патетично.
И как удобно.

ВУББЕН

Когда его престарелые колеса в последний раз катились по этой пыльной тропе, это было в обществе двенадцати дюжин одетых в белое паломников — лучших глаз, умов и колец всех шести рас, проходивших мимо крутых утесов и выбросов пара, чтобы попросить руководства у Святого Яйца. На то время, когда полная надежд процессия заставляла стены каньона вибрировать в такт, в Общине сохранялись единство и мир.

Увы, прежде чем добраться до цели, группа оказалась в водовороте огня, кровопролития и отчаяния. И вскоре мудрецы и их последователи были слишком заняты выживанием, чтобы размышлять над невыразимым. Однако за все последующие недели Вуббен никак не мог забыть о недоконченном деле. О чем-то жизненно важном, но незавершенном.

Отсюда и его одиночное возвращение, хотя при этом его колеса оказываются слишком близко к кораблю джофуров. Оси Вуббена дрожали от трудного подъема, и он с тоской вспоминал храброго квуэна, который добровольно вызвался отнести его сюда в удобстве на широкой серой спине.

Но он не мог этого принять. Несмотря на возраст и скрип в колесах, Вуббен должен был прийти один.

Наконец он добрался до последнего поворота перед входом в Гнездо. Вуббен остановился, чтобы перевести дыхание и привести в порядок мысли перед предстоящим испытанием. Мягкой тряпкой он вытер зеленый пот со всех четырех век и глазных стебельков.

Говорят, что организм г'кеков не мог развиться на планете. Наши колеса и тонкие конечности больше подходят искусственным мирам, где жили наши богоподобные предки, прежде чем сделали большую ставку, выиграли и все потеряли.

Он часто думал, каково было жить в огромном вращающемся городе, внутреннее пространство которого заполнено бесчисленными хрупкими дорогами, которые изгибаются, как витой сахар. Эти дороги разумны, они изгибаются, поворачивают и соединяются по вашему приказу, так что путь между двумя пунктами может быть прямым или великолепно изогнутым, как вам больше нравится. Жить там, где планета не давит на вас безжалостно дур за дуром от рождения до смерти, раздавливая ободья и забивая подшипники жесткой пылью.

Больше чем любой другой расе, г'кекам приходилось тяжело трудиться, чтобы любить Джиджо. Наше убежище. Наше чистилище.

Как только Яйцо дало знать о своем присутствии, стебельки Вуббена невольно сжались. От земли исходили колебания тайвиш. Спорадические рисунки дрожи становились все более напряженными, чем ближе он подходил к их источнику. Вуббен задрожал, когда новая волна колебаний накатилась на него, погладила напряженные оси, заставила вибрировать мозг в прочном черепе. Слова, даже на галактическом два или три, не могут выразить это ощущение. Пси-эффект не вызывает галлюцинаций или драматичных эмоций. Скорее, возникает ощущение ожидания, оно постепенно усиливается, нарастает, как будто наконец начинает осуществляться какой-то долгожданный план.

Эпизод достиг высшего напряжения, но вот оно схлынуло, и в нем все еще не было связности, на которую Вуббен надеялся.

«Теперь начнем по-настоящему», — подумал он. Его двигательные шпульки задрожали, ведь им помогали только слабые толчковые ноги; оба колеса повернули от заходящего солнца к загадке.

* * *

Яйцо, округлый камень, возвышалось над головой и уходило на расстояние в половину полета стрелы, прежде чем начать закругляться. Столетие паломничества вырыло колею в слежавшейся пемзе, тем не менее Вуббену потребовался почти мидур, чтобы в первый раз обойти овоид у основания. Масса Яйца продавила углубление в боку вулкана. По пути Вуббен поднимал тонкие руки и глазные стебельки в благословении, подкрепляя свою мысленную мольбу языком жестов.

«Помоги твоему народу», — просил Вуббен, настраивая свои мысли, гармонизируя их с вибрацией циклоида.

«Поднимись. Проснись. Вмешайся и спаси нас».

Обычно для связи требовалось больше одного просителя. Вуббен добавил бы свой вклад к терпению хуна, упорству квуэна, альтруистическому дружелюбию треки, а также к цепкости и ненасытности, которые делают такими похожими лучших людей и уров. Но передвижение такой большой группы могли бы заметить джофу́ры. Да он и не мог просить других рисковать быть пойманными в обществе г'кека.

С каждым оборотом вокруг Яйца он поднимал глазной стебелек и вглядывался в гору Ингул, чья вершина видна была за краем кратера. Фвхун-дау обещал поместить там семафорную группу, которая должна была дать сигнал при приближении угрозы — или если появятся шансы на договор с чужаками. Пока на вершине на западе не видно вспышек.

Но и другие отвлечения спутывали мысли.

В той же самой западной части неба повис Лусен; вдоль терминатора в форме полумесяца, который отделяет темную половину от светлой, видны яркие точки. Традиция утверждает, что это отражения от куполов, накрывающих города. Улетая, буйуры оставили их нетронутыми, поскольку на Лусене нет естественной экосистемы, которую нужно было бы восстанавливать. Время едва прикоснется к ним, пока этой галактике и ее мириадам звездных систем не придадут новый законный статус и в спиральных рукавах снова оживет торговля.

Как эти лунные города должны были искушать первых г'еков, бежавших из своих покинутых космических жилищ, лишь на несколько прыжков опередив линчующие толпы. Пройдя бури Измунути и оказавшись наконец в безопасности, они увидели в этих куполах напоминание о доме. Обещание низкого тяготения и гладких ровных поверхностей.

Но такие места не могут служить долговременным надежным убежищем от безжалостных врагов. Для беглецов больше подходит поверхность планеты, с ее жизнеобеспечивающей системой и отсутствием необходимости в компьютерах. Сложная мешанина естественного мира делала его надежным укрытием, где можно вести примитивный образ жизни и добывать пищу, как животные.

На самом деле у Вуббена было мало данных, чтобы представить мысли первых колонистов. Единственными письменными источниками того времени были Священные Свитки, а в них почти ничего не говорилось о прошлом, они рассказывали о необходимой гармонии на Джиджо и обещали спасение тем, кто пройдет Тропой Избавления.

Вуббен был известен своим глубоким знанием этих текстов и умением их цитировать. «Но на самом деле мы, мудрецы, уже сто лет назад перестали опираться на эти свитки».

Он продолжил свое одинокое паломничество, завершая четвертый обход, когда обрушилась новая волна тайвиш. Теперь Вуббен был уверен, что циклы становятся все более связными. Но было и ощущение, что гораздо большая сила еще спит под поверхностью — сила, в которой он отчаянно нуждается.

Деды хунов и квуэнов сохранили показания, что в последние дни Дрейка Молодого узор колебаний был необыкновенно мощным. Тогда Яйцо еще сохранило тепло своего рождения — оно только что вышло из матки Джиджо. Тогда все шесть рас видели принудительные сны, которые убедили даже самых консервативных в том, что это истинное откровение.

В принятии огромного овоида сыграла свою роль и политика. Дрейк и Ур-Чоун в своих призывах истолковывали по-

явление нового знамения таким образом, что оно укрепляло Общину.

Камень мудрости — дар Джиджо, знамение, санкционирующее и ратифицирующее Великий Мир, объявили они, и имели определенный успех. Отныне надежда стала частью обновленной религии, хотя из почтения к Свиткам само это слово использовалось редко.

Теперь Вуббен пытался найти надежду для себя, для своей расы и для всех Шести. Он искал признаки того, что великий камень снова оживает.

«Я чувствую, что это происходит! Только бы он проявил всю свою силу и сделал это быстро».

Но активность камня усиливалась по какому-то собственному ритму, с такой инерцией, которая заставляла Вуббена чувствовать себя насекомым, танцующим рядом с каким-то гигантским существом.

«Может быть, — размышлял Вуббен, — мое присутствие не имеет ничего общего с этими переменами.

И в том, что произойдет, я совсем не буду участвовать».

БЛЕЙД

Ветер уносил его в неверном направлении.

Неудивительно. Погода на Склоне необычная уже больше года. Но и метафорически Шесть Рас подвержены действию ветров перемен. Тем не менее в конце длинного насыщенного дня у Блейда было достаточно оснований проклинать этот упрямый противный ветер.

К концу дня косые солнечные лучи превращали леса и рощи бу в панораму чередующихся теней и света. Вершины Риммера как фаланга гигантских воинов, их броня блестит под заходящим солнцем. Внизу обширное болото уступает прерии, которая, в свою очередь, становится лесистыми холмами. С большой высоты видно мало признаков обитания. Впрочем, Блейд ограничен неспособностью смотреть непосредственно вниз. Хитиновый панцирь его широкого тела не дает возможности посмотреть прямо на землю под ним.

«Хотел бы я хоть раз в жизни посмотреть, что находится у меня под ногами!»

Его пять ног в этот момент ничем особенным не заняты. Когти висят в пространстве, иногда рефлекторно сжимаясь, тщетно пытаясь схватить воздух. И что еще более необычно, чувствительные органы вокруг рта не могут, как всегда, касаться земли и грязи, пробовать их текстуру. Они тоже бесполезно повисли. Блейд чувствовал себя немым и обнаженным в том направлении, которое квуэны меньше всего привыкли демонстрировать.

После взлета к этому привыкнуть было труднее всего. Для квуэна структура жизни определяется окружающей средой. Песок и соленая вода — для красного. Пресная вода и грязь — для синего. Мир каменных пещер — для величественных серых. И хотя у их предков были звездные корабли, квуэны Джиджо меньше всего подходят для полетов.

Открытая местность величественно уходила назад, а Блейд рассуждал, что он первым из своего рода за сотни лет поднялся в воздух.

«Какое приключение! Стоит рассказать о нем Грызущей Бревно и остальным матронам, когда я вернусь домой, за дамбу Доло. Личинки в темном логове захотят прослушать этот рассказ раз сорок или пятьдесят.

Если бы только путешествие было чуть беднее приключениями и более предсказуемо.

Я надеялся сейчас уже разговаривать с Сарой, а не плыть прямо в зубастую пасть врага».

Блейд слышал, как над его куполом и зрительной полоской ритмично, с предварительным шипением, раскрываются клапаны, затем следует волна жара. Не в состоянии пошевелиться или повернуть свое подвешенное тело, он мог только представлять себе, как над головой в плетеной корзине работает это урское сооружение, самостоятельно пополняет запасы горячего воздуха и поддерживает воздушный шар на определенной высоте.

Но не в определенном направлении.

Насколько позволяла технология кузнецов, все было автоматизировано, но избежать тирании ветра оказалось невозможно. В распоряжении Блейда было только одно средство управления — веревка, привязанная к ножу высоко над головой. Если он потянет за веревку, нож разрежет оболочку шара, выпустит горячий воздух, и шар начнет опускаться с постоянной скоростью — так уверяли кузнецы, — быстро, но не очень. И у него как у пилота была только одна обязанность: так рассчитать падение, чтобы оно завершилось в достаточно большом количестве воды.

Но даже если он упадет на большой скорости, особого вреда его бронированному дискообразному телу не будет. Если ноги запутаются в веревках и порванной ткани и все это утащит его вниз, Блейд может задержать дыхание настолько, чтобы высвободиться и выбраться на берег.

Тем не менее было очень трудно убедить выжившие остатки совета, заседавшего в развалинах города Овун, позволить ему испытать эту безумную идею. Члены совета, естественно, не очень верили его утверждению, что их следующим курьером должен стать синий квуэн.

Но в последние дни погибло слишком много человеческих юношей и девушек, устремляясь на хрупких глайдерах. Уры на воздушных шарах ломали ноги и шеи. «А мне нужно только упасть в воду, и я гарантированно смогу выбраться. Нынешние жестокие обстоятельства сделали из меня идеального авиатора!»

Оставалась только одна проблема. Присоединяя Блейда к своему сооружению, кузнецы заверяли его, что в это время года ветер надежен, он дует прямо по долине Гентта. И в течение нескольких мидуров донесет его до озера Процветания. Оттуда потребуется небольшая прогулка пешком, и к вечеру он доберется до ближайшей семафорной станции. И тогда его сообщения о том, что происходит в разрушенном Овуне, будут переданы потоком вспышек. После чего Блейд сможет утолить свой зуд деятельности и восстановить контакт с Сарой, как он и поклялся. Конечно, если она на горе Гуэнн.

Но ветер изменился меньше чем через мидур после взлета. И обещанная быстрая прогулка на восток превратилась в долгий крюк на север.

По направлению к дому, заметил Блейд. К несчастью, между ним и домом враг. При такой скорости его подстрелят еще до того, как он увидит деревню Доло.

И что еще хуже, он начинал испытывать жажду.

Какая нелепая ситуация, ворчал Блейд, наблюдая, как вечернее солнце сменяется звездами. Ветер периодически сменялся порывами в другом направлении. Несколько раз у Блейда оживала надежда, когда такие порывы относили его к вершинам, на которых он видел другие семафорные станции, передающие вспышки вдоль горной цепи. Очевидно, сегодня передается очень много сообщений, в основном на север.

Но как только в нужном направлении показывалось достаточно большое озеро, другой порыв ветра уносил шар в сторону острых скал и деревьев. Раздражение только обостряло жажду.

«Если так будет продолжаться, я буду настолько обезвожен, что прыгну в самую маленькую лужу».

Скоро Блейд понял, как далеко залетел. Когда последние солнечные лучи исчезали с самых высоких вершин, он увидел в горах ущелье, которое узнал бы каждый представитель Шести Рас на Джиджо. Это тропа, ведущая на Поляну Праздников. Здесь ежегодно собирается Община, чтобы отпраздновать — и оплакать — еще один год изгнания. Какое-то время после захода солнца компанию Блейду составлял яркий полумесяц Лусена, освещая холмы. Блейд думал, что поверхность по мере продвижения на северо-восток будет становиться ближе, но урский альтиметр как будто чувствовал изменение и добавлял жару, мешая шару столкнуться с дном долины.

Но потом зашел и Лусен, оставив Блейда в мире теней. Горы превратились в черные укусы, вырванные из звездного неба. Блейд остался наедине со своим воображением, которое рассказывало, что будут делать с ним джофуры.

Вырвется ли вспышка холодного пламени из брюха жестокого корвета, который уничтожил город Овун? Разрежут ли

его на куски звуковыми скальпелями? Или ему вместе с воздушным шаром суждено испариться при столкновении с каким-то защитным силовым полем? Барьером, который описан в причудливых земных романах?

Но что хуже всего — Блейд представлял себе «луч притяжения», который хватает его и тащит на пытки в созданный джофурами ад.

«Потянуть ли сейчас за веревку? — думал он. — Чтобы наши враги не узнали тайну воздушных шаров?»

До прихода на Джиджо квуэны никогда не смеялись. Но каким-то образом синяя разновидность усвоила эту привычку, приводившую в ярость серых королев, еще до того, как можно было бы обвинить в дурном влиянии хунов и людей. Ноги Блейда поджались, он издавал самые разнообразные свисты ножными щелями.

«Верно! Нельзя допустить, чтобы наша «технология» оказалась во вражеских руках вернее, кольцах. Да ведь джофуры смогут делать собственные шары и использовать против нас!»

Каньоны негромко повторяли раскаты его хохота, и это эхо немного его подбодрило, как будто есть аудитория, наблюдающая за его неминуемым расставанием со вселенной. Ни одному квуэну не хочется умирать в одиночестве», — думал Блейк, покрепче берясь за веревку. Один рывок — и он устремится к темной поверхности Джиджо. «Надеюсь только, кто-нибудь найдет останки, чтобы правильно от них избавиться».

И в этот момент он уловил слабый блеск. Он виден был прямо впереди, дальше в сужающейся долине, под горной тропой. Блейд старался сфокусировать свое зрительное кольцо и опять проклял слабое зрение, унаследованное от древнейших предков. Он всматривался в бледное свечение.

Неужели?..

Слабый свет напомнил ему отражение звезд в воде, и Блейд решил на несколько дуров задержать рывок веревки. Если это действительно горное озеро, у него будет совсем немного времени, чтобы рассчитать расстояние, включая скорость своего движения, и выбрать правильный момент для рывка. С моей

удачей, это обязательно окажется ядовитое озеро мульк-паука. Но по крайней мере будет решена проблема мульчирования.

Блеск приближался, но его очертания казались необычно ровными, не похожими на природную водную поверхность. Виден был овальный профиль, а отражения казались выпуклыми.

«Ифни и предки! — в отчаянии выругался Блейд. — Да это же корабль джофуров!»

Он в ужасе разглядывал гигантский шар.

«Такой огромный. Я думал, это часть местности».

Хуже того, Блейд проверил направление и скорость своего движения.

«Скоро я буду прямо над ним».

Ветер в спину усилился и ускорил его движение.

И тут у Блейда возникла идея, изменившая его представление о своей жестокой судьбе.

«Так-то лучше, — решил он. — Как в романе, который я читал прошлой зимой. Его написал до контакта человек. Вонегут. В конце романа герой делал смелый личный жест по отношению к Богу.

Тогда этот жест казался своевременным, а сейчас — тем более. Когда тебе грозит неизбежная гибель, а противник невероятно превосходит тебя, единственный выбор смертного — умереть вызывающе».

Это оказалось вполне возможно. Части рта квуэнов выполняют множество функций, включая и сексуальные. Так что Блейд решил воспользоваться своей позой и подготовился появиться перед врагом самым оскорбительным образом.

«Посмотрите ЭТО в своей галактической Библиотеке!» — подумал он, соблазнительно размахивая своими органами чувств. Может быть, перед тем как его испепелить, джофуры заглянут в данные о звездных квуэнах и поймут, как он их оскорбил. Блейд надеялся, что его жизнь уйдет хотя бы на это. Его убьют в гневе, а не хладнокровно.

Волны щекочущих ощущений прокатились по его органам чувств, и Блейд подумал: «Может, опасность вызвала извра-

щенное обострение стремления к спариванию. В конце концов, я лечу к огромному бронированному существу с обнаженными укромными местами.

Наверно, Грызущая Бревно оценила бы это сравнение».

Ветер подтолкнул его к боевому кораблю, такому огромному, что по размерам он соперничает с горами, и хитиновый панцирь закрыл его от Блейда. Последние моменты приближения он будет не виден. Блейд не находил эту иронию забавной.

И тут, к его величайшему удивлению, показалось то, что ему так нужно. Озеро. Большое, запруженное огромным крейсером, затопившее Поляну Праздников гектарами растопленного снега.

«Если они меня не подстрелят, — не мог сдержаться Блейд, — если не заметят, я еще могу добраться».

Но как они могут не заметить приближающийся шар? Должно быть, уже засекли его своими божественными инструментами.

И действительно, щекочущее ощущение многократно усилилось, как будто органы Блейда поглаживали, потом в них словно впилась стая извивающихся червей шока. Но это не сексуальное возбуждение. Ощущение усилило боевые инстинкты, заставив клешни рефлекторно щелкнуть, словно схватившись с невидимым врагом.

«Мои органы чувств могут улавливать магнитные и электрические вибрации прячущейся в грязи добычи, — вспомнил Блейд. — Электромагнитные... Меня сканируют!»

Каждый раз как он выдыхал через ножные щели, проходил еще один дур. Озеро расширилось, и он знал, что теперь корабль непосредственно под ним. Чего они ждут?

И тут ему в голову пришла новая мысль.

«Меня сканируют, но могут ли они меня увидеть?»

Если бы он больше внимания уделял учебе в академии города Тарек. Хотя серые всегда лучше овладевали абстракциями — поэтому они и получали настоящие имена, Блейд подумал, что должен был настоять и прослушать курс основ физики.

Посмотрим. В человеческих романах часто говорится о «радарах» — радиоволнах, которые отражаются от отдаленных объектов и, например, выдают присутствие подбирающихся захватчиков.

Но хорошее отражение получается только от такой поверхности, которая отражает радиоволны. Металлическая или другая твердая.

Блейд быстро втянул зубы. Живот у него мягкий, и его многочисленные плоскости могут отразить лучи в разных направлениях. А воздушный шар на радаре должен быть не виднее обычного облака.

Теперь только бы урский альтиметр подождал подольше и не выбрасывал бы очередной язык пламени с ревом, который заполнит ночь.

Щекочущее покалывание усилилось, потом начало ослабевать. Чуть погодя прохлада погладила нижнюю сторону тела Блейда, и он ощутил внизу присутствие большого массива воды. Осторожное облегчение сопровождалось тревогой, потому что холодный воздух увеличит скорость снижения.

«Пора? Потянуть за веревку, прежде чем включится пламя и выдаст меня?»

Вода манила. Блейду ужасно хотелось смыть пыль с дыхательных щелей. Но он сдержался. Даже если его внезапное падение с неба останется незамеченным, он окажется в самом неподходящем озере на Джиджо, глубоко внутри защитного периметра джофуров, который, вероятно, патрулируют сотни охотничьих машин. Роботы могли до сих пор не заметить его, потому что в них не могла быть запрограммирована возможность летающего квуэна. Но плавающего квуэна они определенно узнают.

Да и вода вызывала у него странное ощущение. Под ее поверхностью виднелись вспышки — необычные огоньки, укрепившие его решимость держаться подальше.

С каждым прошедшим дуром все яснее становилась справедливость такого решения: расстояние между Блейдом и гигантским дредноутом медленно увеличивалось, корабль гиган-

тским овалом с освещенными краями показался позади, создавая у Блейда ощущение чего-то сверхъестественного.

Неожиданно от гигантского шара отделилась ослепительно яркая точка и устремилась как будто прямо к Блейду.

Вот оно, подумал Блейд.

Но это оказался не тепловой луч. И не луч смерти. Яркая точка расширилась. Стала сверкающим прямоугольным отверстием. Дверь.

Очень большая дверь, понял Блейд, гадая, что может занимать так много места внутри гигантского звездного крейсера.

Очевидно — другой звездный крейсер.

Из гигантского ангара с низким гулом показалась стройная сигара. Вначале она двигалась медленно, потом все быстрее устремилась к Блейду.

«Понятно. Не уничтожение. Плен. Но зачем посылать за мной такой большой корабль?»

Может, они заметили его неприличный жест и поняли его лучше, чем он ожидал.

Блейд снова покрепче взялся за веревку. В последнее мгновение он вырвется из их лап или они застрелят его, когда он будет падать. Или его подхватит охотничий робот — под водой или на суше. Но стоит попробовать. «По крайней мере напьюсь».

И опять ночное зрение причиняло ему неприятности. Попытка оценить скорость приближения крейсера оказалась тщетной. В раздражении мысли Блейда перешли с англика на более легкий галактический шесть.

«Этот ужасный призрак — я видел его раньше.

Это было последнее, что я видел, — когда он сжигал под собой город.

Город преступников — сунеров — моего народа».

Ноги Блейда спазматически дергались — корабль, не уменьшая скорости, приближался к нему.

«Что за...»

И продолжал двигаться, пронесся мимо в волне рассеченного воздуха.

Блейд чувствовал, как крюки урской стали вонзились в его тело во всех пяти точках подвешивания. Один якорь оторвался, разрезав, как бумагу, хитиновый панцирь. Теперь он бешено болтался: воздушный шар раскачивало на волне пролетевшего крейсера.

Мир стал едва различим, и Блейд понял, что такое настоящий полет.

Но тут джофурский корабль исчез, презрительно или равнодушно проигнорировав воздушный шар и его пассажира. Блейд в последний раз увидел его, когда корабль продолжал полет к вершинам Риммера, оставляя за собой след из волнующегося воздуха.

ВУББЕН

Немного погодя Вуббену почти удалось успокоиться, привести в порядок мысли и позволить резонансу тайвиша проникнуть в душу, смыть отвлечения и сомнения. Прошел еще мидур, еще один молитвенный обход, и медитация углубилась. После захода Лусена над головой развернулась обширная картина созвездий и туманностей. Мерцающая обитель богов.

Когда он приблизился к западной стороне, Вуббен уловил мерцание другого типа — равномерные вспышки, не похожие на блеск звезд. По-прежнему в трансе, Вуббен с трудом приподнял стебелек и узнал вспышки кодированного сообщения.

Потребовалось еще больше усилий и третий глаз, чтобы расшифровать сообщение.

Малый корабль/ смертоносный корабль джофуров движется, передавали с горы Ингул, приближается к Яйцу.

Сообщение повторилось. Вуббен увидел, как на следующей вершине вспыхивают искорки, повторяя сообщение, и понял, что другие станции тоже передают его. Тем не менее сознание его было настроено на другую плоскость, мешая понять все значение переданного.

Вуббен снова погрузился в свои фантазии, притягивающие его к себе. Ему кажется, что он стоит на какой-то качающейся ленте, которая медленно извивается и вздымается, как волнующееся море.

Ощущение нельзя назвать неприятным. Вуббен скорее снова чувствовал себя молодым, растущим в крепости Дуден, безрассудно несущимся по качающимся подвешенным мостикам. Он чувствует, как гремят планки под колесами, несется высоко вверху по узкой дорожке без перил, а с обеих сторон смертельные пропасти. Спицы гудят, а он летит пулей, и все четыре стебелька вытянуты, чтобы максимально улавливать параллакс.

Это мгновение вернулось к нему целиком — не как далекое доброе воспоминание, но во всем своем великолепии. Самое близкое к раю ощущение, которое он когда-либо испытывал на жесткой поверхности Джиджо.

Несмотря на возбуждение, Вуббен в глубине души чувствовал, что перешел какую-то границу. Теперь он един с Яйцом, он чувствует приближение массивного объекта с запада. Смертоносного предмета, самодовольного и ужасного, неторопливо приближающегося со стороны Поляны.

Неторопливо — по взгляду с борта.

Вуббен каким-то образом чувствует, как прижимают гравитационные поля, срывают листву с деревьев, проникают в саму почву Джиджо, тревожат древние скалы. Он знает даже самые мелкие подробности относительно экипажа в корабле — это существа со многими кольцами, гораздо более уверенные в себе и единые, чем треки.

Странные кольца. Эгоистические и одержимые.

Нацеленные на создание хаоса.

БЛЕЙД

Блейд понял, что альтиметр воздушного шара, должно быть, вышел из строя. Или кончается горючее. В любом случае автоматическая регулировка движения становилась все более

хаотичной. Каждый выброс пламени сопровождали раздражающие рваные звуки, и частота вспышек все замедлялась.

Наконец они совсем прекратились.

За то время, пока шар летел в воздушной волне, поднятой крейсером, озеро осталось далеко позади. Теперь шар находился в узком ущелье и все более приближался к вершинам Риммера. Исчезла и последняя возможность дернуть за веревку и упасть в глубокую воду. Теперь внизу мелькали деревья, как зубья гребня, которым вычесываешь блох у любимого лорника.

«И я эта блоха».

Если предположить, что он выживет, когда снизу его зацепит какой-нибудь лесной гигант, его крики могут услышать и прийти на помощь. Но что они подумают, когда увидят квуэна на дереве?

Это популярная метафора невозможного, противоречивое сочетание — подобно плывущему уру, или скромному человеку, или эгоистичному треки.

Но похоже, сейчас год противоречий.

Висящий коготь задел вершину дерева. Блейд рефлекторно так стремительно отдернул его, что все его тело развернулось. После этого втянулись все пять ног. Тем не менее в любой момент он ожидал нового удара.

Но вместо этого лес неожиданно кончился. У Блейда сложилось впечатление неровных утесов, его языка коснулся серный запах. И сразу показалось, что он начинает подниматься!

И жара. Ротовые органы чувств свернулись от потока горячего воздуха снизу.

Конечно, понял он. Пройди от Поляны несколько лиг на восток, и окажешься в стране гейзеров.

Шар поднимался, его опавшая оболочка теперь надувалась горячим воздухом снизу.

«Должно быть, в этот каньон меня втащил корабль джофуров. Это Тропа Пилигримов.

Тропа, ведущая к Яйцу».

Тело Блейда продолжало поворачиваться, шар все шел вверх. Для других существ это было бы тяжелым испытанием, но у квуэнов нет предпочитаемой пространственной ориентации. Квуэну не важно, в какую сторону он смотрит. Поэтому Блейд был готов, когда объект, который он искал, стал виден.

Вот он!

Корвет был прямо перед ним. Он остановился и теперь освещал прожекторами местность под собой, кружась над местом, которое Блейд узнал. Это Гнездо.

Что он собирается делать?

Он вспомнил город Овун, где чужаки выбрали для нападения ночь: ужаса больше и зрительные эффекты ярче. Может, здесь у них такие же намерения?

Но ведь джофуры не могут сжечь Яйцо!

Блейд никогда не проявлял ни малейших пси-способностей. Но казалось, теперь с внешних частей тела внутрь, в лимфатический центр его существа, пробиваются какие-то чувства. Первым пришло ожидание. Затем что-то похожее на любопытство.

Наконец в быстрой последовательности он испытал узнавание, осознание и усиливающееся ощущение разочарования и скуки. Все эти ощущения пронеслись мгновенно, и он каким-то образом знал, что они исходят не от джофуров.

Действительно, то, что только что произошло: было ли это пси-оскорбление или неудавшаяся попытка контакта, — казалось, разгневало находившихся на борту крейсера, заставило их действовать. Прожекторы сузились, их рассеянные лучи стали игольчато-тонкими, ослепительно яркими. Потребовалось несколько дуров, чтобы послышался звук несколько гулких раскатов. Цель Блейду не была видна, но от пункта соприкосновения поднимался столб дыма.

Блейд невольно резко свистнул и спазматически поджал ноги. Но впечатления боли, даже удивления не было. Потребуется нечто большее, гордо подумал он. Гораздо большее.

Конечно, джофуры могут превратить беззащитное Яйцо в расплавленную лужу. Их намерения теперь совершенно ясны.

Этот акт, даже больше, чем уничтожение Овуна, должен подорвать мораль Шести.

Блейд подгонял свой переносимый ветром экипаж, надеясь прибыть вовремя.

ЛАРК

Три человека в тюремной камере смотрели на панораму разрушений, но реагировали по-разному.

Ларк смотрел на голографическое изображение с тем же благоговением и страхом, какие испытал несколько месяцев назад, когда впервые встретился с галактической техникой. Похоже, чтобы смотреть такие картины, нужна привычка, определенный способ видеть, и все это усваивается в детстве. То, что он на экране узнавал, — например, вершины Риммера, — как-то расплывалось. Необычная перспектива позволяла увидеть гораздо больше, чем окно такого же размера, особенно когда смотришь сверху на Святое Яйцо.

«Ваше упрямство — вместе и порознь — привело ваш народ к этому наказанию, — сказала высокая груда колец. — Разрушение городов не повлияло на вас, потому что ваши так называемые Священные Свитки учат вас суетности материальных предметов. Но теперь вы увидите, как наш корвет уничтожает ваше истинное основание».

Сверкающая игла коснулась Яйца. И почти немедленно Ларк ощутил на груди волну боли. Упав с криком, он рвал на себе одежду, пытаясь сорвать каменный амулет, который на ремешке висел у него на шее. Линг пыталась помочь ему, но не могла понять причины его боли.

Боль могла бы убить его, но вдруг кончилась так же неожиданно, как началась. Режущий луч исчез, оставив на боку Яйца дымящийся шрам.

Эваскс радостно булькал что-то о «сигнале» и «благодарной сдаче».

Ларк обернул одеждой осколок Яйца, чтобы он не касался кожи. И только тут заметил, что его голова лежит на коленях у

Линг, женщина гладит его лицо и говорит, что теперь все будет в порядке.

«Да, конечно», — подумал Ларк, узнавая ложь с благими намерениями. Но жест и теплый контакт оценил.

Зрение его прояснилось, и он увидел, что Ранн смотрит на него. В глазах рослого даника было холодное презрение. Он презирает Ларка за то, что тот так суеверно реагирует на повреждение обычного камня. И во взгляде его насмешка над Шестью Расами, которые так легко сдадутся, лишь бы не допустить вреда камню с пси-особенностями. Ранн уже продемонстрировал готовность принести в жертву самого себя и всех своих товарищей, чтобы защитить расу патронов. И явно считал отсутствие такой храбрости достойным презрения.

«Иди поцелуй ноги ротенов», — подумал Ларк. Но вслух ничего не сказал.

Корвет отвернул от Яйца. Камера показывала, что он набирает высоту, проносясь над темными хребтами.

Местность показалась знакомой. Ларк начинал узнавать ее.

Лестер Кембел. Они направляются прямо к Лестеру и к лесу бу.

Вот оно что. Мудрецы решили выдать загадочный проект, которым занимались несколько месяцев на своей тайной базе, лишь бы защитить Яйцо.

«Меня это не должно удивлять. В конце концов, ведь это наше святилище. Наш пророк. Наш провидец».

И все же он был удивлен.

На самом деле именно этого он меньше всего ожидал.

БЛЕЙД

Блейд молча торопил свой переносимый ветром шар, надеясь прибыть вовремя.

Для чего? Чтобы на несколько дуров отвлечь джофуров, дать, пока его сжигают, хоть немного времени Яйцу для отдыха, прежде чем возобновится нападение? Или еще хуже — чтобы лететь вверху, крича и размахивая ногами, тщетно пытаясь

привлечь внимание существ, которые считают его не более значительным, чем облако?

В нем кипело раздражение. Боевые гормоны вызывали автоматические реакции, заставляли купол убраться внутрь, защищая зрительное кольцо панцирем, оставляя вверху лишь гладкую бронированную поверхность.

Эта инстинктивная реакция имела смысл давным-давно, когда предразумные квуэны сражались когтями в прибрежных болотах на далекой планете, где их нашли и возвысили патроны. Но сейчас это досадная помеха. Блейд пытался успокоиться, дышать ровно, последовательно переходя от одной щели в ноге к другой по направлению часовой стрелки. Пришлось досчитать до двадцати, прежде чем купол настолько расслабился, что смог подняться и к Блейду вернулось зрение.

Зрительная полоска вращалась, разглядывая туманные каньоны, образующие лабиринт в этой части Риммера. И Блейд сразу понял две вещи.

За короткое время шар поднялся на большую высоту, и поле зрения расширилось.

И корабль джофуров исчез!

Но где?..

Блейд подумал, что он прямо под ним, в слепом пятне. Это вызвало в воображении фантастическую картину. Он увидел, как разрезает оболочку шара и сверху падает на крейсер! Приземляется с грохотом и быстро движется по поверхности, пока не находит вход. Люк, который можно вскрыть, или стеклянное окно. Его можно будет разбить. А оказавшись внутри, на близком расстоянии, он им покажет.

А, вот он.

Героическое видение испарилось, как роса, когда он увидел корвет. Тот быстро уменьшался, направляясь на северо-запад.

Может, он уже покончил с Яйцом?

Внимательно вглядываясь, Блейд наконец разглядел на некотором расстоянии в противоположном направлении и огромный овоид. Теперь он был виден весь, включая шрам на

боку. Рваная полурасплавленная линия светилась, бросая отблески цвета охры на каменные обломки у основания Гнезда. Тем не менее Яйцо выглядело относительно нетронутым.

Почему они улетели, не закончив работу?

Он по отражению звездного света проследил за полетом корвета.

Северо-запад. Он направляется на северо-запад.

Блейд пытался думать.

Там дом. Деревня Доло. Город Тарек.

И Библос, сразу подумал он, надеясь, что ошибается.

Возможно, самое плохое еще впереди.

ЭВАСКС

Угроза подействовала, Мои кольца!

Ценность нашего опыта доказана. Капитан-лидер и все груды — члены экипажа убедились в наших/Моих достоинствах. Как Я/мы и предсказывал, как только корвет начал разрезать их священный камень, пришел сигнал.

Это было то же самое цифровое излучение, которое они использовали, чтобы открыть местоположение города г'кеков. Так варвары попытались снова умилостивить нас. Они хотят любой ценой защитить свое каменное божество.

Посмотрите на пленных людей, Мои кольца! Один из них, местный самец, которого мы/Аскс некогда знали как Ларка Кулхана, стонет и дрожит при виде нападения на Яйцо, а на остальных двоих это зрелище не подействовало. Так контролируемый эксперимент показал, что Я/мы был прав относительно туземцев и их религии.

Наш корвет улетает от поврежденного Яйца, направляясь к новой цели, а женщина тем временем утешает Ларка.

Что они предложат нам на этот раз? Что-нибудь такое же удовлетворительное, как город г'кеков, теперь замороженный вместе с застывшими в нем образцами ненавистных паразитов?

Наша груда-главный тактик рассчитал, что сунеры не принесут в жертву то, что нам больше всего нужно, — корабль дельфинов. Пока не принесут. Вначале попытаются откупиться чем-то меньшим. Возможно, их легендарным архивом — жалким собранием примитивных сведений, грубо зафиксированных на листьях растений или на каком-то похожем на кору материале. Ничтожное сборище лжи и суеверий, которое эти слабоумные смеют называть библиотекой.

Ты удивленно дрожишь, о второе кольцо сознания? Ты не ожидало, что Я узнаю о второй самой большой ценности Шести Рас?

Поверь, Аскс очень тщательно постарался расплавить именно эти воспоминания. Информация пришла не от этой преобразованной груды.

Неужели ты искренне считало, что груда Эваскс — единственная попытка нашего капитана-лидера собрать сведения? Были и другие пленники, другие допросы.

Слишком много времени потребовалось, чтобы узнать об этом гнойнике контрабандных знаний землян — о Библосе, и его точное расположение оставалось неизвестным. Но теперь Я/мы размышляю. Может, Библос — это именно то, чем они надеются откупиться от нас, обменяв свои архивы на «жизнь» Святого Яйца.

Если таково их намерение, они поймут, что ошиблись.

Мы сожжем книги, но этого недостаточно.

НИЧТО НЕ БУДЕТ ДОСТАТОЧНО.

В конечном счете даже корабль дельфинов. Хотя это будет хорошее начало.

БЛЕЙД

Северо-запад. Какая цель могла в этом направлении привлечь внимание чужаков?

«Почти все, что я знаю и что мне небезразлично, — заключил Блейд. — Деревня Доло, город Тарек и Библос».

За вершинами Риммера взошел бледный Торген. При его свете Блейд смотрел, как исчезает стройный удлиненный ко-

рабль, и знал, что потеряет его из виду задолго до того, как тот достигнет одной из этих целей. Теперь Блейду было все равно, куда несет его встречный ветер. Он не сможет увидеть, как гибнет все, что он любит.

За крейсером следовала цепочка крошечных вспышек: это расположенные на горных вершинах станции докладывали о его продвижении. Блейд расшифровал несколько обрывков на галдва и понял, что это не слова, а цифры.

«Удивительно. Мы очень хорошо описываем и измеряем нашу собственную гибель».

Приток боевых гормонов схлынул, и Блейд все сильнее ощущал физические неудобства. Там, где один из урских крюков разорвал хитиновый панцирь, выставив на холодный воздух нежную внутреннюю оболочку, нервы зудели. Блейд страдал от жажды, и это заставляло его сожалеть, что он не выносливый серый.

Шар вышел из теплого восходящего потока и перестал подниматься. Вскоре начнется пустыня, и он окажется в местности рваных теней.

Подожди дур.

Блейд старался сфокусировать свою зрительную полоску, глядя вслед далекому кораблю джофуров.

Он остановился?

Скоро Блейд понял, что не ошибся. Корабль снова неподвижно парил, заставляя ищущий луч сканировать местность внизу.

«Может, я ошибся? И следующая цель — совсем не Библос или Тарек?»

Но там ничего нет! Только дикие холмы. Только одна тропа в бу.

Он удивленно смотрел, когда с горой под кораблем произошло нечто удивительное. На ней появились красноватые вспышки, словно болотный газ на топкой границе озера, подожженный статическим разрядом. Искры как будто распространялись посреди густых зарослей бу.

«Что теперь делают джофуры? — удивился Блейд. — Какое оружие используют?»

Искорки становились ярче, разгорались под гигантскими стволами. Корабль по-прежнему освещал местность лучом. Его будто забавляло, что из стволов местной растительности вырывается огонь. Потом корвет начал подниматься.

И когда первый раскат достиг Блейда, он неожиданно понял:

«Это совсем не джофуры! Это...»

Наконец корабль встревожился, начал пятиться. Луч его сузился до режущей иглы, проколол поднимающуюся колонну.

Мгновение спустя весь северо-западный горизонт озарился. С грохотом, сотрясающим ночь, волна за волной сверкающие трубы устремлялись в небо.

Ракеты, подумал Блейд. Это ракеты!

Большинство не попало в цель. Но рой снарядов был так велик, что точность не имела значения. Отступающий корвет не мог уничтожать их достаточно быстро, и три ракеты скользнули по его бокам.

А потом четвертая попала точно в цель. Боеголовка отказала, но удар был настолько силен, что одна секция корпуса отвалилась и, кружась, полетела вниз.

Остальные ракеты продолжали взрываться, не долетев до цели, или падали на землю и взрывались там, наполняя ночь ярким, но бесполезным освещением. И так много ракет не попало, что начинало казаться, будто поврежденный корвет сумеет уйти.

Но тут поднялась последняя ракета. Повернула и неторопливо ударила в самую середину корабля.

Ослепительный взрыв разорвал корпус, расколов корабль пополам. Блейду пришлось в разные стороны поворачивать свое зрительное кольцо, чтобы видеть, как обе половинки, словно чаши, полные огня, упали на лес.

Еще много мусора придется убирать, подумал Блейд, когда запылали несколько горных склонов. Но тело его бурно реагировало, из всех щелей вырывался резкий торжествующий свист, соперничая с огненным фейерверком.

Блейд своим квуэнским зрением видел гибель корвета, но видел и то, что большинство ракет продолжают полет, — те из них, что не попали в корвет и не взорвались. Оставляя за собой красные мерцающие хвосты, они уходили в небо.

Блейд закричал еще громче, когда они закончили подниматься и устремились к Джиджо, словно град, падая на Поляну Праздников.

ЛЕСТЕР КЕМБЕЛ

Лес вокруг Лестера взорвался пламенем. Ракеты падали среди тайных площадок для запуска, распространяя волны жара и поджигая высокие колонны бу. На юге, там, где упал корабль, пылало зарево. Но Лестер оставался на поляне, куда со своим ассистентом г'кеком пришел, чтобы наблюдать за мерцающим небом.

Прискакал с докладом капрал ур.

— Нас окружает пламя. Мудрец, вам нужно бежать!

Но Лестер оставался неподвижен, глядя на пламенеющее небо. Голос его звучал глухо, словно он подавился чем-то.

— Не вижу! Все ракеты сгорели? Или продолжают полет?

Молодой г'кек ответил, поднимая вверх стебельки:

— Многие полетели в нужном направлении. Несколько десятков еще в воздухе. Ваши расчеты верны. Но теперь мы больше ничего не можем сделать. Пора уходить.

Лестер неохотно позволил увести себя с поляны по заранее запланированному маршруту отступления среди бу.

Только очень скоро они поняли, что языки пламени преграждают дорогу. Лестеру и его спутникам пришлось отступать назад, мимо тайного рабочего лагеря, маскировочная ткань над которым уже пылала. Один за другим вспыхивали чаны с пастой треки вместе с самими треки. В облаках дыма видны были и другие фигуры, а весь труд многих месяцев, проведенных в создании этого тайного промышленного центра, погружался в огненный водоворот.

— Выхода нет, — вздохнул ур.

— Тогда спасайтесь, я приказываю!

Лестер оттолкнул самку ура, повторяя приказ, пока капрал со стоном не поскакал туда, где пламя казалось ниже. Ур может выдержать такой переход. Лестер знал, что ему не стоит даже пытаться.

Вместе со своим молодым ассистентом он стоял в центре поляны, держа рукой одно дрожащее колесо.

— Все в порядке, — говорил он между приступами кашля. — Мы сделали то, что должны были.

Все рано или поздно кончается.

Теперь все зависит от Ифни.

ЛАРК

Первые голографические изображения приводили в замешательство, но эти новые ошеломили Ларка. Он не мог понять смысл увиденного: могучие трубы бу, их основания охвачены пламенем, их десятки, и они устремляются вверх, как рой раздраженных огненных жуков.

Далекая камера повернулась: это корвет пытался уйти от залпа самодельных ракет. Изображение наклонилось так неожиданно, что у Ларка свело внутренности и ему пришлось отвести взгляд.

Остальные казались не менее изумленными. Линг громко рассмеялась и захлопала в ладоши, а на лице Ранна удивление смешивалось с отчаянием. Тогда происходящее должно быть хорошим. Ларк позволил вспыхнуть искорке надежды.

Эваскс, джофур, издавал булькающие звуки, одновременно отрывочно произнося на галдва:

— Нелепо, предательски, неожиданно, непредвиденно!

Его составное тело сотрясала дрожь — с верхушки до нижнего кольца. Большинство этих пожилых восковых торов были знакомы Ларку. Некогда они составляли друга, мудреца, доброго и умного. Но их захватило новое кольцо — блестящий молодой круг, черный и лишенный внешних особенностей, без придатков или органов чувств.

Линг и Ранн одновременно вскрикнули. Но когда Ларк повернулся, экран был пуст — словно пустая грифельная доска.

— Корвет уничтожен! — объяснила Линг. В голосе ее звучало благоговение и страх.

Джофур испустил резкий свист. Дрожь его перешла в конвульсии.

Линг возбужденно говорила что-то об «остальных ракетах». Но Ларк, направляясь к дрожащему джофуру, подумал: его единственное оружие — руки. Ну и что?

«Лестер, ты выкинул фантастический трюк, свойственный волчатам. Аскс гордился бы тобой.

И точно так же старина Аскс хотел бы, чтобы я это сделал».

Он нацелил удар сжатого кулака в дрожащее мастер-кольцо.

Кто-то схватил его за руку и сдержал яростной хваткой. Ларк развернулся и вторым кулаком попытался ударить Ранна. Но упрямый даник только покачал головой.

— Что это докажет? Ты их просто рассердишь, туземный мальчишка. Мы остаемся здесь в их руках.

— Убирайся с моего пути, — проворчал Ларк. — Я хочу освободить своего друга треки.

— Твой друг давно умер. Если убьешь мастер-кольцо, вся груда распадется! Я знаю это, молодой дикарь. Я применял это на практике.

Ларк был настолько сердит, что готов был наброситься на мощного даника. Ранн почувствовал это и отступил, подняв обе руки в борцовской стойке.

«Да, — подумал Ларк, приседая. — Ты звездный солдат. Но может, дикарь знает кое-какие приемы, которых не знаешь ты».

— Прекратите вы оба! — крикнула Линг. — Нам нужно подготовиться.

Она замолчала: по металлическому полу пробежала волна сильной дрожи. Где-то в огромном корабле ожили могучие силы.

— Защитные орудия, — определил Ранн причину гула. — Но во что они стреляют?

— Ракеты! — ответила Линг. — Я говорила, они летят сюда!

Ранн начинал понимать, что сунеры действительно угрожают кораблю. Он с проклятием бросился в угол камеры. Боевой корабль содрогался, его орудия бешено работали. Ларк позволил Линг поддерживать себя. Они держались друг за друга, слушая, как приближаются отдаленные разрывы. Невероятная острота ощущений, вызванная приливом гормонов, смешивалась с удовольствием от прикосновения Линг и осознанием приближающейся смерти.

Ларк обнаружил: он надеется, что в следующее мгновение его жизнь оборвется.

«Давай, Лестер. Ты можешь это сделать. Заканчивай работу!»

Осколок Яйца лежал у него на груди, в том месте, где остались ожоги от недавнего жара. Ларк свободной рукой сжал каменный амулет, ожидая встретить тепло. Но почувствовал, что камень холодный, как лед. И такой хрупкий, что распадется от дыхания.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

ИЗ ЗАПИСЕЙ ДЖИЛЛИАН БАСКИН

Мы все чувствуем себя угнетенными. Позвонил от второй груды обломков Суэсси: только что у его команды произошел несчастный случай. Они пытались расчистить пространство вокруг старого буйурского перевозчика руды, когда произошло землетрясение. Окружающая гора брошенных кораблей сместилась, и один древний корпус обрушился на пару рабочих — Сатиму и Сап-пе. У них было время только в отчаянии бросить взгляд на рушащуюся стену, прежде чем она подмяла их.

Мы продолжаем получать болезненные раны. Наши лучшие товарищи, искусные и преданные, неизменно платят высокую цену.

А тут еще Пипое, которая всем приносила радость. Ужасная потеря, она похищена Заки и его приятелем. Если бы я только могла добраться до этой парочки!

Но пришлось солгать бедному Каа. Мы не можем тратить время на поиски Пипое по всему океану.

Это не значит, что мы ее бросим. Друзья вернут ей свободу — когда-нибудь. В этом я даю клятву.

Но наш пилот не будет одним из них.

Увы, боюсь, Каа больше никогда ее не увидит.

* * *

Макани закончила вскрытие Кунна и Джесса. Пленники, по-видимому, приняли яд, чтобы не отвечать на наши вопросы. Тш'т винит себя в том, что не обыскала агента даников тщательней, но кто бы мог подумать, что Кунн так испугается любительского допроса?

И зачем ему понадобилось прихватывать с собой этого злополучного туземного мальчишку? Родич Рети вряд ли мог знать секреты, за которые стоило бы умереть.

Сама Рети ничем не может объяснить это событие. И так как допрашивать больше некого, она добровольно вызвалась помогать Суэсси, которому помощь определенно нужна. Макани считает работу хорошим терапевтическим средством для бедного ребенка: ведь она первой увидела эти страшные тела.

Но я все думаю. Какую тайну так стремился сохранить Кунн? В обычном состоянии я бросила бы все остальное, чтобы заняться этим. Но сейчас слишком много дел: ведь мы готовимся передвинуться на новое место.

Впрочем, от пленников джофуров мы знаем, что с кораблем ротенов можно больше не считаться. Теперь перед нами другие, более настоятельные заботы.

Куб Библиотека сообщает об отсутствии всяческого прогресса в отношении этого символа — того самого, с девятью спиралями и восемью овалами. Теперь ячейка просматривает свои древнейшие файлы, а эта работа тем трудней, чем больше углубляешься.

В виде компенсации куб затопил меня сведениями о других недавних «сунерских проявлениях» — попытках основать тайные колонии на невозделанных мирах.

Большинство таких колоний быстро обнаруживаются патрулями Института Миграции. Джиджо — особый случай. Подход сюда ограничен, Измунути закрывает все окрестности, и на этот раз вся галактика объявлена невозделанной, так что инспекция ее — грандиозная задача.

Я удивилась: зачем оставлять целую галактику, когда базовая единица экологического восстановления — планета или в крайнем случае солнечная система?

Куб объяснил, что обычно подвергаются одновременному карантину гораздо большие объемы пространства. Кислороднодышащая цивилизация эвакуирует целый сектор или спиральный рукав, передавая его параллельной культуре дышащих водородом, этим загадочным существам, которых иногда называют общим именем занги. Это помогает разделять оба общества в физическом пространстве, уменьшая возможность трений.

И к тому же это позволяет поддерживать карантин. Занги непредсказуемы, они часто игнорируют мелкие вторжения, но могут стать свирепыми, если большое количество кислорододышащих появится там, где им не место.

Мы обнаружили корабли зангов перед тем, как миновать Измунути. Думаю, они приняли нас за «мелкое вторжение», поскольку оставили в покое.

Теперь обмен секторами и зонами приобретает больший смысл. Тем не менее я задаю кубу новый вопрос.

Была ли раньше когда-либо объявлена запретной целая галактика?

Ответ меня удивил.

Такого не было уже очень давно, по крайней мере сто пятьдесят миллионов лет.

Где-то я уже слышала это число.

Нам говорят, что существует восемь порядков разума и квазиразума. Наиболее энергичный и шумливый из них — кислородная жизнь, или, как выразился Том, «мы бродим повсюду и ведем себя так, словно все принадлежит нам». Однако я была поражена, узнав, что водороднодышащих существ намного больше, чем кислороднодышащих. Впрочем, занги и им подобные бóльшую часть времени проводят в плотных слоях юпитероподобных планет.

Некоторые утверждают, что они просто боятся контактов с кислородными типами.

Другие говорят, что они легко могут нас сокрушить, но как-то все у них до этого руки не доходят. Может, и дойдут в следующий миллиард лет.

Остальные порядки таковы: машины, меметики, квантовые существа, гипотетические существа, существа в отставке и трансцендентные существа.

Почему я говорю сейчас об этом?

Наши планы пришли в движение, и скоро «Стремительный» тоже двинется. Вполне вероятно, что через несколько дней мы будем мертвы или захвачены в плен. Если повезет, мы можем ценой своих жизней добиться чего-нибудь достойного. Но шансы уйти кажутся исчезающе малыми.

И все же, а что, если нам это удастся? Ведь у джофуров в нужный момент могут выйти из строя двигатели. Они могут решить, что мы не стоим усилий.

Солнце может стать новой звездой.

В таком случае куда направится «Стремительный»?

Мы пытались найти справедливость и защиту у нашей собственной кислородной культуры — у цивилизации Пяти Галактик, но Институты оказались ненадежными. Мы обращались к Древним, но эти члены рас в отставке гораздо менее беспристрастны, чем мы рассчитывали.

В полной возможностей вселенной остается еще полдюжины других «квазиразумных» порядков. Они чужды нам по мысли и сущности. Говорят, они опасны.

Но что нам терять?

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

КАА

Стоило ему вынырнуть, чтобы подышать, как в воду ударялись метательные снаряды. Копья — грубое оружие, это полые деревянные стволы с наконечниками из вулканического

стекла, но когда метко нацеленный гарпун задел его бок, Каа в рефлекторном крике потерял половину воздуха. Гавань, превратившаяся в тесную ловушку без выхода, гулко откликнулась на его болезненный стон.

Моряки хуны без труда передвигались в своих лодках при свете факелов, выполняя сложные приказы капитанов, исходившие из раздутых горловых мешков. Сети вокруг Каа затягивались, и поверхность воды гудела, как натянутый барабан. Узкий выход из гавани был уже перекрыт сетями.

И что еще хуже, туземцы получили подкрепление. Со стороны города слышался приближающийся стук ног, вооруженных когтями. В воду погружались существа в хитине, напомнившие Каа фильм ужасов про гигантских крабов. Красные квуэны, сообразил он, когда новые союзники стали помогать хунам закрыть выход из гавани под водой.

Ифни! Что сделали Заки и Мопол, чтобы туземцы пришли в такую ярость при виде дельфина? Ведь они так рассержены, что готовы убить при первой же встрече.

У Каа есть еще несколько хитростей. Время от времени он обманывал хунов, изображая вялость и медлительность, заставляя их раньше времени затягивать петлю, а потом вырывался в щель между ними, уклоняясь от града копий.

«Мои предки имели в этом деле большой опыт. Люди преподали нам урок задолго до того, как начали скальпелями резать нам головы».

Однако он знал, что в таком состязании китообразный не может выиграть. Лучшее, на что он может рассчитывать, это оттянуть конец.

Нырнув под одну из хунских лодок, Каа импульсивно раскрыл челюсти, вцепился зубами в весло и вырвал его из рук моряка, словно щупальце дьявольского осьминога. От толчка заболел рот, особенно нежные десны, но он прибавил сильный удар плавниками.

Гребец допустил ошибку — постарался удержать весло, но даже хун не может сравниться с Каа в силе. Последовал удивленный крик, затем всплеск, когда моряк с силой ударился о

воду далеко от лодки. Каа выпустил весло и быстро отплыл. Конечно, такой поступок не принесет ему популярности в глазах хунов. Но, с другой стороны, ему нечего терять. Каа уже не думал о своей миссии — вступить в контакт с Общиной Шести Рас. Теперь он боролся за выживание.

Следовало прислушаться к голосу сердца.

«Сейчас я должен был бы искать Пипое».

Решение по-прежнему мучило Каа, он чувствовал себя виноватым. Как он мог подчиниться приказу Джиллиан Баскин, каким бы срочным он ни был, вместо того чтобы стремительно плыть по океану, преследуя негодяев, которые похитили его подругу и любимую?

Что такое его долг, его клятва служить Земле по сравнению с этим?

После того как Джиллиан дала сигнал окончания связи, Каа на закате вслушивался в океан, улавливая далекие звуки быстро уходящих саней. Они еще были еле слышны на северо-западе. Звуки далеко распространяются в океане Джиджо: ведь здесь нет мириадов двигателей, которые превращают в какофонию земные моря. Сани уже очень далеко, не менее чем в ста километрах, и преследование кажется безнадежным.

Ну и что? Что с того, что успех маловероятен? Для героев книг и голофильмов это никогда не было препятствием! Да и никакая аудитория не будет приветствовать героя, если он позволил невозможному встать на своем пути.

Может, именно это в тот болезненный момент остановило Каа. То, что это — такое распространенное клише. Все герои фильмов: люди и дельфины — просто забыли бы о товарищах, о стране и о чести ради любви. Настойчивая пропаганда всех романтических историй заставляла его сделать то же самое.

«Но даже если я, вопреки всем препятствиям, добьюсь успеха, что скажет Пипое, когда я освобожу ее?

Я ее знаю. Она назовет меня придурком и предателем и никогда больше не будет уважать».

И вот Каа после наступления ночь отправился в порт Вуфон. Все деревянные рыбацкие лодки были вытащены на берег и ле-

жали под маскировочной тканью, которая скрывала их очертания, превращая в загадочные холмики. По-прежнему ненавидя себя за свое решение, он подплыл к ближайшей верфи, где два стражника опирались на что-то похожее на палки для ходьбы. Рядом сидел зевающий нур. В звездном свете Каа приподнялся на плавниках, чтобы начать приветственную речь, которую выучил наизусть и едва спасся от смерти. Нырнув, он на несколько сантиметров опередил острые, как бритва, лезвия копий.

— Подождите, — крикнул он, вынырнув по другую сторону пирса. — Вы допускаете ужасную ошибку! Я принес новости о ваших потерянных детях! Сведения об Олви.

Он едва увернулся во второй раз. Стражники хуны его не слушали. Темнота едва спасла Каа от все растущего числа нацеленных в него копий.

Большой ошибкой было то, что он попытался вступить в контакт в третий раз. Когда и эта попытка не удалась, Каа попробовал уйти и с опозданием увидел, что дверь заперта. Выход из гавани перекрыт, и он оказался в ловушке.

«Вот и мое хваленое дипломатическое искусство», — думал он, молча пробираясь над самым илистым дном, и едва успел увернуться, когда его сонар коснулся бронированной фигуры впереди. Фигура приближалась, широко раскрыв острые когти.

«Добавим это к моим другим неудачам — как шпион, как офицер...» Мопол и Заки не могли бы так враждебно настроить туземцев, если бы он сумел удержать их в руках.

«...и как возлюбленный».

Каа знал, что хорош только в одном-единственном деле. И похоже, ему никогда больше не придется им заняться.

Спереди, со дна бухты, донесся странный звук. Каа свернул в поисках обхода. Он боялся, что скоро легкие не выдержат и ему придется вынырнуть на поверхность.

Но что-то странное было в этом звуке. Какая-то мягкость. Мелодичная, покорная печаль словно заполнила воду. Любопытство победило, Каа повернулся и выпустил сонарный луч, чтобы пробить муть, мешавшую видеть.

Хун!

Но что этот хун здесь делает?

Каа двинулся вперед, не обращая внимания на стылый воздух в легких, и разглядел в облаках мути высокую двуногую фигуру. Звуковые отражения подтвердили то, чему он не поверил на взгляд. Хун раздевался, снимал с себя одежду и связывал веревкой.

Каа догадался, что это самка: она чуть меньше ростом и горловой мешок у нее небольшого размера.

«Та, что я сбросил за борт? Но почему она не плывет назад к лодке? Я думал...»

Каа испытал своеобразное чувство, знакомое землянам со времени контакта, — когда концепция, которая кажется такой привычной и знакомой, неожиданно полностью теряет смысл.

Хуны не умеют плавать!

Олвин Хф-уэйуо в своем дневнике никогда этого не упоминал. Больше того, из дневника следовало, что его народ страстно любит корабли и море. И хуны не относятся безрассудно и бесцеремонно к жизни, оплакивают утрату близких даже глубже, чем люди или дельфины. Неожиданно Каа понял, что записки Олвина его обманули. Ведь Олвин, как обычный земной ребенок, не упоминал о том, что казалось само собой разумеющимся.

Чужаки. Кто бы мог подумать?

Он видел, как хун привязал одежду к левому запястью, другой конец поднес ко рту и выдохнул последний воздух, надув одежду, как воздушный шар. Она всплыла, но всего метра на два и остановилась, не достигнув поверхности.

Она не призывает на помощь, понял Каа, когда самка хуна опустилась на дно и принялась петь похоронную песню. Она просто делает так, чтобы ее тело смогли легче найти и вытащить на поверхность. Каа помнил по дневнику Олвина, что местные жители очень серьезно относятся к похоронным ритуалам.

К этому времени его собственные легкие нестерпимо жгло. Каа пожалел о том, что его аппарат для дыхания, укрепленный на упряжи, сгорел, когда в него выстрелил Заки.

Он слышал, что сзади к нему приближаются квуэны, но видел брешь в их линии и был уверен, что сумеет в нее проскользнуть. Попытался повернуть и воспользоваться этой краткой возможностью.

Дьявольщина, вздохнул он и двинулся в противоположном направлении, к умирающему хуну.

Потребовалось какое-то время, чтобы добраться до поверхности. А когда вынырнули, все тело самки дрожало от судорожных быстрых глотков воздуха. Из носовых отверстий выливались потоки воды, в то же время воздух входил в рот. Каа позавидовал такой возможности.

Он подтолкнул самку поближе к плавающему веслу, чтобы она могла за него ухватиться, потом повернулся и принялся разглядывать гавань, готовясь увернуться от нового залпа копий.

Но копий не было. И вообще почему-то поблизости не оказалось лодок. Каа опустил голову, испустил сонарный луч из крутого лба — и убедился, что все лодки действительно отошли.

Взошла луна — один из крупных спутников. Теперь он мог разглядеть силуэты — хуны стояли в своих лодках и все смотрели на север, а может, на северо-запад. У самцов были раздуты горловые мешки, и низкое устойчивое гудение заполняло воздух. Казалось, они совершенно не замечают, что один из них только что непонятным образом появился из-под воды.

«Я думал, они все соберутся тут, будут кричать, бросать веревки, пытаться ее спасти. Еще один пример чуждого образа мыслей, вопреки всем земным книгам, прочитанным хунами». Каа пришлось подталкивать концом носа самку. Он помог ей добраться до пирса, чувствуя, как странная дрожь пробегает по спине.

На пирсе стояло множество жителей порта, огонь их факелов колебался на холодном ветру. Они куда-то смотрели или к чему-то прислушивались.

Дельфин может видеть не только под водой, но и над ней, но не так хорошо, как те, кто живет исключительно на суше.

Тем более чувства Каа были в смятении, и он почти ничего не различал в том направлении, куда все смотрели. Видел только очертания гор.

Компьютерный прибор, имплантированный в его правый глаз, поворачивался и приспосабливался, пока Каа не смог разглядеть мерцающую звезду над высшей точкой гор. Эта звезда пульсировала, в частом ритме разгоралась и гасла. Вначале он ничего не понял, хотя последовательность вспышек чем-то напоминала галдва.

— Прошу прощения, — начал он, пытаясь воспользоваться странным бездействием туземцев. Что бы ни случилось, ему показалось, что появился шанс вставить слово. — Я дельфин, родственник людей, меня просили передать сообщение Уриэль.

Толпа неожиданно издала такой вопль, что у Каа отвисла чувствительная к звукам челюсть. Он различал обрывки отдельных выкриков.

— Ракеты! — крикнул один из зрителей на англике. — Мудрецы изготовили ракеты!

Второй полным удивления тоном сказал на галсемь:

— Один малый вражеский корабль уничтожен. Теперь ракеты летят к большому.

Каа мигал, ошеломленный напряжением жителей порта.

«Ракеты? Я правильно расслышал? Но...»

Толпа снова закричала.

— Попали! — крикнул кто-то. — Ударили!

Неожиданно пульсирующая звезда прервала свое сообщение. И сразу все смолкли. Хуны стояли в мертвой тишине. Даже маслянистая вода бухты стихла, негромко плескалась о пирс.

Вспышки возобновились, и толпа разочарованно застонала.

— Он уцелел, он цел. Большой боевой корабль продолжает... — слышался негромкий голос треки из толпы на галдва. — Наши усилия потерпели неудачу.

И теперь приближается расплата.

СУНЕРЫ

ЛАРК

Момент, о котором молил Ларк, так и не наступил. Стены не раскололись, разорванные изготовленными туземцами боеголовками и стволами бу. Разрывы оставались далекими. Теперь, когда элемент внезапности исчез, гул защитных орудий джофуров звучал уверенней, из лихорадочного и панического стал самоуверенным, словно приближающиеся снаряды — всего лишь незначительная помеха.

Потом наступила тишина. Все было кончено.

Ларк выпустил осколок Яйца и высвободил Линг. Подтянул ноги, обхватил руками колени и принялся жалобно раскачиваться. Никогда в жизни он не испытывал такого разочарования.

— О, это было близко! — выдохнула Линг, явно радуясь тому, что выжила. Ларк не винил ее. Она все еще надеется на бегство или на то, что ее обменяют на какого-нибудь пленника галактов. И все это станет лишь еще одним эпизодом в ее воспоминаниях. «Эпизодом, подобным мне, — подумал Ларк. — Воспоминанием об умном лесном парне, которого она однажды встретила на Джиджо».

Старый друг Харуллен мог бы увидеть в этой неудаче и положительную сторону. Теперь разгневанные джофуры могут уничтожить всякую разумную жизнь на Джиджо, а не только своих кровных врагов г'кеков. Разве это не соответствует вере Ларка? Его ереси?

«Шести Расам здесь не место, но они не заслужили и уничтожения. Я хотел, чтобы мы действовали разумно, достойно, мирно и по собственной инициативе. Без насилия. Без этих лесных пожаров и затопленных долин».

— Смотрите!

Он посмотрел на Линг. Та стояла и показывала на Эвакса. Груда по-прежнему тряслась, но одно среднее кольцо ох-

ватили сильные конвульсии. С противоположных сторон образовались бьющиеся круглые выступы. Они постепенно увеличивались.

Мужчины присоединились к Линг, они, не веря своим глазам, смотрели, как выступы все увеличивались, приобретали кольцеобразную форму, теперь их удерживали только мембраны. Ноги нижнего кольца сгибались и разгибались.

Люди отскочили. Неожиданно Эваскс устремился вначале к бронированной двери, потом снова назад, трижды обежал камеру и обвис, как гора вялых трубок.

Среднее кольцо продолжало биться и извиваться.

— Что он делает? — удивленно спросила Линг.

Ларк глотнул, прежде чем ответить.

— Это влен. Можно сказать, роды. Треки делают это не часто, потому что опасности подвергается единство груды. Обычно они отращивают зародыши и оставляют их самостоятельно расти на груде мульчи.

Ранн ахнул.

— Роды? Здесь? — Очевидно, он больше знал о том, как убивать джофуров, чем об их жизненном цикле.

Ларк понял: кататония Эваскса была вызвана не только неожиданным ракетным нападением. Шок только ускорил родовые конвульсии, которые все равно должны были начаться.

Мембраны начали разрываться. Одно из новых колец, размером почти с голову Ларка и темно-пурпурного цвета, начало вращаться. Второе, меньше по размеру и алое, появилось из слизистого нароста, за ним тянулась нить остро пахнущего маслянистого вещества. Оба новых кольца соскользнули по бокам родительской груды, поползли по металлическому полу в поисках тени.

— Ларк, посмотри на это, — сказала Линг. Он с трудом оторвал взгляд от тошнотворного зрелища мокрых новорожденных. Повернувшись к Линг, увидел, что она смотрит на пол.

— Когда он дур назад бегал взад и вперед, оставил след на полу.

«Ну и что?» — подумал Ларк. Он видел жирные пятна на металлических пластинах. Треки так часто делают.

И замигал, узнав буквы англика. Одна, две, три, четыре.

РЕУК

— Что это? — вслух удивился Ранн.

Ларк поднес руку ко лбу, где его симбионт реук в ожидании следующего исполнения долга питался ничтожными долями крови из вен. При прикосновении он спустился на глаза, изменив окраску помещения.

И все сразу изменилось. До сих пор бока джофура казались просто окрашенными в бесформенные пятна. Но теперь на поверхности нескольких старых колец стали видны ряды букв.

«Ларк, — начиналась первая надпись. — Одно кольцо открывает дверь. Используй его. Присоединись к Шести».

Болезненный крик справа остановил Ларка. Такой крик не может издавать млекопитающее. Ларк повернулся и крикнул:

— Прекрати!

Над одним из новых колец стоял Ранн, занеся ногу для второго удара. Маленькое существо дрожало, из раны на его боку текла восковая кровь.

— А почему? — спросил даник. — Этим своим жестоким ракетным нападением вы, сунеры, подписали нам смертный приговор. Можно хоть немного отплатить за него.

Линг резко возразила своему бывшему товарищу:

— Дурак! Лицемер! Ты остановил Ларка раньше, а теперь это? Разве ты не хочешь выбраться отсюда?

Она наклонилась над дрожащим кольцом и осторожно протянула к нему руку.

А Ларк повернулся к груде, к составному существу, которое каким-то необычным образом и в ограниченном смысле сумело снова стать Асксом. Когда он принялся читать вторую строку, буквы уже расплывались.

«Отдай второе Фвхун-дау/ Лестеру. Он/ты/они должны».

На этот раз крик был человеческим.

Линг! Ларк повернулся и бросился ей на помощь.

В одной руке она держала маленькое раненое кольцо, а другой вцепилась в плечи Ранна. Мужчина даник душил ее сзади, обхватив руками за горло, перекрыв дыхание, а может, и зажав артерии.

Ранн слышал негодующий рев Ларка и легко развернулся, используя в качестве щита тело Линг и продолжая душить ее. На лице его было выражение наслаждения. Ларк сделал ложный выпад направо, затем набросился на звездного воина с другой стороны. Времени для демонстрации боевого мастерства не было, они упали на пол в путанице рук и ног.

Схватка была бы равной, если бы Линг не потеряла сознания. Но когда ее тело бесчувственно обвисло, Ларку одному пришлось противостоять тренированному бойцу. Ему удалось нанести несколько ударов, но вскоре он вынужден был только защищать свои уязвимые места. Наконец в отчаянии он охватил руками торс Ранна в борцовской хватке.

Противник был настолько в себе уверен, что мог потратить немного сил на насмешки.

— Дарвинистский варвар, — насмехался Ранн у самого уха Ларка. — Регрессировавшая обезьяна.

Линг умудрился и сам найти оскорбление:

— Ротены свиньи.

Ранн рявкнул и попытался укусить его в ухо. Ларк вовремя отвернул голову, потом ударил ею Ранна в лицо, разбив ему губу.

Неожиданно зловоние заклубилось вокруг их голов, липким болезненным ощущением заполнив Ларку ноздри. На мгновение он даже подумал, что это телесный запах даника. Или запах его дыхания.

Ранн смог высвободить руку и ударил Ларка по боку. Но боль казалась далекой, а удары — слабыми и неуверенными. Зловоние усилилось, в глазах начало темнеть, и Ларк понял, что на противника запах тоже подействовал.

И даже сильнее.

Через несколько мгновений железная хватка разжалась, и Ранн опустился на землю. Ларк согнулся, тяжело дыша. Сквозь дымку уходящего сознания он заметил источник зловония. Раненое кольцо треки забралось к Ранну на плечи и выдавливало еще одну дозу смертоносного вещества прямо на лицо звездного бога.

Надо остановить его, подумал Ларк. Излишек может не просто лишить Ранна сознания, но и убить его.

Но жизнь распределяется по приоритетам. Борясь с головокружением и сильным желанием уснуть, Ларк перекатился в поисках Линг. Он надеялся, что ее еще удастся вернуть к жизни.

БЛЕЙД

— Наиболее эффективными боеголовками оказались те, что были снабжены топоргическими капсулами с составом треки номер 17 и порошкообразным буйурским металлом. Огненные жуки достаточно хорошо поджигали сердечники ракет. Большинство тех, что не использовали огненных жуков, либо не взорвались, либо взорвались прямо на пусковых площадках.

Блейд слушал, как молодая женщина диктует отчет телеграфисту уру, удары которого по клавишам превращались в световые вспышки. Джени Шен морщилась: аптекарь прикладывал мазь к ее обожженной коже. Лицо ее было вымазано сажей, а от одежды пахло дымом. Голос Джени звучал сухо, как графит, и было видно, что говорить ей трудно, но она продолжала диктовать, словно опасалась, что вершина горы со станцией семафора станет первой целью мести джофуров.

— Наблюдатели сообщают, что лучше всего попадали в цель ракеты с шарами-посыльными на борту. Их использование было всего лишь случайной идеей Фвхун-дао, поэтому их было немного. Прежде чем все взорвалось, Лестер сказал, что нам следует заново проверить всех созданных буйурами животных, чтобы убедиться, нет ли у них других возможностей для применения.

В каменной хижине было тесно. Ракетная атака и последующие пожары вызвали потоки беженцев, хлынувшие через горные проходы. Блейду пришлось идти в толпе беглецов, чтобы добраться до милицейского аванпоста, где он смог бы сделать доклад о своих приключениях.

На станции он узнал множество поразительных новостей о том, что удалось сбить последний джофурский корвет, и о том, что ни одной ракете не удалось долететь до главного корабля. Вспыхнувшие было надежды снова рассеялись, когда стало известно количество жертв, включая по крайней мере одного высокого мудреца Шести Рас.

Однако некоторое оживление сохранялось. Плохие новости ожидались. Но вкус победы обострялся своей полной неожиданностью.

Блейд помнил, как в облаках пламени падали половины разрушенного корабля, разжигая лесные пожары. «Я рад, что они упали на бу». Согласно Свиткам, различные экосистемы Джиджо не равны по своей ценности. Большое бу — хищный захватчик-чужак — подобно самим Шести. И ночной пожар не нанес планете тяжелой раны.

«Мне тоже», — добавил Блейд про себя, морщась: один из врачей г'кеков пытался вправить его сломанную ногу.

— Просто отрежьте ее, — сказал он врачу. — И вторую тоже.

— Но у вас останутся только три, — возразил г'кек. — Как вы будете ходить?

— Как-нибудь справлюсь. И новые отрастут быстрее, если отрежете до самого основания. Только давайте побыстрей, ладно?

К счастью, ему удалось приземлиться на две ноги, расставленные на противоположных сторонах от тела. Пришлось выбираться из путаницы тканей и обломков гондолы на трех. Освещенный луной склон оказался каменистым и крутым — ужасное место для квуэна в середине холодной ночи. Но манящие вспышки огней, передающих сообщения от вершины к вершине, подбодрили его, и он, хромая, сумел добраться до убежища.

«Итак, я все-таки смогу рассказать Грызущей Бревно о своих приключениях. Может, я даже запишу их. Нело позволит напечатать на небольшом печатном станке, потому что половина рассказа будет посвящена его дочери».

Блейд знал, что начинает бредить от жажды, боли и недостатка сна. Но если уснет, потеряет свою очередь сразу за Джени Шен. Командир станции, узнав о его полете на воздушном шаре, переместил его очередь вперед, сразу за официальным докладом о ракетном нападении.

«Мне следовало бы чувствовать себя польщенным. Но на самом деле все ракеты уже использованы. Даже если немного осталось, элемент внезапности пропал. И нам никогда снова не удастся напасть на джофуров.

Но мою идею еще не испробовали. А она сработает! Я — живое доказательство этого.

Нужно рассказать об этом кузнецам на горе Блейз».

Так он сидел и кипел от нетерпения, прислушиваясь к длинному, полному специального жаргона докладу Джени и стараясь быть терпеливым.

Когда началась ампутация, Блейд инстинктивно втянул купол, защищая зрительную полоску толстым слоем хитина, который мешал ему смотреть. Он пытался вернуться к тому времени, когда летел в небе первый из своего рода — после космических кораблей, что было так давно.

Но память квуэна недостаточно сильна, чтобы использовать ее как преграду на пути боли.

Трем сильным хунам пришлось держать его, чтобы врач мог сделать свое дело.

ЛАРК

Когда он пришел в себя, его встретил другой запах.

Первый был клейким и глухим. И когда заполнил помещение, мир исчез под толстым одеялом сладкой остроты.

Новый запах был горьким, резким, отталкивающим, разрывающим бесчувственное состояние. Не было никакого пе-

реходного периода смутности. Ларк резко чихнул и рывком сел. Он мгновенно узнал камеру, ее металлический пол и стены, тесное отчаяние этого места.

Жирный пончик, пурпурный и все еще покрытый слизью, послал ему в лицо последние капли мутной жидкости. Ларк подавился и отпрянул.

— Я пришел в себя! Прекрати, пожиратель навоза!

Комната покачнулась, когда он повернулся, отыскивая, и обнаружил Линг прямо за собой. Она тяжело дышала от усилий, пытаясь сесть. Темные пятна показывали, где ее горло сжимал Ранн, едва не лишив жизни.

Ларк снова повернулся и поискал врага.

И тут же увидел босые ноги даника, торчащие из-за круглого корпуса Эваксса.

Эваксса? Или он все еще Аскс?

Груда колец дрожала. Из ран с обеих сторон стекал восковой гной. Здесь выделились новые кольца.

Надо выяснить. Попытаться поговорить с ним.

Но Ларк уже видел упорядоченность в дрожащих торах. Систематический ритм. Почти полную организованность. Из отверстия для речи исходили булькающие звуки.

— С... с...стойте, люди Я/Мы ПРИКАЗЫВАЮ, требую послушания.

Голос звучал неровно, но с каждым проходящим дуром набирал сил.

Ларк встретился с ним взглядом. Мгновенное понимание.

Аскс на многое пошел, чтобы предоставить свои дары.

Нужно испытать их.

— Прекратите! — просил Эваксс. — Вы обязаны...

К счастью, тело джофура еще сохраняло оцепенелость. И когда мастер-кольцо пыталось привести его в движение, самое нижнее кольцо сопротивлялось.

«Аскс все еще сражается за нас», — понял Ларк, зная, что долго так продолжаться не будет.

— Воспользуйся пурпурным, — сказал он Линг, которая прижимала к себе больший новорожденный тор. — Аскс сказал, что он открывает двери.

Она с сомнением посмотрела на него, но поднесла кольцо к пластинке у двери. Они видели, как ее касался джофур, когда хотел выйти из камеры. Тем временем Ларк превратил свою порванную рубашку в подвязку и положил в нее меньшее, алое, кольцо. То, что было жестоко ранено Ранном. То самое, которое Ларк должен доставить высоким мудрецам, если выживет.

Из-за Эваскса послышался стон. Это наконец приходил в себя воин даник. Давай! — молча торопил Ларк, хотя Линг, несомненно, никогда не использовала раньше такой ключ.

Пурпурное кольцо выпустило из пор возле самой пластинки несколько капель жидкости. Последовали щелкающие звуки: механизм двери как будто задумался.

Потом со слабым шипением дверь открылась.

Ларк вместе с Линг торопливо вышли, не обращая внимания на брань джофура, который пытался следовать за ними, пока дверь снова не закрылась.

— Куда теперь? — спросила Линг.

— Ты меня спрашиваешь? — Ларк рассмеялся. — Ты ведь говорила, что галактические корабли стандартизованы.

Она нахмурилась.

— У ротенов нет таких боевых кораблей, как это чудовище. У Земли тоже. Нам бы повезло, если бы мы увидели такой корабль издали, и еще больше повезло, если бы он нас не заметил.

Ларк чувствовал себя странно, стоя полуобнаженным в коридоре чуждого корабля, полного необычными запахами. В любой момент в коридоре может показаться джофур или на них начнет охоту боевой робот.

Плиты пола задрожали, вначале слабо, затем все сильней.

— Попробуй угадать, — сказал Ларк, подбадривая Линг улыбкой.

Та ответила пожатием плеч.

— Ну, если пойдем в одном направлении, рано или поздно доберемся до корпуса. Пошли. Самое худшее — это стоять на месте.

Коридоры были пусты.

Изредка Ларк и Линг проходили мимо каких-то больших помещений, внутри которых находилось множество джофуров. Они стояли возле необычно изогнутых инструментальных панелей или смешивались группами, раскачивались и общались облачками выделений. Но груды редко передвигались. Ларк, как биолог, не мог не рассуждать.

Они потомки малоподвижных существ, почти сидячих. Даже с приобретением мастер-кольца они сохраняют некоторые прежние привычки, например, предпочитают работать на одном месте, в относительной неподвижности.

Ларку казалось невероятным это молчаливое продвижение мимо закрытых дверей на расстоянии полета стрелы, затем еще одного и третьего. Они пользовались кольцом, открывая на пути бронированные люки, и никого не встречали. «Аскс должен был принять это во внимание. Мы сможем добраться до выхода из корабля и...»

Ларк задумался.

«И что тогда? Если там будут небесные лодки или летающие платформы, Линг сможет понять принцип их действия, но как сможет она управлять приборами, предназначенными для щупалец джофуров?

Может, нам следует направиться в машинное отделение? Попытаться что-нибудь вывести из строя. Причинить хоть какой-то ущерб, прежде чем нас подстрелят».

Линг пошла быстрей, ее походка стала энергичной. Возможно, она что-то почувствовала за этими толстыми дверями и изогнутыми стенами, что-то такое, что подсказывало, что они уже близко.

Следующий люк отодвинулся в сторону — и без всякого предупреждения они столкнулись с первым джофуром.

Линг ахнула, а у Ларка едва не подогнулись колени. Он почувствовал неудержимое желание повернуться и убежать, хотя это, конечно, уже поздно. Груда была больше Эваксса, составляющие ее кольца светились здоровьем и силой, каких Ларк никогда не видел у джиджоанских треки.

«Так выглядит Ранн по сравнению со мной», — тупо подумал Ларк.

Но в это мгновение его спутница подняла пурпурное кольцо, нацелив его, как пистолет, на большого джофура.

К груде устремилось остро пахнущее облачко.

Груда еще немного постояла, потом на множестве насекомоподобных ног прошла мимо людей и двинулась по коридору.

Ларк ошеломленно смотрел ей вслед.

Что это было? Сигнал распознавания? Искусно подделанный пароль для прохода?

Он представлял себе, как Аскс — та часть мудреца треки, которая где-то сумела скрыться, — следил за химическими кодами, которые используют джофуры при передвижении по кораблю. Но чего Ларк не мог себе представить, так это тип сознания, который здесь проявляется. Как можно сознательно спрятать личность внутри личности, когда вся власть принадлежит мастер-кольцу?

Джофур завернул за угол. Он как будто шел по какому-то делу.

Ларк посмотрел на Линг. Их взгляды встретились, и оба одновременно перевели дыхание.

Входной шлюз был заполнен механизмами, хотя никаких лодок или летающих платформ не было. Беглецы закрыли внутреннюю дверь и заторопились к противоположной стене, чтобы приложить кольцо-ключ. Им не терпелось увидеть голубое небо и вдохнуть свежий ветер Джиджо. Если им повезет и этот выход обращен к озеру, они смогут прыгнуть в воду. Конечно, и после этого их побег могут остановить в любое мгновение, как только они окажутся внутри защитного периметра джофу-

ров. Но сейчас все это казалось не важным. Оба чувствовали себя полными жизни и неудержимой энергии.

Ларк по-прежнему нес раненое красное кольцо, гадая, что должны будут сделать с ним мудрецы.

«Может, Аскс считает, что мы должны подобрать командос и вернуться с бомбами, используя кольцо для входа?»

Но мысли его оборвались, когда начал отходить большой люк. И первое, что они увидели, был не дневной свет, а звезды.

Тревога на мгновение охватила Ларка, но он тут же понял: это не космос, а ночь на Риммере. Поток холодного воздуха вызвал мгновенный прилив энтузиазма. «Я никогда не смог бы покинуть Джиджо, — подумал он. — Это мой дом».

Бледное сияние затмевало созвездия там, где неровная зубчатая граница пересекала небо — это были очертания гор на востоке. Скоро рассвет. Подходящее время для начала?

Линг протянула Ларку свободную руку, он взял ее, и вдвоем они подошли к выходу и заглянули вниз.

— Пока все хорошо, — сказала она, и Ларк разделил ее радость, увидев отражение звездного света в воде.

— Снаружи еще темно. Озеро поглотит тепло наших тел. И на этот раз нас не выдаст цифровое компьютерное сознание.

«Не будет и удобных трубок для дыхания, которые позволили бы нам оставаться в безопасности под водой», — едва не добавил Ларк, но не захотел ослаблять ее энтузиазм.

— Посмотрим, нельзя ли воспользоваться чем-то, чтобы спуститься к озеру, а не прыгать, — добавила Линг. Они вместе осмотрели полки с оборудованием по одну сторону от люка, и Линг возбужденно воскликнула:

— Я нашла катушку стандартного троса. Теперь, если разберусь в приборах...

Линг принялась разглядывать катушку, но Ларк в это время ощутил изменение в низком гуле, который сопровождал их с того мгновения, как они покинули свою камеру. Гул становился выше и громче и вскоре заполнил весь воздух.

— Что-то происходит, — сказал Ларк. — Мне кажется.

И тут же корабль неожиданно дернулся, едва не сбросив их на пол. Линг выпустила барабан, который едва не ударил ее по ногам.

Из открытого люка послышался другой звук. Ужасный скрежещущий гул, как будто жаловалась сама Джиджо. Ларк узнал скрежет металла о камень.

— Ифни! — крикнула Линг. — Они взлетают!

Помогая друг другу, изо всех сил пытаясь сохранить равновесие, они снова добрались до входного люка и выглянули наружу. И в ужасе увидели действие накопленной и внезапно высвобожденной силы.

Вот и прыгнули в озеро, подумал Ларк. Корабль джофуров величественно и бесстрастно поднимался, но критическими оказались первые несколько десятков метров. Исчезла преграда, которая превращала затопленную долину во временное вместилище воды. И Праздничная Поляна мгновенно преобразилась в ревущий ураган. Затопленные деревья срывало с их размякших корней. Подмывало берега, и с них в воду падали камни. По мере того как корабль продолжал самодовольно подниматься, поток мутной воды и обломков устремлялся вниз, снося все на своем пути, обрушиваясь на ничего не подозревающие равнины.

«Слишком поздно, — понял Ларк. — Мы сбежали слишком поздно. И теперь захвачены внутри».

И словно подтверждая этот факт, у открытой двери загорелся огонек, и она начала закрываться. Должно быть, при подъеме сработал автоматический страховочный механизм. Ларк с трудом сдержал стремление прыгнуть в сужающуюся щель, вопреки смертоносному хаосу, который ожидал его внизу.

Линг схватила его за руку, когда они мельком увидели что-то блестящее и круглое — из-под воды показался гладкий продолговатый купол. Даже при предрассветном освещении они узнали корабль ротенов-даников, по-прежнему заключенный в кокон квантового времени.

Затем с грохотом и шипением люк окончательно закрылся, отрезав ветер. Захваченные внутри, беглецы смотрели на жестокий люк.

— Мы движемся на север, — сказал Ларк. Это было последнее, что он заметил, глядя на пролетающую внизу местность.

— Пошли, — прагматично ответила Линг. — Нужно найти где-нибудь в корабле место, где можно спрятаться.

НЕЛО

За несколько лиг до цели фанатики поняли, что они окружены. Ночь они провели на болоте, подсчитывая костры отрядов, верных высоким мудрецам. Зажатые между отрядами милиции из Библоса и преследующими силами Нело, мятежники на рассвете сдались.

Не было никаких церемоний, и у мятежников почти не оказалось оружия, которое нужно было бы сдавать. Всю их энергию отнял тяжелый марш по трясине, где когда-то в небо поднимались могучие башни буйуров. Оборванные и грязные, Джоп и его последователи неровной колонной направились к Библосу, выдерживая насмешки недавних соседей.

— Иди посмотри, — подтолкнул Нело древесного фермера к утесу, с которого можно было взглянуть за широкую реку, все еще покрытую длинными тенями. Усиливающийся дневной свет открывал просторную пещеру, высеченную столетия назад земным кораблем «Обитель». Две дюжины массивных столбов поддерживали Каменный Кулак, повисший, как отсроченный приговор, над множеством больших деревянных зданий, каждое из которых было копией какого-нибудь знаменитого земного сооружения: Тадж-Махала, великой пирамиды Хеопса и Главной Библиотеки в Сан-Диего, Калифорния.

— Архивы уцелели, — сказал Нело своему противнику. — Ты хотел обрушить на них Кулак, но ничего не вышло. И через несколько лет я снова буду делать бумагу. Все было зря, Джоп. Жизни, которые ты погубил, уничтоженное добро. Ты ничего не добился.

Нело видел, как еще больше помрачнел Джоп, когда они достигли новой семафорной станции, установленной не-

посредственно против Библоса. Именно здесь они узнали о ракетном нападении, уничтожении одного корабля джофуров и предполагаемом повреждении другого. Молодые солдаты милиции радостно кричали, узнав, что далекий «гром» прошлой ночью был на самом деле местью Шести Рас за бедных г'кеков.

Но у тех, что постарше, лица оставались мрачными. Капитан милиции предупредил, что это всего лишь одно сражение в войне, которую Община Джиджо вряд ли может надеяться выиграть.

Нело отказывался думать об этом. Он выполнил поручение Арианы Фу, передав для передачи ее сообщение. Световые сигналы лучше передавать ночью, но, увидев имя Арианы на единственном листке бумаги, оператор тут же зажег лампу. Пока передавалось сообщение, капитан присматривал за подготовкой переправы через Бибур на ту сторону, где ждет душ и чистая одежда.

И сон, подумал Нело. Однако, несмотря на усталость, он чувствовал себя так молодо, как уже не чувствовал многие годы, как будто утомительная погоня по болотам сделала его моложе, превратила в сильного воина, каким он был когда-то.

Прислонившись к дереву, Нело ненадолго закрыл глаза, строя планы восстановления бумажной мельницы.

«Прежде всего нужно будет помочь синим восстановить дамбу. На этот раз устроим ее правильно. Меньше будем думать о маскировке и больше о том, чтобы добиться получения большей энергии. Пока я в Библосе, смогу скопировать кое-какие чертежи».

Он резко поднял голову, услышав, как его зовет по имени ученик столяра из Доло. Парень читал ночные сообщения семафора, прикрепленные к стене.

— Я видел имя вашей дочери, — сказал Нело молодой человек. — Она на горе Гуэнн.

Нело сделал три неуверенных шага, и Джоп тоже. Древесный фермер тоже удивился. Но его отчаяние контрастировало с радостью Нело, услышавшего, что кто-то из его детей жив.

«Сара! — Мысли бумажника слегка путались. — Во имя основателей, как она оказалась на горе Гуэнн?»

Он торопливо направился к стенду, не терпелось узнать больше. Может, здесь есть сведения о Двере и Ларке!

В это время один из операторов внутри станции закричал. Тот, что посылал сообщение Арианы Фу, продолжал стучать ключом, но принимающий выбежал из станции. Это оказалась женщина средних лет, она размахивала листком бумаги с торопливой записью.

— Сообщение, сообщение! — кричала она, подбегая к капитану милиции.

— Сообщение от наблюдателей. Джофуры. Джофурский корабль летит сюда!

Корабль не парил и не падал. Он был слишком велик для этого.

Туча пыли сопровождала его полет над лесом или открытой местностью, но там, где небесная гора громоздко надвинулась на Бибур, воды оставались зловеще спокойными. Больше того, гладкая неподвижность выходила далеко за пределы тени корабля.

Лети дальше, молил Нело. Просто пролети мимо. Продолжай двигаться.

Но у огромного крейсера, очевидно, было дело именно здесь, он остановился непосредственно над рекой на виду у Великого Архива.

Теперь настала очередь Нело прийти в ярость: он увидел, как на лице Джопа появилось выражение мрачного удовлетворения. Кто-то донес, подумал Нело. Слухи рассказывали об эмиссарах джофуров, основывавших свои посты в маленьких поселках и властно требовавших сведений. Рано или поздно какой-нибудь фанатик или слепой последователь Свитков проболтался бы об этом месте.

Могучий боевой корабль не испускал смертоносные лучи. Не было и дождя бомб в отместку за младшего брата, погибшего прошлой ночью.

Вместо этого в борту раскрылись небольшие люки. Оттуда вылетели две дюжины роботов; они неторопливо опустились к воде, повисли на уровне роста хуна, потом построились и направились к Библосу.

Из большого корабля показалась вторая волна. Эта опускалась медленней на широких черных полированных летающих платформах. На этих плоских устройствах возвышались джофуры, как горки блинов, каждая на своей летающей сковородке.

И не успел отряд джофуров достичь стен скрытого города, как космический дредноут снова двинулся, повернулся массивным корпусом в том направлении, откуда прилетел, примерно на юго-юго-восток, и начал все быстрей набирать высоту. К тому времени как Нело потерял его из виду в лучах восходящего солнца, крейсер уже поднялся выше самых высоких облаков.

У реки собрались толпы, глядя на противоположный берег. Библос все еще был погружен в ночную тень. Роботы, по контрасту, ярко блестели, пока вместе со своими хозяевами джофурами не вошли под Каменный Кулак.

После этого Нело и всем остальным пришлось удовлетворяться словами капитана милиции, который смотрел в бинокль и рассказывал о происходящем.

— Каждый джофур входит в отдельное здание, охраняемый несколькими роботами. Некоторые входят через переднюю дверь, но один просто послал роботов, чтобы они пробили стену и вошли в пробоину.

Теперь они все внутри, а наши выбегают из домов! Люди, хуны, квуэны, вот один г'кек, его левое колесо дымится. Думаю, в него стреляли.

Толпа раздраженно гудела, но сделать что-нибудь было невозможно. Никто ничего не мог сделать.

— Вижу взводы милиции! В основном люди, с ними уры и хуны. У них ружья нового типа, с мульк-пулями. Они бегут к Зданию Наук!

Они разбились, как в засаде, и одновременно проникают в здание через противоположные двери.

Нело смотрел на ту сторону Бибура, сжимая кулаки. В то же время он гадал, почему большой боевой корабль добрался сюда, но не уничтожил центр интеллектуальной жизни Джиджо.

Наверно, у него есть и другие дела. И он все равно вернется за высадившейся группой.

Оставалась одна надежда. Может, со вчерашней ночи осталось еще несколько ракет. И они попадут в крейсер до того, как он вернется.

Надежда всегда есть — хотя казалось маловероятным, что джофуров удастся обмануть вторично.

Он видел, как за рекой поток беженцев: ученых, библиотекарей, учеников — выливается из укреплений через отверстия для вылазок. Среди бегущих мало г'кеков. И треки тоже. Обе расы, очевидно, обречены оставаться внутри в ожидании своих разных, но одинаково ужасных участей.

Нело подумал:

«Что чужаки хотят сделать с нашей Библиотекой? Взять книги и унести с собой, чтобы почитать?

Как ни странно, эта своеобразная догадка имеет основания.

Ручаюсь, ракетное нападение дало им понять, что у нас есть еще козыри в рукаве. И неожиданно они заинтересовались тем, что мы знаем и как это узнали. И теперь просмотрят наши книги в поисках других неприятных сюрпризов».

В затененной пещере что-то происходило. Через реку доносились щелкающие звуки. Несомненно, из Зала Наук.

— Выходят! — крикнул капитан, крепче сжимая бинокль. — Ружейные взводы, они отступают, несут с собой раненых, пытаются прикрыть друг друга. Они...

Он опустил прибор. Взгляд у него был мрачный, он стоял подавленный и молчал.

Капрал осторожно подобрала бинокль и продолжала рассказ.

— Мертвы, — было ее первое слово. — Вижу мертвых солдат. Они все лежат.

Толпа стихла. За Бибуром, казалось, больше ничего не движется, только иногда под Каменным Кулаком мелькали машины.

«Взрывники, — подумал Нело. — Почему они не привели в действие свои заряды?»

Величайшая тайна Шести Рас, самая безопасная крепость человечества на Джиджо, Библос был захвачен за несколько дуров. И теперь его драгоценные архивы в руках захватчиков.

ЭВАСКС

Значит, решено, Мои кольца? Загнали ли мы в последний угол ваше тайное сопротивление? Можно ли считать, что больше восстаний не будет?

После недавней неприятности, когда вы, глупые кольца, умно/неразумно сумели совершить влен без ведома вашего мастер-кольца, наша груда-жрец предложила разобрать нас/Меня. Жрец предложил извлечь до капли восковую память, чтобы узнать, куда могли деться два паразита-волчонка, которых вы (на короткое время, мятежно) высвободили в нашем замечательном корабле «Полкджи».

Но тут наша груда-тактик доложила, что, по данным телеметрии, Ларк и Линг почти несомненно покинули корабль: инструменты свидетельствуют, что люк автоматически открылся.

Люди хорошо плавают. И несомненно, оказавшись в озере, они решили, что достигли безопасности. Они не подозревали, что через мгновение поток увлечет их в водоворот разрушений после взлета нашего могучего «Полкджи»!

Забавная игра судьбы, драматическая ирония этого побега так понравилась капитану-лидеру, что был отдан приказ, перекрывающий желание груды-жреца. На какое-то время Мое/наше единство в безопасности.

НО НЕ РАССЧИТЫВАЙТЕ НА ДОЛГУЮ ТЕРПИМОСТЬ/ПРОЩЕНИЕ, МОИ КОЛЬЦА!

Прощение за что, вы спрашиваете?

Вот теперь вы Меня тревожите. Неужели наш общий воск так сильно расплавлен? Неужели личность Аскса так сильно повредила нам своей второй попыткой самоубийства-амнезии? Мне следует напомнить вам о недавних событиях полуэлектронными процессами мастер-кольца?

Очень хорошо, Мои кольца, я это сделаю. И мы начнем снова, повторим опыт, который сделал нас полезными делу джофуров.

Вместе мы наблюдали за тем, как отряд из нашего корабля захватывал так называемую Библиотеку, которой пользуются варварские Шесть Рас. Хотя в битовом эквиваленте эта Библиотека содержит ничтожное количество информации, именно она источник хитростей волчат.

Их коварных планов, которые нам так дорого обошлись.

Странное событие произошло, когда Я/мы увидел эти грубые здания, построенные из срубленных деревьев и укрытые в искусственной пещере. Многие тайные восковые следы отозвались внезапным узнаванием! И приняв эти восстановленные следы, мы смогли раскрыть перед капитаном-лидером многие тайны этой сокровищницы псевдознаний. Тайны, которые Аскс хотел сделать недоступными для нас.

Мы медленно восстанавливаем прежнюю репутацию и оценку. Рады ли вы этому, Мои кольца?

Как приятно чувствовать ваше немедленное согласие! Краткое восстание и последовавшая за ним попытка самоубийства амнезией, кажется, сделали вас более покорными. Вы больше не отдельные кольца треки, а часть великого целого.

Смотрите! Оставив отряд для захвата Библоса, наш могучий «Полкджи» обращается к своей главной задаче. Слишком долго позволяли мы себе отвлекаться/откладывать. Больше никаких переговоров с ворами ротенами. Никаких споров с варварскими расами. Всем Шестерым принесут разную судьбу наши наземные силы, рассеянные по всему Склону.

А что касается «Полкджи», мы возвращаемся к континентальной трещине, к этой океанской пропасти. К предполагаемому местонахождению корабля дельфинов.

РЕШЕНО. РОТЕНЫ ВСЕ-ТАКИ СЧИТАЛИ ВЕРНО.

Мы будем бомбить глубины, подвергая опасности корабль землян. Чтобы сохранить жизнь, они вынуждены будут подняться на поверхность и сдаться.

До сих пор капитан-лидер предпочитал торопливым действиям терпение. Мы не хотели уничтожить то, что ищем! Сначала узнаем его тайны. Поскольку ни один соперничающий клан или флот не появился на Джиджо, казалось, у нас достаточно времени.

Но это было до того, как мы потеряли оба корвета. До непрерывных оттяжек и проволочек.

Теперь мы готовы рискнуть!

С большим запасом глубинных бомб мы движемся к зоне, известной как Трещина.

ЧТО ЭТО?

УЖЕ?

ДЕТЕКТОРЫ ОБНАРУЖИЛИ ВПЕРЕДИ — ДВИЖЕНИЕ!

Радостный охотничий азарт охватил мостик. Это должна быть добыча, она выдает свое местоположение в торопливых поисках нового убежища.

Но тут управляемые на расстоянии приборы передают тревожную новость.

Зафиксированные нами колебания исходят не от одного корабля.

ИСТОЧНИКОВ ИЗЛУЧЕНИЯ ДЕСЯТКИ, СОТНИ!

САРА

Во время долгого спуска с горы Гуэнн Эмерсон казался оживленным, он прижимался лицом к искривленному окну маленького поезда, глядя на море.

«Что он чувствовал, если бы знал, с кем мы встретимся? — думала Сара, пока вагон быстрее скачущего ура проносился мимо древних лавовых потоков. — Радовался бы или попытался выпрыгнуть и убежать?»

Далеко внизу мириады солнечных отражений тянулись вдоль всей линии прибоя до самого затянутого тучами западного горизонта. Воды Джиджо казались спокойными, но Сару по-прежнему устрашал этот вид. Небольшое волнение этой обширной массы уничтожит все деревья и поселки на берегу. Спокойствие океана доказывало, насколько хороша эта планета для жизни — настоящая колыбельная видов.

«Я всегда надеялась увидеть это до того, как мои кости мусором уйдут в пропасть. Но не ждала, что приду сюда сначала верхом на лошади через Спектральный Поток, через вулкан и, наконец, на знаменитом канатном поезде, навстречу существам из легенд».

Несмотря на то что на горе Гуэнн в последнее время все спали очень мало, Сара чувствовала себя полной энергии.

Уриэль едва успела закончить свой аналоговый компьютер. Спустя несколько мидуров после отправки баллистических расчетов на север операторы семафора сообщили поразительные новости о последствиях.

Потрясающая победа ракет.

Обескураживающие неудачи ракетных запусков.

Лесные пожары, мертвые мудрецы, и Яйцо — раненое, замолчавшее, может быть, навсегда.

Поток с Праздничной Поляны, убивший или сделавший бездомными бесчисленное количество жертв.

И это еще не все. Среди многих других сообщений, приходивших всю ночь, были и такие, которые Саре перенести было особенно тяжело.

Она испытала душевный подъем, узнав о воздушных приключениях Блейда, так не подходящих для квуэна. Потом отчет ее отца вызвал в сознании картины разрушений деревни Доло, заставив ее поискать укромное место и посидеть, обхватив голову руками. Нело жив — это прекрасно. Но многие другие, кого она знала, погибли вместе с домом, в котором она выросла.

«Ларк и Двер, мы гадали, что произойдет, когда дамба рухнет. Но я никогда не верила, что это случится на самом деле».

На какое-то время волны горя заставляли Сару держаться в стороне от всех, потом кто-то сказал ей, что пришло срочное сообщение, адресованное в особенности ей — с санкции прежнего высокого мудреца Шести.

Ариана Фу, сообразила Сара, просматривая краткое сообщение. Ифни, кому сейчас интересны размеры корабля, в котором Эмерсон разбился в болоте? Какая разница, в какой колеснице он летал, когда был звездным богом? Теперь это искалеченная душа, захваченная на Джиджо, подобно всем нам остальным.

Так ли это?

После многих испытаний этой насыщенной событиями ночи Сара только собиралась немного поспать, когда более близкие события потрясли Уриэль и все ее окружение.

На рассвете капитан порта Вуфон прислал сообщение о чудовище в гавани. Рыбообразное существо, которое после некоторых взаимных недоразумений объявило себя родичем людей.

Больше того, существо утверждает, что у него есть послание к кузнецу.

Уриэль была полна радости.

— Маленькая шпионская камера, которая так нас испугала, это привор с земного корабля! Может, джофуры нас вообще еще не нашли!

Это очень важно. Сообщали, что небесный боевой корабль снова пришел в движение и, возможно, направляется к ним. Но Уриэль не могла эвакуировать свою мастерскую: в ней продолжалась работа над несколькими проектами, и работники никогда не были так заняты.

— Я немедленно отправляюсь на встречу с землянином, — объявила кузнец.

Не было недостатка в добровольцах для ее сопровождения. Сара ехала в первом поезде. Она наблюдала, как Прити пролистывает блокнот с рисунками Эмерсона и задерживается на изображении стройных фигур с плавниками на спинах и

хвостах; эти фигуры извиваются в волнах. Рисунок, сделанный по памяти.

— Они выглядят не так, как я думала, — заметила Уриэль, изгибая свою длинную шею над плечом Прити. — До сих пор я знала о них только по описаниям в книгах.

— Надо было читать книги с картинками, — рассмеялся взрывник Курт, подталкивая локтем племянника. Но Джома продолжал прижиматься к окну рядом с Эмерсоном. Они по очереди указывали друг другу на особенности быстро меняющегося ландшафта. Звездный человек был в своем постоянном хорошем настроении и ничем не показывал, что знает о цели поездки.

Сара знала, что ее тревожит. Помимо всех своих иных бед и печалей, она понимала: птице пора лететь к себе домой.

Глядя на полного силы человека, которого она вырвала из лап смерти, Сара не видела, что еще может предложить ему. Никакого лекарства для поврежденного мозга. Единственная надежда — на возвращение к цивилизации Пяти Галактик, даже несмотря на преследование могущественных врагов. Кто не предпочтет такую жизнь жалкому существованию на этом берегу?

«Наши предки, вот кто предпочел. Экипаж «Обители» и всех остальных крадущихся кораблей».

Сара вспомнила, что сказал мудрец Пурофски всего несколько дней назад: «Это не случайность, Сара. Слишком много кораблей появилось на Джиджо за такой короткий срок».

«Свитки говорят о судьбе», — возразила она.

«Судьба! — презрительно фыркнул мудрец. — Слово, выдуманное теми, кто не понимает, как они очутились там, где находятся, и не видит, куда идет».

«Вы говорите, что знаете, почему мы очутились здесь, мастер?»

Несмотря на все недавние происшествия и трагедии, Сара обнаружила, что все еще потрясена ответом Пурофски.

«Конечно, знаю, Сара. Мне это кажется совершенно ясным. Нас сюда пригласили».

ЭВАСКС

— Глупцы! — заявил капитан-лидер. — Все, кроме одного, излучения исходят от макетов торпед, которые просто подражают излучениям космических кораблей. Это стандартная обманная тактика в глубоком космосе. Но такая хитрость на близком расстоянии не поможет.

Используйте стандартную технику, чтобы отсеять обманные излучения.

НАЙДИТЕ КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ МЫ ИЩЕМ!

Ах, Мои кольца, видите ли вы, как цвета сбегают по гладким бокам нашего капитана-лидера? Смотрите, какие они сверкающие, какие великолепные. Будьте свидетелями истинного достоинства джофурского гнева в его высшей форме.

Какое негодование! Какой эгоистический гнев! Оайлие гордились бы нашим командиром, особенно после того как мы услышали невероятную новость.

Это вовсе не макеты ракет.

Мириады объектов, которые мы зафиксировали, движущиеся из Трещины в открытый океан. КАЖДЫЙ ИЗ НИХ — НАСТОЯЩИЙ ЗВЕЗДНЫЙ КОРАБЛЬ!

Мостик затягивает испарение страха. Огромный флот из множества кораблей! Как землянам удалось раздобыть столько союзников?

Даже наш «Полкджи» не устоит перед таким количеством.

Нас превосходят во много раз!

ДВЕР

— Мне жаль, — сказала ему Джиллиан Баскин. — Решение пришлось принимать немедленно. Теперь нет времени для организации специальной высадки на берег.

Она казалась раздраженной, как будто не ожидала такой просьбы. На самом деле со второго дня на корабле Двер только об этом и просил.

Два человека плавали рядом в просторном, заполненном водой помещении, контрольной рубке звездного корабля «Стремительный». Мимо них по сферическому помещению проплывали дельфины, они дышали насыщенной кислородом водой, дышали легкими, модифицированными так, что стали почти их второй природой. У консолей и на своих рабочих местах они дышали под пузырями-куполами или через шланги, соединенные непосредственно с дыхалом. Двер эта среда казалась необычной, как во сне, но фины были в своей стихии. Напротив, Двер и Джиллиан, одетые в специальные костюмы, казались здесь совсем неуместными.

— Я здесь ничего хорошего не делаю, — повторил он, слыша слова, которые передавались в его шарообразный шлем. — У меня нет умений, которые вы могли бы использовать. Я едва дышу тем веществом, которое вы называете воздухом. И что еще важнее, меня ждут. Во мне нуждаются. Разве нельзя меня высадить в какой-нибудь лодке возле берега?

Джиллиан закрыла глаза и вздохнула — издала короткий странный набор щелчков и стонов.

— Послушай, я понимаю твое положение, — сказала она на англике. — Но мне нужно думать о сотне жизней и на ставке нечто гораздо большее. Прости, Двер. Я могу только надеяться, что ты поймешь.

Он знал, что дальнейший разговор бесполезен. Один из дельфинов с мостика позвал ее, и вскоре Джиллиан уже разговаривала с этим дельфином и лейтенантом Тш'т, решая очередную проблему.

От гула двигателей «Стремительного» у Двера чесалась голова — возможно, остаточный эффект того обращения, какому подверг его робот даников. У него нет никаких доказательств, что дела пойдут лучше, если он окажется на берегу. Но его руки, ноги и легкие тосковали по дикой местности, по ветру в лицо и по ощущению неровной грубой поверхности под ногами.

Поперек мостика вспыхнула призрачная карта. Суша сероватыми границами с обеих сторон очерчивала подводный

каньон — Трещину. Теперь глубоководная впадина полна движущимися огоньками, разбросанными, как огненные жуки, покинувшие свои ульи. Так показалось Дверу, когда свыше сотни древних буйурских кораблей спустя полмиллиона лет ожили и покинули груды мусора, в которых так долго были заключены.

Тактика знакомая. Многие животные держатся вместе, чтобы смутить хищников. Двер восхищался хитростью Джиллиан и ее экипажа и желал им удачи.

«Но я не могу им помочь. Я здесь бесполезен. Она должна меня отпустить».

Если бы он отправился с ними, была бы возможность подвести обманный корабль поближе к берегу и выпрыгнуть из него.

Но нет, он не имеет права вмешиваться в планы Джиллиан.

«Черт побери, я привык действовать! Не могу быть пассивным наблюдателем!»

Придется.

Двер пытался набраться терпения, не обращать внимания на зуд: громоздкий костюм не дает почесаться. Он наблюдал, как расходятся огоньки, большинство направляется к выходу из Трещины, в огромную океанскую пропасть — саму Помойку!

— Двигатели звездного корабля! — объявил инженер-гравитик, взбивая хвостом воду и рождая облако пузырьков. — Пассивные детекторы свидетельствуют о корабле класса «Нова» или выше, и корабль направляется к Трещине.

ЭВАСКС

Возникает осознание вместе со зловонием раздражения.

Огромный флот, которого мы на короткое время испугались, на самом деле для нас совсем не угроза. Это не боевые корабли, а списанные суда, давно брошенные как бесполезные для эффективного функционирования.

Тем не менее они нам мешают и скрывают нашу цель/добычу.

Туман разочарования прорывает поток властных феромонов.

ЗА РАБОТУ, приказывает наш капитан-лидер.

МЫ ИСКУСНЫ. МЫ МОГУЧИ. ТАК СДЕЛАЕМ ЖЕ ХОРОШО ВАШУ/НАШУ РАБОТУ.

РАЗГАДАЙТЕ ЗАГАДКУ. НАЙДИТЕ ДОБЫЧУ. МЫ ДЖОФУРЫ. МЫ ПОБЕДИМ.

ДВЕР

На дисплее появляется сверкающая точка, гораздо ярче и больше остальных, она находится выше воображаемой линии поверхности воды.

Должно быть, это боевой корабль, думает Двер. Его сознание пытается создать образ. Что-то огромное и ужасное. Когтистое и быстрое.

Неожиданно голос офицера у детектора становится резким.

— Они открыли огонь!

От яркой точки отделяются меньшие искорки.

Бомбы, понимает Двер. Он видел такое и раньше, но не в таком масштабе.

Лейтенант Тш'т выкрикивает предупреждение:

— Всем приготовиться к ударной волне!

САРА

После выхода пассажиров состав окружает отряд рабочих хунов, заполняя вагоны стопками сложенной ткани. С самого рассвета ткань отправляют в кузницу, срывая с кораблей все паруса. Но урский кузнец едва бросает взгляд на этот груз. Уриэль своей легкой походкой кентавра направляется к укромной бухте.

Густой соленый воздух на уровне моря подействовал на всех. Сара не отводила взгляда от Эмерсона, который вдохнул морской ветер и прокомментировал песней:

Буря приближается,
Она придет ночью.
Ветер крепчает,
Надо получше затянуть снасти.

Куты и склады маленького порта прикрыты густыми зарослями дыни и нектарных вьюнков — изобильной роскошной растительностью, характерной для южного тропического климата. Но улицы пусты. Все либо работают на Уриэль, либо ушли к берегу, где собралась толпа возбужденных хунов и квуэнов. Несколько хунов: самцов и самок с бородами старшинства — стоят у самого берега и разговаривают с водой, пользуясь красноречивыми жестами. Но когда группа Уриэль приблизилась, два городских чиновника расчистили дорогу.

Сара продолжала наблюдать за Эмерсоном, на лице которого до последнего момента отражалось любопытство. Но тут из воды подняло гладкую голову скользкое серое существо.

Звездный человек остановился и смотрел, быстро мигая.

«Он удивлен, — подумала Сара. — Может, мы ошиблись? И он не имеет ничего общего с кораблем дельфинов?»

Тут посланник китообразных еще выше приподнялся в воде, колотя по ней хвостом.

— Значит, это правда, — сказал рыбообразный землянин на англике с сильным акцентом, разглядывая Эмерсона сначала одним глазом, потом вторым.

— Рад видеть вас живым, инженер Д'Аните. Хотя это вряд ли казалось возможным, после того что случилось с вами во Фрактальном мире.

Признаюсь, не могу понять, как вы последовали за нами к этой забытой планете.

На лице Эмерсона отразились сильнейшие эмоции. Сара видела изумление, приступ любопытства и одновременно раздраженного отчаяния.

— К... К-К.

Отчаянная попытка заговорить кончилась стоном:

— А а... аххх.

Дельфина эта реакция как будто расстроила, он щелканьем выразил отчаяние состоянием человека.

Но Эмерсон покачал головой, обратившись к другим своим возможностям. И наконец нашел способ выразить свои чувства — в бурной песне:

Как странны пути парадокса!
Он издевается над здравым смыслом!
Мы приводим множество мудрых изречений и каламбуров,
Но ничто не превзойдет этот парадокс!

ДЖИЛЛИАН

Ультиматум забил все эфирные волны — скрежещущие звуки заполнили мостик «Стремительного», заставив зашипеть насыщенную кислородом воду. С каждой синтаксической фразой на галчетыре из воды поднимались тучи пузырьков.

Большинство неодельфинов, членов экипажа, читали перевод текста, подготовленный машиной Нисс. По главному голоэкрану плыли буквы англика и символы-глифы галсемь.

ВЫСЛУШАЙТЕ И ВОСПРИМИТЕ НАШ ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ПРИКАЗ/ПРЕДЛОЖЕНИЕ!

Джиллиан слушала на оригинальном джофурском диалекте, надеясь выяснить что-нибудь дополнительное. Это был третий повтор с того времени, как вражеский дредноут начал передачу из высоких слоев атмосферы.

ВЫ, КОГО МЫ ИЩЕМ, ВЫ СОВЕРШИЛИ ХИТРОУМНЫЕ МАНЕВРЫ, ДОСТОЙНЫЕ УВАЖЕНИЯ. В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ МЫ НЕ СТАНЕМ БОЛЬШЕ ТРАТИТЬ БОМБЫ. И ПРЕКРАТИМ БЕСПОЛЕЗНЫЙ ОСМОТР КОРАБЛЕЙ-МАКЕТОВ.

Такая перемена тактики ожидалась. Вначале враг посылал роботов в темные глубины, один за другим осматривая и уничтожая реактивированные буйурские корабли. Но Суэсси было очень просто установить мины-ловушки. При приближении робота каждый корабль самоуничтожался, прихватив с собой автомат.

Обычная иерархия боя, таким образом, была пересмотрена. Здесь, на Помойке, большие шумные корабли гораздо дешевле охотящихся на них роботов. У Суэсси наготове еще десятки кораблей, способных подняться из множества отдаленных друг от друга груд мусора. Сомнительно, чтобы джофуры могли позволить себе такие же потери роботов.

Была и оборотная сторона. Корабли-мишени — это отбросы; когда миллионы лет назад их оставили, они уже были в плохом состоянии. И только невероятная надежность галактического изготовления позволяла им еще оставаться пригодными к использованию, хотя десятки и десятки их просто перегорели, усеяв дно Помойки своими мертвыми корпусами.

МЫ НЕ СМОГЛИ ЗАСТАВИТЬ ВАС И ТЕПЕРЬ ГОТОВЫ ПРЕДЛОЖИТЬ ЩЕДРЫЕ УСЛОВИЯ.

Именно эту часть Джиллиан слушала с особым вниманием, когда передача шла первые два раза. К несчастью, «щедрость» джофуров не привлекала. В обмен на информацию, карты и образцы со «Стремительного» капитан-лидер «Полкджи» обещал крионное заключение для экипажа с гарантией оживления и освобождения всего через тысячу лет. «После того как нынешние затруднения будут ликвидированы».

Иными словами, джофуры хотели получить тайны «Стремительного» и быть уверенными, что очень долго их больше никто не получит.

Пока продолжалась передача, к Джиллиан подплыла вторая по старшинству на корабле.

— Мы смогли предоставить большинство того, что запросила местная колдунья, — доложила Тш'т. Одним из результатов контакта с местными жителями был длинный список того, в чем отчаянно нуждалась Уриэль, урский кузнец.

— Несколько кораблей-макетов направлены к берегу, как вы приказали. Каа и его новая команда разгрузят все, что просит Уриэль.

Лейтенант-дельфин ненадолго смолкла.

— Мне нет необходимости добавлять, что это увеличивает опасность для нас? Враг может зафиксировать эти передвижения и обратить внимание на хунский морской порт.

— Нисс предложил маневр для предотвращения этого, — ответила Джиллиан. — А как разделение экипажа? Как идет подготовка Макани?

Тш'т кивнула гладкой головой. Сделав перерыв в трудной подводной версии англика, она ответила на тринари:

Времена года меняют приливы,
Течение несет нас к нашей судьбе
И разделяет любящих.

К этому она добавила подчеркнутое заключение:

...навсегда.

Джиллиан поморщилась. То, что она планирует — это одна из многих ужасных возможностей, — перережет тесные связи в экипаже, который совместно начинал это великое испытание. Эпическое путешествие, о котором земляне будут слагать легенды и века спустя.

Конечно, если земляне после Времени Перемен еще будут существовать.

В сущности, у нее не было выбора. Половина неодельфинов из экипажа «Стремительного» проявляет все усиливающиеся признаки стрессового атавизма — утраты способностей, необходимых для логического мышления. Страх и усталость в конце концов сделали свое дело. Ни одна раса клиентов, такая молодая, как Tursiops amicus, не подвергалась столь тяжелым испытаниям так долго и, по существу, в одиночестве.

Пора принести жертву. Мы всегда знали, что приносить ее придется.

Помещение все еще дрожало от джофурских угроз. Если бы они исходили от какой-то другой расы, Джиллиан могла бы рассчитывать на элемент хвастовства или преувеличения, но в данном случае она буквально воспринимала все слова противника.

На голографическом экране горели угрожающие буквы.

МЫ ЕДИНСТВЕННЫЙ ГАЛАКТИЧЕСКИЙ БОЕВОЙ КОРАБЛЬ В ЭТОЙ ЗОНЕ. НИКТО НЕ ПРИДЕТ ВАМ НА

ПОМОЩЬ. И НИКАКОЙ СОПЕРНИК НЕ ОТВЛЕЧЕТ НАС, КАК БЫВАЛО В ДРУГИХ СЛУЧАЯХ.

МЫ МОЖЕМ ВЫЖИДАТЬ, ИССЛЕДУЯ И УНИЧТОЖАЯ КОРАБЛИ-ПРИМАНКИ С БЕЗОПАСНОГО РАССТОЯНИЯ. ИЛИ, ЕСЛИ СТАНЕТ НЕОБХОДИМО, ЭТОТ БЛАГОРОДНЫЙ КОРАБЛЬ ОТКАЖЕТСЯ ОТ ЧЕСТИ ПОБЕДИТЬ В ОДИНОЧКУ И ПРИЗОВЕТ НА ПОМОЩЬ ДЖОФУРСКУЮ АРМАДУ.

ОТТЯЖКИ ЛИШЬ УСИЛЯТ НАШ ГНЕВ. ОНИ УВЕЛИЧАТ ВРЕД, КОТОРЫЙ МЫ ПРИЧИНИМ ВАШИМ ЗЕМНЫМ РОДИЧАМ И ОСТАЛЬНЫМ СУНЕРАМ, КОТОРЫЕ НЕЗАКОННО ЖИВУТ НА ЭТОЙ ЗАПРЕТНОЙ ПЛАНЕТЕ.

Джиллиан подумала об Олвине, Гек и Ур-ронн, которые слушают в сухом помещении по соседству, и о Клешне, представляющем их на мостике, где он носится взад и вперед, щелкая красными когтями.

«Мы и так привлекли внимание к местным жителям, когда ротены каким-то образом выследили нас на Джиджо. Должен быть способ избавить их от наказания по нашей вине.

Скоро придет время покончить со всем этим».

Джиллиан снова обратилась к Тш'т.

— Когда придет наша очередь?

Лейтенант поговорила с офицером-тактиком и руководителем перемещений.

— Мы проскользнем между четверым и пятым кораблями-макетами примерно через восемь часов.

Джиллиан взглянула на Клешню. Его красноватый панцирь весь был покрыт пузырьками, зрительная полоска бешено вращалась, с живостью молодости воспринимая окружающее. Местная молодежь должна радоваться тому, что скоро произойдет. И Двер Кулхан тоже. Надеюсь, он будет доволен, хотя это не совсем то, чего он хотел.

Джиллиан признавалась себе самой, что ей будет не хватать молодого человека, который напомнил ей о Томе.

— Ну, хорошо, — сказала она Тш'т. — Давай отвезем детей домой.

ЛАРК

Вдвоем они оказались полуслепыми, бредя по затхлым коридорам огромного корабля чужаков, полного враждебными существами. Линг больше Ларка знала о космических кораблях, зато именно Ларк не давал им окончательно заблудиться.

На стенах очень мало символов, поэтому их знания нескольких галактических диалектов оказались почти бесполезными. Напротив, от каждого закрытого прохода на перекрестках исходил особый, уникальный запах, который чувствовался лишь на близком расстоянии. Как джиджоанец, Ларк ощущал некоторые из этих запахов и смутно определял феромоны-указатели — примерно так, как четырехлетний ребенок способен прочесть название улицы метрополиса.

Один запах напомнил ему тот, что издают прокторы-треки на Праздничной Поляне, когда им приходится прерывать драку или успокаивать разбушевавшегося пьяницу.

СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ, казалось, говорил этот знак. И Ларк уводил Линг подальше.

Однако цель определяла она. Ларк, с головой, полной запахов, охотно предоставил ей выбор цели. Несомненно, какую бы дорогу они ни выбрали, рано или поздно она приведет их назад — в тюремную камеру.

Еще три раза они сталкивались с одиночками джофурами. Но испарения пурпурного кольца делали их незаметными. Двери продолжали по приказу открываться. Дар Аскса оказался невероятно полезным. Слишком хорошим, на самом деле.

«Не думаю, чтобы он действовал долго, — рассуждал Ларк, пока они углублялись в сердце вражеского корабля. — Аскс, вероятно, рассчитывал, что он понадобится нам на мидур или около этого, чтобы выбраться наружу. Как только экипаж узнает о бегстве пленников, эта уловка перестанет помогать. Джофуры используют контрмеры».

Но тут он понял.

«А может, никакой тревоги и не будет. Джофуры могут решить, что мы уже бежали с корабля.

Может быть».

Тем не менее каждая новая встреча с блестящей грудой колец в темных переходах заставляла Ларка чувствовать себя странно. Он всю жизнь был рядом с треки, но до сих пор не понимал, насколько отлично их сознание. Как странно для разумного существа смотреть прямо на вас и не видеть, просто потому, что вы издаете правильный запах.

На следующем перекрестке он принюхался ко всем ответвлениям и нашел указатель, нужный Линг, — простой запах, означающий ЖИЗНЬ. Он указал в этом направлении, и она кивнула.

— Как я и думала. Конструкция не очень отличается от грузового типового корабля семидесятой разновидности. Они держат это в центре.

— Что держат в центре? — спросил Ларк, но она уже пошла вперед. У двух людей-беглецов было единственное оружие: у нее раненое красное кольцо треки, у него пурпурное.

Когда открылась следующая дверь, Линг на мгновение отступила от яркого света. Помещение было освещено гораздо ярче, чем полутемные коридоры. И воздух здесь гораздо лучше. Менее насыщенный, и с привкусом, который Ларк не смог определить. Первое впечатление — просторное помещение, полное разных цветов.

— Как я и надеялась, — кивнула Линг. — Стандартное расположение. У нас появляется шанс.

— Шанс на что?

Она всматривалась в помещение, и Ларк увидел лабиринт пересекающихся балок, покрытых самой разнообразной растительностью.

— Шанс выжить, — ответила Линг, взяла Ларка за руку и повела внутрь.

Их окружали джунгли, аккуратно организованные и размещенные. Вдаль уходили ряд за рядом полки и площадки, их обслуживали медленно передвигающиеся по рядам машины. Повсюду цветы, широкие листья, свисающие стебли. С некоторых зеленых тросов капала вода, и беглецы бросились к ближайшему и напились.

Теперь Ларк понял смысл запаха, который привел их сюда.

В самом сердце ада они отыскали небольшой оазис. И в тот момент он показался им раем.

ЭМЕРСОН

Ему не хотелось идти к воде. В гавани слишком лихорадочная деятельность.

Встреча с Каа и другими друзьями не казалась радостной. Он узнал доброго старого Брукиду, и Туссито, и Ваттасети. Все они были рады встрече с ним, но слишком заняты, чтобы тратить время на разговоры.

Может, это даже к лучшему. Эмерсону было стыдно.

Стыдно, что он может приветствовать их только именами и еще изредка отрывком из песни.

Стыдно, что не может помочь в их усилиях: они выгружали из моря самый разнообразный хлам, давали указания помощникам Уриэль и отправляли материалы вверх к вершине горы Гуэнн.

Но больше всего ему было стыдно из-за того, что его самопожертвование в том огромном космическом городе, сделанном из снега, пушистом метрополисе размером с солнечную систему, который называется Фрактальной системой, оказалось напрасным.

О, когда он вылетел на теннанинском разведчике, стреляя из всех орудий, чтобы отвлечь врага и дать возможность «Стремительному» ускользнуть, его поступок казался смелым и благородным. Перед тем как его окружили силовые поля, он бросил последний взгляд на любимый корпус в шрамах, который уходил в отверстие во льду, и молился, чтобы «Стремительный» смог уйти.

Джиллиан, подумал он. Может, она сейчас думает о нем. Вспоминает, как вспоминала Тома.

Потом его извлекли из маленького корабля Древние и посвоему с ним поработали. Исследовали и разглядывали. Искалечили его. Дали ему забвение.

И послали его сюда.

Очертания все еще скрыты дымкой, но теперь Эмерсон видит самую главную загадку.

«Стремительный» ускользнул и прилетел на эту заброшенную планету, только чтобы попасть в ловушку. Новое тяжелое испытание для экипажа, у которого не было ни одной передышки.

«Но зачем посылать сюда меня?»

Этот поступок Древних не имеет никакого смысла.

Всем было бы лучше, если бы он умер, как и планировал.

Вокруг толпилось все население хунского порта. Сара казалась занятой, постоянно о чем-то разговаривала с Уриэль или горячо спорила с седобородым человеком, ученым, имени которого Эмерсон не мог вспомнить.

Часто прибывали посыльные с полосками бумаги, на которые записывались сообщения семафора. Один раз галопом прискакал урский курьер, тяжело дыша, потрясенный доставленным известием. Вокруг Эмерсона слышались возгласы отчаяния, повторялось одно и то же слово — «Библос».

Все были расстроены и заняты, и поэтому никто не возразил, когда он выразил желание вернуться на поезде в кузницу Уриэль. Сара жестами дала ему понять, что он должен вернуться до заката, и он согласился. Очевидно, тогда что-то должно произойти. Сара отправила приглядывать за ним Прити.

Эмерсон не спорил. Он хорошо уживался с Прити. Они чем-то похожи. Грубоватые шутки маленькой самки шимпа, выраженные жестами, часто заставляли его смеяться.

«Эти рыбы наши родичи? — однажды жестами выразила она, имея в виду занятых серьезных дельфинов. — Надеюсь, они вкусные».

Эмерсон рассмеялся. Две расы клиентов землян постоянно соперничали, и это соперничество казалось почти инстинктивным.

Во время подъема он разглядывал механизмы, которые по просьбе Уриэль предоставили Каа и остальные. Большинство

похоже на хлам — галактические компьютеры низшего разряда, вырванные из консолей, которым могло быть сотни миллионов лет. Многие покрыты пятнами или слизью от долгого пребывания под водой. Мешанина приборов обладала одной общей чертой — они переоборудованы так, что их можно включить. Он видел это, потому что концы всех проводов обмотаны лентой, препятствующей включению. А в остальном похоже на груду мусора.

Ему хотелось сесть на пол и повозиться с этими приборами. Но Прити отрицательно покачала головой. Ей приказали не допускать этого. Поэтому Эмерсону пришлось смотреть в окно на далекие тучи, которые угрожающе наплывают с запада.

Он фантазировал, представляя себе побег, может быть, в Кси, тихое, пасторальное убежище, скрытое в обширной, полной цвета пустыне. Он мог бы выращивать лошадей и играть, может быть, изготовлять простые инструменты, чтобы зарабатывать на жизнь. И как-нибудь обмануть себя, поверить, что жизнь еще имеет смысл.

Какое-то время он чувствовал себя полезным здесь, помогая Уриэль добиться результатов в Зале Вращающихся Дисков, но теперь в нем как будто больше никто не нуждается. И он чувствует себя обузой.

Будет гораздо хуже, если он вернется на «Стремительный». Вернется пустой оболочкой. Осколком. Его манила возможность излечиться. Но Эмерсон был достаточно умен, чтобы понять, что перспективы не обнадеживающие. У капитана Крайдайки была такая же рана, и корабельный врач не в силах был устранить непоправимый ущерб, причиненный мозгу.

Но может быть... дома, На Земле.

Он представил себе голубой шар, прекрасное видение, которое хранится в сердце.

В глубине души Эмерсон знал, что никогда больше не увидит Землю.

Поезд наконец прибыл. Настроение Эмерсона ненадолго улучшилось, пока он помогал работникам Уриэль разгружать

вагоны. Вместе с Прити он вслед за урами и квуэнами пошел внутрь, по длинным, извилистым коридорам, навстречу потокам теплого воздуха. Наконец они добрались до обширного подземного грота — пещеры с отверстием в противоположном конце, выходящем на север. Внутри виднелись разноцветные всплески, напомнившие Эмерсону Спектральный Поток.

Вокруг расхаживали рабочие. Эмерсон видел группы г'кеков, сшивавших большие полотнища прочной легкой ткани. Уры прилаживали клапаны, а квуэны мощными челюстями гнули трубы. В первую из изготовленных оболочек уже вливался нагретый вулканический воздух. Оболочка раздувалась, вскоре она превратится в шар.

Эмерсон смотрел на эту сцену, потом взглянул на груду хлама, присланного дельфинами.

И на его лице появилась медленная улыбка.

К его огромному удовлетворению, урские кузнецы обрадовались, когда он молча предложил помочь.

КАА

К наступлению ночи небо раскрылось, выпустив одновременно дождь и молнии.

Подводная лодка «Хикахи» задержалась перед входом в бухту Вуфона, дожидаясь, пока первые капли дождя не начали пятнать хижины и верфи. Маскировочная ткань стала пестрой от капель, и подводная лодка направилась к берегу, к обусловленному месту встречи.

Каа плыл впереди, проводя лодку через узкий пролив между рваными рифами из полукораллов. Никто не смел отказать ему в этой чести. «Я по-прежнему главный пилот, — подумал он. — Со своим прозвищем или без него».

Тупоносый корабль повторил его поворот вокруг защитной полоски суши, а Каа продолжал плыть, мощными ударами хвоста посылая тело вперед. Это более древняя техника пилотирования, чем ныряние в специальных костюмах, не такая технологичная. Но предки Каа показывали моря-

кам людям путь к берегу таким способом, сколько помнит себя его раса.

Еще двести метров, «Хикахи», передал он с помощью сонара. Потом поворот направо на тридцать градусов. После этого еще триста пятьдесят метров до полной остановки.

Пришел холодный профессиональный ответ:

— Принято. Готовимся к причаливанию.

Когда корабль подошел к самому большому доку, команда Каа: Брукида и с полдюжины неодельфинов, которые прибыли с ним раньше и помогали выгружать снаряжение для Уриэль, поймала брошенные с него тросы. На пирсе под мрачным небом ждала небольшая группа почетных граждан и чиновников. Зонтики защищали делегатов-уров, которые жались друг к другу и поводили длинными изгибающимися шеями. Люди и хуны обходились плащами и шляпами, а остальные просто не обращали на дождь внимание.

Какое-то время Каа был занят, давая указания рулевому, который корректировал положение корабля, потом выключил двигатели. В туче пены нос «Хикахи» встал вровень с пирсом. Двери лодки раскрылись, как улыбающиеся губы.

Ярко освещенный сзади, вперед вышел один человек. Высокая светловолосая женщина, гордая походка которой словно говорила, что ей мало что осталось терять. Жизнь ничего не может отнять у нее, кроме чести. Джиллиан Баскин долго смотрела на сушу Джиджо, впервые за долгие годы вдыхая свежий воздух.

Потом повернулась и поманила улыбкой и протянутой рукой.

Появились четыре силуэта: один приземистый, другой долговязый, третий на колесах и четвертый переступающий, словно нервный жеребец. Каа знал высокого, хотя они никогда не встречались. Это Олвин, молодой писатель-«хьюмикер», подражатель людям, любитель Верна и Твена, чей дневник многое объяснил в странной смешанной культуре рас сунеров.

Ожидающие испустили радостный крик и бросились вперед.

Так — в объятиях родных, под непрерывным дождем — экипаж «Мечты Вуфона» вернулся домой.

* * *

Были и другие встречи — и расставания.

Каа отправился на корму, чтобы помочь Макани высаживать пассажиров. Каа помнил Макани моложе, теперь главный врач «Стремительного» как будто постарела и выглядела очень уставшей, когда присматривала за выросшей толпой неодельфинов, которые плескались и пищали за правым бортом корабля. Одни из них казались вялыми и апатичными, другие резвились с лихорадочной, взрывной энергией. Две сестры помогали Макани удерживать пациентов в южном углу гавани, изредка используя низковольтные разряды со своей упряжи, чтобы больные не разбегались. Регрессировавшие дельфины не проявляли никаких признаков разумности.

Каа сосчитал их — сорок шесть — и почувствовал холодок тревоги. Такая большая часть экипажа «Стремительного»! Джиллиан должна быть в отчаянном положении, если собирается оставить их здесь. У многих, возможно, атавизм временный, и им на какое-то время нужны только мир и спокойствие.

«Ну, может, они их получат на Джиджо, — подумал он. — Если, конечно, планета будет к нам такой гостеприимной, какой выглядит. И если галакты оставят нас в покое».

Став самой последней нелегальной расой сунеров на Джиджо, дельфины имеют перед предшественниками определенное преимущество. Финам не нужны здания и не очень нужны инструменты. Только самые точные галактические приборы смогут уловить резонанс их ДНК на фоне органического варева жизни, да и то лишь на близком расстоянии.

«Да, преимущества есть, — признавал Каа. — Таким образом кое-кто из наших сможет выжить, даже если Земля и ее колонии не смогут. И если даже дельфинов здесь поймают, что с того? Как мы, земляне, можем попасть в большие неприятности, чем у нас есть сейчас?»

Каа читал о местной вере в Избавление. Виды, попавшие в трудное положение, могут получить второй шанс, вернувшись в предразумное состояние, чтобы новые патроны могли при-

нять их и возвысить к лучшей участи. В качестве жизненной формы, использующей инструменты и орудия труда, Tursiops amicus насчитывают меньше трехсот лет. Глядя на толпу своих товарищей, бывших членов элитного экипажа звездного корабля, сейчас ведущих себя, как животные, Каа понимал, что дельфинам не понадобится много времени, чтобы достичь «избавления».

Он испытывал жгучий стыд.

Каа присоединился к Брукиде, который разгружал припасы Макани. Ему не хотелось встречаться с сестрами, которые могут пожалеть его из-за «утраты» Пипое. Теперь по крайней мере есть шанс отыскать ее. «Когда наша колония будет на месте, я смогу служить Макани разведчиком, патрулировать и исследовать и со временем найду Заки и Мопола. Вот тогда мы и посчитаемся».

У кормового люка и после выхода последнего дельфина продолжалась разгрузка. Возбужденные крики заполнили гавань: это еще одна группа эмигрантов последовала за Макани к пункту сборки, на скалистом островке в центре гавани. Проворные шестиногие амфибии с бахромой на жабрах. Переселенные с родного Китрупа, кикви, строго говоря, не являются сунерами. Это уже готовая предразумная форма — на самом деле истинное сокровище. Хорошо было бы с торжеством привезти их домой, на Землю, и обратиться в Галактический Институт Миграции с заявлением о принятии. Но теперь Джиллиан явно предпочитает оставить их здесь, где у них есть еще шанс.

Согласно плану, колония дельфинов и кикви несколько дней проведет в порту Вуфон, пока аптекари треки анализируют диетарные потребности новичков. Если необходимо, будут созданы новые груды треки, чтобы синтезировать нужные пищевые добавки. Затем обе группы направятся в поисках постоянного дома на каком-нибудь из островов в океане.

«Я иду, Пипое, — думал Каа. — Как только все будет организовано, ничто на Джиджо и в Пяти Галактиках не удержит меня».

Приятная мысль. Однако его тревожили другие мысли.

Джиллиан не просто освобождает корабль от не обладающих разумом пассажиров. Она оставляет на берегу всех, без кого может обойтись, ради их безопасности.

Иными словами, женщина агент Террагентского Совета задумала что-то отчаянное и, вполне вероятно, смертельное.

У Каа было тревожное ощущение, что он знает, что именно задумала Джиллиан.

ОЛВИН

Думаю, воссоединение может быть неловким, даже если оно счастливое.

Не поймите меня неверно! Не могу представить себе более счастливого момента, чем когда мы вчетвером: Гек, Ур-ронн, Клешня и я — вышли из зияющей пасти кита-лодки и увидели затененные фонари нашего родного города. Мои чувства пронизало ощущение знакомого. Я слышал, как поскрипывают мусорные корабли у причалов на волнах прилива. Ощущал запахи дынных маскировочных зарослей и дым от соседней кухни — кто-то готовит похлебку чабваш. Мои магнитные мембраны щекотало знакомое присутствие горы Гуэнн, невидимой в темноте, но мощного источника воздействия на хунское ощущение формы и местности.

Но тут послышался крик-ворчание моего отца, гулко доносящийся из тени, и ко мне устремились мать и сестры.

Признаюсь, первые мои реакции были не очень уверенными. Я был рад вернуться домой, увидеть и обнять их всех, но меня смущало внимание. К тому же было немного неловко впервые за несколько месяцев передвигаться без костыля. Когда наступил свободный момент, я поклонился родителям и протянул им пакет, завернутый в лучшую бумагу, какую я только смог найти на «Стремительном». В пакете мой детский позвоночник. Это очень важный момент. Ушел я непослушным ребенком. Вернулся взрослым, и мне предстояла важная работа.

Возвращение домой друзей было менее эмоциональным. Конечно, приемные родители Гек были рады ее возвращению из мертвых, но никто не ожидал от них, что они будут чувствовать то же, что мои родители, которые несколько месяцев назад потеряли единственного сына.

Клешня на мгновение скрестил когти с матроной из квуэнского улья, и на этом все кончилось.

А что касается Ур-ронн, то они с Уриэль едва обменялись приветствием. Тетке и племяннице было гораздо важнее побыстрее уйти из-под дождя. Они убежали в ближайший склад и сразу занялись обсуждением какого-то проекта. Уры не любят тратить время зря.

Будет ли бессердечным, если я скажу, что не мог все внимание уделять своей семье? Даже когда родные счастливо обнимали меня, я продолжал смотреть по сторонам. Мне хотелось увидеть, что еще происходит. Ведь мне — и, возможно, Гек — предстоит рассказать будущим поколениям об этих событиях. Об этой судьбоносной встрече в доках.

Были и другие встречи.

Мой новый друг человек Двер Кулхан вышел из трюма «Хикахи» — высокий, такой же крепкий, как подросток хун. В толпе зрителей послышался крик, и к нему с широко раскрытыми объятиями бросилась молодая женщина. Увидев ее, Двер был ошеломлен, потом тоже ужасно обрадовался и обнял ее. Вначале я решил, что это возлюбленная, с которой он был долго разлучен, но теперь знаю, что это его сестра, у которой тоже нашлось что рассказать о собственных приключениях.

Дождь стал слабее. Вернулась Уриэль — в сапогах и черном плаще, который закрывал ее всю, кроме кончика морды. За ней несколько хунов подгоняли стадо четвероногих животных. Глейверы. Не меньше двух десятков тварей с выпуклыми глазами толпились на пирсе, их опаловая шкура блестела. Несколько из них тащили в своих хватательных хвостах какие-то свертки, завернутые в ткань. Они не протестовали и без задержек направились к открытому люку подводной лодки.

Эту часть плана — обмен — я не понимал и до сих пор не понимаю. Мне совершенно непонятно, зачем беглецам землянам понадобились на борту глейверы.

Взамен Джиллиан Баскин попросила хунов вынести несколько больших ящиков. Я знал их содержание и почувствовал, как во мне возникает знакомое желание.

Книги. Сотни бумажных книг, только что напечатанных на борту «Стремительного». Не очень много по сравнению с ячейкой Галактической Библиотеки или даже с Великой Печатью, но ведь это новые книги — о современном положении в Пяти Галактиках и по другим проблемам по выбору Уриэль. Более чем достойная цена за стадо пожирающих насекомых глейверов!

Позже я связал этот обмен с оставленными в гавани Вуфона дельфинами и кикви и подумал: «В этой сделке гораздо больше, чем кажется сначала».

Я упоминал о рослом пленнике? Когда все направились на пир в большой зал, я оглянулся и увидел высокую фигуру, которую вели по пирсу к подводной лодке два настороженных ура. Фигура двуногая, но движется не как человек или хун, и я заметил, что руки у нее связаны. Кем бы ни был этот пленник, его поспешно ввели в «Хикахи», и больше я о нем не слышал.

Последняя встреча произошла полмидура спустя, когда мы все собрались в городском зале.

Согласно сложному плану, разработанному машиной Нисс, подводная лодка не должна была уходить немедленно, поэтому мы устроили банкет по обычаям джиджоанской Общины. Каждая раса сидела в углу шестиугольного помещения, приспособленного для ее надобностей, а отдельные индивиды могли направиться в центр зала, чтобы возобновить знакомства или обсудить природу вселенной. Пока Джиллиан Баскин беседовала с моими родителями и Уриэль, сестра рассказала, что происходило в порту Вуфон после нашего отплытия. Так я узнал, что наши школьные приятели отправились на

север и вступили в отряды милиции, пока мы, четверо любителей приключений, занимались детскими исследованиями загадочных глубин. Некоторые наши друзья погибли или потерялись в дымящихся развалинах города Овун. Другие, в основном квуэны, умерли во время эпидемии.

Болезнь хунов здесь, на юге, не смогла распространиться. Но перед поступлением вакцины один корабль поставили на якорь — в карантин, потому что у одного матроса были симптомы болезни.

И через неделю умерла половина экипажа.

Несмотря на серьезность рассказа сестры, мне трудно было уделять ему все внимание. Понимаете, я собирался с мужеством. Каким-то образом нужно сообщить семье новость, которая ей не понравится.

Я заметил в толпе Двера и его сестру, они сидели у огня и удивляли друг друга рассказами о своих приключениях. Радость встречи явно отравляла тревога, знакомая нам всем, — беспокойство о далеких любимых, судьба которых неизвестна. У меня было ощущение, что эти двое, как и я, знают, что времени осталось совсем мало.

Поблизости я увидел и нура, спутника Двера, Грязнолапого, того самого, которого Джиллиан называла титлалом. Он сидел на потолочной балке и разговаривал с другими нурами. И выражение у него было не нормальное беззаботное, а тревожное. Теперь мы, Шесть Рас, знаем его тайну: титлалы — это раса, спрятанная внутри расы, еще одно племя сунеров, обладающих полным разумом и отдающих себе отчет в своих действиях. Может быть, некоторые жертвы прошлых проделок захотят отомстить этим маленьким бесенятам? Казалось, это самая меньшая из их тревог. Впрочем, я им не сочувствовал.

Добро пожаловать в реальный мир, подумал я.

В углу зала сидел Тиуг и выпускал облака испарений. Через каждые несколько дуров синтезирующее кольцо треки выдавало еще один блестящий комок вещества, ценность которого Шесть Рас познали на собственном опыте. Например,

прибавки, поддерживающие здоровье глейверов, и другие химические чудеса, которые пригодятся экипажу «Стремительного», если чудо позволит кораблю уйти. Если бы Тиуг закончил быстро, Уриэль могла надеяться сохранить своего алхимика. Но я готов был биться об заклад, что треки хочет улететь вместе с землянами.

Пир прервался, когда через кожаные ремешки дверной занавеси вошли два больших хуна со значками проктopов и ввели, крепко держа за руки, человека — мужчину, которого я раньше никогда не видел. Для своего вида он среднего роста, со смуглой кожей и несчастным выражением лица. На лбу у него был реук, а волосы зачесаны так, чтобы прикрыть страшный шрам на виске. Сразу за ним с печальным выражением шел маленький шимпанзе.

Я был недостаточно близко, чтобы расслышать подробности, но позже узнал, что это давно потерянный член экипажа «Стремительного», чье появление на Джиджо оставалось загадкой. Он был на горе Гуэнн, помогал кузнецам Уриэль в работе над каким-то секретным проектом, когда неожиданно попытался бежать, украв летающую машину.

Когда стражники подвели его, лицо Джиллиан вспыхнуло радостным узнаванием. Она улыбнулась, хотя он морщился, словно боялся встречи. Смуглый человек повернулся, чтобы скрыть свою рану, но Джиллиан настойчиво взяла его за руки. И выразила радость от встречи с ним, поцеловав его в щеку.

Может быть, позже я узнаю больше о его роли во всем случившемся. Но сейчас времени нет, и я должен закончить рассказ до того, как «Хикахи» направится назад, к кораблю с экипажем из дельфинов. Поэтому хочу закончить кульминацией этого полного событий вечера.

Вбежал вестник. Его горловой мешок гулко и тревожно ворчал.

— Идемте! Идемте, чтобы увидеть необычное!

Все заторопились наружу и увидели, что дождь временно прекратился. В облаках образовался просвет, достаточно широкий, чтобы бледное жидкое сияние Лусена осветило склон

горы Гуэнн. Показались острые огоньки звезд, и среди них один красный циклопический глаз.

Несмотря на передышку, буря совсем не закончилась. Тучи сгущались, сверкали молнии. На западе небо покрылось сплошной чернотой, оттуда постоянно доносились раскаты грома. Через мидур буря по-настоящему обрушится на берег.

Все начали показывать. Гек подкатилась к моей правой ноге и жестикулировала всеми четырьмя глазными стебельками, направляя мой взгляд к вулкану.

Вначале я не мог понять, что вижу. Смутные призрачные фигуры подпрыгивали и приплясывали вверху. Они становились преимущественно видны, когда изогнутые силуэты закрывали звезды. Иногда их освещали молнии, и тогда становились видны шарообразные очертания, заостренные книзу. Они казались большими и очень далекими.

Я подумал, не звездные ли это корабли.

— Воздушные шары, — сказала наконец Гек. В голосе ее звучало благоговение. — Точно как в «Вокруг света за восемьдесят дней».

Забавно. Гек в этот момент казалась более взволнованной, чем когда была на борту «Стремительного», среди всех этих сверкающих консолей и гудящих механизмов. Я смотрел на флотилию хрупких воздушных шаров и гадал, что за добровольцы настолько смелы, чтобы пилотировать их в такую ночь, окруженные мощными электрическими разрядами, причем выше рыщет безжалостный враг. Мы смотрели, как десятки шаров вылетают из тайных пещер горы Гуэнн. Один за другим они ловили свежий западный ветер и плыли мимо горы, исчезая из виду.

Я был недалеко от Джиллиан Баскин и потому услышал, что она сказала кузнецу Уриэль:

— Хорошо. Вы выполнили свою часть договора. Теперь пора выполнить нашу.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ

ВУББЕН

Раздавлен. Колеса оторваны или повреждены. Из корпуса, в который заключен мозг, вытекает смазка. Движущие шпульки разбиты и лежат на земле.

Вуббен лежит рядом со своим божеством, чувствуя, как уходит жизнь.

Кажется невероятным, что он все еще жив. Когда джофурский корвет жестоко ударил Святое Яйцо, Вуббен частично уже обошел его и находился за изогнутым боком, почти по другую сторону. Но узкий проход в Гнезде создавал сильную тягу, как в дымоходе, передавал жар и делал тщетными попытки убежать.

И теперь Вуббен лежит беспомощной грудой, сознавая два обстоятельства.

Выжившим г'кекам понадобится новый высокий мудрец.

И кое-что еще.

Яйцо еще живо.

Это его удивляет. Почему джофур не прикончил его? У него для этого хватило бы сил.

Может, джофуров что-то отвлекло.

Может, они еще вернутся.

Или их убедили уйти?

Ритм излучений Яйца казался приглушенным, но более четким и ясным, чем когда-либо. Вуббен подумал, не кажется

ли это ему из-за приближения смерти. Или его разбитые шпульки, упавшие на камень, улавливают вибрации, которые неощутимы для нормальных чувств.

Хрустальная ясность призывает его, но Вуббена еще что-то непрочное привязывает к жизни. Теперь он понимает, что именно это всегда мешало мудрецам и мистикам полностью понимать священный овоид. Смертные, даже треки, вынуждены думать о продолжении, иначе нельзя правильно играть в игру существования. Но забота — это одновременно препятствие. Она влияет на чувства. Делает вас восприимчивым к шуму.

Он с радостью отказывается от этого препятствия. Сдача расчищает путь, открывает тропу, по которой он устремляется с радостью, как юноша, только что закончивший курс владения колесами и с энтузиазмом движущийся по рампе, на которой никогда не был. И ее повороты сменяются с зловещим великолепием.

Вуббен чувствует, как мир вокруг него становится прозрачным. И с абсолютной ясностью начинает постигать связи.

В легендах, в человеческих преданиях боги разговаривают с пророками, и то только на пороге смерти. Но великий камень ничего не говорит. Вуббен не слышит ни одного слова, не видит никаких образов. Однако он в состоянии проследить формы Яйца, его дрожащее единство. Как труба, Яйцо втягивает его, увлекает в недра Джиджо.

Это первый сюрприз. Исходя только из его формы, Шесть Рас считали Яйцо изолированным, что это овальный камень, вышедший из внутреннего жара Джиджо и ставший целиком частью верхнего мира.

Но это не так. Очевидно, оно все еще поддерживает связи с миром внизу.

Ошеломленное сознание Вуббена постигает царство под Склоном не как картину, но в его сущности, как огромное владение, пронизанное жаркими нитями лавы, подобными ветвям гигантского магмового леса. Эти ветви тянутся к растущим горным хребтам. А корни леса погружены в жидкие бассей-

ны, невообразимо глубокие и широкие, безмерные пространства, где расплавленные скалы постоянно перемалываются активной планетой.

Но даже здесь сохраняется ритм. И Вуббен пораженно узнает, каков источник этого ритма.

Мусор!

Глубоко под Склоном находится обширная плита из твердого камня, океанская платформа, ударяющаяся о континент и уходящая под него еще глубже, таща за собой вековые слои базальта в процессе медленной конвекции со слоями мантии. Для Вуббена этот процесс не является совершенно загадочным. Он видел иллюстрации в текстах из Библоса. Заползая, океанская плита оставляет за собой отбросы, пенную смесь воды и элементов жизни.

...и этот ритм.

Ритм мусора! Ритм древних зданий, сооружений, машин, всего того, что выброшено давным-давно, задолго до того, как буйуры получили лицензию на эту планету. Задолго даже до их предшественников.

Сами вещи давно исчезли, расплавились, стерлись, их атомы рассеяны давлением и жарой. Но каким-то образом что-то остается. Магма ничего не забывает.

Вуббен, потрясенный следствиями своего открытия, думает: мусор предположительно очищается. Когда мы бросаем свои кости и инструменты в Помойку, все это должно быть очищено огнем Джиджо. И ничего не должно оставаться!

И однако кто он такой, чтобы сомневаться, если Джиджо решает запомнить каждую населявшую ее расу, которая пользуется ресурсами планеты, ее разнообразными формами жизни, а потом улетает согласно галактическому закону?

Так вот что ты такое? — спрашивает он у Святого Яйца. Концентрат памяти? Кристаллизованная сущность видов, которые были до нас и больше не существуют?

Трансцендентная мысль, однако она приносит Вуббену печаль. Его собственная раса на краю исчезновения. Ему хо-

чется какого-то сохранения, какого-то убежища от забвения. Но для того чтобы достичь этого, нужно долго жить на тектонической планете.

А его вид бóльшую часть своей разумной жизни провел в космосе.

Значит, ты совсем не заботишься о нас, живых существах, обвиняет он Яйцо. Ты подобно тому сумасшедшему мулькпауку в горах, твое лицо обращено к прошлому.

И снова ни слова в ответ, ни образа. Напротив, Вуббен ощущает усиление связанности, которая устремляется вверх, через каналы, разогретые трением, взбирается по влажным, перегретым скалам, и тут его сознание погружается в холодное темное царство — в морские глубины, самое закрытое место.

Помойка. Вуббен ощущает вокруг себя гигантские груды мусора, оставленные недавними волнами жизни. И даже с этими реликтами буйуров Яйцо тоже связано. Вуббен чувствует, что кладбище древних машин потревожено. Груды старинных отбросов все еще дрожат от недавнего вмешательства.

Нет никакого гнева. Нет даже намека на интерес. Но Вуббен ощущает реакцию, подобную какому-то удивительному рефлексу.

Море реагирует. Потревоженные груды мусора вызвали перемены в образовании волн и приливов, в испарениях и температуре. Словно спящий гигант, тяжело реагирующий на слабый зуд, зарождается сильная буря и устремляется одновременно к поверхности и ко дну океана, унося предметы туда, где им место.

Вуббен понятия не имеет, что так раздражает Помойку. Возможно, джофуры. Или то, что Шесть Рас перестали сбрасывать мусор? Но мыслит он все медленней по мере погружения вглубь. С каждым проходящим дуром мирские тревоги все меньше заботят его.

Тем не менее кое-что еще остается. «И это все, что мы для тебя? — спрашивает он у планеты. — Зуд?»

Теперь Вуббен понимает, что Дрейк и Ур-Чоун ловко провели всех, когда сто лет назад объявили о своем «откровении». Яйцо не бог, не сознательное существо. Ро-кенн был прав, называя его частицей пси-активного камня, более сложной и упорядоченной, чем Спектральный Поток. Это концентрат, который оказался полезен для объединения Шести Рас.

Полезен во многих отношениях, но не достоин молитвы.

Мы ощущали то, что отчаянно хотели ощутить, потому что альтернатива была для нас неприемлема — признание того, что мы, сунеры, одиноки. И всегда были одни.

Это могло бы стать последней мыслью Вуббена. Но в самый последний момент пришло еще что-то. Проблеск значения, смешивающегося с затухающими вспышками нервной системы. В это последнее мгновение Вуббен почувствовал прилив непоколебимой уверенности.

Под спящими слоями лежат еще многие другие. Слои, которые сознают.

Слои, которые знают.

Отчаяние не последний его спутник. Его в быстрой последовательности сменяют —

ожидание,

удовлетворение,

осознание древнего плана, терпеливо разворачивающегося.

КАА

— А нельзя использовать кого-нибудь другого?

— Кого? Никого нет.

— Например, Каркаеттта.

— Он нужен Суэсси для работы с двигателями. Наша попытка бессмысленна, если двигатели будут работать ниже своих возможностей.

Безнадежно. Каа всегда считал, что это очень простое слово. Но, подобно концепции бесконечности, оно окружено

широким рангом оттенков значения. Он раздраженно ударил по воде. «Ифни, неужели ты действительно захватишь меня в такую ловушку? И снова потащишь через всю вселенную, когда я так хочу остаться?»

Джиллиан Баскин сидела поблизости на причале. Вспышки далеких молний периодически освещали залив, показывая, что «Хикахи» уже закрыла грузовой люк, готовясь к отплытию.

— К тому же, — добавила Джиллиан, — ты наш главный пилот. Никто лучше тебя не подготовлен.

Приятные слова, но на самом деле у «Стремительного» были пилоты и получше.

— На Китрупе Кипиру должен был остаться с экипажем. Мне следовало увести скиф с Крайдайки.

Женщина пожала плечами.

— Что было, то было, Каа. Я верю, что ты способен вывести нас с этой планеты целыми и невредимыми.

А что потом? Каа испустил полный сомнений писк. Все понимают, что попытка почти самоубийственная. И на Китрупе шансы были против, но там по крайней мере боевые флоты ити, преследующие «Стремительный», отвлекались на схватки друг с другом. И в этом водовороте боев и смятения оказалось возможным обмануть преследователей, замаскировавшись, используя пустой корпус теннанинского дредноута. Тогда замысел потребовал большого мастерства и удачи.

Здесь, на Джиджо, в космосе нет осложняющего соперничества. Нет схваток, в сумятице которых можно было бы ускользнуть. Только один преследователь, огромный и смертоносный, ищет измученную добычу.

Пока «Стремительный» в безопасности на дне океана, но какие у него шансы, когда он выйдет на поверхность?

— Не беспокойся о Пипое, — сказала Джиллиан, понимая истинную причину его нежелания. — С Макани остается несколько сильных финов. Многие из них друзья Пипое. Они не успокоятся, пока не найдут Заки и Мопола и не заставят их отпустить ее.

К тому же, — продолжала светловолосая женщина, — разве Пипое здесь не лучше? Разве ты не хочешь использовать свое мастерство, чтобы обеспечить ее безопасность?

Каа смотрел на силуэт Джиллиан, понимая, что агент Терагентского Совета использует любые средства, чтобы заставить его согласиться. Если понадобится обратиться к чести Каа или даже к его рыцарским чувствам, Джиллиан Баскин не станет колебаться.

— Значит, вы это признаете?

— Что признаю?

— Что мы приманка, ничего больше. Наша цель — принести себя в жертву.

Женщина на причале молчала несколько секунд, потом пожала плечами, высоко подняв их.

— Стоит попробовать, верно?

Каа задумался. По крайней мере она честна и откровенна — именно так подобает капитану обращаться со своим пилотом.

Целый мир, семь или восемь разумных рас, некоторые из них близки к исчезновению, и уникальная культура. Разве не стоит отдать жизнь за это?

— Наверно, стоит, — ответил он после паузы.

Джиллиан победила. Каа оставит сердце на Джиджо и с открытыми глазами полетит навстречу смерти.

И тут он вспомнил. Давным-давно она сделала точно такой же выбор. Приняла решение, которое все еще преследует ее во снах, хотя тогда тоже другого выхода не было.

Но Каа очень удивился, когда Джиллиан соскользнула с причала в воду, подплыла к нему и обняла руками за голову. Она благодарно гладила его, и кожа дельфина под ее руками вздрагивала.

— Я горжусь тобой, — сказала она. — Экипаж будет рад, и не только потому, что у нас лучший пилот в целой галактике.

Смущение польщенного Каа выразилось в сонарных вопросах, отразившихся от ближайшего пирса. Джиллиан ответи-

ла на тринари, рассеивая его растерянность, создавая почти музыкальную мелодию:

На звездных линиях
Иногда рядом с пламенем цветут снежинки.
Разве ты не чувствуешь себя Счастливчиком?

РЕТИ

Инженер-дельфин кричал из люка корабля, извлеченного из груды мусора:

— Пошли, Рети! Нужно уходить немедленно, чтобы успеть на встречу!

У Чучки были причины для возбуждения. Его установка для ходьбы дергалась и дрожала в ответ на нервные импульсы, посланные через невральный клапан. В люке было очень тесно. Здесь находились также сани, которые должны перенести их от корабля-призрака назад к «Стремительному». Конечно, если все пойдет по плану.

«Только я больше не часть этого плана», — подумала Рети.

Стоя перед Чучки, за разделяющим их порогом люка, она сняла форменную рубашку, которую дали ей как почетному члену экипажа. Вначале этот дар радовал Рети — но только до тех пор, пока она не поняла, что земляне — всего лишь еще одна партия неудачников.

Рети бросила одежду в люк.

— Скажи доктору Баскин и остальным, что я им благодарна, но отныне пойду своим путем. Удачи. А теперь убирайся.

Чучки какое-то время смотрел на нее, не в силах двигаться или говорить. Но вот зажужжали сервомоторы. Установка для ходьбы двинулась.

— Нажимай на кнопку, йии! — закричала Рети через левое плечо.

В контрольной рубке ее «муж» нажал на кнопку аварийного закрывания люка. Внутренний люк закрылся, отрезав протестующий вопль Чучки. Вскоре цепочка пурпурных огоньков

показала, что помещение заполняется водой. Открылся наружный люк.

Несколько дуров спустя она услышала шум двигателя, знакомый гул мотора саней, которые принесли их сюда. Гул стихал — машина удалялась. Рети закрыла наружный люк, чтобы помешать Чучки предпринять что-нибудь «героическое». Некоторые все еще считают ее ребенком, а многие дельфины к тому же мистически привязаны к своим патронам людям.

«Но у меня все будет хорошо. Гораздо лучше, чем с этими придурками».

От люка вели несколько низких тесных коридоров, но лишь один был освещен цепочкой ламп. По этому коридору Рети вернулась в контрольную рубку, иногда останавливаясь, чтобы погладить панель или заглянуть в помещение, заполненное загадочными механизмами. Последние несколько дней она изучала этот корабль — некогда, по словам Чучки, грузовое судно буйуров. Несмотря на беспорядок, это был один из «лучших» восстановленных кораблей, способный не только поддерживать жизнь, но и маневрировать. Все это благодаря холодным стерильным водам Помойки, способствовавшим сохранности. Прочные галактические машины могут пролежать здесь без изменений целую вечность или пока Джиджо не затянет их внутрь, под поверхность.

«Теперь он мой, — думала Рети, разглядывая свою добычу. — У меня есть собственный звездный корабль».

Конечно, это всего лишь мусор. И вероятность того, что ей удастся на нем улететь, очень мала.

Но вероятность всегда была против нее с самого рождения в грязном племени дикарей, гордившихся своим отвратительным невежеством. И особенно с того времени, как она поняла, что предпочитает быть избитой, но не станет рабой какого-нибудь грубияна с гнилыми зубами и умом животного.

Потом Рети неоднократно испытывала разочарования. Но теперь она видела, что общего было во всех ее неудачах. У нее ничего не получалось потому, что она верила кому-нибудь —

вначале мудрецам Общины, потом ротенам и, наконец, этому сброду — беспомощным землянам.

Но теперь все это в прошлом. Теперь она поступает так, как поступала всегда, — рассчитывает только на себя.

Контрольная рубка примерно тридцать шагов в ширину, в ней дюжина широких инструментальных консолей. Все темные, за исключением одной, ярко освещенной. К этой консоли подведены провода и импровизированные соединения. Поблизости на полу портативная установка создает голограмму — карту ближайшего окружения древнего корабля. На карте множество огоньков движется над хребтами и впадинами океанского дна.

Большинство кораблей-приманок идет на автопилоте, но некоторые обладают большей подвижностью, на них команды добровольцев, которые ведут корабли согласно плану, разработанному машиной Нисс. Ум Рети и ее проворные руки были полезны Чучки, они возмещали ей недостаток образования. И теперь она чувствовала, что имеет право на этот корабль.

...привет, капитан!

Ее единственный спутник приплясывал на инструментальной консоли, едва не наступая на клавиши и переключатели. Маленький самец ур приветствовал ее с искренней радостью.

...мы это сделали! Как пираты равнин! Как в легендах о воинах-тетках! Теперь мы свободны. Больше никаких нуров. Никаких кораблей с любящими воду рыбами!

Рети рассмеялась. Когда ей становится одиноко, рядом всегда оказывается йии. Он может ее подбодрить.

...куда теперь, капитан? — спросило миниатюрное создание. — Улетим с Джиджо? Направимся в какое-нибудь хорошее солнечное место — для перемены?

Она кивнула.

— Таков замысел. Только нужно еще немного потерпеть.

Вначале «Стремительный» должен подобрать Чучки и остальных разбросанных работников. У Рети было впечатление, что земляне ждут каких-то событий на берегу. Но услышав

ультиматум джофуров, она поняла: Джиллиан Баскин вскоре вынуждена будет действовать.

«Я им помогла, — размышляла она. — И не стану мешать их планам, ну, не очень помешаю.

Но в конечном счете все это не имеет значения. Все знают, что их поджарят, когда они попытаются улететь. Или их поймают джофуры, как лиггер хватает детеныша галлейтера.

Никто не может винить меня в том, что я пытаюсь отыскать свой выход из западни.

А если кто-нибудь винит?»

Рети рассмеялась при этой мысли.

«В таком случае пусть попробуют перепукать треки, а мне все равно. Этот корабль мой, и с этим никто ничего сделать не сможет!»

Она улетит с Джиджо — так или иначе, но улетит!

ДВЕР

Ночью небо трещало.

Через неравные промежутки волосы его внезапно вставали дыбом. Статические разряды гулко ударяли по оболочке шара, светло-синие огоньки бегали вверх и вниз по тросам, танцуя, как возбужденные чертенята. Однажды мерцающий зеленовато-белый шар больше мидура летел за ним по небу, повторяя каждый подъем, каждое падение и поворот по ветру. Двер не мог сказать, находится ли он в полете стрелы от него или в нескольких лигах. Призрак исчез, когда между ними прошел дождевой шквал, но Двер продолжал нервно поглядывать, ожидая его возвращения.

Грандиозные версии той же могучей силы вспыхивали во всех направлениях — но до сих пор с безопасного расстояния. Двер начал подсчитывать мидуры между каждой яркой вспышкой и последующим грохотом. Когда интервал становился меньше, гром сотрясал шар, как ребенок тряпичную куклу.

Уриэль установила приборы таким образом, чтобы шар летел над бурей, во всяком случае, по приблизительным рас-

четам ее компьютера из вращающихся дисков. Буря разряжала свою ярость ниже, в плотных тучах, протянувшихся от горизонта до горизонта.

Тем не менее это означало, что приходится проходить и через освещенные луной разрывы в тучах. Вокруг возвышались могучие тепловые механизмы бури — кипящие тучи, чьи вершины касались границ пространства.

Безумно опасное, это зрелище было самым возбуждающим в жизненном опыте Двера — а может, и в опыте звездных богов Пяти Галактик. Дверу хотелось вскарабкаться по обшивке, чтобы лучше видеть величие природы. Чтобы ураган развевал его волосы. Чтобы кричать в ответ, когда кричит буря.

Но он не свободен. У него есть долг.

И поэтому Двер поступал, как ему велели, теснился в проволочной клетке, изготовленной кузнецами и привязанной к плетеной корзине, которая висит под огромным воздушным шаром. Металлическая оболочка предположительно должна защитить его от не слишком сильных ударов молнии.

А что, если молния разорвет сам шар? Или зажжет топливный цилиндр? Или...

Негромкое щелканье предупредило Двера, что нужно закрыть лицо: полдура спустя сработал датчик, прикрепленный к альтиметру. Столб пламени взвился вверх, пополняя шар горячим воздухом и удерживая его на безопасной высоте.

Конечно, эта «безопасность» лишь сравнительная.

— Теоретически этот экипаж может перенести тевя через Риммер и дальше, за Спектральный Поток, — объясняла ему кузнец. — После этого молнии уже не будут представлять опасность. Тогда ты сможешь покинуть клетку Фарадея и вести шар, как мы тевя научили.

«Как они меня научили за каких-то торопливых полмидура», — подумал Двер, одновременно поспешно готовя к старту последний шар.

Остальные шары намного опередили его — флотилия легких кораблей быстро разлеталась, подхваченная различными потоками воздуха, но все двигались в одном общем направле-

нии. На восток — под действием почти ураганных ветров. Дважды он видел вспышки в том направлении. Такое пламя нельзя объяснить только молнией. Неожиданные всплески огня цвета охры свидетельствовали, что там далеко взорвался воздушный шар.

К счастью, на всех этих шарах нет экипажей, только инструменты, снятые с брошенных кораблей. Двер оказался единственным на Джиджо безумцем, согласившимся лететь в такую ночь.

Им нужен был доброволец, которого можно потерять. Кто-то должен наблюдать и доложить, удалась ли хитрость.

Он не сердился на Уриэль и Джиллиан. Вовсе нет. Двер создан для такой работы. Она необходима. И полет перенесет его примерно в нужный район.

«Туда, где во мне нуждаются.

В Серые Холмы».

Что могло произойти с Леной и Дженин за то время, что он провел в плену у безумного робота, сражался в болоте с джофурами, а потом оказался на борту земного корабля на дне океана? Сейчас женщины должны уже объединить племена сунеров людей и уров. И возможно, далеко увести их от бассейнов гейзеров, где встретил свою смерть Дэйнел Озава. Могут потребоваться месяцы, чтобы выследить их и найти, но это не имеет значения. У Двера есть лук и припасы. Его опыт позволит справиться с этой задачей.

«Мне нужно только оказаться приблизительно в том районе, допустим, в радиусе ста лиг и, добираясь туда, не сломать шею. Я смогу охотиться и собирать пищу. Сберегу пасту треки на будущее, на случай если поиски затянутся до зимы».

Двер пытался обдумывать планы, решать проблемы, которые может предвидеть, сложности исследования и выживания в дикой местности. Но мысли его все время возвращались к безумному полету в ночном небе или к печальному расставанию, предшествовавшему этому полету.

Какое-то время они с Сарой пытались подобрать слова, рассказывали о своих приключениях, делились новостями о

друзьях, живых и умерших. Она рассказала то немногое, что знала о Нело и их разрушенном родном поселке. Он описывал, как Ларк спас его во время снежной бури — так давно, что это казалось другим веком.

Но над их встречей все время нависало сознание, что она кратковременная. Каждому из них нужно будет уходить. У каждого дело с ничтожной надеждой на успех, но их призывает долг и любопытство. Двер всю свою взрослую жизнь прожил таким образом, но ему потребовались большие усилия, чтобы понять: сестра пошла по той же дороге, только в гораздо больших масштабах.

Он все еще может попытаться отговорить Сару от ее намерения — возможно, самоубийственного — присоединиться к землянам в их отчаянной попытке прорваться. Но в том, как она держалась, было что-то новое — спокойная готовность, которая возвращала Двера в детство. Тогда они сопровождали Ларка в охоте за ископаемыми, и Сара была самой выносливой и неукротимой. Ее мысли всегда уходили за пределы его понимания. Быть может, наступило время ей шагнуть в те галактики, которые заполняют ее мысли.

— Не забывай о нас, когда станешь звездным богом, — сказал он ей перед последним объятием.

Она ответила хриплым шепотом:

— Передай мою любовь Ларку и... — Сара закрыла глаза и обняла его. — ...и Джиджо.

Они цеплялись друг за друга, пока урский кузнец не сказала, что это последняя возможность улететь.

И когда шар взлетел, Двер увидел гору Гуэнн такой, какой никогда не видел. Молнии сверкали над Спектральным Потоком, вызывая иллюзорные картины, которые запечатлевались на сетчатке глаз.

Двер видел сестру — маленькую освещенную сзади фигуру у входа в пещеру. Она слишком горда, чтобы плакать. И слишком сильна, чтобы притворяться. Каждый знал, что другого, вероятно, ждет забвение. Каждый сознавал, что это их последняя встреча.

«Я никогда не узнаю, жива ли она», — подумал Двер, когда тучи закрыли огромный вулкан, заполняя ночь сверкающими арками. Посмотрев вверх, в разрыв между тучами, он увидел часть созвездия Орла.

И вопреки боли разлуки Двер улыбнулся.

«Так лучше.

Отныне и до дня своей смерти я буду представлять ее себе там. Живущей в небе».

ОЛВИН

Как оказалось, мне ничего не пришлось объяснять родителям. Джиллиан и Уриэль уже поговорили с ними — до того, как настало время расставаться.

Они объяснили, что должны быть представлены все Шесть Рас. И пусть будет, что будет.

А я заслужил право представлять Джиджо. И мои друзья тоже.

Да и кто лучше подготовлен для рассказа о Джиджо?

Му-фауфк и Йоуг-уэйуо пришлось согласиться с моим выбором. А разве Джиджо безопасней схватки с джофурами в космосе? К тому же у меня взрослый позвоночник. Теперь я могу принимать собственные решения.

Мама повернулась ко мне спиной. Я погладил ее острия, но она заговорила, не поворачиваясь ко мне:

— Спасибо, что вернулся из мертвых. Окажи нам честь своими детьми. Назови своего первенца в честь твоего двоюродного деда, который был капитаном «Ауф-Вубуша». Цикл должен продолжаться.

И с этими словами она позволила сестре увести ее. Ее приказ одновременно тронул и позабавил меня, и я подумал, смогу ли когда-нибудь его исполнить.

Папа, спасибо ему, оказался более философски настроен. Он сунул мне в руки сумку — все свое собрание книг авторов новой волны — писателей хунов, уров и г'кеков, которые недавно начали совершенно уникально выражать себя на печатных страницах.

— Это напомнит тебе, что не только люди создают нашу культуру. В гармонии не одна только линия, сын мой.

— Я это знаю, папа, — ответил я. — Я не совсем хьюмикер.

Он кивнул, добавив низкое ворчание:

— Говорят, мы, хуны, до того, как наш крадущийся корабль пришел на Джиджо, были педантичными, скучными и тяжеловесными. Легенды утверждают, что у нас не было слова «веселье».

Если это правда — и если ты встретишься с нашими звездными родичами, расскажи им о море, Хф-уэйуо! Расскажи о том, как паруса ловят ветер. Этот звук недоступен никакому двигателю.

Научи их вкусу жалящей пены. Покажи им то, что никогда не показывали им наши патроны.

Это будет наш дар — нас, счастливых проклятых, — тем, кто не знает радости в небе.

У остальных расставание прошло легче.

Квуэны привыкли посылать своих самцов в рискованные предприятия ради блага всего улья. Впрочем, мать Клешни украсила его панцирь благородной мозаикой и оправила в хорошем стиле.

Уры больше всего заботятся о своей работе, о верности своим избранным друзьям и о самих себе. Ур-ронн не пришлось терпеть сентиментальность. Отчасти из-за дождя, они с Уриэль расстались очень быстро. Уриэль теряла свою лучшую помощницу, но приобретала достойную компенсацию.

Приемные родители Гек попытались выразить печаль при расставании, но даже искренняя привязанность к приемной дочери не могла заставить их горевать. Хуны не люди. Мы не можем распространять самые близкие отношения на тех, кто не наш по крови. Наша привязанность глубже, чем у землян, но ограниченней. Может, это наш недостаток.

И вот мы впятером, как официальные представители и как взрослые, снова взошли на борт лодки. Я сменил позвоночник, Клешня сбросил детский панцирь, Ур-ронн не прихора-

шивалась, но мы все заметили, что ее сумки больше не девственно белые, но голубые и в них бьется и потягивается ее новый муж.

Гек сама принесла собственный символ взрослости — узкую деревянную трубку, запечатанную воском с обоих концов. Скромно выглядящая, это была, возможно, самая важная вещь, которую мы брали с собой со Склона.

Когда я вступил в подводную лодку, на плече у меня была Хуфу. Я заметил, что нур-титлал Грязнолапый тоже присоединился к нам, хотя казался определенно расстроенным. Может, его изгнали остальные за то, что выдал их древнюю тайну? Или он, подобно нам всем, вознагражден великой честью — жить или умереть за Джиджо?

Когда большие двери закрылись, отрезав нас от гаванских фонарей, нашего поселка и грозового неба, Сара Кулхан стояла в шлюзе между своим шимпанзе и раненым звездным человеком.

— Что ж, сейчас по крайней мере гораздо удобней, чем в прошлый раз, когда мы погружались в выдолбленном бревне, — заметила Гек.

Из ножных щелей Клешни раздался негодующий свист.

— Хочешь удобств? Бедный маленький г'кек хочет, чтобы я унес ее на спине и уложил в постельку?

— Заткнитесь, вы ова! — рявкнула Ур-ронн. — Как Ифни могла дать мне в компанию таких невежд?

Я поворчал, чувствуя странное удовлетворение. Хуфу плотнее прижалась ко мне. Единственное, что осталось неизменным с тех наивных дней, когда мы были подростками и мечтали о приключениях в нашей «Мечте Вуфона», это перебранки моих друзей. Приятно сознавать, что есть кое-что и неизменное в пространстве и времени.

Увы, подлинную разницу между прежним погружением и этим Гек не назвала.

Тогда мы искренне верили, что у нас есть хорошие надежды на возвращение.

На этот раз мы знали, что таких шансов нет.

ЭВАСКС

Гремит тревога! Инструменты громко предупреждают об опасности!

Смотрите, Мои кольца, как наш капитан-лидер отзывает роботов и те груды, что были заняты исследованием глубоководной траншеи.

Теперь у нас гораздо более серьезные заботы!

Много дней детекторы сознания просеивали глубины, пытаясь отделить добычу от многочисленных кораблей-макетов. Мне/нам даже пришло в голову, что земного корабля может и не оказаться среди этих движущихся огоньков! Оперировать на расстоянии кораблями они могут не через обычные электрические каналы, а пользуясь своей дьявольской способностью управлять звуками.

Я/мы учусь/учимся осторожности. Я не стал сразу излагать свое предположение капитану-лидеру.

Почему Я воздержался? Наше внимание привлекли некоторые соображения. Те, кто обладает властью, часто просят подчиненных говорить им правду и сообщать все свои предположения. Но на самом деле они не хотят слышать противоположное мнение.

К тому же наша груда-тактик утверждает, что шансы на обнаружение добычи очень велики. В худшем случае еще один день. А мы, на «Полкджи», можем немного подождать.

Могли, пока не обнаружили непонятное вторжение. И чужаки могут прийти только из Пяти Галактик!

— Их по крайней мере шесть шестерок!

Так заявляет оператор детектора сознания.

— Они висят почти неподвижно не более чем в пятнадцати планетарных градусах к востоку. Мгновение назад их здесь не было. А в следующее — они появились!

Офицер-связист испускает пары сомнения.

— Ни Я/мы, ни наши спутники ничего не заметили. Возможны две гипотезы: ошибаются либо наши торы, либо наши инструменты.

Но стандартная проверка не обнаруживает никаких неисправностей.

— Они могли подавить память наших спутников, — предполагает груда-тактик. — Наряду с совершенной маскирующей технологией.

— Возможно, — прерывает другая груда, офицер-гравитик. — Но гравитику так легко не обмануть. Если здесь есть шесть шестерок кораблей, то они не больше судов типа шестнадцать. В таком случае они нам не пара. Мы немедленно можем уничтожить всю флотилию.

— Поэтому они действуют украдкой? — спрашивает капитан-лидер, выделяя феромоны, устанавливающие спокойствие в напряженной атмосфере. — Может, на пределе обнаружения поджидают подкреплений?

Мы не можем игнорировать такую возможность.

И когда мы начинаем величественно двигаться на восток, с бульканьем всплывает новая мысль. Полоска воска, выделенная нашим некогда мятежным вторым кольцом сознания.

В чем дело, Мое кольцо?

Ты вспомнило, как варвары сунеры вызывали наши корветы, и не один раз, а дважды, используя цифровое сознание, чтобы привлечь наше внимание?

Первый раз они попытались подкупить нас, указав место, где скрываются г'кеки.

А второй раз? А, да. Это была приманка, заманившая наш корвет в ловушку.

ОЧЕНЬ УМНО, МОЕ КОЛЬЦО!

Да, но сравнение здесь не подходит.

На этот раз источников много.

Они сильнее, и цифровое сознание имеет все признаки примитивных корабельных компьютеров.

Но главное, Мое бедное кольцо, разве ты не слышало, что сказал наш оператор?

Эти сигналы не могут издавать отсталые сунеры.

ОНИ ЛЕТЯТ!

САРА

— Гравитика!

Офицер дельфин забил плавниками.

— Признаки передвижения! Большой излучатель покидает свою стационарную позицию. Корабль джофуров движется на восток на двух махах. Высота десять километров.

Сара смотрела, как воспринимает эту новость Джиллиан Баскин. Новость соответствует плану, однако светловолосая женщина как будто никак не прореагировала.

— Хорошо, — ответила она. — Сообщайте мне о любых изменениях вектора. Оператор макетов, вводите программу расхождения номер четыре. Начинайте медленно поднимать корабли.

Наполненное водой помещение не похоже ни на какой «мостик», о которых Сара читала в древних книгах. Земной корабль контролируется из помещения, куда люди могут войти только в аппаратах для дыхания. Все здесь рассчитано на дельфинов. Это их корабль, хотя им командует женщина.

От затхлого запаха у Сары свербит в носу, но когда она поднимает руку, чтобы почесаться, рука упирается в прозрачный шлем, в пятнадцатый раз заставляя ее вздрогнуть. От пузырчатой жидкости на обнаженных руках и ногах Сары мурашки. Но у нее в сознании нет места для раздражения, страха или клаустрофобии. Помещение, в котором она находится, слишком странное, чтобы вызывать такие привычные реакции.

Общие очертания и размеры «Стремительного» все еще остаются для нее загадкой. Она только раз бросила взгляд на корпус — когда смотрела в иллюминатор, а подводная лодка осветила прожектором место встречи, — и увидела загадочный, усеянный выступами цилиндр, похожий на гигантскую гусеницу

твелк. Черная поверхность корабля не отражала свет, а словно поглощала его. Когда Каа и другие дельфины в своих паукообразных установках для ходьбы выходили из лодки и направлялись на свои рабочие места, просторный входной шлюз был почти пуст. Из всех помещений корабля, кроме мостика, почти вся вода была выкачана, чтобы максимально уменьшить вес.

Стены дрожали в ритм с работой двигателей — далеких родственников тех, что были на фабрике ее отца или на пароходах города Тарек. Сходство глубокое, оно словно заложено в крови Сары.

— Боевой корабль проходит над горами Риммер. Вскоре уйдет с прямой линии наблюдения.

— На это не очень надейтесь, — напомнила Джиллиан экипажу. — У нас над головой их спутники. Продолжайте программу расхождения номер четыре. Каа, подведи нас к восточному краю группы.

— Слушаюсь, — ответил молодой пилот. Он легко шевелил плавниками и хвостом, не проявляя ни малейших признаков напряжения. — Суэсси докладывает, что двигатели работают нормально. Гравитика заряжена и готова.

Сара взглянула на ряд экранов, на которых изображались другие части корабля. Вначале каждый дисплей казался невообразимо маленьким, но шлему потребовалось легкое движение глаз, и изображение, на котором она фокусировала зрение, тут же увеличивалось, становилось четким и трехмерным. На большинстве экранов пустые помещения, с еще влажными стенами. Недавно они были заполнены водой. Но машинное отделение полно лихорадочной деятельностью. Сара узнала Суэсси по уникальной внешности — торс из клинообразных плит, увенчанный сверкающим куполом, в котором заключено то, что осталось от головы. Одна человеческая рука устремлена к панели. Суэсси напоминает фину-оператору о каких-то необходимых действиях.

Та же самая рука обняла Эмерсона после причаливания «Хикахи». Рука дрожала, сжимая вернувшегося блудного звездного человека. Сара не знала, можно ли ей заплакать.

Эмерсон и Прити тоже там, своими проворными руками помогают Суэсси. Сара видела, как они работают в тени в сопровождении Ур-ронн. Молодая самка ура что-то подносит занятым инженерам. Эмерсон, занятый работой, казался чуть счастливей. В конце концов, на этих палубах и среди этих машин он провел много лет. Но с самого возвращения на корабль Сара не видела его улыбки, к которой так привыкла. Впервые он, казалось, стыдится своего увечья.

Этим людям, должно быть, отчаянно нужна помощь, если они привлекли к работе шимпанзе, урского кузнеца и бессловесного калеку. Остальная молодежь из Вуфона тоже занята, выполняя поручения и присматривая за стадом глейверов, стараясь, чтобы животные в незнакомом окружении оставались спокойными.

«Кажется, я самая бесполезная из всех. Одно Яйцо знает, что я здесь делаю».

Винить нужно мудреца Пурофски, чьи космические рассуждения оправдывают ее пребывание на борту у отчаявшихся землян. «Даже если его рассуждения справедливы, что я могу сделать относительно планов буйуров? Особенно если наша миссия самоубийственна».

Офицер у детектора запищал, взбивая пузыри плавниками.

— Главный источник гравитики ускоряется! Корабль джофуров приближается к позиции подвижного наблюдателя.

«Подвижный наблюдатель, — подумала Сара. — Это Двер».

Она представила себе его, в хрупкой корзине, одного в просторном небе, окруженного яростью природы, а гигантский корабль устремляется к нему.

«Укройся, младший брат. Сейчас начнется».

ДВЕР

Теперь, когда наконец Риммер оказался позади, буря немного стихла и на небе иногда были видны звезды. Просветы расширялись. Со временем Двер увидел на востоке бледное свечение. В сероватом свете внизу виднелась обширная равнина раскачивающихся острых стеблей-лезвий.

Двер вспомнил, как несколько месяцев назад шел по этой самой негостеприимной равнине, сопровождая Дэйнела, Лену и Дженин к Серым Холмам. От этого похода у него до сих пор шрамы: стебли разрезали одежду и тело.

Конечно, полет в воздухе — гораздо лучший способ путешествия. Разумеется, если переживешь удары молний, и раскаты грома, от которого ноют зубы, и ужасные соприкосновения с горными вершинами, торчащими в ночи, как гигантские зубы, готовые ухватить лакомый кусочек.

Возможно, передвижение пешком все же предпочтительней.

Двер немного отпил из бутылки с водой. Рассвет означает, что пора приготовиться. Когда первые лучи коснутся шаров, проснутся спящие механизмы и замкнут электрические цепи.

Сейчас джофуры уже должны двигаться.

Двер поднял руку и коснулся реука, который ему дали перед отлетом. Реук опустился на глаза, и тотчас окружающее изменилось. Контрасты усилились. Дымка на горизонте исчезла, и Двер смог посмотреть на восходящее солнце, увидел вдали с десяток воздушных шаров, уцелевших в буре, которая занесла их так далеко, и теперь разбросанных по всему восточному горизонту.

Двер достал из сумки на поясе четыре кристалла и вставил в корзину гондолы, так что каждый отражал косые лучи восходящего солнца. На поясе у него висел молоток, но он пока оставил его там, глядя мимо шаров и пытаясь разглядеть очертания Серых Холмов.

«Я иду, Дженин. Скоро буду, Лена.

Мне нужно только преодолеть еще несколько препятствий».

Он пытался представить себе их лица, глядя в будущее, а не в жестокое прошлое. В его рюкзаке лежит чувствительный камень, который оживет в канун зимнего солнцестояния, если произойдет чудо и мудрецы дадут сигнал, что все в порядке. К этому времени Двер должен найти Лену и Дженин и помочь им подготовить изолированное племя к ожидающей его судьбе — возвращению на Склон либо к жизни в укрытии в дикой местности.

«В любом случае я подготовлен именно к такой работе. Я знаю, как выполнить такую обязанность».

Впрочем, он обнаружил, что не может успокоиться. По какой-то причине Двер почему-то вспомнил о Рети, этой вспыльчивой девушке сунере, которая решила остаться с экипажем «Стремительного». Неудивительно: больше всего в жизни она хочет улететь с Джиджо, а это казался наиболее вероятный, хотя и рискованный способ.

Но Двер думал об их совместных приключениях в прошлом: как их захватил робот даников, когда Двер переносил машину через реки, надевая ее как шляпу и используя свою нервную систему в качестве проводника силового поля.

И сразу понял. Это воспоминание не случайно. Не произвольная ассоциация.

Это предупреждение.

Холодок пополз по спине. Странно знакомое ощущение.

— Дерьмо! — воскликнул он, поворачиваясь на запад.

Как раз вовремя, чтобы заметить, как что-то огромное, синее и круглое, похожее на лицо демона, пронеслось над вершинами Риммера и молча, обгоняя звук, устремилось к нему.

Все равно что увидеть полет стрелы, нацеленной точно тебе в нос. В мгновения звездный корабль вырос и заполнил собой весь мир.

Двер закрыл глаза, готовясь к столкновению.

Проходили кидуры — по два на каждый удар сердца. Примерно через двадцать кидуров гондола покачнулась от звукового удара, который сотрясал ее, словно гром.

Но только звук. Никакого столкновения.

Он, должно быть, пролетел мимо!

Двер заставил себя открыть глаза, повернуться.

И увидел его на востоке. Корабль летел к шарам.

Теперь Дверу стало видно, что гигант летит на большой высоте. Неминуемое столкновение было только миражом. Корабль миновал Двера больше чем на лигу и даже не заметил его.

Но шары-приманки он не может миновать, подумал Двер. Они хорошо видны.

Блейд, его товарищ по детским играм, сообщил, что для инструментов джофуров шары кажутся прозрачными. Но это было ночью. Сейчас уже почти день. Конечно, сейчас они видят воздушные шары.

А может, и нет. Двер вспомнил, в какое возбуждение идея шаров привела машину Нисс, которая хорошо разбирается в джофурах. Может быть, Джиллиан Баскин хорошо знала, что делает.

Идея заключалась в том, чтобы сбить джофуров с толку. Заставить их искать предполагаемые вражеские корабли, которые приборы едва могут обнаружить.

И действительно, космический титан начал сбрасывать скорость, облетая местность по широкой спирали. Какая-то оболочка словно изгибала все световые лучи, проходящие в половине радиуса от гигантского шара. В реук было видно, что это что-то вроде щита — по-видимому, это и есть основа убеждения джофуров в своей неуязвимости.

Двер протянул руку к молотку на поясе и принялся ждать.

ЛАРК

Ему хотелось продолжать любить ее.

Да и кому не захотелось бы: ведь Линг так дрожала, так прижималась к нему с криками, которые противоречат ее образу утонченной звездной богини. Он тоже испытал сейсмический толчок страсти. Страсти, которая затрагивала что-то дикое внутри. Потом последовало благословенное освобождение, не оставившее ни одной разумной мысли.

Вопреки страшной опасности, заключенный в корабле, полном смертельными врагами, Ларк чувствовал себя прекрасно. Так хорошо он себя не чувствовал с...

Да вообще никогда в жизни. Почему-то кульминация не заставила его расслабиться, но наполнила энергией, возбуждением, какого он никогда раньше не испытывал. «Вот и конец моего обета безбрачия, — подумал он. — Конечно, обет давался ради Джиджо. А мы больше не на Джиджо».

Он потянулся к Линг. Но та остановила его поднятой рукой и села. Груди ее блестели от пота.

В глазах ее была настороженность. Уши дергались, прислушиваясь.

Их окружали джунгли — поддерживаемые решеткой лесов, заполняющей помещение больше искусственной пещеры Библоса. Лабиринт фантастической, невероятно разнообразной растительности почти заполнял все помещение. В дальнем углу, за которым, очевидно, хуже ухаживали машины, беглецы устроили себе гнездо. Линг, хорошо подготовленный космобиолог, без труда отыскала несколько видов фруктов и клубней, которые можно есть. Здесь они могут прожить недели или месяцы, а может, и весь остаток жизни. Если не вмешается вселенная.

Что она, конечно, и сделала.

— Они включили защитное поле, — сказала Линг. — И мне кажется, полет замедляется.

— Откуда ты знаешь? — Ларк прислушался, но не заметил никакой разницы в мешанине звуков, более сложной, чем в зеленых джунглях.

Линг натянула порванное платье — свою единственную одежду.

— Пошли, — сказала она.

Со вздохом он надел собственную рваную рубашку. Подобрал кожаный ремешок с подвешенным амулетом — осколком Яйца, который отколол еще ребенком. Впервые за многие годы он подумал, стоит ли его надевать. Если корабль покинул Джиджо, может, и он теперь свободен от этого бремени любви-ненависти?

— Идем! — Линг уже шла по проходу в лесах, направляясь к выходу. В перевязи из оторванного куска ткани она несла раненый красный тор — одно из двух колец, данных Асксом.

Ларк надел ремешок на шею и протянул руку к мешку, в котором лежало пурпурное кольцо и другое их имущество.

— Иду, — ответил он, выбираясь из гнезда и думая, вернутся ли они в него когда-нибудь.

* * *

Теперь Линг знала, где они находятся. Ларк принюхивался на перекрестках, пурпурное кольцо служило ключом, и поэтому им было нетрудно продвигаться на «север» по оси корабля. Дважды они ускоряли движение, пользуясь трубами-лифтами. У Ларка все переворачивалось в животе, когда его тело стремительно уносилось в темный туннель. Но приземление всегда было мягким. И что еще лучше, в пути они не встретили ни одного джофура или робота.

— Они на своих местах по боевому расписанию, — объяснила Линг. — Сюда. Их контрольная рубка должна находиться под этим уровнем. Если я права, должна быть обсервационная галерея.

Ларк уловил странно знакомый запах, подобный тому, что издают треки, входя в Библос.

Линг указала на один из редких символов, написанных на стенах. Она воскликнула:

— Я была права!

Ларк и раньше видел этот глиф — лучистая спираль с пятью изогнутыми рукавами. Даже падшие расы Джиджо знали, что он означает. Это Великая Галактическая Библиотека. Символ одновременно терпения и знаний.

— Быстрей! — торопила Линг, когда он прикладывал пурпурное кольцо к входной пластинке. Дверь отошла, давая доступ в тускло освещенное помещение. Свет сюда пробивался через широкое окно, прямо напротив двери. Потребовалось несколько шагов, чтобы пройти помещение и посмотреть через стекло на ярко освещенное пространство внизу. Зал, заполненный джофурами.

— У многих больших кораблей есть обсервационные галереи, как та, в которой мы сейчас, — негромко объяснила Линг. — Они для чиновников Институтов, если они оказываются на борту, скажем, в инспекционных поездках. Но почти все время на галерее находится только наблюдатель.

— Кто?

Линг показала налево, и Ларк увидел куб высотой примерно с рост человека, с единственной темной линзой посредине, направленной в сторону рубки джофуров.

— Это ИРП — или «исключительно регистрирующая память». Свидетель. Предполагается, что на любом корабле большого клана есть такой, особенно если корабль выполняет важное поручение. Устройство ведет запись, которая может храниться очень долго, чтобы последующие поколения после истечения определенного периода могли учиться на опыте всех рас.

— И каков же этот период?

Линг пожала плечами.

— Может, миллионы лет. Обычно слышишь о наблюдателях, отправленных на хранение, но я никогда не слышала, чтобы ИРП прочитывали в текущую эпоху. Когда формулируешь таким образом, кажется, что это противоречие в терминах. Типичное галактическое лицемерие. А может, я не улавливаю каких-нибудь тонкостей концепции.

«Мы с тобой в одинаковом положении», — подумал Ларк, тут же забывая о наблюдателе, как о куске камня.

— Посмотри, — сказал он, делая жест в сторону штаб-квартиры джофуров. — Эти большие экраны показывают, что происходит снаружи. Кажется, мы пролетаем над Риммером.

— По направлению к солнцу, — кивнула Линг. — Либо сейчас утро, либо...

— На Склоне нет ничего подобного этой прерии. Это ядовитая трава. Так что сейчас утро, и это восток.

— Видишь тучи? — спросила Линг. — Они расходятся, но была, должно быть, бу... — Она замигала и смолкла. — Слышишь? Джофуры возбуждены. Может, я смогу найти нужную кнопку и...

Неожиданно обсервационную галерею заполнили звуки. Крики и скрежет галдва с акцентом:

ПРИКАЗАНО ОТКОРРЕКТИРОВАТЬ НЕСОГЛАСИЯ/РАСХОЖДЕНИЯ ВАШИХ РАЗЛИЧНЫХ ДОКЛАДОВ! ПОД-

ТВЕРДИТЬ НЕОБХОДИМОСТЬ ПРЕДПРИНЯТОГО ПЛАНА ПОИСКОВ! ОБЪЯСНИТЬ, ПОЧЕМУ НЕ МОЖЕМ ВЕРНУТЬСЯ К НАШЕЙ ГЛАВНОЙ ЦЕЛИ — ПОИСКАМ КОРАБЛЯ ВОЛЧАТ!

Ларк видел, как джофур на центральном помосте жестикулирует одновременно с появлением слов-глифов. Должно быть, это и есть командир. «Если бы только у меня было оружие, — подумал он. — Но прозрачный барьер, наверно, слишком прочен для такого примитивного оружия, как джиджоанский топор или ружье».

Мы/я не можем рекомендовать оставление этого района, пока не будет подтверждена/опровергнута вероятность вражеских кораблей/малых судов, — ответила соседняя груда на менее властном варианте того же диалекта. — Поблизости зафиксировано цифровое сознание, неуловимое ни на какой другой волне! Полет без гравитики? Джофуры, великие и могучие, должны постичь/овладеть этой тайной ради собственной безопасности!

Вперед выступила еще одна груда, и Ларк почувствовал дрожь узнавания. Эта неловкая груда рваных колец некогда была высоким мудрецом треки, хотя в речи груды не слышалось непритязательной мягкости Аскса.

Я/мы предлагаю следующее рассуждение — показания индикаторов, которые мы преследуем, отчетливо пахнут хитроумным обманом. Вспомните оружие из огненных труб, которое дикие сунеры использовали против нашего корвета! Теперь наши товарищи из захваченного архива Библоса сообщают, что идентифицировали этот трюк волчат как «ракеты». Возражая офицеру-тактику, Я/мы вынужден указать, что эти ракеты успешно летели без всякой гравитики! Я/мы далее предполагаю.

Прервала еще одна груда.

Локализация! Один из ближайших источников цифрового сознания оставался активным достаточно долго, чтобы мы смогли определить его местонахождение!

Командир выпустил облака пурпурных испарений.

ПРОДОЛЖАЕМ ПО ВЕКТОРУ АТАКИ! ПОДГОТОВИТЬ ЯЩИК ЗАХВАТА ДЛЯ ПЛЕНЕНИЯ ИСТОЧНИКА! ПРИ ПОСЛЕДУЮЩЕМ ОСМОТРЕ УСТАНОВИМ, ЧТО ЭТО: ЗВЕЗДНЫЙ ВРАГ ИЛИ ЕЩЕ ОДНА УЛОВКА СУНЕРОВ. А ЗАТЕМ ВЕРНЕМСЯ К НАШЕЙ ГЛАВНОЙ ЦЕЛИ.

Груды колец реагировали так быстро, как никогда не двигаются треки, насколько мог судить Ларк. Замелькали базовые ноги и щупальца. Вскоре наружные мониторы показали стремительно несущуюся прерию, которую демонстрировали в разных областях спектра. И на одном экране смыкались концентрические круги.

— Захватывают цель, — объяснила Линг. Но в кругах как будто ничего не было. Только пустота.

Ларк сунул правую руку под рубашку, потрогал осколок Яйца.

— Я чувствую.

Линг потянула его за руку.

— Посмотри на крайний левый экран!

Он прищурился и разглядел что-то маленькое и круглое. Призрачная фигура, почти прозрачная. Маскировочная ткань, понял Ларк, узнавая эффект специализированной ткани г'кеков. И сразу понял. Джофуры устремились к объекту, почти невидимому на их экранах, потому что он состоит только из воздуха и ткани, предназначенной для рассеивания света.

Если бы его реук не впал от истощения в спячку! Сердце Ларка забилось чаще, туманный шар становился все больше. Амулет дрожал в ответ.

— Что это? — удивленно спросила Линг.

Прежде чем Ларк смог ответить, все устремленные вперед экраны неожиданно погасли.

Один из джофуров резко закричал. Несколько выпустили разноцветный пар. Командир изгибался и кричал:

ТРЕВОГА! АВТОМАТИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА! ВСЕМ ПОДГОТОВИТЬСЯ К ВОЗВРА...

ДЖИЛЛИАН

— Разрыв!

Один из офицеров «Стремительного», находившийся у детектора, возбужденно прокричал:

— Одна из наших бомб взорвалась прямо над джофуром!

Мостик заполнился радостными возгласами неодельфинов.

— Может, он уничтожил ублюдков, — с надеждой проскрипел кто-то.

Джиллиан призвала к спокойствию.

— Всем замолчать! Хлопушка способна лишь поцарапать его окраску. — Она несколько раз глубоко вдохнула. Наступил критический момент для принятия решения и всего плана.

— Выпускайте рой! — приказала она. — Поднимай нас, Каа. Точно как мы планировали.

— Слушаюсь! — Спина пилота напряженно изогнулась, он посылал приказы через свой невральный клапан. «Стремительный» отозвался немедленно, двигатели заработали в полную силу — впервые почти за год. Звук был оглушительный и, конечно, выдаст их, как только сенсоры джофура начнут работать.

Телеметрия показывала, что мотиваторы работают нормально. Джиллиан взглянула на экран, на котором было машинное отделение. Ханнес Суэсси метался по помещению, проверяя работу своей хорошо обученной команды. Даже Эмерсон Д'Аните казался поглощенным работой. Его длинные смуглые пальцы летали над приборной панелью первичного резонанса, прежним его рабочим местом во многих испытаниях. Речь казалась в этом случае необязательной, большее значение имеют вдохновение и тонкое осязание.

Может быть, и на этот раз корабль услышит победный баритон Эмерсона.

Если все отремонтированные приборы сработают. Если запасные части, снятые с брошенных кораблей, не подведут. Если корабли-макеты поведут себя, как планировалось. Если враг поступит, как мы надеемся, если, если...

Над головой напряженный купол контрольной рубки постепенно менял цвет. По мере подъема «Стремительного» сплош-

ная чернота пропасти рассеивалась, уступала место королевской синеве, а потом светлой зелени. Звук двигателей сменил тон: океан неохотно выпустил корабль из своих тяжелых объятий.

«Стремительный» вырвался из воды, таща за собой поток перегретого пара: корабль уже летел быстрее пули.

От подводной лодки назад в космос. Вот мы снова на месте.

Давай, старушка!

Давай!

РЕТИ

Пробудившись от полумиллионнолетнего сна, древний корабль дрожал и гремел. Вынужденный совершать яростные усилия, он ревел, как кричит в агонии раненый зверь.

Рети тоже закричала, зажав руками уши. Словно жестокие кулаки прибивали ее к изогнутому столбу, к которому она привязалась. С каждым ударом куски веревки и электрического кабеля врезались в кожу.

Йии высунул голову из сумки и посмотрел Рети в лицо.

...жена! Жена, не плачь! Не тревожься, жена!

Но его писклявый голос терялся в буре звуков. Скоро его слова перешли в протяжный вой.

Охваченная страхом перед ловушкой, Рети ногтями рвала веревку, пытаясь освободиться.

Переход из воды в воздух она так и не заметила. На маленьком голографическом экране мелькнули пенные верхушки волн до самого берега, а потом облака.

Рети поползла по металлическому полу к входному люку, видя лишь узкий туннель в сплошной дымке боли.

ЭВАСКС

Эффект переставал действовать.

Я вынырнул из ошеломленного состояния, слепой и одинокий. Прошло еще немало дуров, прежде чем Я свел свои чувства в единство. В целеустремленность.

Посылая сигналы вдоль контрольных щупалец, Я установил связь с подчиненными кольцами. И вскоре получил доступ к различным чувствам и посмотрел во всех направлениях дергающимися и дрожащими глазными почками.

Здравствуйте, Мои кольца! Немедленно доложите и подготовьтесь к срочным передвижениям. Очевидно, мы испытали — и благополучно пережили — случай Возврата.

Чего?

Да, конечно, вы не знаете. Верно, Мои кольца? У вас не было возможности испытать этот небольшой недостаток дара оайлие?

Существуют виды оружия, которые способны на короткое время лишить нас, джофуров, чувств. Во время этого краткого периода неспособности мы можем надеяться только на защиту роботов.

Неспособности к чему? — спрашиваете вы.

Я/мы осмотрелся. Мы больше не рядом с капитаном-лидером, но стоим у главной приборной панели, и наши щупальца оплетают руль пилота.

ЧТО МЫ ДЕЛАЕМ?

Я приказываю щупальцам оторваться, и они повинуются. На экранах видно стремительное продвижение: это наш «Полкджи» летит над рваными изогнутыми каньонами. Ничего подобного Мои следы памяти не припомнят на Склоне. Индикаторы инерции показывают, что мы движемся на восток, все дальше от моря. Дальше от добычи.

Начинают оживать другие груды, по мере того как оправляется от Возврата их мастер-кольцо. Я торопливо привожу в движение наше нижнее кольцо, удаляясь от места пилота. Мы обходим капитана-лидера, который тоже приходит в себя от оцепенения.

По всей вероятности, остальные решили, что наш сложный охранный робот, запрограммированный служить/защищать во время кратких перерывов Возврата, имеет достаточ-

ные основания, чтобы направить «Полкджи» в этом направлении. Изображая невинность, Я\мы наблюдаю, как пилот возвращается на свое место и берет на себя управление кораблем, останавливая этот стремительный полет и готовясь снова набрать высоту.

МОИ КОЛЬЦА, КАКОВА БЫЛА ВАША ЦЕЛЬ? ЧЕГО ВЫ СТАРАЛИСЬ ДОСТИЧЬ, ПОКА ВАШЕ МАСТЕР-КОЛЬЦО БЫЛО НЕ В СОСТОЯНИИ ДЕЙСТВОВАТЬ? РАЗБИТЬ НАС О ГОРУ, МОЖЕТ БЫТЬ?

Робот не позволил бы сделать это. Но изменить курс «Полкджи» — это было в вашей власти, верно?

Вижу, что мы еще не постигли искусство сотрудничества.

ДЖИЛЛИАН

Охваченная возбуждением от возможности снова лететь, Джиллиан тем не менее знала, что это не прежний «Стремительный». Для корабля класса «акула» он шел медленно и вяло. Планета удалялась с обескураживающей неторопливостью, сравнительно с прежней кроличьей стремительностью. Моторы Суэсси тут ни при чем. Все проклятая углеродная оболочка, заключившая корпус «Стремительного» в бесконечное количество тонн мертвого веса, забившее гребни вероятности и радиаторы гравитики, отбиравшее драгоценное время набора инерции движения на орбите. Минуты уязвимости.

Джиллиан взглянула на дисплей. Множество ярких точек свидетельствовало, что по крайней мере двадцать кораблей-макетов вышли из воды, еще с десяток поднимаются из своих древних могил, крича от радости — или боли — при этом нежданном массовом воскрешении. Группы кораблей-приманок разлетались в разных направлениях, действуя в соответствии с планом, хотя на их борту никого живого не было.

Пустые все, кроме одного.

Джиллиан подумала об этой девушке, Рети, самой заключившей себя в один из этих огоньков. Не лучше ли было бы

ворваться в похищенный ею корабль? Или перепрограммировать его, так чтобы он вернул Рети на планету?

Нисс считал, что обе эти попытки могут удаться в небольшое оставшееся у них время. Но Олвин и Гек убедили Джиллиан не делать этого.

— Мы знаем, чего вы, земляне, добиваетесь этой попыткой прорваться, — сказала Гек.

Но вы вызвались участвовать добровольно?

— А почему бы и нет? Мы рисковали погружением в Помойку в полом древесном стволе. Все сунеры знают, что жизнь — это нечто такое, что получаешь лишь на время. И каждый должен сам выбрать, как провести ее.

Будущее наших семей и рас зависит от вашей попытки, доктор Баскин. Эта Рети сама выбрала свою судьбу. И пусть следует за своим выбором.

«Стремительный» продолжал ускоряться, а Джиллиан повернулась к дельфину, руководившему пси-оперативным отделом.

— Дайте мне знать, когда получите что-нибудь от наблюдателя, — приказала она.

— Пока никакого сигнала, — ответил фин. — И если вы меня спросите, то уже давно пора.

— Никто вас не спрашивает, — рявкнула Джиллиан.

Невольно она взглянула на джиджоанского математика Сару Кулха, чей брат полетел на воздушном шаре с нагретым воздухом, зная, что если его не погубит буря, то скорее всего это сделают джофуры. Сара плавала в облаке пузырьков, внимательно наблюдая. Но за визором ее шлема для дыхания Джиллиан заметила слезу, сбежавшую по щеке молодой женщины.

Джиллиан не нужно дополнительное ощущение вины. Она изо всех сил пыталась размышлять прагматически.

«Я только хочу, чтобы парень не отдал жизнь ни за что. И это станет ясно... — Она еще раз взглянула на мониторы... — через несколько мгновений».

ДВЕР

Ослепительная вспышка ударила по реуку, заставив его отступить, почти погрузиться в кому. Но существо свое дело выполнило, спасло глаза Двера. Если не считать пурпурных пятен, вскоре восстановилось почти нормальное зрение.

Будет еще ударная волна, подумал он. После испытаний прошедшей ночи и утра шар может не выдержать новый удар.

Двер приготовил молоток, занес его над кристаллами, укрепленными в плетеной гондоле. И посмотрел на восток, пытаясь определить, какое сообщение посылать.

Все шары исчезли — неудивительно.

Но черт побери, а где же корабль джофуров?

Двер не может действовать без данных, поэтому он не стал ничего делать и продолжал лететь, пока гулкое эхо взрыва не пригнуло к земле острые травы Ядовитой равнины.

Шар выдержал. Отличная прочная урская работа. Взяв бинокль, Двер принялся осматривать горизонт в поисках корабля джофуров.

Может, воздушная мина его уничтожила? Джиллиан Баскин считала это почти невозможным. Никакое оружие из арсенала «Стремительного» не способно пробить защиту такого дредноута, даже если застанет его врасплох. Но в самый критический момент это может стать для неприятеля помехой.

Наконец Двер уловил отдаленный блеск. Казалось, корабль удаляется! У Двера появилась иллюзия, что джофуры летят к восходящему солнцу.

Он колебался, глядя на кристаллы-передатчики. Их только четыре. И никакой из заранее оговоренных кодов не соответствует происходящему — тому что враг покинет сцену боя. Он не летит в космос, не возвращается к Помойке, он даже не остается неподвижным, а отказывается от возможности найти корабль землян!

«Если я ничего не сообщу, они решат, что я погиб».

Он подумал о Саре, и ему захотелось разбить сразу все кристаллы, просто чтобы успокоить ее.

«Но тогда они могут принять неверное решение, и вместо меня умрет она. Из-за меня».

В этот момент группы кораблей-макетов уже должны лететь за пределами атмосферы Джиджо, по спирали удаляясь от планеты. Джиллиан Баскин нужно решить, с какой группой улетать. И сигнал Двера должен был помочь ей сделать выбор.

Его раздражала невозможность принять решение. Снова поднеся к глазам бинокль, Двер отыскал корабль джофуров, крошечную точку на горизонте.

И тут он кое-что заметил.

Далекая точка перестала уменьшаться. Напротив, она словно неподвижно повисла над одним из рваных хребтов.

«Серые Холмы, — понял Двер. — Если бы я мог послать нужный сигнал, то начал бы спускаться именно там, где мне нужно!»

Сверкающая точка поколебалась, потом снова начала двигаться. Двер вскоре в этом убедился — она становилась больше. Джофуры летят назад!

«Теперь я знаю, что сообщать», — с удовлетворением подумал он. Двер размахнулся и ударил молотком по второму кристаллу. На мгновение спину закололо. Но это ощущение быстро исчезло.

Выполнив наконец свой долг, Двер потянулся к веревке, выпускающей воздух. Корабль пройдет рядом, а у него единственная возможность маневрировать — это терять высоту.

Полегче, подумал он. Надо терять высоту медленно. Может, удастся добраться до холмов, прежде чем...

Огромный корабль мгновенно вырос и пронесся на запад, продолжая набирать высоту и разойдясь с Двером на сотни полетов стрелы.

Увы, на этот раз он обратил на шар внимание.

Пролетая мимо, огромный шар выпустил крошечную искорку. Она вначале немного поднялась, потом стала по дуге опускаться, приближаясь к шару. Дверу не нужно было разбираться в галактической технологии, чтобы узнать летящий к нему снаряд.

«Джиллиан говорила, что я могу привлечь внимание, когда передам сигнал».

Двер вздохнул, наблюдая, как точка поворачивает по пологой дуге и устремляется прямо к нему.

Ну что ж, подумал он, беря в руки свое главное сокровище — лук, изготовленный для него как главного следопыта Общины Шести Рас известным мастером в городе Овун.

И когда раздался взрыв, он был совсем не таким, как ожидал Двер.

ДЖИЛЛИАН

— Есть! — воскликнула она, радуясь новости.

Еще более обрадованная Сара закричала по-урски, узнав, что ее брат жив.

Сигнал также подтвердил предположение Джиллиан. Джофуры реагировали медленно, но именно так, как она надеялась.

Они предсказуемы, — заметил Нисс, чья вращающаяся голограмма возникла в воде, не подняв ни одного пузырька. Задержка означает только, что мы чуть больше опережаем их.

Джиллиан согласилась, но про себя добавила: «Нам нужно в десять раз больше времени, чтобы попытка удалась».

А вслух сказала пилоту:

— Вытащи нас отсюда, Каа. Держись с роем номер два. Держись за передним кораблем.

Пилот ответил:

— Слушаюсь!

Вскоре негромкий гул мотиваторов стал немного выше. Джиллиан посмотрела на экран машинного отделения. У команды Суэсси настроение неплохое. У нее на глазах Эмерсон Д'Аните откинул голову и запел. Джиллиан услышала только несколько слов, хотя песню подхватили другие.

Джиджо, Джиджо.
С войны мы отправляемся на войну!

Даже с поврежденным мозгом он умеет играть словами. Хорошо, что старина Эмерсон вернулся.

Наружные дисплеи показывали, что планета — сине-коричневый шар в тонкой оболочке жизнедающей воды — быстро уменьшается. Многочисленные зеленые пятна с четко очерченными краями показывали, где некогда располагались метрополисы, до того как эти места были сожжены и засеяны. Площадки, занятые болотом, лесом или прерией, все равно сохранили правильные очертания, и нужны еще многие эпохи, чтобы стереть их.

На Земле тоже есть такие шрамы, подумала Джиллиан. И их даже больше. Разница в том, что мы были невежественны и никаких мер не принимали. Нам пришлось в одиночку на собственном горьком опыте учиться сберегать свой мир.

Джиллиан взглянула на Сару. Девушка глазами, полными боли и удивления, наблюдала, как ее родная планета превращается в маленький диск. Первая из сунеров, со времен предков столетия назад, она смогла посмотреть на свой дом с неба.

Убежище. Святилище для землян и остальных. Все они хотели спрятаться, укрыться от космоса, и каждая раса пыталась вернуть свое наследие особым образом.

И тут мы обрушили на них вселенную.

Джиллиан наблюдала, как лейтенант Тш'т переходит от консоли к консоли, вспышками сонора подбадривает дельфинов у приборов, отмечает всякий пробел во внимании. Такое тщательное наблюдение кажется необязательным. Ни один из членов команды на мостике никогда не проявлял ни малейших признаков атавизма. Это элитный экипаж, и всем этим финам гарантирована высокая квалификация в возвышении, когда они вернутся домой.

Если мы вернемся домой.

Если еще есть дом, который нас ждет.

Все знали истинную причину оставления на Джиджо половины экипажа вместе с кикву и копиями записей «Стремительного».

У нас не очень много шансов на спасение, но, возможно, нам удастся отвлечь вселенную от Джиджо. Отвлечь ее внимание. Заставить снова забыть о сунерах.

Чтобы принести такую жертву, нужны мастерство и большая удача. Но если попытка удастся, какое это будет достижение! Не будет уничтожения г'кеков. Не будет насильственной трансформации треки. Нельзя будет обвинить и наказать Землю, если здесь обнаружат сунеров людей.

Если сработает, у нас на Джиджо будет полный набор землян: люди, шимпы и дельфины. И если что-нибудь ужасное случится дома, здесь в безопасности есть резерв.

Стоит попробовать. Результат все оправдает.

Конечно, как и все в космосе, он имеет свою цену.

Они миновали Лусен — на спутнике по-прежнему сверкают купола городов — и пролетели еще миллион километров, когда офицер у детектора объявил:

— Вражеский крейсер покидает атмосферу! Направляется вслед рою номер один!

На пространственной схеме видна точка, поднимающаяся с Джиджо, ярче и крупнее остальных. Корабль разгоняет свою огромную массу.

«Однажды мы тебя обогнали, — подумала Джиллиан. — Можем попробовать еще раз, хотя бы на время».

Даже отягощенный углеродным покровом, «Стремительный» какое-то время еще будет увеличивать расстояние между собой и преследующим боевым кораблем. Ньютонианская инерция тянет гигантский корабль джофуров назад — до тех пор, пока корабль не достигнет скорости, необходимой для гипердрайва на нулевом уровне.

И тогда преимущество перейдет к нему.

Если бы только пункт перехода был ближе. Джиллиан покачала головой, продолжая мечтать.

«Если бы только здесь были Крайдайки и Том. Они без труда вытащили бы нас, я уверена. А я могла бы спокойно

удалиться в лазарет, лечить дельфинов от чесотки плавников и проводить время в размышлениях о загадках Херби».

Именно она приняла решение захватить с собой мумию возрастом в миллиард лет, несмотря на вероятность того, что «Стремительный» через несколько часов или дней может погибнуть. Она не могла расстаться с этим реликтом, который Том с таким трудом отыскал во флоте призрачных кораблей в Мелком скоплении — еще в те горячие дни, до того, как вся цивилизация Пяти Галактик обратилась против «Стремительного».

Когда наивный экипаж ожидал благодарности за свое эпохальное открытие.

Скучного галакта ничем не удивишь, гласит тимбримийская поговорка. Если у тебя не приготовлено в кармане еще двенадцать сюрпризов.

Хороший совет.

К несчастью, ее запас сюрпризов иссякает.

Осталось всего несколько.

МУДРЕЦЫ

Теперь группа пилигримов больше знает о Святом Яйце.

Больше, чем знали Дрейк и Ур-Чоун, когда впервые увидели новорожденное чудо, только что, раскаленно-белое, появившееся из огненных объятий. Эти два знаменитых героя договорились использовать Яйцо в религиозных и политических целях. Как предвестник единства. Как божество.

Теперь у мудрецов есть документы, представленные кораблем дельфинов. Отчет, подкрепленный свидетельствами Великой Галактической Библиотеки, называет Яйцо «пси-активным геоморфом». Такой феномен наблюдается на нескольких населенных планетах, где восстановительные тектонические процессы протекают спокойно и где предыдущие циклы заселения обладали определенными временными и технологическими особенностями.

Фвхун-дау размышлял об этом, пока заново созванный Совет мудрецов приближался к священному месту, идя пеш-

ком, ползя или двигаясь на колесах. Все они по отдельности направились сюда, услышав призыв умирающего Вуббена.

И эти особенности иногда проникают через давление магмы и вулканическую жару.

На юге это проникновение хаотично и превратилось в Спектральный Поток. Но здесь условия допускали объединение. Кристаллизацию накопленных памяти и целей.

По крайней мере теперь он знает ответ на загадку, почему, вопреки начальным стычкам и вражде, все расы поселились именно на Склоне.

Мы были призваны.

Некоторые говорят, что это знание уничтожит обычаи прошлого, и Фвхун-дау соглашался с этим. Старая вера, основанная на Священных Свитках и модифицированная последующими ересями, никогда больше не будет прежней.

Основа Общины Шести Рас изменилась.

Но сама по себе основа осталась.

Заново созданный Совет Шести вступил в узкий каньон. Некоторое время мудрецы провели здесь, оплакивая обожженные останки своего старейшего члена, путаницу хрупких нервов и тканей, прилипшую к изрытому черному боку Яйца.

Здесь они и похоронили Вуббена — единственного мудреца, удостоенного такой чести. А потом принялись за работу.

Вскоре к ним присоединятся другие. У преобразованного совета есть новые обязанности.

«Наконец мы знаем, кто мы такие, — молча думал Фвхун-дау, откидываясь, чтобы взглянуть на огромную изгибающуюся массу Яйца. — Но остаются другие вопросы. Такие, как почему?»

РЕТИ

Приборы отказывались повиноваться!

— Давай! — кричала она, колотя ладонью по голографическому экрану, а потом наобум переключая несколько рычажков.

Рети сама не знала, что будет делать, если ей удастся завладеть кораблем-приманкой. Вначале у нее путались мысли от поразительного зрелища Джиджо и космоса. Все настолько больше, чем она себе представляла. Но потом она выключила экран и занялась другими панелями и мониторами.

Здравый смысл подсказывал, что нужно оставить приборы в покое, и Рети наконец прислушалась. Она заставила себя отойти и присоединилась к йии у небольшого запаса продовольствия, которое выносила из саней, когда Чучки не видел. Рети гладила своего миниатюрного мужа, жуя брикет пищевого концентрата и обдумывая ситуацию.

Все корабли-макеты запрограммированы на то, чтобы улететь с планеты — к ближайшему «пункту перехода». Отсюда они могут выпрыгнуть из невозделанной Галактики Четыре и достигнуть далеких, полных движения транспортных линий, где кишат кислороднодышащие формы жизни.

Рети это вполне подходит, если она сумеет подать сигнал пролетающему мимо кораблю.

Старый корабль может стоить немногого, но по крайней мере этого хватит, чтобы оплатить перелет к следующей остановке.

Дальнейшее она представляла себе очень смутно. Вероятно, найдет какую-нибудь работу. У нее с собой по-прежнему маленькая обучающая машина, которая некогда принадлежала Денни Стадмен, так что ей нетрудно будет выучиться болтать на чужих языках.

«Я сумею стать полезной. Я всегда это умела».

Конечно, все зависит от того, доберется ли она до пункта перехода.

Джиллиан, вероятно, настроила приборы так, чтобы корабли-макеты привлекали внимание джофуров. Может, они издают какие-нибудь световые или звуковые сигналы, чтобы джофуры поверили, что на борту дельфины.

На какое-то время это может сработать. Вонючие кольца погонятся и будут тратить время, проверяя, что внутри.

Но Рети знала, что произойдет дальше. Со временем боги джофуры разгадают эту хитрость. Они поймут, что нужно искать и какой корабль их настоящая цель.

«Предположим, они разорвут на части половину кораблей-макетов. Получается вероятность пятьдесят на пятьдесят. Это в Ифни раз больше, чем у меня было на борту старого «Стремительного». Как только они поймут, где настоящий корабль, все остальные оставят и займутся делом».

Такова была в общем виде ее идея. С того момента, как нашла Кунна и Джесса мертвыми в тюремной камере, она знала, что должна как можно скорее убраться с корабля землян и идти своим путем.

«Лучше надо подумать, как подать сигнал, когда мы окажемся в цивилизованной галактике, — думала она. — Наверно, если просто посветить в окно, ничего не выйдет. Надо больше узнать о радио и о всяких гиперпространственных штуках».

И хотя обучающая машина удивительна и терпелива, Рети без всякого воодушевления думала о предстоящей работе или о том, что придется питаться пастой из древнего пищевого процессора, когда кончатся запасы со «Стремительного». Машина приняла обрезок ногтя, который скормила ей Рети, и через несколько мгновений выдала вещество, по вкусу точно как ноготь.

Ее мысли прервали чирикающие звуки. На верху голографического экрана вспыхнул огонек. Рети бросилась к машине.

— Включить изображение!

Над полом возникло трехмерное изображение. Какое-то время Рети ничего не могла понять. От крошечного синего диска разлеталось пять групп ярких точек. Но вскоре она сообразила, что диск — это Джиджо и что группы кораблей-макетов уже покинули планету. Расстояние между группами увеличивалось с каждым дуром.

Одна точка, ярче остальных, держалась сзади. Она была не желтой, а красной. И на глазах поползла к одному из роев.

Должно быть, это корабль джофуров, сообразила Рети. Присмотревшись, она заметила, что эту большую красную точку сопровождает множество алых пятнышек, таких маленьких, что их с трудом можно разглядеть. И они словно нанизаны на нить.

Красная точка ускорялась, медленно сокращая расстояние между собой и намеченной добычей.

«Мне становится жаль тех, кто в этом рое. Скоро вонючие кольца их догонят».

Потребовалось еще какое-то время, чтобы Рети поняла неприятную истину.

Именно в этом рое движется и ее корабль.

Как всегда, повезло, пожаловалась она, понимая, что вселенная совсем о ней не думает.

ДВЕР

Все изменилось.

Только что его окружало небо. Горы, облака и прерии расстилались под плетеной гондолой. Над головой скрипел и раздувался урский шар.

С северо-запада к нему устремился сверкающий предмет, набросился, как хищник с неба, неудержимый после выбора добычи.

«Добыча — это я», — подумал Двер, оцепенев, как травяная мышь, которая, захваченная на открытом месте, знает, что спасения нет и у нее нет иного выхода, как смотреть на приближающуюся прекрасную крылатую Смерть.

Смерть устремилась к нему.

Он ощутил взрыв, яркую вспышку.

И оказался здесь.

Двер приходил в себя, окруженный золотистой дымкой.

«Я жив».

Ощущение молодого сильного тела сопровождалось раздражающим зудом и болью от недавних порезов и царапин.

Его одежда на месте. Гондола тоже — корзина, сплетенная из высушенного речного тростника. Ее содержимое не повреждено.

Но вот о шаре этого сказать нельзя. Огромная оболочка сморщилась и лежит грудой ткани. Ее верхняя часть, по-видимому, срезана. А оставшаяся часть раскидана по внутренностям того, что, как понял Двер, является чем-то вроде тюремной камеры.

Шарообразная тюрьма. Теперь он видит ее отчетливо. Шар, внутренняя поверхность которого издает бледное золотистое сияние, в первое мгновение затрудняющее зрение.

— Ха! — К удивлению Двера, его первой реакцией была заинтересованность. В те последние моменты, когда на него падал снаряд, он попрощался с жизнью. И теперь каждое лишнее мгновение — это чистая прибыль. И можно его потратить по своему выбору.

Двер выбрал любопытство.

Он выбрался из корзины и осторожно опустил мокасины на золотистую поверхность. Ожидал, что она окажется скользкой, но материал, напротив, лип к ногам, так что каждый шаг давался с некоторым усилием. После нескольких пробных шагов Двер сделал еще одно поразительное открытие.

«Низ там, где я стою».

С новой позиции Дверу казалось, что гондола наклонилась и едва не падает на него.

Он присел, глядя на «пол» между ногами, преодолевая ожидаемую потерю ориентации. Не так плохо, как можно было подумать.

«Я привыкну. Это все равно что учиться ходить по леднику. Или заглядывать в пещеру, вися на конце веревки над утесами Опустошения».

Но тут он заметил кое-что еще. Глядя вниз, Двер разглядел что-то сквозь золотистую поверхность. Что-то блестит под ней, как далекая алмазная пыль. Драгоценности на темном фоне.

Он наклонился сильнее и заслонил глаза руками от света.

И сразу понял: алмазы — это звезды.

ЛАРК

Присев за издающим запахи обелиском, люди видели беспрецедентную картину того, что происходило в контрольной рубке корабля джофуров.

Ларк многое отдал бы за то, чтобы они оставались на спокойной «обсервационной галерее».

Поблизости возвышались груды влажных колец, испуская облака пара. Джофуры колдовали над светящимися приборами. Тяжелый насыщенный запахами воздух вызывал у Ларка рвоту. Линг, должно быть, было еще хуже: ведь она не выросла рядом с треки. Но она казалась такой же захваченной происходящим, как и он.

Плохая была идея, про себя ворчал он, вспоминая импульс, повинуясь которому они бросились прямо в яму с врагами.

Эй, смотри! Джофуры, кажется, парализованы! Давай спустимся из этого безопасного укрытия и выведем из строя их приборы, пока они не в состоянии действовать!

Но джофуры не оставались неподвижными долго. К тому времени как они с Линг преодолели половину контрольной рубки, несколько груд колец неожиданно начали пыхтеть и раскачиваться, приходя в себя. Машинные голоса начали докладывать обстановку ожившим хозяевам, и два человека едва успели присесть за грудой шпилеобразных предметов, напоминающих идеализированного джофура, но вдвое выше и сделанного из какого-то влажного волокнистого материала.

Ларк упал на пол. Ему хотелось только стать невидимым, закрыть глаза и позволить объективной реальности исчезнуть.

Отвечая его бешено колотящемуся сердцу, пурпурное кольцо задергалось в сумке из ткани. Ларк положил на него руку, и кольцо постепенно успокоилось.

— Кажется, я понимаю, что происходит!

Ларк оторвал взгляд от ног Линг и увидел, что она стоит, прислонившись к одному из влажных столбов, и смотрит на экран джофуров. Он схватил ее за левую руку и дернул вниз. Линг приземлилась рядом с ним на голый зад.

— Стань подобной букашке, — был его совет. В делах укрытия и выживания Линг есть чему поучиться у джиджоанского сунера.

— Хорошо, братец крыса. — Они кивнула с удивительным добродушием, потом энергично продолжила: — Некоторые их экраны настроены на спектры, которые мне недоступны. Но могу сказать, что мы в космосе и движемся к Измунути.

Ларк испытал приступ тошноты — ощущение, близкое к панике. В отличие от своих брата и сестры, которые в детстве постоянно говорили и мечтали о полетах к звездам, он никогда не хотел покидать Джиджо. Сама мысль об этом делала его больным. Чувствуя его состояние, Линг взяла его голову в руки и погладила, но не перестала говорить, описывая охоту в космосе. А Ларк, как ни старался, не мог себе этого представить.

— Очевидно, поблизости от Джиджо оказался флот, — объясняла она. — Хотя не могу понять, как он мог здесь оказаться. Может, миновал Измунути, и теперь джофуры прогоняют эти корабли. Но загадочный флот как будто разделился на пять групп, и все порознь движутся к пылающей звезде. А оттуда, вероятно, к пункту перехода.

За этим кораблем тянется цепочка каких-то объектов, насколько я могу судить, все они привязаны к кораблю силовым полем. Не знаю, какова их цель. Но если у меня будет время...

Ларку захотелось вслух рассмеяться. Он отдал бы Линг весь мир. Всю вселенную! Но теперь ему хочется одного — вернуться в гнездо. В их маленькое зеленое убежище, где можно дотянуться до сладких фруктов и где никто их не найдет.

Головокружение у Ларка начало проходить, когда в помещении стало очень шумно.

— Что это? — спросил он, садясь. И не пытался удержать Линг, которая чуть приподнялась и выглянула.

— Это был орудийный залп, — пояснила она. — Джофуры выпускают снаряды в ближайшую группу кораблей. Должно быть, очень уверены в себе: к каждому кораблю направили только по одному снаряду.

Ларк молча пожелал новым чужакам, кем бы они ни были, удачи. Если кому-то из них удастся уйти, они сообщат в Галактический Институт Миграции. И хотя Шесть Рас жили на Джиджо две тысячи лет, боясь именно этого, сейчас появление нейтральных судей гораздо лучше той судьбы, которую уготовили для джиджоанцев джофуры.

— Маленькие корабли пытаются совершить маневр уклонения, но у них ничего не получается, — сказала Линг. — Снаряды приближаются к ним.

РЕТИ

Она прокляла корабль из мусора за то, что тот не позволяет управлять собой.

Прокляла Джиллиан Баскин и дельфинов за то, что те поставили ее в положение, когда из-за их некомпетентности она оказалась в ловушке.

Прокляла джофуров за то, что те стреляют по кораблям-макетам, а не ищут нужную им добычу.

Но больше всего Рети проклинала себя. Ибо в конце концов, никого иного винить нельзя.

Обучающая машина объяснила, какие символы обозначают эти смертоносные стрелы, теперь отчетливо видные на дисплее и быстро приближающиеся.

Один за другим корабли за ней встречались с мстительными хищниками. Но янтарные точки не вспыхивали, просто меняли цвет, становились алыми. И каждый направлялся назад, на встречу с крупной красной точкой.

Корабль джофуров не поглощал своих пленников. Это отняло бы слишком много времени. Напротив, они выстраивались цепочкой, как хвост головастика, и следовали за могучим кораблем.

Рети удивилась. Может, они не хотят убивать. Может, им просто нужны пленные!

Если это так, то Рети готова. В одной руке она держала йии, в другой — обучающую машину, настроенную на галактический два — диалект джофуров.

И когда появился ее снаряд, Рети была спокойней, чем сама ожидала.

— Не волнуйся, йии, — сказала она, гладя своего маленького мужа. — Мы найдем что-нибудь такое, что им нужно, и заключим сделку. Только подожди и увидишь.

С отчаянной уверенностью она держалась, когда древний буйурский корабль неожиданно вздрогнул. Через мгновение его двигатели затихли и тут же исчезло притяжение к полу. И мягкая сила словно потянула ее к носу обездвиженного корабля.

Свет погас. Но Рети могла немного видеть. Осторожно скользя по наклонному полу, она последовала за источником освещения к открытому иллюминатору и увидела за ним мир светло-желтого рассвета.

— Неплохо быть мертвым, — сухо заметил йии.

Рети согласилась:

— Наверно.

Потом пожала плечами.

— По крайней мере увидим, чья возьмет верх.

ДЖИЛЛИАН

— Я нашел в Библиотеке ссылку на то, что называется «ящиками захвата», — объяснил Нисс. Это оружие предлагает умное решение дилеммы джофуров.

— Какое решение? — спросила Джиллиан.

— Мы полагали, что поставили их в затруднительное положение. Им нужно осматривать каждый корабль-макет, чтобы найти нас. Неприятный и отнимающий много времени процесс.

А так джофурам нужно время лишь на посылку снарядов. Они могут двигаться и тащить за собой цепочку пленников.

— А разве добавочная масса не замедлит их продвижение? — спросил пилот Каа.

— Замедлит, и это нам на пользу. Но, увы, недостаточно, чтобы мы могли воспользоваться преимуществом, которое это дает нам.

Джиллиан покачала головой.

— Жаль, что мы не знали об этом в свое время, чтобы включить в наш план.

Нисс обиженно ответил:

— Большие кланы имеют доступ к оружейным файлам за весь миллиард лет галактической истории.

На мостике воцарилось молчание. Наконец заговорила Сара Кулхан. Ее голос усиливала лицевая пластина шлема.

— А что произойдет, если такой снаряд попадет в нас?

— Снаряд создает поле, того же типа, что топоргическая клетка, в которой ваши Шесть Рас видели корабль ротенов. Конечно, то поле метровой толщины, а снаряды не могут нести столько псевдоматериала. Главный эффект ящика захвата заключается в подавлении цифрового сознания.

Сара посмотрела в замешательстве, и Джиллиан объяснила:

— Цифровое сознание можно уловить на расстоянии и подавить эффективными полевыми технологиями. Именно в этом главная причина того, что в Пяти Галактиках господствуют не машины, а органические формы жизни.

К несчастью, это означает, что корабли-макеты могут быть легко выведены из строя, если заключить их в тонкую оболочку искаженного пространства-времени.

Действительно, это идеальное оружие против восстановленных кораблей без экипажа. Джофуры могут быть злобными и ограниченными во многих отношениях, но в мастерстве и умении логично рассуждать им не откажешь.

Сара кивнула.

— Вы хотите сказать, что против «Стремительного» этот метод не сработает?

— Совершенно верно, — ответила Джиллиан. — Мы подготовили наши компьютеры к временной остановке без всяких последующих неудобств.

— Говорите о себе, — пробормотал Нисс.

— Как только нас окружит ящик захвата, члены органического экипажа могут с помощью простых инструментов

растворить оболочку изнутри. Оцениваемое время перерыва, Нисс?

Голограмма завертелась.

— Мне бы хотелось иметь больше данных об экспедиции сунеров к кораблю ротенов. Они сообщили о сильных квантовых эффектах от топоргического слоя метровой толщины.

Но корабль джофуров посылает только тонкие пузыри. Если подготовиться, экипаж сможет освободить нас за несколько минут.

Каа и несколько дельфинов облегченно перевели дух. Но машина Нисс продолжала:

— К несчастью, когда мы выйдем из пузыря, джофурам станет известно, что в пойманном корабле есть живая добыча. И после этого наша восстановленная свобода будет поистине очень краткой.

ДВЕР

Вещество необычное на ощупь. Оно как будто слегка отталкивает руку, когда Двер подносит ее на несколько сантиметров. А потом притягивает. Ни то, ни другое не очень сильно. Он легко может отдернуть руку.

И не может понять, почему ощущение кажется странно знакомым.

Двер обошел свою круглую клетку, время от времени останавливаясь и всматриваясь в звезды снаружи. Большинство созвездий он узнал, кроме одной полоски неба, которую невозможно увидеть со Склона. Так вот как выглядит южное небо. Перед ним, не затмеваемое атмосферной пылью, лежало скопление Одуванчик, обширное немигающее зрелище. Без золотистого барьера оно было бы еще внушительней.

Слава Ифни за этот барьер, напомнил он себе. Там нет воздуха.

В одном направлении небо было очень ярким, и он вначале его не узнал.

Потом понял — это солнце, уменьшенное и становящееся все меньше.

В противоположном направлении находится свирепый глаз Измунути. Красный блеск становился все сильней, и вскоре Двер смог различить диск. Но понимал, что до него гораздо дальше, чем до солнца. Говорят, Измунути — гигант среди звезд.

Со временем он заметил и другие объекты. Не звезды и не туманности, но сверкающие точки. Вначале они казались очень далекими. Но в течение мидура постепенно приближались. Теперь их края стали видны не из-за слабого мерцания, а потому что они затмевали звезды.

Одна из этих точек — неровная сфера по направлению к Измунути, — должно быть, космический корабль. С каждым проходящим дуром она становилась все больше. И вскоре Двер узнал гиганта, который дважды пересекал небо над Ядовитой равниной, сотрясая своим прохождением его несчастный шар.

Перейдя на другую сторону своей камеры и посмотрев наружу, Двер увидел ряд желтых огоньков, еще ближе корабля. Их цвет заставил его сообразить: «Это такие же капсулы, как моя».

Когда он прижался к барьеру плотнее, спину и кожу головы закололо. Что-то похожее на ощущение, когда робот даников пропускал через его тело силовое поле, все еще непонятным образом изменив безвозвратно нервную систему.

«Что ж, я и до этого был необычным. Например, никто из моих знакомых не мог разговаривать с мульк-пауком».

Двер откинул голову, вспомнив наконец, что напоминало ему это вещество. Жидкость, которой безумный древний паук в горах — Один-В-Своем-Роде — запечатывал свои жертвы, уберегая бесценные коллекции от воздействия времени. Много месяцев назад такая оболочка едва не задушила Двера, когда он спасся из гнезда паука.

Странное ощущение овладело Двером. Сумасшедшая мысль.

«Я мог разговаривать с пауками — не только в горах, но с тем на болоте.

Интересно, означает ли это».

Он снова прижал руку к золотистому материалу, надавил, преодолевая начальное сопротивление, нажимая концами пальцев. Материал не поддавался.

Но Двер настроил сознание на такой же способ мышления, как когда разговаривал с мульк-существами. Раньше он всегда считал, что эту работу проделывает паук, но теперь понял: «Это моя способность. Мой особый дар. И клянусь Святым Яйцом, мне кажется, я смогу».

Что-то подалось. Сопротивление концам пальцев неожиданно исчезло, и они прошли наружу, как будто сквозь какую-то вязкую жидкость.

Неожиданный страшный холод обрушился на руку и одновременно ощущение, что тысячи вампиров пытаются через соломинки пить кровь из жил. Двер отдернул руку. Пальцы покраснели и онемели, но в основном невредимы. Мембрана мгновенно затянула отверстие.

«Это мне повезло», — подумал Двер.

Когда посмотрел в следующий раз, корабль стал огромен. Гигантский зверь стремительно несся на него со спокойной охотничьей уверенностью.

«Я рыба на леске. И он меня вытягивает!»

По другую сторону раскачивались, едва не касаясь друг друга, плененные шары, нанизанные на невидимую нить. Расстояние их друг от друга быстро уменьшалось.

Двер немного посидел и подумал.

Потом начал собирать припасы.

МУДРЕЦЫ

Фвхун-дау повел следующий секстет, начав низким гулким ворчанием своего резонирующего горлового мешка.

Ум-Острый-Как-Нож последовала за ним, проворным языком работая на барабане-мирлитоне и усиливая звуки барабана синкопированным свистом из всех пяти ножных щелей.

Затем вступила Ур-Джа, прижав виолу к изгибу длинной шеи и создавая изогнутым смычком двойную гармонию звуков.

После этого по старшинству добавляли свой вклад новые мудрецы от треки, людей и г'кеков. Они играли для огромного раненого камня в форме овоида. Вначале согласованность не очень получалась, но вскоре звуки слились в единстве того типа, которое способствует сосредоточенности сознания.

До сих пор все было традиционно. И другие секстеты за сто лет играли для Яйца. И среди них были гораздо более одаренные и музыкальные.

Только на этот раз положение было совершенно иным. И вообще не было группы из шести.

Были представлены еще две джиджоанские расы.

Первая из них — глейверы.

Регрессировавшая раса всегда могла свободно присутствовать, но уже несколько столетий глейверы не принимали участия в церемониях Общины — задолго до прибытия землян и определенно до прихода Яйца.

Но вот уже несколько месяцев глейверы ведут себя странно. И сегодня из кустов появилась маленькая самка и двинулась по Тропе Пилигримов сразу за Фвхун-дау, как будто шла к той же цели. Когда началась музыка, ее большие глаза заблестели, из искаженной гримасой пасти вырвались странные мяукающие звуки. Звуки, отдаленно напоминающие слова. В подвижном раздвоенном хвосте самка держала сделанную из шкуры животного грубую погремушку с перекатывающимися внутри камешками.

Не слишком хороший музыкальный инструмент, но, в конце концов, у глейверов очень давно не было практики.

Что должно было произойти, подумал Фвхун-дау, чтобы они отвернулись от блаженства Тропы Избавления?

На камне по соседству лежало восьмое существо. Время от времени оно переставало облизываться и оглядывало собравшихся. На абсолютно черной шкуре нура-титлала было два пятна — белые полоски под каждым глазом, и это усиливало его природное выражение скептического презрения.

Но мудрецы не обманывались. Нур пришел вслед за остальными, истощенный, оборванный и уставший. Видно было, что он бежал несколько дней. Заставить нура так напрягаться может только крайняя необходимость, а не обычное самодовольное любопытство. Уши существа непрерывно дергались, а светлые острые волоски за черепом раскачивались, противореча выражению поддельной беззаботности.

Фвхун-дау заметил, что над беспечным существом начало возникать что-то непонятное, словно засветился воздух. Мудрецы изменяли гармонию, чтобы она резонировала с усиливающимся вмешательством, и на гладкой морде нура появилось выражение неуверенного удивления.

Охотно или нет, но теперь и нур участвовал в общем рисунке.

Он стал частью Совета Восьми.

В тесном резонирующем жилище Яйца они творили свое искусство, свою музыку.

И вскоре стало проявляться иное присутствие.

ЭВАСКС

Смотрите, Мои кольца, как хорошо развивается преследование!

Один беглый конвой уже ликвидирован, составляющие его суда присоединились к цепочке пленников. Эта растущая помеха мешает «Полкджи» развить полную скорость, но грудатактик уверяет, что все суда, кроме самого последнего, будут захвачены до соприкосновения с бурями Измунути.

Чтобы ускорить продвижение, капитан-лидер приказал подтянуть поближе нить пойманных судов. Тогда ими смогут заняться роботы, и мы будем отбрасывать макеты один за другим.

Но вот груда у детектора сообщает данные, пришедшие с Джиджо, планеты за нами.

Новые следы цифрового сознания! Новые признаки работы двигателей!

Но капитан-лидер решает, что это лишь тщетная попытка отвлечь нас от преследования. Должно быть, земной корабль оставил за собой древние развалины, которые включаются на расстоянии через определенное время. Или оставленные на Джиджо сообщники пытаются привлечь нас на приманку. Но это не имеет значения. Как только беглые корабли окажутся на цепи, мы преградим землянам дорогу к Измунути.

Конечно, если бы из этой системы был не один выход, положение стало бы совершенно иным. Но так один большой корабль способен эффективно блокировать все отходы с Джиджо.

И возвратов больше не будет.

Все это правда. Однако Я/мы опасаюсь, что это еще не конец. Волчата могли отправить нас в напрасную погоню за кораблями-роботами, а сами используют эту передышку, чтобы подыскать новое убежище где-нибудь в глубоких маскирующих водах Джиджо. Они могут даже оставить свой корабль, перенеся всю важную информацию на берег, где мы сможем ее отыскать, только уничтожив всю экосистему!

Конечно, груда-жрец не допустит такого вопиющего нарушения галактического закона. Но если такая решительная политика окажется необходимой, священник может быть смещен, а наблюдатель-свидетель уничтожен. И тогда мы будем безвозвратно связаны. В случае неудачи нас назовут бандитами, и мы навлечем позор на весь наш клан.

Но как можно даже думать о таком исходе?

Все предзнаменования с растущей уверенностью свидетельствуют, что в Пять Галактик уже пришло Время Перемен. Отсюда такая отчаянная активность великих кланов.

И если Институты действительно падут, некому будет расследовать преступления, совершенные на этой планете.

НЕ ДРОЖИТЕ ТАК, МОИ КОЛЬЦА. Разве Я неоднократно не заверял вас, что могучим джофурам суждено победить? И что вам/Мне суждено принести пользу?

Не следует думать о преступлении и наказании, если именно мы будем создавать новые правила.

Возможно, нам не придется возвращаться на Джиджо. Если добыча действительно перед нами, самые высокие стремления нашего союза вскоре будут в пределах достижимости щупальца.

Мы приближаемся ко второму конвою. И наши снаряды уже ушли.

ДВЕР

Могучий звездный корабль все приближался, а ему часто приходилось раздраженно ждать, пока желтые бусины с обескураживающей медлительностью не соприкоснутся. Закончив подготовку, Двер расхаживал взад и вперед, глядя во всех направлениях.

Со временем он усвоил технику перехода, и теперь каждый переход совершался быстрее. Он отталкивался от стены и перелетал разделяющее пространство.

Корабль джофуров надвигался, невероятно огромный. Когда его темная масса загородила полнеба, в его изогнутом борту открылось нечто вроде двери, оттуда вылетело несколько восьмиугольных фигур и направилось к тюрьме Двера.

Он узнал эти силуэты.

Боевые роботы.

Им потребовалось немало времени, чтобы приблизиться, и Двер понял, что до корабля еще большое расстояние. Не менее двадцати полетов стрелы. Тем не менее они появятся через несколько дуров.

Отойдя в тыл своей тюрьмы, он облегченно вздохнул. Плененные пузыри соприкасались! Желтые шары, они очень различаются по размерам, но ни один даже близко не приближается к величине боевого корабля. Большинство гораздо больше его собственного маленького шара.

Двер поискал, где его шар соприкасается с соседним. При каждом соприкосновении раздавалось низкое гудение.

Он застегнул комбинезон, который ему дали на «Стремительном»: костюм закрывал все, кроме рук, ног и головы. Двер не приходило в голову попросить что-нибудь еще.

«Но сейчас космические перчатки и шлем мне бы очень пригодились».

Не важно. Когда сферы соприкоснулись в следующий раз, он правильно настроил сознание и прыгнул.

САРА

Когда от слишком долгого пребывания в насыщенной кислородом воде кожа сморщилась, Сара покинула контрольную рубку. Вообще ей не было смысла там находиться. Те же новости она может узнавать в своей удобной каюте, которая некогда была домом великого земного мудреца по имени Игнацио Метц.

Сара вытерлась и переоделась в простую корабельную одежду — облегающие брюки и пуловер. Такая одежда не станет затруднением даже для необразованного сунера. Но тем не менее это чудо мягкости и удобства.

Когда она попросила комнату представить ей тактическую картину, появилось трехмерное изображение, из которого стало ясно, что джофурский дредноут снова выбрал неправильный рой кораблей-макетов и заканчивает выпускать снаряды. Тем временем цепочка ранних жертв постепенно смешивалась с красным сиянием корабля, как будто тот поглощал их одного за другим.

По ее приказу экран показал цель «Стремительного» — сильно увеличенное изображение красной звезды-гиганта. Ее протяженная нитеобразная хромосфера выходит за пределы обычной солнечной системы. Разбухшая поверхность Измунути кипела, выбрасывая языки ионизированного газа, богатые тяжелыми элементами, из которых состоит тело Сары.

Пурофски считает, что буйуры были способы изменять структуру звезды.

Но даже и без этой ужасной мысли картина была ошеломляющей. Мимо этого бушующего пламени прошли все крадущиеся корабли, принося свое незаконное семя на Джиджо вместе с многочисленными надеждами на будущие поколения. Эти ожидания распространялись от простого выживания

для людей и г'кеков до попытки предков хунов удрать от своих обязанностей.

И все эти надежды рухнут, если «Стремительный» не сумеет миновать огонь Измунути.

Сара по-прежнему не имела никакого представления о том, как Джиллиан Баскин надеется спасти Джиджо. Позволит врагам схватить себя, а потом взорвет корабль, чтобы прихватить с собой и джофуров?

Храбрый план, но враг будет готов к этому и примет меры предосторожности.

Тогда что же?

Саре казалось, что она узнает, когда придет время.

Ей было жаль детей: Олвина, Гек и всех остальных. Но теперь они уже взрослые и добровольцы.

И мудрецы говорят, что это хорошее предзнаменование — то, что представители всех шести рас будут присутствовать при значительных происшествиях.

Но Сара оказалась на корабле не только поэтому.

«Пурофски сказал, что одному из нас придется рискнуть — ему или мне — и отправиться на «Стремительном», хотя вероятность того, что корабль прорвется, очень невелика.

Один из нас должен проверить, правда ли это. То, что мы предположили относительно буйуров».

Вся работа ее жизни, все занятия математической физикой и лингвистикой как будто подтверждают заключения Пурофски.

Джиджо не случайность.

О, если углубиться в психологию, она может найти и другие мотивы своего настойчивого стремления оказаться на корабле.

Например, чтобы продолжать заботиться об Эмерсоне?

Но раненый звездный человек теперь с теми, кто его любит. Рядом с товарищами по команде, ради которых он много раз рисковал жизнью. Преодолев первоначальный стыд, Эмерсон нашел возможность стать полезным. Он больше не нуждается в Саре.

«Никто на самом деле во мне не нуждается.

Посмотри этому в лицо. Ты полетела из любопытства.

Потому что ты ребенок Мелины.

Потому что ты хочешь увидеть, что произойдет дальше».

ДВЕР

Хорошо, что он вспомнил о воздухе.

По ту сторону его не будет.

Протискиваясь через барьер, извиваясь и согнувшись петлей, Двер сумел создать туннель, ведущий из его личной сферы в следующую. Короткий ураганный порыв лишал его прежнюю камеру атмосферы, пока давление не уравновесилось. Тогда он протиснулся и позволил отверстию за собой закрыться.

Глаза Двера выпятились, пульс участился. Воздух сильно разредился, и он от давления почти на уровне моря за полдура словно перенесся на вершину высокой горы. В глазах плясали пятна. Организм долго такого не выдержит.

Была и другая причина торопиться. Покидая свою сферу с остатками воздушного шара, он заметил, как с противоположной стороны к барьеру прикоснулись какие-то тени. Джофурские роботы пришли осматривать первого пленника.

Имущество разбросано по полу новой камеры. Двер схватил свой импровизированный мешок и направился в единственное возможное убежище — на нос плененного звездного корабля.

Корабль ничем не напоминает массивный джофурский дредноут, скорее он похож на пару ложек, сваренных лицом друг к другу, причем выпуклость расположена впереди. К счастью, оболочка охватывает весь корабль, от кормы до носа. Под золотистой поверхностью виден ряд тусклых иллюминаторов.

И здесь есть дверь!

Двер собрался с силами, пригнулся и прыгнул к манящему люку. Проплыл разделяющее расстояние и сумел ухватиться за выступающую скобку левой рукой.

«Если тут нужен какой-то тайный код, я пропал».

К счастью, дельфины на каждом корабле установили стандартную процедуру входа и выхода. Он сопровождал их в нескольких экспедициях и помогал. Двер с радостью увидел, что установленный дельфинами входной механизм на месте. Он такой простой, что даже джиджоанский охотник его поймет.

Чтобы открыть, повернуть выступ.

Дверу везло. Выступ поворачивается.

«Если внутри есть воздух, ветер ударит мне в лицо. Если воздуха нет, меня втянет и я умру».

Пришлось упереться ногами в корпус и потянуть изо всех сил, чтобы сдвинуть люк. Поле зрения сузилось, и Двер понял, что через несколько мгновений потеряет сознание.

Неожиданно ему в лицо ударил ветер. Это воздух с силой вырвался из корабля.

Затхлый воздух. Вонючий, затхлый, влажный, удивительный воздух.

ДЖИЛЛИАН

Плохие новости не были неожиданными, однако она все же надеялась на лучшее.

Закончив нанизывать на нить очередной рой пленных судов, корабль джофуров ускорился, догоняя следующую группу.

И скоро стала ясна истина.

Удача наконец изменила «Стремительному».

Что ж, на этот раз они сделали правильный выбор, подумала она. Рано или поздно это должно было случиться.

«Стремительный» в поле зрения противника, и ему предстоит преодолеть еще немало миктааров гиперпространства, чтобы достичь безопасности.

МУДРЕЦЫ

«На Джиджо есть и другие, — подумал Фвхун-дау, зная, что и восьми недостаточно. — Со временем нужно будет пригласить новых колонистов — дельфинов.

Я читал в земных книгах о китообразных и о великой Мечте Китов. Какую музыку мы могли бы создать, если бы эти странные существа добавили свои голоса к нашему хору?

А после них — кто знает? Лорники, шимпы и зукиры? Кикви, которых издалека привезли дельфины? Какая смесь голосов! Может быть, цивилизация все же достойна своего имени.

Все это впереди — сверкающие возможности, превосходящие всякое сравнение или предположение. А пока совет состоит из тех, кто заслужил место своим выживанием на Джиджо, создавая этот мир. Выращивая детей, все атомы организма которых исходят из обновленной коры матери-планеты. И эти черты определяют музыкальную гармонию восьми.

С каждым вдохом мы вдыхаем Джиджо».

Так «ворчал» Фвхун-дау, издавая низкие вибрирующие звуки своим горловым мешком.

«Мы пьем ее воду. После смерти наши любимые опускаются в ее пропасть. И там мы присоединяемся к ритмам планеты».

Присутствие, присоединившееся к ним, было одновременно знакомым и ужасающим. Совет чувствовал его биение в каждой ноте флейты или мирлитона. Оно пронизывало треск погремушки глейвера и сухие эмпатические глифы титлала.

Поколениями Яйцо прикасалось к их мечтаниям. Его мягкая музыка была платой за каждое паломничество, помогая сплачивать единство Общины.

«Но на протяжении всех этих лет мудрецы знали. Оно спит. И мы не знаем, что произойдет, когда оно проснется».

Просыпается ли Яйцо из-за того, что совет наконец обрел недостающие части? Или жестокие джофуры прервали его сон?

Фвхун-дау нравится думать, что к этому приложил руку его старый друг Вуббен.

А может, просто пришло время.

Отголоски постоянно усиливаются. Фвхун-дау ощущает их ногами. Они возникают под поверхностью и нарастают, достигая крещендо. Высвобождение накопленной энергии. И цели.

Какая энергия! Что произойдет, когда она освободится полностью? Его мешок пульсирует в ворчании, болезненней и сильней, чем когда-либо раньше.

Фвхун-дау представляет себе, как с титанической силой взрывается горная кальдера, выплескивая потоки лавы на измученные склоны Праздничной Поляны.

Однако, как выяснилось, высвобождение пришло лишь с легкой дрожью земли.

Но мудрецы содрогнулись, когда высвобожденная энергия устремилась вперед быстрее мысли.

СКЛОН

К Нело, стоящему на развалинах бумажной мельницы, утомленному и расстроенному долгим возвращением домой, оно пришло длинной последовательностью запахов.

Сладким запахом размельченной в пульпу ткани, исходящей паром на экранах для сушки.

Горячим запахом кожи его покойной жены, когда она после долгого дня заботы об их необычных детях обращала свое внимание и на него.

Запахом волос Сары, когда той было три года, — к этому запаху привязываешься, как к наркотику.

Нело тяжело опустился на остаток стены. За долю кидура он ощутил множество различных чувств. Что-то в нем лопнуло, и он заплакал.

— Дети мои, — плакал Нело. — Где вы теперь?

Что-то говорило ему, что их нет больше на планете.

К Фаллону, привязанному и лежащему в ожидании смерти в подземном логове хищного роула, ощущение пришло в виде множества образов.

Загадочные остролистые деревья на равнине Восхода, так далеко на восток, как не пробирался никто другой.

Ледяные потоки северо-запада, огромные плывущие горы, со снежными башнями, высеченными ветром.

Мерцающие насмешливые галлюцинации Спектрального Потока и оазис Кси, куда ласковые иллии пригласили его провести дни своей старости, разделить с ними их тайны и благородных лошадей. Фаллон не плакал. Он знал, что Дединджер и его друзья за порогом этой пещеры в дюне слушают. И когда хищник вернется в логово, никакого удовлетворения от бывшего главного следопыта Общины они не получат.

Тем не менее поток воспоминаний подействовал на него. Фаллон уронил одну-единственную благодарную слезу.

«Жизнь имеет смысл только в твоих собственных глазах». Фаллон осмотрел свою жизнь и назвал ее хорошей.

Для Уриэль, занятой очередным срочным проектом, набежавшая волна была только нежелательной помехой. Напрасной тратой времени. Особенно когда все помощники отложили инструменты и уставились в пространство, испуская низкие почтительные стоны, или вздохи, или ржание.

Уриэль знала, что это такое. Благословение, на которое у нее был простой ответ.

Ну и что?

У нее слишком много дел, чтобы безрассудно тратить дуры на то, что не подвластно ее контролю.

Она сухо заметила на галдва:

Я рада, что ты наконец решилось.

Хвала тебе, о долгоживущее Яйцо. Ты наконец решилось действовать.

Но прости меня, если я не буду восхищаться слишком долго.

Ибо у многих из нас жизнь так коротка.

К Эвасксу — мгновение спустя и на расстоянии в пол световых года — оно пришло как короткая болезненная дрожь воска. Древнего воска, накопленного за многие джадуры прежней грудой — старым мудрецом треки.

Из общего сердечника груды невольно вырвался пар, миновал мастер-кольцо и плотным облачком выделился из верхнего отверстия.

Хвала судьбе.

Другие кольца отпрянули от Эваскса под действием уникальных запахов, порожденных джиджоанской почвой.

А старшая груда-священник автоматически среагировала на этот запах, поклонившись и добавив:

Аминь.

ЛАРК

— Ларк, дай руку!

Он дрожал, пытаясь справиться с припадком, который начался так внезапно, заставив ухватиться за амулет, висящий на шее. Ларк крепко сжимал камень, даже когда тот начал жечь руку.

Прижавшись за странными обелисками, их единственной защитой в просторной контрольной рубке джофуров, Ларк не посмел закричать от боли. Он старался не биться, а Линг обеими руками пыталась разжать его кулак. Наконец камень высвободился, упал на пол, оставив запах сожженной плоти. И даже сейчас температура продолжала повышаться. Они пятились, а камень все больше разгорался. Он начал светиться, так что на него трудно стало смотреть.

— Нет! — хрипло прошептал Ларк, когда Линг, пригнувшись, потянулась к ремешку. К его удивлению, ремешок по-прежнему держался. Линг схватила его, дважды взмахнула над головой и словно выпустила из пращи осколок солнца.

Талисман Ларка по дуге пролетел над заполненным помещением к центру.

Последовал отчаянный свист, сопровождаемый волной запахов, таких подавляющих, что Ларка едва не вырвало.

— Какого дьявола ты... — начал он, но Линг потянула его за руку.

— Нам нужно отвлечение. Идем, это наш единственный шанс.

Линг мигнул, пораженный силой привычки. Он действительно рассердился на нее за то, что она бросила его амулет.

Ему даже пришлось подавить стремление броситься за этим проклятым камнем!

«Оставь его, и скатертью дорога», — подумал он и кивнул Линг.

— Хорошо, пошли.

ДВЕР

Внутри корабля-макета он упал на пол. Его вырвало, и он лишился того немногого, что еще оставалось в желудке.

Но посреди этого неприятного опыта другой, совершенно особый тип безориентации обрушился на Двера. На мгновение ему показалось, что в голову забрался Один-В-Своем-Роде и снова пытается заговорить. Странное головокружительное ощущение могло бы даже показаться приятным, если бы тело не сотрясалось от позывов к рвоте.

«Джофуры быстро покончат с моим маленьким урским шаром. И перейдут к следующему пузырю».

При нормальном тяготении, наверное, было бы невозможно подняться вдоль всей длины корабля и добраться до его кормы. Но Двер старался воспользоваться условиями, в которых оказывался, и вскоре научился летать.

ЛАРК

Они бежали по задымленному коридору, преследуемые гневными криками и редкими вспышками молний, когда взрывы сотрясали плиты пола. Волна воздуха ударила людей сзади, сбив их с ног.

«Мы это сделали», — подумал Ларк, решив, что враги применили какое-то оружие.

Однако, оглянувшись через плечо, он заметил, что роботы неожиданно повернули и направились в другую сторону! В шумную бурю клубящейся черной сажи, вылетавшей из контрольной рубки.

— Ты думаешь?.. — начал он.

Линг покачала головой.

— Джофуры выносливы. Сомневаюсь, чтобы взрыв мог им что-нибудь сделать. Только на время вывел из строя.

«Что ж, — подумал он. — Ведь это был всего лишь кусочек камня».

Ларк остро ощущал его отсутствие.

Он помог Линг встать, по-прежнему опасаясь роботов, которые могут вернуться.

— Наверно, теперь они знают о нас.

Они снова побежали. Несколько дуров спустя Линг со смехом согласилась:

— Да, наверно, знают.

ДЖИЛЛИАН

Было зафиксировано пси-излучение, на мгновение охватившее всю планету. Вскоре после этого офицер у детектора сообщил об изменении картины на тактическом экране.

— Взгляните на это!

Джиллиан увидела. Положение корабля джофуров изменилось. Яркий красный диск на мгновение замерцал. «Хвост» из крошечных алых точек, который подтягивался все ближе к кораблю, теперь расслабился и начал постепенно отходить.

«Похоже, враг выбросил все захваченные макеты. Могу лишь предположить, что они научились быстро оценивать добычу. Теперь корабли-макеты независимо двинутся к Измунути, а боевой корабль, освободившись от них, быстрее догонит нас».

Надежды Джиллиан, ожившие с приходом пси-волны, снова развеялись.

— Нам нужно приготовиться к последней схватке, — негромко сказала она.

Дельфины молчали. Ни одного сонарного щелчка. Они словно не хотели овеществлять этот момент, делать его реальным, издавая звуки.

— Минутку! — сказал Каа. — Джофур сбрасывает скорость! Возвращается, чтобы забрать выброшенную нить!

— Но... — Джиллиан замигала. — Неужели они упустили ее случайно?

Голограмма Нисса начала вращаться, потом абстрактным кивком согласилась с такой возможностью.

— Возможна гипотеза. Пси-волна, которую мы зафиксировали, была слишком слаба, чтобы подействовать на боевой крейсер, если только не имела специального назначения.

— Объясни.

— Она могла послужить детонатором и — случайно или намеренно — ускорить высвобождение возможностей, которые уже существовали, допустим, на борту корабля джофуров.

— Иными словами, волна все-таки подействовала на них. Может, вызвала события, которые помешали...

— Именно. Если это заставило джофуров временно потерять контроль над цепочкой захваченных кораблей, они, конечно, вернутся, чтобы снова захватить их, хотя это и задержит их. Потому что заподозрят, что именно освобождение кораблей и было целью этой пси-волны.

— Иными словами, она станут еще тщательней проверять каждый ящик захвата. Гм-м-м.

Джиллиан кивнула, затем спросила:

— Много у них на это уйдет времени?

Каа забил плавниками.

— Довольно много. Однако недостаточно. Мы доберемся до короны Измунути, но враг будет так близко, что без труда сможет преследовать нас с помощью детекторов. Плазма для него не послужит помехой.

Джиллиан кивнула.

— Что ж, положение слегка улучшается. А одна-две хитрости еще улучшат его.

Дельфины понимающе зафыркали и снова принялись за работу, издавая уверенные щелчки. Именно так сказал бы Том в подобной ситуации.

Но на самом деле Джиллиан не знала, какой план был бы достоин его имени.

САРА

Говорили, что с Джиджо пришла пси-волна, но Сара ничего не ощутила.

Неудивительно. Из троих детей Мелины Двер всегда казался самым чувствительным, в то время как она, самая логичная из всех, никакой чувствительностью не обладала. И до недавнего времени совсем не интересовалась подобными проблемами.

А теперь подумала: «Может, это и есть то, что нам нужно искать, как сказал Пурофски?»

Сидя в своей каюте за рабочим столом, она обратилась к портативному компьютеру:

— Относительно этой пси-волны — есть ли у нас оценка ее гиперскорости?

— Только очень приблизительная. Она распространялась примерно со скоростью два миктаара за мидур.

Сара попыталась сделать мысленный расчет, переводя в термины, которые знает лучше, например, световой год. Потом сообразила, что машина может все это представить графически.

— Покажи мне.

Появилась голограмма, на которой ее родная планета была представлена голубой точкой в нижнем левом квадранте. «Стремительный» — желтая вспышка вверху справа, его сопровождают другие точки, представляющие корабли-макеты второго роя. Алый конвой — корабль джофуров и плененные им корабли — тем временем возобновил преследование.

Компьютер наложил на эту картину сетку из пересекающихся линий. Сара знала, что это волновые векторы в гиперпространстве нулевого уровня. Математика достаточно простая. Но Саре потребовалось некоторое время, чтобы освоиться с трехмерным изображением. Потом она присвистнула.

— Это не обратный квадрат. Это даже не один сверх R. Волна была направленной.

— Сжатый направленный волновой пакет, резонирующий на первой, третьей и восьмой волнах.

Компьютер погрузился в пси-жаргон, который Сара не понимала. Но ей было достаточно увидеть, что пакет был направленным. И пик его проходил точно через «Стремительный» и его преследователя.

Это не могло быть совпадением. Это значит, что великая сила Джиджо точно знает, где находятся оба корабля, и...

Сара сдержала себя.

«Не хватайся за первую догадку, пришедшую в голову. Что, если мы совсем не были целью луча?

Просто оказались на пути между Джиджо и...»

Она вскочила на ноги.

— Покажи Измунути и пункт перехода!

Масштаб изображения изменился, уменьшился, так что теперь «Стремительный» находился на полпути к предполагаемой безопасности яростного красного гиганта.

А за ним складка пространства. Искажение ткани реальности. Место, куда направляешься, если хочешь неожиданно оказаться очень далеко.

И хотя нужны возможности компьютера, чтобы ясно показать его, пункт перехода не невидимка. Измунути выпячивается в его направлении, посылая охряные выбросы к этой дыре в пространстве.

— Когда пси-волна достигнет Измунути?

— Она уже достигла ее.

Сара с трудом глотнула.

— Тогда покажи мне предполагаемую... — Она порылась в памяти, ища слова, которые встречала в текстах, но сама редко использовала. — Покажи вероятные гиперотклонения, когда пси-волна достигла красного гиганта. Увеличь метастабильные области обращенных запасов энергии с потенциалом для стимулированной эмиссии на тех волнах, которые ты упомянул.

На лице Сары появились отблески многочисленных разноцветных линий и дуг.

Она широко распахнула глаза, на мгновение вокруг зрачков показались белки. Сара беззвучно произнесла одно слово.

Затем схватила ближайшую стопку бумаги — это оказалась лучшая бумага производства ее отца — и записала две колонки координат.

Джиллиан Баскин ответила на ее срочный звонок, хотя казалась занятой и слегка раздраженной.

— Сара Кулхан, у меня на самом деле нет времени.

— Есть, — убежденно ответила Сара. — Через сорок дуров ждите меня в вашем кабинете. Вам обязательно нужно это услышать!

РЕТИ

Молодая женщина сидела в закрытой комнате. Она была совершенно одна, пока кто-то не постучал.

На самом деле она не была одна, с ней был йии.

Больше того, постучали не в дверь, а в окно у нее под ногами. Тем не менее это очень удивило ее. Рети подпрыгнула и постаралась отодвинуться от звука, который с каждым ударом становился все громче.

...он идет отсюда! — крикнул йии, указывая своей длинной шеей.

Рети сразу увидела, что он имеет в виду. Под окном скорчился какой-то силуэт, освещенный сзади золотистой дымкой, окружающей бесполезный корабль. Фигура с искаженными пропорциями держит какой-то тупой предмет и бьет им.

На этот раз в месте удара по стеклу пошли тонкие трещинки.

...враг прорывается!

Рети представила себе космических чудовищ, но не испугалась. Она не собирается отдавать свои владения захватчику — джофуру, роботу или кому угодно.

Еще один удар пришелся в то же место. Ясно, что нужно еще несколько ударов, чтобы причинить окну серьезные повреждения. Подбодренная тем, что увидела противника, Рети

направилась к неясной фигуре. Прижалась к стеклу и выглянула наружу.

Вначале все расплывалось. Потом существо как будто заметило ее присутствие и тоже прислонилось к окну. Рети разглядела что-то вроде развевающегося купола из свернутой ткани. Она поняла, что это импровизированный шлем.

А внутри этого защитного пузыря...

— Ай! — крикнула она, отшатываясь, как от привидения.

А когда снова посмотрела, фигура снаружи начала делать отчаянные жесты, указывая в сторону корабля.

— А, да, — сказала она. — Я ведь заперла люк.

Рети энергично кивнула — так, чтобы гость смог увидеть, и вдоль наклонных стен заскользила к зажатой двери. Сняла брус, которым закрыла дверь изнутри, чтобы не дать Чучки вернуться.

Люк открывался медленно, давая Рети подумать, не обманули ли ее глаза. Может, это просто уловка какого-то существа, умеющего читать мысли и посылающего ей образы из ее прошлого.

Наконец открылась и внутренняя дверь, и ввалился Двер Кулхан, срывая импровизированную оболочку, которую он использовал как грубую жизнеобеспечивающую систему. К тому времени как Рети помогла ему перерезать приклеенные части, сорванные со многих кораблей вдоль цепочки, лицо его посинело. Молодой охотник тяжело дышал, а Рети отступила от него и смотрела. Наконец он настолько пришел в себя, что поднял голову и встретился с ее недоуменным взглядом.

— Мне следовало бы догадаться, что это ты, — покорным тоном произнес Двер.

А Рети в то же время сказала:

— Ифни! Неужели я никогда от тебя не избавлюсь?

ЭВАСКС

Нужно взвесить все возможные варианты и сделки.

На Измунути разворачивалась атмосферная буря, а наша груда-тактик тем временем заявила, что потеряно ценное время.

Три цели-роя уходят впереди от нашего могучего «Полкджи».

Первый войдет в бурю, когда мы его настигнем.

Второй мы догоним в момент максимального гиперболического изменения инерции.

А третий?

Третий достигнет пункта перехода, и у него будет достаточно времени, чтобы перейти на иной, более высокий уровень гиперпространства.

Таким образом, саботаж в контрольной рубке создал серьезные проблемы для нашего капитана-лидера, который скоро должен вернуть себе свои способности. А тем временем тактик предлагает план.

МЫ ДОЛЖНЫ ВЫБРОСИТЬ ЯЩИКИ ЗАХВАТА, КОТОРЫЕ СДЕРЖИВАЮТ НАС.

Теперь они на курсе к Измунути. Если наша добыча находится внутри одной из мерцающих оболочек, она скоро должна будет проявить себя или рисковать уничтожением.

ОСВОБОДИВШИСЬ, НАШ «ПОЛКДЖИ» НАПРАВИТСЯ ПРЯМО К ПУНКТУ ПЕРЕХОДА!

Таким образом мы сумеем расположиться между нашей добычей и путем ее спасения. Конечно, такое стремительное маневрирование приведет к некоторому мертвому ходу, но оно же положит конец всем надеждам землян, в каком бы рое они ни находились. А их последующая деятельность позволит нам установить, какой корабль управляется разумными существами, а не простой автоматической программой.

Охотничьи запахи заполняют наш мостик. Все стремятся к скорейшему завершению преследования. Для «Полкджи» будет чрезвычайно почетно победить землян, не обращаясь за помощью к великому клану. Добиться успеха там, где потерпели неудачу целые флоты. Как это будет великолепно!

А теперь за порученное нам дело, Мои кольца!

На нашем дредноуте есть вредители. И наш поврежденный/покрытый сажей мостик опозорен в присутствии библиотекаря/наблюдателя.

Вредители должны быть найдены. Я/мы признан наиболее квалифицированным для такой охоты, потому что Я/мы обладаю опытом общения с людьми.

Итак, каков наш первый шаг, Мои кольца?

Обратиться к пленному человеку!

К тому, который называет себя Ранном.

Он поможет найти своих прежних товарищей. Он уже проявил свою склонность к этому.

Возрадуйтесь, Мои кольца!

Таким образом мы докажем свою полезность и избежим расчленения. Если достигнем успеха, мастер-кольцо получит награду и повышение.

Дрожите в радостном предчувствии, Мои кольца! «Полкджи» направляется к очередной победе в космосе, а мы начинаем охоту внутри него.

ЭМЕРСОН

Двигатели говорят с ним на языке, который он по-прежнему понимает.

Когда он работает с калибраторами, может показаться, что он стал прежним. Хозяином машин. Прирожденным механиком. Человеком, который заставляет летать звездные корабли.

А потом что-нибудь напомнит ему. Письменный отчет на экране или голос робота, перечисляющего параметры. Прити не может служить ему переводчиком: язык жестов не способен передать тонкости гиперволновых трансформаций.

Товарищи уважают старания Эмерсона. Они радуются его желанию помочь и удивлены тем, что это у него получается.

Но он теперь понимает, что они потакают ему.

Положение никогда не будет прежним.

Долгая вахта кончилась. Суэсси приказывает ему отдохнуть. Поэтому он вместе с Прити отправляется в трюм и навещает глейверов, чувствуя свое сходство с этими простыми существами, почти так же лишенными речи, как и он сам.

Олвин и Гек обмениваются издевками и остротами на англике, его родном языке, но он способен следить только за общим тоном их дружеского общения. Они внимательны к нему, но и здесь он не находит утешения.

Он ищет Сару и обнаруживает ее наконец в помещении для совещаний, окруженную штатом Джиллиан. В центре комнаты висит изображение гигантской яростной красной звезды, через ее пламенеющую оболочку проложены многочисленные орбиты. Некоторые проходят совсем близко, обещая с помощью эффекта пращи направить «Стремительный» к пункту перехода — изогнутому туннелю в пространстве. Тактика выглядит нелегким испытанием даже для такого пилота, как Каа. Но этот подход наиболее очевиден.

Нет никакого сомнения, что враг ожидает именно такого маневра.

Другие орбиты не имеют смысла; огибая красный гигант, они уводят от дыры в пространстве. Уводят от единственного способа уйти из этой опасной части запретной галактики.

Позволить врагу первым достичь пункта перехода — такое решение кажется самоубийством.

С другой стороны, скорость, с которой приближается корабль джофуров, не оставляет «Стремительному» выбора. Может быть, Джиллиан и Сара собираются направиться в глубокий космос и скрыться среди обожженных скал, которые когда-то были планетами — до того как Измунути разбух и пожрал своих детей.

Эмерсон наблюдает за Сарой, поглощенной работой. Как будто никто не замечает такой самонадеянности и несоответствия — дикарка, родившаяся на Джиджо, дает указания ученым, летающим меж звездами. В такие времена идея значит больше опыта.

Наконец это несоответствие заставляет его улыбнуться и отчасти возвращает хорошее настроение. Он начинает испытывать оптимизм.

«В конце концов, разве и раньше не приходилось бывать в положении, когда все шансы против тебя?»

* * *

За мостиком есть обсервационный купол. Подняться туда можно только по витой лестнице, ступени которой расположены слишком близко друг к другу. Маленькое помещение осталось от тех, кто некогда владел «Стремительным» — до того, как его купили земляне и переделали с учетом потребностей дельфинов. Чтобы добраться до этого уютного местечка, требуется большая ловкость. Это тайное убежище Эмерсона.

В одном конце толстое кварцевое невероятно прочное выпуклое стекло позволяет посмотреть наружу. Здесь звездный свод обнажен, его ничто не затмевает, и он окружает Эмерсона вечной ночью. Нос корабля закрывает Измунути, но обширные местные галактические спирали сверкают, как бриллиантовые. Шаровые скопления похожи на диатом, фосфоресцирующих в освещенном луной море. Придя в себя на Джиджо, Эмерсон не думал, что сможет снова увидеть это зрелище. Увидеть вселенную.

Она вливается в него своим избытком красоты. Ее слишком много. И это причиняет боль.

Конечно, Эмерсон целый год провел в знакомстве с самыми разными видами боли, пока она не стала чем-то вроде друга. Его союзником, помогающим высвобождать воспоминания. И когда он смотрит на звездный огонь, это происходит снова.

Он вспоминает вонь — сразу после крушения на Джиджо, когда горящую одежду погасила мутная болотная вода. Он смутно помнит, что только что участвовал в бою. Он предпринял отвлекающий маневр — принес себя в жертву, чтобы помочь спастись друзьям.

Но это неправда.

Это прикрытие истинной истории.

На самом деле Древние извлекли его из старого теннанинского истребителя. Они щупали его, исследовали. Много дней и недель они рылись в его мозгу, а потом посадили в маленькую капсулу. В трубу, которая стиснула.

Эмерсон стонет, вспоминая, как полет кончился падением на Джиджо, в ужасное болото, где его нашла Сара.

Он представляет себе Древних. Вернее, части их. Холодные глаза. Жесткие голоса, требующие забыть. Забыть и в то же время осуждающие на жизнь.

Я знаю, что вы солгали.

Приказ пытается подавить его волю. Боль становится такой сильной, какой он никогда не испытывал.

Боль примитивная, как окружающий его черный вакуум.

Как льющиеся космические лучи.

Как мириады квантовых слоев, подхватывающие каждый кварк и каждый лептон в его потрясенном организме.

Из-за этого он не может сфокусировать зрение, смотрит сквозь боль, которая превращает бесчисленные звезды в колющие иглы.

Но вот одна из этих точек обретает форму. Она извивается, бьется, движется зигзагами.

Плывет, соображает он. Приближается к нему, словно против течения, преодолевая мощный прилив. Фигура всплывает из памяти, но вместо того чтобы принести новое горе, это воспоминание словно рассеивает боль. Оно отталкивается сильными плавниками, и успокаивающий поток покрывает Эмерсона.

В фокусе оказывается лицо дельфина.

Капитан.

Крайдайки.

Это изуродованное лицо, под левым глазом у него глубокая рана. Слишком похожая на рану Эмерсона, чтобы быть совпадением.

Объяснение приходит к нему в звуках.

Мошенникам и лжецам
Не хватает воображения,
Они жестоко воруют идеи!

Эмерсон сразу понимает смысл хайку на тринари. Древние каким-то образом прочли в его мозгу о ране Крайдайки. Казалось, это соответствует их целям, поэтому они нанесли

пленному человеку такую же рану. Как можно лучше всего отпустить его и при этом быть уверенным, что он ничего не расскажет?

Но это все же оставляет открытым вопрос — зачем? Зачем они вообще его освободили, хотя это означает сумеречное существование?

Какие у них были мотивы?

Все в свое время.

Фраза вызывает у него улыбку, потому что он воспринимает ее так, как никогда не воспринимал раньше.

Простое, чистое значение.

...свое время.

Эмерсон, освободившись от боли, смотрит на галактику. Теперь он понимает, что боль тоже была иллюзией. Продуктом преувеличенного сознания собственного значения, которое враги использовали против него.

На самом деле океан ночи слишком велик и слишком занят, чтобы интересоваться его болью. Развивающаяся вселенная не может заниматься проблемами одного-единственного индивида, члена одного из низших порядков разумной жизни.

Зачем ей это?

И вообще привилегия ли это — существовать? В конечном счете он всем обязан космосу, а космос не обязан ему ничем.

Эмерсон умудряется воспользоваться последней возможностью связи со своим капитаном и другом. Ему все равно, призрак ли этот улыбающийся дельфин, мираж или какое-то чудесное подлинное изображение. Он знает только, что урок Крайдайки правдив.

Нет никакого препятствия, никакой раны или жестокого удара судьбы, которые нельзя было бы превратить в песню.

На мгновение Эмерсон ощущает музыку в каждом луче звездного света.

Когда зимний тайфун
Бросает в тебя
Песчинки,
Острые и сверкающие,

И мироздание,
Объединившись,
Бросает тебя
Во Время перемен,

В тот момент,
Когда перехватывает дыхание
И вытекает
Парящая кровь твоей жизни,

Осмотри этот яркий риф,
Мой дорогой друг,
Поищи дар,
Который можно передать другому,

Чтобы как-то заранее
Заплатить
За все данные тебе
Блага.

Ибо в свое время
Ты увидишь далеко впереди
На Береге Бесконечности
Новую перспективу.

ПЕРЕЧЕНЬ РАЗУМНЫХ РАС

Г'кеки — первая раса сунеров, прибывшая на Джиджо около двух тысяч лет назад. Возвышенные расой друли, г'кеки обладают биомагнетически приводимыми в движение колесами и глазными стебельками вместо голов. Большую часть своего периода разумности они жили не на планетах. Г'кеки исчезли во всех Пяти Галактиках и сохранились только на Джиджо.

Глейверы — третья раса сунеров на Джиджо. Возвышенные таннуктайурами, которые, в свою очередь, были возвышены буйурами, глейверы способны передвигаться на двух конечностях, у них опалесцирующая кожа и большие выпуклые глаза. Примерно в метр ростом, они обладают раздвоенным хватательным хвостом, который помогает их не очень эффективным рукам. Со времени незаконного поселения на Джиджо они регрессировали до состояния предразумности. Для некоторых глейверы — это блестящий образец для подражания, показывающий всем путь к Тропе Избавления.

Джофуры — организмы, напоминающие заостренную коническую груду пончиков; подобно своим родичам треки, джофуры состоят из сменяемых губчатых «сочных колец», обладающих ограниченным разумом. Объединившись, эти кольца

создают разумное общинное существо. Специализированные кольца служат груде органами чувств, манипулирующими органами и иногда обладают поразительными химосинтезирующими способностями. В виде треки эта уникальная раса была возвышена поа. Позже фанатичные оайлие снабдили их «мастер-кольцами», которые трансформировали треки в джофуров, своенравных и предельно честолюбивых.

Квуэны — четвертая раса сунеров на Джиджо. Возвышенные зошами, квуэны обладают радиально симметричным экзоскелетом с пятью ногами, вооруженными когтями. Их мозг частично располагается в убираемом центральном куполе. Мятежное племя квуэнов поселилось на Джиджо, чтобы сохранить древнюю кастовую систему, в которой серая разновидность поставляла королев-матриархов, а красная и синяя разновидности были слугами и ремесленниками. Условия на Джиджо, включая более позднее появление людей, привели к крушению этой системы.

Люди — самая молодая раса сунеров, прибывшая на Джиджо менее трехсот лет назад. «Волчата» люди эволюционировали на Земле, где, возможно, самостоятельно достигли стадии технологической цивилизации и примитивных космических полетов. Их величайшее достижение — возвышение неошимпанзе и неодельфинов.

Ротены — загадочная галактическая раса. Одна группа людей (даккины, или даники) верит, что ротены и есть утраченные патроны землян. Ротены — двуногие существа, крупнее людей, но с такими же пропорциями. Их считают плотоядными.

Тимбрими — гуманоидная раса, союзник земного клана. Известны своим умом и дьявольским чувством юмора.

Титлалы — раса, считавшаяся не поддающейся возвышению. Возвышены тимбрими.

Треки — вторая по времени раса незаконных поселенцев на Джиджо. Треки — это предшественники джофуров, сбежавшие от навязываемых им мастер-колец.

Уры — шестая раса сунеров на Джиджо. Плотоядные кентавроподобные обитатели травянистых равнин; у них длинные гибкие шеи, узкие головы и лишенные плеч руки, которые заканчиваются проворными пальцами. Уры начинают жизнь в виде крошечных шестиногих личинок, которых матери выбрасывают из сумок и предоставляют самим заботиться о себе. Всякая личинка, дожившая до «детства», может быть принята в урское племя. Самки уров достигают размеров крупного оленя и обладают двумя сумками, в которых держат миниатюрных мужей, размером меньше домашней кошки. Самка, у которой должны родиться личинки, выбрасывает одного или обоих мужей, чтобы освободить место для потомства. Уры испытывают отвращение к воде в ее чистой форме.

Хуны — пятая волна поселенцев на Джиджо, двуногие всеядные со светлой чешуйчатой кожей и ногами, поросшими белой шерстью. Их позвоночники — это массивные полые сооружения, представляющие собой часть циркуляционной системы. Горловой мешок хунов, первоначально использовавшийся в брачных столкновениях, теперь применяется для «ворчания». Будучи возвышенными гушатса, хуны стали повсеместно известны как скучные и педантичные чиновники галактической культуры.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Англик — человеческий язык, созданный в двадцать первом веке с использованием многих английских слов, но под воздействием других доконтактных языков и модифицированный в соответствии с новейшим пониманием лингвистической теории.

Библос — крепость, в которой содержится архив, или собрание книг; нечто вроде объединения университета с центральной библиотекой; Библос оказал огромное влияние на джиджоанскую культуру.

Бибур — река, на которой стоит Библос; в городе Тарек сливается с Рони.

Буйуры — прежние законные обитатели Джиджо, внешне похожие на лягушек и известные своим умом, предвидением и мастерством в создании генетически преобразованных специализированных животных-инструментов. Улетели с Джиджо, объявленной невозделанной, почти полмиллиона лет назад.

Великая Печать — внезапное введение бумажных книг, предпринятое людьми вскоре после прибытия на Джиджо.

Великий Мир — период усиливающегося взаимопонимания Шести Рас, приписываемый либо влиянию Библоса, либо появлению Святого Яйца и симбионтов реуков.

Взрывник — специалист по разрушению, который минирует поселки Шести Рас для быстрого их уничтожения в Судный День. Штаб-квартира гильдии взрывников расположена в городе Тареке.

Влен — редкая форма воспроизводства треки, при которой от взрослого отпочковывается маленькое кольцо.

Возвышение — процесс превращения предразумных животных в разумную расу, способную присоединиться к галактическому сообществу. Совершается расой патронов.

Волчата — уничижительный галактический термин, обозначающий расу, которая как будто возвысила себя сама до стадии космических полетов, без помощи патронов.

Галакт, галактический — личность, раса, концепция или технология, возникшие в древней цивилизации Пяти Галактик.

Галактическая Библиотека — фантастически большое собрание знаний, накопленных в течение сотен миллионов лет. На большинстве галактических звездных кораблей и в галактических поселениях имеются квазиразумные «отраслевые Библиотеки».

Галактические Институты — большие влиятельные учреждения, предположительно нейтральные и не вмешивающиеся в межклановую политику. Институты поддерживают различные аспекты галактической цивилизации. Некоторым институтам свыше миллиарда лет.

Гентт — река к северу от горы Блейз.

Годы изгнания — эпоха, начавшаяся с прибытием на Джиджо первой расы сунеров.

Грок — слово на англике с неясным происхождением, обозначающее понимание явления или концепции во всей глубине. Синонимично шотландскому ken.

Гуэнн — вулкан, на котором расположена кузница Уриэль.

Даники (даккины)— упрощенное произношение термина «даникениты»; направление общественной мысли и культуры, возникшее вскоре после установления первого контакта с галактической цивилизацией. Даники верят, что земляне были возвышены расой патронов, которые по неизвестным причинам предпочли оставаться неизвестными. Часть даников считает, что этой расой мудрых и загадочных патронов являются ротены.

Джадур — приблизительно сорок три часа.

Джиджо — планета в Четвертой Галактике. Дом семи рас сунеров: людей, хунов, квуэнов, уров, г'кеков, регрессировавших глейверов и «демодифицированных» джофуров, известных как треки.

Джофекка — планета — родина джофуров.

Доло — деревня на реке Рони, известная своей фабрикой по изготовлению бумаги.

Дуден — старейший и самый крупный поселок г'кеков.

Дур — примерно треть минуты.

«Ереси» — различные представления о судьбе Джиджо, разделяемые группами, которые не согласны с высокими мудрецами. Одни считают, что галактический закон справедлив и что Джиджо было бы лучше без «заражения» расами сунеров. Другие придерживаются более ортодоксального толкования Священных Свитков и полагают, что каждая раса должна искать спасения на Тропе Избавления. Одна из наиболее редких ересей называется «прогрессом».

Занги — водороднодышащая раса, ее представители внешне напоминают огромного моллюска. Живут в атмосфере газовых гигантов. Институт Миграции отвел весь район Джиджо этим водороднодышащим; разумные существа, которые дышат кислородом, не должны появляться здесь в течение долгого периода, пока эта зона считается невозделанной. Патрульные шары зангов, которых все боятся, изредка посещают Джиджо.

Земной клан — маленькое эксцентричное галактическое «семейство» разумных рас, включающее неошимпанзе, неодельфинов и их патронов-людей.

Зош — патроны квуэнов.

Зукиры — служебные животные, выращенные г'кеками, способные запоминать и повторять сообщения, но не такие умные, как неошимпанзе.

Измунути — гигантская красная звезда, опасно близкая к солнцу Джиджо; посылаемый ею углеродный ветер маскирует Джиджо от наблюдения со стороны Института Миграции.

Илия — матриархальное племя женщин-всадниц, живущее тайно на Спектральном Потоке.

Ифни — вероятно, вульгаризация английского infinity — бесконечность. В традиции космонавтов это имя богини удачи. Персонификация вероятности, или закона Морфи.

Каменный Кулак — огромная каменная плита над Библосом, подготовленная взрывниками; она должна уничтожить Библос в Судный День.

Кидур — примерно половина секунды.

Кикви — предразумная раса амфибий, живущих на Китрупе.

Китруп — водяная планета, богатая тяжелыми металлами, где «Стремительный» потерял капитана Крайдайки и многих других членов экипажа, уходя из смертоносной ловушки.

Клиенты — раса, отрабатывающая период служения патронам, которые возвысили ее из предразумной животной стадии.

Кси — оазис, луга посреди Спектрального Потока, где живут иллии.

Лорники — одомашненные животные, выращенные квуэнами в качестве слуг. Лорники радиально симметричны, обладают четырьмя ногами и четырьмя руками с тремя пальцами.

Лусен — самый крупный из трех спутников Джиджо.

«Мечта Вуфона» — подводная лодка, построенная Клешней с помощью Олвина, Гек и Ур-ронн. Оборудована кузнецом Уриэль.

Мидур — единица измерения времени. Примерно семьдесят одна минута.

Моргран — пункт перехода, где на «Стремительный» впервые напал флот фанатичных религиозных кланов.

Мульк-пауки — форма жизни, созданная для уничтожения зданий и технологических приспособлений на мирах, объявленных невозделанными.

Мульч-церемония — уничтожение мертвых тел, возвращение плоти в экосистему Джиджо. Обычно происходит путем поглощения плоти специализированными кольцами треки. Остатки, не поддающиеся переработке, рассматриваются как мусор и отправляются в Помойку.

Мусор — не поддающиеся биообработке материалы, которые сбрасываются в Помойку для рециклирования во внутреннем тектоническом огне Джиджо.

Неодельфины — возвышенные дельфины, клиенты человечества.

Неошимпы, неошимпанзе — возвышенные шимпанзе, первые клиенты человечества. Полностью возвышенные неошимпанзе могут говорить; «незавершенный» вариант — неошимпанзе, не умеющие говорить, — сопровождал людей на Джиджо.

Ниханик — один из доконтактных человеческих языков, возникший как гибрид японского и китайского-ханьского.

Нуры — умные, проворные и озорные существа, внешне похожие на выдру. Нуров невозможно приручить, но терпеливые добродушные хуны могут использовать некоторых нуров на своих кораблях. Другие расы сунеров считают нуров надоедливой помехой.

Оайлие — «приемные родители» джофуров по возвышению, члены фанатичного союза Обейер. Как специалисты по генной инженерии, оайлие переработали биологию и психологию треки, добавив мастер-кольцо, которое превратило их в джофуров.

Оакка — планета, на которой расположена региональная штаб-квартира Института Миграции и на которой «Стремительный» едва избежал предательства и пленения.

«Обитель» — крадущийся космический корабль, который свыше двухсот лет назад привез на Джиджо людей сунеров.

Пассен — самый маленький спутник Джиджо.

Патроны — галактическая раса, которая возвысила по крайней мере один вид животных до полного разума.

Пидур — шесть в седьмой степени дуров, или приблизительно четыре дня.

«Полкджи» — боевой корабль джофуров, который в поисках «Стремительного» приземлился на Джиджо.

Помойка — обширная подводная впадина, или зона изъятия, сформированная тектоническими плитами, которая проходит вдоль всего Склона. Мусор, накопленный разумными расами — от остатков скелетов до корпусов космических кораблей, — сбрасывается сюда, чтобы природные силы Джиджо унесли его под кору и переплавили.

Попугайская муха — своеобразное созданное буйурами насекомое, способное запоминать и повторять короткие сообщения. Первые люди на Джиджо усомнились в своей разумности, когда начали «слышать голоса».

Пориа — штаб-квартира даников, где небольшое человеческое население служит повелителям ротенам.

Праймал — полуязык, используемый естественными, невозвышенными дельфинами на Земле.

Прародители — легендарная первая разумная раса, которая два миллиарда лет назад начала цикл возвышения.

Пункт перехода — точка ослабленного пространства-времени, которая позволяет кораблю, правильно вошедшему в нее, лететь со скоростью быстрее скорости света.

Разрушитель — механическое приспособление, предоставляемое Институтом Миграции для устранения остатков технологической цивилизации на планете, объявленной невозделанной.

Раса — разумный клан на Джиджо, то есть г'кеки, глейверы, хуны, уры, треки, квуэны и люди.

Реук — симбионт квазигриб, который помогает Шести Расам «читать» эмоции и язык телодвижений друг друга.

Риммер — горный хребет, по которому проходит восточная граница Склона.

Святое Яйцо — загадочный массивный пси-активный камень, который появился из вулкана сто лет назад в сопровождении широко распространившихся видений и снов.

Священные Свитки — тексты неизвестного происхождения, единственные письменные материалы на Джиджо от отлета буйуров и до введения людьми печатных книг. Свитки учили г'кеков и последующих колонистов необходимости скрываться, заботиться о планете и идти по пути Избавления.

Спектральный Поток — непроходимая пустыня в центре южной части Склона, считавшаяся необитаемой. Покрыта пластами разноцветного пси-активного камня и выступами фотоактивных кристаллов.

«Стремительный» — земной космический корабль с экипажем из неодельфинов. Открытие, сделанное «Стремительным», привело к беспрецедентному преследованию корабля десятками галактических фракций, которые стремились завладеть тайнами дельфинов.

Стрессовый атавизм — состояние, встречающееся у недавно возвышенных видов, когда под влиянием стресса индивид утрачивает высшие функции сознания.

Судный День — согласно пророчеству, день, когда Шесть Рас Джиджо будут подвергнуты суду за их преступления. Многие надеялись, что к этому времени их потомки будут подобны глейверам — невинными и далеко прошедшими по Тропе Избавления.

Сунеры — преступники, которые пытаются колонизировать планеты, объявленные галактическим Институтом Миграции невозделанными. На Джиджо термин применялся к тем, кто основывал новые поселения за пределами Склона.

Тарек — самый большой город на Склоне, на слиянии Рони и Бибура. Штаб-квартира гильдии взрывников.

Террагентский Совет — орган правительства межзвездного человечества, занимающийся вопросами взаимоотношений между земным кланом и галактическим сообществом.

Топоргик — псевдоматериал, состоящий из органически спрессованного времени.

Торген — один из спутников Джиджо.

Трещина — ответвление Помойки, расположенное в южном конце Склона.

Тропа Избавления — цель ортодоксальных религиозных сект на Джиджо, которые считают, что расы сунеров должны регрессировать до состояния предразумности. Только так могут они избежать наказания за колонизацию невозделанного мира и получить второй шанс на возвышение. Глейверы уже вступили на эту Тропу.

Урчачка — родная планета уров.

Урчачкин — урский клан, который предоставил убежище женщинам и лошадям на Спектральном Потоке.

Фен — множественное число от «фин». Обозначение на англике неодельфинов.

Фрактальный мир, или Фрактальная система — место пребывания рас, покинувших цивилизацию Пяти Галактик. Огромное рассеянное сооружение, созданное из водородного снега, предназначенное для улавливания и использования энергии малой звезды.

Фувнтус — шестилапый вредитель на Джиджо, питающийся древесиной.

Хьюмикер — сленговое обозначение того, кто подражает людям, поскольку земные тексты по-прежнему преобладают в литературе Джиджо, много лет после Великой Печати.

Шимпанзе, или шимпы — частично возвышенная разновидность, которая сопровождала людей на Джиджо. Шимпы не умеют говорить, но способны общаться с помощью языка жестов.

Яйцо — см. Святое Яйцо.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.
Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.
В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к.1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «XL», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Брин Дэвид

Берег бесконечности

Фантастический роман

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Компьютерная верстка: С.Б. Клещёв
Младший редактор О.Ю. Котельникова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»
115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП "Издательство "Самарский Дом печати"
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Возвышение — процесс включения старшими космическими расами младших в галактическую культуру с помощью обучения и генной инженерии. Образующаяся при этом раса клиентов служит своим патронам определенное договором время.

Прародители — мифическая первая раса, основавшая галактическую культуру и Библиотеку несколько миллиардов лет назад.

Галакты — представители старших космических рас, которые образуют сообщество пяти галактик. Большинство из них являются патронами, участвуя в древнем процессе возвышения.

Клиент — раса, достигшая стадии разума благодаря генной инженерии, осуществленной расой патронов. Договорный клиент — раса, выплачивающая свой долг патрону согласно договору.

Перед вами сага о Возвышении.

Сага о борьбе землян за собственное место в многоликом Сообществе Пяти Галактик.

Сага, которая началась, когда земной звездолет «Стремительный» обнаружил давно забытый и блуждающий в космосе Брошенный флот Прародителей…

Сага, которая продолжается новой историей звездолета «Стремительный», нашедшего приют на запретной планете, на которой нет — и не должно быть — разумных существ.

Прыжок в Солнце
Звездный прилив
Война за Возвышение
Риф яркости
Берег бесконечности
Край небес

ISBN 5-17-019869-8

Д Э В И Д

БРИН

БЕРЕГ БЕСКОНЕЧНОСТИ